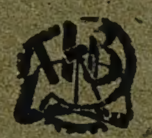
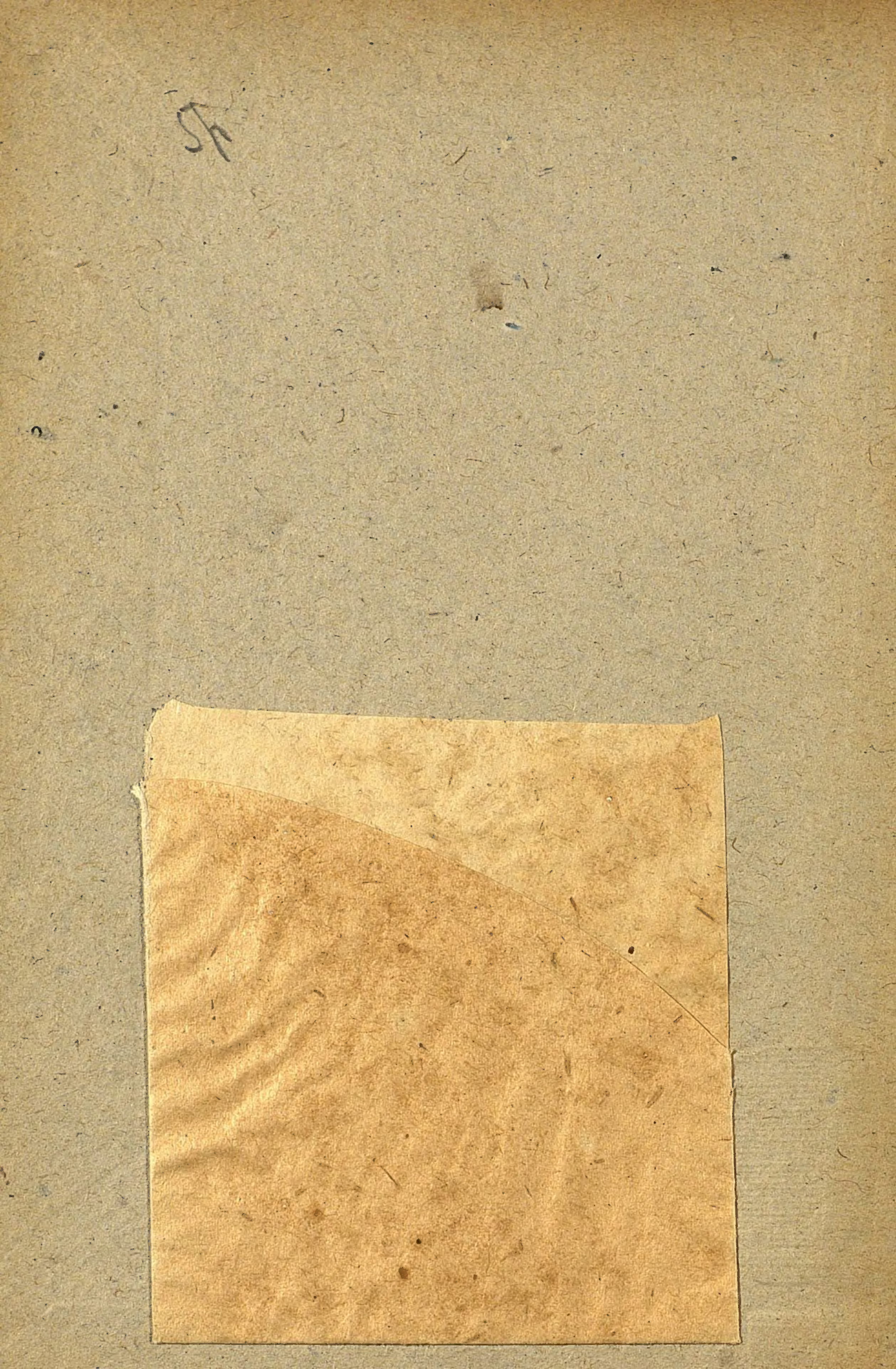
УЧЕБНИКИ И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ
ДЛЯ
ВУЗОВ

М. ДЬЯКОНОВ

ОЧЕРКИ ОБЩЕСТВЕННОГО И ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

УЧЕБНИКИ И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ ДЛЯ ВУЗОВ

М. ДЬЯКОНОВ

ОЧЕРКИ ОБЩЕСТВЕННОГО И ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ПРЕДИСЛОВИЕ М. Н. ПОКРОВСКОГО

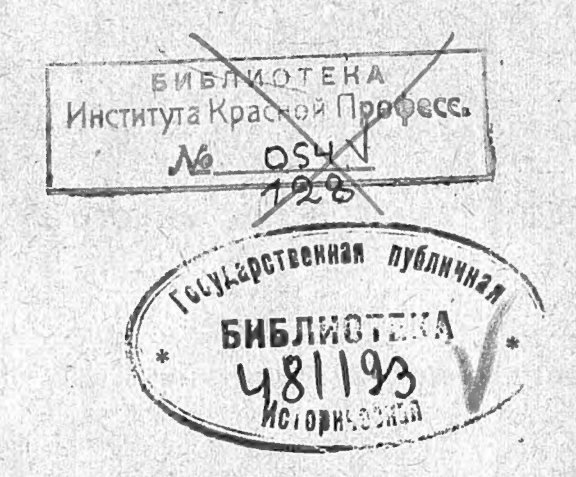
ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

Научно-политической секцией Государственного Ученого Совета допущено в качестве справочного пособия для ВУЗОВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1926 ☆ ЛЕНИНГРАД

Главлит № 56789. Гиз № 15385. Тираж 3000 экз.

Типография Госиздата „Красный Пролетарий“. Москва, Пименовская, 16.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Книга покойного академика Дьяконова, выходящая теперь новым изданием, является незаменимым справочным пособием для того, кто нуждается в строго проверенном и тщательно подобранном материале по истории общественных форм старой России до XVII в. включительно. Покойный историк «русского права» отличался чрезвычайной добросовестностью в том, что касалось фактического содержания его работ, и редкой содержательностью своих писаний: трудно сказать больше в такой небольшой по существу книжке.

Не следует только ждать от Дьяконова того, чего он дать не мог: объяснения русского исторического процесса. Его вступительные «методологические замечания» стоит сохранить как доказательство полного отсутствия у него чего-нибудь сколько-нибудь похожего на серьезную научную методологию. Чем-то бесконечно далеким веет от его рассуждений, начинающихся с Монтескье и опирающихся на такие свежие вещи как книга посредственного английского историка Фримана, вышедшая в 1873 г. И ему не приходит в голову, что, повторяя за Фриманом о «действии одинаковых причин, вызвавших и тождественные результаты», объясняющем сходство общественных учреждений различных стран, он становится на почву исторического материализма в его самой примитивной общей форме.

Но поскольку Дьяконов добросовестно суммирует факты, историческая диалектика выступает у него независимо от его воли и сознания. Это особенно сказалось на двух вставках выпускаемого теперь издания. Объясняя раньше возникновение «Уложения» царя Алексея заботами мудрого правительства о порядке и благосостоянии населения, он теперь, освободясь от пут царской цензуры, дает яркую, при всей своей сжатости, картину массового взрыва, неискренним и половинчатым ответом на который и была попытка ввести произвол московских воевод в «законные рамки». В другой форме та же диалектика выступает перед нами в другой вставке того же издания. До сих пор в вопросе о возникновении крепостного права боролись две точки зрения: одна, рассматривавшая

это возникновение как однократное событие, созданное царской волей—своего рода 19 февраля наоборот; другая, допускавшая тут известную эволюцию, но зато безо всякого участия правительственной власти, только регистрировавшей то, что создала «жизнь». Несколькими замечаниями о «заповедных летах» Дьяконов восстановляет равновесие: было волнообразное движение, были приливы и отливы. Крепостная неволя то надвигалась на крестьянство, то опять отступала. Связь этих приливов и отливов с волнами массового движения автор, к сожалению, не прослеживает, но идя от сообщаемых им фактов, уже нетрудно разобраться в истинной связи разбираемых им явлений.

В общем книга, как справочное пособие, безусловно полезна, более того,—необходима. Отсутствие ее на книжном рынке было большим пробелом. К тому же написана она ясным и простым языком, выгодно отличавшим всегда Дьяконова как писателя.

М. Покровский.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

История русского права занимает несколько обособленное положение в ряду наук, входящих в круг специального юридического образования. Она не имеет особого, своего собственного предмета изучения, как все другие юридические специальности, которые и отличаются друг от друга именно особым для каждой предметом исследования. Таковы государственное, международное, административное право, право гражданское, уголовное и пр. История права объемлет все эти предметы, она изучает и государство и право во всех его разветвлениях, но изучает их с особой точки зрения, изучает их в истории, т.-е. в историческом развитии. Эта особая точка зрения обусловливает и иные приемы изучения, выделяющие историю права в особую весьма обширную область знания, тесно связанную с историческими науками в силу общности методологических приемов изучения.

Здесь нет нужды входить в подробное рассмотрение особенностей исторической методы. Но не бесполезно остановиться на одном техническом приеме, завоевавшем себе в короткое время право гражданства, именно на приеме сравнительного изучения истории права.

Первая задача всякого исследователя сводится к тому, чтобы установить, констатировать явление или явления, подлежащие исследованию. Для историка эта задача гораздо труднее, чем для догматика, так как явления, подлежащие изучению, недоступны непосредственному наблюдению. Явления безвозвратно исчезли, оставив после себя лишь некоторые следы в виде вещественных и главным образом письменных памятников. По этим следам и надо прежде всего восстановить явления. Историку права приходится иметь дело исключительно с письменными памятниками. По ним-то и надо восстановлять факты и явления государственной жизни и юридических отношений. Но письменные памятники требуют осторожного и умелого обращения с ними: к ним надо относиться строго критически. Историческая критика прежде всего должна установить, можно ли пользоваться данным историческим памятником и в какой мере; она должна убедиться в подлинности памятника, датировать его, определить его источники. Многие памятники дошли до нас только в позднейших списках, что, в свою очередь, требует выяснения, в какой мере точно список сохранил все особенности оригинала. Все эти вопросы составляют область так называемой внешней исторической критики.

Но задача исторической критики этим не исчерпывается. Если памятник признан подлинным, приурочен точно к определенному времени, то отсюда еще не следует, что из него без дальнейших предосторожностей можно почерпать все данные о тех или иных исторических явлениях. Подлинность документа ставит его в ряду бесспорных исторических источников, но это еще ничуть не предрешает вопроса о достоверности сообщаемых памятником данных. «Выражение «подлинный» относится только к происхождению, а не к содержанию документа; назвать документ подлинным значит только сказать, что происхождение его не подлежит сомнению, но отсюда еще не следует, что и содержание его заслуживает доверие». Установить достоверность сообщаемых письменными памятниками данных, это—задача внутренней исторической критики и задача чрезвычайно трудная. Обычный и наиболее легкий прием внутренней исторической критики сводится к тому, что ею проверяется достоверность данных сравнением показаний о том или другом явлении нескольких письменных памятников, по возможности разнородных. Но это прием далеко не всегда возможный, особенно для более древних эпох. В затруднительных обстоятельствах историку может оказать серьезную помощь сравнительная метода.

Для построения исторических выводов историку неизбежно группировать явления. Прежде всего из подавляющего многообразия явлений исторической действительности он выделяет те, которые заслуживают, по его мнению, специального изучения, соединяет сходные явления данной категории и подмечает общие их признаки. Роль историка сводится, главным образом, к подмете единообразия или сходства в явлениях. Группа сходных явлений должна быть объяснена в связи с явлениями существующими, предшествующими и последующими. Чем шире круг наблюдаемых явлений, тем тверже почва наблюдателя, старающегося выяснить причины сходств или различий. Сравнительная метода стоит в тесной связи с указанным приемом наблюдения. С ее помощью историк может проверить свои выводы относительно данной группы явлений, сравнивая их с подобными же явлениями в исторической жизни другого народа или целой группы народов.

К сравнениям исторической жизни различных наций прибегали с давних пор. Стоит припомнить Монтескье и его школу, чтоб не углубляться в более отдаленную древность. Но такое сопоставление картин из исторического быта разных государств, хотя бы для уяснения «Духа законов», не удовлетворит современного историка. Сравнительная метода, как особый научный прием исторического изучения, зародилась на наших глазах, хотя и до сих пор правила пользования ею не окончательно установлены.

Фриман один из первых задался вопросом, как надлежит объяснять наблюдаемые сходства учреждений у разных народностей. Причины этого сходства, по его мнению, могут быть сведены к одной из трех следующих: это 1) передача одним народом другому одного или целой совокупности учреждений, 2) действие

одинаковых причин, вызвавших и тождественные результаты, и 3) происхождение от одного общего корня. Проф. Сергеевич третью указанную причину сходства считает сложною из первых двух. Эту поправку надо принять. Вторая причина сходств имеет особенно важное значение для историка, так как изучение ее вскрывает общие условия развития общественных явлений.

Но прежде чем объяснять причины изученных сходств, историк должен твердо выяснить что, какие именно институты или учреждения разных общественных групп возможно сравнивать. Чтобы такие сравнения не оказались пустою гимнастикою ума, надо не забывать, что только подобное, близкое, если не по форме, то по духу, может дать в результате сравнения благотворные обобщения. Надо прежде всего точно знать, что сравниваешь. А для этого необходимо, чтобы сравниваемые явления были предварительно выяснены в их признаках на основании местных или национальных источников. Сравнительная метода прежде всего никак не должна служить средством пополнения по аналогии недостающих черт быта. Она может оказать немаловажные услуги только при разъяснении черт неполных или неясных.

Литература. **Фриман** (Freeman). Comparative politics, 1873; **русск. пер. под ред. Н. Коркунова. Сравнительная политика; В. Сергеевич. Право и государство в истории, гл. II, в Сбрн. гос. знаний, т. VII, 1879; Ковалевский, М. М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права,** 1880; Bernhöft. Ueber Zweck u. Mittel der vergleichenden Rechtswissenschaft. Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft, I, 1878; **Максимейко, Н. Сравнительное изучение истории права, Зап. Харьк. Унив., 1898, I; И. Колер** (I. Kohler). Ueber die methode der Rechtsvergleichung, Z. f. Priv. u. Oeff. R., 28 B., 2 Hft. 1900; **Тарановский, Ф. В. Сравнительное правоведение в конце XIX в., Варш., 1902.**

Однако эти предосторожности не только не всегда соблюдаются, но даже открыто проповедуются совершенно противоположные начала. Для примера вот мнение проф. Владимирского-Буданова, высказанное в его «Обзоре истории русского права»: «Существование славянского права, как целого (а не только как группы законодательств отдельных славянских народов), не может подлежать сомнению, как не подвергается сомнению бытие права немецкого, несмотря на постоянную государственную разъединенность немецкого племени. Действительно в начале истории общность языка, быта и юридических норм у всех славян известна и отмечена уже нашим первым летописцем: «бѣ единъ языкъ словѣнескъ», говорит он, при чем слово «языкъ» употребляет в смысле нации. В частности отношение русской нации к славянской народности определяется у него так: «а словѣнескъ языкъ и рускый одинъ... аще и Поляне звахуся, но словѣньская рѣчь бѣ... языкъ словѣньскій бѣ имъ единъ». В силу этого в начальный период истории русского права нужно признать его тождественным с правом общеславянским; факты, сообщаемые источниками о праве других славянских народов в ту эпоху, могут быть безопасно приписаны русскому» («Обзор», изд. 4-е, 1905, стр. 3). Это мне-

ние не обособленно. Ту же мысль развивает дальше проф. Загоскин в своей «Истории права русского народа». Он признает «общеславянские начала как общий и первоначальный источник, из которого почерпали свое содержание права отдельных славянских народов, а следовательно и право восточных русских славян», и соответственно этому создает особый метод разработки истории древнего русского права, который называет «сравнительно-славянским», следуя во многом за проф. Леонтовичем—«главным последователем сравнительно-славянского направления» («История права русского народа», т. I, 1899, стр. 439—447). На той же почве стоит и проф. А. Н. Филиппов в изданном курсе своих лекций («Учебник истории русского права», 1907, стр. 9—11).

К сожалению ни один из указанных авторов не объясняет, откуда появилось общеславянское право, противополагаемое какому-то общенемецкому. Ссылка на первоначального летописца нисколько не разъясняет дела, так как он совсем ничего не говорит об общеславянском праве. В приведенной цитате он удостоверяет только общность языка у славянских племен и ничего больше. Мнение составителя первоначальной летописи об общеславянском праве совершенно противоположно мнениям вышеприведенных ученых; он не только не признает его, но резко подчеркивает различие быта даже среди русских славян. О полянах, древлянах, радимичах, вятичах и северянах в летописи читаем: «Имяху бо обычаи свои, и законъ отець своихъ и преданья, каждо свой нравъ» (Лавр., 12). Ввиду такого, не заподозренного до сих пор указания на разнообразие быта славянских племен, как можно приписывать древнему русскому праву факты из быта других славянских племен? Как нет общеславянского права, так нет в начале истории ни единого французского права, ни единого германского. О различных галльских племенах Цезарь указал, что они legibus inter se differunt [1]). Каждое из многочисленных германских племен жило по своему племенному праву. Объединение этих племенных прав обязано своим происхождением преобладанию права салических франков над другими племенными нормами.

Сторонники «сравнительно-славянского метода» выставляют еще требование, чтобы историки русского права обращались прежде всего к сравнению русских институтов с славянскими. Против такого требования ничего нельзя бы возразить, если бы этот путь был в достаточной мере подготовлен. Но, к сожалению, нельзя не признать, что история права различных славянских племен очень мало разработана. К сравнению же нельзя и приступить, пока сравниваемые явления не выяснены в своих чертах по своим местным источникам. История же прав французского и немецкого по своей разработке стоит далеко впереди. К ней и естественно обращаться за сравнением прежде всего.

---

[1]) Отличаются друг от друга законами. *Перев. ред.*

ПЕРИОД ПЕРВЫЙ.

I.

ИСТОЧНИКИ ПРАВА.

Под источниками права, с одной стороны, понимают те творческие силы, которые содействуют объективированию права, создают те или иные формы права, с другой—самые формы права, из которых почерпаются сведения о том, что в данное время, в данном месте является положительным или действующим правом. Обе стороны вопроса стоят в тесной связи и для историка одинаково важны. Каждая историческая эпоха характеризуется преобладанием тех или иных форм права. Господствует ли в данное время закон или обычай, или комбинируются они меж собою или с другими формами права так или иначе,—все это и само по себе имеет важное значение для характеристики эпохи, и в то же время служит показателем преобладания тех или иных созидающих право сил.

От понятия «источники права» следует строго отличать понятие «источники истории права». Под последними разумеются те исторические свидетельства, из которых почерпаются данные или сведения о состоянии права в ту или иную историческую эпоху. Это—источники для научного познания истории права. Иногда эти понятия могут и совпасть. Напр., записанный обычай может быть и источником права и в то же время служить в качестве источника истории права. Но это совпадение случайное; гораздо чаще или обыкновенно эти понятия расходятся.

В древние исторические эпохи преобладающими и даже почти исключительными формами права являются обычай и договор. Позднее появляются и зачатки законодательной деятельности, зародыши которой можно проследить уже в древнем периоде истории русского права в виде уставной деятельности князей. Но эта форма права в первом периоде играет ничтожную роль по сравнению с двумя выше указанными—обычаем и договором.

Обычай как форма права.

Обычным правом называются те юридические нормы, которые соблюдаются в данной общественной среде всеми или определенным кругом лиц, вследствие согласного убеждения действующих

лиц в необходимости подчиняться этим нормам. За обычаем не стоит авторитет власти, вынуждающей соблюдение обычной нормы. Каждый, действующий согласно обычной норме, убежден в необходимости поступать так, а не иначе, ибо все люди его круга поступают так же. Он уверен в том, что и все другие эту норму соблюдали и будут соблюдать.

Никто не может сказать определенно, с каких пор начал применяться обычай. Его начало восходит к неопределенному прошлому. Каждый обычай окружен некоторым ореолом старины, давности; все поступают так, не желая уклониться от установившейся практики: «так поступали отцы, так будем поступать и мы»; «не нами установилось, не нами переставится».

Но если нельзя указать определенно время возникновения обычая, тем более нельзя указать на то лицо, от кого данный обычай повелся. Обычай, как говорят, безличен. Это не значит, однако, что обычай ведет свое начало не от людей, а имеет, как некогда верили, божественное происхождение. Такая вера могла возникнуть лишь в ту отдаленную эпоху, когда религия и право еще недостаточно обособились друг от друга. Обычай возникает в общественной среде и создается людьми данного времени и места. Но он безличен в том смысле, что нельзя назвать лица или лиц, от которых данный обычай пошел.

Так как обычай поддерживается лишь его применением в практике, то наличность обычая может быть установлена указанием на ряд однообразных фактов или действий, подтверждающих соблюдение того или иного правила. Если может быть приведен ряд фактов, указывающих, что народные собрания приглашают к себе князей, то можно говорить об обычае замещения княжеских столов путем народного призвания. Подмеченные в действительной жизни единообразия служат самым верным шагом к заключению о том, что обычно. Чем больше число подмеченных единообразий, тем надежнее заключение. Но историк очень часто лишен возможности подобрать отдельные случаи в желательном числе. Тогда он поставлен в необходимость довольствоваться наблюдениями других лиц, напр., современников событий, если только такие свидетельства современников о господстве какого-либо обычая будут признаны заслуживающими доверия. В некоторых странах эти свидетельства современников о применяемом обычном праве образовали целые сборники обычного права. Во Франции, напр., от XIII в. сохранился целый ряд таких сборников (les Coutumiers). У нас сборники обычного права совершенно неизвестны; упоминается лишь о «приписках псковских пошлин». Наконец о наличности обычая можно отчасти судить по сохраняющимся иногда очень долго обрядам и словесным формулам, каковые играли большую роль в пору господства формализма в праве. Иные из таких обрядов и формул надолго переживают в нравах и пословицах народных то время, когда имели полное реальное значение.

При наблюдении и изучении обычного права чрезвычайно важное значение имеет вопрос о происхождении обычного права и то или иное его решение. Самый же этот вопрос получил научную постановку лишь с того времени, когда за обычаем, как формой права, признано самостоятельное значение на-ряду с другими формами, в частности на-ряду с законом. Это новое учение об обычном праве составляет одну из важных заслуг исторической школы в немецкой юридической науке. До тех пор за обычным правом признавали лишь субсидиарное (вспомогательное) значение и лишь в той мере, поскольку законодатель явно или молчаливо допускал его применение. Соответственно этому и происхождение обычаев объяснялось чисто механически, случайно образовавшимися привычками поступать одинаковым образом в однородных случаях.

Главнейший после Савиньи представитель исторической школы, Георг Фридрих Пухта, в своем сочинении «Das Gewohnheitsrecht» не только дал новую постановку учению об обычном праве, но иначе осветил и все общее учение об источниках права. По его учению право в той или иной форме, и обычное в частности, имеет свою основу в национальном духе, и только на этой почве возможно объяснить естественное совпадение убеждений отдельных членов нации о праве и справедливости. Обычное право, это—непосредственная форма, в которой народ выражает свои представления о праве. Оно возникает, однако, не путем сознательного творчества нации, а как непроизвольный продукт естественного единства народного духа. Не повторное соблюдение какого-либо правила создает обычную норму; это соблюдение служит только внешним выражением уже существующей нормы, заложенной в народном духе. Обычное право, значит, представляет собою общенародное убеждение о праве «в его непосредственной и естественной форме, так что вместе с народом дано и обычное право».

Другие формы права—закон и право юристов (Juristenrecht)—также должны выражать национальное убеждение о праве, но только не прямо, а через посредство или законодательной власти как представительницы народной воли, или ученых юристов, которые научно должны обосновать и развить то, что заложено в народном духе только в зародыше.

Учение Пухты о происхождении обычного права не может быть, однако, названо историческим. Он прежде всего самый вопрос о происхождении обычного права устраняет, говоря, что оно заложено в национальном духе и дано вместе с народом. Национальный же дух, это—нечто мистическое, недоступное научному исследованию. Затем с исторической точки зрения это учение не может быть признано правильным, так как, согласно ему, существует только общенациональное обычное право, а между тем в начале истории нигде не существует общенационального права, которое возникает сравнительно поздно—на почве объединения различных партикулярных (местных, племенных) прав.

Уже вслед за появлением труда Пухты критика указала на разные недочеты в его учении об обычном праве. Но предложенные поправки к этому учению (Савиньи, Кирульф) лишь нагляднее подтвердили неосновательность всего учения. В настоящее время учение исторической школы об источниках права утратило свой авторитет. Открыто никто не разделяет и мнения Пухты о происхождении обычного права. Но согласного ответа на этот важный вопрос не установилось до сих пор.

И в русской литературе можно отметить два противоположных направления по вопросу о происхождении обычного права. Согласно одному взгляду, обычай ведет свое начало от действий отдельных лиц, но при наличности известных условий. При несложности отношений в древних обществах и сходстве условий жизни отдельные лица могут поступать одинаковым образом в сходных случаях. Но жизнь в ту пору развивается крайне медленно, а потому условия деятельности остаются теми же довольно долгое время. Таким образом может создаться ряд сходных поступков, из которых вырабатываются привычки. Сначала отдельные лица действуют, соображаясь в каждом случае с своими интересами, желаниями, целями. Но затем прецеденты начинают оказывать свое влияние на деятельность лица и содействуют выработке привычек. Это—начало личной инициативы или автономии в создании обычая. Другое лежит в инертной силе окружающего большинства: все молодые и слабые поступают известным образом из подражания другим, энергичным и сильным. Для создания обычая нужно совпадение этих двух начал: образ действия отдельных лиц должен стать более или менее общим для всех окружающих. Тогда только возникает общее убеждение в необходимости поступать именно так, а не иначе (проф. Сергеевич).

Другой взгляд на происхождение обычая не допускает предложенного объяснения на том основании, что оно в основу учения о происхождении права кладет произвольные действия отдельных лиц, а произвол, как отрицание права, не может быть положен в основу права. «Первоисточник права есть природа человека, физическая и моральная, подчиненная таким же законам, как и природа органическая и неорганическая. Право на первой ступени является чувством (инстинктом). Все поступают одинаково не по силе подражания одному, а одновременно и повсюду—по силе действия одинакового чувства. На второй ступени право проникается сознанием, превращаясь из явлений природы в действия воли; то, что есть (факт), превращается в то, что должно быть (право). Но законы сознания и воли у людей так же одинаковы, как и законы физической природы; сознанием освящаются те же самые нормы, которые были установлены природою; таким образом личная творческая деятельность в праве совершенно сливается с общественною» (Вл.-Буданов. «Обзор», 88—89).

Хотя последний взгляд не отличается особою ясностью, однако,

ему более посчастливилось в нашей литературе: на его стороне оказалось больше последователей среди историков права. Взгляд этот покоится на двух положениях: 1) законы сознания одинаково действуют во всех людях и 2) условия жизни в эпоху образования и действия обычного права почти одинаковы для всех членов общества. Но достаточно ли этих двух положений для построения вывода, что «личная творческая деятельность в праве сливается совершенно с общественною»? Законы природы определяют лишь условия проявления чувств и сознания, но не дают им содержания. Содержание дается им переработкой внешних впечатлений. Но и при полном тождестве условий жизни переработка впечатлений может дать тождественные результаты, т.-е. одинаковые чувства и тождественные сознания, лишь при условии тождественных индивидуальностей. Чтобы слить в одно общее целое все индивидуальные деятельности, необходимо допустить тождество психическое у всех особей данного общества. Один из последователей проф. Вл.-Буданова и присоединил к двум указанным положениям еще третье: «индивидуальность еще не диференцировалась, психическая организация всей массы населения почти одинакова». Это третье положение является опорой всего построения, а между тем оно не может быть принято. Если среди животных одного и того же вида различают особей злых и скромных, горячих и спокойных, сильных и слабых, то на каком основании можно отрицать подобные различия у самых первобытных людей? Но если не верна опора всего объяснения обычного права, не может быть принято и все объяснение. Оно является к тому же воспроизведением целиком теории Пухты. В самом деле, если вся совокупность личностей данной общественной среды представляет психическое тождество, то все это построение не приводит ли нас опять к единому духу, творящему право? Действительно вся теория происхождения обычного права, предложенная проф. Вл.-Будановым, представляется по существу воспроизведением учения исторической школы, лишь иначе выраженного, соответственно современным воззрениям о влиянии природы на человека и о законах, управляющих явлениями органической и общественной жизни.

Непонятное и необъяснимое с точки зрения исторической школы, а также и с точки зрения только что рассмотренной теории, многообразие обычаев среди одной нации или сходство их у наций различных, а равно и видоизменение обычаев, легко понять историку, исходя из мысли, что обычай ведет свое начало от отдельных лиц. Обычаи не только могут быть весьма разнообразны среди одной нации в разных местах («что город, то норов, что деревня, то обычай»), но они могут разниться и в одном пункте поселения. Дробность обычаев, партикуляризм обычного права— явление общее в начале истории.

Но обычай возникает лишь тогда, если правило поведения становится более или менее общим. Тогда только и может воз-

никнуть убеждение о необходимости подчиняться данному правилу. «Повальный обычай, что царский указ», гласит пословица, указывающая на обязательность обычая наравне с царским указом. Убеждение в целесообразности или справедливости обычая может и не быть налицо; нужно только убеждение в его обязательности. Но несогласные с обычаем будут, конечно, уклоняться от его выполнения подобно тому, как уклоняются и от выполнения царских указов. Этою несогласною с обычаем практикой создается почва для вымирания одного обычая и зарождения другого. В такие переходные моменты не всегда возможно установить границу между обычным правилом и простою практикой, которая еще не успела вылиться в обычные нормы. В сфере обычного права поэтому иной раз не легко провести грань между правом и простым фактом.

При видоизменении обычаев действуют, конечно, те же силы, как и при возникновении обычаев. И здесь начало перемене кладется действиями отдельных лиц. Но чтобы из этих действий возник новый обычай, необходимы те же благоприятные условия, которые рассмотрены были выше. Между образованием обычного права и его видоизменением не может быть указано никакой разницы, вопреки мнению проф. Вл.-Буданова, т. к. всякое новое право образуется путем изменения старого.

Если обычное право ведет свое начало от действий отдельных лиц, то таковыми должны быть обыкновенно люди энергичные, сильные, а первые известные обычные нормы являются воплощением прав сильного; таковы—месть, рабство, подчиненное положение в семье женщины и детей.

Наша древность знает уже слово «обычай», но употребляет и другие термины для обозначения этого понятия; таковы: «старина», «пошлина», «преданья», «законъ», «поконъ». Что термин «законъ» обозначает то же понятие, видно, напр., из слов первоначального летописца, рассказывающего о разных обычаях у разных славянских племен: «имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своихъ и преданья, каждо свой нравъ. Поляне бо своихъ отецъ обычай имуть кротокъ» и пр. Здесь обычаи прямо названы законом отцов, как и в замечании о сирийцах: «Сирии законъ имуть отецъ своихъ обычаи». Но в первоначальной летописи термин «законъ» употребляется и для обозначения божественных правил в выражении «законъ божій», который противополагается закону языческому в смысле языческих обычаев. Это противоположение прекрасно рисуется в следующих словах: «Си же творяху обычая Кривичи и прочии погании, не вѣдуще закона божія, но творяще сами собѣ законъ». В смысле языческого обычая термин «закон» на-ряду с «поконом» не один раз встречается в договорах русских с греками X века.

Литература. Пухта (Puchta). Das Gewohnheitsrecht, I u. II, 1828 u 1837; Adickes. Zur Lehre von den Rechtsquellen, 1872; Сергеевич, В. Опыты исследования обычного права, Наблюдатель, 1882, №№ 1, 2; Вл.-Бу-

данов. Обзор, стр. 88—89 и 487 прим.; **Леонтович, Ф.** Старый земский обычай, Труды VI археологического съезда, т. IV, 127—135; **Руднев, Л.** О духовных завещаниях по русскому праву, 1895, 30—37, 63—65; **Ясинский, М.** Лекции по внешней истории русского права, 1898, 26—28. Ср. Ж. М. Юст., 1895, № 11, 179—185 и 1900 г., № 3, 296 и сл.

Договор.

Договор, как источник права, играет в древнее время более крупную роль, чем в наше время. В сфере публичного права договором создаются не только нормы, определяющие междугосударственные отношения, но и целый ряд правил, регулирующих внутренний строй государства. Некоторые из элементов, образующих этот строй, только на почве договора создают временную устойчивость часто колеблющихся взаимоотношений. Так, постановления народного собрания являются по существу не чем иным, как договором единения между участниками собрания. Отношения между князем и народом, между князем и его дружиной создаются и выясняются только при посредстве взаимных соглашений. В области частных правоотношений очень многое впервые создается соглашением заинтересованных. Это очень часто вынуждается бедностью наличных объективных норм или их крайнею неопределенностью. Значит и в этой области договором может создаваться новое право.

Но древнее право, занесенное в договоры, отнюдь не все создано соглашениями. Многое возникло путем практики, творческою силою обычая и внесено в договоры только для большего обеспечения и бесспорности. С другой стороны, позднейшие договоры нередко повторяют почти дословно содержание более ранних. Поэтому далеко не всегда возможно отделить в сохранившихся до нас договорах право обычное от права договорного. Иногда сами договоры ссылаются на старину, т.-е. обычай. Но из постоянного повторения той или иной формы в договорах могла возникать старина по договору.

Для обозначения договора в древности употреблялись термины «докончанье», «рядъ», «крестное цѣлованье»; последний термин— с тех пор, как началось для придания прочности договору принесение присяги по христианскому обряду.

Можно отметить следующие виды договоров в древнее время: 1) договоры международные, заключенные между русскими княжениями и соседними нациями; 2) договоры междукняжеские, т.-е. между русскими князьями; 3) князей с народом и 4) князей с дружинниками.

Договор Руси с Греками X века.

Первоначальная летопись сохранила тексты четырех договоров русских князей—Олега, Игоря и Святослава—под 907, 912, 945 и 971 гг. Вопрос о подлинности этих древнейших пись-

менных юридических памятников решен был отрицательно Шлецером, главным образом на основании того, что в греческих памятниках нет никаких указаний на мирные трактаты Византии с Русью за эти годы. Кроме того Шлецер отметил и некоторые хронологические несоответствия в договоре 912 года. Упоминаемые в нем греческие цари Лев, Александр и Константин не царствовали вместе ни в 912 году ни раньше, а имп. Лев уже умер в 911 году. Авторитет Шлецера увлек на путь сомнений и некоторых наших историков. Но уже в 1810 г. Ф. фон-Круг (Ph. v. Krug) в своем соч. «Kritischer Versuch zur Aufklärung der byzantinischen Chronologie mit besonderer Rücksicht auf die frühere Geschichte Russlands» рассеял главнейшие сомнения Шлецера и в частности доказал, что Александр титуловался императором при жизни имп. Льва, а Константин был венчан на царство младенцем еще при жизни Льва, который умер 11 мая 912 г. Договор же заключен в сентябре 911 г. (Акад. Куник предложил еще более точную дату заключения договора: это произошло в воскресенье, 22 сентября 911 г. См. «Летопись занятий Археогр. Ком.», вып. XI, стр. 126 Протоколов. СПБ. 1903). В настоящее время никто не сомневается в подлинности этих древнейших договоров. Но это заключение отнюдь не устраняет вопросов как о полноте и исправности дошедшего до нас текста памятников, так и весьма важного для историка права вопроса о том, какое значение имеют эти памятники при разработке древнейшей истории русского права.

Начиная с Эверса, который по этим памятникам, раскрывая их содержание при помощи Р. Правды, рисовал картины родового быта древних руссов, и кончая работой А. В. Лонгинова «Мирные договоры русских с греками» (Од., 1904), автор которой утверждает, что «постановления договоров представляют яркую картину древне-русской жизни, отражая в себе ее государственный, общественный, семейный и экономический строй, религиозный культ и юридические обычаи»,—одна группа исследователей без колебания черпает из договоров данные древнего русского права. Другие исследователи, изучая эти памятники, останавливаются перед ними в нерешительности, так как «не всегда можно решить, имеем ли мы пред собою чистую русскую норму или разбавленную византийскою примесью» (Ключевский. «Курс русской истории», 187). Третьи, наконец, отвергают достоверность этих памятников в качестве источников для изучения древнего русского права (Сергеевич. «Греческое и русское право в договорах с греками X века», Журн. Мин. Нар. Пр. 1882, янв., и «Лекции и Исследования», изд. 4-е, 1910 г., приложение).

Действительно, много недоумений возбуждают договоры с греками. Прежде всего неясным представляется соотношение договоров 907 и 911 гг. Первый из них заключен под стенами Константинополя, когда победоносное войско Олега согласилось не губить города и удовлетворилось платежом значительной дани.

В тексте летописи условие о платеже дани повторено два раза и затем прибавлены условия о порядке торговли русских в Царьграде. Следующие годы до 912 в летописи проставлены без указаний на какие-либо исторические события. А под 6420 г. говорится, что Олег послал «мужи свои построити мира и положити рядъ межю русью и грекы», и далее приводится подробный текст нового договора. Зачем понадобился или чем вызван новый договор после заключения договора 907 г.? Некоторые считают договор 907 г. только прелиминарным, а договор 911 окончательным. Но если и принять столь искусственную для древних отношений догадку, то все же недоумения не отпадают. Важные для греков статьи прелиминарного договора о порядке торговли русских в Царьграде в окончательный договор не попали. Может быть Олег добился отмены этих стеснительных для русских купцов условий в договоре 911 г.? Но если он согласился на эти стеснительные условия, когда он стоял победителем под стенами Константинополя, то как он мог добиться их отмены при менее благоприятных условиях? Но недоумения идут и дальше. Договор 911 г. считается первым письменным трактатом руси с греками. Такое заключение выводится из следующих слов памятника: «Наша свѣтлость болѣ инѣхъ хотящи еже о Бозѣ удержати и извѣстити такую любовь, бывшюю межи хрестьяны и русью многажды, право судихомъ, не точію просто словесемъ, но и писаніемъ и клятвою твердою, кленьшеся оружіемъ своимъ, такую любовь извѣстити и утвердити по вѣрѣ и по закону нашему» (Лонгинов не принимает такого толкования и утверждает, что договоры и раньше записывались. Соответственно этому он так восстановляет начальные слова заключения: «На утвержение же и неподвижение быти межи вами хрестьяны и русью, бывший миръ сътворихомъ и ва новомъ написаниемъ на двою харатью царя вашего и своею рукою», т.-е. «для подтверждения и незыблемости... совершили мы и вы новым писанием на двух хартиях...». Но остается невыясненным, как понимать при таком толковании приведенное в тексте выражение). Между тем в договоре 945 г. имеются три ссылки на предшествующие соглашения: 1) «Великый князь рускый и боляре его да посылають въ грекы... корабля, елико хотять, съ послы своими и гостьми, яко же имъ установлено есть»; 2) «и отходящи руси отсюду взимають от насъ, еже надоби, брашно на путь, и еже надобѣ лодьямъ, якоже установлено есть пѣрвое»; 3) если убежит челядин и не будет найден, «тогда взимають отъ насъ цѣну свою, якоже установлено есть преже, двѣ паволоцѣ за челядинъ». Только первые две ссылки находят подтверждение в тексте договора 907 г.; третья же ссылка на прежнее установление не подкрепляется ни договором 907 г., ни дог. 911 г. (Вл.-Буданов. «Хрестоматия», в. I, прим. к дог. 945 г. 9-е, 15-е и 16-е). Кроме того могут быть указаны и другие сближения текста договора 945 г. с договором 907 г.

(См. Тобин (Tobien). «Die ältesten Tractate Russlands», S. 23—26.) Как все это объяснить, если считать договор 907 г. прелиминарным и притом словесным? А если признать его самостоятельным, как думают некоторые, то все же естественнее допустить ссылки на первый письменный и гораздо более полный договор 911 г. Не естественнее ли предположить, что статьи договора 907 г., помимо условий о дани, выпали из договора 911 г. и ошибочно приурочены в летописи к 907 г.? А. А. Шахматов поэтому совершенно не признает договора 907 г. Такое предположение о неполноте текста договора 911 г. находит подтверждение и с другой стороны. Уже давно обращено внимание на то, что подлинный текст этого договора делился на главы. Об этих главах упоминается во вступлении («суть, яко понеже мы ся имали о божии вѣрѣ и любви, главы таковыя») и в заключении договора («не переступати ни намъ, ни иному отъ страны нашея отъ уставленныхъ главъ мира и любве»), а в самом тексте сохранился только один намек на эти главы («а о главахъ, иже ся ключить проказа, урядимся сице») (Н. Лавровский. «О византийском элементе в языке договоров русских с греками», 1853). Эта неполнота текста сопровождается, кроме того, значительною порчею текста переписчиками и, может быть, неудачным переводом с греческого подлинника. Внешней исторической критике предстоит еще много работы над текстом памятников.

Договоры 911 и 945 гг. содержат целый ряд норм из области частного международного права. Но что это за нормы: русские, греческие или смешанные? Нет согласного ответа и на этот вопрос. В самом тексте памятников имеются ссылки на закон греческий и на закон и покон русский. Но где и в каких случаях применяются тот и другой? Обыкновенно думают, что договоры применялись на территориях договаривающихся сторон, и что русский закон естественно господствовал на русской территории. Но когда представлялись случаи применять к отношениям между греками и русью нормы договорного права на русской территории? Греки к нам приезжали вообще редко, а по торговым делам и вовсе не допускались. Наоборот русь постоянно бывала в Византии и подолгу там оставалась, главным образом по торговым делам. По договору 945 г. установлено лишь то ограничение, что русь не могла зимовать в Константинополе. Практический интерес и требовал выработать правила для определения отношений между пребывающей в Византии русью и греками. Значит нормы договорного права имели применение почти исключительно в пределах Византии. Только статьи о лодье или кубаре предполагают применение их вне пределов Византии. Но насколько трудно было византийскому правительству следить за применением статей договоров за пределами Византии, показывает статья, возлагающая обязательство на русь не воевать корсунских городов, не чинить зла корсунянам, занимающимся рыбо-

ловством в устье Днепра. Эти статьи, равно и обязательство руси защищать корсунян от черных болгар, не имеют никакой санкции.

Для характеристики отдельных норм рассмотрим для примера статьи об убийстве и о порядке наследования. Договор 911 г. постановляет, что убийца, русин или грек, «да умреть, идѣже аще сотворить убійство» (ст. 4). Договор 945 г. формулирует это правило несколько иначе: «да держимъ будеть створивый убийство отъ ближнихъ убьенаго, да убьють и» (ст. 13). Большинство исследователей не сомневается в том, что этими статьями за убийство русина допускается месть, и что мстители могли умертвить или убить убийцу-грека. Но надлежит прежде всего заметить, что термины «месть» «мстити» в памятниках не встречаются. Употребляемый первым договором термин «местник» обозначает не мстителя, а хозяина дома (ст. 12). И трудно допустить, чтобы византийское правительство разрешило на своей территории и даже на улицах Константинополя открытое самоуправство. По договору 911 г. убийцу можно умертвить на месте совершения убийства. Если понимать здесь месть, то положение мстителей оказывалось чрезвычайно затруднительным: они могли отмстить только на месте совершения преступления. В случае бегства преступника, значит, и мстить нельзя? Но договор далее предусматривает случай, что убийца убежит; тогда «да держиться тяжи, дондеже обрящеться, яко да умреть». Если требование договора 945 г., чтобы ближние убитого задержали убийцу и потом убили его, также понимать в смысле мести, то опять положение мстителей окажется невозможным: если убийцу не удастся захватить, то и мстить ему нельзя? К тому же, как метко указал проф. Сергеевич, русь была лишена возможности осуществлять свое право мести, например, в Константинополе, куда могла входить, согласно постановлению договоров, только одними воротами, в числе не более 50 человек и притом без оружия. А безоружный человек, конечно, и мстить не может. Все эти соображения заставляют признать, что выражение «да умреть» обозначает не убийство из мести, а смертную казнь по приговору суда, которая приводится в исполнение на месте совершения преступления. Так же надо понимать выражение «да убьють и» в договоре 945 г. Но что в таком случае означает правило, что убийца задерживается ближними убитого? Надо думать, что греки-убийцы нередко укрывались, что в своем городе или в своей стране было нетрудно. Русь жаловалась на такие невыгодные условия, а потому ей предоставлено было право задерживать преступников. Но это отнюдь не значит, что руси разрешалось самоуправство. Весьма вероятно, что привыкшая к самосуду по своим обычаям, она, и вопреки правилам договора, прибегала к самоуправству. Самой серьезной против этого мерой было запрещение носить оружие по улицам Константинополя. Но и эта мера оказалась, повидимому, недостаточной. По-

этому в договоре 945 г. установлено (ст. 12) категоричное запрещение самоуправства: «Аще ли ключится проказа нѣкака отъ грекъ, сущихъ подъ властью царства нашего, да не имате власти казнити я, но повелѣньемъ царства нашего да приметь, якоже будеть створилъ». В связи с этим стоит и другое правило того же договора (ст. 2), что русь входит в город с царевым мужем, «и мужь царства нашего да хранить я, да аще кто отъ руси или отъ грекъ створить криво, да оправляеть то». Для самоуправства и в частности для мести не оставлено никакого места.

Статья о наследовании в договоре 911 г. читается так: «О работающихъ въ грецѣхъ руси у христьяньского царя. Аще кто умреть, не урядивъ своего имѣнья, ци и своихъ не имать, да възратить имѣнье къ ма(и)лымъ ближикамъ въ Русь; аще ли створить обряженіе таковый, възмет уряженое его, кому будеть писалъ наслѣдити имѣнье, да наслѣдить е отъ взимающихъ куплю руси отъ различныхъ ходящихъ въ грѣкы и удолжающихъ» (ст. 13). Этою статьей Беляев и Неволин воспользовались для разъяснения наших древних порядков наследования. Но может ли она иметь такое значение? Уже давно обращено внимание на то, что первая часть статьи даже по форме напоминает римский источник, а именно правило XII таблиц: «si intestato moritur cui suus heres nec essit, agnatus proximus familiam habeto» [1]). Термин «ближайший агнат» превратился у русского переводчика в «ма(и)лаго ближика». Какие же источники русского права можно искать в этой статье? К тому же эта статья имеет в виду только русь, работающую греческому царю, т.-е. состоящую у него на службе; а таковые, надо думать, всецело подлежали действию греческого права. Нельзя поэтому не признать более правильным другое мнение, согласно которому в этой статье дело идет не об установлении порядка наследования, а лишь о порядке охраны наследства, и в частности об устранении претензий византийского фиска на выморочное имущество (Никольский. «О началах наследования в древнейшем русском праве», 11—13. Цитович. «Исходные моменты в истории русского права наследования», 14—17).

Указывает еще на большую близость с русским правом, чем с греческим, ст. 6 договора 911 г. В ней речь идет об убийстве вора в том случае, «аще приготовить ся татьбу творяй», т.-е. если он будет сопротивляться. Давно уже отмечено, что по Русской Правде допускалось безусловное убийство вора (ст. 20 Ак.). Значит, в ней идет речь о мести вору, тогда как в договоре 911 г.—о необходимой обороне. На это, однако, возражают, что по ст. 38 Ак. убийство вора так же ограничено, как и по ст. 6 договора. Но необходимо иметь в виду: 1) что

---

[1]) Если кто-либо умрет, не оставив завещания и наследников, то имущество должно перейти к ближайшему агнату. *Перев. ред.*

ст. 38 Ак. очень близка с правилом Зак. Судн.: «Аще же въ подкопаніи застанется тать», и 2) что правило о необходимой обороне едва ли могло возникнуть на почве русского права в эпоху господства самоуправства, хотя бы и ограниченного какими-либо рамками.

Черпать из договоров с греками источники древне-русского права должно с величайшей осторожностью. Все попытки в этом направлении не привели до сих пор ни к каким положительным результатам. Но это заключение нисколько не колеблет значения этих памятников, как общеисторического источника. В частности они наглядно вскрывают ту почву, на которой зародились культурные влияния Византии на древнюю Русь.

Литература. Тексты договоров в П. С. Л., т.т. I и II и в Хрестоматии Вл.-Буданова, в. I с примечаниями; фототипическое издание и словарь технических выражений Н. А. Маркса, Договоры русских с греками, ч. I и II, М., 1912; см. Н. А. Лавровский. О византийском элементе в языке договоров русских с греками, Спб. 1853; В. Сергеевич. Греческое и русское право в договорах с греками X века, Ж. М. Н. Пр., 1882, янв., и в Лекц. и Исслед., 1910, 626—666; А. В. Лонгинов. Мирные договоры русских с греками, Од., 1904; А. Шахматов. Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря, Зап. Неофилол. Общ., вып. VIII, 1914; Д. Мейчик. Русско-византийские договоры, Ж. М. Н. Пр., 1915, июнь, окт., нояб.; 1916, март и нояб.; 1917, май.

Договоры Русских с Немцами.

На почве торговых сношений возникли и мирные договоры некоторых древне-русских земель с немецкими городами. С русской стороны в этой торговле принимали участие земли, лежащие по великому водному пути «изъ варягъ въ грекы». Этот путь шел по р. Неве, Ладожскому озеру, р. Волхову, затем по озеру Ильменю, р. Ловати и далее до верхних притоков Днепра; или по р. Западной Двине и ее притокам до правых притоков Днепра. В этом районе расположены были земли: Новгородская, Псковская, Смоленская, Витебская и Полоцкая. С немецкой стороны торговлю вели многие города еще до возникновения Ганзейского союза, а потом члены этого союза. Особенно видную роль играли г. Висби на о. Готланде и г. Рига со времени ее основания в 1201 году.

Древнейший из сохранившихся договоров заключен Новгородом и дошел в копии, приписанной к другому позднейшему договору Новгорода, заключенному в 1257—1263 гг. Оба договора сохранились на одном длинном куске пергамента, исписанном сплошь с обеих сторон; к нижнему и верхнему краям листка привешено по три печати, которые относятся к более позднему договору. Оба договора не имеют хронологических дат; но по именам упоминаемых в начале каждого князей, посадников и тысяцких нетрудно определить приблизительно время составления каждого. На лицевой стороне сначала записан договор, начинающийся словами: «Се азъ князь Олександръ и сынъ

мои Дмитрии, съ посадникомь Михаилъмь, и с тысяцькымь Жирославомъ, и съ всѣми новгородци, докончахомъ миръ с посломь нѣмьцкымь Шивордомь» и пр. Князь Александр Невский занимал стол в Новгороде в последний раз в 1257—1259 гг.; в 1259 г. он уехал оттуда, «посадивъ сына своего Дмитрия на столѣ». Зимою 1257 г. «даша посадничьство Михаілу Федоровичю, выведше изъ Ладоги; а тысячьское Жироху даша». Александр Невский умер 14 ноября 1263 г., а в 1264 г. «выгнаша новгородци князя Дмитрия, сдумавше с посадникомь Михаиломь: зане князь еще малъ бяше». Из этих данных явствует, что рассматриваемый договор заключен в промежуток между зимою 1258 и ноябрем 1263 гг. Более точное определение даты для историка права особого значения не имеет. Содержание договора чрезвычайно краткое с неоднократными ссылками на старый мир. Некоторые условия изложены столь сжато, что и понять их нельзя; например: «А старыи миръ до Котлигнѣ». Эта лаконичность условий и ссылки на старый мир и вызвали, надо думать, следующие слова в конце грамоты: «А се старая наша правда и грамота, на чемь цѣловали отци ваши и наши крестъ. А иное грамоты у насъ нѣтуть, ни потаили есмы, ни вѣдаемъ; на томь крестъ цѣлуемъ». После этих слов и пробела в одну строку, на той же стороне листка записана старая грамота, начинающаяся словами: «Се язъ князь Ярославъ Володимѣричь, сгадавъ с посадником с Мирошкою и с тысяцькымь Яковомь и съ всѣми новгородьци, потвердихомъ мира стараго, съ посломь Арбудомь» и пр. На лицевой стороне грамота занимает десять строк и продолжается на обороте, который исписан весь, кроме последних трех строк. Князь Ярослав Владимирович княжил в Новгороде три раза: в 1182—1184 гг., 1187—1196 гг. и 1197—1199 гг. В 1189 г. новгородцы «отяша посадницьство у Михаля вдаша Мирошки Нездиницю»; он умер посадником в 1203 г. За это время он в течение двух лет отсутствовал из Новгорода, так как в 1195 г. в качестве новгородского посла был задержан кн. Всеволодом и вернулся вместе с кн. Ярославом в 1197 г. Когда был тысяцким Яков—неизвестно. Значит договор мог быть заключен в 1189—1195 и 1197—1199 гг. Этот древнейший из сохранившихся договоров с немцами вовсе не первый мирный трактат Новгорода; из начальных его слов видно, что он является подтверждением старого мира. По содержанию своему он гораздо важнее договора Александра Невского, так как содержит ряд любопытных норм из области частного международного права. Но, к сожалению, сохранился, повидимому, не в полном списке. Переписчик с половины оборотной стороны листка, заметив, очевидно, что ему остается еще вписать многое, стал писать убористее, но все же всего не переписал: у грамоты недостает обычного конца; недостает той статьи, в которой содержалось бы разъяснение непонятного условия: «А старыи миръ до Котлигнѣ»; весьма вероятно, что не дописана статья о «насиліи робѣ».

Кроме рассмотренных двух грамот сохранился из истории сношений Новгорода с немцами ряд других: до конца XIV века известно их не менее 10. Между ними особенно любопытен по богатству содержания договор 1270 г. на нижне-немецком языке.

Из договоров с немцами других земель старейшим и самым интересным является бесспорно договор, заключенный смоленским князем Мстиславом Давидовичем. Договор сохранился в семи экземплярах, все на русском языке, из которых пять, как и два старейших новгородских договора, найдены в Рижском городском архиве. Все экземпляры напечатаны в приложении к изд. «Русско-Ливонские акты, собранные Напьерским» (СПБ., 1868). В предисловии к приложению ученый редактор «Актов», академик Куник, представил первый опыт ученой разработки этих памятников и установил, что все экземпляры должны быть разделены на две редакции: к первой, готландской, должны быть отнесены экземпляры A, B, C; ко второй, рижской, — D, E, F. Разница между редакциями сводится к существенному отличию в строе и оборотах речи, к порядку расположения статей и даже некоторой разнице постановлений. Несомненно, что каждая из редакций возникла независимо одна от другой. Вместе с тем Куник доказал, что это не два разных договора, как предполагалось некоторыми раньше, так как с той и другой стороны в составлении договора принимали участие те же города и те же лица, да и постановления, кроме немногих дополнений второй редакции, оказываются тождественными.

Но как же возникли эти две редакции? В решении этого вопроса Куник сделал только первый шаг, второй сделал П. В. Голубовский («История Смоленской земли до конца XV ст.», 1895), хотя полного и твердого решения нет до сих пор.

Во вступлении к договору сказано, что князь Мстислав Давидович прислал в Ригу своего лучшего попа Еремея и с ним умного мужа Пантелея, которые были послами в Риге, а оттуда «ехали на Гочкый берьго, тамо твердити миръ»; далее указано, что при составлении договора особо потрудились добрые люди: «Ролфо ис Кашеля, Божий дворянинъ, Тоумаше Смольнянинъ». Последний, немец Томас, потому и привлечен был к выработке статей соглашения, что владел немецким языком (в ту пору das Niederdeutsche). Это привело Куника к догадке, что условия сначала вырабатывались по-немецки, а потом уже переведены по-русски. Подтверждение этому он нашел как в указании, что некогда в Рижском архиве хранились немецкие списки договора, давно уже оттуда исчезнувшие, так и в языке первой редакции договора, сохранившей явные следы перевода с немецкого. Таковы выражения: 1) «Божій дворянинъ», — термин, не встречающийся в тексте 2-й редакции,—есть дословный перевод немецкого «Ridder Gots» или «Gottesridder». Так титуловали себя члены ордена меченосцев, называвшие себя по-латыни «fratres militiae Christi». 2)«Албрахтъ фоготь» — не более как простая

переписка русскими буквами немецких слов «Albrecht voget»; во 2-й редакции стоит: «Алберь, соудия Рижьскыи». 3) «Оустоко море» из немецкого «Ostsee»; во 2-й редакции правильнее «восточное море». Грамота датирована в списках первой редакции так: «Коли ся грамота псана, йшлъ былъ отъ Рожества господня до сего лѣта 1000 лѣтъ й 200 лѣтъ й 8 лѣтъ й 20». Этот способ летосчисления не соответствует ни русским обычаям ни русскому языку; у нас лета считали от сотворения мира и написали бы истекло 1228 лет; «8 лѣтъ й 20» опять дословный перевод с немецкого «achtundzwanzig».

Списки же 2-й редакции, по догадке г. Голубовского, носят некоторые следы перевода с латинского. Так, выражение «коли епископъ Альбрахтъ Рыжьскыи мьртвъ» без вспомогательного глагола является неловким переводом латинского ablativus absolutus: «episcopo Albrachto Rigensi mortuo» [1]). Дата грамоты гласит: «А си грамота написана бысть отъ распятья было 1000 лѣтъ и 200 лѣтъ и 30 лѣтъ безъ лета». Непонятное летосчисление от распятия по форме счисления передает латинский подлинник: «mille ducenti undetriginta» [2]). Название города «Жюжажатъ», вместо «Жат» 1-й редакции, не могло произойти от немецкого Soest, а только от латинского Susatium. Наконец термин «соудия Рижьскыи», вместо «фоготь», соответствует, вероятно, латинскому подлиннику «judex Rigensis» [3]).

Но если и принять вывод, что одна редакция произошла от немецкого, а другая от латинского подлинника, то остается неясным, как произошли два подлинника, немецкий и латинский. Проф. Голубовский предполагает, что и немецкий подлинник был переводом с латинского. На эту мысль действительно наводит начало введения к договору — «Что ся дѣетѣ по вѣремьнемь, та отъйде то по вѣрьмьнемь» — передающее латинскую формулу: «Quum ea quae fiunt in tempore labuntur in tempore» [4]) (на что было указано уже Эверсом). Отсюда г. Голубовский заключает, что при заключении договора уполномоченными обеих сторон был составлен сперва латинский текст, затем этот текст был переведен на современный немецкий язык, потому что не все члены союза немецких купцов могли понимать латинский текст. В то же время и с теми же целями сделан перевод на смоленское наречие (2-я редакция). К русскому экземпляру немецкие власти привесили свои печати и вручили его смоленским представителям. С немецкого же экземпляра сделан еще раз перевод на русский язык (1-я редакция); к этому экземпляру привешены были печати смоленских властей, и он вручен немецким представителям.

[1]) Когда умер Альбрахт Рижский. *Перев. ред.*

[2]) Тысяча двести двадцать девять. *Перев. ред.*

[3]) Рижский судья. *Перев. ред.*

[4]) То, что происходит во времени, и проходит с течением времени. *Перев. ред.*

Отдельные экземпляры каждой редакции произошли следующим образом. Экз. А есть первоначальный оригинал, отличающийся наибольшею древностью языка. К нему привешены печати с надписями: «Велікого княз.. Ѳедо.. печать» и «пчат перьѳ Влъдыкъ. моленско.». Это печати кн. Мстислава Давидовича (нареченного в крещении Федором) и смоленского епископа Перфилия. Экз. В имеет такую надпись: «Се язъ князь Смоленскии Олексанъдръ докончалъ есмь с Немьци по давному доконьчанью, како то докончали отци наши, дѣди наши. На тех же грамотах целовалъ есмь крестъ, а се моя печать». Кн. Александр Глебович захватил смоленский стол после смерти своего отца в 1297 г. и умер в 1313 г. Значит по своем вокняжении он подтвердил Мстиславов договор и свою крестоцеловальную грамоту с своею печатью отослал в Ригу. Экз. С не имеет указаний на свое происхождение; но на основании большей близости языка его к оригиналу заключают, что он составлен раньше экз. В. Экземпляры 2-й ред. представляют лишь копии с того оригинала с немецкими печатями, который хранился у кн. Мстислава и безвозвратно погиб. Что экз. D и Е позднейшего происхождения, доказывается следующими к ним приписями: «Што немѣцьскыхъ дворовъ и дворищь Смолѣньскѣ коуплѣнины и церкве ихъ мѣсто, не надобѣ ни комоужо, комоу дадять ли, посадять ли кого Немци, то по своеі воли; а на которомь подворьи стоять Немци, или гость Немьцьскии, не поставити на томь дворѣ князю ни татарина, ни иного которого посла». Зависимость Смоленска от татар началась не ранее второй половины XIII в. Поэтому указанные приписки могли появиться не ранее 60-х или 70-х гг. этого века.

Надо думать, что все эти копии списывались при возобновлении договора, по случаю ли смены правителей или после размирья. Мстиславов договор, таким образом, долго сохранял свою силу, при чем со временем сделаны были в нем незначительные дополнения статей (ст. 3 б) или вставлены немногие новые статьи (ст. ст. 23 и 35). Огромное большинство статей оставалось без всякого изменения. Даже имена послов из оригинального договора продолжали переписываться, хотя при возобновлении мирных условий являлись, конечно, каждый раз особые послы.

По содержанию своему дог. 1229—1230 г., названный в тексте «Правдою», богаче древнейшего новгородского договора.

Договоры с немцами имеют, в противоположность договорам с греками, весьма важное значение в качестве источников изучения древне-русского права. Обе договаривающиеся стороны стояли приблизительно на одном уровне культурного развития и правосознания. И нормы, определяющие порядок восстановления нарушенных прав, легко было согласовать. Это, однако, не устраняет необходимости каждый раз строго взвешивать, русское ли или немецкое право нашло большее отражение в той или другой статье. Несомненная близость статей древнейших договоров с некоторыми статьями Р. Правды лучше всего подтверждает род-

ства этих юридических памятников (статьи Мстиславова дог., сходные с Р. Правдой, указаны у Калачова «Предварительные юридические сведения для полного объяснения Р. Правды», 1880, стр. 161—167).

Литература. Издания договоров с немцами: Грамоты, относящиеся до сношения северо-западной России с Ригою и Ганзейскими городами, изд. Археогр. Ком., 1857; Русско-Ливонские акты, изд. Арх. Ком., 1868; Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch, Bände I — III, 1852 — 57; Antiquités russes, éditées par la société des antiquaires du nord, II, 1852; Hansisches Urkundenbuch bearbeitet von K. Höhlbaum, Bände I—V, 1876 — 99; Sverges Tractater med främmande Magter utgifue of Rudberg, D. I, 1877, D. II, 1883; Вл.-Буданов. Хрест., вып. 1-й.

Комментарии и пособия: Срезневский. Древнейшие договорные грамоты Новгорода с немцами, в Изв. Акад. Наук, т. VI, вып. 2, 1857; Тобин (Tobien). Die ältesten Tractate Russlands, II, 1855; Андреевский. О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, 1855; ср. поправки Авг. Энгельмана в Отеч. Зап., 1855, № 5; Авг. Энгельман. Хронологические исследования в области русской и ливонской истории в XIII и XIV ст., 1858; Боннель (Bonnel, E). Russisch-livländisch Chronographie, 1862; Бережков. О торговле Новгорода с Ганзою, 1879; Шиманн (Schiemann). Russland, Polen und Livland, 1885; Гельбаум (Höhlbaum). Deutscher Handel mit Nowgorod, в т. III указанного издания Ганзейских Актов, стр. 357 и сл.; Голубовский, П. В. История Смоленской земли, 1895; Д-р В. Бук (Dr. W. Buck). Der deutsche Handel in Nowgorod bis zur Mitte des XIV J., 1895; Р. Гаусманн (R. Hausmann). Zur Geschichte des Hofes von St. Peter in Nowgorod, Balt. Monatsschrift, 1904, Heft 10/11; Павел Таль. Третья новгородская скра (ок. 1235 г.), Чт. общ. ист. и др., 1905, кн. 4; Л. Арбузов (L. Arbusow). Die Beziehungen des deutschen Ordens zum Ablasshandel seit dem XV J., Mitteil. aus der livl. Gesch., 1910, XX, 367—478; Д-р В. Шлютер (Dr. W. Schlüter). Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom XIII bis XVII J., Dorpat, 1911; П. Остен-Сакken (P. Osten-Sacken). Der Kampf der livländischen Städte um die Vorherrschaft im Hansekontor zu Nowgorod bis 1442, Reval, 1912; Анна Краузе. Древние сношения Вел. Новгорода с нижне-немецкими городами, Изв. Отд. русск. яз. и слов., 1913, кн. 1.

К типу международных договоров должны быть отнесены и договоры между отдельными русскими князьями, так как они заключались между представителями политически независимых княжений. Такие ряды между князьями должны были возникнуть с того момента, когда налицо оказалось несколько князей, стоявших во главе отдельных земель: уже в X в. между сыновьями Святослава возникли враждебные столкновения, и была первая попытка заключить мир. Враждебные столкновения составляют повседневное явление в междукняжеских отношениях; но они по большей части завершались мирными соглашениями. «Рать стоитъ до мира, миръ до рати», говорили в старину. А сами князья предлагали друг другу «урядиться любо войною, любо миромъ». На пространстве пяти с лишком веков до объединения Московского государства было заключено, конечно, значительное число договоров между князьями, но первый сохранившийся до нас договор заключен между сыновьями Ивана Калиты в 1341 г. Все более ранние не дошли до нас. Несомненно, что первые по времени договоры были устными; но уже от XII в. имеются указания на

крестные грамоты, которые возвращались одним князем другому в ознаменование прекращения мирных соглашений (Ипат. лет., 1871, 255 и 451). Хотя все эти грамоты до половины XIV в. и не сохранились, но о содержании некоторых из них имеются краткие указания в летописи. Судя по этим отрывочным данным, можно думать, что содержание этих недошедших до нас договоров сводилось преимущественно к двум главным темам: 1) это были условия о порядке распределения столов между князьями; так, на Любечском съезде князья в 1097 г. согласились между собой: «кождо да держить отчину свою». Или же условия имели целью обеспечить спокойное владение волостью для данного князя со стороны других претендентов, которые обязуются данного стола «не подозрѣти», «не искати»; 2) это были разнообразные условия мирного союза, основным требованием которого было обязательство «иматися по едино сердце», «быти за единъ братъ», «не разлучатися ни въ добре, ни въ злѣ», т.-е. жить в согласии и любви; к этому присоединялись еще обязательства иметь общих врагов («кто тобѣ ворогъ, то ти и намъ») и не вступать в новые соглашения без ведома союзника («како еси послалъ сына своего ко королеви, а со мною не спрощався, соступился еси ряду»; «А нынѣ безъ его думы хочемь миритися; а, брате, повѣдаю ти, сего ти мира зде не улюбить братъ мой Рюрик». (Ипат., 446, 469). Этими мирными обязательствами в значительной мере определялись и взаимные отношения между князьями.

Иной характер носят договоры князей с народом и договоры князей с дружиною: ими определяются отношения между сторонами в пределах одного данного княжения. Первый вид договоров возник из права населения приглашать к себе на стол того или другого князя. Приглашенный князь утверждался с людьми крестным целованием. Но и князю, занимавшему стол помимо народной воли, было необходимо утвердиться с людьми, так как без поддержки населения ему невозможно было удержаться на столе. Такие ряды заключались обычно при занятии князьями столов, но могли иметь место и в других случаях. При неустойчивости княжеских отношений положение князя могло существенно видоизмениться в короткое время; ему могли угрожать непредвиденные прежде опасности со стороны князей-претендентов на его стол или со стороны враждебных ему партий среди населения. Это нередко приводило к новым соглашениям. Наконец один и тот же князь мог занимать один и тот же стол по несколько раз в течение своей жизни, и каждое новое занятие вызывало и новое соглашение. Так, в 1169 г. кн. Мстислав Изяславич был приглашен на Киевский стол и, явившись туда, «възма рядъ съ братьею и съ дружиною и с Кияны»; вынужденный вскоре оставить этот стол, он в 1172 г. снова успел занять его, «и вшедъ въ Киевъ веземъ ряды съ братьею... и с Киаными». Поэтому надо думать, что число таких рядов также было весьма значительно. С XII в., а может быть и раньше, они уже заклю-

чались письменно: в 1175 г. жители г. Владимира посадили кн. Ярополка Ростиславича «в городѣ Володимѣрѣ на столѣ, въ святѣй Богородици весь порядъ положивъше». Но несмотря на такое обилие памятников этого рода, из них ни один не сохранился до нас, за исключением договоров Новгорода с князьями, каковых сохранилось до 20, при чем старейший из дошедших до нас заключен с кн. Ярославом Ярославичем (1264—1265). Имеется любопытное указание, что по тексту Витебского земского привилея 1503 г. и Полоцкого привилея 1511 г. можно с большою вероятностью восстановить до 11 статей древних договоров, заключенных полоцкими и витебскими князьями с населением этих областей (И. Якубовский. «Земские привилеи великого княжества Литовского», Журн. Мин. Нар. Пр., 1903 г., № 6, стр. 275—276). О содержании договоров других городов с князьями можно судить только по кратким летописным записям, случайно упоминающим о тех или других пунктах условий (некоторые подробности об этих условиях см. в главе о ведомстве веча).

О договорах князя с дружиною летопись упоминает часто одновременно с другими княжескими соглашениями, как, напр., в вышеприведенном случае с кн. Мстиславом, под 1169 г. Эти «ряды с дружиною» могли заключаться как с отдельными дружинниками, вступающими в состав дружины, так с целою дружиною, например, после смерти князя, когда его дружина переходила к другому князю. Пока существовала вольная служба, такие соглашения дружинников, позднее вольных слуг, заключались постоянно. Но, повидимому, они заключались устно; по крайней мере в памятниках нет упоминаний о договорных грамотах князей с слугами вольными. О содержании этих условий имеется еще менее известий, чем о содержании других княжеских договоров. Известно, что главною обязанностью дружинников была ратная служба, а потому, надо думать, в соглашениях шла речь о размерах этой службы и пожалованиях за отбывание ее. Может быть в договоры с членами старшей дружины входили и условия об участии их в советах по делам внешней и внутренней политики. В сохранившихся междукняжеских договорах встречается ряд условий, обеспечивавших вольным слугам право отъезда с сохранением всех личных и имущественных прав (об этом ниже).

Княжеские уставы.

Необходимо допустить, что уже с древнейших времен должна была существовать уставная деятельность князей. Князья, как представители управления и суда, давали какие-либо распоряжения, что-либо установляли. На первых порах и здесь, как и в области обычного права, деятельность князей основывается на их могуществе. Как представитель преобладающей силы, князь, завоевывая волости, установляет условия подчинения и облагает побежденных данями. Под 882 г. в летописи сказано, что

кн. Олег «нача городы ставити, и устави дани Словѣномъ, Кривичемъ и Мери». Как установлялась дань, сказано там же под 883 г.: «Поча Олегъ воевати Деревляны, и примучивъ а, имаше на нихъ дань». В 946 г., после победы над древлянами, Ольга «иде по Дерьвьстѣй земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляюще уставы и уроки». Она же в 947 г. «иде Новугороду, и устави по Мьстѣ повосты и дани и по Лузѣ оброки и дани... И изрядивши, възратися Киеву».

Под этими уставами нельзя разуметь каких-либо общих правил, подобных современным законам. Мысль о законодательном творчестве совершенно чужда древним эпохам. Князья проявляют уставную деятельность и тогда, когда постановляют судебные решения. В. Р. Правде записано решение кн. Изяслава Ярославича, разбиравшего дело об убийстве Дорогобужцами его старого конюха у стада, и его решение названо уставом. Там же записаны и другие более общие уставы.

Уставная деятельность князей заметно усиливается после принятия христианства под влиянием духовенства. Проникнутое византийскими образцами, оно подает князьям советы о тех или иных преобразованиях. Уже кн. Владимиру епископы говорили: «се умножишася разбойницы, почто не казниши ихъ?». Князь отвечал, что боится греха. Но епископы поучали князя: «ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье; достоить ти казнити разбойника, но со испытомъ. Володимеръ же отвергъ виры, нача казнити разбойникы». В частности князья издают уставы, определяющие положение в стране церковных учреждений. Кн. Владимир построил церковь богородицы в Киеве и постановил: «даю церкви сей святѣй Богородици отъ имѣнья моего и отъ градъ моихъ десятую часть. И положи написав клятву в церкви сей, рек: аще кто сего посудитъ, да будетъ проклятъ». Это первое указание на записанный княжеский устав, но он не сохранился.

С именем Владимира до нас дошел другой памятник, так наз. «церковный устав». Подобные же церковные уставы сохранились и от других князей. В настоящее время известно до шести таких уставов, а именно, кроме Владимирова, еще: устав церковный Ярослава; устав новгородского князя Всеволода 1125—1136 гг.; того же князя грамота в пользу церкви Св. Ивана на Опоках; устав новгородского кн. Святослава 1137 г. и устав церковный смоленского кн. Ростислава 1150 г. О всех этих уставах, за исключением последнего, высказаны серьезные сомнения в подлинности их. Но и защитники подлинности этих памятников признают, что в относительно поздние списки, в каких эти уставы только и дошли до нас, внесены переписчиками серьезные искажения первоначального текста. Для примера остановимся на разборе церковного устава кн. Владимира.

Владимиров устав дошел до нас в значительном числе списков, которые сводятся разными историками к 2—3 редакциям. Древнейший список сохранился в новгородской кормчей конца

XIII в. По сравнению с этим древнейшим списком другие (XV—XVII вв.) являются или приблизительным его воспроизведением, или сокращением, или же дополнением в тех или других частях. Некоторые исследователи (Неволин, Вл.-Буданов) признают сокращенную редакцию древнейшею, другие (митр. Макарий, акад. Голубинский) более древнею считают редакцию списка XIII в. Не приведено никаких решающих спор доводов в пользу первого мнения; между тем термины для обозначения дел, переданных в ведомство церкви, по списку XIII в. относятся к более глубокой древности.

Гораздо важнее, однако, вопрос о подлинности устава. Разными авторами приводились и продолжают приводиться следующие соображения в подтверждение недостаточно искусно совершенного подлога: 1) в начале устава от имени кн. Владимира говорится, что он «воспріялъ св. крещеніе отъ Грецьскаго царя и отъ Фотія патріарха Цареградьскаго», тогда как Фотий умер за сто лет до крещения Руси; 2) устав говорит о десятине только в пользу киевской церкви св. богородицы со всей русской земли, тогда как десятина была дана всем епископиям; 3) перечисленные в уставе дела переданы в ведомство церковного суда будто бы согласно греческому номоканону («разверзше грецьскыи Номоканон, и обрѣтохомъ въ немь, оже не подобаеть сихъ судов и тяжь князю судити ни бояромъ его ни судьямъ»; и после перечисления дел: «то все далъ есмь по первыхъ царствъ уряженью и по вселенскихъ святыхъ семи зборовъ великихъ святитель»); но в Византии судебная компетенция духовенства вовсе не была так широка, как по уставу, и ничего такого князь не мог найти в номоканоне; 4) по уставу споры о наследстве между детьми переданы церковному суду, а по Р. Правде, эти дела ведает князь; 5) по уставу в заведывание епископов переданы больницы, гостиницы, странноприимницы; но таких богоугодных заведений при Владимире и позднее у нас еще не возникло. Кроме того указывается, что в позднейшем Смоленском уставе перечисляется меньшее число дел, переданных ведомству церковного суда; но в числе их такие, как многоженство, в уставе Владимира не упомянуты, из чего выводят заключение, что устав Владимира возник в такую пору, когда языческий обычай многоженства совсем исчез.

Далеко не все из приведенных соображений имеют решающее значение, и в литературе представлено несколько указаний в значительной мере смягчающих силу приведенных доводов. Быть может, всего ближе к правильному решению спорного вопроса подошел покойный канонист А. С. Павлов, который в своем докладе на восьмом археологическом съезде в Москве указал, что в вопросе о подлинности устава необходимо различать два вопроса: 1) содержатся ли в нем правила, установленные при Владимире, и 2) облечены ли они в форму устава самим Владимиром? На первый вопрос, по мнению Павлова, надлежит дать скорее утвердительный ответ, так как все или почти все постановления устава могут

быть приписаны самому Владимиру; на второй же вопрос должен быть дан решительно отрицательный ответ. В основу устава положен записанный устав Владимира в пользу киевской церкви, но постановление этого устава о десятине частной превратилось в десятину «со всей русской земли». Далее к уставу приписывались отдельные и разновременные распоряжения о передаче тех или других дел в ведомство церковного суда. Самая архаичность терминологии показывает, что эти приписки передают распоряжения эпохи кн. Владимира (смильное заставанье, это—ненахождение прелюбодеев или любодеев на месте преступления; смильное, смило, это—приданое; заставанье, позднее застава, это—заряд, залог; пошибанье от пошибати—похищать, и слово умычка есть лишь позднейшая глосса). Передача дел о наследстве в ведомство церкви по уставу, тогда как по Р. Правде они ведаются князем, вовсе не доказательство подложности устава, а указывает в нашей истории на период двоеправия, на борьбу двух течений. Устав Владимира образовался путем частной кодификации таких правил, из каковых почти все установлены еще при Владимире.

Судебная компетенция церкви во всех уставах определена двояко: 1) церкви оказалось подсудным все население по некоторым категориям дел и 2) некоторые же категории лиц по всем делам переданы в ведомство церкви. Эти категории дел и лиц определены в разных уставах различно. Но все же в общем можно отметить, что дела, по которым подсудно церкви было все население, касались тех или иных вопросов права брачного и семейного, отчасти и наследственного; лицами же, подсудными церкви по всем делам, кроме духовенства, оказались различные разряды населения, по своему общественному положению особенно нуждавшиеся в заботах и попечении церкви, как-то: прощенники, задушные люди, паломники и странники, слепцы, хромцы, изгои и др. Все эти лица назывались людьми церковными, богадельными.

Литература. Все вышеуказанные церковные уставы перепечатаны в Хрестоматии по истории русского права, I, изд. 4-е и 5-е. Лучшее издание Владимирова устава по древнейшему списку у Е. Голубинского. История русской церкви, т. I, 1-я половина тома, изд. 2-е, 1901, стр. 617 и сл. Там же и устав Ярослава. Самое полное издание первого устава с привлечением значительного числа списков, разделенных по группам, исполнено Археограф. Ком.: Устав св. вел. кн. Владимира о церковных судах и о десятинах, 1915. Текст приготовлен к печати проф. В. Н. Бенешевичем и напечатан под его наблюдением. У Голубинского же см. в гл. III Пространство епархиального суда, стр. 394 и сл. Ср. Неволин. О пространстве церковного суда в России до Петра В., в т. VI Полн. собр. соч.

Византийское право.

Уже в некоторых церковных уставах встречаются ссылки на греческий номоканон как на источник, из которого князья почерпали указания в своей уставной деятельности. Не подлежит сомнению, что греческие номоканоны проникли к нам на Русь уже

вслед за принятием христианства и очень рано были известны в славянском переводе. Еще в домонгольское время известны были в переводах номоканон Иоанна Схоластика и номоканон в XIV титлах до-Фотиевой редакции. Митр. Кирилл II на владимирском соборе 1274 г. указал, что раньше в церкви были большие неустройства «отъ неразумныхъ правилъ церковныхъ. Помрачени бо бѣаху преже сего облакомъ (тмою) мудрости елиньскаго языка, нынѣ же облисташа, рекше истолкованы быша, и благодатью Божиею ясно сияють, невѣдения тму отгоняюще и все просвѣщающе свѣтъмь разумнымь». В этих словах, из которых раньше историки церкви выводили заключение, что до митр. Кирилла у нас были только греческие номоканоны, кроется прямое указание на полученный митр. Кириллом от болгарского деспота Иакова Святислава новый перевод номоканона с краткими толкованиями Аристина. Этот новый славянский перевод был сделан для сербов первым сербским архиепископом Саввою и перешел потом к болгарам. В предисловии к переводу Савва и употребил вышеприведенные слова, так как у сербов не были известны раньше славянские переводы номоканонов, а митр. Кирилл эти слова повторил, хотя у нас они не могли иметь того значения, как в Сербии. (Об этом: А. Павлов. «Первоначальный славяно-русский номоканон», 1869; Е. Голубинский. «История церкви», т. I, 1-я половина, изд. 2-е, стр. 642—660; т. II, 1-я половина, 1900, стр. 62—64.)

Вскоре после получения нового перевода номоканона с толкованиями возникают две редакции кормчих: новгородская или софийская, составленная в конце XIII в. и отличающаяся более полным текстом канонических правил и чрезвычайно важными дополнениями чисто русского происхождения, и рязанская, составленная при еп. рязанском Иосифе по списку митр. Максима и воспроизводящая Кирилловскую кормчую в том виде, как она получена из Болгарии.

В наши кормчие из греческих номоканонов перешли и сборники светского права, а именно: 1) «Эклога», изд. в 740—741 г. имп. Львом Исавром и сыном его Константином Копронимом, составляющая гл. 49-ю кормчей под заглавием: «Леона царя премудраго и Константина, вѣрною царю, главизны о совѣщанiи обрученiя и о иныхъ различныхъ винахъ»; 2) «Прохирон», изд. в 870 г. имп. Василием Македонянином в отмену «Эклоги», вошедший в 48-ю главу кормчей под заголовком «Закона градскаго главы различны въ четыредесятихъ гранѣхъ», и 3) «Закон судный людям» или Судебник царя Константина, представляющий компиляцию, возникшую в Болгарии или Моравии, из «Эклоги», новелл и Моисеева законодательства. Кроме того в XII или XIII вв. появился перевод юридического сборника под названием: «Книги законныя, имиже годится всякое дѣло исправляти всѣмь православныимъ княземь». В состав книг законных вошли: 1) «Закони земледѣльнiи отъ Оустинiановыхъ книгъ о земледѣльцѣхъ»—собственно земледельческий устав императоров иконоборцев; 2) «За-

конъ о казнѣхъ»; 3) «Законъ о раздѣленіи бракомъ» и 4) «Главы о послусѣхъ»—все выдержки из соответственных титулов «Прохирона» с присоединением нескольких глав из «Эклоги».

Чрезвычайно важные вопросы о том, с каких пор, какими способами и в какой мере усвоились эти проникшие к нам юридические сборники, еще далеки от полного их разъяснения. Несомненно, однако, что уже в Р. Правде можно отметить следы этих влияний. Переводчики и составители этих чужеземных сборников и русские их списатели имели, конечно, в виду не одни назидательные цели, а и практическое их приложение. Но условия русской жизни были столь существенно различны от византийских, что не один раз возникал вопрос о необходимости приспособления чужих норм к русской действительности. Это было прямо неизбежно, так как в русском языке некоторых понятий совершенно не существовало. Поэтому и наблюдаются в славянских текстах сборников более или менее существенные отступления от оригинала. Например, переводчик «Законных книг» заменяет понятие «государственной казны» описательным выражением «казна обчая», «казна господская», «казна господская опчая», «казна обчая, еже ко князю»; понятие «жалованье чиновникам» выражает формулой «честь и власти, яже отъ князя»; вм. фальшивых монетчиков стоят «списавшіе лживую грамоту о продажи какова либо мѣста»; вм. «царь» везде поставлено «царь или князь». В других случаях приспособление византийских норм к русской жизни выражается в том, что вместо телесных наказаний назначались денежные взыскания, при чем число ударов заменяется равным числом гривен кун.

Литература. Кроме указанных трудов А. Павлова и Е. Голубинского, см. еще: бар. Розенкампф. Обозрение Кормчей книги, изд. 1-е, 1829, изд. 2-е 1839; Н. В. Калачов. О значении Кормчей книги в системе древнего русского права, 1850; В. Г. Васильевский. Законодательство иконоборцев, Ж. М. Н. Пр., 1878, №№ 10 и 11; А. Павлов. Книги законные, 1885; критику на этот труд поместил Васильевский в Ж. М. Н. Пр., 1886, № 2; Павлов ответил в статье: К вопросу о времени, месте и характере первоначального перевода византийского земледельческого устава на славянский яз., Ж. М. Н. Пр., 1886, № 9; Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии. Земледельческий закон и монастырские документы. 1903.

Русская Правда.

Она была впервые найдена Татищевым в одном списке новгородской летописи и в 1738 г. представлена с переводом и примечаниями в Академию Наук. Но здесь она пролежала до 1767 г., когда была издана Авг. Шлецером по списку Татищева. С тех пор и до 40-х годов XIX в. было найдено значительное количество новых списков этого памятника. Известный археограф Павел Строев насчитывал таких списков до 300. Но и до настоящего

времени из них не более 50 приведены в известность и изданы полностью или только в вариантах.

В 1844 г. издан труд о Р. Правде проф. Дерптского Университета Э. С. Тобина (Ewald Sigismund Tobien) под заглавием: «Die Prawda Russkaja, das älteste Rechtsbuch Russlands», где впервые поставлен вопрос о тексте памятника по различным до тех пор изданным спискам, о происхождении различных списков, о делении их на редакции, о системе Р. Правды и пр., при чем в исследовании дан и текст памятника, старательно проверенный по всем спискам с указанием всех вариантов. Тобин впервые разделил все изданные до него списки Р. Правды на две редакции, краткую и пространную, и установил отношение между ними таким образом, что краткая Правда есть древнейшая, хотя возникла не сразу, а в два приема, именно, первая половина при Ярославе, а вторая половина является дополнением к первой при сыновьях Ярослава. Затем эта краткая Правда была переработана систематически при Ярославичах же и потом снова дополнена при Мономахе. Тобин считал Р. Правду во всех ее частях и при всех ее переработках памятником официальным.

В 1846 г. вышло в свет исследование Н. Калачова: «Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды». Текст ее автор имел возможность изучить по 50 спискам и издал систематически, разбив на четыре отдела: к первому отнесены понятия и статьи, относящиеся к государственному праву; ко второму—понятия и статьи, относящиеся к гражданскому праву; к третьему—статьи о преступлениях и наказаниях и к четвертому—статьи, относящиеся к судопроизводству. К каждой статье подведены все самые мелкие варианты. Это был бесспорно гигантский труд, без справки с которым невозможно изучение текста Р. Правды и в настоящее время. Но, к сожалению, Калачов разбил текст по привнесенной извне системе и тем нарушил цельность памятника. В своем исследовании он поставил те же самые вопросы, как и Тобин, и пришел по большинству из них к иным выводам. В частности по вопросу о редакциях Р. Правды он значительно уклонился от выводов Тобина и установляет четыре редакции списков. Первая краткая редакция, хронологически по происхождению ее старейшая, у Калачова совпадает с первой редакцией Тобина. Но пространные списки Калачов разделил на две редакции и к ним присоединил третью, являющуюся сокращением пространной редакции. Между редакциями или фамилиями, как говорит Калачов, пространных списков он установляет то различие, что одни помещены в одних рукописных сборниках (Кормчих Софийских и Мерилах Праведных), другие—в других (Софийских Временниках); разнятся подробностями заглавий и теми или иными статьями. Отсюда видно, что указываемые различия между пространными списками сводятся к признакам весьма внешним и несущественным; с точки зрения юридической между этими списками никакого различия и от-

метить нельзя. Различие в количестве статей каждого из пространных списков столь постоянно, что сам Калачов отметил три вида списков среди списков одной фамилии или редакции. Поэтому представляется совершенно невозможным различать две редакции пространных списков и следует предпочесть точку зрения Тобина, отнесшего все пространные списки в одну редакцию. Но Тобину вовсе не были известны списки, впервые отмеченные Калачовым, представляющие собою сокращение пространных списков. Поэтому к двум редакциям списков, установленным Тобином, следует присоединить еще третью редакцию списков, сокращенных из пространных.

Эта точка зрения, принимающая три редакции списков Р. Правды, была общераспространенной среди историков права до самого последнего времени. Но проф. В. И. Сергеевич вновь (1904 г.; 2-е изд. 1911 г.) издал текст Р. Правды под заглавием: «Русская Правда в четырех редакциях по спискам Археографическому, Троицкому и князя Оболенского с дополнениями и вариантами из других списков». В предисловии к изданию проф. Сергеевич объясняет, что господствующий взгляд на деление списков Р. Правды на три редакции, которые и он разделял еще в своих «Лекциях и Исследованиях» изд. 1903 г., он теперь признает ошибочным, после того, как имел возможность ознакомиться с некоторыми списками Р. Правды в рукописях. Он именно заметил, что в кратких списках Правды вторая часть памятника, начинающаяся словами: «Правда установлена Русской земли, егда ся совокупил Изъяславъ» и пр., в тексте резко отделена от первой, начинается не только киноварной буквой, но и с новой строки, при чем на поле рукописи переписчик поставил слово «зрі». «Летописец, значит, хорошо понимал, что он вносит в летопись,—замечает автор,—он вносит в нее два совершенно различных памятника. Первый он приписывает Ярославу, второй был уже раньше, в попавшем в его руки документе, приписан его сыновьям. Летописец заметил это, а потому и нашел нужным второй документ отличить не только красной буквой, но новой строкой и особой припиской на стороне» (X). Проф. Сергеевич отмечает, что первый издатель Правды, знаменитый Шлецер, в Татищевском списке увидал не одну, а две Правды, и в этом виде напечатал их в 1767 г. И Шлецер был совершенно прав, печатая две редакции, две Правды, а не одну, как это делают новые издатели. Проф. Сергеевич последовал за Шлецером и напечатал вторую половину краткой редакции Правды в виде отдельного памятника, с особой нумерацией статей.

Но прав ли он, различая теперь четыре редакции Р. Правды? В особую новую редакцию он выделяет не какие-либо списки Р. Правды, а делит на две редакции одни совершенно тождественные между собою списки краткие, которые прежде относились к первой редакции, притом делит так, что первую половину списка относит к 1-й редакции, а вторую половину—ко 2-й ре-

дакции. Но разве это редакции? Первая и вторая части краткой Правды говорят вовсе не об одном и том же, но в разных редакциях; они различаются между собою содержанием, а не изложением; это скорее два памятника, соединенные, однако, между собой потому, что один служит дополнением другого, а вовсе не разные редакции одного и того же. Между частями краткой редакции Правды необходимо проводить различие, как это и делал Тобин и другие. Но все же это будут две части одного и того же списка, а не две разных редакции одного памятника.

По поводу издания Р. Правды и новых наблюдений проф. Сергеевича покойным историком П. В. Голубовским предложены замечания, заслуживающие полного внимания. По его мнению, вопросы о редакциях Р. Правды имеют прежде всего значение для выяснения истории ее возникновения. С этой точки зрения совершенно не существенно, разделим ли мы краткую Правду на два памятника или на две редакции. Гораздо важнее выяснить, когда и при каких условиях в кратких списках вторая половина памятника приписана сыновьям Ярослава. Едва ли может быть сомнение в том, что самая запись об установлениях Ярославичей возникла в XI в. Но что надо отнести на долю их совместной деятельности? Считалась ли уже в то время вся вторая половина текста краткой Правды цельным памятником, возникшим одновременно и приписанным Ярославичам? На этот вопрос не может быть иного ответа, кроме отрицательного, так как после заголовка о совместной деятельности братьев помещены еще: устав одного кн. Изяслава и даже урок кн. Ярослава. Но какой же смысл имеет тогда весь заголовок? Проф. Голубовский высказал догадку, что запись эта испорчена. Совместной деятельности Ярославичей надо приписать устав, сохранившийся в пространной Правде: «отложиша оубиение за голову, но кунами ся выкупати». Когда и почему отпала эта запись в кратких списках, сказать чрезвычайно трудно. Во всяком случае нельзя допустить, чтобы переписчик XIV—XV вв. сознательно выкинул эту запись, составляющую суть совместной уставной деятельности братьев. Очевидно он уже имел в руках список, в котором это постановление, вследствие внешней порчи рукописи, не могло быть прочтено. А это и подало повод к домыслу, что братья составили новую Правду,—домыслу, на который его могла навести уже ранее приписанная Ярославу первая часть памятника, которую он только что переписал. Он и приставил к испорченной записи слова: «Правда оуставлена Роуськой земли, егда»... Для наглядности можно сопоставить рассматриваемую запись по спискам краткому и пространному.

(Правда оуставлена Руськой земли, егда) ся съвокоупилъ Изяславъ, Всеволодъ,	По Ярославѣ же п а к и совкупившеся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ,

Святославъ, Коснячко, Перенѣг, Микыфоръ Кыянинъ, Чюдинъ Микула.

и мужи ихъ: Коснячько, Перенѣгъ, Никифоръ і отложиша оубиение за голову, но кунами ся выкупати.

Подчеркнутое в правой колонне в конце выпало в кратких списках; слово паки, принимаемое за указание на вторичный съезд Ярославичей, далеко не всегда значит опять, снова, а нередко имеет смысл потом, кроме того; заключенное в скобки в левой колонне представляет домысел переписчика; подчеркнутое в ней имя отсутствует в списках пространных, может быть потому, что было забыто, так как этот Чюдин занимал особое положение среди других княжеских мужей. Проф. Голубовский догадывается, что именно об этом Микуле упоминает Иаков Мних: «и бяше человѣкъ Вышегородѣ старѣйшина огородьникомъ, зовомъ же бяше Жьданъ по мирьскоуомоу, а въ хрьщении Никола и творяше праздьньство св. Николѣ» (Успенский сборн., 36). Этот начальник городничих приглашен был на совещание, когда братья съехались в Вышгороде для перенесения мощей св. Бориса и Глеба в 1072 г. и завершили это торжество важным нововведением об отмене мести.

В записи об этом уставе пространных списков стоит указание, что кроме отмены убиения за голову братья сохранили во всем порядке суда прежние правила: «а іно все якоже Ярославъ судилъ, такоже і сынове его оуставиша». Для переписчика краткого списка такое указание, если даже оно было у него перед глазами, совершенно не мирилось с его домыслом, а потому намеренно было опущено.

Если таково происхождение испорченных записей кратких списков, то строить на них какие-либо заключения о редакциях Правды, очевидно, нельзя.

Сколько же редакций Р. Правды можно установить? В этом вопросе надо различать два разных вопроса, нередко не расчленяемых: о числе редакций самого памятника и о различных редакциях дошедших до нас его списков. Ответ на второй вопрос не представляет тех трудностей, как на первый, хотя и на него предложены разные решения. Повидимому следует вернуться к старому мнению Тобина, установившего две редакции списков Р. Правды—краткую и пространную. Хотя Калачов предложил различать четыре редакции или фамилии списков, но он вместе с тем признавал, что «текст известных списков второй фамилии, отличающийся по изложению довольно ясно от текста первого разряда, напротив, в этом отношении не представляет никаких существенных различий от текста двух последних фамилий списков... Следовательно, за исключением списков первого разряда, полный текст рукописей второй фамилии, относительно изложения, можно признать за общий всем

спискам Р. Правды». («Предв. юрид. свед. для объясн. Р. Правды», изд. 2-е, 79.) Хотя в издании текста Р. Правды по 4 спискам он утверждает, «что каждый из выбранных им списков можно по справедливости признать представителем особой редакции», но это указание не уничтожает отмеченного соотношения всех пространных фамилий к краткой и не устраняет признанной близости между первыми. Если и после этого никто не был убежден в правильности выделения в особую редакцию Карамзинского списка, то остается под сомнением лишь вопрос о том, следует ли признать особую третью редакцию Р. Правды, являющуюся сокращением пространной. Эта редакция, известная в наиболее поздних списках, до сих пор возбуждала самые большие недоумения. Недавно проф. Голубовский заметил, что выделение в особую редакцию списка кн. Оболенского и сродных с ним надо признать неправильным. Этот список такой же пространный список, как и прочие, только сильно искаженный, испорченный и, в некоторых местах, не без умысла. И эту мысль надо признать. Едва ли может быть спор о том, что все известные до сих пор списки Р. Правды носят явные следы частного происхождения. Многообразные интересы, затронутые в памятнике, побуждали представителей разных общественных положений и профессий заботиться об изготовлении с него списков для собственных надобностей. По различию этих нужд, с одной стороны, по недостаточной грамотности списателей—с другой, и даже иной раз по прямому умыслу создавались более или менее значительные пропуски, разночтения, дополнения против того текста, с которого изготовлялись новые списки. Этим и надо объяснить разнообразие пространных списков, между которыми нет, однако, возможности наметить различие редакций. Нельзя принять за особую редакцию и список кн. Оболенского, как нельзя признать Карамзинский список особой редакцией только потому, что в него вставлен расчет о приплоде скота, не имеющий к содержанию Правды никакого отношения. Итак, все известные нам списки Р. Правды надо делить только на две редакции: краткую и пространную; третью редакцию (сокращение из пространной) необходимо устранить и все отнесенные к ней списки присоединить к пространным.

Новое издание Р. Правды проф. Сергеевичем имеет, однако, еще другое значение. При изучении текста Р. Правды необходимо выделять в ее тексте отдельные нормы, т.-е. особые статьи по содержанию. Уже Татищев насчитал 35 статей в открытом им кратком списке Правды. Тобин делил текст памятника иначе, более дробно. Но принятое им деление, как и предложенное Татищевым, не удержалось. Общепринятым остается деление на статьи разных списков Р. Правды, предложенное Калачовым. Одновременно с своим исследованием он издал «Текст Русской Правды на основании четырех списков разных редакций» (это издание было несколько раз повторено) и разделил каждый список на статьи, при чем в списке Академическом краткой

редакции он выделил 43 статьи; в Троицком списке пространной редакции—115 статей; в Карамзинском списке пространной редакции—135 статей и в списке князя Оболенского, редакции сокращенной из пространной,—55 статей. Это деление разных списков на статьи повторяется во всех других изданиях памятника, между прочим и в «Хрестоматии» Вл.-Буданова. Но правильно ли это деление? Проф. Сергеевич совершенно справедливо замечает, что «издание Правды с неправильным делением на статьи гораздо более вредно, чем издание без всякого деления. Особенно вредно соединение в одной статье таких норм, которые не имеют никакого отношения одна к другой... Менее опасно разделение одной мысли на две статьи. Это будет плохая редакция, но совершенно безвредная (?)». Он в своем издании предлагает новое деление Правды на статьи. В основу деления он принимает правило, что «каждая отдельная мысль должна быть выражена в особой статье; то, что говорится в ее развитие, может войти в ту же статью». Согласно этому правилу, он многие статьи ныне принятого (калачовского) деления разделил, а некоторые соединил. В результате у него получилось: в первой половине краткой Правды 25 статей вм. 17; во второй половине—также 25 статей вм. 26; в Троицком списке—153 (выключая недостающие 24-ю и 114-ю) статьи вм. 115 и в списке князя Оболенского—68 статей вм. 55.

Деление Р. Правды на статьи—результат толкования содержащихся в ней норм. А это вопрос очень трудный и спорный. Не подлежит сомнению, что предложенные проф. Сергеевичем деления текста вызовут возражения. Они уже и появились. Для примера можно отметить, что проф. Сергеевич признал более правильным соединить разделенные у Калачова статьи 33 и 34, а также статьи 35—37 Ак. сп., потому что в статьях 33, 35 и 37 мысль не договорена: в них упомянуто лишь частное вознаграждение и не упомянута продажа князю; при соединении же ст. 33 с ст. 34 в одну статью и ст. 35 и 37 с ст. 36 также в одну получится полное правило с установлением общей для всех случаев продажи, но разного вознаграждения потерпевшим в зависимости от разницы в понесенном ущербе. Если эту поправку принять, то на том же основании следовало бы соединить ст. 39 с ст. 40 Ак. сп., так как в ст. 39 мысль опять не договорена и дополняется в ст. 40. Другой пример. В третьей редакции Правды своего издания проф. Сергеевич выделил ст. 14, которая гласит: «Такоже и за боярескъ». Как понять такую статью? Взятая отдельно, она лишена смысла. Очевидно ее можно понять и истолковать только в связи с предшествующим. Предыдущая 13 статья «О княжи мужи» назначает уголовный штраф в 40 гр. за убийство княжего отрока, конюха и повара; в 80 гр. за тиуна огнищного и за конюшего; в 12 гр. за сельского княжего тиуна или ратайного и 5 гр. за рядовича. Особое, стоящее рядом, правило «Такоже и за боярескъ» можно и надо понять в том

смысле, что и за убийство боярского отрока и конюха полагается штраф в 40 гр., за боярского тиуна огнищного и конюшего—80 гр. и т. д. Но допустимо ли такое понимание? Можно ли тиунов и отроков княжих приравнивать к боярским? У Калачова дано иное деление соответственного текста на статьи: вместо двух статей (13 и 14), по делению проф. Сергеевича, у него выделены три статьи (9—11 Тр. сп.), из которых первая (ст. 9) говорит о штрафе за убийство в 40 гр., вторая (ст. 10)—о штрафе в 80 гр. и третья (ст. 11)—о плате в 12 гр. и в 5 гр., и к ней же присоединены слова—«Такоже и за бояресkъ». В этом чтении последнее выражение относится или только к рядовичу или, в крайнем случае, еще к сельскому или ратайному тиуну, и получается тот смысл, что боярский рядович или боярский сельский тиун приравниваются княжим, что, повидимому, ближе к действительности.

Итак, принятое Калачовым деление текста Р. Правды на статьи отнюдь не бесспорно. Тобин предлагал свое гораздо более дробное деление на статьи, которое не удержалось. Во многом придется исправлять и статьи, выделенные проф. Сергеевичем.

Все известные списки Р. Правды, сохранившиеся в летописях, кормчих и иных сборниках, по времени их написания относятся к XIII—XVII вв. Древнейшим списком является находящийся в Новгородской Софийской кормчей конца XIII в.; здесь Р. Правда помещена впереди церковного устава Владимира; так как эта кормчая хранилась в московской Синодальной библиотеке, то список этот иначе называется синодальным. По типу он принадлежит к пространной редакции. Издан был этот список впервые в «Русских Достопамятностях», ч. I, 1816 г., а затем неоднократно переиздавался: в 1885 г. П. Н. Мрочеком-Дроздовским и в 1899 г. Вл.-Будановым в 5-м изд. вып. I «Хрестоматии»; Калачов положил этот список в основу систематического издания Правды в своем исследовании; в 1888 г. Срезневский издал палеографический снимок этого списка; прекрасное издание синодального списка фото-литографским способом выполнено Московским Археологическим Институтом под редакцией Н. А. Маркса в 1910 году. Но этот древнейший список уже представляет ряд погрешностей в тексте, привнесенных переписчиком, которые отчасти могут быть исправлены на основании позднейших списков. Из них можно отметить список, находящийся в пергаминном сборнике XIV в. (принадлежавшем некогда гр. Мусину-Пушкину), где помещен еще «Закон судный людям» и список договора смоленского князя Мстислава с Ригой. Этот список Р. Правды, названный Калачовым Пушкинским, издан в «Русских Достопамятностях», ч. 2-й, 1843 г., Д. Дубенским с вариантами, пояснениями и словарем. Далее необходимо указать список Троицкий, названный так потому, что сохранился в сборнике конца XIV века, известного под именем «Мѣрила Праведнаго», принадлежащем библиотеке Троицкой Сергиевой Лавры; он издан Калачовым и

проф. Сергеевичем. Наконец в некоторых отношениях любопытен и список Правды, названный Карамзинским, так как указан Карамзиным в Новгородской летописи по списку XV века; он издан Калачовым и Вл.-Будановым. Все эти списки пространной редакции Р. Правды во многих отношениях взаимно исправляют и дополняют друг друга.

Все известные списки первой или краткой редакции восходят к сравнительно позднему времени, не ранее половины и конца XV в., и помещены обыкновенно в списках первой Новгородской летописи под 1016 г. Только древнейший список этой летописи (Синодальный) не содержит текста Р. Правды. Списки же летописи—Археографический половины XV в. и Академический конца того же века—уже имеют вставленный текст Р. Правды. В последнем списке летописи и нашел Правду Татищев. По этим спискам Правда издана в Новгородской летописи, а также Калачовым (список Академический) и проф. Сергеевичем (список Археографический).

Несмотря на то, что краткая Правда сохранилась в более поздних списках, сравнительно с пространной, первая является бесспорно по происхождению древнейшей редакцией. В первой ее половине не имеется еще никаких указаний на различие общественных классов по размерам штрафа за убийство: за смерть всякого свободного взимается одинаковая вира. Далее она сохранила еще старое название меновой единицы «скоть» (отсюда «скотница»—казна), хотя уже знает и кунную систему денежного счета. Обе половины краткой редакции знают месть в более широких размерах, чем пространная Правда, и содержат ряд совершенно конкретных правил, которые в пространной Правде уже обобщены.

Р. Правда, как юридический памятник, является важнейшим источником для изучения нашего древнего права. Вопросы о ее происхождении, об источниках, которые легли в ее основу, о системе и общем характере ее содержания не находят согласного решения. Первый вопрос—о происхождении памятника—распадается на ряд тесно связанных между собою вопросов о том, при каких условиях возникла и перерабатывалась Р. Правда, является ли она официальным или частным сборником, сколько редакций в ней можно отметить. Необходимо лишь иметь в виду, что надо проводить строгое различие между редакциями самого памятника и редакциями сохранившихся его списков. О последнем вопросе речь шла выше. Здесь надлежит сказать о редакциях памятника и их происхождении, т.-е. выяснить, какие первообразы послужили первыми оригиналами для переписчиков дошедших до нас списков.

Древние списатели приписали Р. Правду, не исключая и пространных списков, кн. Ярославу Владимировичу, назвав ее уставом или судебником этого князя и даже приурочив ее издание к 1016 г., когда Ярослав будто бы дал новгородцам этот

устав за оказанную ему помощь в борьбе с Святополком. На той же точке зрения об официальном происхождении Р. Правды стоят и позднейшие исследователи (Татищев, Карамзин, Эверс, Рейц, Тобин, Ланге, Леонтович, Мрочек-Дроздовский, отчасти Шершеневич и др.) с тою лишь разницею, что различают в кратких списках Правду Ярослава и дополнение к ней его сыновей, а в пространных—переработку прежней редакции и дополнения к ней Владимира Мономаха. В результате получаются по меньшей мере три или четыре последовательных официальных сборника. Противоположное мнение, разделяемое очень многими историками (бар. Розенкампф, Морошкин, А. Попов, Калачов, Дювернуа, Сергеевич, Вл.-Буданов и др.) и в настоящее время господствующее, считает Р. Правду частным сборником, но возникшим не сразу: в первоначальном виде сборник возник в начале XI в., дополнен был при Ярославичах, но затем, может быть при них же, подвергся систематической переработке и неоднократно дополнялся до начала XIII в. Промежуточное положение в вопросе занимает проф. Ключевский. Согласно его мнению, Р. Правда возникла в сфере не княжеского суда, а церковного, нуждами и целями которого руководился церковный кодификатор, воспроизводя из действовавшего права лишь то, что отвечало потребностям церковного суда и мирилось с чувством христианских судей, воспитанных на византийском церковном и гражданском праве. С течением времени Р. Правда получила применение и в суде княжих судей, но не в качестве обязательного руководства, а лишь справочного пособия.

Какое же из этих трех мнений надо признать более вероятным? Подтверждение своему мнению проф. Ключевский видит главным образом: 1) в намеренном устранении из Р. Правды правил о судебном поединке, с которым наше духовенство борется как с пережитком языческих обычаев; 2) в помещении списков Р. Правды в Кормчих, Мерилах Праведных, являющихся сводами церковных законов, и 3) в заимствовании отдельных норм Р. Правды из принесенных византийским духовенством церковных и светских юридических сборников. Эти указания вызывают, однако, ряд сомнений. Если церковные кодификаторы устранили сознательно правила о судебном поединке, то как могли они ввести в свой свод нормы о мести и об испытании железом и водою, которые должны были своею языческою грубостью не менее претить христианским воззрениям представителей церкви? Далее в Кормчих и Мерилах Праведных встречаются лишь пространные списки Р. Правды, когда этот памятник, очевидно, нашел уже применение и в светских судах; краткие же списки памятника совершенно неизвестны этим сводам церковных правил. Несомненно одно: представители духовенства сыграли крупную роль как при выработке Р. Правды, так и при порче ее в многократных переписках; ведь духовенство было в ту пору единственным грамотным классом населения, и через его

посредство скорее всего могли проникнуть в Р. Правду византийские влияния.

Против мнения об официальном происхождении Р. Правды высказаны серьезные возражения. Главнейшие из них сводятся к следующим. Если отбросить неосновательные измышления старинных списателей и придуманные ими неудачно названия всего памятника, то в подкрепление официального происхождения Р. Правды не останется никаких доводов. Первые 17 статей краткой редакции имеют заголовок «Правда Роськая» и не содержат никаких указаний на какого-либо князя. Затем стоит заголовок «Правда уставлена Русской земли, егда ся совокупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ». Но этот заголовок, если даже и не считать его испорченным, имеет отношение не более как к трем следующим за ним статьям, потому что в ст. 21 изложен устав одного Изяслава, а в ст. 42 о судебных пошлинах сказано: «То ти урокъ Ярославль». Значит во второй половине изложены разные уставы, и она не является результатом совместного законодательства Ярославичей. Это подтверждается и тем, что в нее не вошли постановления Ярославичей, известные из пространной редакции (Тр. сп., ст. ст. 2 и 58). Наоборот, труд частного лица вскрывается из сопоставления, напр., ст. ст. 2 и 28, 20 и 38 (Ак. сп.). Ст. 28 является буквальным повторением начала ст. 2; очевидно составитель, заметив, что это правило уже записано, не счел нужным дописывать его вторично. Ст. 20 разрешает убийство вора на месте преступления, но излагает это правило казуистично, применительно к вору-огнищанину; ст. 38 говорит вообще об убийстве татя, захваченного на месте преступления, и ставит некоторые ограничения этого права. При наличности ст. 38, ст. 21 оказывается совершенно излишней, если рассматривать Р. Правду как законодательный сборник; частный же составитель мог записать и частное судебное решение и общее правило. Относительно пространной редакции даже исследователи, признающие официальное происхождение Правды, склоняются к мысли, что она представляет собою позднейшую частную переработку (Шершеневич). Стоит только прочесть ст. 2, где рассказывается, что после Ярослава сыновья его съехались снова, отменили убиение за голову, ввели выкуп, а все остальное оставили в том же виде, как было при Ярославе,—чтобы убедиться, что мы имеем здесь дело с рассказом бытописателя, а не с официальной редакцией закона. Таковы же статьи 7, 48 и 58 (Тр. сп.). Составитель пространной редакции—был ли это один человек, как предполагают некоторые (Сергеевич), или последовательно несколько,—несомненно имел перед собой краткую редакцию, из которой кое-что брал целиком, но чаще изменял и перерабатывал; так, все казуистические нормы здесь обобщены, сходные сгруппированы в одну и т. д. Главный труд заключался в дополнениях, что явствует из сопоставления 43 статей краткой Правды с 115 пространной.

Нельзя, однако, не отметить, что все приведенные возражения направлены против официального происхождения тех списков, какие нам известны, а все они несомненно частного происхождения и сохранились с значительными неисправностями текста. О тех первообразах, от которых все они ведут свое начало, возможны лишь весьма отдаленные догадки. Даже и приведенные возражения не все имеют одинаковую силу. Напр., конкретность правил и даже повторение их в иной форме в одном памятнике вполне допустимы и в актах официального происхождения. Мало говорит против официального происхождения памятника и форма третьего, а не первого лица, в какой передается содержание княжеских уставов. Даже московские Судебники изданы от имени великих князей в третьем лице. Если же принять целиком мысль о совершенно частном возникновении Р. Правды, то как понять ее обязательную силу, без которой нельзя объяснить ее широкое применение, явным следом которого служит то обилие списков, какое дошло до нас, несмотря на массовую гибель старых письменных памятников. Трудно объяснить такую повсеместную, повидимому, обязательность без наличия санкции княжеских правительств. А санкция несомненно придала официальный характер и сборникам частного происхождения. Поэтому едва ли возможно категорически отрицать официальный характер тех первообразов памятника, от которых пошли все многочисленные частные списки.

Мнения об источниках Правды также расходятся. Старые исследователи—Струбе де Пьермонт и Шлецер—обратили внимание на сходство постановлений Правды с нормами датского и шведского права и отсюда заключили, что содержание Правды заимствовано из северных законов, принесенных к нам варягами. Но Эверс доказал, что сборники скандинавского права моложе Правды и, стало быть, не могли служить источниками последней. С своей стороны Эверс полагал, также основываясь на замеченных им сходствах, что источниками Правды послужили варварские законы салических и рипуарских франков. В настоящее время никто этих взглядов не разделяет. Сравнительное изучение права указало сходные юридические институты у таких народов, которые вели совершенно изолированную жизнь и не могли ничего один у другого позаимствовать. Сходство юридических институтов находит свое объяснение в одинаковых условиях быта, переживаемых различными народами на соответствующих ступенях развития. По общепринятому мнению, Р. Правда возникла на почве местных, национальных источников, хотя и не исключительно. Первым по объему и важности источником является обычное право. Такие институты, как месть, выкуп, суд послухов, холопство, устранение сестер от наследства и т. п. у всех народов возникают обычным путем и не могут быть заимствованы или созданы творческой деятельностью законодателя; это самые древние институты обычного права. Вторым

источником, гораздо менее обильным, служили княжеские уставы. Об этом можно заключить только на основании прямых указаний самой Правды. Поклон или покон вирный назван уроком Ярослава (ст. 42 Ак. и ст. 7 Тр.); ему же приписано постановление об убийстве холопа за нанесение удара свободному мужу (ст. 58 Тр.). Совместной деятельности Ярославичей приписывается возвышение виры за убийство огнищанина и княжего подъездного, отмена убиения за голову и введение выкупов, а также замена устава Ярослава об убийстве холопа денежным штрафом (ст. ст. 18 Ак., 2 и 58 Тр.). Наконец постановление о процентах названо уставом Владимира Мономаха (ст. 48 Тр.). Других указаний на уставную деятельность князей в Р. Правде нет. Но и приведенные ссылки не доказывают, что уставами создавалось новое право; напр., введение Ярославичами выкупов было восстановлением старого обычая. Третий источник Правды составляли судебные решения. Некоторые из них занесены в Правду во всей их конкретной форме; напр., за убийство старого конюха у стада назначена вира в 80 гривен, «яко уставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же убилѣ Дорогобудьци» (ст. 21 Ак.). Другие сохранили только некоторые подробности судебного случая; так, в статьях о краже скота упоминается в одном случае о 18 ворах, в другом о 10, которые «одну овцу укралѣ» (ст. ст. 29 и 40 Ак.). В пространной Правде все эти решения обобщены; там идет речь о плате за убийство конюшего; о наказании за кражу, когда было много воров (ст. ст. 10, 27 и 38 Тр.). Подобные сопоставления естественно вызывают предположение, что и ряд других норм взят составителями Правды из судебных решений, которые занесены туда уже в обобщенной форме. Наконец четвертым источником было чужеземное, византийское право, которое проникло к нам вместе с принятием христианства и несомненно не только применялось в церковных судах, но влияло и на практику судов гражданских. Решения судов на основании норм византийского права, приспособленных к условиям древне-русского быта, также заносятся в Правду. Статьи Правды о самовольном пользовании чужим конем, об убийстве вора на месте преступления почти буквально заимствованы из соответственных правил «Закона Судного людям» (ст. ст. 11 и 38 Ак.; «Русск. Дост.», II, 166 и 187). Весьма вероятно, что в пространной Правде заимствования еще шире. Некоторые постановления о наследстве, статьи об опеке очень напоминают правила «Эклоги». Они не тождественны, но, может быть, именно потому, что взяты составителем не прямо из «Эклоги», а из судебной практики, которая могла и отступать от буквального текста византийских норм.

Многие из исследователей ставят и решают в положительном смысле вопрос о системе Р. Правды. Такая система усматривается уже в древнейшей ее редакции. Тобин, напр., указывал, что здесь изложены преступления в порядке их важности: убийство, побои и увечья, различного рода обиды, нарушения прав

собственности, правила о возвращении украденного и проступки холопов. Соответственно этим рубрикам Правда дополнена и Ярославичами. Пространная редакция составлена подобно краткой: в 1-й части переработаны систематически обе половины краткой, а во 2-й находятся дополнения Мономаха, изложенные в той же системе. С несущественными изменениями система Тобина принимается и некоторыми другими исследователями (Ланге, Мрочек-Дроздовский). При ближайшем рассмотрении нельзя заметить, однако, даже указанного порядка в распределении статей. Вслед за убийством идет речь о кровавых и синих знаках, затем об ударах батогом, жердью и пр., о нанесении удара необнаженным мечом, и уже дальше говорится о причинении увечий. Дополнения не соответствуют и этому порядку: чтобы подогнать их под эту схему, исследователи вынуждены прибегать к шаткому предположению, что Правда дополнялась в несколько приемов. Но если бы указанный порядок и существовал, то он не соответствовал бы понятию о системе права. К Р. Правде может быть целиком применено мнение Мэна о классификации предметов в древнейших сборниках права. Руководящей идеей древних кодификаторов являются не закон, не право, не санкция, не различие между положительным и естественным правом, между лицами и вещами, а правосудие и его органы. Пред их глазами стоит один всеобщий факт, что люди спорят между собой,—и они собирают правила, по которым эти споры должны обсуждаться и прекращаться без насилия и кровопролития. Вся классификация сводится к распределению предметов тяжб или споров, самые нормы права формулируются как руководство для суда, когда он будет призван к разбору тяжб. Порядок занесения тяжебных дел в сборники определяется или важностью самых споров или же тем, как часто они возникают в данном общественном быту.

Содержание Р. Правды не легко поддается общей характеристике. Обыкновенно исследователи ограничиваются или указанием на преобладающий характер норм (напр., уголовных, в краткой редакции) или подробно перечисляют, сколько статей относится к уголовному праву, сколько—к гражданскому, процессу, или, наконец, предлагают еще более детальный подсчет статей, относящихся к убийству, увечьям, ранам, кражам и пр. (см. систематический указатель статей в «Хрестоматии» Вл.-Буданова). Из такого подсчета еще более явствует, что древняя Правда является почти исключительно уголовно-процессуальным сборником, а значительную часть дополнений пространной Правды составляют нормы гражданского права. Но такой подсчет имеет весьма относительное значение, так как: 1) самое деление на статьи есть уже прием интерпретации, который может оказаться неправильным, ибо подлинный текст памятника на статьи не разделен; 2) некоторые статьи можно отнести в разные отделы: убийство холопа можно рассматривать как убийство и как истребление чу-

жого имущества; статья о кровавом или синем человеке говорит о ранах и побоях и вместе с тем заключает ряд процессуальных правил; 3) самое распределение статей по указанным рубрикам привносит нечто чуждое памятнику, которому совершенно неизвестно деление на право публичное и частное, материальное и процессуальное. Если принять во внимание вышеуказанную руководящую цель—дать правила для прекращения споров, то нужно будет признать, что Р. Правда—по преимуществу процессуальный сборник. В нем мало говорится о судебной организации (упоминаются только князь и судьи как органы суда и княж двор как место суда), но это объясняется в значительной мере тем, что в то время многие споры кончались без участия суда, силами заинтересованных. Р. Правда открывается статьей, установляющей месть за убийство; но это—месть не по приговору суда, а по инициативе потерпевших. Истец, после заклича в своем миру, может взять свою вещь у каждого; без наличности этих условий должен быть применен свод, но и при своде права владельца восстановляются без участия суда. Вора можно убить на месте преступления, если его не удастся связать или удержать до света. Эти правила и целый ряд им подобных представляют собою лишь до некоторой степени упорядоченное и ограниченное самоуправство, и притом ограниченное не столько обязательным вмешательством суда, сколько обычными правилами и конкретным формализмом, в виде ли произнесения определенных слов, или привлечения в указанном числе послухов, или сделки на торгу и пр. С этой точки зрения могут быть рассматриваемы многие постановления Правды, которые и составляют основную почву этого памятника. Разъяснение отдельных постановлений и в настоящее время вызывает много разногласий.

Литература. Кроме вышеуказанных сочинений о Русской Правде Тобина и Калачова, см. еще: Густав Эверс (Gustaw Ewers). Das älteste Recht der Russen in seiner geschichtlichen Entwickelung, 1826. Русск. пер. Ив. Платонова, 1835; А. Попов. Русская правда в отношении к уголовному праву, 1841; Н. Ланге. Исследование об уголовном праве Русской Правды. Архив истор. и практич. сведений, относящ. до России, 1859, кн. 1, 3, 5 и 6; Н. Дювернуа. Источники права и суд в древней России, 1869; П. Мрочек-Дроздовский. Исследование о Русской Правде, 1884; П. Беляев. Очерки права и процесса в эпоху Р. Правды. Сборн. Правоведения, т. V; П. И. Беляев. Источники древне-русских законодательных памятников. Ж. М. Ю., 1899, №№ 9 и 10; В. Сергеевич. Русская Правда и ее списки. Ж. М. Н. Пр., 1899, № 1 (перепечатанная в Лекциях и Исследованиях 1903 и 1910); Проф. В. Ключевский. Курс русской истории. Ч. I, лекция XIII; П. В. Голубовский. Обзор трудов по древнейшему периоду русской истории. Университ. Известия, 1907, № 8, стр. 59—67; Фото-литографским способом издание Р. Правды по Синодальному списку выполнено Московским Археологическим Институтом под ред. Н. А. Маркса, М., 1910; проф. д-р Л. К. Гетц (Prof. Dr. L. K. Goetz). Russkaja Prawda. Aus dem altrussischen übersetzt mit Anmerkungen. Bonn, 1909; проф. д-р Л. К. Гетц (Prof. Dr. L. K. Goetz) Das russische Recht. (Русская Правда). Bände I—IV, Stuttgart, 1910—1913. Ср. отзывы о первом томе: М. Владимирский-Буданов. Русская Правда, Киев, 1911; М. Дьяконов, в Изв. Отд. русск. яз. и словесн.,

1911, кн. 1; о первом и след. томах: А. Е. Пресняков, в Ж. М. Н. Пр. 1912, ноябрь; А. В. Флоровский. Новый взгляд на происхождение Р. Правды, Од., 1912; А. Н. Филиппов. Русская Правда в исследованиях немецкого ученого, Юрид. Вестн., 1914, кн. 6.

Вечевые грамоты.

До нас сохранились две вечевых грамоты—Псковская и Новгородская, последняя не полностью.

Псковская грамота открыта проф. Ришельевского Лицея Н. Мурзакевичем в единственном списке в библиотеке графа Воронцова, в Одессе, и им же издана в 1847 г. и вторично в 1868 г. Не имея особого заглавия, она начинается следующими словами: «Ся грамота выписана изъ великого князя Александровы грамоты, і изъ княжь Костянтиновы грамоты, і изо всѣхъ приписковъ псковъскихъ пошлинъ, по благословеӈію отецъ своихъ попювъ всѣхъ 5 съборовъ, і священноиноковъ, і діяконовъ, і священниковъ и всего божіа священства, всѣмъ Псковомъ на вѣчи, въ лѣто ≠ ЅЦЕЕ». Последняя дата приурочивает памятник к 6905 или 1397 году. Но этой дате противоречат два указания выписанных слов: под князем Константином может разуметься только кн. Константин Димитриевич, родной брат вел. кн. Василия Дмитриевича, т. к. других князей Константинов в Пскове не было; а Константин Димитриевич был в Пскове два или три раза, в период 1407—1414 гг. Затем известно, что пятый собор в Пскове построен в 1462 г.

Эти хронологические противоречия пытаются устранить разными способами: допускают описку в цифре даты, где должно бы стоять ≠ ЅЦОЕ вм. ≠ ЅЦЕЕ, тогда получился бы 1467 год вм. 1397 г.; или предполагают, что позднейший писец, переписывавший грамоту после 1462 г., сделал в тексте поправку, проставив пять соборов вм. числа их, стоящего в первоначальном тексте. Но последняя догадка не спасает первоначальной даты, т. к. кн. Константин был в Пскове после 1397 г. Некоторые решают этот вопрос примирительно, допуская, что грамота составлена в несколько приемов, и только первоначальный текст надо приурочивать к 1397 г. Вероятность такого соображения подтверждается самым текстом грамоты, которая предусматривает возможность изменений и дополнений текста памятника; в ней читаем: «А которой строкѣ пошлинной грамоты нѣтъ, и посадникомъ доложити господина Пскова на вѣчѣ, да тая строка написать. А которая строка въ сей грамоте не люба будетъ господину Пскову, ино та строка волно выписать вонь из грамотъ» (ст. 108).

Возбуждают разногласия и другие указания начальных слов грамоты. Так, хотя никакого другого князя Константина, кроме Констатина Димитриевича, в Пскове не было, однако, как указал Калачов, его грамота Псковичам отменена митр. Фотием.

Из грамоты последнего псковичам 1416 г. видно, что псковичи прислали к митрополиту «уставленую свою грамоту, послѣднюю, цѣловалную сына моего князя Константина Дмитріевича» и жаловались, «что отъ тое грамоты отъ новые, отъ княжи отъ Костянтиновы Дмитріевича, христіаномъ ставится пакостно и душевредно всей вашей державѣ; а хотите держати свою старину», а потому просили митр. Фотия «то бы цѣлованіе уряженое княже Костянтиново Дмитріевича сложити». Фотий эту просьбу удовлетворил: «А нужно будеть (т.-е. если произойдет нужда от) то новое цѣлованье христіаньству, и не къ ползѣ душевной, а на пагубу: и вы бы то новое цѣлованье сложили, аще въ немь будеть нужа христіаномъ. А язъ васъ, своихъ дѣтей, благословляю порушити ту новину, нужную грамоту христіаномъ, а благословляю васъ держати вашу старину» (Русск. Ист. Библ., VI, 385—388). Но если митр. предоставил псковичам отменить грамоту кн. Константина, то остается неизвестным, в какой мере псковичи воспользовались этим разрешением. Указание Псковской грамоты на то, что она выписана и из упомянутой Константиновой грамоты, свидетельствует, что последняя если и была отменена, то не вся.

Возбуждает разногласия и ссылка на грамоту великого князя Александра. Кто этот князь Александр? Мурзакевич разумел под ним кн. Александра Михайловича тверского. Но Калачов первый,—а за ним последовало и большинство историков права,—высказал предположение, что кн. Александр не кто иной, как кн. Александр Ярославич Невский, иначе де он не был бы назван великим князем. А так титуловали этого князя не только сами псковичи в своей грамоте, но и митрополиты Киприан и Иона. Первый в грамоте 1395 г. псковичам обвинял суздальского архиепископа Дионисия, что он «приписалъ къ грамотѣ князя великого Александровѣ, по чему ходити, какъ ли судити, или кого какъ казнити». С своей стороны митрополит Киприан предписывает: «Ажъ будеть какову грамоту списавъ положилъ князь великій Александръ, по чему ходити: инъ въ томъ воленъ всякій царь въ своемъ царствѣ, или князь въ своемъ княженьи, всякая дѣла управливаеть и грамоты записываеть; также и тотъ князь великій Александръ въ своемъ княженьи, а списалъ такову грамоту, почему ходити, на христіаньское добро: воленъ въ томъ. А что Денисій владыка въплелъся не во свое дѣло, да списалъ неподобную грамоту, и язъ тую грамоту рушаю». Точно так же митрополит Иона в грамоте 1461 г. желает псковичам жить по христианству, «какъ то пошло у васъ, ваша добрая старина, отъ великого князя Александра» (Русск. Ист. Библ., VI, №№ 28 и 90). Митрополиты, сторонники московских великих князей, никогда не назвали бы великим князя Александра Михайловича, кровного врага Ивана Калиты.

Но имеют ли эти соображения решающее значение? Знали ли хорошо митрополиты, о каком князе они говорят? Во всяком случае грамоты кн. Александра они не видали и даже хорошенько

не знали, дана ли действительно таковая; поэтому Киприан и выразился очень неопределенно: «если какую грамоту написалъ князь великій Александръ».. Титул же великого они применили к князю Александру потому, что так называли этого князя псковичи. Свои грамоты псковичи однажды представили великому князю Ивану Васильевичу, когда в 1475 г. новый наместник начал поступать не по псковской старине, и псковичи обжаловали его действия великому князю. Но Иван Васильевич, рассмотрев представленные грамоты, возвратил их со словами: «что деи то грамоты не самыхъ князей великихъ». Что это были за грамоты, неизвестно; но весьма вероятно, что в числе их была если не самая Александрова грамота, то Псковская вечевая грамота. И однако московский государь не признал ни одной грамоты великокняжескою.

Покойный проф. Варшавского университета, А. Никитский, указавший на эту любопытную справку, привел и более существенные доводы против господствующего мнения. Если считать князя Александра Псковской грамоты Александром Невским, то необходимо указать, при каких условиях такая грамота могла возникнуть. Александр Невский сыграл в судьбе Пскова крупную роль, нанеся немцам поражение на Чудском озере. Но тогда Невский был новгородским князем и защищал новгородский пригород Псков во главе новгородского войска. Эта победа должна была скорее усилить власть Новгорода над Псковом, а не могла явиться поводом к дарованию Пскову грамоты с самостоятельными князем и посадником. Наоборот княжение в Пскове Александра Михайловича тверского было временем последней борьбы псковичей с новгородцами за политическую самобытность. Князя Александра тверского псковичи приняли не из Новгорода и не из Москвы, а из Литвы. Он княжил там в 1327—1330 и 1332—1337 гг. А в 1348 г. по Болотовскому договору новгородцы признали политическую независимость Пскова, признав его своим младшим братом. Поэтому княжение Александра тверского в Пскове было весьма благовременным моментом для первых шагов к выработке местной Правды. Так возникла княж Александрова грамота. Она должна быть относима не к половине XIII, а к первой половине XIV в.

В этой Александровой грамоте произвел какие-то изменения арх. Дионисий; эти перемены не понравились псковичам, и они жаловались митрополиту, который в 1395 г. эти изменения отменил. Вслед за этим псковичи и приступили в 1397 г. к составлению своей вечевой грамоты, в основу которой положена была Александрова грамота, и, может быть, какие-либо записанные псковские пошлины. Эта первая вечевая грамота была дополнена в XV в. из Константиновой грамоты и еще какими-то пошлинами. Такие дополнения могли иметь место и не один раз. Выделить в настоящее время эти отдельные источники Псковской грамоты дело едва ли возможное, и все попытки в этом направлении являются только чистыми гаданиями.

По содержанию своему Псковская грамота является одним из самых богатых сборников древнего права. Она стоит неизмеримо выше и первых опытов московской кодификации. Сравнительное богатство не только процессуальных, но и материальных норм объясняется, конечно, большим культурным развитием Псковской земли и более развитым гражданским оборотом.

Литература. Псковская грамота издана еще с делением текста на статьи и с прим. в Хрестоматии Вл.-Буданова, вып. I. С единственного списка она переиздана с возможною точностью типографически и полностью воспроизведена фототипически Археогр. Ком. в 1914 г. Литература о ней: Н. Калачов. Псковская Судная Грамота, составленная на вече в 1467 г., Москвитянин, 1848, № 2; Иван Энгельман. Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской Судной Грамоте, 1855; Н. Дювернуа. Источники права и суд в древней России, 1869, стр. 279—281, 289—308; П. Мрочек-Дроздовский. Главнейшие памятники русского права эпохи местных законов, Юрид. Вестн., 1884, №№ 4 и 5; А. Никитский. Очерк внутренней истории Пскова, 1873, стр. 105—109, 241—245; И. Энгельман. Рецензия соч. Никитского в XVII присуждении наград графа Уварова.

Новгородская вечевая грамота, в сохранившемся отрывке ее, по редакции еще несколько моложе Псковской грамоты. Она начинается словами: «Доложа господы великихъ князей, великого князя Ивана Васильевича всея Руси и сына его великого князя Ивана Ивановича всея Руси, и по благословенью нареченнаго на архіепископство великого Новагорода и Пъскова священноинока Ѳеофила. Се покончаша посадникы ноугородцкіе, и тысяцкіе ноугородцкіе, и бояря, и житьи люди, и купци, и черные люди, вся пять концовъ, весь государь велики Новгородъ, на вѣчѣ на Ярославлѣ дворѣ». В этой редакции грамота составлена не ранее 12 августа 1471 г., т. к. по договору Ивана III с Новгородом 11 августа 1471 г. введено такое обязательство: «А что грамота докончалная в Новѣгородѣ промежь собя о судѣ, ино у той грамоты быти имени и печати великихъ князей». Но отсюда же явствует, что грамота составлена была уже раньше, хотя и неизвестно, когда именно.

В начальных словах источники грамоты не указаны, но в отдельных статьях несколько раз сделаны ссылки на старину. Сохранившаяся часть грамоты [1]) содержит почти исключительно процессуальные нормы.

---

[1]) Издана Карамзиным в т. V, прим. 404 и в А. Э., I, № 92, откуда перепечатана в «Памятниках истории вел. Новгорода», Москва, 1909, и с разделением на статьи в вып. I «Хрестоматии» Вл.-Буданова.

II.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО.

Можно ли говорить о каких-либо формах государственного быта в древней Руси с древнейших исторических времен? В исторической литературе предложены разные ответы на этот важный вопрос. Одни историки (Карамзин, Эверс и др.) говорят о начале русского государства со времени призвания князей; другие полагают, что государственному быту предшествовал быт родовой, который только с XII века начинает сменяться государственным (Соловьев); третьи отодвигают еще позднее, к XVI веку, возникновение государства и думают, что ему предшествовал быт частно-правовой или вотчинный, развившийся из родового быта или с XII века, как думают одни (Кавелин), или со времени призвания князей, по мнению других (Чичерин).

Причина этих разногласий лежит в том, что понятие о государстве оказывается не тождественным у разных писателей. Нередко в это понятие привносятся такие признаки, которые являются общими у многих современных государств. Так, Н. М. Коркунов называет государством общественный союз свободных людей с принудительно установленным мирным порядком посредством предоставления исключительного права принуждения только органам государства («Русск. гос. право», т. I, изд. 4-е, стр. 27). Это надо понимать в том смысле, что в состав общественного союза входят только свободные. Но это не исключает применения понятия о государстве и к таким общественным союзам, в которых существует и несвободное население. Но несвободные в состав общественного союза не включаются. Тот же автор не считает существенным понятие о государстве ставить в связь с территорией. «Так, современные государства, без сомнения, все неразрывно связаны с определенной территорией. Но относительно государств далекого прошлого необходимость такой связи с территорией по меньшей мере сомнительна. Во всяком случае это значило бы определением предрешить в отрицательном смысле вопрос о возможности допустить существование государственной организации у кочевых народов. А между тем даже у оседлых народов первоначально территория вовсе не имела того значения в государственных отношениях, какое получила в настоящее время» (там же). Но во всяком общественном союзе

самостоятельное и принудительное властвование должно иметь внешние пределы, за которые оно не простирается. Пределы властвования даются понятием о территории, хотя бы это понятие и подвергалось в истории крупным колебаниям. Беспредельного властвования нельзя себе и представить, а потому нельзя представить и государства без каких-либо границ. Другие авторы к существенным признакам понятия о государстве присоединяют ту или иную цель, преследуемую государством. Что каждый общественный союз преследует какие-либо цели, это стоит вне спора. Но цели не остаются постоянными и в истории сравнительно часто изменяются. Поэтому выставлять какую-либо определенную цель существенным признаком государства вообще значит намеренно ограничить понятие государства тесными границами.

Существенными признаками государства являются три элемента: 1) совокупность населения, образующего общественный союз; 2) власть, стоящая во главе этого общественного союза, и 3) территория, занятая данным населением.

Имеется ряд указаний, что быт русских славян еще до призвания варяжских князей заключал указанные три элемента. Первоначальный летописец указывает расселение разных племен и в то же время изображает их быт. Так, рассказав предание об основании Киева, он продолжает: «И по сихъ братьи (Кія, Щека и Хорива) держати почаша родъ ихъ княженье в Поляхъ, а в Деревляхъ свое, а Дреговичи свое, а Словѣни свое в Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочане. Отъ нихъ же Кривичи, иже сѣдять на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, ихже градъ есть Смоленьскъ» и пр. (Лавр., 9—10). Далее под 859 и 862 гг. там же рассказано, что кривичи, словене, чюдь, меря и весь платили дань варягам из заморья, а потом «изъгнаша варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в собѣ володѣти». Но так как после этого возникли усобицы между ними, то все они «рѣша сами в себѣ: поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву». Итак, летопись указывает у разных племен особые княжения и места расселения племен, подчинение некоторых племен иноземцам, свержение иноземной власти и установление власти собственной, которая, однако, оказалась неудовлетворительною и заменена другою. Про полян, у которых упомянуто свое особое княжение, сказано, что их обидели древляне и другие соседи, и что пришедшие козары потребовали с них дани. «Сдумавше же Поляне и вдаша отъ дыма мечь». Значит, требование козар было обсуждено и состоялось решение, обязательное для всех, платить иноплеменникам оригинальную дань. Несомненно, у полян существовала какая-то власть, издающая обязательные для населения приказы. Все эти данные заставляют думать, что элементы государства были налицо у русских славян с древнейшего исторического времени. Что это были за государства, покажет разбор отдельных элементов: территории, населения и власти.

Территория.

В начале истории не существует единого русского государства. На пространстве Европейской России, и то далеко не всей, существует целый ряд небольших государств. Летопись перечисляет многие из них: она упоминает особые княжения у полян, древлян, дреговичей, новгородских славян, полочан, кривичей и т. д. Территории таких княжений были очень невелики. Объединение нескольких территорий под властью одного воинственного князя представляет случайное и кратковременное явление: обыкновенно со смертью такого князя и территория его распадается.

Уже давно замечено, что «в младенческом состоянии цивилизации не может быть больших государств» (Гизо). Это общее наблюдение подтверждается данными быта древних германцев и галлов. Немецкий историк права о германцах говорит: «Германский народ выступает в истории не в виде большого национального государства, но разделенным на значительное число маленьких народностей (Völkerschaften), из которых каждая живет самостоятельною политическою жизнью. Непрерывные ожесточенные войны, возникавшие из-за захвата и освоения годных для заселения областей на континенте Европы, воспитали в германцах воинственный дух, которым проникнута их религия, право и государственный быт... Лишь в III веке исторические события вызвали к жизни среди этой раздробленной нации возникновение более крупных союзов. С течением времени из договорных отношений вырастает государственное объединение, и из естественного объединения племен образуются политические единицы. Из этих племен салические и рипуарские франки, аллеманы, тюринги, саксы, фризы и баварцы прочно осели в пределах Германии, а ост- и вестготы, вандалы, бургунды, англосаксы, лонгобарды и др. расселились за ее пределами и на развалинах разрушенной ими западной Римской империи основали новые государства» (Heinrich Brunner. «Grundzüge der deutschen Rechtsgeschichte», 1901, 5—6).

Фюстель де Куланж следующим образом описывает быт Галлии до завоевания Цезарем: «Галлия не представляла национального целого. Ее жители не были одного происхождения и пришли в страну не в одно время... Между ними не было расового единства. Нельзя быть уверенным в том, что было у них религиозное единство, так как власть друидического духовенства не простиралась на всю Галлию. Наверное не было единства политического... На пространстве между Пиринеями и Рейном можно насчитать около 90 государств (civitates). Каждое из этих государств или каждый из народов образовали обширную группу (с населением в 50—400 тысяч)... Народы Галлии вели войны и заключали мирные союзы как между собою, так и с чуже-

земцами, как это делают независимые государства. Нет указания, чтобы они должны были испрашивать в своих предприятиях согласие какого-либо центрального собрания или получали от него приказания. Никакая верховная власть не занималась разбором их ссор или их примирением. Иногда друидическое духовенство выступало в роли посредника, как позднее действовала христианская церковь относительно средневековых государей. Но, повидимому, его влияние было мало действительно, так как войны были постоянны. Наиболее частым исходом этих войн, ежегодно обагрявших кровью страну, было покорение народов более слабых народами более сильными» (Fustel de Coulanges. «Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. La Gaule romaine», 1891, p. 3, 9—10, 7—8, 50).

Древняя Русь не представляет в этом отношении никакого исключения. И в ней наблюдается значительное число небольших государств, границы которых подвержены постоянным колебаниям. Но не только часто изменяются границы каждого государства; очень не постоянно и число этих государств: одни государства поглощаются другими, более сильными; другие распадаются на несколько самостоятельных частей.

Эти древне-русские государства носят названия «земель», «княжений», «волостей», «уездов», «отчин». Термин «земля», в смысле территориальной политической единицы, часто встречается и в летописи и в других памятниках. Летопись нередко упоминает о разных землях: Киевской, Галичской, Черниговской, Муромской, Ростовской и пр. Р. Правда упоминает о чужой земле, за границу которой не продолжается свод (Тр., 35: «А и — своего города въ чюжю землю свода нѣтуть»). Тот же термин встречается и в международных договорах. Но было бы ошибочно думать, что «термин «земля» точнее обозначает как объем тогдашних русских государств, так и внутренний характер их»; что только «им означается, что древнее государство есть государство вечевое» (Вл.-Буданов. «Обзор», 11—13 прим.). Термины «княжение» и «волость» также обозначают древние государства в смысле территориальном, как и термин «земля». Слово «княжение» пошло от слова «князь» и указывает на подчинение данной территории какому-либо князю, как термин «волость» означает территорию, подчиненную в л а с т и какого-либо князя. В заключительной статье смоленского договора 1229 г. сказано: «тая правда Латинескомоу възяти оу Роуской земли оу вълъсти князя смольнеского, и оу полотьского князя вълъсти, и оу витьбеского князя вълъсти». Но волость князя и есть его княжение. Всеволод Ольгович, заняв киевский стол, хотел изгнать из Переяславля кн. Андрея Владимировича, сына Мономаха, и предложил ему перейти в Курск. Но кн. Андрей отвечал: «лѣпьши ми того смерть и съ дружиною на своей отчинѣ и на дѣдинѣ взяти, нежели Курьское княженье; оже ти, братъ, не досити волости, всю землю Рускую (т.-е. Киевскую) държачи, а хо-

щеши сея волости, а убивъ мене, а тобѣ волость, а живъ не иду изъ своей волости» (Ип., 1140 г.). Здесь термины «земля», «княжение» и «волость» одинаково обозначают территории, подчиненные власти князя.

Но термины «земля» и «волость» употребляются и для обозначения всего населения государства: «ходиша вся Русска земля на Галиць», т.-е. все население Киевской земли (Новг., 1145 г.); «Новгородци бо изначала, и Смолняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти якоже на думу на вѣча сходятся» (Лавр., 1176 г.), т.-е. население всех волостей имеет обыкновение сходиться на веча. Здесь именно термин «волость» употреблен для обозначения вечевого устройства древних государств, а не термин «земля». Поэтому «признать государством всякое княжение (и следовательно волость)» вовсе не значит, как думает профессор Вл.-Буданов, «утратить вовсе твердое представление о государственном строе древней Руси, ибо пределы и состав княжений изменялись чуть не ежегодно». Последнее совершенно верно, но это является одним из характерных признаков всякого древнего государства и обусловливается слабостью государственной власти и разрозненностью образующих ее элементов.

Подчиненную ему территорию князь объезжает для производства суда и сбора дани. Куда он может въезжать для выполнения своих функций, как правитель, это составляет его уезд, обозначающий то же, что и волость или княжение. С точки зрения князя, занимаемый им стол с подчиненной терриорией составляет его отчину или дедину, если этот стол занимал раньше его отец и дед. Кн. Андрей Владимирович потому называет Переяславское княжение своей отчиной и дединой, что раньше там княжили его отец Владимир Мономах и дед Всеволод Ярославич. Если же волость досталась князю в силу раздела территории князем-отцом между своими детьми, то такая волость называется уделом.

Все эти термины, употребляемые для обозначения древнего государства, не имели строго технического значения и употреблялись для обозначения других понятий. Так, «земля», «волость», «уезд» обозначали иногда административные подразделения государственной территории, а термин «волость» кроме того употреблялся в значении частного имения, которое называлось также отчиной и дединой, если досталось от отца и деда.

Как были непостоянны территории древне-русских государств, можно убедиться на судьбе некоторых земель или княжений. Земля полян, где было сначала особое княжение, увеличилась присоединением земли древлян и части дреговичей. Последние два племени утратили свои самостоятельные княжения. Хотя первоначальная летопись уже обособляет земли Новгородскую, Полоцкую и Смоленскую, но по некоторым данным можно догадываться, что Полоцкая земля выделилась из Новгородской, а от Полоцкой обособилась Смоленская, а несколько позднее и

Витебская. От новгородских же владений отделилась земля Ростовско-Суздальская, но новгородцы вознаградили себя присоединением Двинского края и колонии на р. Вятке. Черниговская земля распалась на княжение Черниговское, Новгород-Северское и Переяславское.

При таких условиях племенные границы княжений, указываемые летописью, не могли удержаться. Каждое княжение или земля представляли смешанный племенной состав: «Полоцкая составилась из ветви кривичей с частью дреговичей, Смоленская—из другой ветви кривичей с частью радимичей и, кажется, с несколькими поселками дреговичей и вятичей. Черниговская—из части северян с другой частью радимичей и с большинством вятичей. Киевская состояла из полян, почти всех древлян и части дреговичей. Новгородская—из племени ильменских славян с изборскою ветвью кривичей. Одна Переяславская область имела одноплеменное славянское население, состоящее из южной половины северян» (В. Ключевский, «Боярская дума», изд. 3-е, стр. 25, примечание).

Каждое из таких маленьких государств представляет из себя политически независимое целое. Этот признак нашел свое выражение в правиле Р. Правды, что «и — своего города въ чюжю землю свода нѣтуть» (Тр., 35), т. е., что свод, как способ отыскания похитителя вещи, применяется только в пределах своей земли и прекращается на границе чужой, где действуют другие власти и, может быть, другие правила. В сохранившихся междукняжеских договорах то же начало выражено определеннее в обязательстве князей не посылать данщиков в чужой удел, не давать приставов, не выдавать грамот (В. Сергеевич. «Древн. русск. права», т. I, изд. 3-е, 37—38 и 107).

Каждая земля или волость имеет политический центр: это главный или старший город. В нем находится княжеский стол, отчего город называется еще стольным. Политическое значение главного города всего отчетливее выразилось в том, что по имени этого города прозывается и вся земля; например, Киевская земля, Смоленская, Ростовская и пр. Первоначальный термин «город» обозначал несомненно всякое огороженное или укрепленное место или поселение. Такое значение этого термина сохраняется довольно долго: летопись в XII и XIII веках упоминает о временных укреплениях, именуя их городами. В 1149 г. суздальцы, выступив в лодках против новгородцев, «начаша городъ чините въ лодьяхъ»; в 1219 г. при осаде Галича упомянуто, что «бѣ бо градъ створенъ на церкви»; в 1224 г. в описании битвы киевского князя Мстислава с татарами при р. Калке читаем: «сталъ бо бѣ на горѣ надъ рѣкою надъ Калкомь; бѣ бо мѣсто то камянисто, и ту сътвори городъ около себе въ колѣхъ (телегах) и бися с ними из города того по три дни» (Новг. синод., 138 и 218; Ипат., 493). Нередко встречающиеся в летописи выражения «ставить городъ», «заложить городъ», «сдѣ-

лать городъ» обозначают не сооружение новых укрепленных пунктов поселения, а только возведение новых укреплений в старинных городах. Так, новгородцы неоднократно ставят в Новгороде «новъ градъ».

Но летопись неоднократно упоминает о сооружении городов на новых местах. Про Владимира св. сказано, что он признал неудобным, «еже мало городовъ около Киева. И нача ставити городы по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ, и поча нарубати мужѣ лучьшиѣ отъ словень, и отъ кривичь, и отъ чюди, и отъ вятичь, и отъ сихъ насели грады; бѣ бо рать отъ печенѣгъ, и бѣ воюяся с ними и одоляя имъ» (Лавр., 988 г.). Как видно из этого примера, создание целого ряда укрепленных пунктов в пределах территории каждого княжения являлось необходимостью в интересах внешней безопасности. Поэтому, кроме главного города, в каждой земле были и другие города, которые носили название пригородов.

Начало некоторых городов, стоявших во главе княжений, как Новгород, Полоцк, Киев, Переяславль, Любечь, Чернигов и др., восходит к отдаленной древности. В историческое время многие из них были обширными пунктами поселений. И у каждого из них были свои пригороды. Самое название «пригород» показывает, что пригород ниже города, в чем-то от города зависит, чем-то «тянет» к нему. С точки зрения военной обороны старший город потому выше других городов земли, что укрепления его обыкновенно надежнее; под их охраной каждый находил более верную защиту от врага. В пригороде могли укрыться лишь окрестные жители на время, да и то не всегда. В 1147 г. кн. Изяслав Мстиславич с братом Ростиславом воевали Черниговскую землю, подошли к г. Всеволожу и «взяша Всеволожь градъ на щитъ, и ина в нѣмъ бяста два города вошла. Слышавше инии гради, Упенѣжь, Бѣлавежа, Бохмачь, оже Всеволожь взятъ, и побѣгоша Чернигову, и инии гради мнози бѣжаша». Итак, судьба г. Всеволожа устрашила собравшихся по другим пригородам черниговским, и все искали спасения под защитою стен г. Чернигова. Однако г. Глебль не последовал общему примеру: глебльцы бились под защитою городских укреплений и избавили город от сильной рати (Ипат., 252). Естественно поэтому, что жители земли заботятся об укреплении пригородов и умножений их. Так, новгородцы в конце XIII и в XIV в. в некоторых пригородах возводят каменные укрепления.

В политическом отношении зависимость пригородов от главного города выражена весьма определенно словами летописи: «на что же старѣйшии (города) сдумають, на томь же пригороди стануть» (Лавр., 1176 г.). Это значит, что руководительство политикою всей земли исходит из главного города, где живет князь, где собираются вечевые собрания. К решениям, исходящим из главного города, примыкают обычно и пригороды. Но это вовсе не значит, что пригороды обречены на безмолвное исполнение

получаемых приказаний. Они принимают такое же участие в политической жизни земли, как и все свободное население. Но их роль не главная, а второстепенная и подчиненная. Таков общий порядок. Ту же мысль о второстепенном значении пригорода выразил князь Мстислав Мстиславич по поводу захвата кн. Ярославом Всеволодовичем новгородского пригорода Торжка: «да не будеть Новый Търгъ Новгородомъ, ни Новгородъ Тържькомъ» (Синод., 1215 г.). Еще резче оттенен рассказ летописи о столкновении ростовцев и суздальцев с владимирцами; в уста старых городов Ростова и Суздаля и местных бояр летопись влагает следующие слова: «како намъ любо, такоже створимъ, Володимерь есть пригородъ нашь»; или еще: «пожьжемъ и, пакы ли посадника в немь посадимъ; то суть наши холопи каменьници» (Лавр., 355 и 358). Хотя эти речи сам летописец называет величавыми, внушенными высокоумием, но они все же показывают, как позволяли себе правящие силы старших городов смотреть на свои пригороды.

Вследствие благоприятных условий пригороды могли, однако, возвыситься до такого положения, когда признавали за собой право на равное и даже преимущественное положение по сравнению с старыми городами. Исход неизбежной в таком случае борьбы определялся мерою сил соперничающих городов. Торжок не сделался Новгородом, а «новии людье мѣзинии Володимерьстии» не только выдержали борьбу с Ростовом и Суздалем, но возвели пригород Владимир в положение старшего города. Новгород же, не допустивший возвышения Торжка, после упорной борьбы с своим пригородом Псковом должен был, по Болотовскому договору в 1348 г., признать Псков своим младшим братом с правом иметь самостоятельного князя и посадника, т.-е. признать его политическую самостоятельность.

Население.

Состав населения каждой земли представляет заметные различия как с точки зрения этнографической, так и с точки зрения социальной. Этнографически население составилось не только из различных славянских племен, но еще и из подмеси элементов не славянских, например, норманского и инородческого (некоторые финские племена, печенеги, половцы и др., позднее татары). Но эта разноплеменность не отразилась заметным образом на различии социальных групп, и надо думать, что довольно рано произошло слитие сравнительно немногочисленных не славянских элементов с славянами. С точки же зрения общественной группировки прежде всего необходимо расчленить все население на две резко обособленных части: население свободное и несвободное. Положение каждой из этих обособленных групп должно быть рассмотрено особо.

Население свободное.

Среди свободных в древней Руси в историческое время наблюдается различие положений, но различие только фактическое, а не юридическое. Это значит, что среди населения существуют различные классы, но нет деления на сословия. Общественным классом называется группа населения, обособившаяся от прочего населения по своим специальным занятиям или имущественному положению. Та или иная профессия обыкновенно стоит в связи с тем или иным видом имущественного обладания. Большая или меньшая имущественная состоятельность и виды имущества являются наиболее заметными отличительными признаками общественных классов (крупные и мелкие землевладельцы, владельцы движимых капиталов, работающие на других). Отличительным же признаком сословия является различие между группами населения по правам: у каждого сословия своя совокупность прав и обязанностей. Эти юридические признаки сословий гораздо резче обособляют сословные группы одну от другой и создают некоторую замкнутость сословий, которая проявляется в наследственности сословных прав и обязанностей и в установлении каких-либо препятствий к переходу из одного сословия в другое. Наоборот переход из класса в класс стоит единственно в зависимости от условий, благоприятствующих переменам в имущественной состоятельности лица и в его занятиях. Свободное население древней Руси делится только на классы; сословных различий в его среде не существует.

Древние памятники обозначают свободное население терминами «людіе» или «мужи», когда речь идет о населении всей земли или какого-либо определенного пункта поселения. В договоре Игоря с греками перечисляются посланные «отъ Игоря, великаго князя русьскаго, и отъ вьсея княжия и отъ вьсѣхъ людий Русьскыя земля» (ст. I). Когда печенеги обступили Киев великою силой, так что нельзя было ни выйти из города, ни послать вести, то «изнемогаху людье гладомъ и водою». После смерти кн. Мстислава Владимировича занял киевский стол брат его Ярополк, «людье бо Кыяне послаша по нь» (Лавр., 968 и 1132 гг.). Кн. Всеволод Юрьевич отказался принять новопоставленного епископа грека Николу, мотивируя это тем, что «не избраша сего людье землѣ нашѣѣ» (Ипат., 1183 г.). В Р. Правде термин «людіе» нередко употребляется для обозначения неопределенного числа свободных жителей, принимающих участие в тех или иных актах гражданской и судебной жизни страны: «за разбоіника люди не платять»; «а людье вылезуть»; «а товаръ дати передъ людми» (Тр., 5, 61, 93). Там же термин «людинъ», в смысле свободного человека, противополагается княжу мужу, за убийство которого взыскивается 80 гривен, а за убийство людина — 40 гр. (Тр., 3). Термин «мужи» обозначает свободное мужское население

в противоположность женскому: «И придоша (Ярославичи) ко Мѣньску, и Мѣняне затворишася в градѣ; си же братья взяша Мѣнескъ и исѣкоша мужѣ, а жены и дѣти вдаша на щиты». Кн. Всеволод Юрьевич пошел походом против Торжка, но не хотел брать города; дружина же его заявила: «мы не цѣловать ихъ приѣхали... и се рекше, удариша в конѣ, и взяша городъ, мужи повязаша, а жены и дѣти на щитъ и товаръ взяша». (Лавр., 1067 и 1178 гг.). И Р. Правда говорит о муже, как свободном человеке: «Паки ли будеть что татебно купилъ въ торгу,... то выведеть свободна мужа два или мытника»; «А се аже холопъ ударить свободна мужа» (Тр., 32, 58). По общему правилу послухами в древнем процессе должны быть свободные люди: «Ты тяжѣ всѣ судять послухи свободными» (Тр., 81). Быть послухом выражается иногда термином «послуховать», который в отдельных актах заменяется равносильным выражением «мужевать». Значит послухом должен быть муж.

Когда было необходимо среди всей массы свободного населения указать ту или иную общественную группу, современники старались отметить качественные признаки данной группы, присоединяя к терминам «людіе» или «мужи» характеризующие их положение определения: «лучшіе», «старѣйшіе», «вятшіе», «переднiе», «нарочитые»; или: «молодшіе», «меньшіе», «мезинніи», «простые», «черные». В 1255 году среди новгородцев произошло разногласие из-за князей «і бысть въ вятшихъ свѣтъ золъ, како побѣти меншии, а князи въвести на своеі воли». Там же в 1259 г. татары просили числа, «і чернь не хотѣша дати числа, но рѣша: умремъ честно за св. Софью і за домы ангельскыя. Тогда издвоишася люди: кто добрыхъ, тотъ по святоі Софьи і по правоі вѣрѣ; и створиша супоръ, вятшии велят ся яти меншимъ по числу» (Синод., 1255 и 1259 гг.). Новгородцы, приглашая к себе князей, посылают за ними то «лѣпьшихъ людий», то «переднихъ мужей» (Синод., 122, 140, 174). Среди новгородцев упоминаются и «моложьшая мужи» (там же, 236). В числе приходящих на пиры к кн. Владимиру св. указаны и «нарочитые мужи» (Лавр., 997 г.). Владимирцев, как жителей пригорода, летописец называет «мѣзиними людьми».

Эти разные общественные классы имеют и свои особые названия. Лучшие люди земли иначе называются: «бояре», иногда «огнищане», в известных случаях «княжіе мужи». Низшие классы общества именуются: «чернь», «простая чадь», «смерды». Средину занимают разные общественные слои, между которыми особо выделяются торговые люди — большею частью жители городов. Интересное перечисление всех общественных классов земли находится в описании одного военного похода: «попленено бысть около Белза и около Червена Даниломъ и Василкомъ, и вся земля попленена бысть; бояринъ боярина плѣнивше, смердъ смерда, градъ града, якоже не остатися ни единой веси не плѣненѣ» (Ипат., 1221 г.). Разница имущественной состоятельности

этих классов отчасти характеризуется известием летописи о сборе на войну кн. Ярослава с Болеславом и Святополком: «Начаша скотъ събирати отъ мужа по 4 куны, а отъ старостъ по 10 гривенъ, а отъ бояръ по 18 гривенъ» (Лавр., 1018 г.). Если принять, что гривна равна 50 кунам, то получится, что старосты платили в 125, а бояре в 225 раз больше, чем мужи, т.-е. вообще свободные.

Высшие классы.

Бояре несомненно считались лучшими людьми земли. Это явствует прежде всего из указаний летописи, которая в одном и том же рассказе иногда безразлично употребляет термины «вящіе люди» или мужи и бояре. Так, в рассказе о татарской переписи в Новгороде сначала говорится, что «вятшии велят ся яти меншимъ по числу», и что «чернь не хотѣша дати числа», а ниже пояснено почему произошло такое раздвоение: «творяху бо бояре собѣ легко, а меншимъ зло» (Синод., 1259 г.). Точно так же по поводу занятия новгородского стола кн. Мстиславом Ростиславичем в летописи сказано, что к нему «прислаша новгородци мужѣ свои, зовуче и Новугороду Великому»; князь не хотел было покидать своей отчины Русской земли, но затем «послушав братьи своей и мужѣй своихъ, пойде съ бояры новгородьчкими» (Ипат., 1178 г.). Хотя здесь отправленные за князем мужи не названы лучшими, но это необходимо предположить, так как в таких посольствах обычно участвовали лучшие люди, как это только что указано.

«Огнищанин» происходит от слов «огнь» и «огнище», что в древности обозначало домашний очаг (как позднее «печище») как символ хозяйства. Поэтому огнищанином мог называться домохозяин и домочадец. У чехов огнищанином назывался libertus cui post servicium accedit libertas [1]). В болгарском переводе одного слова Григория Богослова, списанном у нас в XI веке, термином «огнище» переведено греческое слово р а б. Татищев сообщает, что по договору кн. Владимира св. с волжскими болгарами 1006 г. болгарские купцы получили право торговать только в городах, но им запрещено было ездить в села и торговать с «огневщиной» и «смердиной». Отсюда видно, что словом «огнище» и «огневщина» обозначали домашнюю челядь, как необходимую принадлежность всякого крупного хозяйства. Такое перенесение названия главного предмета на существенную его принадлежность объясняет почему исторические памятники XI—XIII вв. называют огнищанами только крупных домохозяев. Р. Правда заменяет термин «огнищанинъ» термином «княжъ мужъ» (Ак., 19 и Кар., 3) и противополагает огнищанина смерду (Кар., 89 и 90). Из летописных сводов слово «огнищанинъ» встречается только в Новг. синод. летописи всего три раза и всегда в одном и

1) Раб, получивший свободу. *Перев. ред.*

том же сочетании при перечислении классов населения: огнищане, гридь и купцы. Так, прибывший на Луки киевский кн. Ростислав «позва новгородьце на порядъ: огнищане, гридь, купьце вячшее». Кн. Всеволод пригласил новгородцев против Ольговичей, «и новгородьци не отпьрешася ему: идоша съ княземь Ярославъмь огнищане и гридьба и купци». При нападении литовцев на Русу упоминается засада: «огнищане и гридба, и кто купьць и гости» (Синод., 1166, 1195 и 1234 гг.). В других же летописных сводах встречается сопоставление бояр и гридней или гридьбы. Так, первоначальная летопись в числе приходящих на пиры Владимира перечисляет бояр и гридней. Приглашенный ростовцами кн. Мстислав Ростиславич «совокупи ростовцы и боляры и гридьбу и пасынки и поеха къ Володимерю» (Лавр., 996 и 1177 гг.; Переясл.-Сузд., 1177 г.). Из этих сравнений надо заключить, что термины «огнищанинъ» и «бояринъ» очень близко соответствуют один другому.

«Княжъ мужъ», это—член княжеской дружины. Из того, что Р. Правда ограждает жизнь «княжа мужа» двойною вирою в 80 гривен, надо заключить, что княжие мужи были лучшие дружинники. Летопись гораздо чаще говорит о боярах такого-то князя. По поводу перенесения мощей Бориса и Глеба упомянуто, что князья Ярославичи, «отпѣвше литургию, обѣдаша на скупь, кождо с бояры своими» (Лавр., 1072 г.). У князя Даниила Галицкого войско считалось больше и крепче, чем у других князей, так как «бяху бояре велиции отца его вси у него» (Ипат., 1211 г.). Кн. рязанский Глеб предательски зазвал на пир рязанских князей с целью их перебить; «они же не вѣдуще злыя его мысли и прѣльсти, вси 6 князь, кождо съ своими бояры и дворяны, придоша въ шатьръ его». Перебиты были все князья и множество бояр и дворян. «Си же благочьстивии князи... прияша вѣньця отъ Господа Бога, и съ своею дружиною» (Синод., 1218 г.). Значит бояре входят в состав княжеских дружин и упоминаются там на первом месте; они также лучшие дружинники.

Итак, бояре, огнищане, княжие мужи — это все очень близкие, нередко тождественные, заменяющие друг друга термины для обозначения лучших людей древне-русского общества. Но почему они считаются лучшими людьми? Что их выдвинуло в состав высшего класса населения?

Лучшие люди древнего времени это те, в чьих руках предержащая власть. По своему положению и влиянию это правящий класс. Древляне послали к кн. Ольге лучших мужей сватать ее за своего кн. Мала; но Ольга, умертвив этих послов, просила оказать ей больший почет и прислать за ней нарочитых мужей. «Се слышавше деревляне, избраша лучшие мужи, иже дерьжаху Деревьску землю» (Лавр., 945 г.). В этом же рассказе по другой летописи (Переясл.-Сузд.) вместо лучших мужей стоят старейшие бояре. Значит, управление Древлянскою землею, и при наличности князя, было сосредоточено в руках бояр. Это власт-

ное и могущественное положение лучших людей всего отчетливее запечатлено термином «вельможа», который встречается в древних, преимущественно литературных памятниках в значении лучших людей или бояр. В приведенном рассказе о древлянах далее говорится, что Ольга пришла с малой дружиной на могилу мужа, оплакала его и велела выкопать большую могилу; «посемъ позвавъ вельможи вси деревлянъ повеле ихъ поити и служити отрокомъ своимъ околъ ихъ». Эти вельможи спрашивают у Ольги: «гдѣ суть друзи наши, ихъ же послаша по тя, мужи наши»? (Пер.-Сузд.). Значит лучшие мужи, бояре, вельможи—все тождественные термины. В житии Феодосия Печерского словом «вельможи» заменяется термин «бояре»; напр.: «Уже зорямъ въсходящемъ и вельможамъ ѣдущимъ къ князю»; или: «Овъгда епистолія пиша, посылаше тому (кн. Святославу), овъгда же вельможамъ его приходящемъ къ нему, обличаше того о неправьдьнѣмь прогнаніи брата». Иногда в летописи этот термин стоит рядом и после слова «бояре». Так, в описании похода черниговских князей против половцев сказано: «И побѣжени быша наши, князи вси изъимани быша, а боляре и велможи и вся дружина избита, а другая изъимана» (Лавр., 1186 г.). Но как трудно различить тут бояр от вельмож, видно из рассказа летописи о свадьбе кн. Юрия Всеволодовича: «и ту сущю великому князю Всеволоду, и всѣмъ благороднымъ дѣтемъ (т.-е. княжеским), и всѣмъ велможам, и бысть радость велика» (Лавр., 1211 г.). Здесь признано излишним упоминать о боярах рядом с вельможами.

Могущественное и властное положение лучших людей обусловливалось прежде всего их обеспеченным и независимым имущественным положением; все они богатые люди. Вопрос о том, какими путями или какими преимущественно профессиями создавались в древнее время крупные состояния, решается весьма различно. Одни предполагают, что лучшие люди древней Руси вышли из среды торговой аристократии; другие—что это была по преимуществу военная знать; третьи думают, что землевладение уже издревле выдвигало крупных собственников в первые общественные ряды. Несомненно одно, что в ту пору, от которой сохранилось достаточное число документальных данных, бояре и огнищане являются земледельцами и рабовладельцами. Частные имения называются в памятниках селами, и памятники нередко упоминают о селах бояр и дружинников. Так, когда Изяслав Мстиславич захватил Киев под Игорем Ольговичем, пленил его самого и многих бояр, то в то же время «розъграбиша кияне съ Изяславом домы дружины Игоревы и Всеволожѣ, и с е л а, и скоты, взяша имѣнья много в домехъ и в манастырехъ» (Ипат., 1146 г.). Но Изяславу не удалось удержать за собой Киева против дяди своего Юрия Долгорукова; вынужденный покинуть город с дружиною, Изяслав с помощью угров снова стремится захватить Киев и во время похода говорит своей дружине: «вы есте по мнѣ изъ Руские земли вышли, своихъ с е л ъ и своихъ жизний

лишился, а язъ пакы своея дѣдины и отчины не могу перезрѣти; но любо голову свою сложю, пакы ли отчину свою налѣзу и вашю всю жизнь» (Ипат., 1150 г.). В борьбе владимирцев с ростовцами первые с своим князем Всеволодом Юрьевичем одолели вторых с кн. Мстиславом во главе, который с дружиною обратился в бегство, убили многих бояр, «а ростовци и боляръ всѣ повязаша, а у Всеволодова полку не бысть пакости Богомь и крестомъ честнымъ, а села болярьская взяша, и кони и скотъ» (Лавр., 1177 г.). Князь рязанский Глеб с половцами напал на Владимирскую землю и, воюя около г. Владимира, много зла сотворил «и с е л а пожже боярьская, а жены и дѣти и товаръ да поганымъ на щитъ, и многы церкви запали огнемь» (там же).

Эти боярские села эксплоатировались в то время невольным трудом челяди. По вышеприведенному известию Татищева по селам проживает «огневщина» (челядь) и «смердина». По другим известиям иные села сплошь населены челядью. Княгиня минская, вдова кн. Глеба Всеславича, оставила после смерти все имущество Печерскому монастырю; это имущество досталось ей после смерти мужа, который «по своемъ животѣ вда княгини 5 селъ и съ челядью, и все да и до повоя» (Ипат., 1158 г.). В конце XII в. Варлаам дал Хутынскому монастырю «землю Хутинскую св. Спасу и съ челядію, и съ скотиною» (Д. к А. И., I, № 5). В 1209 г. новгородцы восстали на посадника Дмитра и на братью его, «идоша на дворы ихъ грабежьмъ; а Мирошкинъ дворъ и Дмитровъ зажьгоша, а житие ихъ поимаша, а села ихъ распродаша и челядь, а скровища ихъ изискаша и поимаша бещисла» (Синод., 191). Князья также были крупными хозяевами. Изяслав Мстиславич захватил под черниговским князем Святославом г. Путивль «и ту дворъ Святославль раздѣли на 4 части, и скотьницѣ, и бретьяницѣ (амбары), и товаръ, иже бѣ не мочно двигнути, и въ погребѣхъ было 500 берковьсковъ меду, а вина 80 корчагъ... и не оставиша ничтоже княжа, но все раздѣлиша, и челяди 7 сотъ» (Ипат., 1146 г.). Такое обилие челяди в одном дворе наглядно указывает, какое значение имела челядь в крупном хозяйстве. Но тот же тип хозяйства, хотя бы и в меньшем объеме, существовал у княжеских дружинников. Так, захватив под Изяславом Давидовичем Киев, Мстислав Изяславич «зая товара много Изяславли дружины, золота и серебра, и челяди, и коний, и скота» (Ипат., 1159 г.). В житии Феодосия рассказано, что после смерти отца, будучи всего 13 лет, он «отъ толеже начатъ на труды подвижьнеи быти, якоже исходити ему с рабы на село и дѣлати съ всякимъ смиреніемъ» (Яковлев. «Памятники русской литературы», стр. V). Значит тяжелой, земледельческой работе надо было учиться у рабов в селе. О Романе Галицком сохранилось известие, что литовских пленников он запрягал в плуги для корчевания, отчего возникла и пословица: «Романе, лихомъ живеши, литвою ореши» (Карамзин, III, прим. 114).

Те же черты хозяйственного быта лучших людей нашли отра-

жение и в Р. Правде. Она знает все три термина для обозначения высших классов населения: боярин, огнищанин и княж муж. Но о холопах говорит только боярских (Кар., 43), а также только о боярских тиунах (Кар., 177). Эти боярские тиуны заведывали отдельными частями боярского хозяйства и были, вероятно, различные, хотя Р. Правда упоминает только о боярском тиуне дворьском (Кар., 77). Но что особенно заслуживает внимания, это—упоминание в Р. Правде о «боярьстѣи дружинѣ» (Кар., 104). Не одни князья имеют дружины; их имеют и бояре. Экономическое положение бояр давало им достаточные средства для содержания собственных дружин, а чрезвычайно слабо обеспеченная общественная безопасность побуждала каждого состоятельного человека озаботиться об ограждении личных и имущественных прав от посягательств каждого сильного человека. Памятники нередко упоминают о таких дружинах у отдельных бояр, называя их отроками, чадью, дружиною или просто «домом», «двором». У воеводы Игорева Свенельда были свои отроки, с которыми он собирал дань с древлян; дружина Игоря завидовала им и жаловалась своему князю: «отроці Свѣньлъжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази». У Яна Вышатича, посланного за сбором дани князем Святославом, также свои отроки (Лавр., 945 и 1071 гг.). У Ратибора, дружинника Владимира Мономаха, потом Киевского тысяцкого, собственная дружина: «и начаша думати дружина Ратибора со кн. Володимеромъ о погубленьи Итларевы чади (половецкого посла)» (Лавр., 1095 г. В Ипат. сказано: «начаша думати дружина Ратиборова чадь съ княземь»). Про Шимона варяга, принятого в дружину кн. Ярослава Владимировича, а потом сделавшегося старейшим у кн. Всеволода, сказано, что он «оставихъ латынскую буесть и истиннѣ вѣрова... и съ всѣмъ домомъ, яко до 3000 душь» (Яковлев, CXIV). Новгородец «Сьмьюнь Емінъ въ 4-хъ стѣхъ» предпринимает поход, а потом добивается звания тысяцкого (Синод., 1219 г.). Имеется и более позднее известие, что к Ивану Калите в 1332 г. пришел служить «отъ кіевскихъ благоплеменныхъ вельможъ Родіонъ Несторовичь, и съ нимъ же княжата и дѣти боярскія и двора его до тысящи и до семи сотъ» (Карамзин, IV, прим. 324). Такой значительный состав домашних слуг, как у Шимона и у Родиона Нестеровича, встречался, вероятно, далеко не у всех князей.

Выше неоднократно шла речь о княжеских дружинниках, княжеской и боярской дружине. Необходимо ближе установить, что такое представляла из себя княжеская дружина. Термин «дружина» имел в древности разное значение. В широком смысле дружиною называлось всякое большое или малое сообщество или товарищество. В этом смысле дружиною может быть названа совокупность населения. Так, в 1015 г. Ярослав сожалеет об избитых им новгородцах след. словами: «о люба моя дружина, юже вчера избихъ, а нынѣ быша надобе» (Лавр., 1015 г.). После смерти Андрея Боголюбского, «увѣдавше смерть княжю, ростовци

и суждалци и переяславцы, и вся дружина, отъ мала и до велика, и съѣхашася къ Володимѣрю» (Ипат., 1175 г.). Р. Правда, говоря об уплате вервью дикой виры, постановляет, что каждый член этого территориального союза должен «заплатити исъ дружины свою часть» (Троиц., 4). Но и небольшая группа одновременно работающих в каком нибудь общем деле, рабочая артель в нашем смысле, также называлась дружиною. В смоленском договоре предусмотрен случай, если у кого погибнет учан или челн, «товаръ его свобонъ на вдѣ й на березѣ бес пакости всякомоу; товаръ, иж то потоплъ, брати оу мьсто своею дроужиною йз воды на берего» (ст. 44).

Княжеская дружина была совокупностью ближайших сотрудников князя по делам государственного управления и домашнего хозяйства. У каждого князя непременно имелась своя дружина, так как ни один князь, конечно, не мог обойтись без сотрудников. С этими сотрудниками князь очень тесно связан. При перемещениях из одного княжения в другое, обыкновенно князь уводит с собой и свою дружину, или дружинники следуют за своим князем. Так, изгнанный новгородцами кн. Всеволод Мстиславич пристроился в Вышгороде, но был призван псковичами «и иде с дружиною своею» (Лавр., 1138). Кн. Святослав, брат Киевского кн. Всеволода, узнав, что новгородцы избивают приятелей его и самого хотят схватить, «убоявъся и бѣжа и с женою и съ дружиною своею» (Ипат., 1140). После смерти Юрия Долгорукова, кн. Изяслав Давидович «иде въ свой Киевъ, и съ княгынею и съ дѣтьми, и съ дружиною весь» (там же, 1158). А умирал князь,—его дружина нередко оставалась при его детях; каждый из них тем и был силен, что его сотрудниками были великие мужи или бояре его отца (Ипат., 1211).

Отдельные лица, входящие в состав дружины князя, именуются иногда в исторической литературе княжескими слугами. Этот термин известен и летописи (Ипат., 1152): «снидоша противу ему съ сѣнѣй слугы княжи вси въ черних мятлихъ»). Но название дружинника княжеским слугою требует существенной оговорки. В древнее время понятие службы было совсем не то, к какому привыкли мы, ибо не существовало ни государственной ни общественной службы. Служба понималась лишь как частное услужение, и тот, кому служат, считался господином, а тот, кто служит—холопом. Такое представление было столь укоренившимся, что возникло даже обычное правило, в силу которого каждый свободный человек, поступающий в услужение, становился холопом. По Р. Правде третьим источником холопства признавалось тиунство и ключничество, т.-е. обычные формы частного услужения (Кар., 121). Не подлежит сомнению, что не такими домашними слугами становились поступающие в дружину к князю высшие общественные слои. Вышеприведенное летописное известие о встрече прибывшего всеми княжескими слугами далее отмечает, что прибывший, взойдя на сени, увидел князя «сѣдящя на отни мѣстѣ в

черни мятли и въ клобуцѣ, такоже и вси мужи его». Значит все слуги противоставлены здесь всем мужам, которых слугами и назвать нельзя. Но у князей были, конечно, и многоразличные домашние слуги, их тиуны. Эти слуги мало-по-малу также входят в состав княжей дружины. И князья стремятся на некоторых своих слуг распространить личные привилегии своих мужей.

Княжеская дружина, таким образом, по социальному составу не представляется однородной: она разделяется на старшую и младшую. Памятники нередко упоминают о княжеской дружине старейшей, передней, большей в отличие от дружины молодшей. Когда кн. Святополк Изяславич занял киевский стол, к нему пришли половецкие послы для переговоров о мире; «Святополкъ же, не здумавъ с болшею дружиною отнею и стрыя своего, совѣтъ створи с пришедшими с нимъ» и захватил послов (Лавр., 1093 г.). Когда весть об убиении в Киеве кн. Игоря дошла до кн. Святослава Ольговича, «онъ же съзва дружину свою старѣйшюю, и яви имъ, и тако плакася горько по братѣ своемъ» (Ипат., 1147 г.). Кн. Василько хотел мстить ляхам за Русскую землю и с этой целью предполагал просить своих братьев Володаря и Давида: «дайта ми дружину свою молотшюю, а сама пийта и веселитася» (Лавр., 1097).

Входящие в состав младшей княжеской дружины общественные элементы носят еще названия: «гридь» (ед. число гридин), «гридьба», которые сопоставляются с огнищанами и боярами и вместе с тем им противополагаются; «отроки», «детские», «дети боярские», «дворяне». Отроки, это—домашние слуги князя, исполняющие разные обязанности как по домашнему хозяйству, так и во время княжеских походов и путешествий. Княгиня Ольга, справляя тризну по муже, пригласила на пир древлян «и повелѣ отрокомъ своимъ служити передъ ними... И яко упишася деревляне, повелѣ отрокомъ своимъ пити на ня, а сама отъиде прочь, и потомъ повелѣ отрокомъ сѣчи я» (Ипат., 945 г.). Владимир Мономах в поучении детям указывает им: «В дому своемь не лѣнитеся, но все видите: не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящии к вамъ и дому вашему, ни обѣду вашему... Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чюжимъ, ни в селѣхъ, ни в житѣхъ, да не кляти васъ начнуть». И далее о себе князь говорит: «Еже было творити отроку моему, то самъ есмь створилъ, дѣла на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ». Из этих указаний об обязанностях отроков надо заключить, что в числе их были и невольные слуги, княжеские холопы. Но на-ряду с этим имеются сведения о том, что отроки составляли военные княжеские отряды. Ввиду грозящего нашествия половцев, кн. Святополк Изяславич заявил: «имѣю отрокъ своихъ 8 сотъ, иже могуть противу имъ стати» (Ипат., 1093). Точно так же о кн. Данииле сказано, что он, «изрядивъ полки, и кому пол-

комъ ходити, самъ же ѣха въ малѣ отрокъ оружныхъ» (Ипат., 1256 г.).

Детские—тоже младшие дружинники, но по своему положению стоящие повыше отроков. Это надо заключить из того, что в памятниках они упоминаются отнюдь не в качестве домашних слуг, а как военная сила при князе. Они предупреждают князей о грозящей опасности, помогают им в трудные минуты боя. Так, в битве под Лучьском кн. Андрей Юрьевич попал в опасное положение, а «дружинѣ не вѣдущимъ его, токмо отъ меншихъ дѣтьскихъ его два видивши князя своего у велику бѣду впадша, зане обиступленъ бысть ратьными, и гнаста по немъ» (Ипат., 1149 г.). Детский кн. Ростислава Глебовича предупреждает его, чтоб не ехал в Полоцк: «не ѣзди, княже, вѣче ти въ городѣ, а дружину ти избивають, а тебе хотять яти» (Ипат., 1159 г.). Детские упоминаются еще в качестве исполнительных органов при суде: производят раздел наследства по приговору князя (Р. Правда, Карамз., 117), выступают приставами при вызове сторон, взыскании долга (Смолен. дог., ст. ст. 21 и 29). По западнорусским актам судебное приставство прямо называется «дѣцкованiе». Лучшее сравнительно с отроками положение детских явствует и из того, что у некоторых из них упоминаются свои дома (Лавр., 1175); некоторые из них назначались даже посадниками (Ипат., 1175 г.: «сѣдящима Ростиславичема въ княженьи земля Ростовьскыя, роздаяла бѣста посадничьства руськымъ дѣцькимь»). А кн. Владимир Мстиславич, когда его мужи отказались за ним следовать, сказал, «възрѣвъ на дѣцскы: а се будуть мои бояре» (Ипат., 1169 г.). Возможность возведения детских в звание бояр указывает, что вероятно в действительности это и имело место в отдельных случаях, когда возраст и имущественное положение детских обусловливали перевод их из младшей дружины в старшую. Наконец надо иметь в виду, что термин «дѣтскiе» позднее вытесняется повидимому термином «дѣти боярскiя», общественное положение которых, как сыновей бояр, отчасти характеризует и общественное положение детских.

Дворяне—это все те, которые постоянно состоят при княжеском дворе, княжие дворные люди или слуги. Многие из младших дружинников так же проживали постоянно в княжеском дворе, на что и указывает термин «гридница», т.-е. помещение для гриди. Они могли называться поэтому дворянами. Но в состав дворовых людей входили несомненно и холопы княжеские, по крайней мере некоторые из них. Таким образом дворянами сначала были и вольные мелкие слуги и холопы. Впервые термин «дворяне» встречается со второй половины XII в. Под 1175 г. рассказано, что после убийства кн. Андрея Боголюбского «горожане же Боголюбьскыи и дворяне разграбиша домъ княжь» и принимали участие в избиении детских и мечников и расхищении их домов (Лавр., 1175 г.). Здесь дворяне отличены от детских; в других случаях они противополагаются боярам. Кн. Глеб рязанский за-

манил лестью шестерых рязанских князей, и, все они «кождо съ своими бояры и дворяны, придоша въ шатъръ ею. Сь же Глѣбъ прѣже прихода ихъ изнарядивъ свое дворяне и братне и поганыхъ половьчь множьство въ оружии, и съкры я» (Синод., 1218 г.). По договорам Новгорода с князьями боярам и дворянам княжеским запрещено было приобретать земли в Новгородской волости и выводить оттуда закладников. Боярин, конечно, много выше дворянина, положение которого сначала было весьма невидное. Дворяне, правда, участвуют в войске, состоят при суде, ведают сбор пошлин, но только в качестве мелких исполнительных органов. Даже у судных тиунов были свои дворяне. Но быть дворянином при князе было выгодно. На содержание дворян князья расходовали не малые средства. Так, кн. Мстислав, собрав дань с чуди, две части дани отдал новгородцам, «а третюю часть дворяномъ» (Синод., 1214 г.). Близость же к князю сулила, кроме того, и ряд милостей. Поэтому в дворовый штат поступали и люди с положением. Дети бояр не брезгают начинать свою карьеру при княжеском дворе в составе младшей дружины. От XIII в. имеются прямые указания, что в разряде дворных слуг были дети боярские (Ипат., 1281 г.): «токмо два бяста убита отъ полку его (князя): единъ же бяше Прусинъ родомъ, а другий бяшеть дворный его слуга, любимы сынъ боярьский, Михайловичь именемь Рахъ». Это обстоятельство оказало не малое влияние на дальнейшую историю дворянства.

С т а р е й ш а я д р у ж и н а состояла из княжих мужей и княжих бояр. Из сказанного ранее об их общественном положении явствует, что между ними и младшими дружинниками было коренное различие. В составе дружины, как главной военной силы князя, каждый младший дружинник только лично усиливал боевую годность княжеского войска, тогда как каждый старший дружинник ценился не только по его личной боевой годности и опытности, но особенно по той силе, какая стояла за ним в лице его собственной боярской дружины. Этим в значительной мере и обусловливалось то влияние, каким пользовался у князя тот или иной княж муж.

Отношения между князем и дружинниками были совершенно свободными и определялись их взаимным соглашением и доверием. Выше было уже сказано, что князья заключали «ряды» с дружиною. Этот обычай подтверждается еще и теми случаями, когда дружина князя-отца, переходя после его смерти на службу к князю-сыну, целует ему крест. Целование креста есть акт, скрепляющий заключенный договор. О содержании этих договоров можно только догадываться. Памятники сохранили об этом лишь косвенные указания. Когда Изяслав Мстиславич заключил с дядею Вячеславом договор, что иметь ему Вячеслава отцом, то «на томъ же и мужи ею цѣловаша хрестъ, ако межи има добра хотѣти и чести ею стеречи, а не сваживати ею» (Ипат., 1150 г.). Это драгоценное известие указывает и на роль дружины в под-

держании междукняжеских отношений. Отсюда надо заключить, что желание добра своему князю, охрана его чести были главнейшими обязанностями дружинников. В отношении к князю-союзнику доброжелательство выражается в устранении между ними поводов к ссорам. А что значит желать добра князю в отношении к его врагам? Во Владимире при кн. Всеволоде Юрьевиче возник мятеж: «всташа бояре и купци, рькуще: княже! мы тобѣ добра хочемъ, и за тя головы своѣ складываемъ, а ты держишь ворогы своѣ просты» (Лавр., 1177 г.). Итак, желание добра заключает в себе и обязательство складывать за князя свои головы в борьбе против его врагов. Такие не бескровные жертвы приносились, конечно, недаром: князья должны были «жаловать» своих дружинников. Но постоянного жалованья дружинники не получали; наша древность не знает даже и понятия «государственное жалованье». Наш древний книжник передал византийский термин «жалованье чиновникам» таким современным ему понятием: «честь и власти, яже отъ князя». Почетом и назначением на должности князья награждали своих дружинников. Не подлежит сомнению, что и то и другое сопряжено было с материальными выгодами.

Как свободно устанавливались отношения между князьями и их дружинниками, так же свободно могли и прекращаться по усмотрению сторон. Имеется ряд указаний, что часть дружины или даже вся целиком по тем или иным причинам покидала своего князя. Кн. Святослав Ольгович уведомил своих союзников и дружину о приближении к Новгороду Изяслава Мстиславича и после совещания решил покинуть город: «И тако побѣже из Новагорода Корачеву; дружина же его, они по немъ идоша, а друзии осташа его» (Ипат., 1146 г.). Кн. Ростислав Мстиславич, узнав о смерти дяди Вячеслава, приехал в Киев, похоронил дядю и, «изрядивъ вся, поима прокъ дружины Вячеславли» (Ипат., 1154); значит остальные дружинники Вячеслава не захотели остаться у Ростислава. В 1118 г. кн. Ярослав Святополчич вынужден был бежать из Владимира, «и бояре его и отступиша отъ него». Точно так же покинула своего князя дружина (старшая) кн. Владимира Мстиславича, когда тот задумал вероломный поход на Киев: «И рекоша ему дружина его: о собѣ еси, княже, замыслилъ; а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали» (Ипат., 1169 г.). Но и князья, недовольные тем или другим из своих дружинников, могли их отпустить от себя. Так, кн. Мстислав Изяславич отпустил от себя Петра и Нестера Бориславичей «про ту вину, оже бяху холопи ею покралѣ конѣ Мьстиславли у стадѣ, и пятны своѣ въсклалѣ, розначенываюче» (Ипат., 1170).

Итак, высший класс населения древне-русских земель слагался из двух элементов. Одним из них были успевшие подняться на верхние ступени местные лучшие люди: огнищане и бояре. Вторым были члены старейшей княжеской дружины: княжие мужи и княжие бояре. Эти элементы тесно переплетаются между собой: местные люди входят в состав княжеских дружин, а дружин-

ники, становясь мало-по-малу все более оседлыми, переходят в разряд местных землевладельцев и рабовладельцев. Между этими слоями нет иного различия кроме того, что боярин, вступивший в состав княжеской дружины, являлся княжим боярином, а покидая ее, терял звание княжего мужа, но не свое общественное положение. Памятники, на-ряду с боярами того или иного князя, упоминают и о местных боярах, и не только новгородских, псковских и галицких, но и о ростовских, владимирских, киевских и др. Естественные выгоды заставляли всю эту местную знать группироваться около князя. Этим она лучше и прочнее укрепляла за собой все унаследованные и благоприобретенные фактические преимущества: материальное благосостояние и политическое влияние.

В качестве княжих мужей или бояр высший класс пользовался и некоторыми личными привилегиями: жизнь его членов ограждалась двойною вирою в 80 гривен (Р. Правда, Ак., 18 и 21; Кар., 1 и 3) и усиленною продажею телесная неприкосновенность: за муку огнищанина взималось 12 гр. продажи, а за муку смерда только 3 гривны (Ак., 31 и 32; Кар., 89 и 90). Никаких других юридических отличий этого класса, придающих ему черты сословности, не существовало. Он вовсе не замкнут: возвышение местных людей в верхние общественные слои зависело от благоприятных имущественных условий, а вступление в дружину и выход из нее были совершенно свободными. Князья могли возвести в звание княжего мужа того или иного из своих любимцев. Владимир св. пожаловал званием старшего дружинника того отрока из скорняков, который победил в единоборстве печенежского богатыря: «великимь мужемъ створи того и отца его» (Лавр., 992 г.). В отдельных случаях это было вполне возможно. Но когда Владимир Мстиславич, за отказом его бояр, возвел в звание бояр своих детских (Ипат., 1169: «възрѣвъ на дѣцскы, рече: а се будуть мои бояре»), то осуществление этой меры оказалось выше его сил: превращение всех младших дружинников в старших требовало и соответственного повышения их материальных средств, а это оказалось бы невозможным и для более могущественного князя. О галицких боярах сохранилось известие, что они «Данила княземь собѣ называху, а самѣ всю землю держаху»; в числе этих бояр упомянуты: «Судьичь, поповъ внукъ» и «Лазорь Домажиречь и Иворъ Молибожичь, два безаконьника, отъ племени смердья» (Ипат., 1240 г.). Значит в состав боярства проникали лица не только из среды духовенства, но и из среды крестьянства. Этот класс и ненаследственен: сыновья бояр вовсе не становятся боярами от рождения; они только дети бояр, а дети всегда ниже отцов. Многие из боярских детей в молодые годы вступают в состав младших дружин. Для них не закрыт доступ и в бояре с достижением возраста и выяснением их материального положения. Им это звание, конечно, доступнее, но не всем. Вероятно не малое число их по разным причинам не успело подняться на следующую ступень. Все эти

неуспевшие так до старости и остались детьми боярскими по происхождению и младшими дружинниками по положению. С XIII в., а особенно в XIV и XV вв., термином «дети боярские» обозначается второй после бояр разряд вольных княжеских слуг.

Литература. Кроме общих пособий: В. Сергеевич. Древн. русск. права, т. I. изд. 3-е, 359 — 373, 396 — 397, 425 — 427; Вл.-Буданов. Обзор истории русского права, изд. 4-е, 26 — 32; см. еще: Н. Загоскин. Очерки организации и происхождения служилого сословия в до-Петровской Руси, 1876, очерк первый; В. Ключевский. Боярская дума древней Руси, изд. 3-е, гл. I и II; История сословий в России, гл. V и VI, М. 1913; Н. Павлов-Сильванский. Государевы служилые люди. Происхождение русского дворянства, 1898, гл. I и II; изд. 2-е, 1909. А. Пресняков. Княжое право в древней Руси. Очерки по истории X—XII столетий. СПБ., 1909.

Средние классы.

В их состав входили лица разных общественных положений, занимавшие места между боярами и княжескими дружинниками, с одной стороны, и низшими классами населения—черными людьми и смердами—с другой. Это нередко просто «мужи» или «люди» без ближайших определений их положения, а иногда с указанием на то, что это «житьи» или «житейскiе» люди. Последнее указание содержит признак некоторой имущественной обеспеченности. Среди этих лиц особенно заметную роль играют люди, занимающиеся торговой профессией: гости и купцы.

Торговля издревле играет весьма важную роль в экономической, а стало быть, и в общественной жизни древней Руси. Первоначальная летопись не только знает и подробно описывает «путь изъ варягъ въ Греки», но отмечает и истоки Днепра и Двины «изъ Волковьскаго лѣса», из которого «потече Волга на въстокъ и вътечеть семьюдесятъ жерелъ в море Хвалисьское». И этим путем «из Руси можеть ити по Волзѣ в Болгары и въ Хвалисы, и на въстокъ доити въ жребий Симовъ». Эти водные пути и были главными торговыми путями внешней торговли, в которой видное участие принимали разные русские земли. О торговле с греками и немцами была речь выше. «Арабский писатель IX века Хордадбе замечает, что русские купцы возят товары из отдаленных краев своей страны к Черному морю в греческие города, где византийский император берет с них десятину (торговую пошлину), что те же купцы по Дону и Волге спускаются к хозарской столице, где властитель Хозарии берет с них также десятину; выходят в Каспийское море, проникают на юго-восточные берега его и даже провозят свои товары на верблюдах до Багдада, где их и видел Хордадбе» (Ключевский, Курс, I, 146). Вещественными остатками торговых сношений с востоком служат находимые в Приднепровьи клады с арабскими серебряными диргемами VIII—X вв., которые на-ряду с проникавшей с запада серебряной монетой обращались у нас под именем «щьляговъ» (от skilling). Важное общественное значение внешней торговли под-

тверждается не только возобновляемыми мирными трактатами с греками и немцами, но и особыми заботами княжеских правительств об охране торговых путей, особенно с тех пор, как в Приднепровьи степь занята была кочевниками—печенегами и половцами. Так, по почину кн. Ростислава Мстиславича соединились 12 князей «и стояша у Канева долго веремя, дондеже взиде Гречникъ и Залозникъ, и оттолѣ възвратишася въсвояси» (Ипат., 1168), Мстислав Изяславич созвал не меньше князей и убеждал их: «братье! пожальтеси о Руской земли и о своей отцинѣ и дѣдинѣ... а уже у насъ (половци) и Гречьский путь изъотимають, и Соляный, и Залозный; а лѣпо ны было, братье, възряче на Божию помочь и на молитву святоѣ Богородици, поискати отець своихъ и дѣдъ своихъ пути и своей чести». Предпринятый поход увенчался редкой победой. Но в том же году кн. Мстислав снова убеждает князей: «се, братье, половцемъ есме много зла створили, вежѣ ихъ поимали есмы, дѣти ихъ поимали есмы, и стада и скотъ, а тѣмъ всяко пакостити Гречнику нашему и Залознику; а быхомъ вышли противу Гречнику». Князья согласились и вышли к Каневу (Ипат., 1170).

Но развитие внешней торговли стоит в тесной связи с развитием торговли внутренней. Обилие поселений, именуемых погостами (от гость), и наличность торговищ или рынков в каждом городе, а в некоторых городах и не по одному (по свидетельству Дитмара в Киеве было 8 рынков), указывают, что торговлей, как специальной профессией, занимались значительные группы населения. Это и были гости и купцы или купчины. О них упоминают уже договоры с греками; их знает и Р. Правда. Гость (ср. лат. hostis, hospes; гот. gastis; нем. Gast; франц. hôte)—это прежде всего пришлец, чужеземец. В поучении Мономаха сказано: «и боле же чтите гость, откуду же к вамъ придеть, или простъ, или добръ, или солъ, аще не можете даромъ, брашномъ и питьемъ: ти бо мимоходячи прославять человѣка по всѣмъ землямъ, любо добрымъ, любо злымъ». Так и Ольга о посланных за нею древлянах говорит: «добри гостье придоша». Гостями же называются и иноземные и чужеземные купцы. Это значение термина «гость» явствует из ст. «О долзѣ» Р. Правды: «Аще кто многымъ долженъ будетъ, а пришедъ гость изъ иного города или чужеземець, а не вѣдая запустить зань товаръ». Здесь гость—иногородний или чужеземный пришлец с товаром. И далее, в той же ст. гость противополагается «домачным», т.-е. местным жителям, и юридически: вырученные из продажи должника деньги поступают прежде всего на уплату долга гостю, а что останется, идет в раздел домашним (Кар., 69). В том же смысле говорят договоры с немцами о латинском или немецком госте в пределах русских земель и о Новгородском и о русском госте на немецкой территории. Р. Правда употребляет еще термин гостьба в смысле торговли: «Аже кто купець купцю дасть въ куплю куны или въ гостьбу» (Кар., 45). Но здесь рядом с

гостьбой стоит купля также в смысле торговли, и ими одинаково занимаются купцы. Между этими видами торговли только и можно установить то различие, что гостьбой называется торговля за пределами своей земли. Кн. Ярослав Всеволодович после Липецкой битвы прискакал в Переяславль «и ту вбѣгъ изыма новогородци и смолняны, иже бяху зашли гостьбою въ землю его». (Сузд., 1216). Но провести резкую границу как между куплею и гостьбою, так между купцом и гостем, конечно, нельзя. Как торговля вообще не составляла исключительного права купцов, так и вид торга зависел от усмотрения и возможности каждого торгующего.

Торговлей создаются крупные состояния (об Исакии Печерском сказано: «яко же сущю ему в мірѣ, и богату сущю ему, бѣ бо купець родомъ Торопечанинъ». Лавр., 1074. Св. Авраамий Ростовский, «имѣяше имѣнія много», творил гостьбу «по градомъ ходя». Пам. стар. русск. лит., I), а обладающие ими купцы и гости приобретают соответственное общественное влияние. Они играют поэтому заметную роль в общественной жизни, особенно в землях с развитым торговым оборотом, как напр., Новгород. «Вячшее купьце» приглашаются князьями на поряды вместе с огнищанами и дружинниками (Син., 1166 г.); принимают участие в посольствах (Синод., 1215 г.: «Новъгородьци послаша по Ярослава по Всеволодиця Гюргя Иванъковиця посадника и Якуна тысяцьскаго и купьць старѣйшихъ 10 мужъ»); играют заметную роль в военных предприятиях (Син., 1195 и 1233 гг.; Лавр., 1177 г.). Последнее было вполне естественно, так как в то время, при отсутствии надлежащей безопасности, особенно при передвижениях, купцы должны были собственными силами и средствами охранять свои торговые караваны. Для этого они должны были содержать вооруженные отряды, и военное дело было им хорошо знакомо.

Но хотя торговля и была открытой для каждого профессией, однако лица, посвящающие себя этому занятию, помимо необходимых экономических условий, должны обладать особыми личными способностями, сноровкою, ловкостью и специальными практическими знаниями. Все это вместе взятое совершенно естественно влечет за собою некоторое обособление людей, занимающихся торговлей, в особый класс. В более крупных торговых городах существовали и некоторые торговые организации. Так, в Новгороде существовали купеческие сотни. По договору с кн. Ярославом 1270 г. должны быть отпущены все закладники новгородские: «кто купець, тотъ въ сто, а кто смердь, а тотъ потягнетъ въ свой погостъ». Любопытные указания на купеческую организацию в Новгороде содержит уставная грамота кн. Всеволода Мстиславича церкви св. Ивана на Петрятине дворище 1135 г. Эта церковь считалась патрональною церковью новгородского рынка. При ней состояла организация из трех старост от житьих людей, из тысяцкого от черных людей и из двух старост от купцов,

«управливати имъ всякіе дѣла Иванская, и торговая, и гостиная, и судъ торговый». В эти дела не могли вступаться ни посадник ни бояре. Для вступления в Ивановское купечество надо было внести «пошлымъ купьцемъ» 50 гривен сер. вкладу. Уплативший вклад становился сам пошлым купцом и передавал это звание по наследству: «а пошлымъ купцемъ ити имъ отчиною и вкладомъ». В купеческие старосты могли избираться только пошлые купцы. Если принять во внимание, что по Р. Правде за убийство свободного человека, и в частности купца, взыскивалась вира в 40 грив. кун или 10 гр. сер. (1 гр. сер. равнялась 4 гр. кун), то вклад в 50 гр. сер. надо признать очень крупным. Отсюда надо заключить, что пошлое Ивановское купечество состояло из крупной денежной аристократии, которая принимала видное участие в управлении торговыми делами.

Низшие классы.

Низшие классы образуют главную массу населения преимущественно сельского, отчасти городского. Они называются «черные люди» и «смерды». Между этими терминами существует, однако, некоторое различие. С одной стороны, термин «черные люди» объемлет все группы низшего населения, в том числе и смердов. А термин «смердъ» может обозначать все население в отличие от князя или самых высших классов населения. Р. Правда противопоставляет в одном случае князя смерду, говоря о княжем коне и о княжей борти в отличие от смердья коня и от смердьей борти (Ак., 25 и 30 с дополн. по Ростов. сп.); в другом случае смерд противополагается огнищанину (Ак., 31 и 32; Кар., 89 и 90). С другой стороны, смерды, как сельское население, отличаются от черных людей, как низших классов населения городского (П. С. Л., V, 1485—1486 гг.).

С м е р д ы. Выяснение юридического и хозяйственного их положения вызвало в исторической литературе большие разногласия. Причиной этого являются разные толкования постановлений Р. Правды о смердах. Два правила в особенности остановили на себе внимание исследователей. Одно из них касается вознаграждений рабовладельца за убийство холопов и читается в краткой редакции так: «А въ смердѣ и въ хопѣ 5 гривенъ» (Ак., 23); в пространной же редакции стоит: «А за смердъ и холопъ 5 гривенъ, а за робоу 6 гривенъ» (Кар., 13). Обе статьи сопоставляют убийство холопа и смерда, назначая одинаковое за них вознаграждение. Другое правило касается наследования после смердов: «Ожо смердъ умреть безъ дѣти, то задница князю; оже будуть у него дьщери дома, то даяти часть на ня; аже ли будуть за мужьми, то не дати части» (Кар., 103). Вслед за этим правилом указан иной порядок наследования для других групп населения: «А иже въ боярехъ или же въ боярьстѣи дружинѣ, то за князя задница не идеть; но оже не будеть сыновъ, а въ дщери възмуть»

(Кар., 104). Эти правила понимались и до сих пор толкуются некоторыми в том смысле, что после смердов наследуют только сыновья, а дочери получают только выдел, если не выданы замуж: за отсутствием сыновей дочери не наследуют, и имущество смерда идет князю. После же бояр и членов боярской дружины к наследству, за отсутствием сыновей, призываются и дочери, и князь не получает этого имущества. Такая особенность в порядке наследования после смердов в связи с указанием других памятников, что князья считают смердов своими (Лавр., 1071 г.: в Ростовской области появились волхвы; туда же за сбором дани от кн. Святослава пришел Ян Вышатич. «Янъ же испытавъ, чья еста смерда, и увѣдѣвъ, яко своего князя, пославъ к нимъ, иже около ею суть, рече имъ: выдайте волхва та сѣмо, яко смерда еста моего князя»), и привела некоторых исследователей к предположению, что смерды находятся в личной зависимости от князя, а потому за убийство их взыскивается то же вознаграждение, как и за убийство холопов.

Такой вывод, однако, не может быть принят. Проф. П. П. Цитович (см. его соч. «Исходные моменты в истории русского права наследования», 1870) в корне поколебал его правильность. В ст. о наследстве после смерда сказано: если смерд умрет бездетным, то наследство идет князю, т.-е. указаны условия наступления выморочности имущества, а вовсе не говорится о том, что смерд умрет без сыновей. Правило—«оже не будеть сыновъ, а дчери возмуть»—является общим и не исключает смердов. У князя существует право на выморочное имущество вообще, но из этого правила изъемлется наследство после дружинников боярских. Если же наследование после смердов не установляет никаких особых прав князя на их имущество, то и основа всей догадки об имущественной зависимости смердов (вопреки мнению самого автора) отпадает.

Но как тогда понять статьи Р. Правды о вознаграждении за убийство смерда как и за убийство холопа? Для выяснения поставленного вопроса необходимо прежде всего принять во внимание, что в одном списке краткой редакции (Археограф.) указанная статья читается иначе: «а въ смердьи въ холопѣ 5 гривенъ». Тот же смысл имеет соответственная статья Троицкого сп.: «А за смердии холопъ 5 гр.». В этой редакции смысл правила оказывается совершенно иным: им определяется размер вознаграждения за холопа, принадлежавшего смерду. Но и редакция статьи по спискам Ак. и Кар., при ином лишь написании ее, допускает то же понимание: «А въ смердѣи хопѣ 5 гр.»; «А за смердъи холопъ 5 гр.». Которому же чтению следует отдать предпочтение? Правильный ответ может быть получен при сопоставлении рассматриваемой статьи с другими, определяющими юридическое положение смердов. Во 2-й половине краткой Правды в двух статьях противопоставляется имущество князя имуществу смерда; за княжего коня с пятном указано вознаграждение в 3 гр.; за

смердьего коня—только 2 гр.; точно так же за княжую борть—3 гр., а за смердью—2 гр. (Ак., 25 и 30 с дополн. по Ростов. сп.). Выше речь идет о вознаграждении за истребление княжих холопов: «А въ сельскомъ старостѣ княжи и въ ратаинѣмъ 12 гривнѣ; а въ рядовници княжѣ 5 гривенъ» (22); и далее стоит разбираемая статья. Представляется поэтому весьма вероятным, что она содержит правило о вознаграждении за смердьего холопа, как противоположение княжим холопам. Почему княжий холоп сравнивается с смердьим холопом, тогда как типичным рабовладельцем является боярин, можно объяснить лишь тем же, чем объясняется сравнение княжего коня с смердьим и княжей борти с бортью смерда. Здесь термин «смердій» имеет более широкое значение, обнимая все свободное население, которое по положению стоит, конечно, ниже князя. В пространной редакции уже идет речь о конях «иных»; «будеть былъ княжь конь, то плати ти зань 3 гривны, а за инѣхъ по 2 гривны» (Тр., 40).

Но такое значение термина «смерд» вместе с тем указывает, что смерды и в более тесном смысле свободные люди. У них имущественные и личные права. Помимо только что рассмотренных статей о смердьем холопе, смердьем коне и смердьей борти, Р. Правда в особой статье определяет, что имущество смерда передается по наследству (Кар., 103). Здесь речь идет о смерде в тесном смысле, потому что в следующей статье говорится о наследстве после бояр и дружинников. Признание за смердами личных прав отразилось в двух статьях Р. Правды: по одной назначается продажа в 3 гр. за муку смерда без княжа слова (за муку же огнищанина 12 гр. продажи, Кар., 89 и 90); в другой установляется общее правило, что смерды облагаются уголовными карами (Кар., 42: «то ти уроци смердомъ, оже платять княжю продажу»). Личная правоспособность смердов, как свободных людей, особенно ярко вскрывается из сопоставления последней статьи с следующей, где сказано, что «холоповъ же князь продажею не казнить, занеже суть несвободни» (Кар., 43).

Хозяйственное положение смердов было, конечно, весьма разнообразно. Они занимались охотою, бортничеством и земледелием. Но в качестве земледельцев, напр., они могли жить на чужой земле в качестве арендаторов или могли быть хозяевами-собственниками. Из вышеприведенного указания Татищева явствует, что по селам проживает «огневщина» и «смердина». Здесь идет речь о больших имениях, населенных челядью и смердами. Для древнего времени нет никаких свидетельств о положении смердов, поселившихся на чужой земле. На-ряду с этим памятники рисуют смерда, как мелкого землевладельца. На съезде в Долобьске между князьями произошли разногласия в том, удобно ли предпринимать поход против половцев весною. Кн. Святополк с дружиной доказывает, «яко негодно нынѣ веснѣ ити, хочемъ погубити смерды и ролью ихъ», т.-е. он считал невозможным отрывать смердов от пашни в самом начале полевых работ, так

как смерды входили в состав ополчения. Но Владимир Мономах возразил на это: «дивно ми, дружино, оже лошадий жалуете, еюже кто ореть, а сего чему не промыслите, оже то начнеть орати смердъ, и приѣхавъ половчинъ ударить и стрѣлою, а лошадь его поиметь, а в село его ѣхавъ иметь жену его и дѣти его, и все его имѣнье?» (Лавр., 1103 г.; ср. Ипат., 1103 и 1111 гг.). Из этих слов Мономаха надо заключить, что у каждого смерда свое собственное село, в котором он ведет обособленное земледельческое хозяйство. Это свидетельство особенно важно потому, что является почти единственным ясным документальным указанием при решении вопроса о формах древнего крестьянского землевладения.

Были ли еще какие-либо формы хозяйства у смердов, кроме двух указанных, и как велика была каждая из указанных групп,— решить нельзя, не вдаваясь в область мало достоверных, а потому опасных догадок. В частности, извлечь какие-либо данные для выяснения этого вопроса из статей Р. Правды о верви совершенно невозможно, так как вервь по этим статьям является только фискально-полицейским союзом для разыскания преступников или уплаты за них уголовных штрафов.

Но как бы ни было различно хозяйственное положение смердов, они все признавались самостоятельными хозяевами. Поэтому они обложены данями. А так как смерды составляли главную массу свободного населения древне-русских земель, то они считались главными плательщиками дани. Памятники неоднократно отмечают, что дань взимается с смердов. Так, новгородец Даньслав Лазутиниць отправился собирать дань за Волок; дорогой на него напали суздальцы, но были побеждены; «и отступиша новгородьци, и опять воротивъшеся, възяша всю дань, а на суждальскыхъ смьрдѣхъ другую». Югра, осажденная новгородцами, лестью убеждает их: «копимъ сребро и соболи и ина узорочья, а не губите своихъ смьрдъ и своей дани». Новгородцы призвали к себе черниговского кн. Михаила Всеволодовича, который целовал крест на всей воле новгородской «и вда свободу смьрдомъ на 5 лѣтъ даний не платити, кто сбежалъ на чюжю землю, а симъ повеле, къто сде живеть, како уставили переднии князи, тако платите дань» (Синод., 1169, 1193 и 1229 гг.; ср. Гагемейстер. «О финансах древней России», стр. 104—105, пр. 65 и 66). Ввиду такого значения смердов, князья считают своей обязанностью заботиться о смердах, «блюсти ихъ». Новгородцы изгнали кн. Всеволода за разные вины, и первой виной поставили ему то, что он «не блюдеть смердъ». (Синод., 1136). Мономах ставит себе в заслугу, что «тоже и худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не далъ есмъ силнымъ обидѣти».

Помимо того значения, какое имели смерды в качестве главной податной силы страны, они составляли массу народного ополчения. Из переговоров князей в Долобьске явствует, что они, предпринимая походы, должны были сообразоваться с периодами

хозяйственной жизни смердов, чтобы отвлечением их в походы не подорвать их хозяйств. Имеются известия, что смерды в составе ополчений являлись пешими воинами (Ипат., 1245 г.: «вшедшу ему собравше смерды многы пьщьцѣ и собра я в Перемышль»).

Однако хозяйственная самостоятельность смердов была чрезвычайно слабо обеспечена. Не в меньшей мере это замечание относится и к тем из них, которые являлись собственниками освоенных ими участков земли. Как только среди общественных классов появились крупные собственники, в частности крупные землевладельцы, между ними и смердами естественно должна была возникнуть борьба за хозяйственное преобладание. При слабости государственной власти она не могла в большинствѣ случаев оказать поддержку в этой борьбе мелким хозяевам. Предоставленные своим силам, они должны были искать защиты против сильных людей у других сильных лиц или учреждений, отдаваясь под покровительство их. Поэтому нужно предположить повсеместный процесс сосредоточения недвижимой собственности в руках крупных землевладельцев на счет мелкого землевладения. Намеки на такую борьбу сохранили памятники XI—XIII веков. Мономах свидетельствует, что не давал худых смердов в обиду сильным людям. Значит уже в его время обозначилась борьба классов: сильные люди стремились поставить в зависимость от них наименее самостоятельных мелких хозяев. Митр. Климент в послании к пресвитеру Фоме отстраняет от себя упрек в стремлении к славе: «да скажу ти сущихъ славы хотящихъ: иже прилагаютъ домъ къ дому, и села к селомъ, изгои жъ, и сябры и бортіи и пожнии, ляда же, и старины, отъ нихъ же окаанныи Климъ зѣло свободенъ». Итак, стремящиеся к славе мира сего (богатые) умножают свои имения, в частности свои земельные владения, и привлекают на них поселенцев, которые, конечно, попадают в их зависимость. Эта последняя черта процесса сосредоточения крупной собственности отмечена в одном из поучений еп. Серапиона: он указывает, что сильные люди не только «имѣнья не насыщашеся», но и «свободные сироты порабощаютъ и продаютъ» (Памятн. древн. письм., № XC; Прав. Собеседн., 1858, июль). «Сироты»—это новый термин для обозначения низших классов свободного населения; так нередко именовали себя крестьяне, прозываясь «государевыми сиротами». Так же естественно было назвать и обедневших смердов, нуждавшихся в особом попечении. По свидетельству Серапиона, они оказались уже в такой зависимости от сильных людей, что последние порабощают их, т.-е. обращают в рабство, и распоряжаются как челядью.

Подробности этого процесса, однако, не могут быть изучаемы в рассматриваемый период за отсутствием документальных данных. Но хотя самый процесс не завершился и может быть наблюдаем и даже подробнее изучаем в московское время, все же

результаты его ярко выразились, по крайней мере, в некоторых землях: мелкие собственники совершенно заслонены густою массою арендаторов. Такое превращение собственника в арендатора должно было отразиться на понижении хозяйственной обеспеченности земледельца. Незавидное хозяйственное положение смерда нашло свой отзвук в том презрении, с каким произносится иногда это слово. В новгородских договорных грамотах XIV—XV вв. встречаются уже условия о выдаче забежавших смердов и половников, о суде над ними лишь в присутствии господарей и о непринятии от них жалоб на господ (Собр. Госуд. Грам. и Дог., I, №№ 10 и 11; Акты Зап. Росс., I, № 38; Акты Арх. Эксп., I, № 87). В рассказе о столкновении псковичей с вел. князем из-за смердов хотя далеко не все ясно, но едва ли может быть сомнение в том, что смерды все арендаторы (П. С. Л., V, 1485—1486 гг.).

Чрезвычайно яркую картину положения земледельческого и промышленного населения в Псковской земле дает Псковская грамота. Она не знает термина «смерд» и говорит об изорниках, огородниках и кочетниках. Это все арендаторы. Изорник (от изорати—вспахать)—съемщик пахатного участка, огородник—съемщик огорода и кочетник (от кочет—колышек у лодки, к которому привязывается весло)—съемщик рыбных ловель. Аренду все они уплачивают натурой: изорник—четверть урожая, двое последних—половину добытых продуктов, почему и называются еще половниками. Грамота, впервые в виде общей меры, ограничивает прекращение аренды одним сроком в году, в Филиппово заговенье (14 ноября). Это ограничение одинаково связывало арендатора и землевладельца («государя»): «а иному отроку не быти, ни отъ государя, ни отъ изорника, ни отъ кочетника, ни отъ огородника». При отказе изорник должен уплатить двойной оброк или половину урожая, чем значительно затруднялся переход изорника в интересах землевладельца. Кроме того прекращение аренды осложнялось и другими хозяйственными расчетами арендаторов с хозяевами. Последние ссужали съемщиков земли и угодий деньгами и хлебом, что называлось покрутой («своей покруты и сочити, серебра, и всякой верши по имени, или пшеница ярой или озимой»). Грамота дает подробные правила о взыскании покруты в разных случаях—доказательство, что задолженность съемщиков была явлением широко распространенным. Право взыскания покруты обеспечено за землевладельцем прежде всего в случае прекращения аренды. Значит сама по себе задолженность не являлась помехой к прекращению договора аренды и уходу арендатора. Но после предъявления иска, по приговору суда съемщик, хотя и ушедший, должен был расплатиться с хозяином, иначе его ожидала судьба несостоятельного должника. Нередко, повидимому, задолжавшие съемщики скрывались бегством за пределы Псковской земли. Грамота предусматривает случаи взыскания покруты с изорников, сбежавших за рубеж: взыскание обращается

на имущество беглеца, а в случае недочета, остаток долга кредитор мог взыскать с изорника, когда он явится. Такими же гарантиями обставляет грамота взыскание покруты после смерти изорника. Если изорник умрет бессемейным, то государю предоставлено «животъ изорничь попродавати, да за свою покруту поимати»; если же после изорника останутся жена и дети, а на покруту будет запись, хотя бы в ней не стояло имен жены и детей: «ино изорничи женѣ и дѣтямъ нѣтъ откличи о государевѣ покрутѣ»; если же записи не окажется, дело решается судом по псковской пошлине.

Эти подробные правила взыскания покруты указывают на то, что покрута была обычным явлением и что, значит, без покруты трудно было съемщику земли приняться за хозяйство. Грамота постоянно предполагает задолженность арендаторов: они живут в долгах, бегут от долгов и умирают в долгах. При таких строгих правилах взыскания ссуды, задолжавшие изорники фактически очень редко могли осуществить право отказа от аренды, так как, в случае несостоятельности их в уплате долга, им грозила участь попасть снова к прежнему государю, но не в качестве уже изорника, а в качестве его холопа. При наличности таких условий и появились старые изорники, которые, по выражению грамоты, «возы везуть на государя», т. е. отбывают в пользу землевладельца особые барщинные повинности сверх установленного оброка. Следует думать, что именно старые изорники и подобные им лица и оказались первым элементом в составе сельского населения, навсегда утратившим свободу перехода. Это первые звенья в цепи возникающего крепостного права на крестьян (Об изорниках см. след. статьи Псковской грамоты по изд. Вл.-Буданова: 42, 44, 51, 63, 76, 84, 85 и 75).

Литература. В. Сергеевич. Древн. русск. пр., I, изд. 3-е, 203 — 214, 244, 246 — 247, 250 — 251, 271 — 274; Вл.-Буданов. Обзор, 34—36; Б. Чичерин. Холопы и крестьяне в России до XVI в. в Опытах по истории русского права; Каченовский. О смердах, Вестн. Евр., 1829, авг.; И. Беляев. Крестьяне на Руси (гл. I); А. Лаппо-Данилевский. Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России, 1905, 1 — 12. А. Пресняков. Княжое право в древней Руси, 206 — 214 и 279 — 293, Спб. 1909. П. Михайлов. Юридическая природа землепользования по Псковской Судной Грамоте, Летп. зан. Арх. Ком., т. XXVII, 1914; М. Богословский. Крестьянская аренда в Псковской грамоте, Ист. Изв., 1917, № 2.

Зависимые люди.

Свободное население не отделяется резкой чертой от несвободных людей. Древность успела создать и юридически закрепить переходные ступени от свободы к неволе: в составе населения можно отметить группы лиц с ограниченной свободой. К этому разряду людей по древне-русскому праву относятся закупы.

Р. Правда говорит просто о закупах и о «ролейныхъ» закупах (ролья—пашня). Существенным признаком социального и юри-

дического положения закупа является то, что у него есть господин. Постановления Р. Правды (Кар., 70—73, 75, 77; Тр., 52—55; 57, 59) и посвящены исключительно выяснению отношений между господином и закупом.

Закуп живет в доме или при хозяйстве господина. И если он убежит от господина, то становится холопом; если же явно (с ведома господина) идет искать денег или жаловаться князю или судьям на обиды своего господина, то за это не только не обращается в рабство, но получает удовлетворение, согласно правилам («дати ему правда»). Итак, у закупа право иска на господина, и в этом его существенное отличие от холопа. У господина, далее, право наказывать закупа за вину; если же господин бьет его «не смысля, пьянъ, безъ вины», то за такие побои закуп вознаграждается так же, как и свободный. В последнем случае закуп приравнивается свободному, но из этого приравнения явствует, что он не свободный человек. Если закуп у кого-нибудь уведет коня или вола, или возьмет товар, то ответственность за кражу, совершонную закупом, падает на господина: он или должен удовлетворить потерпевшего и в таком случае обращает закупа в холопство, или может продать его и из вырученной суммы покрыть прежде всего убытки потерпевших, а остаток оставляет себе. Если же господин, помимо указанного случая, без всякого повода продаст закупа в холопство, то закупу прощается весь долг («наймиту свобода во всѣхъ кунахъ»), а господин платит сверх того 12 гривен продажи. Кроме того Р. Правда ограждает интересы закупа и от других посягательств господина: последний не может уменьшать причитающейся закупу платы («увередить цѣну»), наносить ущерб его имуществу («копа»—копить; «купа»—купить; термином «отарица» переведен технический термин римского права peculium. Ср. Русск. Ист. Библ., VI, 208, прим.), обеспечивать личностью закупа свой долг («паки ли приметь на немь кунъ»). За все эти злоупотребления господин не только обязан возместить ущерб, причиненный закупу, но еще платить уголовный штраф.

Какие же бытовые условия могли поставить свободного человека в положение закупа? Только хозяйственная необеспеченность. Когда не было возможности завести собственное хозяйство, нужда заставляла пристраиваться к чужому хозяйству в качестве работника. Закуп работает на господина на пашне или при дворе и получает в свое заведывание тот или иной хозяйственный инвентарь, за целость которого он ответствует. Но у него может быть своя лошадь («свойскы конь»), он может заниматься каким-то своим делом в отличие от хозяйского («орудія своя дѣять» в противоположность тому, когда «господинъ отошлеть его на своё орудіе»), может иметь свою копу или отарицу. Работает на господина он, конечно, не даром, а за плату («цѣну» или «копу»).

Какова же была юридическая природа обязательств, в какие вступал закуп к господину? Вопрос этот в исторической ли-

тературе решался и продолжает решаться двояко: одни (Рейд, Сергеевич) считают закупа наемным рабочим, наймитом, как он действительно и назван в одной статье Р. Правды (Кар., 73); другие (Неволин, Мейер, Вл.-Буданов) полагают, что обязательства закупа возникли на почве займа, обеспеченного личным залогом; наконец высказано мнение, что в положении закупа нельзя не видеть соединения личного найма с личным закладом (Чичерин). Нельзя при этом не отметить, что Р. Правда, называя закупа наймитом, в том же месте точно указывает, что закуп должник своего господина (Кар., 73: «наймиту свобода во всѣхъ кунахъ»). Поэтому исследователи, считающие закупа наймитом, прибавляют, что закуп получал наемную плату вперед и своею работою погашал долг. При таких условиях ученый спор имеет важное значение для выяснения древних форм залога, а также для решения вопроса о преемственной связи между древними закупами и московскими кабальными холопами, а не для разъяснения юридического положения закупов.

В недавно опубликованном труде М. Н. Ясинский привлек к выяснению вопроса о древне-русских закупах тексты западнорусских памятников XV — XVI вв. Он там нашел закупов и закупных людей с очевидными признаками людей, заложившихся в «пенезѣхъ» и отличаемых от наймитов. Но эти любопытные данные вовсе не имеют того решающего значения в споре о закупах Р. Правды, как думает автор. Он не доказал, что закупы литовского права совершенно сходны по положению с закупами Р. Правды, а без этого вся аргументация не имеет за собой твердой опоры. Тождество терминов не доказывает еще тождества отношений. Литовскому праву известно «вѣно», как и древнему русскому праву; но значение вена в том и другом случае существенно различно.

Литература. В. Сергеевич. Древн. русск. пр., I, 215—230; Вл.-Буданов. Обзор, 406 и 665 и след.; Неволин. Полн. собр. соч. 1857, т. III, 339, прим. 124 и т. V, 147; Д. Мейер. Древнее русское право залога. Юрид. Сборник, 1855, 225 — 227; Чичерин. Опыты, 154; М. Н. Ясинский. Закупы Р. Правды и памятников западно-русского права. Сборн. статей по истории права, посвященный Вл.-Буданову, 1904, 430 — 465; здесь же подробные указания на литературу; ср. указанную выше статью А. С. Лаппо-Данилевского. Очерк истории крестьянского населения, стр. 9 прим.; П. В. Голубовский. Замечания на статью М. Н. Ясинского, Унив. Изв., 1907, № 8, 43 — 48; И. Яковкин. Закупы Русской Правды, Ж. М. Н. Пр., 1913, №№ 3 и 4.

Население несвободное.

Холопство — состояние несвободного населения в древней Руси. Это население обозначалось словами: холопы (собственно только лица мужского пола; несвободная женщина наз. роба), челядь (ед. ч. челядин), (о)дьрень, обель или обельные и (о)дерноватые холопы, позднее просто «люди», обыкновенно с указанием на принадлежность кому-нибудь.

Холопство—исконный институт обычного права, игравший весьма важную роль в общественной организации русских земель. Только значением холопства и можно объяснить тот факт, что наши древнейшие юридические памятники содержат сравнительно значительное число норм, посвященных выяснению различных сторон этого института, хотя и не исчерпывают его во всей полноте. Самые обильные указания дает Русская Правда. Из нее прежде всего явствует, что холоп—не субъект, а объект прав. За убийство холопа не налагается обычный уголовный штраф, взыскиваемый за убийство свободного человека, т.-е. вира: «А въ холопѣ и въ робѣ виры нѣтуть: но оже будеть безъ вины оубиенъ, то за холопъ оурокъ платити, или за робу, а князю 12 гривенъ продажѣ» (Тр., 84; Кар., 102). Уголовный штраф-продажа взыскивался по этой статье за злонамеренное истребление чужого имущества совершенно так же и в том же размере, как и в том случае, если кто «пакощами конь порѣжеть іли скотину» (Тр., 80; Кар., 98). Точно так же в обоих случаях в пользу господина убитого раба или зарезанной скотины взыскивался урок, т.-е. вознаграждение за причиненный ему в имуществе ущерб. Холоп, однако, не мог быть субъектом правонарушения. Эта мысль выражена совершенно отчетливо, хотя, благодаря свойственной Русской Правде казуистичности, и не в общей форме, а применительно лишь к краже. «Аже будуть холопи татие,... іхъ же князь продажею не казнить, зане суть несвободни» (Тр., 42; Кар., 43). Ответственность за вред и убытки, причиненные правонарушением холопа, падает на его господина и притом, по общему правилу, в двойном размере (хотя не всегда; ср. Тр., 56). Значение объектов права, какое придает холопам Русская Правда, объясняет, почему этот памятник с относительною подробностью рассматривает вопрос о возникновении холопства, об ограждении господских прав над холопами и об отношении господ к третьим лицам по поводу различных действий их холопов.

Холопство могло возникать разными путями. Русская Правда перечисляет всего три случая возникновения обельного холопства (Тр., 102—104; Кар., 119—121); но кроме них указывает еще особо несколько других (Тр., 50, 52, 57, 93; Кар., 68, 70, 75, 111). Однако ее указания неполны: она не говорит, например, о плене. Все известные случаи происхождения холопства можно разбить на две группы: 1) когда холопство возникало помимо воли лица и 2) когда оно устанавливалось по почину самого поступающего в холопы. К первой группе относятся: 1) Плен. Это исконная и всеобщая причина рабства. У нас в историческое время летопись неоднократно упоминает о захвате пленников во время войн с иноземцами или одних русских земель с другими, при чем иногда отмечает, что пленников приведено «много», иногда указывает их число и иной раз не может и перечислить их великого множества и тогда сообщает лишь баснословно дешевую цену, за какую продавались пленники. Например в 1169 г. новгородцы, отбив

суздальское ополчение и преследуя отступающих, захватили такое множество пленных, что «купляху суждальць по 2 ногатѣ». Если принять во внимание, что в ту пору коза и овца ценились по 6 ногат, свинья в 10 ногат и кобыла в 60 ногат, то цена пленника в 2 ногаты должна быть объяснена лишь крайнею нуждою поскорее сбыть чересчур обильный товар. Характер древних войн вообще и в частности обычная цель военных походов—захват возможно большей военной добычи—не оставляют сомнения, что плен был одним из самых обильных источников холопства. 2) Преступление. Русская Правда упоминает о таком последствии только для закупа, совершившего кражу или тайно убежавшего; но современный Русской Правде смоленский договор с немцами 1229 г. содержит общее указание, что разгневавшийся на русина князь мог отнять «все, жену и дѣти оу холъпство» (ст. 11). В другой редакции этого памятника стоит иное правило, что князь в гневе на русина «повѣлить разграбити его съ женою и дѣтьми». Здесь бесспорно имеется в виду наказание, известное и Русской Правде под названием потока и разграбления и назначавшееся за убийство в разбое, поджог и конокрадство. Последствием этого наказания также могло быть обращение преступника в холопы. Даже в XIV в. у московских князей были холопы, доставшиеся им «въ винѣ». 3) Несостоятельность в уплате долга. Русская Правда говорит прежде всего о торговой несостоятельности, при чем различает причины ее: только несостоятельность, происшедшая по вине торговца (пьянство, расточительность), ставила его в полную зависимость от усмотрения кредиторов: «ждуть ли ему, а своя імъ воля, продадять ли, а своя имъ воля» (Тр., 50; Кар., 68). В следующей статье идет речь вообще о задолженности («Аже кто многимъ долженъ будеть»), последствием которой также является продажа должника на торгу (Тр., 51; Кар., 69). То же подтверждается и проектом договора Новгорода с Готландом XIII века. 4) Рождение от несвободных родителей. Русская Правда «плодъ отъ челяди», наравне с приплодом от скота, причисляет к составу движимого имущества наследователя (Тр., 93; Кар., 111): это был естественный прирост господской челяди.

Во вторую группу относятся случаи возникновения холопства по доброй воле поступающих. Их всего три вида, и они перечислены Русскою Правдою как троякое обельное холопство: 1) продажа себя в присутствии свидетеля хотя бы за полгривны, 2) женитьба на робе и 3) поступление на службу тиуном или ключником (Тр., 102—104; Кар., 119—121). В двух последних случаях особым договором возможно было установить и иные отношения, в отмену обычных правил.

Перечисленными видами источников холопства едва ли исчерпываются все известные практике случаи его установления. Напр., во время нередких в ту пору голодовок родители отдавали даром своих детей («одьренъ изъ хлѣба гостемъ») и отдавались сами на тех же условиях. Такие сведения имеются от XI, XII и даже

XV веков. Быть может подобные случаи имела в виду Русская Правда, говоря о «вдачяхъ», которые, однако, не причислялись Правдою к холопам и подлежали освобождению, если проработали год за полученную милость (Тр., 105; Кар., 122). Такое ограничение практики могло возникнуть не без влияния духовенства, которому хорошо было известно постановление «Закона Судного о человеке», отдавшемся другому «у тошна веремени»; по «Закону» «дернь ему не надобѣ». Тенденция господ порабощать нуждающийся люд очевидна и из статьи о вдаче. С другой стороны, в ту пору господства силы и бесправия, приют в составе челяди богатого господина сулил для многих избавление по крайней мере от грозящей голодной смерти.

Юридическое положение холопов определяется тем основным положением, что они составляют собственность господ. В отношения между господами и их челядью древне-русское светское право вовсе не вмешивалось; поэтому надо думать, что они определялись единственно усмотрением господ. Такое усмотрение шло весьма далеко: господа могли безнаказанно убивать своих холопов. Об этом можно заключить из того, что даже посторонние лица отвечали только за убийство чужих холопов «без вины». Значит за вину можно было убить и чужого безнаказанно; надо было только на суде доказать виновность убитого. За убийство собственного раба некому было даже и привлечь к ответственности убийцу, ибо он не нарушал ничьих интересов, кроме собственных.

Древнее право берет под свою защиту рабовладельческие права от посягательств со стороны посторонних лиц, но ничем не ограждает интересов холопов. Самым главным ограждением прав господина над рабом было правило Русской Правды о закличе: о скрывшемся холопе объявлялось на торгу, и если в течение 3 дней холопа никто не приводил, то господин мог взять его у всякого, хотя бы добросовестного владельца (Тр., 26; Кар., 27). В позднейших памятниках формулировано и правило о вечности исков о холопстве, давностью не погашавшихся: «А въ холопѣ и робѣ отъ вѣка судъ». Кто убьет холопа без вины или окажет содействие его бегству, уплачивает господину стоимость раба.

С другой стороны, господин отвечает за действия своего раба перед третьими лицами. Русская Правда в нескольких статьях и весьма казуистично решает вопрос об ответственности господ за своих рабов. Общий смысл этих постановлений тот, что за все действия холопа, совершонные по уполномочию господина, последний отвечал полностью во всех убытках, причиненных третьим лицам: «выкупати его господину и не лишитись его» (Тр., 111; Кар., 128). Если холоп собственными действиями, без ведома господина, причинял ущерб третьему (украл, вылгал деньги), то господину предоставлялось или уплатить убытки или выдать холопа потерпевшему (Тр., 110, 114, 115; Кар., 127, 131, 132). Если ко всем указанным постановлениям присоединить еще правило Русской Правды о недопущении холопов к послушеству,

кроме случаев крайней нужды, и притом только тиунов боярских (Тр., 59; Кар., 77), то получится довольно строго проведенный взгляд на холопа как на объект права.

Такая суровая нормировка рабовладельческого права находит объяснение в том, что хозяйственный строй страны основан был в значительной мере на рабовладении. Труд холопа находил широкое применение в домашнем хозяйстве при городских и загородных дворах и в селах, принадлежавших князьям, боярам и монастырям. Летопись не один раз упоминает о княжеских и боярских селах, сплошь населенных челядью. О численном составе несвободного населения в частных хозяйствах можно отчасти судить по следующему случайному указанию: у одного из черниговских князей в его загородном дворе победитель захватил 700 человек челяди. Челядь не только исполняла земледельческие и иные черные работы, но и обучалась различным ремеслам: Русская Правда резко различает обыкновенных холопов, «рядовичей», от «ремественников», оценивая последних значительно дороже (Тр. и Кар., 11, 12).

Еще выше стояли холопы, которым поручались в заведывание отдельные отрасли хозяйства: это были ключники и тиуны сельские, ратайные, огнищные, конюшие и пр. Они были самыми приближенными людьми своих господ, не исключая и князей, и являлись важными органами государственного управления в сфере суда и особенно финансов, так как в то время нельзя было отличить частного княжеского хозяйства от государственного. Поручить такую щекотливую отрасль управления, как хозяйство, было всего удобнее несвободному человеку, именно потому, что свободный не был ничем связан с князем, кроме своей доброй воли, тогда как холоп был вечно крепок господину. Служба холопов в домашнем хозяйстве господ явилась прототипом государственной службы; из отдельных обязанностей холопов при княжеских дворах возникли важнейшие государственные должности. Так это было не только у нас, но и в средневековой Европе.

Холопство сыграло еще другую немаловажную роль в хозяйственном строе страны: челядью древняя Русь выгодно торговала. На-ряду с мехами, медом и воском, челядь была одним из главных предметов отпускной торговли, о чем неоднократно упоминает летопись, и что так наглядно выразил Святослав, пожелав переселиться в Переяславец на Дунае, как центр, в который стекались товары со всех стран: от греков золото, паволоки и вина, от чехов и угров серебро, «изъ Руси же скора и медъ, воскъ и челядь». В Константинополе, около церкви св. Мамы, был специальный торг русскими невольниками, которых охотно раскупали в гребцы. Еще от XVI в. имеются сведения, что в Италии особенно охотно покупали русских рабынь и дорого за них платили. Уже с древнейших времен—впервые по договорам с греками, потом в Русской Правде—таксировалась стоимость рабов: в 20 золотников по первому договору, от 10 до 5 золотников—по второму;

по Русской Правде рядовой холоп оценен в 5 гривен кун, роба— в 6 гривен, ремесленники и сельские тиуны—в 12 гривен, боярские тиуны—в 40 гривен, наконец, княжеские тиуны огнищные и конюшие—в 80 гривен, т.-е. в сумму, равную двойной вире.

Последовательное проведение в практику взгляда на холопа, как на объект права, было, однако, невозможно и для самой древней эпохи. Что раб не скот—это вполне понятно и Русской Правде (Тр., 33; Кар., 34). Холопы, пользовавшиеся в такой мере доверием своих господ, что им поручались в управление важные отрасли хозяйства, жили в соответственной их положению обстановке: отдельным хозяйством, в особых дворах. Русская Правда предусматривает случай, что некто заведомо холопу дает деньги, и определяет: «а кунъ ему лишитися» (Тр., 110; Кар., 117). Значит находились лица, ссужавшие холопов деньгами, конечно, с расчетом получить долг обратно. В ограждение господских интересов Русская Правда объявляет такие долги ничтожными, и если, вопреки этой угрозе, холопы могли отыскать кредиторов, то это заставляет думать, что в руках холопов было имущество, которым они самостоятельно распоряжались. Такая практика была, повидимому, вовсе не исключительной, так как даже иностранцы открывали холопам кредит. Потому, вероятно, в смоленском договоре 1229 г. было сделано серьезное отступление от строгого правила Русской Правды: постановлено, что если немец даст взаймы княжескому или боярскому холопу, а последний умрет, не заплатив долга, то долг переходил на того, кто получал имущество умершего (ст. 12). Эта статья не только подтверждает кредитоспособность холопов, но показывает, что после холопов могло оставаться имущество, на которое могли быть предъявлены претензии их наследниками.

Судя по вышеприведенным данным, строгое право на холопов в практике значительно смягчалось, и холоп из объекта прав мог оказаться в положении правомочного субъекта. Такое превращение нисколько, впрочем, не колебало господских прав, так как было возможно лишь с соизволения самих господ. Однако такая практика должна была мало-по-малу подготовлять почву и для улучшения юридического положения холопов. Этому энергично способствовала христианская церковь, представители которой взяли на себя нелегкую задачу смягчения рабовладельческих нравов. Против института холопства церковь по существу не только не возражала, но даже в первое время разрешала обладание холопами отдельным представителям клира: по крайней мере Р. Правда упоминает о чернеческих или черньцевых холопах (Тр., 42; Кар., 43). Но в своих заботах о спасении пасомых, церковь не могла не признать и в челяди образа и подобия божия, ибо рабы—такие же люди, только господам в услужение данные богом. В целом ряде посланий рабовладельцы увещеваются обращаться с челядью милостиво, кормить и одевать ее и наставлять, как своих детей или домашних сирот. Кто не кормит и не обувает свою челядь,

и ее убьют у воровства, тот несет ответственность перед богом за пролитую кровь. За ослушание рекомендуется наказывать челядь лозою от 6 до 30 ран, но не более. Однако увещания церковных поучений едва ли часто трогали рабовладельческую совесть; для воздействия на нее необходимы были более внушительные средства. Их и применяла церковь к жестоким господам, которые томили свою челядь наготою, ранами и голодом и желали затем успокоить свою совесть богатыми приношениями и вкладами на пользу церкви за упокой своей души: от таких господ запрещалось принимать дары и рекомендовалось лучше помогать изобиженным и «сотворить их беспечальными».

Особенно настойчиво церковь боролась против произвольного убийства рабов и против торговли рабами. Весьма вероятно, что под прямым влиянием «Закона Судного» или «Градского Закона» составилось еще более категоричное правило так назыв. «Бѣлеческаго устава» или «Заповѣди» митр. Георгия, где сказано: «аще кто челядина убіетъ, яко разбойникъ епитемью пріиметъ». Но такое строгое правило церковного права долго не проникало в общественные нравы: памятник светского права конца XIV века (Двинская грамота, ст. 11) еще не далеко ушел от воззрений эпохи Русской Правды на неограниченность рабовладельческих прав, обеспечивая безответственность господаря, если тот «огрѣшится, ударитъ своего холопа или робу», и от того случится смерть. Хотя здесь не облагается наказанием, повидимому, лишь неумышленное убийство рабов, но на практике по этой статье всегда можно было предъявить отвод против всякого обвинения в убийстве собственного холопа.

В борьбе с работорговцами церковные поучения вооружаются против продажи челяди иноверцам (поганым) и назначают для ослушников церковные наказания. Осуждаются также обычные приемы профессиональных торговцев: церковь требовала, чтобы челядь продавали за ту же цену, по какой она куплена; если же кто взимает лишки, «то обрѣтается наклады емля и прасоля чужими душами», за что поучения угрожали серьезною ответственностью перед богом. Но и эти увещания едва ли могли иметь серьезные результаты, как и церковные проповеди против резоимания.

Успешнее сказывалось влияние церкви в вопросах об отпущении холопов на волю. Воздействуя на своих сынов во время исповеди, особенно перед смертью, духовенство имело возможность во многих случаях настоять на освобождении хотя нескольких людей из состава челяди каждого рабовладельца «на упокой души» или «по душе». Такие отпущенники по духовным завещаниям назывались поэтому «задушными людьми». Далее духовенство стремилось провести в практику правила об обязательном в некоторых случаях отпущении холопов на волю по почину и перед лицом общественной власти. О такой торжественной форме отпущения упомянуто в Русской Правде (Кар., 118). Здесь же указан и слу-

чай обязательного, после смерти отца, отпущения детей, прижитых им от своей рабыни: такие дети не получали наследства, но освобождались вместе с матерью (Тр., 92; Кар., 110). По уставу Всеволода Гавриила и робичичи получали указную часть из имущества отца: «конь, да доспѣхъ и покрутъ, по разсмотренію живота». О другом случае освобождения на волю упомянуто в договоре Новгорода с немцами 1195 г.; именно, изнасилованная рабыня получала свободу (ст. 14). Хотя смысл статьи и ясен, но редакция ее возбуждает ряд сомнений: необходимо допустить, что она не полностью переписана. Единственно возможное толкование ее сводится к тому, что здесь подразумевается изнасилование чужой рабыни; иначе статья и не могла бы попасть в договор. Но статья предусматривает последствия деяния лишь относительно рабыни и ни словом не упоминает о возмещении господского ущерба; надо думать, что в подлиннике было предусмотрено и это последствие правонарушения. Что церковь заботилась об охране половой нравственности в среде холопов—это подтверждается и другими, чисто церковными памятниками. Весьма вероятно, что не без влияния церкви возникла упомянутая статья.

Наконец церковь оказывала содействие холопам, стремившимся выкупиться на свободу, как материальной поддержкой, так и устранением препятствий к осуществлению этих стремлений. Она боролась, напр., с обычаем брать «изгойство на искупающихся на свободу» и проповедывала, что если кто выкупается на свободу, то должен дать за себя столько, сколько заплачено за него. Надбавка свыше обычной цены называлась изгойством, конечно, потому, что выкупившиеся из холопства причислялись к составу изгоев и в качестве таковых, как люди беззащитные, нуждавшиеся в посторонней поддержке, совместно с задушными людьми и прощенниками, входили в категорию людей церковных, богадельных, состоящих под покровительством церковных учреждений. Для последних было бы немыслимо прокормить на собственные средства всю эту огромную массу несчастных; церковь должна была озаботиться приспособлением этих свободных рабочих рук к различным отраслям хозяйства, в частности к земледелию. Памятники упоминают о состоящих во владении церковных учреждений «селах со изгои». Любопытные указания на практику хозяйственной эксплоатации труда церковных людей сообщает Владимирский собор 1274 г.: «отъ нищихъ, насилье дѣюще, или на жатву, или сѣнасѣчи, или провозъ дѣяти». Собор это запрещает (Р. И. Б., VI, 92).

Литература. В. Сергеевич. Др. пр., I, 102—159; Вл.-Буданов. Обзор, 400—408; Чичерин. Холопы и крестьяне в России до XVI в. (Опыты по ист. русск. права, 1858); Щапов. Голос древней русской церкви об улучшении быта несвободных людей, 1859; В. Ключевский. Подушная подать и отмена холопства в России, Опыты и Исслед., М., 1912; История сословий в России, М., 1913; П. Беляев. Холопство и долговые отношения в древнем русском праве, Юр. Вестн., 1915, кн. 9 (I).

Изгои.

О группе лиц, известных под именем «изгоевъ», сохранились к сожалению лишь редкие указания древних памятников. Р. Правда, перечисляя лиц, за убийство которых назначается вира в 40 гривен, упоминает после мечника об изгое и словенине (Тр., 1). Значит жизнь изгоя ограждалась от посягательств наравне с жизнью вообще свободного человека и боярского тиуна. Наоборот другие памятники рисуют положение изгоев в весьма невыгодном для них свете. Самое важное указание на изгоев содержит церковный устав новгородского кн. Всеволода. В числе церковных людей он упоминает: «изгои трои: поповъ сынъ грамотѣ не умѣеть, холопъ исъ холопьства выкупится, купець одолжаеть; а се и четвертое изгойство и къ себѣ приложимъ: аще князь осиротѣеть». К числу изгоев здесь причислены лица, принадлежавшие к разным общественным классам и профессиям и объединенные лишь одним общим признаком: они выбыли из прежнего своего положения и покинули свои обычные занятия. Другая общая у них черта заключается в том, что они причислены к церковным людям, т.-е. отданы под покровительство церкви.

Еще два памятника содержат упоминания об изгоях. По церковному уставу смоленского кн. Ростислава епископии смоленской отданы: «село Дросенское, со исгои и съ землею, . . . и село Ясенское, и съ бортникомъ и съ землею и съ исгои». А в упомянутом выше послании митр. Климента отмечено стремление богатых землевладельцев к округлению своих имений и к привлечению на них поселенцев в лице изгоев и сябров. Из сопоставления этих данных отнюдь нельзя заключить, что поселенные на земле изгои были те же смерды или крестьяне. Князь жертвует села не только с землею, т.-е. и с участками, на которых поселены изгои, но и с самими изгоями и с бортником. Это явно указывает на зависимое положение изгоев. Эта же необеспеченность или зависимость положения изгоев подтверждается и тем, что в Новгородской земле они отданы под покровительство церкви.

Но кто же такие изгои, и откуда пошло их название? На выяснение этого вопроса потрачено не мало усилий в исторической литературе. Состояние изгоев хотели объяснить то из условий родового быта, как отпавших или исключенных из рода, то из условий быта общинного, как вышедших из общины. Корень же слова «изгой» искали то в готском языке, то в иллирийском, то в латышском. Но давно уже указано (Буслаевым) и происхождение этого слова от славянского гоить — жить. И это словопроизводство надо признать единственно правильным. Слово гой произошло от жить так же, как кой (в слове покой) от чить (почить), пой (в слове водопой) от пить, или лой (жир) и вой (в слове повой) от лить и вить. Слово гоить сохранилось и в современном народном языке в смысле жить,

устроить, убирать, ладить, работать, в частности в сложных глаголах—загоиться и угоить; напр., рана загоилась (зажила), изба угоена (устроена, убрана), кони угоены (накормлены). Частица из, соответствующая латинскому предлогу ex, напр., в слове egens, обозначает изъятие, исключение и даже противоположение (напр., избрать, излюбить, износить). По понятиям древности «жить» значит иметь средства к существованию. Поэтому «жизнь» и «животъ» обозначают имущество (Ипат., 1150 г.: кн. Изяслав говорит своей дружине: «Вы есте по мнѣ из Руские земли вышли, своихъ селъ и своихъ жизний лишився»; Псковск. грам., ст. ст. 76, 84 и 86: «изорничь животъ»; ср. ст. (87, 89 и др.). То же значение термина «жить» сохранилось и в современных сложных прожиток, зажиточный, нажить. Наоборот «изгой» обозначает человека, лишенного средств к существованию, а поэтому нуждающегося в поддержке и покровительстве. Таковы именно все лица, перечисленные в новгородском уставе: все они лишились обычных для каждого способов существования, а потому и зачислены в состав церковных людей.

Надо думать, что перечисление изгоев в новгородском уставе только примерное, а отнюдь не исчерпывающее. Из приведенных примеров самое важное общественное значение имеют изгои, вышедшие из состояния холопства, как по численному составу этой группы, так и по той хозяйственной роли, какая выпадала на нее в земледельческом хозяйстве. Что эта группа изгоев была наиболее многочисленной, явствует и из того, что один древний памятник—«Прѣдсловие покаянию»—в числе способов неправедного обогащения упоминает и о «емлющихъ изгойство на искупающихся отъ работы». Термин «изгойство» прежде всего обозначает состояние изгоя; кн. Всеволод говорит: «а се и четвертое изгойство и къ себѣ приложимъ. Но в выражении «имать изгойство» этот термин объясняется из того же «Прѣдсловия», где сказано: «Također иже кто выкупается на свободу, то толико же дасть на собѣ, колико же дано на немь». Значит «изгойство», это—надбавка в цене свыше стоимости холопа. Рабовладельцам рекомендовалось продавать челядь за ту же цену, какая за нее уплачена: «аще ли лише, то обрѣтается наклады емля и прасоля живыми душами». Надбавка в цене свыше стоимости раба потому и названа «изгойствомъ», что выкупающиеся на свободу холопы зачислялись в разряд изгоев (Русск. Ист. Библ., VI, стр. 842—843).

Литература. В. Сергеевич. Др. пр., I, 298 — 302; Вл.-Буданов. Обзор, 399 и сл.; Н. Калачов. О значении изгоев и состоянии изгойства в древней Руси. Архив ист.-юрид. сведений, относящихся до России, кн. 1 и кн. 2, половина вторая; Авг. Энгельман. Замечания о слове «изгой», там же, кн. 3; К. Аксаков. Собр. соч., I, 25 — 38; П. Мрочек-Дроздовский. Исследования о Р. Правде. Приложения ко 2-му выпуску. О слове «изгой», 40 — 78; П. В. Голубовский. История Смоленской земли, стр. 238, прим.

Власть.

Вопрос об организации государственной власти сводится к вопросу о формах правления. Еще Аристотель указал, что формы правления различаются в зависимости от того, принадлежит ли власть одному лицу, нескольким или, наконец, всем. Он же дал и названия соответственным формам правления: монархия, аристократия и полития (у позднейших писателей переименованная в демократию). К этим простым или чистым формам правления Полибий присоединил смешанные, как те или иные формы комбинаций простых форм.

Каковы же были формы власти в древней Руси? На этот вопрос предложены разные ответы, и разногласия исследователей не устранены и до сих пор. Вслед за Карамзиным старые историки представляли себе наш древний государственный быт монархическим. Карамзин видит в первых князьях «самовластных монархов, повелевающих народом, который сохранил лишь некоторые обыкновения вольности». Хотя эта точка зрения находит сторонников, правда редких, и среди современных исследователей, но она не может быть признана научною. В настоящее время господствует мнение, согласно которому формы власти древне-русских земель признаются смешанными. Но виды этого смешения представляются спорными. Одни полагают, что в образовании власти «участвуют два элемента, а именно, монархический, в лице князя, и народный, демократический элемент, в лице веча» (В. Сергеевич, «Лекции и Исследования», изд. 4-е, 141—142). Другие находят, что в древнее время у нас «формы верховной власти были тройственны. В состав власти входят: князь, боярская дума и народное собрание (вече)» (Вл.-Буданов. «Обзор», 37). Этот последний вывод надо признать более правильным. Отдельное рассмотрение элементов, образующих государственную власть древне-русских земель, должно оправдать это заключение.

Вече.

Вече (от вещать; иногда термин «вече» заменяется термином «совет»: «съвѣтъ створиша Кияне», Ипат., 1113 г.) есть народное собрание, являющееся органом государственной власти, чрез посредство которого народ проявляет свою волю в решении государственных дел. Это—институт обычного права, а потому нельзя указать времени его возникновения. Обычай обсуждать и решать дела в народных собраниях существует у славян издавна. Об этом свидетельствуют византийские писатели Прокопий и Маврикий. Наша первоначальная летопись отмечает, что отдельные племена русских славян предпринимали сообща те или другие действия, обсудив их предварительно: «рѣша сами в себѣ: поищемъ собѣ князя»; «сдумавше же поляне и вдаша отъ дыма

мечь». Как в этих, так и в более поздних известиях XI—XII вв. нет прямых указаний на народные собрания или веча, но необходимо заключать о них на основании согласных и общих действий всего народа или всех людей такого-то города или такой-то земли.

Первое упоминание о деятельности веча записано в летописи по поводу осады Белгорода печенегами. Владимир св. не мог оказать помощи этому пригороду за неимением войска, а осажденные испытывали голод «и створиша вѣче в городѣ, и рѣша: ...дадимъ ся печенѣгомъ». Но один старец «не былъ на вѣчи томь, и въпраша: что ради вѣче было? И людье повѣдаша ему». Тогда старец пригласил городских старейшин, просил их не сдаваться в течение трех дней и предложил хитростью обмануть печенегов, доказав им, что в городе имеются большие запасы продовольствия. Совет старца был принят и обманутым печенегам пришлось снять осаду (Лавр., 997 г.). Это древнейшее свидетельство о вече содержит и важные данные для характеристики наших древних народных собраний.

К сожалению таких подробных указаний на вечевую деятельность сохранилось немного, а потому далеко не все может быть в ней выяснено. Наглядным подтверждением сказанному может служить все то, что нам известно о вечевой жизни в Смоленской земле. Летопись ни разу не употребляет термина «вече» при описании политической жизни в Смоленске. Не следует ли отсюда заключить, что вечевой строй там и не существовал? Отнюдь нет. Смоленский князь Давид с смольнянами отправился в поход на помощь южным князьям против половцев. Войско дошло до Треполя. Здесь «смолнянѣ почаша вѣчѣ дѣяти, рекуще: мы пошли до Киева, да же бы была рать, билися быхомъ; намъ ли иноѣ рати искати, то не можемь, уже ся есмы изнемоглѣ» (Ипат., 1185 г.). Итак, смольняне в походе собрались на вече и постановили важное решение, которому подчинился и князь, т. к. вернулся из похода. Но можно ли допустить, что смольняне у себя дома не прибегали к тому же способу обсуждения и решения интересовавших их дел, какой применили во время военного похода? Ниже приведено известие летописца об обычае разных русских волостей сходиться на веча; в числе их упомянута и Смоленская. Значит вечевой строй был присущ и Смоленскому княжению, но не нашел надлежащего отражения в сохранившихся памятниках. То же надо сказать и о многих других княжениях. Но бедность прямых указаний памятников на деятельность веча может быть отчасти пополнена косвенными указаниями на участие всего свободного населения в политической жизни страны.

Проф. Сергеевич именно таким путем подобрал свыше 50 указаний о деятельности народных собраний в разных городах и пригородах древне-русских земель. Из этих данных явствует, что вечевой быт существует не только в Новгороде и Пскове, Смоленске и Полоцке; не только во всех южных и юго-западных княжениях, но также и в северо-восточных городах, как

старых—Ростове и Суздале, так и в новых—Владимире-Клязьминском и Переяславле-Залесском. Как раз по поводу борьбы владимирцев с ростовцами и суздальцами современник припомнил укоренившуюся практику политической жизни наших старых княжений: «Новгородци бо изначала, и смолняне, и кыяне, и полочане, и вся власти якоже на думу на вѣча сходятся» (Лавр., 1176 г.). Итак, не только целый ряд отдельных случаев в различных городах, но и свидетельство современника согласно подтверждают наличность обычая во всех волостях («вся власти») сходиться на веча для думы, т.-е. для обсуждения и решения вопросов, затрагивающих интересы страны.

Вече—повсеместное явление в древней Руси. Это объясняется в древнее время тем, что участие народа в политической жизни страны с свободным населением было совершенно необходимо. Прежде всего, каждый свободный считал своим правом по собственному усмотрению решать вопросы, его интересующие и касающиеся. Князь же с своей стороны постоянно нуждался в поддержке народа, так как не располагал достаточными собственными средствами для проведения в жизнь тех или иных мер против желания народа. Таков общий порядок во всех странах со слабо развитою государственною властью, не обладающею достаточно сильными исполнительными органами. Цезарь характеризует власть галльских князьков словами одного из них: «non voluntate sua fecisse, sed coactu civitatis, suaque esse ejusmodi imperia ut non minus haberet juris in se multitudo quam ipse in multitudinem» [1]). Тацит о германских конунгах говорит: «nec regibus infinita aut libera potestas» [2]), что они во всем действуют «exemplo potius quam imperio» [3]). Адам Бременский о шведах свидетельствует: «reges, habent, quorum tamen vis pendet in populi sententia» [4]). При таких условиях народные собрания являются существенною частью политического строя страны.

Литература. Fustel de Coulanges. La Gaule romaine. Ch. II. Du régime politique des Gaulois; Р. Шредер (R. Schröder). Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte. 5. Die Landesgemeinde und das Königtum; Г. Бруннер (H. Brunner). Deutsche Rechtsgeschichte, I, 2 Aufl., 170; См. Эд. Фриман. Сравнительная политика. Перев. под ред. Н. Коркунова.

Вече есть форма непосредственного участия народа в обсуждении и решении дел, а не чрез представителей. На вече имеет право присутствовать каждый свободный, хотя отнюдь к тому не

---

1) Я сделал это не по своему желанию, а по решению граждан; власть моя такого рода, что народные массы имеют надо мной такую же власть, какую и я имею над ними. *Перев. ред.*

2) У царей нет ни неограниченной ни независимой власти. *Перев. ред.*

3) Более примером, чем приказанием. *Перев. ред*

4) У них есть цари, сила которых, однако, зависит от мнения народа. *Перев. ред.*

обязан: участвовали только желающие. Это «людіе» такие-то или жители такого-то города или земли. «Людье кыевстии прибѣгоша Кыеву, и створиша вѣче на торговищи, и рѣша, пославшеся ко князю» (Лавр., 1068). После смерти Андрея Боголюбского «ростовци, и сужьдалци, и переяславци, и вся дружина, отъ мала до велика съѣхашася к Володимерю и рѣша» (Лавр., 1175). Князья Володарь и Василько осадили кн. Давида в г. Владимире-Волынском «и посласта к володимерцемь, глаголюща: вѣ не придоховѣ на городъ вашь, ни на васъ» и потребовали выдачи Туряка, Лазаря и Василя. «Гражани же слышавше се, и созвониша вѣче, и рекоша Давыдови людье на вѣче: выдай мужи сия» (Ипат., 1097). Иногда же перечисляются различные классы свободного населения, присутствовавшие на вече, как это сказано в заголовке Новгородской грамоты; из участвовавших же в составлении Псковской грамоты подробно перечислены только разряды лиц духовных, а про всех прочих упомянуто кратко: весь Псков.

Необходимо, однако, отметить два ограничения к общему порядку участия на вечах всех свободных: одно юридическое, другое фактическое. Не все свободные были в то же время и дееспособны: таково именно положение сыновей при отцах. На вечах за детей решают вопросы их отцы. На предложение кн. Изяслава выступить в поход против дяди его Юрия, киевляне ответили: «княже! ты ся на насъ не гнѣвай, не можемъ на Володимире племя рукы възняти; оня же Олговичь хотя и с дѣтми» (Ипат., 1147). В том же году, спустя несколько дней кн. Изяслав приглашал киевлян против Ольговичей, напоминая данное ими обещание: «доспѣвайте отъ мала и до велика, кто имѣеть конь, кто ли не имѣеть коня, а в лодьи. Кияне же рекоша: ради... идемъ по тобѣ и с дѣтми, акоже хощеши» (там же). Так и куряне заявляют своему князю Мстиславу по поводу похода против них Глеба Юрьевича и Святослава Ольговича: «оже се идуть Олговичь, ради ся за тя бьемъ и с дѣтьми, а на Володимире племя на Гюргевича не можемъ рукы подьяти» (там же). Дрючане, призывая к себе князем Рогволода Борисовича, говорят: «поѣди, княже, не стряпай, ради есме тобѣ; аче ны ся и съ дѣтьми бити за тя, а ради ся бьемъ за тя» (там же, 1159).

Фактическое ограничение сводилось к невозможности для целого круга лиц свободных принять участие в том или ином собрании вследствие того, что до них не доходила своевременно весть о предположенном собрании. В таком положении находились все свободные, проживающие не в том пункте поселения, где собирается вече. Так как важнейшие вечевые собрания происходили в главном городе земли, то жители пригородов, погостов и сел не могли в них принимать участия, если не знали заранее о сроке собрания. По общему же правилу ни предварительных оповещений ни заранее установленных сроков для созыва вечевых собраний не существовало. Нередко вече собиралось внезапно. Так, кн. Изяслав Мстиславич явился в Новгород и

«наутрии же день пославъ на Ярославль дворъ, и повелѣ звонити вѣче». Современник говорит, что по этому зову «новгородци и плесковичи снидошася на вѣче» (Ипат., 1148); но очевидно, что из псковичей могли явиться только те, которые случайно в этот момент оказались в Новгороде. Но в редких случаях имели место приглашения пригорожан на вече. Так, «новгородьци призваша пльсковиче и ладожаны, и сдумаша, яко изгонити князя своего Всѣволода» (Синод., 1136). Здесь упомянуто о приглашении жителей только двух пригородов; другие же пригорожане остались не оповещенными.

За указанными ограничениями, все свободные имели право и могли принимать участие в собраниях, если желали; но обязанности присутствовать на вечах вовсе не существовало. В Новгороде по поводу столкновения из-за посадника Твердислава «възвониша у святаго Николы онипoловiцы (жители той стороны Волхова), а Неревьскый коньчь у святыхъ 40... а загородьци не въсташа нi по сихъ, ни по сихъ» (Синод., 1218). За Твердислава стоял Людин конец и жители Прусской улицы; все другие концы были против него, кроме Загородского конца, который в столкновении остался нейтральным и никакого участия в деле не принял. Не принимал участия на вече в Белгороде и тот старец, который потом предложил перерешить вопрос.

Веча созывались по почину лиц, желавших передать на решение собраний тот или другой вопрос. Гораздо чаще таким лицом оказывался сам князь, который был вынужден обращаться к вечу за решением и поддержкой по всем вопросам, когда личный авторитет князя являлся недостаточным. В летописи отмечен целый ряд случаев созыва князьями вечевых собраний то для подкрепления договора с князем (Ипат., 1146: после смерти кн. Всеволода Ольговича брат его Игорь «ѣха Киеву, и созва кияне вси на гору на Ярославль дворъ, и цѣловавше к нему хрестъ»), то для обсуждения вопросов о военных походах (там же, 1178: «Сѣдящю же Мьстиславу в Новѣгородѣ Велицемь, и вложи Богъ въ сердче мысль благу пойти на чюдь, и созва мужи новгородскыѣ и рече имъ») или об избрании себе преемника (Всеволод Ольгович приехал с братом Игорем в Киев «и съзва киянѣ вси» Ипат., 1146; Полн. Собр. Лет., т. X, 63: 1212 г. «кн. вел. Всеволодъ созва всѣхъ бояръ своихъ з городовъ и съ волостей, и игумены, и попы, и купца, и дворяны, и вси люди, и да сыну своему Юрью Володимерь по себѣ, и води всѣхъ ко кресту, и целоваша вси людiи на Юрьи») и пр. Но вече могло собраться и без княжеского созыва. Это было неизбежно в тех случаях, когда князя не было, напр., когда князь умер, а вопрос о замещении стола надо было решить (см. ниже о призвании князей); но то же могло иметь место и при наличности князя, когда к нему предъявляются какие-либо новые требования или когда возникал вопрос об удалении со стола неугодного князя. В 1146 г. киевляне, после собрания на Ярославле дворе по созыву князя, «пакы скупишася вси у Туровы

божьницѣ» и пригласили на вече князя для перегоров о порядке суда (об изгнании князей ниже). Обыкновенно в таких случаях нельзя узнать, кому принадлежит инициатива собрания; памятники говорят глухо: «кіяне или новгородци» «сотвориша вѣче» или «совокупишася». Лишь по исключению иногда указываются отдельные лица, руководящие делом. Кияне, недовольные князем Игорем, решили призвать к себе Изяслава Мстиславича. Во главе движения стояли тысяцкий Улеб и другие поименованные лица; они «совокупиша около себе кияны и свѣщашася, како бы имъ возъмощи перельстити князя своего» (Ипат., 1146). В Новгороде упомянут случай, когда два лица созывают вече в одном месте, два других— в другом (Синод., 1342: «И Онцифоръ с Матфѣемъ созвони вѣче у святѣй Софѣи, а Федоръ и Ондрѣшко другое созвониша на Ярославли дворѣ»).

Но кто бы ни созывал вече, хотя бы это был сам князь, оно могло состояться лишь при наличности достаточного числа желающих явиться на совещание. Известны случаи, когда и на вече, созываемое князем, никто не шел. По просьбе внуков Ростислава, кн. Мстислав Мстиславич «съзва вѣче на Ярославли дворѣ и почя звати новгородьче Кыеву на Всѣволода Чьрмьнаго». Новгородцы отвечали: «камо, княже, очима позриши ты, тамо мы главами своими вьржемъ», и отправились с князем. Но по дороге поссорились со смольнянами, «а по князи не поидоша. Князь же Мьстиславъ въ вѣче поча звати, они же не поидоша» (Синод., 1214).

Обычным способом созыва на вече был колокольный звон. Отсюда и выражения: «звонити» или «созвонити вѣче», т.-е. созвать. Для этого существовали особые колоколы, именуемые «вѣчными» или «вѣчими». Они упоминаются не только в Новгороде, Пскове, Смоленске и Владимире-Волынском, но и в северо-восточных городах. Сохранилось известие, что суздальский кн. Александр Васильевич «из Володимеря вѣчный колоколъ святѣй Богородици возилъ в Суждалъ, и колоколъ не почялъ звонити, якоже былъ в Володимерѣ»; кн. Александр признал, что согрешил перед св. богородицей «и повелѣ его пакы вести въ Володимерь; и привезьше колоколъ, поставиша и въ свое мѣсто, и пакы бысть гласъ богоугоденъ» (Прил. IV к Синод. лет., стр. 437). Вечевой колокол явился поэтому символом вечевого быта. В 1478 г. уничтожение новгородской самобытности Иван Васильевич формулировал словами: «вѣчю колоколу во отчинѣ нашей въ Новѣгородѣ не быти, посаднику не быти, а государьство все намъ держати» (Полн. Собр. Лет., т. VI, 215; там же, 19: «а не быти въ Новѣгородѣ ни посадникомъ, ни тысецкимъ, ни вѣчю, и вѣчной колоколъ сняли доловь к на Москву свезоша»). Так же и Василий Иванович предъявил в 1510 г. требование псковичам: «да и колоколъ бы вѣчной свѣсили... и колоколъ ихъ вѣчной къ Москвѣ же отослалъ» (там же, 251).

Местом собраний служили обширные дворы или площади около церквей или на рынках, могущие вместить значительную народную

толпу. В Киеве веча созывались на Ярославле дворе, у св. Софии, на торговище, у Туровой божницы; в Новгороде также на княжеском дворе, у св. Софии, у св. Николы, у 40 святых и пр. Иногда веча созывались даже за пределами города: кн. Ярослав после столкновения с новгородцами «заутра собра Новгородцовъ избытокъ, и сътвори вѣче на полѣ» (Синод., 82); после убиения Андрея Боголюбского ростовцы, суздальцы и переяславцы «съѣхашася к Володимерю» (Лавр., 352). Выше были приведены случаи вечевых собраний во время походов. Имеются даже указания о тайных собраниях по дворам, которые, однако, названы вечем: «начаша новгородьци вѣче дѣяти, втайнѣ, по дворомъ, на князя своего... приятели его начаша повѣдати: княже! дѣють людье вѣче ночь, а хотять тя яти» (Ипат. 1169).

При обсуждении дел собравшиеся или стояли, или садились на приспособленные в местах собраний скамейки, или даже приезжали верхом и на конях вели переговоры. Одно и то же собрание киевлян у св. Софии по приглашению кн. Изяслава из похода описано различно: по одному рассказу, «кияномъ же всимъ съшедшимся отъ мала и до велика к святѣй Софьи на дворъ, въставшемъ же имъ въ вѣчи»; по другому—«и придоша кыянъ много множство народа, и сѣдоша у святое Софьи слышати» (Ипат. и Лавр. 1147). В собрании у Туровой божницы киевляне предъявляют кн. Святославу требование о смене тиунов и о производстве суда князем. Князь согласился с этим и, «съсѣдъ с коня, на томъ цѣлова хрестъ к нимъ у вѣчи; кияне же вси, съсѣдше с конь, и начаша молвити» (Ипат., 1146). Значит до этого момента переговоры велись, когда князь и киевляне сидели на конях.

Относительно порядка совещания на вечах сохранилось очень мало указаний. Прежде всего тот, кто созывал вече, объявлял о предмете совещаний. Так, созванным на вече киевлянам были указаны послы кн. Изяслава, которым и предоставлено было слово. Они выступили и сказали: «цѣловалъ тя (кн. Владимира) братъ, а митрополиту ся покланялъ, и Лазаря (тысяцкого) цѣловалъ и кыяны всѣ». Кияне спросили: «молвита, с чимь васъ князь прислалъ». Те рассказали о лести черниговских князей и о приглашении князя помочь ему, согласно ранее данному обещанию. Киевляне изъявили готовность итти биться за своего князя и с детьми. Итак, цель совещания достигнута и постановлено решение. Но вслед за этим кто-то из толпы возбудил вопрос о необходимости убить кн. Игоря до выступления в поход. И это предложение было также принято, несмотря на доводы кн. Владимира, что этого не приказывал кн. Изяслав, ни на убеждения митрополита и тысяцкого.

Если предложение не вызывало никаких разногласий, то и вопрос разрешался скоро и определенно. В случае же разногласий, а особенно в разгар борьбы партий, совещания на вечах принимали совершенно беспорядочный характер, сближающий вечевые собрания с брожением мятежной народной толпы. На закате нов-

городской свободы, в период борьбы партии литовской со сторонниками Москвы, вечевые собрания созывались часто, партии подкупали «худыхъ мужиковъ вѣчниковъ, иже на то завсе готови суть по ихъ обычаю», и они криком и колокольным звоном заглушали речи противной стороны. Летописец, сторонник Москвы, особенно не щадит красок в изображении действий литовской партии, являвшейся на вече с нанятыми смердами и безыменитыми мужиками, которые, подобно скотам и псам, только кричали и лаяли (Полн. Собр. Лет., т. XII, 126 и 129). Подобные сцены вовсе не были следствием разложения политического быта Новгорода перед падением его политической независимости, а обусловливались единственно неоформленностью древних народных собраний. Притти к какому-нибудь решению вопроса при наличности резких разногласий в мнениях представлялось особенно трудным в древнее время.

То или иное решение вопроса могло состояться лишь при условии, если против предложенного решения не было возражений, когда все присутствовавшие единогласно принимали предложение. Единогласие всех или отсутствие возражений—необходимое условие для действительности и прочности вечевых постановлений. Принцип коллегиального решения дел по большинству голосов не был известен у нас вплоть до Петра В., а в древности не мог и возникнуть, так как невозможно было провести в жизнь решение большинства против сильного и упорного меньшинства: в то время не было необходимой для этого сильной и независимой власти. Наоборот для исполнения решения, одобренного и принятого всем народом, не требовалось никаких особых органов: это было делом самого народа.

Единогласное решение вечевых собраний изображается в памятниках описательно: «весь Новгородъ», «весь Псковъ, «вси кіяне», «однодушно», «едиными усты». Вечевые грамоты составлены соответственно «всѣмъ Псковомъ» или «всѣмъ великимъ Новгородомъ». После смерти отца князь Ярослав Всеволодович приехал в Переяславль, созвал всех переяславцев к св. Спасу и спросил их, желают ли они иметь его своим князем. «Они же вси тогда рѣкоша: велми, господине, тако буди» (Пер.-Сузд. 1213). Тот же князь захватил Торжок и послал оттуда сто мужей новгородских в Новгород подбивать новгородцев против их кн. Мстислава. «И не яшася по то, нъ вси быша одинодушно, и то 100 мужъ» (Синод. 1215). На просьбу митр. Киприяна в 1391 г. уступить ему месячный суд «новгородцы отвѣщаша единѣми усты: цѣловали есмя крестъ содного» (П. С. Л., т. VIII, 61—62).

Необходимо, однако, заметить, что и для современника невозможно было отличить единогласное мнение от мнения подавляющего большинства в народной толпе. Присутствующих поименно не переписывали и голосов не считали. Если предложенное решение одобрялось многими и не было возражающих, то это принималось как согласное мнение всех. Немногие несогласные не

решались выступить против решительного большинства, а последнее считало себя вправе принудить отдельных присоединиться к принятому решению. Новгородцы, накануне сражения с ополчением кн. Святополка, говорят своему кн. Ярославу: «яко заутра перевеземъся на ня; аще кто не поидеть с нами, сами потнемъ его» (Лавр. 1016). На предложение кн. Изяслава отомстить кн. Юрию за обиды, новгородцы ответили: «ради с тобою идемъ своихъ дѣля обидъ... ать же поидемъ, и всяка душа; аче и дьякъ, а гуменце ему прострижено, а не поставленъ будеть, и тъи поидеть» (Ипат. 1148). На предложение князей Вячеслава, Изяслава и Ростислава помочь им в походе против кн. Юрия киевляне отвечают: «ать же пойдуть вси, како можеть и хлудъ в руци взяти; пакы ли хто не пойдеть, намъ же и дай, ать мы сами побьемы» (там же, 1151).

Но как только среди присутствующих на вече возникало разногласие, никакое постановление было невозможно до тех пор, пока разногласие так или иначе не устранено. Возможные компромиссы путем уступок с той или другой стороны, или же с обеих одновременно, достигались нередко лишь после продолжительной борьбы, принимавшей иногда характер кровавого междоусобия. При этом меньшинство вовсе не признавало себя обязанным подчиняться мнению большинства и даже могло добиться принятия своего предложения. Все зависело от решимости борющихся сторон настаивать на проведении своего мнения и от соответствия их сил. Когда среди новгородцев возникла рознь из-за посадника Твердислава, то «быша вѣча по всю недѣлю». Три конца были против посадника, один остался нейтральным, а за него стоял всего один Людин конец и жители Прусской улицы. Противники, «поидоша въ бръняхъ, акы на рать... и бысть сеця у городнихъ воротъ». Было несколько убитых, «а раненыхъ много обоихъ». «Нъ Богомъ дияволъ попранъ бысть и св. Софиею, крестъ възвеличянъ бысть: и съидошася братья въкупѣ однодушно, и крестъ цѣловаша». Твердислав остался посадником (Синод. 1218). Жители Новгородских пригородов, «Орѣховцы и Корельскыи», явились с жалобою на посадника своего кн. Патрикия; за него вступился Славянский конец, остальные были против него. В течение двух недель происходили вечевые собрания в двух местах, на Ярославле дворе и у св. Софии, «обои въ оружьи аки на рать, и мостъ великый переметаша; нь ублюде Богъ и св. Софѣя отъ усобныя рати; но отъяша у князя тѣ городы, а даша ему Русу и Ладогу» (Синод. 1384). По другому известию о том же событии, усобная рать уже возникала: Славянский конец ударил на двор тысяцкого, но за тысяцкого вступились и не выдали. «И по усобной той рати поидоша вся пять концовъ въ одиначество» на вышеуказанном условии (П. С. Л., т. IV, 91).

Следует еще добавить, что даже и единогласные постановления вечевых собраний не отличались надлежащею прочностью и могли перерешаться под разными влияниями. Постановление Бел-

городского веча в 997 г. было отменено по предложению старца, не присутствовавшего на вече. Новгородцы в 1214 г. решили с полною готовностью итти в поход за князем, но в походе его покинули; князь продолжал поход один, а отставшие новгородцы только после убеждений посадника Твердислава снова решили итти за князем.

Строй древних народных собраний во многих отношениях представляет большие несовершенства. Это не укрылось от внимания исследователей, которые думали смягчить отрицательные стороны учреждения предположением, что были собрания правильные, законные или нормальные в отличие от неправильных, незаконных или ненормальных. Указывались и признаки, по которым можно было бы отличить одни от других. Но все эти догадки не могут быть приняты. Установить отличительные признаки нормальных или законных вечевых собраний совершенно невозможно. Указывают, напр., что созыв князем есть признак нормального веча. Но выше указан случай, что на призыв князя никто на вече не явился; а на-ряду с этим известны вечевые собрания, состоявшиеся по почину народа, на которые являются князья и принимают по соглашению с народом важные решения. Почему первый случай надо признать нормальным, а второй ненормальным? По мнению проф. Вл.-Буданова, киевское вече 1146 г., подтвердившее избрание Игоря Ольговича на Ярославле дворе, было нормально; но вслед затем «кияне опять скопились у Туровой божницы для требования дополнительных условий от нового князя; но это было результатом неполного соглашения с князем, и самое собрание поэтому не должно быть признано нормальным». Но в примечании к этим словам автор оговаривается, что «отсюда отнюдь не следует, что постановления такого веча незаконны» («Обзор», 56—58). Но в чем же смысл предложенных разграничений, если постановления ненормальных собраний следует признавать законными? Новейший автор, касавшийся этого вопроса, признает, что по внешним признакам нельзя разграничить собрания на правильные, законные и противоположные им, «так как несомненно самые признаки не отличались определенностью и устойчивостью». Но вслед за этим тот же автор считает себя вправе «различать, во всяком случае, два вида вечевых собраний, мирные, обычные, и чрезвычайные». На первых, при мирном течении дел, применялись обычные, всеми признаваемые и соблюдаемые, формы вечевых собраний; на вторых эти формы легко нарушались при партийной борьбе и при всяких чрезвычайных обстоятельствах (А. Филиппов. «Ист. русск. права», 158). Нельзя не признать этого разграничения еще менее удачным, чем предложенные ранее. Не говоря уже о противоречиях и неудачной терминологии (надо думать, чрезвычайные собрания названы так от чрезвычайных обстоятельств?), трудно понять, в каком отношении наличность форм стоит к тому настроению, с каким являются в собрание его члены? И разве настроение

не может изменяться в течение одного и того же собрания? По этому признаку никакого разграничения провести нельзя.

Предметы ведомства вечевых собраний не могут быть вполне точно обозначены. По идее, любой вопрос может стать предметом рассмотрения на вече, так как полномочия народного собрания ничем не были ограничены. Но практика вечевой деятельности показывает, что такое сложное учреждение не могло функционировать повседневно, по текущим вопросам государственной жизни. Только наиболее важные вопросы восходили па обсуждение и решение народного собрания. В числе таковых обычно встречаются следующие дела.

1. Призвание князей. Памятники нередко упоминают о приглашении того или иного князя населением земли. По преданию, основатель династии Рюриковичей пришел княжить в Новгород по призванию нескольких племен. В историческое время подобные известия имеются не только относительно Новгорода, но также Киева, Полоцка, Смоленска, Ростова, Суздаля и пр. По смерти кн. Святополка, «свѣтъ створиша кияне, послаша к Володимеру, глаголюще: поиди, княже, на столъ отенъ и дѣден». Мономах не сразу явился, и кияне вторично шлют за ним: «поиди, княже, Киеву; аще ли не поидеши, то вѣси, яко много зло уздвигнеться» (Ипат. 1113). О смольнянах сохранилось известие, что они в 1175 г. «выгнаша отъ себе Романовича Ярополка, а Ростиславича Мьстислава вьведоша Смоленьску княжить» (там же). Как только была получена весть о смерти в Киеве Юрия Долгорукого, «сдумавши ростовци и суждальци и володимирци вси, пояша Андрѣя сына Дюргева старѣйшаго, и посадиша и на отни столѣ Ростовѣ, и Суждали, и Володимири» (Ипат. 1158). А когда Андрей был убит, то ростовцы, суздальцы и переяславцы съехались к Владимиру на совещание: «се ся уже тако створило, князь наш убьенъ, а дѣтѣй у него нѣтуть, сынокъ его малъ в Новѣгородѣ, а братья его в Руси; по кого хочемь послати въ своихъ князехъ?» Приглашены были Ростиславичи (Ипат. 1175).

Но было бы ошибочно думать, что все случаи призвания князей занесены в летопись. Это было столь обычным явлением, что современник, отмечая смену князей, иной раз мог и опустить подробности. Так, составитель Ипатского свода, вообще подробно передающий события южной Руси, под 1133 г. сообщает, что умер киевский князь Мстислав Владимирович, «оставивъ княжение брату своему Ярополку». Можно бы подумать, что киевляне никакого участия в этом деле и не принимали. Но в другом своде это событие передано так: «Преставися Мстиславъ, сынъ Володимерь, и сѣде по немь братъ его Ярополкъ, княжа Кыевѣ; людье бы кыяне послаша по нь» (Лавр., 1132). Для многих других случаев таких поправок могло и не сохраниться.

Столы замещались, однако, не только по началу призвания. В распределении столов между князьями имели значение и другие силы. В ряду их народное призвание стояло вовсе не на

последнем месте. Мономах заключил ряд со Святополком, что отзовет из Новгорода своего сына, а на его место сядет сын Святополка. Мономах отозвал сына, с которым явились новгородские послы и объявили Святополку: «не хощемъ Святополка, ни сына его; аще ли двѣ головѣ имѣеть сынъ твой, то посли и» (Ипат. 1102). Ввиду такой угрозы, князьям пришлось подчиниться народному желанию.

2. Ряд с князем. Выше было указано, что договоры князей с народом обыкновенно заключались при занятии ими столов. Ряд с князем поэтому стоит в тесной связи с актом избрания. Но древнейшие договоры этого вида, кроме новгородских, не сохранились. Лишь немногие указания на содержание их случайно попали в летопись. Так, упоминается, что князь садился на стол «на всей его волѣ». Новгородцы кн. Святослава «възвѣдоша опять на всѣй воли его» (Синод 1161). Это вовсе не значит, что князю представлялась неограниченная власть, а лишь обозначает, что вече приняло все условия, предложенные князем. Могло быть и обратно, т.-е. что князь принимал все условия, предложенные ему вечем. Это выражалось подобной же формулой. Игорь Ольгович, «съсѣдъ с коня, и цѣлова к нимъ (кіяномъ) крестъ на всей ихъ воли» (Ипат. 1146). Изгнанный новгородцами, кн. Ярослав потом прислал к ним с поклоном «і взяша миръ на всеі воли новгородьской» (Синод. 1270). Далее имеются указания на условия о сроке, на какой приглашался князь. Полочане целовали крест кн. Ростиславу Глебовичу на том, «яко ты намъ князь еси и дай ны Богъ с тобою пожити, извѣта никакого же до тебе доложити» (Ипат. 1159). Здесь условие о сроке выражено весьма неопределенно. В других случаях князья призывались пожизненно. По смерти Изяслава «посадиша в Киевѣ Ростислава киане, рекуче ему: якоже и братъ твой Изяславъ честилъ Вячеслава, тако же и ты чести; а до твоего живота Киевъ твой» (там же, 1154). Новгородцы целовали крест Ростиславу Мстиславичу на том, «якоже имъ имѣти сына его (Святослава) собѣ княземъ, а иного князя не искати, оли ся с нимъ смертью розлучити» (Ипат. 1168). Наконец были случаи призвания князей с потомством. Так, после смерти кн. Михалка владимирцы «цѣловаша крестъ ко Всеволоду князю, брату Михалкову, и на дѣтехъ его, посадиша и на отни и на дѣдни столѣ в Володимери» (Лавр. 1177). Выражение «на дѣтехъ» нельзя понимать в том смысле, что население этим отказывалось от права избирать князя; это лишь значит, что жители изъявили намерение ограничить круг избираемых князей пределами нисходящих кн. Всеволода. Действительно этот князь перед смертью оставил своим преемником во Владимире сына Юрия, но пригласил население подтвердить свое распоряжение, «и целоваша вси людіи на Юрьи». Своему сыну Ярославу Всеволод назначил г. Переяславль. После смерти отца Ярослав явился туда, созвал всех переяславцев и сказал им: «братія переяславцы, се

отець мой иде к богови, а васъ оудалъ мнѣ, а мене вдалъ вамъ на руцѣ, да рците ми, братия, аще хощите мя имѣти собѣ, яко же имѣсте отца моего, и головы своя за мя сложити». Переяславцы ответили утвердительно «и цѣловаша к нему вси крестъ» (Пер.-Сузд. 1213). Итак, население попрежнему принимает участие в решении вопроса о замещении стола, но кандидатами на столы явились только сыновья Всеволода.

Из других условий с князьями летопись сохранила любопытные указания на ряд киевлян с Игорем Ольговичем о порядке суда. Князь обязался выполнить все требования о смене тиунов своего брата, Ратши и Тудора, обещал разбирать дела лично и назначить новых тиунов по избранию самих киевлян (Ипат. 1146).

По новгородским договорам власть князя ограничена целым рядом условий. Важнейшие из них следующие: князь обязуется: а) не судить суда без посадника; б) не раздавать без него же волостей и не выдавать грамот; в) для управления волостями назначать не своих мужей, а новгородских, и без вины их не устранять; г) не приобретать самому, княгине, боярам его и дворянам недвижимых имуществ в пределах Новгородской земли. Весьма сомнительно, что какое-либо из этих ограничений могло иметь силу в других землях, кроме Новгородской, так как ни в каком стольном городе не было посадника рядом с князем, и нет указаний на то, что князья были ограничены в приобретении сел в пределах своих княжений; наоборот, известно, что у князей были села, которыми они свободно распоряжались. Точно так же известно, что князья назначали посадников из своих мужей и детских, хотя бы они и не были местными людьми.

3. Изгнание князей. Праву призвания князей соответствует право населения удалять князей, почему-либо неугодных. Последнее обычно имело место лишь при наличности более желательного претендента на данный стол. Выше был приведен случай изгнания из Смоленска Ярополка Романовича, потому что смольняне пожелали иметь своим князем Мстислава Ростиславича. Точно так же киевляне, недовольные Игорем Ольговичем, шлют к Изяславу Мстиславичу с приглашением: «ты нашь князь, поѣди, Олговичевъ не хочемъ быти акы в задничи» (Ипат. 1146). В Новгороде изгнания князей принимали иногда характер формального суда веча над князем. Так, новгородцы с псковичами и ладожанами в 1132 г. «выгониша кн. Всѣволода из города; и пакы съдумавъше, въспятиша и». Но недолго длилось примирение народа с князем: через четыре года новгородцы приглашают псковичей и ладожан «и сдумаша, яко изгонити князя своего Всѣволода, и въсадиша и въ епископль дворъ... А се вины его творяху: 1, не блюдеть смердъ; 2, чему хотелъ еси сести Переяславли; 3-е, ехалъ еси съ пълку переди всѣхъ» (Синод. 1136). Подобным же образом восстали новгородцы на кн. Ярослава Ярославича: «начаша ізгонити кн. Ярослава із го-

рода, і съзвониша вѣче на Ярославли дворѣ... іcписавше на грамоту всю вину его... а того много вины его; а нынѣ, княже, не можемъ терпѣти твоего насилья; поѣди отъ насъ, а мы собѣ князя промыслимъ» (Синод. 1270).

4. Вопросы войны и мира. Население принимало участие в военных походах в виде народного ополчения. Это народное войско было совершенно обособлено от войска княжеского, княжей дружины. Нередко оба вида войска действовали совместно; но возможны были случаи, когда военное предприятие велось силами одного княжеского войска, без содействия народного ополчения. Конечно в каждом отдельном случае сам народ на вече решал вопрос о том, будет ли принимать участие в походе ополчение или нет. Кн. Ярослав получил известие в Новгороде о смерти отца, Владимира св., и о занятии стола киевского Святополком в момент розмирья с новгородцами: Ярослав лестью перебил нарочитых мужей за расправу их с варягами. Он созвал новгородцев на вече и сказал: «о люба моя дружина, юже вчера избихъ, а нынѣ быша надобе»; князь приглашал новгородцев против Святополка, и они согласились: «аще, княже, братья наша исѣчена суть, можемъ по тобѣ бороти» (Лавр. 1015). Выше были приведены уже случаи утвердительных и отрицательных ответов населения своим князьям на просьбы их поддержать их в борьбе с противниками. Но иногда почин вопроса принадлежит населению. Разбитые половцами киевляне прибежали в Киев с кн. Изяславом «и створища вѣче на торговищи, и рѣша, пославшиеся ко князю: се половци росулися по земли; дай, княже, оружье и кони, и еще бьемся с ними» (Лавр. 1068). Такое же участие принимает население и в вопросах о заключении мира. Перед приходом кн. Юрия к Киеву киевляне говорят кн. Изяславу: «мирися, княже, мы не идемъ» (Ипат. 1149). Осажденные владимирцы после семи недель осады, говорят князю Михалку: «мирися, любо промышляй собѣ» (там же, 1175). Наоборот ростовцы решительно требуют от своего кн. Мстислава Ростиславича продолжения войны с кн. Всеволодом Юрьевичем: «аще ты миръ даси ему, но мы ему не дамы» (Лавр. 1177).

5. Законодательство и управление. Деятельность веча по этим вопросам поставлена на последнем месте, так как законодательная функция не обособилась в то время от текущих дел управления и суда и вовсе не играла той роли, как в наши дни. Вече, однако, могло входить в обсуждение и законодательных вопросов, что наглядно подтверждается судными грамотами Псковскою и Новгородскою, составленными на вечах. В Псковской грамоте предусмотрен и дальнейший порядок изменения и дополнения текста памятника по докладам посадника и с утверждения веча. Нет оснований отрицать подобное же право веча и в других землях. В начале уставной Смоленской грамоты князь Ростислав указывает: «приведохъ епископа Смоленску, сдумавъ съ людми своими». А в конце грамоты стоит

княжеская заповедь: «Да сего не посуживай никто же по моихъ днехъ, ни князь, ни людіе» (Вл.-Буданов, «Хрестоматия», в. I, изд. 5-е, стр. 257 и 262). В этих словах предусматривается возможность отмены устава как князем-преемником, так и вечем («людіе»).

Компетенция веча проникала и в сферу судебной деятельности. Но участие в отправлении правосудия народного собрания, отражавшего на себе все страсти партийной борьбы, едва ли могло представляться целесообразным и желательным. Неудобство такого порядка уже признано Псковской грамотой, которая установляет (ст. 4): «А князь и посадникъ на вѣчи суду не судють, судити имъ у князя на сѣнехъ». Это изолирование судей от вечевых влияний косвенно указывает на то, что такие влияния прежде имели место. Некоторым пережитком судебной компетенции веча является и правило Новгородской грамоты, в силу которого вече назначало приставов по жалобе на медленность суда (ст. 29). И сравнительно поздно встречаются упоминания о судебной деятельности веча по делам чрезвычайным. В Новгороде «грабиша коромолницѣ торгъ, и заутра створишя вѣче новгородци, свергоша два коромолника с мосту» (Синод. 1291). Вече ведало и политический суд над князьями и посадниками. В 1141 г. новгородцы свергли с моста посадника Якуна за то, что тайно бежал за кн. Святославом. В 1209 г. они сотворили вече на посадника Дмитра и на братью его, перечислили его вины и «идоша на дворы ихъ грабежьмь» (Синод., ср. выше).

Вмешательство веча в дела внутреннего управления можно отметить, например, в случаях назначения должностных лиц, хотя в обычном порядке они назначались князем. Киевляне требуют от Игоря Ольговича смены тиунов, на что Святослав, брат Игоря, ответил: «а се вамъ и тивунъ, а по вашей воли» (Ипат. 1146). Ростовцы, суздальцы и муромцы грозят жителям своего пригорода Владимира: «пожьжемъ и, пакы ли посадника в немь посадимъ» (Лавр. 1175). Назначение экстренных сборов также происходило с ведома веча. Новгородцы не отпустили Ярослава за море и решили биться за него против Болеслава и Святополка; для этого «начаша скотъ събирати... и приведоша варягы, и вдаша имъ скотъ» (Лавр. 1018). На предложение варяжской дружины принять ее на службу, полоцкий князь (rex Vartilavus) ответил: «tempus quaeso concede, ut hac de re cum subditis meis communicem, hi enim reddunt pecunias» [1]). (Сказание Эймундовой саги у Голубовского, назв. соч., 213).

В дополнение к сказанному выше о составе вечевых собраний надлежит прибавить, что фактическая невозможность для жителей пригородов принимать постоянное участие в вечевой жизни главных

---

[1]) Дайте мне время переговорить об этом с моими подданными: ведь они дают деньги. *Перев. ред.*

городов вызвала к жизни народные собрания в пригородах. Отношение пригородных веч к вечу главного города и определялось указанным правилом: «на что же старѣйшии (города) сдумають, на томь же пригороди станутъ». Все, что сказано выше о политической зависимости пригородов, сводится в сущности к соотношению сил пригородов и главного города, а главною формою выражения этих сил и были вечевые собрания.

6. Падение вечевого строя. Непосредственное участие всего свободного населения в политической жизни страны обусловливается двумя коренными причинами: незначительным объемом государственной территории и известною степенью материальной обеспеченности. С расширением территории личное участие каждого в решении государственных вопросов становится невозможным, и народные собрания в их первоначальной форме с правом участия для каждого свободного заменяются собраниями народных представителей. Досуг же в домашнем хозяйстве, столь необходимый для поддержания и развития интереса к общественным делам, выпадает на долю немногих, если хозяйственный строй страны или обширных классов населения подорван или серьезно потрясен.

Борьба классов естественным образом приводила к сосредоточению крупных состояний в немногих руках и к обеднению массы населения. Но помимо этого, массовое разорение населения явилось следствием татарского нашествия. Что не само по себе татарское завоевание древне-русских земель вызвало глубокий политический переворот в силу того, что ханы были достаточно сильны, чтобы приказывать народу, а не входить с ним в соглашения,—это наглядно подтверждается судьбой Новгорода и Пскова, Смоленска и Полоцка, где вечевой строй сохраняется в прежнем виде и во время татарского владычества. Падение его в этих землях произошло после присоединения этих земель к Москве и к Литве, в XV и начале XVI вв. В Смоленске еще в 1440 г. вече созывается колокольным звоном по вопросу о смене наместника (Лет. вел. кн. литовских, стр. 54, Уч. зап. II Отд. Ак. Н., 1854 г., кн. 1); а полочане в 1465—1470 гг. сносятся с Ригой от имени «всего посполства Полоцкого мѣста» (Русск.-ливон. акты, №№ CCXLIX и CCLIX). Вече в Новгороде уничтожено в 1478 г., а в Пскове в 1510 г. по требованию московского правительства. В других же землях веча заглохли вскоре после порабощения Руси татарами; только редкие вспышки в отдельных местах против татарских насилий являются последними отзвуками умирающего обычая. Большая прочность вечевых порядков в указанных северо-западных землях может быть объяснена единственно тем, что они совсем не испытали татарского погрома, хотя признали власть хана и обязались уплачивать дань.

Когда же Русь начала оправляться от страшных последствий народного разорения, то на пути к возрождению народных собра-

ний оказались неустранимые преграды вследствие территориального роста русских княжений.

Литература. Основным трудом о древне-русском вече является соч. В. И. Сергеевича — Вече и князь, 1867 г.; новая переработка той же темы: Др. русск. пр., т. II, изд. 3, 1908, стр. 1—149; ср. Ф. В. Тарановский. Отзыв о соч. В. И. Сергеевича Древности русского права, 1911, стр. 44—68; Вл.-Буданов. Обзор, 52—62 и 291; Костомаров. Северно-русские народоправства, 2 тома, 1863, и полн. собр. соч., кн. 3, 1904; Градовский. Государственный строй древней России (по поводу книги Вече и князь), Ж. М. Н. Пр., 1868 и Собр. соч., т. I, 1899; И. Линниченко. Вече в Киевской области, Унив. Изв. (киевские), 1881; В. Ключевский. Боярская дума, гл. I и II; М. Грушевский. Очерк истории Киевской земли, 1891, гл. V; П. Голубовский. История Смоленской земли, 1895, стр. 212—223; С. Ф. Платонов. Вече в Вел. Новгороде (конспект), Новг., 1916.

Князь.

Княжеская власть — столь же исконный и столь же повсеместный институт как и вече. У отдельных славянских племен «княженья» упоминаются задолго до призвания Рюриковичей. Корни этой власти скрываются в доисторическом патриархальном быту, и в виде пережитка свадебные песни сохранили названия «князя» и «княгини» применительно к новобрачным. Но и в историческое время сохранились еще остатки племенных князей. В договоре с греками 907 г. перечисляется дань на города: Киев, Чернигов, Переяславль, Полотьск, Ростов, Любеч «и на прочая городы, по тѣмъ бо городомъ сѣдяху велиции князи подъ Ольгомъ суще»; по договору 911 г. посланные пришли «отъ Олга, великого князя рускаго, и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его, свѣтлыхъ и великихъ князь». Древляне рассказывали Ольге о своих добрых князьях, «иже роспасли суть Деревьскую землю»; за одного из них, Мала, Ольга получила предложение выйти замуж. Однако с размножением Рюриковичей, только члены этого княжеского рода занимали столы древне-русских княжений.

Князь — необходимый элемент в составе государственной власти всех русских земель; ни одна из них не может обойтись без князя. Те исключительные моменты в жизни той или иной земли, когда ей приходилось испытывать последствия вакантности стола, изображаются современниками как бедственные и опасные для целости страны. Так, когда кн. Ростислав Мстиславич, после смерти Вячеслава, не сумел удержать Киева и ушел оттуда в Смоленск, то киевлянам предложил свои услуги черниговский кн. Изяслав Давидович: «хочю к вамъ поѣхати». При всей нелюбви к черниговским князьям, киевляне приняли предложение. И вот почему: «они же боячеся половець, зане тогды тяжко бяше кияномъ, не осталъ бо ся бяше у нихъ ни единъ князь у Киевѣ, и послаша... рекуче: поеди Киеву, ать не возмуть

насъ половци; ты еси нашь князь» (Ипат. 1154). После убийства Андрея Боголюбского жители Ростова, Суздаля, Переяславля и Владимира поспешно съезжаются для выбора ему преемника: «по кого хочемъ послати в своихъ князехъ? намъ суть князи муромьскыѣ и рязаньскыи близь в сусѣдехъ, боимся льсти ихъ, еда поидуть внезапу ратью на насъ, князю не сущю у насъ» (Лавр. 1175). В обоих случаях боязнь внешней опасности заставляет принимать меры к скорейшему замещению стола. Но и интересы внутреннего порядка требовали того же. Владимир Мономах не сразу пришел в Киев на зов киевлян, и в Киеве начались грабежи. Поэтому снова зовут его кияне и предупреждают: «аще ли не поидеши, то вѣси, яко много зло уздвигнеться, то ти не Путятинъ дворъ, ни соцькихъ, но и жиды грабити, и паки ти поидуть на ятровь твою и на бояры и на манастырѣ, и будеши отвѣтъ имѣлъ, княже, оже ти манастырѣ разъграбять» (Ипат. 1113).

Не составлял исключения и вольнолюбивый Новгород; и он не мог существовать без князя, хотя и враждовал очень часто с своими князьями. В 1140 г. новгородцы выпросили у кн. Всеволода Ольговича себе князем его брата Святослава, с которым, однако, не могли ужиться за его злобу и насилие, и в том же году просили у Всеволода его сына. Но тот успел только дойти до Чернигова, как новгородцы объявили Всеволоду: «не хочемъ сына твоего, ни брата, ни племени вашего, но хочемъ племени Володимера». Они желали иметь своим князем Изяслава Мстиславича. Не желая уступать Новгорода Владимировичам, Всеволод уступил им город Берестие под условием, чтобы не ходили в Новгород: «Новогорода не березѣта, атъ сѣдять сами о своей силѣ, кде князя не налѣзуть». Новгородцы, узнав об этом «и не стерпяче бесъ князя сѣдити, и ни жито к нимъ не идяше ни отколѣ же», послали просить князя у Юрия, с которым раньше враждовали (Ипат. 1140—1141). Итак, за отсутствием князя, Новгороду грозило бедствие, так как прекратился подвоз хлеба. При таких условиях Новгород не брезгует и нежелательным кандидатом.

В составе государственной власти каждого княжения князь занимал, по сравнению с вечем, существенно иное положение, так как был органом постоянно и повседневно действующим. Он был поэтому представителем власти в земле, и в его компетенцию входили все вопросы, касающиеся внешней и внутренней государственной жизни страны. На обязанности князя прежде всего лежит поддержание внешнего мира и защита земли от внешнего врага. Но вместе с тем князь — охранитель внутреннего мира, установитель и блюститель порядка или наряда. По преданию князья и призваны были «володѣть и судить». Они — правители и судьи, так как все несложные отрасли древнего управления и суда находятся в их непосредственном заведывании. Отсюда ясно, почему ни одна земля не может обойтись без князя: за

отсутствием представителя власти, остаются неудовлетворенными те или другие насущные нужды государственной жизни.

Политическое положение князя в земле и обусловливалось прежде всего необходимостью для населения иметь представителя власти в лице какого-либо князя. С другой стороны, без поддержки населения князь не в состоянии был провести никакого дела, так как не имел в своем распоряжении достаточно сильных и независимых от народа исполнительных органов. При таких условиях авторитет князя определяется степенью доверия к нему со стороны населения, силою единения князя с народом. Чем большим доверием земли пользуется данный князь, тем положение его было прочнее, авторитет—сильнее. Желая доказать угорскому королю свою силу, князья Вячеслав и Изяслав велели передать ему: «а все ти скажуть твои мужи и братъ твой Мьстиславъ, како ны Богъ помоглъ, и пакы како ся по насъ яла Руская земля вся и черниии клобуци» (Ипат. 1151). Князья, народные любимцы, как Владимир Мономах, Мстислав Ростиславич, Всеволод Юрьевич и др., бесспорно обладали более обширною властью, сравнительно со многими князьями, только в силу доверия к ним народа. Про Мстислава Ростиславича современник заметил, что «не бѣ бо тоѣ землѣ в Руси, которая же его не хотяшеть, ни любяшеть, но всегда бо тосняшеться на великая дела» (Ипат. 1178). Конечно такому князю не спешили ставить каких-либо ограничительных условий о пределах правящей власти и способах ее проявления. Наоборот князь, внушающий недоверие или подозрение, должен был давать населению обязательства или обещания даже по мелким вопросам текущего управления и суда. Игорь Ольгович должен был целовать крест киевлянам в том, что не только удалит судных тиунов своего брата Всеволода, но будет впредь назначать таковых лишь с одобрения населения (Ипат. 1146: «а се вамъ и тивунъ, а по вашей воли»).

На почве недоверия могли возникать постоянные столкновения у князя с народом. Без взаимных уступок они грозили князю потерею стола. Неугодному князю нередко указывали «путь чист» из города. Предотвратить такой исход было возможно только в том случае, если князь найдет себе поддержку хоть в части населения, в какой-либо вечевой партии. Но и противная князю партия могла найти себе союзника в лице другого князя, претендента на данный стол. Исход такой борьбы зависел, конечно, от соответствия сил борющихся. Князя, вынужденного покинуть стол, мог ожидать ряд тяжелых невзгод: имущество его и его сторонников иногда делалось жертвою грабежа, а иной раз князя временно лишали свободы, чтобы оградить на ближайшее время землю от враждебных действий разгневанного князя. Так это случилось, например, с Всеволодом Мстиславичем, которого новгородцы посадили в епископль двор с женою, детьми и тещей и продержали под строгим караулом в заклю-

чении два месяца (Синод. 1136). Только по исключению дело доходило даже до посягательства на жизнь князя. Такая трагическая судьба постигла Игоря Ольговича киевского и Андрея Боголюбского.

Итак, отношения князя к народу покоились преимущественно на взаимном доверии, степенью которого определялись и подробности условий в заключаемых, при занятии стола или по поводу возникших недоразумений, договорах князей с населением земли.

Князья Рюриковичи, как члены одного владетельного рода, не стояли изолированно между собой. Между ними постоянно возникали вопросы о взаимных отношениях, как по делам о распределении столов, так и при выработке междукняжеских соглашений. Чем же определялись эти отношения в том и другом случае?

Распределение столов между князьями. Пока число представителей княжеского рода было незначительно и под их властью были объединены отдельные земли, вопрос о распределении столов не возбуждал никаких споров: власть переходила от отца к сыну и от брата к брату. Но как только появилось несколько претендентов на одну и ту же волость, между князьями возникли столкновения, и со смерти кн. Ярослава это сделалось общим явлением политического быта древней Руси. Успела ли практика выработать какие-либо общие правила к примирению этих враждующих интересов соперничающих князей? Можно ли говорить о каких-либо началах, регулирующих преемство княжеских столов?

Впервые в исторической литературе определенный ответ на этот вопрос предложен был С. М. Соловьевым в его труде «Взаимные отношения между князьями Рюрикова дома» (М. 1847). Его выводы и до сих пор продолжают находить сторонников в среде исследователей, а потому и нельзя эти выводы оставить без разбора. По мнению Соловьева, в древнее время господствовал родовой быт, проникавший и даже заменявший все стороны общественной и государственной жизни. И отношения между князьями регулировались началом родового старшинства, по которому происходило и распределение столов между князьями. Каждый князь занимал соответственный своему старшинству стол. Это значит, что существовали две лестницы: лестница князей, на которой каждый князь занимал ступень, соответственно своему старшинству, и лестница городов, расположенных по ступеням по их политическому значению. За смертью князя, его ступень занимает следующий за ним по старшинству, а вместе с тем передвигается с своего стола на стол умершего, передавая свой стол князю, следующему за ним по старшинству, и т. д. Князья, значит, передвигались со стола на стол по степени старшинства, путем «лѣствичнаго восхожденія» с младшего стола на более старший, пока не достигали старейшего

киевского стола. Хотя в отдельных случаях этот порядок мог нарушаться, но в существенных чертах продержался до тех пор, пока не начал распадаться родовой быт. В подтверждение этих наблюдений Соловьев указал несколько документальных данных. Уже при сыновьях Ярослава столы распределяются согласно этому правилу: старший сын получил Киев, второй, Святослав—Чернигов, третий, Всеволод—Переяславль, далее Игорь — Владимир-Волынский и Вячеслав — Смоленск. Через три года Вячеслав умер, «и посадиша Игоря Смолиньскѣ, из Володимеря выведше». Через 19 лет Изяслав вынужден был покинуть Киев, который был занят Святославом, а Всеволод занял Чернигов (Лавр. 1057 и 1073). В конце XII в. правило лествичного восхождения формулировано словами черниговского князя Ярослава Всеволодовича в ответ на предложение князей Всеволода Юрьевича, Рюрика и Давида Ростиславичей навсегда отказаться от притязаний на Киев: «не буди мнѣ отлучитися великого стола, и главы и славы всеа Руси Кіева, но якоже и отъ прадѣдъ нашихъ лѣствицею кождо восхожаше на великое княженіе Кіевское, сице же и намъ и вамъ, лѣствичнымъ восхожденіемъ кому аще Господь Богъ дасть взыти на великое княженіе великаго Кіева, сего братіе не разаряйте, ни пресецайте, да не Божій гнѣвъ на себе привлецете, хотяще едины во всей Руси господствовати» (П. С. Л., т. X, стр. 26, 1196 г.).

Заслугой проф. Сергеевича является как истинное разъяснение указанных фактов, так и вообще выяснение вопроса о порядке распределения столов. Почему Игорь перемещен в Смоленск на место Вячеслава — неясно, так как не видно, что он был младше Вячеслава, а скорее — старше, ибо поставлен при перечислении братьев выше его. Святослав занял Киев не по праву старшинства, а насильно изгнав Изяслава из Киева. Наконец известие о лествичном восхождении сохранилось в позднем Никоновском летописном своде, куда это выражение было внесено современником XVI в. из местнических счетов. В Ипатовском своде слова черниговского князя переданы иначе: «ажь ны еси вмѣнилъ Кыевъ тоже ны его блюсти подъ тобою и подъ сватомъ твоимъ Рюрикомъ, то в томъ стоимъ; ажь ны лишитися его велишь отъинудь, то мы есмы не угре, ни ляхове, но единого дѣда есмы внуци; при вашемъ животѣ не ищемъ его, ажь по васъ, кому Богъ дасть» (Ипат. 1195). Итак, все эти данные ни мало не говорят в подтверждение того, что столы распределялись по единому началу родового старшинства. Мало того. Надо признать, что вообще не существовало какого-либо единого порядка в преемстве столов.

Очень нередко столы захватывались силою. Это называлось—«добывать», «налѣзать» стол. Изяслав Мстиславич не хотел уступить Киева дяде своему Юрию и на просьбы епископа помириться с дядею отвечал: «добылъ есми головою своею Киева и Переяславля» (Ипат. 1149). Он действительно силою захватил стол

под Игорем Ольговичем. Когда кияне стали звать к себе Изяслава, указывая на то, что не хотят быть у Ольговичей «акы въ задничи», то он сказал: «любо си голову положю передъ вами, любо си палѣзу столъ дѣда своего и отца своего» (там же, 1146). Захватная политика применяется и к занятию вакантных столов. Претенденты на освободившийся стол друг перед другом спешат поскорее занять его. Во время одной из битв Изяслава с дядей Юрием убит был союзник первого, черниговский князь Владимир Давидович. Изяслав советует брату убитого, Изяславу Давидовичу, поскорее ехать в Чернигов и занять стол, что тот и сделал и на другой день был уже в Чернигове и «сѣде на столѣ брата своего». В то же время спешил к Чернигову союзник Юрия, кн. Святослав Ольгович, другой претендент на Черниговское княжение. Но он «бѣ тяжекъ тѣломъ, и трудилъся бѣ бѣжа», и из Городца послал вместо себя племянника, «а самъ не може ехати». Однако посланный застал уже стол занятым (Ипат. 1151). Несколько лет спустя, Святослав занял стол в Чернигове и умер черниговским князем. В момент его смерти в Чернигове не было ни сына его, ни племянника Святослава Всеволодовича. Вдова и дружина покойного князя извещают сына его Олега: «княже! не стряпай, ѣди вборзѣ, Всеволодичь бо недобрѣ жилъ съ отцомъ твоимъ и с тобою; ачи что замыслить лихое?» А епископ шлет Всеволодовичу грамоту с извещением: «стрый ти умерлъ, а по Олга ти послали, а дружина ти по городомъ далече, а княгини сѣдить въ изумѣньи с дѣтьми, а товара множество у нея; а поѣди вборзѣ, Олегъ ти ѣще не въѣхалъ, а по своей воли възмеши рядъ с нимъ» (там же, 1164). «Beati possidentes» было правилом, хорошо известным уже в древности.

В политике захвата берет верх тот из соперничающих князей, на стороне которого перевес в ловкости, энергии, влиянии, а главное—в силе. И любимому князю население может отказать или не принять его, если его противники значительно сильнее. Привязанные к Изяславу кияне и черные клобуки говорили ему: «княже! сила его велика (Юрія), а у тебе мало дружины... не погуби насъ, ни самъ ни погыни; но ты нашь князь, коли силень будеши, а мы с тобою, а нынѣ не твое веремя, поѣди прочь». Изяслав должен был согласиться с этим. «Наю не веремя нынѣ есть», говорит он Вячеславу: «поѣди ты, отце, въ свой Вышегородъ, а язъ поѣду въ свой Володимирь; язъ же пакы по сихъ днехъ како ны Богъ дасть» (Ипат. 1150).

Но соперники могут уславливаться и итти на взаимные уступки. В своих притязаниях каждый ссылается на доводы, оправдывающие, по его мнению, его образ действий. В подтверждение своих лучших прав князья приводят: 1) физическое старшинство, 2) начало отчины, 3) народное избрание. Но кроме этих начал, имеющих значение в порядке преемства столов, столы занимались еще по воле занимающих их князей, а со времени

татарского завоевания еще и по ханским ярлыкам, т.-е. по распоряжению ханов.

Старшинство лет давало в древнее время значительные преимущества. С ним связана большая опытность, а опыт практической жизни был почти единственной школой образования. Более старший опытнее, разумнее и образованнее младшего. Старший князь поэтому пользуется большим влиянием, лучшими связями, а вместе с тем целым рядом преимуществ по сравнению с младшим. При таких неравных условиях молодому князю трудно конкурировать со старшим и естественно, что старшему отдается преимущество перед младшим и в соперничестве из-за столов. Но лучшие качества старшего—отнюдь не закон природы. Ловкие и энергичные князья опережают не только своих сверстников, но и князей старшего поколения. И это могло быть не редким исключением. А при таких условиях ссылка на старшинство не имела, конечно, решающего значения. Святослав и Всеволод Святославовичи изгнали из Киева старшего брата Изяслава, и его стол занял Святослав. Феодосий Печерский хотя и обличал князя, «яко неправедно створша и не по закону сѣдша на столѣ томъ, яко отца си, брата старѣйшаго прогнавша», но убеждения чтимого старца не оказали никакого влияния. Изяслав Мстиславич по старшинству должен был уступить Киев дяде своему Юрию, но боролся с ним за Киев. Желая устранить ссылку дяди на старшинство, он пригласил совладетелем себе дядю Вячеслава, который оправдывал свои права на Киев ссылкой на старшинство: «Гюрги мнѣ братъ есть, но моложий мене, а язъ старъ есмь, а хотѣлъ быхъ послати к нему и свое старишиньство оправити, ци будеть ны ся судити предъ Богомъ, а Богъ на правду призрить». Он послал сказать Юрию: «язъ тебе старѣй есмь не маломъ, но многомъ, азъ уже бородатъ, а ты ся еси родилъ; пакы ли хощеши на мое старишиньство поѣхати» (Ипат. 1151). Но и на этот раз ссылка на старшинство делу не помогла. А Ростислав Владимирович, захвативший Тмутаракань под Глебом Святославовичем, ушел из города, как только узнал, что идет на него дядя Святослав, «не убоявься его, но не хотя противу стрыеви своему оружья взяти». Но как только Святослав, посадив снова в городе сына Глеба, ушел, Ростислав опять выгнал двоюродного брата» (там же, 1065).

Итак, в подтверждение своих прав на стол князья нередко ссылаются на старшинство; но часто эти ссылки не имеют никакого успеха. Это подтверждает Нестор в своем «Чтенiи о житiи и о погубленiи блаженную страстотерпцу Бориса и Глѣба», указывая, что «многи бо суть нынѣ дѣтьскы князи, не покоряющеся старѣйшимъ и супротивящеся имъ». Но кроме того следует заметить, что на-ряду с старшинством естественным возникло понятие о старшинстве искусственном, фиктивном. И младший князь мог быть назван старейшим, если ему удавалось занять лучший стол. В этом смысле в памятниках встречаются выражения: «искать

старѣйшинства», «положить на комъ, дать кому старѣйшинство». Не подлежит сомнению, что под старшинством здесь надо понимать лучший стол. Во время борьбы Ростиславичей с Ольговичами за Киев, Ярослав Изяславич Луцкий предложил свои услуги сначала Ольговичам, «ища собѣ старѣшиньства въ Олговичѣхъ,—и не ступишася ему Кыева. Онъ же сослався с Ростиславичи и урядися с ними о Кыевъ... Ростиславичи же положиша на Ярославѣ старѣйшиньство и даша ему Кыевъ» (Ипат. 1174 г.). Константин Всеволодович вел борьбу с младшим братом Юрием за Владимир. Союзники первого, Мстислав Мстиславич и Владимир псковский, убеждают своих противников: «мы пришли есмя, брате князь Юрьи и Ярославе, не на кровопролитие, крови не дай Богъ створити, да до того управимся; мы есмы племенници себѣ, а дадимъ старейшиньство кн. Костянтину, а посадите и в Володимерѣ, а вамъ земля Суздальская вся» (Сузд. 1216). Старший брат оказался не на старшем столе, а потому ведутся переговоры о том, чтобы дать ему старшинство, т.-е. старший стол.

Отчиной (вотчиной) называлось все то, что переходило к детям после отцов, как полученное от дедов называлось единой. Из сферы имущественных отношений эти понятия были перенесены и на отношения политические. Князь называл стол свой отчиной, если этот стол был некогда занят его отцом. В распределении столов это начало отчины сказалось очень рано, так как у отцов было естественное желание передавать столы своим детям. Еще Владимир св. выделил Полоцк сыну своему Изяславу от Рогнеды по совету бояр, на суд которых Владимир передал свое столкновение с Рогнедой; бояре сказали: «уже не убий ея, дѣтяти дѣля сего, но въздвігни отчину ея и дай ей с сыномъ своимъ» (Лавр. 1128). Постепенно это начало все более укоренялось, но все же не сделалось общим правилом и не могло сделаться, так как на один и тот же стол и одновременно могли быть предъявлены притязания несколькими князьями, отцы которых ранее занимали этот стол. Когда умер Всеволод Ярославич, то сразу открылись столы киевский, черниговский и переяславский. По праву отчины на киевский стол могли быть предъявлены притязания Изяславичами, Стятославичами и Всеволодовичами. Перед смертью Всеволод вызвал в Киев сыновей Владимира и Ростислава. Находясь в Киеве, Владимир Мономах оказался в более выгодном положении, однако не решался занять киевский стол. Он сказал: «аще сяду на столѣ отца своего, то имамъ рать съ Святополкомъ взяти, яко есть столъ преже отца его былъ», и послал за Святополком, а сам пошел в Чернигов, брат же его Ростислав в Переяславль (Лавр. 1093). Но на Чернигов имел такое же право, как Святополк на Киев, Олег, который и явился с половцами добывать Чернигов под Владимиром. Мономах сначала затворился в городе, но скоро уступил его Олегу и ушел «на столъ отень Переяславлю». На Любечском съезде князья заключили ряд, в силу которого столы распределены по

отчинам: «кождо да держить отчину свою: Святополкъ Кыевъ Изяславлю, Володимерь Всеволожю, Давыдъ и Олегъ и Ярославъ Святославлю» (там же, 1097 г.). Но этот договор не устранил притязаний на Киев ни Мономаха с его потомством, ни Ольговичей черниговских. В конце XII века Мономаховичи предъявили Ольговичам требование: «како вы не искати отцины нашея, Кыева и Смоленьска, подъ нами, и подъ нашими дѣтми, и подо всимъ нашимъ Володимеримь племенемь: како насъ роздѣлилъ дѣдъ нашь Ярославъ по Дънѣпръ, а Кыевъ вы не надобѣ». Выше указано, по каким основаниям Ольговичи это требование отвергли. Итак, начало отчины играет важную роль в распределении столов, но не исключительную и не решающую.

Призвание князя на стол населением играло бесспорно важную роль в решении вопроса о преемстве стола. Князьям необходимо было считаться с волею народа, и в подтверждение своих прав они на эту волю ссылаются. Изяслав Давидович черниговский занял Киев по приглашению киян в трудное для них время. Но на Киев предъявил права Юрий Долгорукий и послал сказать Изяславу: «мнѣ отцина Киевъ, а не тобѣ». Изяслав Давидович не мог, конечно, соперничать с Юрием и отвечал: «ци самъ есмь ѣхалъ Киевѣ? посадили мя кияне, а не створи ми пакости; а се твой Киевъ» (Ипат. 1155). Здесь столкнулось начало отчины с началом призвания и одержало верх. Но бывало и обратно. Киевляне признали преемником Всеволода Ольговича его брата Игоря, но затем пригласили Изяслава Мстиславича и мотивировали свое призвание ссылкой на то, что не хотят быть у Ольговичей, «аки въ задничи».

Распоряжение столом по воле занимающего его князя имело также серьезное значение в делах о замещении столов. В период времени от завещания Ярослава Мудрого, распределившего волости между своими сыновьями, и кончая завещанием Всеволода Юрьевича, можно указать целый ряд подобных актов. Но при всяких ли условиях личное распоряжение князя могло осуществиться? Первоначальная летопись не содержит никаких указаний на то, при каких условиях приводилась в исполнение воля Ярослава. Но нам известно, что передачу Владимирского стола Юрию Всеволод гарантировал крестным целованием всех жителей волости, а Ярослав получил назначенный ему в удел Переяславль лишь после выраженного одобрения всех переяславцев. О замещении киевского стола после смерти сына Мономахова Мстислава сохранилось два известия. По одному брат Мстислава Ярополк сел на столе в силу призвания: «людье бо кыяне послаша по нь» (Лавр. 1132). По другому—Мстислав умер, «оставивъ княжение брату своему Ярополку, ему же и дѣти свои съ Богомъ на руцѣ предасть» (Ипат. 1133). И в первом известии далее указано, что Мстислав с Ярополком урядились о детях Мстислава, и Ярополк тотчас же выполнил условия этого ряда. Поэтому надо думать, что Мстислав пе-

редал стол брату своему по соглашению с киевлянами. Оставить стол своему сыну он не мог, так как сын был молод, а такому князю удержаться в Киеве было весьма трудно. В пользу своих детей Мстислав мог только выговорить обязательство с брата удержать за ними Переяславль, что тот и выполнил. Много труднее оказалось положение Всеволода Ольговича, когда он задумал передать киевский стол брату своему Игорю. Чтобы провести этот план, он должен был войти в соглашение с возможными претендентами на Киев. Для этого он пригласил братьев, Игоря и Святослава, Владимира Давидовича и Изяслава Мстиславича и сказал им: «Володимиръ посадилъ Мьстислава сына своего по себѣ в Киевѣ, а Мьстиславъ Ярополка брата своего, а се я мольвлю: оже мя богъ поимѣть, то азъ по собѣ даю брату своему Игореви Киевъ». На этом князья и целовали Всеволоду крест, но после долгих прений. Про Изяслава Мстиславича замечено, что «много замышлявшу ему, нужа бысть цѣловати крестъ». Обеспечив за братом стол со стороны князей-претендентов, Всеволод позднее, уже разболевшись, призвал киян в Вышгород и просил их: «азъ есмь велми боленъ, а се вы братъ мой Игорь, имѣтесь по нь». Кияне отвечали: «княже! ради, ся имемь». Тогда Всеволод в сопровождении Игоря пришел в Киев и «съзва Киянѣ вси; они же вси цѣловаше к нему крестъ, рекуче: ты намъ князь» (Ипат. 1145 и 1146). Итак, Всеволод мог распорядиться киевским столом лишь при посредстве целого ряда предварительных договоров с князьями и народом. Распоряжаться же столами лишь по собственному усмотрению князья, конечно, не могли.

Со времени завоевания Руси татарами важную роль в распределении столов играют ханы. Князья ездят в Орду и получают от ханов утверждение на свои вотчинные столы. Кн. Ярослав Всеволодович в 1243 г. ездил к Батыю, который встретил его с честью и сказал: «Ярославе! буди ты старѣй всѣмъ княземъ в Русскомъ языцѣ». В 1244 году и другие князья «поѣхаша в Татары к Батыеви про свою отчину; Батый же почтивъ я честью достойною и отпустивъ я, расудивъ имъ, когождо въ свою отчину» (Лавр.). Тот же порядок продолжался и после. Но нельзя сказать, что воля хана сделалась единою силою при замещении столов. Сохраняют свое значение и старые начала. Напр., после смерти Ярослава брат его Святослав «сѣде в Володимери на столѣ отца своего, а сыновци свои посади по городомъ, якоже бѣ имъ отець урядилъ Ярославъ» (Лавр. 1247). На этот раз дело обошлось без всякого вмешательства хана. Но в следующем году Михаил Ярославич Хоробрит «согна съ великого княженiа Владимерскаго дядю своего великого кн. Святослава Всеволодичя и самъ сяде на великомъ княженiи въ Володимери» (П. С. Л., т. X, 137). В том же году Михаил был убит в войне с литовцами, и Святослав снова занял великое княжение; в Орду же он поехал только в 1250 году. Итак захват, старшинство, отчина,

а для Новгорода и призвание, вовсе не устранены со времени татарского завоевания.

Отношения между князьями с того момента, как появилось несколько князей, занимающих особые столы, изображались в исторической литературе весьма различно. Старые историки представляли себе древнюю Русь, разделенную на уделы, объединенной в той мере, насколько удельные князья признавали авторитет великого князя Киевского. Карамзин полагал, что «Ярослав, разделив Россию на княжения, хотел, чтобы старший сын его, называясь великим князем, был главою отечества и меньших братьев, и чтобы удельные князья, оставляя право наследства детям, всегда зависели от киевского, как присяжники и знаменитые слуги его» (т. III, гл. VII). Рейц первый указал на то, что «Ярослав, разделив владения своим сыновьям, основал союзное государство, в коем наследники князей были подчинены верховной власти старшего брата, княжившего в Киеве» («Опыт истории гос. и гражд. зак.», 78). Соловьев свел эти отношения на почву родовых отношений и утверждал, что «старший князь, как отец, имел обязанность блюсти выгоды целого рода, думать и гадать о русской земле, о своей чести и о чести всех родичей, имел право судить и наказывать младших, раздавал волости. Младшие князья обязаны были оказывать старшему глубокое уважение и покорность, иметь его себе отцом в правду, ходит в его послушании, являться к нему по первому зову, выступать в поход, когда велит» (т. II, изд. 5-е, стр. 5).

Все эти мнения не могут быть приняты, так как источники не содержат никаких указаний на подчинение одних князей другому, кроме зависимости князей родных детей от князя-отца (см. разбор мнения Соловьева в «Древн. русск. пр.», т. II, 353—370). К тому же ни один из князей до конца XII в. и не назывался великим. Иногда так титулуют наших князей книжники; но они прилагают к ним и титул царя. Но что такие прозвания не имели реального значения, явствует из того, что великими князьями называли и подручных кн. Олегу князей. Наоборот каждый владетельный князь, как представитель независимой волости, по своему положению юридически равен каждому владетельному князю. Поэтому в междукняжеских отношениях, вместо подчинения всех одному великому или старшему, можно скорее отметить принцип равного достоинства князей, который нашел свое выражение в братстве князей. В повседневных отношениях и в договорах князья именуют друг друга братьями. Но как в одной княжеской семье братья различаются по старшинству, при чем старший из них обыкновенно получал лучший стол, так и вообще между князьями, именуемыми братьями, могли быть старейшие братья или старейшины, просто братья и братья молодшие. Это различие в братстве могло соответствовать естественному различию в старшинстве лет, но могло разойтись с ним, так как и старшинство могло быть услов-

ным или фиктивным. Конечно между самостоятельными и независимыми князьями были более могущественные и слабые; последние фактически постоянно должны были уступать сильным, которые считались и назывались старейшими, а слабые—молодшими братьями без соответствия физическому старшинству. Иногда в виде особого почета один князь называет другого отцом. Юрий Долгорукий старшему своему брату Вячеславу говорит: «ты мнѣ еси яко отецъ» (Ипат. 1151). Отцом называют того же Вячеслава и его племянники Изяслав и Ростислав. Но это почетное отцовство не имеет ничего общего с отцовством естественным, и названный отцом не приобретает никаких прав над своим названным сыном. Юрий вовсе не подчинился требованию Вячеслава уступить ему Киев, хотя счел Вячеслава своим отцом; а Вячеслав, всем обязанный Изяславу, хотя и получил прозвание отца, но сам называет Изяслава так: «а ты же мой сынъ, ты же мой братъ» (там же, 1150).

Но если все владетельные князья равны по их достоинствам, как представители независимых волостей, то не существовало ли каких либо элементов объединения для всех древне-русских княжений? В исторической литературе можно найти утвердительные ответы на этот вопрос. Костомаров доказывал, что самобытные земли стремились к федерации, что Русь начинала облекаться в федеративный строй, но этому помешало татарское завоевание. Элементами объединения послужили: 1) единство происхождения и языка, 2) единство религии и 3) единство княжеского рода. Но это все элементы культурной связи, а не политической. Проф. Вл.-Буданов идет дальше. Он указывает «начала государственного объединения всех русских земель». Эти начала нашли свое выражение в следующем: «На единстве княжеского рода и национальном единстве Русской земли основывается союз князей, постоянно признаваемый в принципе, хотя весьма часто нарушаемый в действительности. Союз состоит из равных друг другу членов, именуемых братьями. Союз основывается не на договорном начале; напротив, иногда частные договоры двух или нескольких князей клонятся к его нарушению... Действия союза простираются как на внешние, так и на внутренние (междукняжеские) отношения... Права и постановления союза осуществляются преимущественно посредством княжеских съездов... Съезд для решения общерусских дел предполагает участие всех князей, но в действительности ни один съезд не имел фактической полноты, что не лишало думы князей ее общерусского значения. Постановления думы были обязательны для прочих не участвовавших в съезде».

Но что же такое союз князей и его орган—княжеские съезды? Действительные это факты или акты идеального сознания? Если союз признавался лишь в принципе и весьма часто нарушался практикой, если съезды предполагают лишь участие всех князей, а действительность не знает ни одного такого съезда, то не сле-

дует ли отсюда заключить, что все это существовало не в действительной жизни, в в сознании современников? Это, может быть, общественные идеалы, факты из истории общественного сознания, а не из истории учреждений. При господстве обычного права наличность учреждения констатируется однообразным повторением одних и тех же действий или явлений, а не принципиальными признаниями или предположениями.

Княжеские съезды, однако, хотя и не в качестве органа союза князей,—бесспорный исторический факт. Князья съезжались для совместного обсуждения и решения интересующих их вопросов. Но интересы князей весьма различны. Поэтому съезжаются гораздо чаще немногие из наличных князей. Съезды с значительным числом участвующих составляют редкое исключение, а съезда всех наличных князей и указать нельзя. На съезде естественно принимают участие заинтересованные. Несочувствующего или даже противника можно было только силою принудить явиться на съезд. А кому нужен такой советник? Святополк и Мономах приглашали Олега черниговского: «поиди Кыеву, да порядъ положимъ о Русьстѣй земли предъ епископы, и предъ игумены, и предъ мужи отецъ нашихъ, и предъ людми градьскыми, да быхомъ оборонили Русьскую землю отъ поганыхъ». Под влиянием каких-то наветов Олег отнесся к этому зову с большим недоверием: он решил, что его заманивают для расправы с ним, и отвечал: «нѣсть мене лѣпо судити епископу, ли игуменомъ, ли смердомъ». Говорят, что Олег был наказан союзною экзекуциею князей за то, что неисполнение постановления съезда или отказ от участия в нем без причины влекли наказания для виновных. Но Святополк и Мономах пошли войной на Олега по следующему точно указанному ими поводу: «да се ты ни на поганыя идеши, ни на совѣтъ к нама, то ты мысліши на наю и поганымъ помагати хочеши» (Лавр. 1096). Заподозрили в Олеге союзника поганых и потому объявили ему войну. При Мономахе княжеские съезды созывались сравнительно чаще, так как этот князь сумел сплотить княжеские интересы. На Любечском съезде шестеро князей не только распределили между собой княжения по отчинам, но заключили еще следующий договор: «да аще кто отселѣ на кого будеть, то на того будемъ вси и кресть честный». Но единение князей продержалось не долго: в том же году совершилось ослепление Василька по инициативе кн. Давида Игоревича и при содействии Святополка. Узнав об этом, Мономах приглашает черниговских князей исправить зло, и все вместе шлют к Святополку с требованием: «что се зло створилъ еси в Русьстѣй земли, и вверглъ еси ножь в ны? чему еси ослепилъ братъ свой? аще ти бы вина кая была на нь, обличилъ бы и предъ нами; а нынѣ яви вину его». Святополк оправдывался тем, что ему была нужда «своее головы блюсти», и что вся вина лежит на Давиде (Лавр. 1097). Последний, правда, был наказан, но только в силу принятого князьями обязательства на Любечском съезде. А со

смертью Мономаха рознь между князьями умножилась, и общие действия князей, по предварительному соглашению на съездах, сделались еще более редкими. Таков был съезд в Киеве 1170 г., когда был предпринят общий поход на половцев. Но на-ряду с этим можно отметить и ряд неудавшихся съездов. Кн. Святослав Всеволодович, «сгадавъ со сватомъ своимъ Рюрикомъ», пошли на половцев и остановились у Олжич в ожидании Ярослава черниговского; но Ярослав, встретив их, сказал: «нынѣ, брать,, не ходите, но срекше веремя, оже дасть Богъ, на лѣто пойдемь». Князья послушали Ярослава и возвратились (Ипат. 1183.) Те же Святослав и Рюрик предприняли общий поход на Галич, но во время похода заспорили о разделе Галича, «и тако не урядившеся и возвратишася во свояси» (там же, 1189). При таких условиях как можно считать княжеские съезды органом объединения всех князей? Наоборот надо признать, что в древней Руси не существовало никаких элементов политического объединения между обособленными княжениями и отдельными князьями, кроме междукняжеских соглашений.

Литература. В. Сергеевич. Вече и князь, 98—327; Древн. русск. пр., II, 150—370; ср. Ф. В. Тарановский. Отзыв о соч. В. И. Сергеевича Древности русского права, 1911, стр. 68—86; Вл.-Буданов. Обзор, 37—45 и 69—76; Соловьев. Об отношении Новгорода к великим князьям, 1846; История отношений между князьями Рюрикова дома, 1847; Ив. Лашнюков. О междукняжеских и общественных отношениях в древнейшем периоде нашей истории; см. речи, произнесенные в торжественном собр. Лицея кн. Безбородко, Киев, 1856; Костомаров. Мысли о федеративном начале древней Руси. Ист. мон., I, 1863 и 1872 гг.

Княжеская дума.

Среди известий о событиях X—XIII вв. памятники нередко упоминают о совещаниях князей с их дружинами. В Р. Правде, напр., читаем, что Владимир Мономах «по Святополцѣ созва дружину свою на Берестовѣмь: Ратибора, киевьско тысячьского, Прокопью, бѣлогородьского тысячьского, Станислава, переяславьского тысячьского, Нажира, Мирослава, Іванка Чюдиновича, Олгова мужа, и оуставили до третьяго рѣза» (Тр., 48; Кар., 66). О Долобьском съезде сказано в летописи: «Богъ вложи в сердце княземъ рускымъ Святополку и Володимиру, и снястася думати на Долобьскѣ; и сѣде Святополкъ с своею дружиною, а Володимеръ с своею въ единомь шатрѣ. И почаша думати» (Лавр., 1103). Святослав Всеволодович черниговский, нарушив крестное целование к Ростиславичам нападением на Давида, «съзва всѣ сыны своя и моложьшюю братью... и дружину свою, и поча думати» (Ипат. 1180).

Какую же княжескую дружину здесь разумеют памятники: старшую или младшую? Очень часто те же памятники упоминают о думе князя с старейшею дружиною, передними или лепшими мужами, с боярами. Когда Святослав Ольгович узнал об убиении

брата Игоря, то «съзва дружину свою старѣйшюю и яви имъ» (Ипат. 1147). О смерти Святослава Ольговича немедленно извещают сына его Олега; «се же створи княгини, сгадавши съ пискупомъ и с мужи князя своего с передними» (там же, 1164). Юрий Долгорукий хотел передать Киев Вячеславу, но «бояре же размолвиша Дюргя, рекуче: брату твоему не удержати Киева; да не будеть его ни тобѣ, ни оному. Дюргеви же послушавшю бояръ» (там же, 1150). Но можно отметить хотя и редкие указания летописи на совещание князей не с одною старшею, а со всею дружиною. Во время борьбы Изяслава и Ростислава с Юрием и его союзниками отмечен такой эпизод: «И то услышавша Изяславъ и Ростиславъ... и начаста думати с мужи своими и с дружиною и с черными клобукы» (Ипат., 1147). Позднее о тех же князьях сказано: «съзваша бояры свое и всю дружину свою, и нача думати с ними» (там же, 1149). Простое сопоставление числа случаев совещаний с старшею дружиною и со всею дружиною указывает, как надлежит понимать те места летописи, где речь идет о совещании с дружиною, без указания с какою именно: тут надо понимать совещания с старшею дружиною. Эта догадка подтверждается самими памятниками: Р. Правда глухо говорит сначала, что Мономах созвал свою дружину, а далее указывает, что в состав совещания вошли тысяцкие и мужи княжие. Когда Изяслав Мстиславич получил известие об убийстве Игоря, то «рече своей дружинѣ», что будут подозревать его в этом убийстве. В ответ на слова князя «рѣша ему мужи его» (Ипат. 1147). Дружина и здесь оказалась состоящей из княжих мужей.

Указанное выше различие между старшей и младшей дружиной дает возможность установить, кто были обычные советники князя: это княжие мужи или бояре. Такое значение бояр, как советников князя, отмечено и в памятниках. После половецкого поражения северский кн. Игорь воскликнул: «гдѣ б о я р е д у м а ю щ е и, гдѣ мужи храборьствующеи, гдѣ рядъ полъчный» (Ипат. 1185). В отличие от павших воинов—мужей, бояре назывались думающими или думцами.

Но участие в княжеском совете было ли исключительным правом бояр, или князь мог совещаться с кем либо помимо бояр? Летопись указывает и такие факты. Про Всеволода Ярославича сказано, что под старость он «нача любиті смыслъ уныхъ, и свѣтъ творяше с ними; си же начаша і заводити и негодовати дружины своея первыя» (Ипат. 1093). Святополк захватил половецких послов, явившихся с мирными предложениями, «не здумавъ с болшею дружиною отнею и стрыя своего, совѣтъ створи с пришедшими с нимъ» (Лавр. 1093). Святослав Всеволодович черниговский решается напасть на Давида Ростиславича, «сдумавъ с княгинею своею и с Кочкаремъ, милостьникомъ своимъ, и не повидѣ сего мужемь своимъ лѣпшимъ думы своея» (Ипат. 1180). Но такое устранение обычных советников от участия

в княжеском совете сопровождается большею частию неблагоприятными последствиями для самого князя и для управляемой им страны. Совещания Всеволода с юными советниками повлекли за собой то, что «людемь не хотѣти княжѣе правдѣ, і начаша тивунѣ его грабити, людии продаяти, сему невѣдущю у болѣзнѣхь своихъ». «Мужи смыслении» едва убедили Святополка не выступать одному против половцев, а просить помощи у Мономаха. Святослав черниговский ничего не успел в борьбе с Ростиславичами, а только навлек на себя укор в нарушении крестного целования. Из самого рассказа об этих событиях видно, что современник отмечает устранение обычных советников, как нарушение обычного правила. По другому случаю летописец восклицает: «Лютѣ бо граду тому, в немь же князь унъ, любяй вино пити съ гусльми и съ младыми свѣтнікы» (Лавр. 1015). Восстание галицких бояр против своего кн. Владимира летописец объясняет тем, что князь «бѣ любезнивъ питию многому, и думы не любяшеть с мужми своими» (Ипат. 1188). Итак, устранение бояр из состава совета было явлением исключительным, не нормальным.

Но в X в. на княжеских советах, кроме бояр, участвуют еще «старцы градскіе» или «старѣйшины по всѣмъ градомъ». Возвратившись с похода на ятвягов, Владимир с народом решил принести жертвы богам; «и рѣша старци и боляре: мечемъ жребий на отрока и дѣвицю». Для решения вопроса о новой вере Владимир «созва боляры своя и старци градьскиѣ», которые посоветовали послать для испытания мужей. Когда посланные вернулись, князь опять «созва боляры своя и старца» и предложил посланным: «скажите пред дружиною». Тот же князь на пиры «съзываше боляры своя, и посадники, старѣйшины по всѣмъ градомъ» (Лавр. 983, 987 и 996). Одни полагают, что эти старцы были земские бояре в отличие от княжеских, и что в XI в. они не упоминаются более потому, что княжеские и земские бояре слились между собою (?) (Вл.-Буданов). Другие думают, что старцы «это образовавшаяся из купечества военно-правительственная старшина торгового города. Но в XI в. городовая старшина, т.-е. те высшие чиновники, тысяцкий с сотскими, которые сидели в думе кн. Владимира, теперь назначались князем из его дружины и не были уже представителями городских миров» (Ключевский).

Помимо обычного состава думы в нее входят по временам с конца X в. и духовные власти, епископы и игумены. Представители духовенства пользуются бесспорно большим влиянием при княжеских правительствах. Но они действуют гораздо чаще не как члены княжеской думы, а помимо ее; иначе летопись упоминала бы об актах думания не только с дружинами и называла бы думающими и думцами не одних только бояр.

Итак, обычными и постоянными советниками князей были бояре. Но нельзя думать, что в каждом совещании принимали

участие все состоящие при князе его мужи. Одни из них могли занимать должности посадников, быть в посольствах, пребывать, наконец, в своих селах; а если совещания происходили во время похода, то иные из старших дружинников могли быть оставлены в стольном городе. Немногие указания памятников о числе советников по тому или иному делу перечисляют то 5, то 6, то 7 княжих мужей. Надо думать, что в совещаниях обыкновенно принимали участие все наличные думцы князя.

Думы князя с дружиною составляли повседневное явление политической жизни древней Руси. В обычном порядке вещей князь ничего не предпринимал, «не повѣдавъ мужемъ лѣпшимъ думы своея», «не сгадавъ съ мужьми своими». О Владимире св. сказано, что он «бѣ бо любя дружину, и с ними думая о строи земленѣмъ, и о ратехъ, и о уставѣ земленѣмъ». Мономах в поучении детям советует им вставать до восхода солнца и, помолясь богу, «сѣдше думати с дружиною, или люди оправливати, или на ловъ ѣхати» (Лавр. 996 и 1096). В житии Феодосия Печерского рассказано, что он, возвращаясь рано утром из загородного дворца князя, встречал по дороге бояр, отправлявшихся к князю на совет.

Но если совещания с боярами столь обычны и постоянны, то естественно, что политическое положение князя в значительной мере определяется составом его советников, их качеством. Поэтому в «Слове Даниила Заточника» сказано: «князь не самъ впадаетъ во многія въ вещи злыа, но думцы вводятъ. Съ добрымъ бо думцею князь высока стола додумается, а съ лихимъ думцею думаетъ и малаго стола лишенъ будетъ» (Пам. Древн. пис., LXXXI, 1889, стр. 21—23).

Порядок совещаний князя с его думцами характеризуется теми же чертами, как и совещания на вечах. В качестве вольных сотрудников князя, его думцы держали себя на совещаниях вполне свободно и могли спорить с князем. После поражения киевского ополчения половцами, когда Изяслав Ярославич с дружиною и ополчение прибежали в Киев, то «людіе сотвориша вѣче на торговищи», а в то же время «Изяславу же сѣдящю на сѣнехъ с дружиною своею, начаша прѣтися со княземъ» (Лавр. 1068). Разногласия могли, конечно, произойти и в среде думцев. В один из моментов борьбы с Юрием Изяслав с братом Ростиславом и с Ярополком совещались с дружиною, «хотя поѣхати к Гюрьги на ону сторону за Трубежь». Но тут произошло разногласие: «мужи же ему едини молвяху: княже! не ѣзди по немъ... друзии же понуживахуть его, рекуче: поѣди, княже, не упустимъ его прочь. Изяславъ же то слышавъ отъ обоихъ, изълюби поѣхати» (Ипат. 1149). Смысл прений заключался в том, чтобы отразить доводы противной стороны, поставить ее в невозможность возражать. На Долобьском съезде возникли разногласия у Мономаха с дружиной Святополка. Но Мономах привел такие доводы, что «не могаша противу ему отвѣ-

щати дружина Святополча» (Ипат. 1103). В случаях столкновения мнений у князя с его дружиной одержать верх могла та или другая сторона. Памятники отмечают тот и другой исход таких столкновений. Мономах и «дружина Ратиборова чадь начаша думати о погубленѣ Итларевы чади (половецкого посла). Володимеру же не хотящу сего створити». Каждая из сторон привела свои доводы, и в результате «послуша ихъ Володимеръ» (Ипат. 1095). Вячеслав, Изяслав и Ростислав, возвратясь в Киев под напором войска Юрия, созвали братию «и почаша думати. Изяславъ же с братомъ своимъ Ростиславомъ всегда хотяшеть противу имъ бится; дружина же Вячеславля и Изяславля и Ростиславля, и всихъ князий, устягывахуть отъ того, и кияне, наипаче же чернии клобуци отъ того устягоша». После обмена мнениями князья «послушавше дружины своея и киянъ и черныхъ клобуковъ» (там же, 1151). В обоих случаях князья подчинялись мнениям своих дружин. Но известны противоположные случаи. В походе против черниговских князей Ростислав получил весть о смерти в Киеве дяди своего Вячеслава и «нача думати (с союзными князьями) и с мужи своими, хотя поити Чернигову. Мужи же боряняхуть ему, рекучи». Они советовали ему прежде вернуться в Киев, заключить новый ряд с киянами и тем предотвратить опасность внезапного нападения Юрия. «Ростиславъ же всего того не послуша, но пойде на Изяслава на Давыдовича к Чернигову» (Ипат. 1154). Под 1149 г. рассказано об Андрее Юрьевиче, что его «дружина, приѣздяче к нему, жаловахуть: что твориши, княже? и поеди, княже, прочь; аже ли добудемъ сорома? Андрей же не послуша ихъ, но възложи надежю на Богъ, пережда до свѣта» (там же).

Когда одна из сторон упорно настаивает на проведении своего взгляда, другой стороне остается троякий исход: или согласиться с доводами по существу, или подчиниться мнению для устранения разрыва, или, наконец, с таким же упорством настаивать на своем мнении. В последнем случае, без взаимных уступок с обеих сторон, был неизбежен полный конфликт между сторонами. При свободе отношений, или князь мог отпустить своих думцев, или думцы могли покинуть своего князя. Памятники, однако, не указывают случаев разрыва отношений из-за различия в мнениях. Но можно предположить, что «в случае столкновения мнений обе стороны соображали, стоит ли дело того, чтобы из-за него разрывать взаимные связи и расходиться. Так разногласие разрешалось не обязанностью мнений одной стороны для другой, а возможностью навязать свое мнение противной стороне» (Ключевский).

Высокое положение княжеских думцев, с одной стороны, повседневное участие их в обсуждении и решении текущих вопросов всей политической жизни земли—с другой, указывают на то, что компетенция княжеской думы определяется тем кругом дел, о которых князю необходимо посоветоваться с ближайшими своими

сотрудниками. Компетенция думы сливается таким образом с компетенцией князя: какого-либо самостоятельного ведомства, отдельного от ведомства князя, у княжеской думы и не было. И в памятниках можно действительно найти подтверждение тому, что любой вопрос внешней и внутренней политики той эпохи мог стать предметом обсуждения князей с их думцами.

Практика совещаний князей с их дружинами служит единственным материалом для решения основного вопроса о политическом значении княжеской думы. В исторической литературе по этому вопросу существует значительное разногласие. Одни исследователи считают думу органом управления с чисто совещательным значением, так как князья призывали на совещания кого хотели, и только тогда, когда хотели. Эта точка зрения впервые была выставлена проф. Сергеевичем. Из числа его последователей одни всецело примкнули к его мнению, другие—с некоторыми уклонениями. Позднее проф. Сергеевич не счел возможным говорить о думе, как и об органе управления; он не считает думу и учреждением: дума князей с мужами «это только акт думания, действие советывания князя с людьми, которым он доверяет». Князья имели советников, а не совет. Но советников избирает сам князь и, вследствие этого, состав их определяется его доброю волею; воля же князя определяется его пониманием окружающего, которое определяется вкусами князя, его привычками, способностями и пр. Проф. Сергеевич пошел далее: на вопрос—был ли князь обязан иметь советников—он категорически отвечает: «конечно, нет». Но он не указал и не мог указать ни одного князя, у которого не было бы советников. На это проф. Сергеевич мог, конечно, заметить, что князья имели советников в силу их доброй воли, а не по обязанности. За отсутствием, однако, писаных уставов о княжеских правах и обязанностях, последние выясняются единственно из господствующей практики. А эту практику прекрасно подметил и формулировал сам проф. Сергеевич. «Княжие мужи и бояре,—говорит он,—составляют высший класс служилых людей, переднюю дружину князя. Эти лучшие служилые люди и суть обыкновенные думцы князя. Понятно почему. Давать советы могут только опытные в делах люди, а такими и были «старшие» или «передние мужи». Согласно этому нормальному порядку вещей сложилось и общественное мнение относительно того, кто должен быть советником князя. Это должны быть пожилые, опытные люди, старые и верные слуги князя». И далее: «пока служба была вольная, и князь не мог приказывать своим вольным слугам, думцы князя могли в значительной степени ограничивать его усмотрение. Князю надо было убеждать думцев в целесообразности своих намерений. Общее действие возможно было только тогда, когда думцы соглашались с князем. В противном случае князю приходилось отказываться от задуманного им действия». «Но эта зависимость князя от думцев была не безусловная. Князь мог действовать и помимо воли своих вольных слуг. Он мог дей-

ствовать и без всякой думы. Но такой способ действия всегда представлял для него серьезные опасности. Служилые люди, мнением которых князь не дорожил, оставляли его и переходили к другому, у которого надеялись найти большее к себе внимание. Необходимым следствием такого ухода являлась слабость князя и упадок его власти».

Иным путем подошел к решению того же вопроса проф. Ключевский. Он признает, что «князю принадлежит выбор советников; он мог изменять состав своего совета, но не считал возможным остаться совсем без советников, мог разойтись с лицами, но не мог обойтись без учреждения». Княжеская дума «была учреждением постоянным, действовавшим ежедневно». Но каков ее политический авторитет? «Имела ли она обязательный для князя и решающий голос или была только совещательным собранием, к которому князь обращался за справкой, когда хотел, оставляя за собой решающее слово? Думаем, что не может быть и речи ни о совещательном ни об обязательном голосе». Проф. Ключевский предполагает, что в договор князя с дружинниками едва ли могло входить условие о совещании или о «сидѣньи въ думѣ о дѣлахъ». «Но если обычай совещаться с боярами не мог считаться правом последних, то нарушение его создавало важные неудобства для обеих сторон... Совещание с боярами было не политическим правом бояр или обязанностью князя, а практическим удобством для обеих сторон... Из совокупности условий вытекала для князя и практическая необходимость совещаться с боярами и возможность не принять их мнение в ином случае. Смешивать политическую обязательность с практической необходимостью значит рисковать утратить самое понятие о праве... Обязательность—понятие из области права, а необходимость—простой факт». Необходимо, однако, иметь в виду, что в сфере обычного права факт и право не только не могут быть противополагаемы, но нередко не могут быть и разграничены: право рождается из фактов, в фактах, т.-е. в практике, выражается и практикой поддерживается. Явления, порождаемые практической необходимостью, служат самой благоприятной почвой для создания господствующей практики, т.-е. для зарождения и укрепления обычного правила.

Проф. Загоскин хотя и считает княжескую думу лишь совещательным учреждением и состав ее «чисто случайным», но признал, что «дружинники смотрят на совещания, на думу с ними князей, как на свое неотъемлемое право», и что князь считал себя обязанным в силу самого порядка вещей обо всем думать с своими дружинниками... фактическая необходимость думы с ними сводилась для него почти к юридической обязанности. Но если принять этот вывод во второй его части, то остается непонятным, как примирить его с первою частью вывода.

Научной заслугой проф. Вл.-Буданова является окончательное выяснение политического значения княжеской думы: он признал ее

необходимым элементом в составе государственной власти каждой земли. Этот третий элемент в составе государственной власти является элементом аристократическим, так как думцами князя были лучшие люди земли—княжие мужи и бояре. Господствующая практика указывает, что князья обязаны были совещаться с своими боярами. Уклонения от выполнения этого обычного правила влекли для князей весьма печальные результаты. На некоторые из них указано было выше. Но памятники содержат и более яркие подтверждения этого наблюдения. Дорогобужский князь Владимир Мстиславич состоя в крестном целовании с киевским князем Мстиславом Изяславичем, задумал напасть на него и о своей думе объявил своим боярам. Но дружина отвечала князю: «о собѣ еси, княже, замыслилъ; а не ѣдемъ по тобѣ мы того не вѣдали». Старшие дружинники отказали своему князю в содействии на том основании, что он все дело затеял без всякого с их стороны участия и без их ведома. Князь, однако, возмнил, что он может обойтись и без своих бояр, и ответил на их заявление, указав на детских: «а се будуть мои бояре». Но превратить младших дружинников в старших княжеским словом было невозможно. Хотя князь и отправился в поход на соединение с своими союзниками Берендичами, но скоро убедился, что без поддержки настоящих бояр военный поход не возможен. Берендичи, увидев одного князя, встретили его словами: «ты намъ тако молвяше, братья вси со мною суть; а кое есть Андрѣевичь Володимиръ, и Ярославъ, и Давыдъ? но се ѣздиши одинъ и без мужий своихъ, а насъ перельстивъ... и начаша въ нь пущати стрѣлы, и удариша князя двѣма стрѣлама». Для Берендичей было достаточно отсутствия при князе его мужей для того, чтобы счесть его льстецом и превратиться из союзников в врагов. Тут только князь должен был признать: «язъ уже погинулъ и душею и жизнью» (Ипат. 1169). Решимость князя обойтись без содействия своих бояр привела его к окончательной гибели.

Обязательность для князя совещаться с своими боярами наглядно выражена в словах дружинников киевского князя Мстислава Изяславича. Этот князь отпустил от себя двух дружинников за то, что холопы их украли княжеских коней. Отпущенные, по злобе на князя, оговорили его князьям Давиду и Рюрику, будто Мстислав хочет их захватить. Когда Мстислав узнал о таком подозрении на него, то ужаснулся мыслью «и яви дружинѣ своей... И рѣша ему дружина его: княже! не лапь (необдуманно) ти велита брата крестъ цѣловати: цѣ да будуть злии человѣци, завидяче твоей любви, юже къ братьѣ имѣеши, вложили будуть зло слово?.. а ты всякъ правъ предъ Богомъ и прѣдъ человѣкы; тобѣ без насъ того нѣлзѣ было замыслити, ни створити, а мы вси вѣдаемъ твою истиньную любовь къ всѣй братьѣ» (Ипат. 1170). Итак, сами дружинники хорошо сознают, что князь без их содействия не может не только ничего совершить, но даже ничего серьезного и задумать. А если бы какой князь от-

важился поступать вопреки этому правилу, то его ожидала судьба дорогобужского князя: «слабость князя и упадок его власти». Но кто же враг самому себе? Политические интересы каждого князя создают для него практическую необходимость обращаться за советом и содействием к своим боярам. А интересы политики, изо дня в день повторяющиеся, порождают все государственные порядки и не могут не найти отражения и в государственном строе.

Литература. В. Сергеевич. Вече и князь, 359—362, Древн. русск. пр., II, 381 — 384; Вл.-Буданов. Новые исследования о Боярской Думе. Сборн. государ. знаний, т. VIII, 104 — 121; Обзор, 45 — 52; Н. Загоскин. Очерки организации и происхождения служилого сословия в до-петровской Руси, 28—44; История права московского государства, т. II, 1—21; В. Ключевский. Боярская дума древней Руси, изд. 3-е, гл. I и II; И. Малиновский. Рада Вел. Кн. Литовского в связи с боярской думой древней России, ч. I. Боярская дума древней России, Томск, 1903; Г. Тельберг. Несколько замечаний о междукняжеских сеймах в древней Руси. Ж. М. Н. Пр., 1905, № 6.

III.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ.

Под управлением разумеется деятельность органов государственных, направленная к достижению государственных целей. Последние же могут быть весьма разнообразны в зависимости от условий, в каких находится то или иное государство. Степень развития страны прежде всего отражается на количестве и сложности целей, сознанных государственною властью. В соответствии с количеством и разнообразием государственных целей стоит и большая или меньшая сложность системы управления. В общем можно лишь отметить, что от силы государственной власти зависит и степень сложности управления: чем сильнее власть, тем сложнее управление, и обратно.

В древней Руси государственная власть отдельных земель вовсе не отличалась крепостью и силой, так как составные элементы власти были очень слабо и лишь временно сплочены между собой. При таких условиях задачи управления ограничиваются обеспечением лишь самых основных условий общежития и сводятся к возможному ограждению внешней и внутренней безопасности. Поэтому защита земли от внешних врагов и отправление правосудия являются почти единственными целями управления. К ним необходимо лишь прибавить еще заботы о создании какихлибо средств для покрытия необходимых расходов. Итак, суд, войско и финансы—таковы единственные отрасли управления в древней Руси.

Простота и несложность управления отразились и на том, что в организации управления нельзя подметить никакой системы, никакого распределения правительственных задач между органами управления. Нет различия между центральными и местными органами, судебными и административными. Нередко правительственный орган являлся одновременно центральным и местным, судил, предводительствовал войском и собирал дань.

Помимо того, характерным признаком древнего управления было смешение интересов и целей частных с общественными и государственными. Это отразилось и на безразличии права частного и публичного. Каждый свободный считал себя вправе

осуществлять все цели, входившие в сферу его интересов, хотя бы они затрагивали и интересы общественные, собственными средствами. Отсюда широкое развитие самоуправства в сфере судебного управления. Отсюда же и то явление, что одни и те же органы ведают частное княжеское хозяйство и в то же время выполняют какие-либо государственные функции.

Самым главным правительственным органом был сам князь. Лучшей программой княжеской деятельности является «Поучение» детям Владимира Мономаха. Оно наглядно подтверждает, до какой степени в голове князя задачи государственного управления сплетаются с заботами о домашнем хозяйстве. Князь начинает свои наставления с указания о поддержании домашнего порядка: «В дому своемь не лѣнитеся, но все видите; не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящии к вамъ и дому вашему, ни обѣду вашему». Но сейчас же речь переходит на тему о поведении князя во время войны: «На войну вышедъ, не лѣнитеся, не зрите на воеводы; ни питью, ни ѣденью не лагодите (не потворствуйте), ни спанью; и сторожѣ сами наряживайте, и ночь, отвсюду нарядивше, около вой тоже лязите, а рано встанѣте; а оружья не снимайте с себе». Далее идут правила о наблюдении за отроками, о гостеприимстве, об отношении к жене и пр. Затем идет подробное распределение дня по часам: «да не застанеть васъ солнце на постели... заутренюю отдавше Богови хвалу, и потомъ солнцю въсходящю, и узрѣвше солнце, и прославити Бога с радостью... и сѣдше думати с дружиною, или люди оправливати, или на ловъ ѣхати, или поѣздити, или лечи спати: спанье есть отъ Бога присужено полудне». Свой рассказ о своих деяниях за 13 лет князь заключает такими словами: «Еже было творити отроку моему, то самъ есмь створилъ, дѣла на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая собѣ упокоя; на посадникы не зря, нi на биричи, самъ творилъ, что было надобѣ, весь нарядъ и в дому своемь то я творилъ есмь; i в ловчихъ ловчий нарядъ самъ есмь держалъ, и в конюсѣхъ, и о соколѣхъ и о ястребѣхъ; тоже и худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не далъ есмъ сильнымъ обидѣти, и церковнаго наряда и службы самъ есмъ призиралъ (Лавр. 1096). Тут все налицо: нравственные и религиозные обязанности, правила домашнего и семейного обихода, задачи правителя и охотничьи наряды, и все в пестрой смеси, одно после другого.

Личное участие князя во всех отраслях древнего управления не может подлежать ни малейшему сомнению. Князь лучший судья и лучший правитель. По преданию, для суда и володенья князья и были призваны. Что князь сам судит, это видно прежде всего из Р. Правды. Там сказано, что Изяслав Ярославич судил дорогобужцев за убийство своего старого конюха (Ак., 21). Задержанного до света татя нельзя было убить, а надо было отвести на княжь двор, конечно, для суда (Ак., 38). Закуп имел право приносить жалобу князю или судьям на своего господина (Тр., 52;

Кар., 70). Там же предусмотрен и такой случай: «Аже братья ростяжються передъ княземь о задницю» (Тр., 100; Кар.,117). Из только что приведенных слов «Поучения» Мономаха видно, что князь ежедневно обязан был «люди оправливати». Киевляне, признав своим князем Игоря Ольговича, потребовали от него: «аще кому насъ будеть обида, то ты прави» (Ипат. 1146). О Всеволоде Юрьевиче современник заметил, что он «судя судъ истиненъ и нелицемѣренъ, не обинуяся лица силныхъ своихъ бояръ, обидящихъ меншихъ и роботящихъ сироты и насилье творящимъ» (Лавр. 1212).

Князь сам предводительствует войском. Это его прямая обязанность, как защитника земли от внешних врагов. Он лично принимает участие и в сражениях, подавая примеры отваги своей дружине. В предпринятом Ольгою походе против древлян, маленький сын ее Святослав ехал во главе войска и, когда полки сблизились, «суну копьемъ Святославъ на деревляны, и копье летѣ сквозѣ уши коневи, и удари в ноги коневи, бѣ бо дѣтескъ. И рече Свѣнелдъ и Асмолдъ: князь уже почалъ; потягнѣте, дружина, по князѣ» (Лавр., 946). Наоборот, если князь не принимает участия в бою или не проявляет достаточной энергии, то дело не спорится. Воины Изяслава в борьбе с его дядей Юрием не отстояли брода на Днепре. Летописец объяснил эту неудачу таким образом: «да тѣмъ нетвердъ ему бѣ бродъ, зане не бяшеть ту князя, а боярина не вси слушають» (Ипат. 1151). При осаде Чернигова Юрием Долгоруким с союзными князьями и половцами осада шла очень вяло. Князья объяснили это тем, что «не крѣпко бьются дружина и половци, оже с ними не ѣздимы сами». Тогда кн. Андрей сказал: «тако створимъ, ать язъ почну день свой, поемъ дружину свою и ѣха подъ городъ; тогда же перевновавъше ему инии князи, ездиша послѣди подъ городъ» (Ипат. 1152).

Наконец князь сам собирал дань с населения. Например про Олега сказано, что он послал к радимичам с вопросом: «кому дань даете? Они же рѣша: козаромъ. И рече имъ Олёгъ: не дайте козаромъ, но мнѣ дайте, и въдаша Ольгові по щьлягу» (Лавр. 885). Дружина приглашает князя Игоря: «поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы. И послуша ихъ Игорь, иде в Дерева в дань» (там же, 945). О князе Всеволоде Юрьевиче два раза замечено: «сущю великому князю Ростовѣ в полюдьи», или «в Переяславли въ полюдьи». Юрий Долгорукий в момент рождения своего сына Всеволода «бѣ бо тогда на рѣцѣ на Яхромѣ въ полюдьи» (Лавр. 1190; Карамзин, III, прим. 81).

Однако и при крайней простоте управления князь лично не мог удовлетворить все потребности управления и суда в целом княжестве. Сам князь жил в стольном городе и хотя объезжал свою территорию для производства суда и сбора доходов, но все же должен был иметь помощников по другим более важным пунктам поселений земли. Даже и в стольном городе князь не мог обойтись без помощников, так как сам часто находился в отсут-

ствии. При князе ближайшими помощниками в суде и хозяйстве были тиуны. Холопы по положению, тиуны, конечно, покорнейшие слуги князя и потому должны выполнять порученное им дело так же, как бы сам князь. Но покорнейший слуга по неволе очень редко бывает преданным своему господину. Тиуны не составляли исключения из этого правила и часто не оказывались на высоте положения в роли судей. Под старость Всеволода Ярославича «начаша тивунѣ его грабити, людии продаяти (т.-е. чинити людям тяготы продажами или судебными штрафами), сему невѣдущю у болѣзнѣхъ своих» (Ипат. 1093). Такие злоупотребления в суде со стороны тиунов имели весьма прискорбное следствие: «людемь не хотѣти княжѣе правдѣ» (в Лавр. сказано: «людемъ не доходити княже правды»). Это значит, что народ избегал княжеского суда, а при таких условиях правосудию в стране грозила гибель. Киевляне жаловались Игорю Ольговичу и его брату Святославу на тиунов кн. Всеволода: «Ратша ны погуби Киевъ, а Тудоръ Вышегородъ», и потребовали от князя: «аще кому насъ будеть обида, то ты прави». Князь дал присягу в том, что впредь не будет им никакого насилья, и тиун будет по их указанию (Ипат. 1146). Худая слава судных тиунов, как неправедных судей, нашла отзвук в любопытном литературном памятнике XIII в.: «Семена епископа тверского наказаніе». Здесь рассказано, что полоцкий кн. Константин спросил у себя на пиру попа Семена, где будет на том свете тиун? Поп отвечал: где и князь. Удивленный князь переспросил: «тиун неправду судит, а я что делаю?» Поп ему разъяснил, что добрый князь избирает и тиуна доброго; тогда оба попадут в рай. А злой князь поставляет и злого тиуна «толико того дѣля, абы князю товара добывалъ, напустилъ его, аки гладна пса на стерво, люди губити», то князь и тиун будут в аду (Памятн. старин. русск. литер., IV, 185).

Кроме судебных обязанностей тиунам поручается выполнение и других функций. Р. Правда в числе княжих тиунов упоминает о тиуне огнищном и конюшем (Кар., 1 и 10). Конюшие тиуны ведают княжеские конюшни и конские табуны. Это вовсе не исключительная область частного княжеского хозяйства, так как княжеские кони служили для потребностей войны. Еще Владимиру св. епископы и старцы советовали снова ввести виры вместо смертной казни ввиду военных потребностей; они говорили: «оже вира, то на оружьи и на конихъ буди», т.-е. что денежные штрафы пойдут на приобретение оружия и коней для военных походов. Разбитые половцами киевляне требуют от князя Изяслава: «се половци росулися по земли; дай, княже, оружье и кони, и еще бьемся с ними» (Лавр., 996 и 1068). Как велики были княжеские табуны, видно из того, что Изяслав Мстиславич с союзниками «заграбиша Игорева и Святославля стада, въ лѣсѣ, по Рахни, кобылъ стадныхъ 3000, а конь 1000» (Ипат. 1146). Отсюда явствует, какие государственные функции исполняли конюшие тиуны.

Огнищный тиун заведывал княжеским огнищем, т.-е. домом

или двором. Это, надо думать, то же, что тиун дворский. Р. Правда знает тиунов дворских у бояр (Кар., 77), а летопись упоминает у кн. Мстислава Изяславича «Олексу дворьского» (Ипат. 1171). В качестве лиц, заведующих княжеским хозяйством, тиуны имели важное значение в сфере финансовой администрации. Они, напр., назначались на волока для поддержания порядка при перевозке товаров из одной реки на другую. По договору Смоленска с немцами установлено: «Аже тиоунъ услышить, латинескыи гость пришелъ, послати ему люди с колы пьревѣсти товаръ, а не удѣржати ему; аже удѣржить, оу томь ся можете учинити пагоуба» (ст. 23). В пользу тиуна с гостя полагались за это «роукавицѣ пьрстаты готьские». Из обязанностей огнищного или дворского тиуна выросла должность московского дворецкого, как из обязанностей конюшего тиуна должность боярина конюшего. Важное государственное значение княжих тиунов явствует уже из того, что за убийство их (кроме сельского тиуна), как и за убийство княжих мужей, назначена двойная вира в 80 гривен (Кар., 1).

Кроме тиунов, отдельными отраслями княжеского хозяйства ведали ключники. Ключник тоже холоп и носит на себе привязанный ключ, как эмблему хозяйства. Думают, что ключники были подчинены тиунам. Но этого нельзя подтвердить документально. Наоборот между ключником и тиуном чрезвычайно трудно провести какую-либо разницу. Р. Правда, напр., рядом с термином «тиун» не знает термина «ключник»; лишь в числе источников холопства она упоминает «тиуньство безъ ряда или ключь къ себѣ привяжеть» (Кар., 121). Так же и по летописи ключника от тиуна невозможно отличить. Ростислав после смерти Вячеслава пригнал в Киев на Ярославль двор и «съзва мужа отца своего Вячеславли и тивуны и ключникы, каза нести имѣнье отца своего передъ ся, и порты, и золото, и серебро». (Ипат. 1154). Тиуны и ключники вместе хранят движимое имущество и казну князя, и нет возможности различить их функции и положение. Одним из главных зачинщиков убиения Андрея Боголюбского был «Амбалъ ключникъ, Ясинъ родомъ, тотъ бо ключь держашеть у всего дому княжа, и надо всими волю ему далъ бяшеть» (там же 1175). Этот Амбал по положению и значению был огнищным тиуном кн. Андрея, так как управлял всем дворовым хозяйством и дворовым штатом. Но он назван ключником. А кому, кроме князя, он мог быть подчинен, когда у него была власть надо всем? Из позднейших актов известно, что ключники заведывали селами и деревнями, покупали деревни «за княжимъ ключомъ»; а Р. Правда знает лишь тиунов сельских или ратайных у князя, которые оценены только в 12 грив., но не ключников (Кар., 11).

Те или иные обязанности при своем дворе князь мог поручать и отдельным лицам из состава своей дружины. При князе упоминаются: печатник, стольник, подкладник или постельничий, ловчий, меченоша или мечник и др. Как круг обязанностей каждого из этих лиц, так и соотношение между ними, не были

точно установлены. Мечник, напр., несет исполнительные обязанности при суде и за это получает некоторые пошлины в свою пользу (Ак., 41; Кар., 100). Но отсюда вовсе не следует, что мечник подчинен тиуну, как предполагают некоторые. Вообще в то время едва ли могла существовать какая-либо система соподчиненных должностей. Все должностные лица подчинены, конечно, князю; а если это были чьи-либо холопы, то подчинялись своим господам.

Областное деление. Как уже сказано, князь должен был иметь помощников и вне стольного города, которые распределялись по отдельным пунктам территории княжения. Это были органы местного управления, хотя и не в строго определившейся обособленности. Как же они распределялись по областям?

Какого-либо единого и общего административного деления государственных территорий древняя Русь не знала. Хотя каждая территория подразделяется на области, но эти подразделения и неоднородны и изменчивы вследствие распадения княжений и захвата князьями друг у друга городов.

Из ранее сказанного известно о существовании в каждой земле, кроме стольного города, еще пригородов. Памятники говорят, сверх того, о волостях в смысле подразделения территории. Уже Рюрик «раздая мужемъ своимъ волости» (Ипат. 862). Но термин «волость» крайне неопределенный. Он обозначает прежде всего власть или право, а затем объект, подлежащий чьей-либо власти. В последнем смысле волостью называется и вся земля, как подчиненная власти князя. И отдельная область земли, выделенная в управление особому лицу, как состоящая в его власти, тоже называется волостью. Наконец и частное недвижимое имущество, находящееся во власти землевладельца, именуется его волостью. Пригород с приписанным к нему округом, если состоял в особом управлении, является волостью земли. В таком значении волости упоминаются в договорах Новгорода с князьями: все волости новгородские князья обязывались «держати (в управлении) мужи новгородьскыми». Для точности волости в договорах перечислены: «А се, княже, волости новгородьскые: Волокъ, Тържькъ, Бежицѣ» и пр. В этот перечень вошли и пригороды, но не только одни пригороды. Там упомянуты, напр., «Перемь, Печера, Югра» и др.—названия чисто этнографические. Но в перечне они обозначают области, для управления которыми должны назначаться новгородские мужи. Точно так же в составе Смоленской земли упомянута область «люди Голядь, верхъ Поротве», которую захватил Святослав Всеволодович по указанию Юрия Долгорукого. А Юрий взял у черниговского кн. Владимира Давидовича область «вси Дрегвичѣ» (Ипат. 1147 и 1149). Надо думать, волости в смысле административного деления не представляли часто чего-либо соизмеримого между собой. Иногда даже под волостью могла разуметься совокупность волостей. Так, в перечне новгородских волостей на первом месте упомянут Волок, но упо-

мянут в такой форме: «Волокъ со всѣми волостьми». В таком довольно неопределенном значении провинции волости существовали в каждом княжении. Летопись упоминает о волостях в княжениях Галицком, Черниговском, Киевском, Владимирском. Обыкновенно такие упоминания совершенно случайны.

Деление на волости, однако, не единственное. Упоминаются еще подразделения княжений на погосты, сотни, верви. Погосты—исконное явление. «С развитием торговли среди одиноких укрепленных дворов возникали сборные торговые пункты, места промышленного обмена, куда звероловы и бортники сходились для торговли, для гостьбы, как говорили в старину. Такие сборные пункты получили название погостов. Впоследствии, с принятием христианства, на этих местных сельских рынках, как привычных людских сборищах, прежде всего ставились христианские храмы: тогда погост получал значение места, где стоит сельская приходская церковь. При церквах хоронили покойников: отсюда произошло значение погоста, как кладбища. С приходами совпадало или к ним приурочивалось сельское административное деление: это сообщало погосту значение сельской волости. Но все это позднейшие значения термина: первоначально так назывались сборные торговые, «гостиные» места (Ключевский. Курс, I, 148). Однако еще в дохристианское время погосты уже имели значение административных пунктов и округов. О кн. Ольге сказано, что она «иде к Новугороду и устави по Мьстѣ погосты и дань, и по Лузѣ погосты и дань и оброкы; и ловища ея суть по всей земли, и знамения и мѣста и погосты» (Ипат. 947). Установление погостов связано здесь с организацией сбора дани. Это податное значение погостов подтверждается и позднейшими памятниками. По договорам Новгорода с князьями отпущенные закладники должны возвратиться: «кто смердъ, а тотъ потягнеть въ свой погостъ (в свой потуг)». По уставной грамоте смоленской епископии 1150 г. назначена десятина в пользу епископа «отъ всѣхъ даней смоленскихъ», и эта дань исчисляется далее по погостам: «въ тыхъ погостехъ во всѣхъ сходится дани...». Таких погостов перечислено в грамоте до 45 («Хрест.» Вл.-Буданова, I, изд. 5-е, 257 и сл.). Но это деление на погосты, повидимому, не было общим для всех древне-русских княжений.

Сотни, это—сохранившийся пережиток исконного военного деления, когда земли составляли тысячу, разделявшуюся на сотни и десятки. Деление на сотни известно всем европейским народам. Но наши памятники не сохранили никакого следа военного значения сотен. Только должность тысяцкого продолжает сохранять довольно долго военный характер. А стоящие во главе сотен сотские, о которых упоминает летопись при Владимире св., скорее финансовые правители, а не военачальники. Приписанный к некоторым спискам Р. Правды «Устав о мостах» указывает на распределение мостовой повинности в Новгороде по сотням. По сотням же распределялись в Новгороде купцы. Кн. Мстислав Да-

нилович обложил берестьян за их коромолу особым сбором: «со ста по двѣ луднѣ меду, а по двѣ овцѣ, а по пятинадесять десяткъвъ лну, а по сту хлѣбовъ, а по пяти цебровъ овса, а по пяти цебровъ ржи, а по 20 куръ; а потолку со всякого ста» (Ипат. 1289).

Много разногласий вызвало в нашей литературе истолкование термина верв ь, встречающегося в Р. Правде. Там указано, что за убийство в разбое, если не ищут убийцы, ответственность падает на вервь: «то виревную платити въ чьеи же верви голова лежить». Эта вира называлась дикою, так как ее приходилось платить за неизвестного убийцу. Но головник (убийца) мог оказаться в верви, тогда вервь помогает ему платить виру, если он вложился в дикую виру и уплатил «исъ дружины свою часть». Точно так же за преступления имущественные («Аже будеть росѣчена земля іли (на земли) знамение, имъ же ловлено, или сѣть») на вервь падает ответственность: или «по верви искати татя, ли платити продажю» (Тр., 3, 4, 63; Кар., 3, 4, 80). Отсюда видно, что вервь есть территориальный округ, члены которого связаны круговою ответственностью по некоторым судебно-полицейским и финансовым делам. Никаких других подробностей о верви ни Р. Правда ни другие памятники не дают. Желание выяснить происхождение этого института привело к целому ряду сближений и догадок. Самое слово «вервь» считается то однокоренным с индоевропейским Warf, Hwarf (Карамзин, Вл.-Буданов), то чисто славянским, как вервие, веревка (Соловьев). В древности у нас землю измеряли и считали веревками: «земли столько-то веревок». Но трудно допустить, что границы округа-верви измерялись в X—XII вв. веревками, отчего возникло, как думают, и самое название округа. Вероятнее догадка, что вервь обозначает связь родства. В полоцком статуте родственники назывались вервными братьями. В нашем старом языке кровный родственник обозначался термином «ужикъ крове», от «уже»—веревка. На основании этого сближения догадываются, что слово «вервь» имеет совершенно одинаковое значение с латинским «linea» и французском «ligne (la)», которые означают не только веревку, но и связь родства, «род».

Литература. И. Собестьянский. Круговая порука у славян, 1884, стр. 114 и след. Ср. П. Лавровский. Коренное значение в названиях родства у славян, 93; М. Н. Ясинский. Село и вервь Р. Правды, Унив. Изв., 1906, № 3; А. Пресняков. Княжее право в древней Руси, 158—190.

Но если таково первоначальное значение верви, то в эпоху Р. Правды о кровной связи между членами верви не сохранилось и следа.

Органы управления в области. Главным местным органом княжеского управления является посадник. Посадники сидят по городам по назначению князей. Назначение в тот или иной город посадника каким-либо князем означает, что этот город входит в состав владений данного князя. Присоединяя к своим

владениям какую-либо землю или захватывая какую-либо область, князь спешит посадить в города этой области своих посадников. Владимир Святославич, узнав что Ярополк убил брата Олега, испугался и убежал из Новгорода за море: «а Ярополкъ посадники своя посади в Новѣгородѣ» (Лавр. 977). Олег Святославич «перея всю землю Муромску и Ростовьску, и посажа посадникы по городомъ» (там же, 1096). Как только Всеволод Чермный захватил Киев, надеясь на свою силу, то «посла посадникы по всѣмъ городомъ киевьскымъ» (там же, 1206). Принять или пригласить посадника от какого-либо князя значит признать над собой его власть. При приближении Глеба Юрьевича к Курску куряне «послаша къ Гюргевичю и пояша у него посадникъ к собѣ; и посади своего у нихъ посадника» (Ипат., 1147). Здесь почин принадлежит населению. Но и молчаливое вольное или вынужденное согласие населения принять назначенного посадника означает то же. Наоборот, если посадники бросают город, бегут из него, это значит, что их князь теряет власть над этим городом. Весть о приближении союзника Юрия Долгорукого—кн. Святослава Ольговича имела своим следствием то, что «выбѣгоша посадничи Володимери (и) Изяславли из Вятичь, изъ Бряньска, и изъ Мьченьска, и изъ Блеве» (там же, 1147). Если же посадники не успевали покинуть города, князь завоеватель полонил их. Изяслав Мстиславич отнял снова города у дяди Вячеслава «и посадникы исковавъ приведе» (Лавр. 1146).

Отсюда прежде всего явствует политическое значение посадника: он является связующим элементом того города, где он сидит, с землею и с князем, которым посажен. Поэтому первою обязанностью посадника было охранение власти своего князя над вверенною ему областью. В силу этого посаднику принадлежит военная власть: он предводительствует войском, ставит города для защиты от неприятеля, отражает его нападения. Рюрик роздал волости своим мужам и поручил им «городы рубати». Шведы подступили под Ладогу, «и пожьгоша ладожане хоромы своя, а сами затворишася въ градѣ съ посадникомь съ Нежатою, а по князя послаша. Они же приступиша подъ городъ и не успѣша ничтоже къ граду, нъ большю рану въсприяшя, и отступиша» (Синод. 1164). Емь явилась на Ладожское оз. с целями грабежа. «Володиславъ, посадникъ ладозьскый, съ ладожаны гонися в лодияхъ по нихъ въ слѣдъ, где они воюють, и постиже я, и бися с ними» (там же, 1228). Вследствие своих военных функций посадники иногда называются воеводами. Когда новгородцы решили отнять у великого князя Василия Дмитриевича захваченную им Двинскую землю, то «воеводы же новгорочкыи: посадникъ Тимофѣй, посадникъ Юрьи и Василiй и вси вои поѣхаша за Волокъ на Двину» (там же, 1398).

Посадникам принадлежала и судебная власть. В уставной грамоте смоленской епископии, за перечислением дел, переданных в ведение церковного суда, стоит санкция: «Ажъ будеть или тяжа,

или продажа епископля, да ненадобѣ ни князю, ни посаднику, ни тивуну, ни иному никомуже». Призванные в Ростовскую землю Ростиславичи «роздаяла бѣста посадничьства руськымъ дѣцькымь; они же многу тяготу людемь симъ створиша продажами и вирами» (Ипат. 1175), т.-е. судебными штрафами. В Псковской грамоте постановлено: «А которому посаднику сѣсти на посадничество, ино тому посаднику крестъ цѣловати на томъ, что ему судитъ право… а судомъ не мститися ни на когожь, а судомъ не отчитись, а праваго не погубити, а виноватаго не жаловати» (ст. 3). Так и по Новгородской грамоте положено: «А посаднику судити судъ свой съ намѣстники великого князя по старинѣ» (ст. 2). В договорах Новгорода с князьями стоит условие: «А бесъ посадника ти, княже, суда не судити». Весьма вероятно, что посадники, как и князья, имели собственных тиунов, которые выполняли за них обязанности судей. Относительно наместников, по крайней мере, это совершенно бесспорно.

В общем порядке посадников назначает князь. Но в отдельных случаях и вече считает себя вправе вмешиваться в это дело. Ростовцы и суздальцы угрожают своему пригороду Владимиру: «пожьжемъ и, пакы ли посадника в немь посадимъ» (Лавр. 1175). А в Новгороде, где посадник существует рядом с князем, с половины XII в. эти случаи становятся обычными, так что посадник Твердислав уже ссылается на господствующую практику, обращаясь к новгородцам: «а вы, братье, въ посадничьствѣ и въ князѣхъ вольны» (Синод. 1218). Вместе с тем князь ограничивается в праве единолично назначать посадников и в новгородские волости; он их назначает по соглашению с новгородским посадником и исключительно из среды новгородцев, с обязательством не лишать их волостей иначе, как за преступления: «Что волостий всѣхъ новгородьскыхъ, того ти, княже, не держати своими мужы, нъ дьржати мужи новгородьскыми. А бесъ посадника тобѣ волостий не раздавати. А безъ вины ти мужа волости не лишити».

Помимо Новгорода, князья назначают посадниками своих дружинников, преимущественно старших—мужей и бояр. Рюрик раздавал волости «мужем своим». Олег, захватив Смоленск и Любечь, в каждом из них «посади мужь свой». Владимир св., по занятии Киева, из пришедших с ним варягов «изъбра мужа добры и смыслены и храбъры, и раздая имъ грады» (Ипат. 862, 882 и 980). Но Ростиславичи в Ростовской земле «роздаяла бѣста посадничьства руськымъ дѣцькымь» (там же, 1175), т.-е. младшим дружинникам. Наконец князья раздают волости и своим детям или молодым племянникам, которые управляют ими на положении посадников. О Всеволоде Ярославиче сохранилось известие, что «печаль бысть ему отъ сыновець своихъ, яко начаша ему стужати, хотя власти, овъ сея, овъ же другие; сей же омиряя ихъ, раздаваше власти имъ» (Лавр. 1093).

Посадник является в области представителем власти князя,

а потому, как только сам князь прибывал на место, власть посадника прерывалась; князь лично ведал тогда все дела данной области. В этом смысле Владимир Мономах говорил о себе, что он «самъ творилъ что было надобѣ, на посадникы не зря, ні на биричи».

Должностные лица получают в свою пользу известный доход. Этот доход заключался в судебных пошлинах и в корме. Уголовные штрафы—виры и продажи—шли князю. Так как он не имел собственной казны, отличимой от государственной, то в сумме уголовных штрафов он имел и личный доход. Но помощники князя получали особый доход. Р. Правда установляет размеры этих доходов в пользу некоторых из них. Так, вирник с простой виры получал 8 гривен, а метальник—12 векошь; отрок с продажи в 12 гривен—2 гр. 20 кун (Кар., 7 и 85). Что посадники и тиуны получали доходы с суда, это явствует из того, что они допускали злоупотребления при обложении уголовными штрафами: чинили людям тяготы продажами и вирами или «продавали» людей. Но о размерах этих доходов за первый период ничего неизвестно.

Помимо того судьи и исполнительные при суде органы получали от местного населения необходимое продовольствие для пропитания как их самих, так их слуг и даже лошадей. Это был так называемый корм в натуре. Сначала размер корма определяется или на каждый день, или на неделю, количественно и качественно, или же потребностями человека и животных. Эти порядки нашли отражение уже в Р. Правде. В ней указан следующий корм вирнику: «7 ведеръ солоду на недѣлю, да овенъ, или полоть, а въ середу же сыръ, а въ пятницу такоже; а куровъ ему по двое на день; а хлѣбовъ 7 на недѣлю, а пшена семь уборковъ, а гороху такожъ, а соли 7 голважень: то ти вирнику съ отрокомъ» (Кар., 7). В кратком списке количество хлеба и пшена определено весьма приблизительно размерами потребностей: «по кольку могуть ясти». Лошадей вирнику полагалось иметь не более 4 «и сути имъ на ротъ колько могуть зобати» (Ак., 42). Отроку при взыскании продажи полагалось «ѣхати съ отрокомъ на дву конехъ, а овесъ сути на ротъ, а мяса дати овенъ или полоть, а инѣмъ корму, что имъ чрево возьметъ» (Кар., 85: ср. Тр., 90 и 91; Кар., 108 и 109). Вполне естественно, что голодного судью или пристава надо накормить. Но уже с древнейшего времени такой корм уплачивался населением независимо от того, голоден судья или нет. Сытый же судья уже не нуждается в корме натурой; отсюда переложение натуральной повинности на деньги, известное уже Р. Правде.

Этот способ содержания должностных лиц, при всей своей первоначальной естественности, имел в своем дальнейшем развитии крайне невыгодные последствия. Должность, именно вследствие этого, получила вполне частный характер, так как на нее стали смотреть прежде всего как на доходную статью. Каждый

слуга смотрит на должность, как на средство прокорма, пропитания и соразмеряет все свои должностные действия с расчетом, какой за этим последует доход в его пользу. Таким образом добавочный элемент должности мало-по-малу выдвинулся на первый план и получил важнейшее значение. Оттого и самая должность получила название кормления, которое перешло затем и в официальный язык. Из всего этого ясно, почему «сыновцы» Всеволода Ярославича надоедали ему, выпрашивая себе волостей: они желали получать доходы. В летописи рассказан интересный случай, что к галицкому князю Ярославу прибежал из Царьграда братан царев кир Андроник, «и прия и Ярославъ с великою любовью, и да ему Ярославъ нѣколико городовъ на утѣшение» (Ипат. 1165). Это утешение было, однако, вовсе не нравственное: кир Андроник утешался в этих городах собираемыми доходами.

Итак, раздавая волости своим дружинникам, князья распределяли между ними доходы. Это была одна из притягательных сил для поступления в княжескую дружину. Соответственно различию в доходах, соразмерялся и больший или меньший почет, оказанный тому или другому дружиннику. В этом надо видеть зародыш государственного жалованья. Древний переводчик «Земледельческого Устава» передал весьма тонко понятие о жалованьи чиновникам формулой: «честь и власти яже отъ князя».

Предметами управления в древнем периоде, помимо суда, о котором должна итти речь в другом месте, являются войско и государственное хозяйство.

Войско в древне-русских государствах слагалось из двух элементов: войска княжеского и народного. Княжеское войско— это дружина князя. По социальному составу она распадалась на старшую и младшую, что отразилось и на военном значении каждого из этих дружинных слоев. Что младшая дружина в лице гридей, отроков и детских играет роль в военных походах, на это указано уже выше. Проживая при княжеском дворе и на княжеском иждивении, младшие дружинники получили отсюда название дворян или «двора». Есть указания, что этот княжий двор играл роль самостоятельной рати. Так, новгородский кн. Ярослав Владимирович с небольшим числом новгородцев остался в Пскове, «а дворъ свой пославъ съ пльсковіци воевати»; Александр Невский с новгородцами отразил литовцев, после чего новгородцы ушли, «а князь погонися по нихъ (литовцев) съ своимь дворомь, і не упусти ихъ ни мужа» (Синод., 1192 и 1245). Боевая сила и годность этого двора зависели главным образом от численности его, так как каждый младший дружинник лично усиливал состав княжеского войска. Тогда как за каждым старшим дружинником стояла еще собственная дружина, иногда весьма значительная.

Народное войско—это ополчение народное. Участие народа в войнах определяется постановлениями веча, которое установляет и размеры этого участия. Выше указаны были случаи, когда жи-

тели земли изъявляли готовность выступить в поход «и съ дѣтьми», или что «пойдутъ вси», «всяка душа». Это—поголовные ополчения. Но такие поголовные ополчения далеко не всегда были необходимы. Известны случаи, когда в походе принимала участие только часть народа, и притом незначительная. Про новгородского князя Ярослава Владимировича сказано, что он «иде Пльскову на Петровъ день, и новъгородци въмале» (Синод., 1192). Но как в таких случаях распределялась воинская повинность, об этом нет указаний в памятниках ранее XIV в. С этого же времени становится известным термин «посоха» для обозначения повинности, отбываемой с сохи (Акты Эксп., I, № 7), почему входящие в состав ополчения люди стали называться «посошными людьми», «посохой». С ослаблением вечевых порядков созывы ополчений происходят по распоряжениям княжеских правительств.

Народное войско составляло обособленную силу от войска княжеского. Эта обособленность выражалась не только в том, что военное предприятие могло вестись одними силами княжеского войска, но еще и в том, что народное ополчение имело особого военачальника в лице тысяцкого. Все ополчение земли называлось тысячей, а предводитель его тысяцким. Но в качестве военачальника тысяцкий назывался и воеводой; при Всеволоде Ярославиче «воеводьство держащю Кыевьскыя тысяща Яневи» (Лавр., 1089). В историческое время тысяцкие, за исключением новгородских, назначались князьями. Киевским тысяцким при Всеволоде Ольговиче был Улеб. Заняв стол по смерти брата, Игорь Ольгович сказал Улебу: «держи ты тысячу, какъ еси у брата моего держалъ». А когда киевляне задумали пригласить к себе Изяслава Мстиславича вместо Игоря, то «пославшеся и пояша у Изяслава тысячкого и съ стягомъ и приведоша и к собѣ» (Ипат., 1146). Как начальник ополчения тысяцкий выступал в поход только во главе народного ополчения. Если последнее не принимало участия в походе, то и тысяцкий оставался дома. Когда киевское вече отказалось помогать Изяславу против дяди его Юрия, то и тысяцкий Лазарь остался в Киеве (Ипат. 1147). А в походе тысяцкий был тесно связан с ополчением, бился во главе его и разделял с ним его участь. Смоленский князь Давид, при нападении Ольговичей черниговских на Смоленскую землю, послал с своим полком сыновца Мстислава Романовича, который с своим отрядом и одержал сначала победу. Тысяцкий же Михалко князя Давида «со смоленским полком» не смог удержаться против полоцкого полка (там же, 1195). Ярослав Мудрый отправил против греков сына Владимира со многими войсками, «а воеводьство поручи Вышатѣ». Но воеводою кн. Ярослава в этом походе был Иван Творимирич; значит Вышата был тысяцким, что и подтверждается дальнейшей его судьбой. Этот поход постигла неудача: корабли были разбиты бурей и войска выкинуты на берег. Они хотели вернуться в Русь, «и не идяше с ними никтоже отъ дружины княжее». Тогда Вышата заявил: «азъ поиду с ними; и высѣде ис корабля к нимъ, и рече:

аще живъ буду, то с ними, аще погыну, то с дружиною». Вышату с ополчением греки захватили в плен, отвели в Царьград и многих ослепили. Только по заключении мира через три года Вышата отпущен был в Русь (Лавр. 1043).

Если по решению веча ополчение не принимало участия в походе, то у князя оставалась возможность усилить свое княжеское войско добровольцами из среды народа. Таких добровольцев могло оказаться и много. Но это было не народное войско, а охочие люди, из которых каждый принимал участие на свой риск. Когда собравшиеся на вече кияне отказали Изяславу помочь в походе против Юрия, то Изяслав, обратившись к собравшимся, сказал: «а тотъ добръ, кто по мнѣ поидетъ», и таким образом «съвъкупи множество вои» из охотников (Ипат. 1147).

Сложный и трудный вопрос о продовольствии войска в мирное время не касался народного ополчения, а только княжеского войска. К сказанному выше о способах содержания дружины следует лишь прибавить, что чем больше была дружина, тем труднее становилось натуральное продовольствие ее при княжеском дворе. В мирное время князья поэтому распускают дружину «кому куды годно» или «по городомъ далече». Но одним из главных средств содержания дружины была война. О древних князьях позднейший бытописатель вспоминал, что они «не сбираху многа имѣнія, не творимыхъ виръ, ни продажь въскладаху на люди; но оже будяше правая вира, и ту возма, даяше дружинѣ на оружіе. А дружина его кормляхуся, воюющи иныя страны» (П. С. Л., т. V, 87). Прокармливаться войной возможно было лишь путем захвата военной добычи. В то время всякий военный поход сопровождался грабежом неприятельской страны. Захватывалось все, что можно было увезти или унести с собой: пленники, скот, товар, т.-е. движимое имущество. Военная добыча была той приманкой, из-за которой шли в поход за князем и охочие люди. Добыча являлась и главным средством содержания народного ополчения. В силу этого князья должны были направлять свои войска по таким местам, где можно было надеяться на захват добычи. Предпринимая поход на Литву, князья Мстислав, Владимир и Юрий направились было к Новугородку, но узнали, что татары прошли уже в этом направлении, а потому на совещании решили: «оже пойдемь к Новугородъку, а тамо уже татарове извоевали все; пойдемь кдѣ к чѣлому мѣсту» (Ипат. 1277). При прохождении по союзной территории войско имело право на получение корма, что называлось «ходить въ зажитье». Так, Мстислав Мстиславич, вступив в свою волость, сказал новгородцам: «идете въ зажития, толико головъ не емлете. Идоша, исполнишася кърма и сами и кони» (Синод. 1216). В походе на чудь Александр Невский, «яко быша на землі, пусти полкъ всь в зажития» (там же, 1242).

Литература. В. Сергеевич. Вече и князь, 331—352 и 362—411; Лекции и Исследования, изд. 4, 1910 г., 246—266, 294—297 и 319—331; Др. русск. пр., I, изд. 3, 595—618; Вл.-Буданов. Обзор, 76—83 и 86—87..

Государственное хозяйство в древнее время нельзя отличить от частного княжеского хозяйства. Князь собирал различные доходы в свою пользу, но из своих средств удовлетворял и государственные нужды. В числе княжеских доходов можно отличить существенно разные категории их.

Князья прежде всего были сравнительно крупными частными собственниками. О недвижимых имуществах князей имеются весьма ранние упоминания, рядом с указаниями на формы их эксплоатации. В своих имениях князья заводили земледелие и скотоводство, промысловую охоту и бортничество. Уже у княгини Ольги были «ловища по всей земли, знамянья и мѣста и повосты, и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ, и есть село ее Ольжичи и доселе» (Лавр. 947). Древнейшая Р. Правда упоминает о сельских и ратайных старостах у князей, о княжих конюхах, о княжей борти (Ак., 21, 22 и 30). Выше было указано на важное значение конского хозяйства у князей. В каких размерах оно велось, показывает рассказ о нападении союзных войск Изяслава Мстиславича и Давидовичей на Ольговичей черниговских; союзники «заграбиша Игорева и Святославля стада, въ лѣсѣ, по Рахни, кобылъ стадныхъ 3000, а конь 1000; пославше же по селомъ, пожгоша жита и дворы» (Ипат. 1146). При взятии г. Путивля захвачен был двор кн. Святослава со всем имуществом, в том числе одной челяди 700 душ. Владимир Мономах в «Поучении» придает важное значение заботам о ловчем наряде, о соколах и ястребах, вспоминает о своих отважных охотах и занятие ловами ставит вслед за отправлением правосудия. О княжеских селах в памятниках имеется ряд указаний, при чем иногда отмечается, что князья приумножали свои села покупкою. Так, кн. Андрей Юрьевич заложенной им церкви св. Богородицы «дая много имѣния, и свободи купленыя и с даньми, и села лѣпшая» (Ипат., 1158 г.). Волынский кн. Владимир Васильевич передал по духовной своей жене несколько сел, в том числе село Березовиче, которое он «купилъ у Юрьевича у Давыдовича Федорка, а далъ есмь на немь 50 гривенъ кунъ, 5 локотъ скорлата да бронѣ дощатые» (там же, 1287 г.). В Новгороде, наоборот, с князя брали обязательство в том, что ни ему, ни его жене, ни боярам и дворянам «селъ не дьржати, ни купити, ни даром примати». Но там в пользование князей и их мужей отводились особые имущества—«пожни». Даже право охоты для новгородских князей было известным образом ограничено.

Доход с своих имений князья получали как и другие крупные частные собственники. Но этот доход князья не отделяли от дохода, какой они получали в качестве представителей власти. Как правители они получали с населения сборы в форме налогов прямых и косвенных и пошлин.

Пошлинами в настоящее время называются сборы, взимаемые правительством за какие-либо определенные услуги, оказанные частным лицам. Таковы судебные пошлины, крепостные, гербовые. Этого вида сборы известны уже с давнего времени, хотя

термин «пошлина» в древности обозначал обычай и в частности всякий издавна существующий сбор. Пошлины с суда известны уже, например, Р. Правде. Здесь интересно лишь отметить, что в древности виды этих сборов были многообразнее, и что ряд сборов, возникших сначала в форме платы за услуги, переходит мало-по-малу в налоги. Например мыт (muta, Mauth) возник в виде сбора за разные услуги, оказанные торговле при перевозке ли товара с одной реки на другую или при упорядочении торговли на торгах при посредстве мытников (Кар., 34 и 36), а потом превратился в косвенный налог с торговых операций. Так же весъ (весчее) и мера (померное) взымались за пользование проверенными весами и мерами, которые хранились при церквах: «се же искони установлено есть и поручено св. пискупьям городьские и торговые всякая мѣрила и спуды и звѣсы ставила... блюсти без пакости, ни умалити, ни умножити» (Церк. уст. Влад.). Но затем весчее и померное превратились в чисто торговые сборы.

Прямые налоги возникают в форме дани, уплачиваемой победителю побежденными. Данью побежденные откупают себе право на жизнь и на свободу; без этого окупа им грозило бы избиение или обращение в рабство. Кн. Ольга по взятии Искоростеня «старѣйшины же града изънима, и прочая люди овыхъ изби, а другия работѣ предасть мужемъ своимъ, а прокъ ихъ остави платити дань» (Лавр. 946). С таким характером дань упоминается еще до призвания варяжских князей: козары брали дань на полянах, северянах и вятичах, а варяги из-за моря на чуди, словенах, мери, веси, и кривичах. Уплата дани обусловливается именно силой поработителя и слабостью покоренного. При изменившихся условиях неизбежна перемена отношений. Северные славяне в союзе с чудью выгнали варягов за море, «и не даша имъ дани» (Лавр. 859 и 862). То же значение дань сохраняет и при первых князьях. По занятии Киева, Олег «нача городы ставити, и устави дани словѣном, кривичем и мери, и устави варягом дань даяти отъ Новагорода гривенъ 300 на лѣто, мира дѣля». Как установлялись дани, видно из действий того же Олега по отношению к древлянам: «поча Олегъ воевати деревляны, и примучивъ а, имаше на нихъ дань по черне кунѣ» (Лавр. 882 и 883). Первые князья стремились к расширению своего политического влияния, стараясь возможно большее число племен поставить в даннические к себе отношения. На этом пути им пришлось столкнуться с племенем-поработителем—козарами. Так, Олег «иде на сѣверяне, и побѣди сѣверяны, и възложи на нь дань легъку, и не дастъ имъ козаромъ дани платити, рекъ: азъ имъ противенъ, а вамъ нечему». С радимичами Олег поступил еще проще: он прямо предложил им платить дань ему вместо козар, на что радимичи и согласились. Обложение данью, это—первый шаг к замирению враждебных отношений и первое звено при выработке понятия о подданстве.

Размеры дани-окупа определяются уже с древнейшего времени; иначе не могло, конечно, и быть. Но размеры эти крайне не устойчивы. Они меняются не только со сменою князей, но и из года в год. В 883 г. Олег, примучив древлян, обложил их данью, которая уплачивалась по день смерти Олега, хотя, быть может, с колебаниями в размере. Через 30 лет, однако, древляне после смерти Олега пробуют отложиться от Игоря, но неудачно: Игорь их победил «и возложи на ня дань болши Олговы» (там же, 914). А в 945 г. Игорь снова «нача мыслити на деревляны, хотя примыслити большюю дань». Но эта затея окончилась трагически. Игорь пошел за данью по требованию дружины, чтобы раздобыться на одеяние и оружие, «и примышляше къ первой дани, и насиляше имъ и мужи его». Недовольный результатами, Игорь вернулся снова за данью и был убит. Ольга в отмщение за убийство мужа снова ведет войну с древлянами, наказывает их и снова облагает данью. Только из хитрости Ольга успокаивала древлян, что не хочет «тяжьки дани възложити, якоже и мужь», но хочет «дань имати помалу». Как только хитрость удалась, Ольга «възложи на ня дань тяжьку». Отсюда видно как размеры дани могли меняться в зависимости от условий, пока дань продолжала носить характер окупа или военной контрибуции.

От времени княжения Ольги сохранились и первые известия об упорядочении сбора дани. Ольга с сыном и дружиною обошла Деревскую землю, «уставляющи уставы и у р о к и». Она же установила «по Мьстѣ повосты и дани и по Лузѣ о б р о к и и дани» (Лавр. 945 и 947). Эти «уроки» и «оброки» вызывали ряд различных толкований в исторической литературе. Едва ли, однако, под этими терминами можно разуметь какие-либо особые сборы в отличие от дани. «Уроком» называлось все более или менее точно определенное в цифрах. В Р. Правде уроком названы: корм вирнику, пошлины в его пользу, сборы и корм в пользу городника и мостника, вознаграждение потерпевшему и даже уголовные штрафы (Ак., 42, 43; Тр., 41, 80, 84, 90, 91, 99, 114); и это потому, что все эти уплаты определены в цифрах. В этом смысле уроком могла быть названа и дань, так что в позднейших памятниках говорится о «д а н и п о у р о к у» (Собр. Гос. Гр., I, № 40). В таком же значении определенной в цифрах дани мог первоначально употребляться и термин «оброкъ», как это встречается и в более поздних памятниках: «А дань имати по оброку» (А. Э., I, № 9). С установлением более тесных и мирных отношений к покоренным племенам, дань в виде урока и оброка становится постоянною прямою податью. Но в то же время данью стали обозначать и иные прямые и косвенные сборы. В этом смысле в уставной Смоленской грамоте речь идет о десятине «отъ всѣхъ даней смоленскихъ, что ся въ нихъ сходитъ истыхъ кунъ, кромѣ продажи и кромѣ виры, и кромѣ полюдья».

В числе прямых сборов, кроме дани, памятники упоминают еще о д а р е и п о л ю д ь и. Оба эти вида сборов стоят отчасти в

тесной связи. Полюдьем собственно назывался объезд князем своей территории для выполнения правительственных функций, в частности для сбора доходов. При мирных отношениях население области с радостью встречало князя уж по одному тому, что он лучший судья по сравнению с посадниками и тиунами. Население выходило на встречу князю с поклонами и подносило подарки. Подарки, полученные во время полюдья, стали называться «полюдьемъ даровьнымъ». Здесь полюдье означало уже сбор, именно сбор даров, так что «дар» и «полюдье» здесь слились. Но во время объезда территории князь мог получать не только подарки, но и дани, судебные пошлины, корм. Под «полюдьемъ» в смысле сбора могли разуметься и эти сборы. В пользу смоленской епископии установлена десятина «отъ всѣхъ даней смоленскихъ», но кроме полюдья. Отсюда надо заключить, что полюдье есть тоже одна из даней, но не включенная в десятину. Однако дальше в грамоте в состав десятины включено: «на Копысѣ полюдья четыри гривны... В Лучинѣ полюдья»... Но «дар» в числе даней по этой грамоте не упомянут. Это не значит, что в Смоленской земле «дар» вовсе не взимался. Ярополк Владимирович послал своего племянника Изяслава Мстиславича «къ братьи Новугороду, и даша дани Печерьскыѣ и отъ Смолиньска даръ, и тако хресть цѣловаша» (Лавр. 1133), т.-е. князья прислали с Печеры все дани, а из Смоленска только один дар. Надо думать, что дар включался в состав даней.

По существу дар есть добровольное приношение, зависящее от усердия подносивших. Но из года в год практикуемый порядок превращается в обычай, и дар из добровольного приношения превратился в обязательный сбор в определенном размере. Мстислав Владимирович приказал своему сыну Всеволоду передать Юрьеву монастырю Боуице с данями и «осеньнее полюдіе даровьное полъ третія десяте гривьнъ» («Хрест.» Вл.-Буданова, I, изд. 5-е, 132). Так же Святослав Ольгович жертвует св. Софии в точных цифрах десятину от даней по погостам, со включением по некоторым погостам и дара (там же, 255). В договорах Новгорода с князьями повторяется условие: «Что волостий всѣхъ новгородьскыхъ, даръ имати тобѣ отъ техъ волостий. А отъ волостей даръ имати по старинѣ».

В состав прямых сборов или дани в родовом значении необходимо включить еще и корм натурой или замену его деньгами в пользу князя и должностных лиц.

Сбор даней составляет общее явление всех княжений XI и XII вв. Князья и сами ездят в полюдья, и посылают своих мужей: «В се время приключися прити отъ Святослава дань емлющю Яневи, сыну Вышатину» (Лавр. 1071). Как только Олегъ Святославич захватил земли Муромскую и Ростовскую, то посадил по городам посадников «и дани поча брати». Для этого у него были даже данники (Ипат. 1096). Из-за даней между князьями идет борьба. Изяслав Мстиславич жалуется на своего дядю Юрия,

что он «из Ростова обидить мой Новгородъ, и дани отъ нихъ отоималъ»; из-за этого началась война. Побежденный Изяслав все же добивается «всих даній к Новугороду новгородцкых, акоже есть и переже было»; но Юрий «не да даний, а Изяславъ ихъ не отступися». Наконец уладились на следующем: «Изяславъ съступи Дюргеви Киева, а Дюрги възъврати всѣ дани новгороцкыи Изяславу» (там же, 1148 и 1149). Главными плательщиками даней, как известно, были смерды, почему на князьях лежит особая обязанность заботиться о них. Для некоторых княжений или местностей сохранились даже точно в цифрах вычисленные итоги даней по погостам (Уставные церковные грамоты Новгородская 1137 и Смоленская 1159 гг.).

Точное исчисление прямых сборов предполагает установленный порядок обложения ими. С чего же они взимались? Каковы были предметы обложения и существовали ли какие-нибудь единицы оклада? Немногие указания для разъяснения этих вопросов дает летопись. Она сообщает, что поляне согласились платить дань козарам «и вдаша отъ дыма мечь». Козары взимали дань «на полянѣхъ, и на сѣверѣхъ, и на вятичѣхъ по бѣлѣй вѣверицѣ отъ дыма». Ольга потребовала с осажденных в Искоростене древлян «отъ двора по 3 голуби да по 3 воробьи». Дань с дыма и двора, очевидно, означает дань с каждого отдельного хозяйства. Сын Ольги, Святослав, в походе на Волгу дошел до вятичей и спросил их, кому они дают дань? Те отвечали: «козаромъ по щьлягу отъ рала даемъ». Святослав победил козар, потом вятичей, и обложил их данью. Сын его, Владимир, снова победил вятичей, «и възложи на ня дань отъ плуга, якоже и отець его имаше» (Лавр. 859, 946, 964 и 981). Дань от рала и плуга, конечно, одно и то же. Но те же вятичи, как о них сказано раньше, платили дань козарам от дыма. Значит дань от дыма и от рала или плуга взимается с одного и того же объекта, т.-е. с хозяйства, эмблемой которого может быть и дым (очаг) и рало, если это хозяйство земледельческое. Наконец есть и еще известие, что словени, кривичи и меря «дань даяху варягомъ отъ мужа по бѣлѣ и вѣверици» (по другой редакции именно эту дань варяги «имяху отъ дыма». Лавр. 859). По взятии Киева Владимиром Святославичем варяги потребовали от него: «се градъ нашь, и мы прияхомъ и; да хощемъ имати окупъ на нихъ по двѣ гривнѣ отъ человѣка» (Синод. 854 и 980). Новгородцы, желая помочь Ярославу против Болеслава, «начаша скотъ събирати отъ мужа по 4 куны» (Лавр. 1018). Но и эти сборы с мужа или человека нельзя понимать в смысле поголовной подати, а лишь в смысле подати с представителей семейств или хозяйств. Значит все различные обозначения предметов, с которых взималась подать, сводились к одному: отдельному дворохозяйству. Никаких дальнейших подробностей податной организации памятники рассматриваемого периода, к сожалению, не содержат. Известно лишь, что плательщики расписаны были по погостам, потугам, сотням или

вервям; что в смоленских погостах, кроме тех, кто платит свою дань, упоминаются особо «истужници», уплачивавшие особо «по силѣ, кто что мога», так что сбор с них исчислен в особой сумме («Хрест.» Вл.-Буданова, I, 258); что члены верви складывались по частям для уплаты дикой виры; что, наконец, иногда оклады сборов видоизменялись соответственно имущественной состоятельности плательщиков. Имеются еще указания о том, какими продуктами уплачивались подати: это мед, меха (белки, веверицы, черные куны) и деньги (щьляги, куны).

Кроме прямых сборов, памятники упоминают еще о некоторых повинностях. Таковы: повоз, как обязанность населения доставлять князю, должностным лицам и гонцам подводы с проводниками и гребцами, известный уже с половины XII в. в Черниговской и Галицкой землях (Ипат. 1151 и 1152), а с XIII в. в Новгороде (в договорах с князьями: «дворяномъ вашимъ у купцовъ повоза не имати, развѣе ратные вѣсти»). Позднее термин «повоз» заменяется термином «подвода». Далее в «Уставе о мостах», приписанном кн. Ярославу, говорится об обязанности населения в Новгороде мостить или гатить улицы и о распределении этой повинности (Р. Правда по Кар. сп., 134). Кроме того Р. Правда упоминает об уроках в пользу городника и мостника, получающих корм при постройке или починке городских укреплений и мостов (Тр., 90, 91; Кар., 108, 109). Надо думать, самую повинность постройки или починки отбывало население («донелѣже городъ срубять»).

Дальнейший естественный рост податной организации и вообще государственного хозяйства был подорван татарским нашествием. Покоренные татарами русские земли должны были платить хану дань. Эта дань по своему значению была совершенно тождественна с данью—окупом, какую платили отдельные славянские племена первым русским князьям. Но разоренному нашествием населению уплата ее была тем тягостнее, что способы ее взимания были крайне произвольны. Для выяснения количества дани татары производили описи и счисления, «число». О Киевской земле рассказано, что население разбежалось, укрывалось в пещерах и лесах, но «нѣ по колѣцѣхъ временехъ осадиша въ градѣхъ, и сочтоша я в число, и начаша на нихъ дань имати» (Синод. 1245). В 1257 г. зимой «приехаша численицi, исщетоша всю землю Суждальскую, и Рязаньскую, и Мюромьскую... толико не чтоша игуменовъ, черньцовъ, поповъ, крилошанъ, кто зрить на св. Богородицю и на владыку» (Лавр.). В том же году татарские послы явились в Новгород «и почаша просити десятины и тамгы, і не яшася Новгородци по то, и даша дары цареви, и отпустиша я с миромь» (Синод.). Но в 1259 г. и новгородцы принуждены были уступить и дать татарам число: «і яшася по число; і почаша ѣздити оканьнiи по улицам, пишюче домы христианьскыя» (там же). Наконец в 1275 г. «бысть на Руси и въ Новѣгородѣ число второе изо Орды отъ царя, и изочтоша вся, точiю кромѣ священников, и иноков

и всего церковного причта» (П. С. Л., т. X, 152). Это число толкуется в смысле поголовной переписи населения на основании свидетельства Плано-Карпини, который рассказывает, что татары после переписи распорядились, «чтобы каждый, как малый, так и большой, даже младенец однодневный, бедный и богатый, давал дань». Но трудно допустить возможность такой переписи, сколько-нибудь последовательно проведенной: у татар не было для того достаточных средств. К тому же о Новгороде прямо сказано, что там татары объезжали улицы, «пишюче домы», т.-е. дворы.

Сначала эту дань татары собирали сами. Для этого они после счисления «ставиша десятники, и сотники, и тысящники и темникі» или назначали баскаков, которые и откупали дань (Лавр., 1257; П. С. Л., т. X., 147, 151, 162—164). Повидимому откуп дани сделался пробладающей формой взимания дани, а главными откупщиками были бесерменские купцы. Злоупотребления откупщиков повели к целому ряду восстаний против них. Так, уже под 1262 г. стоит известие что «избави Богъ отъ лютаго томленья бесурменьскаго люди Ростовьскія земля: вложи ярость въ сердца крестьяномъ, не терпяще насилья поганыхъ, изволиша вѣчь, и выгнаша из городов, из Ростова, ис Суждаля, из Ярославля; окупахуть бо ти оканьнии бесурмене дани, и отъ того велику пагубу людем творяхуть, работяще рѣзы (работающе люди христіаньскіе въ рѣзѣх), и многы души крестьяньскыя раздно ведоша» (Лавр., ср. П. С. Л., т. V, 190; т. X, 143). Вероятно эти причины и вызвали передачу сбора дани в руки князей, которые уже сами отвозили ее в Орду. С этих пор она стала называться еще «выходом» или «запросом».

Вследствие того же татарского завоевания в значительной мере осложнилась и система косвенных сборов. Татары завели в русских землях чисто торговый сбор—т а м г у.

Литература: В. С е р г е е в и ч. Лекции и Исследования, изд. 4-е, 335—349; В л.-Б у д а н о в. Обзор, 83—86; Г у с т а в Э в е р с. (Gust. Ewers) Das älteste Recht der Russen, 34—39, 41—45, 58—69; Г а г е м е й с т е р. Разыскания о финансах древней России, 1833, 1—64; гр. Д м. Т о л с т о й. История финансовых учреждений России, 1848, 1—41; В. К у р и. О прямых налогах в древней Руси, 1855, в Юрид. Сборн. изд. Мейера и отдельно; Е. О с о к и н. О понятии промыслового налога и об историческом его развитии в России, 1856, 29—50.

ПЕРИОД ВТОРОЙ.

Политический быт во втором периоде представляется существенно изменившимся. Те три элемента, из которых слагается понятие о государстве, являются теперь с иными характерными признаками. На месте значительного числа мелких и неустойчивых в своих границах территорий здесь возникают две крупные территории государств Московского и Литовского, мало-помалу поглотившие прежние княжения древней Руси. Среди свободного населения, на почве различных общественных классов, постепенно зарождаются сословные группы. Наконец в составе государственной власти наблюдаются иные сочетания образующих ее сил: монархический элемент делает сравнительно быстрые успехи в своем развитии, а элементы демократический и аристократический, наоборот, постепенно теряют их прежний политический вес, хотя и не уничтожаются совершенно.

Все эти перемены происходят чрезвычайно медленно. Новое наслояется мало-по-малу, годами, десятилетиями, полувеками, а старое продолжает сказываться через столетия. Но смена старого новым выразилась, наконец, вовне, когда северо-восточная Русь объединилась под властью великого государя московского и всея Руси. Перемена стала очевидной. Но как она произошла? Хотя этот вопрос поставлен уже очень давно, он не нашел согласного ответа до сих пор. С этого вопроса, можно сказать, началась обработка русской истории. Он привлек к себе внимание русских публицистов и историков уже на первых шагах сознательной оценки прошлого. Но при выяснении того, как возникло единодержавие московских государей, этот вопрос слился с другим: почему это единодержавие отлилось в известную политическую форму.

Первые московские историки-публицисты XVI в. старались разъяснить откуда появились московские цари-самодержатели. Эти попытки не могут не казаться теперь крайне несовершенными и даже наивными. Людям той эпохи была совсем чужда и недоступна идея исторического развития. Их мировоззрение складывалось под непререкаемым авторитетом прадедовских заветов, седой старины. Перед ними стояла задача не объяснить явление, а оправдать его право на существование, поскольку оно освеща-

лось ореолом старины. И на поставленный вопрос они ответили таким образом, что русских самодержателей отыскали в далеком прошлом, начиная с Владимира св. и Владимира Мономаха, самодержавную их власть объявили дарованной из Византии, а родословное их древо вывели от римского кесаря Августа. При всей своей странности, эта историко-политическая доктрина имела глубокое влияние на умы последующих поколений: еще у Карамзина заметна унаследованная от XVI в. историческая перспектива Она даже дожила и до наших дней и находила защитников среди представителей университетской науки.

Методологически правильная постановка вопроса об объединении Руси и росте власти московских государей появилась лишь с того времени, когда в основу исторических изысканий была положена идея постепенного развития всех сторон жизни. Соловьев и Кавелин первые указали схемы этого развития и отметили главные моменты в развитии власти государей всея Руси. Они выводили ее из форм родового быта и указали постепенное ее греобразование: один—под влиянием особых условий политической жизни на севере, где политическая жизнь самым своим существованием была обязана князьям; другой—под влиянием закона распадения родового быта, при чем посредствующую стадию сыграл быт вотчинный. Кавелин уже в Андрее Боголюбском видел тип вотчинника, господина, неограниченного владельца своих владений,—тип, который окончательно развивается в Москве; Соловьев так же видит в нем собственника своего княжения, хозяина полновластного, у которого впервые появляются понятия о самовластце и о подручничестве—первые элементы понятий о государе и о подданстве.

Уже более 70 лет протекло с тех пор, как высказаны эти взгляды, но и до настоящего времени не выработано общего ответа на один из важнейших вопросов русской истории. Обыкновенно указывается целый ряд причин, вызвавших единодержавие и самодержавие московских государей: 1) иноземные влияния, византийское и монгольское; 2) содействие объединению Руси со стороны разных классов населения: духовенства, бояр и земских людей; 3) особые бытовые условия северо-восточной Руси: роль новых городов, вотчинное начало; 4) личные качества московских князей. Но в относительной оценке указанных причин до сих пор господствует полное разногласие. На первом плане у историков фигурируют то личные качества московских князей, то монгольское иго, то сила земли, в специальном смысле низших классов населения, то, наоборот, боярская инициатива и т. д. Так, одни все дело объединения Руси приписывают личной инициативе московских князей, их ловкости и способностям. На этой точке зрения стоит, напр., Вешняков. Наоборот проф. Сергеевич полагает, что московские князья сыграли в этом деле роль вовсе не положительную, а прямо отрицательную: объединение произошло вопреки их стремлениям. Подобные антитезы

в мнениях можно указать почти о каждой из вышеуказанных причин.

О монгольских влияниях еще Карамзин сказал, что «Москва обязана своим величием ханам». Многие исследователи всецело приняли эту мысль, а Костомаров посвятил развитию этого положения особую монографию, где утверждал, что Русь, покоренная татарами, сделалась военною добычею хана, его собственностью; все население от князей до холопов стало его рабами. А затем, с постепенным ослаблением ига, старейший русский князь заменяет собою хана со всеми его атрибутами государя и собственника русской земли. Значит власть московских государей явилась полной заменой ханского деспотизма. Народ был приучен к беспрекословному повиновению своему владыке под впечатлением татарского гнета, и московские князья во имя этой непреоборимой силы требовали и себе полной покорности и казнили непокорных. «Исчезло чувство свободы, чести, сознания личного достоинства; раболепство перед высшими, деспотизм над низшими стали качествами русской души». Вместе с тем, однако, Костомаров признал, что с XIV в., с постепенным уничтожением уделов на Руси, должна была, казалось бы, развиться монархия, в которой власть монарха была бы разделена с боярами. Этого не случилось, и власть возросла до полного самодержавия, благодаря эгоизму и отсутствию корпоративной сплоченности среди боярства.

Еще дальше Костомарова пошел проф. Леонтович. Справедливо заметив, что мысль о монгольских влияниях хотя и давно высказывается, но нигде строго и документально не доказывается, он, на основании сближений Чингизовой Яссы и Ойратских уставов (Цааджин-Бичик), указывает целый ряд заимствований из монгольского права в политической, общественной и административной жизни московской Руси. У монголов заимствованы: воззрение на государя, как верховного собственника всей территории государства; прикрепление крестьян и закрепощение посадских людей; идея об обязательной службе служилого сословия и местничество; московские приказы, скопированные с монгольских палат и пр. Автору, однако, не удалось найти каких-либо указаний на то, что в руках московского правительства действительно находились изученные автором монгольские уставы.

Воззрения Карамзина, Костомарова в большей или меньшей мере разделяли проф.: Загоскин, Энгельман, Сергеевич. Наоборот другие (Соловьев, Бестужев-Рюмин, Забелин, Вл.-Буданов) не придают монгольскому игу решающего значения. Соловьев, напр., полагает, что монголы, покорив Русь, остались жить вдали от нее и не вмешивались во внутреннюю жизнь страны, довольствуясь лишь сбором дани. Поэтому он приравнивает значение их влияний влияниям половецких хищников. Признавая это мнение слишком крайним, прочие признают, что в Московском государстве отразились некоторые черты восточных

государств, но приписывают это гораздо больше отрицательной стороне монгольского ига, хотя и допускают незначительные положительные влияния в области финансовой и военной администрации.

С исключением монгольского ига или независимо от него выдвигаются на первый план и другие созидательные элементы в деле объединения северо-восточной Руси. Так, И. Е. Забелин полагал, что московское единодержавие развилось в тесной связи с народным единством, зерно которого он видит в мирных и промышленных стремлениях рабочего посадского населения Суздальской земли. Эти стремления, поддержанные северными князьями Юрьевичами, и породили борьбу посада с дружинною боярскою силою, окончившуюся победой первого. Татарская неволя разрушила правильный ход дальнейших успехов объединения, но московские князья усвоили себе народный завет об устроении земского мира и тишины, а потому именно и оказались во главе объединяющейся Руси. Основною почвою для выработки типа самовластного государя в его московской форме послужило черное или серое всенародное множество, которому некогда было думать о каких-либо правах и вольностях в постоянных заботах о насущном хлебе и о безопасности от сильных людей. Это государево самовластие развивалось очень постепенно на русской почве и, быть может, не получило бы так скоро окончательной формы царского самодержавия, если бы не пришли ему на помощь греки и итальянцы при Иване III.

С этой точки зрения боярство является силой, противодействующей общим стремлениям народа и князей, силой крамольной, нарушающей очень часто земский мир и тишину. Но еще со времени Погодина установилось иное воззрение на историческую роль бояр. Погодин пришел к выводу, что свидетели духовной Донского были правителями государства во время его малолетства, вместе с некоторыми старцами, оставшимися от времен Калиты. Они же, следовательно, правили государством и во время малолетства сына Дмитриева Василия и имели случай довершить свои благодеяния отечеству. Эти заслуги боярства рельефно отмечены и Соловьевым. Согласно этим мнениям, бояре вовсе не враги объединения, а деятельные помощники московских князей.

Выяснению исторической роли боярства особенно посчастливилось за последнее время: ему посвящены труды проф. Ключевского и проф. Сергеевича. То, что Костомарову казалось лишь возможным,—а именно, возникновение на Руси монархии, ограниченной боярским правлением,—по мнению Ключевского, оказывается исторической действительностью, если не вполне, то в значительной мере. Московская Русь оказывается вовсе не в такой мере неограниченно-самодержавной, как думали раньше, а скорее монархически-боярской, так как царь всея Руси правит землею не единолично, а при посредстве и с помощью боярской аристократии. Отдельные же случаи столкновений монарха с этою аристо-

кратией приводят даже к попыткам специальной записью ограничить власть московских самодержцев.

Не менее важны и выводы проф. Сергеевича. Вопреки общепринятому мнению о развитии Московского государства из удела московских князей, он доказывает, что не из этой вотчины выросла объединенная территория северо-восточной Руси, а на обломках старого Владимирского великого княжения, после приобретения его Дмитрием Донским в наследственное владение своего дома. Не усилиями московских князей и даже вопреки их стремлениям начато дело объединения. Московские князья, начиная с Калиты и до Дмитрия Донского, вовсе не были созидателями того порядка, который привел Московское государство к единовластию и величию, а были, наоборот, решительными проводниками взгляда на княжение, как на частную собственность, со всеми его противогосударственными последствиями. Инициаторами и сторонниками воссоединения территории под властью одного князя были бояре, выступившие защитниками этой идеи еще в старой Ростовской земле. С Ивана Калиты за именами князей скрывается боярская рука, создающая камень за камнем Московское государство.

Нет согласия и в относительной оценке византийских влияний и политической роли духовенства. Соловьев давно заметил, что с принятием христианства духовенство получает важное политическое значение по своему влиянию на княжеские правительства и проводит в жизнь византийские идеалы, так как единственным образцом государственного устройства для духовенства могла быть только Византия. Для выяснения этого вопроса сделано довольно много в специальной литературе. Но ряд исследователей смотрит на вопрос совершенно отрицательно. Так, Костомаров, настаивая на монгольских влияниях, утверждал, что Софья Палеолог могла только укреплять Ивана III в помыслах самодержавия, а не зарождала их в нем. Обстоятельства, к которым приведена была Русь всей ее предшествующей судьбой, были достаточны для возбуждения решительных стремлений к самодержавию без посторонних чуждых влияний. Точно так же проф. Сергеевич хотя и признает правильною мысль Соловьева, что для возвышения московских князей над другими нужна была помощь преданий империи, но в то же время утверждает, что власть московских государей является результатом вековой работы нашей истории, а не позаимствованием чего-то из Византии.

Столь различные, нередко исключающие друг друга, мнения в вопросе столь существенной важности ставят изучающего в весьма трудное положение. Чтобы разобраться в подобных разногласиях, необходимо овладеть главнейшими фактами и знать, по какой группе источников они могут быть проверены и обоснованы.

Литература. Соловьев. История отношений между князьями Рюрикова дома, 1847; Соловьев. Взгляд на историю установления государственного порядка в России до Петра В., 1851, и в Собр. соч. 1882; Кавелин. Взгляд на юридический быт древней России, Соврем., 1847, № 1, и в Собр. соч., т. I, 1897;

Вешняков. О причинах возвышения Московского княжества 1851; изд. 2-е, 1909 Костомаров. Начало единодержавия в России, Вестн. Евр., 1870, № 12, и Монографии, т. XII; Ф. И. Леонтович. К истории права русских инородцев: древний монголо-калмыцкий или Ойратский устав взысканий, 1879; И. Е. Забелин. Взгляд на развитие московского единодержавия, Истор. Вестн., 1881, №№ 2—4; Погодин. Древняя русская аристократия, 1847, и в Истор. критич. отрывках, кн. 2, 1867; В. Ключевский. Боярская дума; В. Сергеевич. Как и из чего возникла территория Московского государства, Новь, 1886, янв. кн. 2, февр. кн. 1; Вольные и невольные слуги московских государей, Наблюд., 1887, №№ 2 и 3; Др. русск. пр., т. II; Пыпин. Московская старина, Вестн. Евр., 1885, № 1; М. Дьяконов. Власть московских государей, 1889; А. Е. Пресняков. Образование великорусского государства. Очерки по истории XIII—XV столетий, Птгр., 1918. Дальнейшие указания см. в отд. о власти государей.

I.

ИСТОЧНИКИ ПРАВА.

Творческие силы права или формы права остаются те же и в этом периоде: это—обычай, договоры и уставы или указы. Но отношения между ними изменяются: указная деятельность государей мало-по-малу выдвигается на первое место.

Творческое значение обычая, однако, чрезвычайно обширно: им создаются новые институты и учреждения и регулируются вновь унаследованные от предшествующего периода. Но конкурирующим с обычаем источником права является воля государей, которая людьми той эпохи и современными исследователями рисуется весьма обширной и сильной. Она и действительно могуча, но тем не менее не только не исключает действия обычая, но и сама себя ставит под защиту и под санкцию обычая. Этим самым государи показывают, что свой авторитет они ставят ниже авторитета пошлины или старины.

Когда великий князь Иван Васильевич решил назначить своим преемником внука Дмитрия и назначил торжественное его венчание, то сказал: «Божіимъ изволеніемъ отъ нашихъ прародителей великихъ князей старина наша, оттолѣ и до сихъ мѣстъ, отци великіе князи сыномъ своимъ пръвымъ давали великое княженье: и язъ былъ своего сына пръваго Ивана при себѣ же благословилъ великимъ княженіемъ. Божія паки воля сталася, сына моего Ивана въ животѣ не стало, а у него остался сынъ пьрвой Дмитрей, и язъ его нынѣ благословляю при себѣ и послѣ себя великимъ княженіемъ» (П. С. Л., т. VI, 241). Ссылка на прародительскую старину была тут не вполне правильна, так как назначение наследником внука при наличности другого сына случилось впервые. К тому же и сам Иван III в следующем 1499 г. ответил псковским послам на их просьбу держать свою вотчину в старине: «чи не воленъ язъ въ своемъ внукѣ и въ своихъ дѣтехъ? ино кому хочю, тому дамъ княженство» (там же, т. IV, 271). Тот же Иван III в 1504 г. отказался выдать литовскому правительству перешедшего на московскую службу Ивана Дашковича, мотивируя свой отказ опять стариной: «и напередъ того при насъ и при нашихъ предкѣхъ и при его (литовского кня-

зя) предкѣхъ межъ насъ на обѣ стороны люди ѣздили безъ отказу» (Сб. Русск. Ист. Общ., т. XXXV, 470). Но из Москвы не только не допускали отъезда в Литву, но наказывали за это.

Иван Васильевич Грозный мотивировал свое намерение венчаться на царство опять ссылкой на исконный обычай: «хочу поискати прежнихъ своихъ прародителей чиновъ: какъ наши прародители, цари и великіе князи, и сродничь нашъ, великій князь Владимеръ Всеволодичь Маномахъ, на царьство на великое княженіе садилися» (П. С. Л., т. XIII, 450). В чине венчания весь обряд изображен «по отечеству древнему преданию» (Собр. Гос. грам., т. II, № 33). А между тем это была полная новизна.

Московские государи все свои новые меры ставят под покров старины. Но и недовольные этими мерами оппоненты правительства также опираются в своей критике на старину. Берсень Беклемишев жаловался Максиму Греку: «вѣдаешь и самъ, а и мы слыхали у разумныхъ людей: которая земля переставливаетъ обычьи свои, и та земля недолго стоитъ; а здѣсь у насъ старые обычьи князь велики перемѣнилъ; ино на насъ которого добра чаяти?» (Акты Эксп., I, № 172).

Ненарушимость старины была общим лозунгом правительства и всех общественных слоев. Эта мысль ярко выражена в наказе московским послам при ведении переговоров об избрании на царство королевича Владислава. На требование панов рады устроить костелы в Москве по примеру Польши и Литвы, где разрешено строить греческие и люторские храмы, послы должны были ответить: «в Полше і в Литвѣ то повелось издавна, а в Московскомъ государстве того не бывало; а толко гдѣ чево не бывало, а всчати которое дѣло вновь, і в томъ будетъ многимъ людемъ сумнѣнье и скорбь великая і печаль» (Собр. Гос. Гр., т. II, стр. 432).

Но при последовательном проведении этой точки зрения Московское государство не могло бы возникнуть. Событие, однако, произошло при деятельном содействии правительства, которое не переставало подкреплять свои акты авторитетом старины. Из этого противоречия оно вышло только благодаря тому, что в оправдание своих мер ссылалось не на действительную, а на вымышленную, фиктивную старину. Стремление укрыться за выдуманной стариной, прикрыться фикцией — явление хорошо известное истории не только московского права: это всемирный факт. Он указывает, что в данную эпоху идея творчества права еще не сознается, и новые явления жизни подводятся под старые формулы. Московские князья и государи так же признают, что по усмотрению они не могут творить право. Весьма важное значение такого миросозерцания проявилось в том, что они не издают никаких общих уставов для определения государственного быта на новых началах, а переделывают старый быт мало-по-малу: длинным путем отдельных мероприятий, правительственною практикой. На почве этой практики постепенно слагаются новые

обычаи, которые с течением времени могут попасть и в указы или уставы.

Такой порядок выработки права дает изучающему важные методологические указания. Нельзя ознакомиться с состоянием права за данное время лишь по указам или уставам этого времени, так как в них изучающий не найдет всего действовавшего права. К указному праву всегда надо прибавить еще то право, которое применяется, но которое еще не успело найти отражения в уставах. Многие части действовавшего права так и не попали ни в какие государевы указы. Это право можно изучать только путем тщательного наблюдения правительственной и бытовой практики. Подмеченные в ней единообразия и явятся единственно надежной почвой для установления руководящих норм. С другой стороны, не все указное право может оказаться правом, действующим даже и без формальной его отмены: в указах может найтись и такая старина, которая отжила свой век. Указы и уставы необходимо изучать параллельно с изучением практики, как неизбежного дополнения и корректива официальных источников права.

Литература. В. Сергеевич. Опыты исследования обычного права, Наблюдатель, 1882, № 2.

Договоры.

Соглашения продолжают играть роль источника права для определения отношений между княжескими правительствами отдельных русских княжений до окончательного объединения их всех под главенством Москвы, а также для установления взаимных отношений Москвы с соседними державами. Наоборот в области внутренних государственных отношений договор не играет прежней роли и теряет всякое значение в этой сфере с постепенною заменою службы вольной службою обязательной.

Междукняжеские договоры за рассматриваемый период сохранились в значительном числе, хотя, конечно, далеко не все. Древнейший из дошедших до нас договоров заключен между родными братьями, сыновьями Калиты, в 1341 году, а последний — между вел. кн. Василием Ивановичем и родным его братом Юрием в 1531 г. (Собр. Гос. Гр., I, №№ 23 и 160—161). За этот двухсотлетний период между князьями состоялось, без сомнения, огромное число мирных и союзных соглашений. Дошедшие же до нас договорные грамоты (свыше 80) почти все заключены московскими великими князьями преимущественно с московскими же удельными или же с великими князьями тверскими, рязанскими, суздальскими; грамот не московского происхождения сохранилось ничтожное число.

По содержанию своему эти грамоты представляют богатейший материал для изучения отношений между князьями великими и удельными, их взаимных прав и обязательств относительно сно-

шений с другими княжескими правительствами, порядка доставления военной помощи друг другу, сношений с Ордой и платы татарской дани, порядка общего суда, выдачи преступников, рабов и должников, ограждения прав вольных слуг, порядка торговли и прав торговых людей и пр. Из сличения договорных грамот видно, как позднейшие повторяют многие постановления предшествующих. Но эта записанная старина может уже оказаться в противоречии с практикой, примеры чему приведены ниже. Договоры, хотя и скрепленные крестным целованием, нередко нарушались. Правильно замечено, что «договорное право представляет величайшую помеху для образования единого государства с единым государем во главе». И это потому, что договорами обеспечивалась внутренняя независимость владений удельных князей. Московские великие князья во многих случаях, еще до окончательного присоединения уделов, действовали не по точному смыслу договорных статей, а по праву сильного.

Литература. Большая часть междукняжеских договоров напечатана в прекрасном издании графа Румянцева. Главнейшие переизданы в особом выпуске Памятников русской истории: Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных, под ред. С. В. Бахрушина, М., 1909. Обработку их см. Б. Чичерин. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. Опыты по ист. русск. пр., 1858; В. Сергеевич. Вече и князь, 122—265; Др. русск. пр., т. II, 150—260; Н. Дебольский. Древне-русские междукняжеские отношения по договорам., Ист. Об., т. IV.

Международные договоры продолжают заключаться сначала отдельными русскими княжениями, а потом объединенным Московским государством с соседними государствами по западной, юго-западной и восточной границам. По мере усиления Москвы, особенно после свержения татарского ига, расширяется и область международных сношений московского правительства. Помимо ближайших соседей — великого княжества Литовского и королевства Польского, Тевтонского Ордена, Крымской и Ногайской Орды — возникают дипломатические сношения с Германской империей, Папским престолом, с немецким орденом в Пруссии, Скандинавскими государствами, Голландией, Англией, Персией и пр. Акты этих сношений имеют важное значение не только для изучения внешних политических и торговых связей Московского государства, но и для изучения внутреннего государственного и административного строя страны. Заключающиеся в этих актах подробные сведения о приеме иностранных посольств, о переговорах с ними, наказах русским дипломатам, статейных списках русских послов и пр. рисуют нередко яркие картины правительственных и общественных обычаев и нравов, выясняют политические и экономические стремления различных общественных классов, а потому являются важным материалом для изучения правительственной и бытовой практики. К сожалению эти материалы еще очень мало изучены и до сих пор не вполне доступны для изучения, так как далеко еще не все изданы.

Литература. Общим пособием для ознакомления с материалом может служить труд Н. Н. Бантыша-Каменского: Обзор внешних сношений России (по 1800 г.), части I—IV, 1894—1902. Важнейшие издания актов международных сношений: 1) С Литвой и Польшей: Книга посольская метрики вел. княжества Литовского в государствование королей Сигизмунда Августа и Батория, 2 тома, 1843; Акты западной России, т. I; Сборник Муханова, изд. 2, 1866; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским за время 1487—1571, 1598—1615 гг. в Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ., тт. XXXV, LIX, LXXI, CXXXVII и CXLII; Переписка между Россиею и Польшею по 1700 г., сост. Н. Н. Бантышем-Каменским, ч. I — III (1487—1645), 1862; 2) С Германскою империей, Папским двором и Итальянскими государствами: Пам. дипл. снош. древней России, изд. II Отд. собств. Е. И. В. Канц., тт. I—X; И. Григорович. Переписка пап с российскими государями в XVI в., СПБ., 1834; Н. П. Лихачев. Дело о приезде в Москву папского посла Антония Поссевина, Лет. зан. Арх. Ком., вып. XI, 1903; 3) Пам. дипл. снош. Московского государства с Крымом, Ногаями и Турцией (1474—1521), Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ., тт. XLI и XCV; 4) С Англиею: Первые 40 лет сношений между Россией и Англией (1553—1593). Грамоты, изд. Ю. Толстым, 1875; Пам. дипл. снош. Московского государства с Англиею (1581—1604), Сб. Имп. Русск. Ист. Общ., тт. XXXVIII; Статейный список приезда и пребывания в России английского посла Елизара Флетчера, Временник Общ. ист. и древн., кн. 8; Академик Гамель. Англичане в России в XVI и XVII ст., статьи 1 и 2, СПБ., 1865 и 1869; 5) С Скандинавскими государствами: Ю. Н. Щербачев. Датский архив. Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене (1326 — 1690); Чт. Общ. ист. и др., 1893, кн. I; Русские акты Копенгагенского Архива, извлеченные Ю. Н. Щербачевым, Р. И. В., т. XVI, 1897; Ю. Н. Щербачев. Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории, 1 вып., 1326 — 1569 гг., Чт. Общ. ист. и др., 1915, кн. 4; 2-й вып. 1570—1575 гг., там же 1916, кн. 2; Конст. Якубов. Россия и Швеция в первой половине XVII в., Чт. Общ. ист. и др., 1897, кн. 3 и 4, и 1898, кн. 1; Приложения к соч. Н. Лыжина: Столбовский договор и переговоры ему предшествовавшие, 1857; Sverges Traktater med främmande Magter, D. III (1409—1520), 1895; D. IV (1521—1571), 1888; D. V (1572—1632), 1903; Пам. дипл. снош. Московского государства с Шведским государством, т. I, 1556—1586 гг. Сб. Русск. Ист. Общ., т. CXXIX; 6) Пам. дипл. снош. Московского государства с немецким Орденом в Пруссии (1516—1520). Сб. Имп. Русск. Ист. Общ., т. LIII.; 7) Донесения посланников республики Соединенных Нидерландов в Россию в 1615—1616 и 1630—1631 гг., Сб. Имп. Русск. Ист. Общ., тт. XXIV и CXVI; Посольство Кунраада фон-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу; 8) Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV—XVI вв., Чтен. Общ. ист. и древн., 1887, кн. 1; 9) Сношения России с Кавказом (1576—1613), Чтен. Общ. ист. и древн., 1888, кн. 3; 10) Пам. дипл. и торговых сношений Московской Руси с Персией, тт. I—III (1588 — 1621), Труды Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ., тт. XX, XXI и XXII; 11) Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 г., составленное Н. Бантыш-Каменским, Казань, 1882.

Указы государей.

Московские великие князья и государи издают целый ряд распоряжений или указов сначала в устной форме, а потом все чаще — в письменной. В последнем случае эти распоряжения носят название государевых грамот. Число этих грамот из года в год возрастает в зависимости от расширения территории и усложнения управления. По характеру своему указные грамоты не заключают общих правил или общих норм. Московские

государи еще не сознают, что их воля может творить право. В их глазах всякое право должно иметь санкцию старины. Поэтому в своих указах они дают частные или местные распоряжения по тем или иным вопросам управления и суда. Но этими распоряжениями они создают указную практику, на почве которой могут выработаться мало-по-малу общие нормы. Только эти условия правообразования выясняют возникновение тех или других институтов и учреждений в московском праве. В силу этого изучение указной деятельности правительства получает первостепенное значение.

Но число сохранившихся правительственных грамот весьма обширно. Многие из них уже изданы, но еще большее их количество хранится в архивах. Отсюда естественное желание исследователей установить какую-либо классификацию грамот, разделить их на группы по содержанию, чтобы изучать каждую группу в отдельности. Из различных предложенных классификаций грамот едва ли не самою удачною является классификация, предложенная проф. Вл.-Будановым, хотя ее надлежит дополнить некоторыми рубриками, а именно, кроме грамот жалованных и уставных, в нее следует еще включить грамоты духовные и грамоты, адресованные на имя отдельных должностных лиц, как-то: таможенные грамоты, наказы воеводам и т. п.

1. Духовные грамоты великих и удельных князей и княгинь содержат распоряжения завещателей о распределении волостей и сел и движимого имущества между наследниками. По своему значению эти княжеские завещания тем только отличаются от духовных завещаний частных лиц, что содержат распоряжения относительно раздела государственной территории и правительственных доходов между сонаследниками. Но эти правительственные распоряжения, стоящие рядом и в перемежку с частнохозяйственными распоряжениями о разделе недвижимой и движимой собственности, всего отчетливее рисуют насколько шатка еще граница между публично-правовыми и частно-правовыми отношениями. В качестве исторического источника княжеские завещания особенно важны при изучении территориального роста Московского государства и для выяснения подробностей придворного управления. Начиная с Калиты, сохранилось 14 духовных от великих князей московских, от некоторых притом по две и даже три (Вас. Дмитр.); не дошла только духовная Василия Ивановича. Кроме того сохранилось до 20 духовных от удельных князей и княгинь. Все княжеские духовные изданы в Собр. Гос. Грам. и Дог., т. I, а духовная Грозного в Доп. к Акт. Ист., том I, № 222.

Литература. Б. Чичерин. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей; В. Дебольский. Духовные и договорные грамоты московских князей, как историко-географический источник, 1901 и 1903 гг. См. также духовные князей в издании под ред. С. В. Бахрушина (стр. 201).

2. Жалованные грамоты составляют самую обширную группу различных указов. Название «жалованная грамота» указывает, что данное распоряжение содержит какое-то пожалование или какую-то милость отдельным лицам, учреждениям или группе населения. В этом смысле всякое распоряжение, изданное по челобитью просителей, может быть названо пожалованием. Так, например, уставные грамоты издаются по челобитьям заинтересованных, а потому в тексте их обычно встречается выражение: «вел. князь пожаловал своих людей таких-то». Но по своему содержанию уставные грамоты составляют особую группу грамот. К жалованным грамотам в родовом значении, по классификации проф. Вл.-Буданова, относятся три вида грамот, различающихся по предметам пожалований: 1) жалованные грамоты в тесном смысле, которыми даруются частным лицам, чаще монастырям и духовным властям, недвижимые имущества или же укрепляются права на недвижимое имущество. Значение этих грамот сводится к тому, что ими дополняется материал для изучения вопроса о сосредоточении недвижимых имуществ в руках духовенства и монастырей. Нередко к пожалованию недвижимого имущества или укреплению прав на него присоединяется пожалование каких-либо льгот; в таком случае жалованные грамоты первого вида переходят в грамоты второго вида.

а) Жалованные грамоты льготные или привилегии (priva lex) содержат какие-либо изъятия от общих порядков суда или податных обязанностей в пользу лиц физических или юридических, получающих пожалование. Эти изъятия являются частным или личным законом и могут быть весьма разнообразны. В области суда льготы заключались в том, что население, проживающее в имении получившего льготу, освобождалось от подсудности областному правителю и судилось самим землевладельцем; последний же подлежал суду великого князя или его боярина введенного или дворецкого; в судных же делах населения вотчины с посторонними образовывался обчій или смѣстный суд. Освобождение от подсудности местным властям может быть полным или ограниченным. С половины XV в. вотчинный суд землевладельца не распространялся на дела о разбое, душегубстве и татьбе с поличным, которые остаются в ведомстве местных властей. Льготы податные могут быть еще разнообразнее. Прежде всего землевладельцу может быть предоставлено право самому собирать все сборы с населения своего имения и доставлять эти сборы в Москву. В этом случае всякие сборщики налогов не имеют права въезда в пределы имения. Далее льгота может состоять в том, что с населения имения, вместо различных колеблющихся по размерам сборов и повинностей, взимается одна определенная сумма под именем оброка. Наконец население данного имения может быть освобождено от некоторых или всех податей и повинностей обыкновенно на какой-либо определенный срок. Освободить от податей технически

обозначалось термином «обѣлить» или татарским словом «отарханить». Поэтому льготные грамоты от податей назывались еще **обѣльными** или **тарханными**, или же просто **тарханами**. Льготы судебные и податные нередко совмещались, особенно в жалованных грамотах монастырям, хотя встречаются и весьма разнообразные комбинации льгот. Полная льгота создавала и у нас порядки и отношения, весьма близкие с западно-европейским иммунитетом. Важное значение жалованных льготных грамот явствует уже из того, что они представляют благоприятную почву для возникновения сословных привилегий, как это было на западе Европы. Хотя у нас почва для возникновения сословных привилегий оказалась менее благоприятной, но все же некоторые из пожалований получили характер общих норм. Например предоставляемое по жалованным грамотам землевладельцам право судить население своих имений и взимать с него подати вошло готовым элементом в состав крепостного права на крестьян вотчин и поместий. С другой стороны, укоренившаяся практика пожалований нередко оказывала серьезное противодействие противоположным мероприятиям правительства. Так, Судебник 2-й, духовные соборы 1580 и 1584 гг. предписали уничтожение тархан; а на соборах категорически запрещен и дальнейший рост монастырского землевладения. Но выборные на соборе 1648 г. жаловались, что эти предписания не исполнены, и просили у духовных властей и монастырей отобрать земли, которые приобретены ими после 1580 г., так как в «соборномъ дѣлѣ уложенье написано, что съ тѣхъ мѣстъ въ монастыри вотчинныхъ земель отнудъ не давать, а власти къ тому приговору и руки свои приложили, что имъ и впредъ, кто по нихъ иные власти будутъ, никакихъ земель въ монастыри не имать» (Ак. Эксп., т. IV, № 33). Хотя уложение подтвердило запрет давать всякие вотчины в монастыри (XVII, 42), но ни откуда не видно, чтобы челобитье выборных об отобрании земель было исполнено. Но помимо только что указанного значения, льготные грамоты имеют еще и в другом отношении огромную важность при изучении юридического быта. Установляя те или иные изъятия из общего порядка в пользу получающих пожалования, эти грамоты косвенно рисуют картины общего порядка, сохраняющего значение для всех, не пользующихся привилегией. Так, например, при установлении податных льгот, грамоты подробно перечисляют разные виды податей и повинностей, от которых освобождаются пожалованные. Благодаря этим косвенным указаниям можно выяснить, какие именно подати и повинности существовали за данное время, в данном месте. Точно так же можно делать заключения о порядке общей подсудности и т. п.

б) **Жалованные грамоты охранительные** или **заповедные** выдавались заинтересованным по их просьбе в ограждение принадлежащих им прав, нередко с угрозой наказанием против нарушителей. Поэтому такие грамоты называются еще

опасными или бережельными. Так, например, проситель жаловался, что «вотчинишка его, бортной ухожей, на Унжѣ, и стороннiе люди его обидятъ, въ вотчину его ходятъ насильствомъ, борти дерутъ и лѣсъ сѣкутъ»; он просил против обидчиков дать ему береженную грамоту, каковая и выдана (Ак. Юр., № 359). Уложение предписывает выдавать опасные грамоты тем, кто будет о том просить, против похваляющихся смертным убойством с заповедью в 5—7 тысяч руб. (X, 133). Отсюда отнюдь не следует, что без таких грамот нельзя было защищать своих прав судом; грамоты лишь подтверждают за просителем такое право на судебную охрану. Но из этих подтверждений явствует и то общее правило, которое должно быть применено и в частном случае в силу заповедной или опасной грамоты. К этому же типу грамот могут быть отнесены и правые грамоты, как содержащие применение, в силу судебного решения, общего правила к частному случаю.

3. Уставные грамоты по форме своей нередко были пожалованиями, но по содержанию тем отличаются от жалованных грамот, что определяют устройство и порядок деятельности органов местного управления, а по пространству действия являются не общими, а местными законами. По различию органов, учреждения которых нормируются в уставных грамотах, они разделяются на три вида.

а) Уставные грамоты наместничьего управления имели в виду поставить в некоторые правомерные границы деятельность наместников и волостелей и оградить население области от их злоупотреблений; наместники должны были «ходити» по уставным грамотам. Они писались поэтому на имя местных жителей и являлись в их руках средством контроля над деятельностью наместника и его людей. В уставных грамотах исчислялись все обязанности населения по отношению к наместникам, а именно: установлялись размеры уплачиваемых в их пользу судебных пошлин, корма и иных сборов и доходов, а также способ взимания их; определялся численный состав «пошлинных людей» у наместника, т.-е. тиунов, доводчиков и пр.; порядок жалоб на наместников; воспрещался самосуд в связи с обязанностью даваться под суд наместнику; указывались некоторые правила судопроизводства и т. д. Наместники же и волостели, в ограждение их интересов и для устранения споров с жителями получали «доходные списки», по которым и взимали с населения всякие сборы. О назначении наместника население уведомлялось особой грамотой, в которой указывалось, что государь пожаловал такого-то таким-то городом или волостью в кормление, «и вы всѣ люди чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ, и судитъ, и ходитъ, какъ было за прежними намѣстниками», или «по старой пошлинѣ», при чем иногда прибавлялось такое разъяснение: «а доходъ бы есте ему давали по своей уставной грамотѣ; а не будетъ у васъ уставной грамоты, и вы бъ ему

доходъ давали по его доходному списку» (Ак. Юшкова, № 213). Отсюда видна та близкая связь, какая существовала между уставной грамотой и доходным списком.

б) Губные грамоты определяли состав и порядок деятельности учреждений, возникавших в 20-х и 30-х годах XVI в. по челобитьям самого населения, для сыска и казни разбойников и лихих людей. Ранее эти дела состояли в ведомстве наместников, у которых, однако, не оказалось достаточных средств для уголовно-полицейского сыска. Поэтому жители отдельных округов и хлопотали о разрешении им самим «сыскивати промежь себя» лихих людей и выбрать для этой цели губных старост и целовальников. По этим челобитьям и выдавались губные грамоты, в которых давались указания кого и как выбирать в состав губных учреждений, как выборные лица должны были производить сыск и при наличности каких условий подвергать казни лихих людей. Губные грамоты впервые выделили в нашем старом праве уголовную юстицию (сыск) от состязательного процесса (суда).

в) Уставные земские грамоты появляются в самом начале второй половины XVI в. и опять по челобитьям населения. На этот раз население просило о полной отмене наместничьего управления с передачей всех дел суда, податного и полицейского управления в руки излюбленных голов и целовальников. В грамотах и определялся состав, порядок избрания и ведомство новых земских учреждений и отношение их к губному ведомству.

Литература. О видах грамот и их классификации см. Вл.-Буданов. Обзор, 217—222; Н. П. Загоскин. История права Московского государства, т. I, 39—58; Уставные грамоты XIV—XVI вв., 10—24; Д. М. Мейчик. Грамоты и другие акты XIV и XV вв. Московского Архива Министерства Юстиции, опис. док. и бум. Москов. Арх. Мин. Юст., т. IV, 1884, и отд., 1—25; М. Липинский. Рец. на соч. Мейчика, Ж. М. Н. Пр., 1885, № 9; М. Ясинский. Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства, 1889, 1—36.

О жалованных грамотах: А. Горбунов. Льготные грамоты, жалованные монастырям и церквам в XIII, XIV и XV вв., Арх. истор. и практ. свед., изд. Калачовым, 1860—61 г., кн. I, V и VI; здесь рассмотрены все изданные до тех пор 230 грамот, дан их свод с указанием изданий, где они напечатаны; Мейчик в назв. соч. указывает еще 110 таких грамот. Жалованные грамоты еще изданы в прил. к соч. проф. М. И. Горчакова: О земельных владениях всероссийских митрополитов, 1871, и в изд. А. Юшкова: Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ, Чтен. Общ. ист. и древн., 1898, кн. II—IV. Ср. еще: Н. П. Павлов-Сильванский. Иммунитет в удельной Руси, Ж. М. Н. Пр., 1900, дек., и отд.; Феодальные отношения в удельной Руси, Ж. М. Н. Пр., 1901, июль, и 1902, янв., и отд.; Феодализм в древней Руси, 1907; Ф. В. Тарановский. Феодализм в России, 1902 г.; В. Сергеевич. Древности русск. права, т. III, 291—304 и 469—475; Вл.-Буданов. Обзор, 292—298; В. Панков. Льготное землевладение в Московском государстве до конца XVI в. и его политическое и экономическое значение, СПБ., 1911.

Об уставных грамотах наместничьего управления: Н. П. Загоскин. Уставные грамоты XIV—XVI вв., определяющие порядок местного правительственного управления, вып. I и II. 1875—76 г.; во 2 вып. дан сведенный текст всех 15 грамот; Л. Сомов. Опыт систематического изложения материала

уставных грамот, определяющих порядок местного правительственного управления в Московском государстве, Киев, 1914, где перепечатан текст 16 грамот. Две древнейших уставных грамоты — Двинская 1398 и Белозерская 1488 гг., напечатаны в Хрест. Вл.-Буданова, вып. I и II, и дан указатель. Доходные списки изд. в Акт. Юшкова, №№ 69, 75, 124, 194 и 229; там же значительное число грамот, уведомляющих население о назначении наместников. Еще Д. Самоквасов. Архивный материал, I, М., 1904, 177.

Об уставных губных и земских грамотах: В. Ерлыков. Сличенный текст всех доселе напечатанных губных грамот XVI и XVII вв., Чтен. Общ. ист. и древн., 1846, кн. 2 Н. Шалфеев. Об уставной книге Разбойного приказа, 1868; Н. Ретвих. Органы губного управления в XVI и XVII вв. Сборн. правов. и обществ. знаний, кн. VI; С. Шумаков. Губные и земские грамоты Московского государства, 1895; здесь и сводный их текст; С. Шумаков. Новые губные и земские грамоты, Ж. М. Н. Пр., 1909, № 10. Всех губных грамот издано до сих пор 15: древнейшая, Белозерская 1539 г., напечатана и в Хрест. Вл.-Буданова, вып. II, где дан их указатель. Всех земских грамот издано 14; последнею напечатана со списка грамота Устьянским волостям 1555 г. мая 23 М. М. Богословским, Земское Самоуправление на русском севере в XVII в., т. I, 287, прим. 4; одна из более ранних, Важская 1552 г., у Вл.-Буданова, Хрест., вып. II, где и перечень грамот. Тексты всех уставных грамот переизданы Ист.-фил. фак. Москов. ун. под ред. А. И. Яковлева. Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства, М., 1909.

Московские законодательные сборники и указные книги.

Судебник 1497 года.

Судебник 1497 г. в единственном сохранившемся списке не носит такого названия, а имеет лишь следующий заголовок: «Лѣта 7006 мѣсяца септемвріа уложилъ князь великій Иванъ Васильевичь всея Руси съ дѣтми своими и съ бояры о судѣ, какъ судити бояромъ и околничимъ». В двух летописных заметках он назван Судебником и это название за ним упрочилось по аналогии со вторым Судебником. Об обстоятельствах, вызвавших издание первого Судебника, и о порядке его составления ничего неизвестно. Лишь в одной из летописных заметок сказано, что великий князь «уложилъ судъ судити бояромъ по Судебнику Володимера Гусева». Этот дьяк в следующем же году был казнен за участие в заговоре против внука великого князя Дмитрия. Нужно думать, что с объединением государства все более ощущалась недостаточность наличных местных (указных и иных) норм, и это естественно навело на мысль иметь общий сборник правил для всей территории государства.

Первый опыт московского законодательства нельзя назвать удачным: Судебник 1-й очень краток и беден содержанием даже по сравнению с Р. Правдой, не говоря уже о Псковской Судной грамоте. Его содержание почти исключительно процессуальное: наметить основные начала отправления правосудия и поставить их под контроль центральной власти—вот главнейшая цель законодателя. В Судебнике идет речь сначала о суде центральном (суд бояр, окольничих, великого князя и его детей), затем о суде наместников в городах; в конце помещены немногие слу-

чайные нормы материального права под особыми заголовками: «о займѣхъ», «о христьанскомъ отказѣ», «о чюжоземцѣхъ», «о изгородахъ» и пр. Такой порядок статей вызвал мысль о системе Судебника, по которой его содержание распадается на три указанных части, с 4-ю дополнительною. Едва ли, однако, уместно называть подобный порядок системою, тем более, что он далеко не выдержан: среди статей о суде центральном помещена статья «о намѣстничѣ указѣ» и ряд уголовных постановлений—«о татбѣ» «о татѣхъ», «о татиныхъ рѣчѣхъ», из которых только одно первое дословно повторено в отделе о суде наместников под заглавием: «о татѣхъ указъ». С внешней стороны статьи в подлиннике разделены заглавиями, писанными киноварью. Первые издатели памятника насчитали таких статей 36. Но не все статьи имеют заглавие; иные лишь начинаются с новой строки красною буквой; другие писаны в строку под общим заголовком с предшествующими, хотя не имеют к ним никакого отношения. Напр., под заголовком «о чюжоземцѣхъ» сначала изложено правило о исках между чужеземцами, потом о подсудности духовенства, наконец, о порядке наследования без завещания. Впервые проф. Вл.-Буданов разделил памятник на статьи по различию содержания и насчитал таких статей 68.

Источниками Судебника являются, главным образом, прежние юридические сборники—Р. Правда и Псковская Судная грамота, а также княжеские грамоты, определявшие порядок местного управления и суда. Из Р. Правды несомненно взята статья «о займѣхъ» (55), определяющая последствия торговой несостоятельности почти буквально словами источника. В статье «о полной грамотѣ» (66), указываются источники холопства (тиунство и ключничество), известные и Правде, но с изменениями по существу и в другой редакции. Из Псковской грамоты взято до 9 статей, но с изменениями. Многое редактору Судебника казалось неясным или осталось непонятным: выражение «живота не дати» он поясняет другим—«казнити смертною казнiю»; термин «истецъ» он понимает по-московски, в смысле «ищеи», и иногда дополняет его выражением: «или отвѣтчикъ», тогда как в грамоте этим термином обозначается вообще сторона в процессе, и дополнение оказывается излишним и затемняющим смысл нормы. Оригинальный институт послушества московский рецептор совершенно исказил: он знает послуха—свидетеля, который обязан явиться в суд и может нанимать за себя наймита на поединок, но в то же время берет из грамоты понятие о послухе—пособнике, который по самому существу должен был всегда действовать лично и не мог заменить себя никем другим. Такое заимствование вовлекло редактора в непримиримое противоречие. Одним из важнейших источников Судебника были уставные грамоты наместничьего управления, хотя содержание их Судебником далеко не исчерпано. Поэтому они не утратили своей силы и после издания Судебника, который предписывает в иных случаях поступать по грамотам

и лишь за отсутствием их применять содержащиеся в нем постановления (ст.ст. 38 и 44). Наконец немногие нормы взяты из обычного права, напр., понятие о лихом человеке, о давности, о крестьянском отказе и др.

Бедность содержания Судебника 1-го неизбежно требовала его дополнения. Из позднейших памятников известно, что вел. князь Василий Иванович издал, напр., уложение о вотчинах и устав о слободах, которые не сохранились. В 1550 г. издан новый Судебник. В его заголовке сказано, что царь Иван Васильевич, «съ своею братьею и съ бояры, сесь Судебникъ уложилъ» в июне 7058 лета. Но из речи царя на Стоглавом соборе 1551 г. известно, что царь представил собору новый Судебник и уставные грамоты, просил прочесть их и рассудить и, если дело будет признано достойным, скрепить их подписями для хранения в казне. Значит царь считал нужным получить от собора санкцию вновь составленного Судебника. Как отнесся собор к этому предложению, остается неизвестным, а потому и нельзя сказать, в какой мере точно передан в заглавии Судебника порядок его издания. Из той же речи царя раскрываются и поводы к переизданию Судебника. Царь вспоминал, что «въ предыдущее лѣто» он благословился у представителей церкви «Судебникъ исправити по старинѣ». Предыдущее лето — это 7058 год, обнимающий, по нашему счислению, период времени с 1 сент. 1549 г. по 1 сент. 1550 г. К этому году приурочивали созвание земского собора, на котором и мог быть возбужден вопрос об исправлении старого Судебника. Эта догадка находит косвенное подтверждение в сопоставлении кратких указаний об этом соборе 1549 г. (может быть, это был церковно-земский собор, приближающийся по составу к Стоглавому собору), сохранившихся, впрочем, лишь в позднейшем и интерполированном памятнике, с некоторыми новшествами Судебника 2-го. Царь говорил, между прочим, на соборе, что его бояре и вельможи впали во многие корысти и хищения, называл их лихоимцами, хищниками, творящими неправедный суд; но в то же время он признал, что всех обид и разорений, происшедших от бессудства и лихоимания властей, исправить невозможно, и просил оставить «другъ другу вражды и тяготы». На Стоглавом соборе царь подтвердил, что он заповедал боярам «помиритися на срокъ» по всем делам «со всѣми христіаны» своего царства, и бояре, приказные люди и кормленщики «со всѣми землями помирилися во всякихъ дѣлѣхъ». Это известие толкуется в том смысле, что ввиду массы жалоб и исковых требований, предъявленных на наместников, волостелей и иных судей, правительство оказалось не в силах разобрать все эти дела судебным порядком и предписало окончить их полюбовным соглашением. Значительное же число исков на неправедный суд следует объяснить не только беспорядками боярского правления в малолетство Грозного, но и недостаточностью установленных в ограждение нелицеприятного суда правил Су-

дебника 1-го. В нем имеются только три статьи (1, 2 и 67), которыми запрещено судьям дружить или мстить судом, брать посулы и отказывать в правосудии, а тяжущимся — давать посулы; но эти запреты не имели никакой санкции. Отсюда постоянная трудность в разрешении дел по жалобам на наместников. На этот существенный недостаток и было обращено, прежде всего, внимание при исправлении Судебника. Царь указал Стоглавому собору, что он «Судебникъ исправилъ и великие заповѣди написалъ, чтобы то было прямо и бережно и судъ-бы былъ праведенъ и безпосулно во всякихъ дѣлехъ». Это указание вполне подтверждается сравнением нового Судебника со старым: в нем, вместо прежних трех статей без всякой санкции, помещено до 10 статей (3—8, 11, 32—34), установляющих наказания за неправильные обвинения, посулы и отказ в правосудии, и до 5 статей (44, 47, 54, 66, 74), облагающих наказаниями различные неправильности в судопроизводстве. В этом заключается одно из существенных отличий нового Судебника.

Общее сравнение его с прежним убеждает в том, что последний положен в основу нового памятника и является важнейшим его источником. Даже порядок расположения статей удержан прежний, но статьи правильнее одна от другой отделены и перенумерованы. Всего статей в Судебнике 2-м 100, против 68 старого. Излишек статей содержит дополнения и новости. Некоторые дополнения заключаются и в параллельных статьях; например, правило «о христьанскомъ отказѣ», кроме условия о сроке и уплате пожилого за пользование двором, установляет целый ряд добавочных норм — о плате за повоз, о праве крестьянина на оставленную в земле рожь, о продаже крестьянином себя с пашни в холопство вне срока и без уплаты пожилого. Новые статьи или обнимают нормы, обеспечивающие праведный суд (сюда, помимо вышеуказанного, следует еще отнести обязанность наместников нести ответственность и за всех их людей, а также установление годовой давности для исков на наместников, — доказательство, что правительство и впредь ожидало наплыва таких исков), или же касаются совершенно новых вопросов, не затронутых в старом Судебнике (правила о родовом выкупе, о служилой кабале, об отмене тарханных грамот и др.). Дополнительные правила и новые статьи могли быть заимствованы или из обычной практики или из каких-либо несохранившихся до нас указов.

И после всех этих дополнений Судебник 2-й сохранил, однако, значение сборника правил судопроизводства, с сравнительно бедным содержанием норм материального права. Восполнением этого недостатка попрежнему мог служить живой обычай. Судебник 2-й кладет впервые серьезное ограничение такой практике: он предписывает всякие дела судить и управу чинить «по тому, какъ царь и великiй князь въ семъ своемъ Судебникѣ уложилъ» (ст. 97). Относительно дел новых, которые «въ семъ Судебникѣ не написаны», установлен доклад государю и боярам;

«и какъ тѣ дѣла, съ государева докладу и со всѣхъ бояръ приговору, вершатся, и тѣ дѣла въ семъ Судебникѣ приписывати» (ст. 98). Правило о докладе новых дел едва ли могло быть в точности выполнено; иначе надо было бы допустить, что царь и его дума сейчас же после издания Судебника были завалены огромным числом законодательных вопросов, о чем не сохранилось никаких указаний.

Судебник 1-й наден в 1817 г. Калайдовичем и Строевым и издан в 1819 г. вместе с Судебником 2-м (издание повторено в 1878 г.). Ранее он был известен только в неполных выдержках, помещенных в записках Герберштейна. Судебник 2-й найден в 1734 г. Татищевым, который подобрал несколько дополнительных к нему указов, снабдил все это примечаниями и представил рукопись в Академию Наук. Труд Татищева издан только в 1768 году, когда появилось в свет и издание Судебника Башиловым.

Литература. Списков Судебника 2-го найдено несколько, тогда как Судебник 1-й до сих пор известен в одном лишь списке. Лучшие издания Судебников в А. И., т. I, №№ 105 и 153, и еще в Хрест. Вл.-Буданова, вып. II. Ср., однако, указания Н. П. Павлова-Сильванского в ст. Погрешности Актов Археографической Экспедиции, 22—26. Лет. зан. Арх. Ком., вып. XVII, 1907. См. Загоскин. История права, I, 58—70; Вл.-Буданов. Обзор. 222—226; Н. Калачов. О судебнике царя Иоанна Васильевича, Юр. Зап. Редкина, т. I; И. Жданов. Церковно-земский собор 1551 г., Ист. Вестн., 1880, № 2 и соч., т. I; В. Ключевский. Состав представительства на земских соборах,—Опыты и Исследования, М., 1912; С. Платонов. Речи Грозного на земском соборе 1550 г., статьи по русской истории, изд. 2-е, 1912 г.

Указные книги приказов.

Указные книги приказов заключают в себе дополнительные указы к Судебнику 2-му, издававшиеся в порядке, установленном ст. 98 Суд.: «А которые будутъ дѣла новые, а въ семъ Судебникѣ не написаны, и какъ тѣ дѣла, съ государева докладу и со всѣхъ бояръ приговору, вершатся, и тѣ дѣла въ семъ Судебникѣ приписывати». Это правило налагало на все центральные учреждения (приказы) обязанность докладывать государю и боярам по всем делам, которые не могли быть ими окончательно разрешены. Такой доклад мог состояться по каждому отдельному делу или по целому ряду вопросов, возникших в приказной практике. В последнем случае каждый вопрос записывался особой статьею, так что доклад состоял из нескольких статей и назывался статейным списком. Но и этот способ доклада по статьям не устранял чрезвычайной казуистичности возбуждаемых законодательных вопросов, которые и разрешались государем и боярами каждый в отдельности. Решение по делу или указ и боярский приговор на представленный доклад сообщался докладчику иногда только устно или большею частью письменно помечался на самом докладе краткою формулой. Окон-

чательная же формулировка придавалась указу в том приказе, которым возбужден доклад, и в таком виде указ заносился в экземпляр Судебника, принадлежавший тому приказу, из которого возбужден был доклад. Никаких правил относительно обнародования указов или, по крайней мере, о сообщении их в другие приказы и подведомственные им учреждения не существовало. Только в очень редких случаях предписывалось «бояромъ, въ своемъ приказѣ, всѣмъ людемъ давати управа по сему государеву указу; и изъ своего приказа во всѣ городы, къ намѣстникомъ и ко всѣмъ судiямъ, розослати грамоты, чтобы приказу его всѣмъ людемъ тотъ государевъ приговоръ вѣдомъ былъ» (А. И., т. I, № 154, VII). Еще реже принимались меры к всенародному объявлению указов, как было, например, предписано в 1552 г., «по цареву и вел. князя слову по торгомъ кликати: чтобъ православнiи христiане, отъ мала и до велика, именемъ Божiимъ во лжу не клялись, и накривѣ креста не цѣловали» и пр. (там же, № 154, II). Сравнительно чаще бывало, что приказ, получивший государев указ, сообщал о нем в некоторые другие приказы особою «памятью». Обычно же и этого не делалось, и дело ограничивалось выполнением повеления: «и казначеемъ велѣти то въ Судебникъ написати»; или: «да написати въ Судебникъ къ холопью суду»; или и еще проще: «царь и вел. князь приказалъ казначеемъ о судѣ» (там же, № 154, IV, V, 16, XII). Результатом такой законодательной практики явилось то, что у каждого приказа возникла своя особая записная книга указов, отличающаяся от подобных же книг во всех других приказах. А это в свою очередь имело своим следствием, что законодательный вопрос, уже решенный раз по докладу какого-либо приказа, мог быть возбужден во второй раз, в третий и т. д. другими приказами, которые ничего не знали об изданном указе. Это отсутствие экономии в законодательной деятельности осложнялось еще тем, что у государя и его думы не было собственной канцелярии, где записывались бы изданные указы. При таких условиях государь и бояре могли и не знать, что такой же или подобный вопрос они уже раньше решали; или же могли не вспомнить, как он был разрешен. Такой порядок неизбежно должен был привести к несогласию и даже прямому противоречию в указах. С другой стороны, каждая такая указная книга представляла собою unicum [1]), и утрата ее означала окончательную гибель содержащегося в ней всего законодательного материала, восстановить который не представлялось возможным. В 1626 г. сгорел Поместный приказ, и погибла большая часть его дел, в том числе и указная книга приказа. Несмотря на все старания восстановить из спасенных дел и из дел других приказов изданные указы о поместьях и вотчинах, это удалось только в весьма неполном виде.

---

[1]) **Единственный экземпляр.**

До настоящего времени изданы следующие указные книги приказов: 1) указная книга судныхъ дѣлъ (ведомства казначеев, по терминологии Вл.-Буданова, так как большинство указов ее направлено на имя казначеев) составлена искусственно из приписок к рукописным Судебникам и обнимает время от 1550 по 1588 гг. В ней содержатся указы о порядке суда, о праве обязательственном и другие, например, о холопстве, о вотчинах. 2) Уставная книга Разбойнаго приказа является сводным уголовным уложением, в основу которого положена, как предполагают, уставная грамота, представленная Грозным Стоглавому собору для утверждения одновременно с Судебником. Книга начинается словами: «При государѣ царѣ и вел. князѣ Иванѣ Васильевичѣ всеа Русіи, въ уставной книгѣ написано, которая книга была в Розбойномъ приказѣ, за приписью дьяковъ Вас. Щелкалова и Месоѣда Вислова». Но эта книга не сохранилась и восстановлена после смуты: «Списокъ съ уставной книги, какова была въ Разбойномъ приказѣ до московского разоренія, а послѣ московскаго разоренія сдѣлали тое книгу дьякъ Третьякъ Корсаковъ да подъячей Микита Посниковъ». Эта восстановленная книга затем дополнена указами за время 1624—1631 гг. 3) Указная книга Холопьяго приказа возникла только в царствование Федора Ивановича, хотя в нее не вошли некоторые указы о холопстве, изданные при этом государе и до нас не дошедшие (1586 и 1593 гг.). Более ранние указы о холопах после Судебника попали в другие указные книги. Книга Холопьего приказа начинается указом 1597 г. и доведена до 1620 г. Она содержит такие важные указы, как указ 1597 г. февраля 1 о кабальном и добровольном холопстве и указ 1597 г. ноября 24 о давности исков на беглых крестьян. 4) Указная книга Земскаго приказа за время 1622—1648 гг. заключает в себе указы о посадских тяглых имуществах г. Москвы, об управлении городом и о некоторых полицейских мерах. В ней, однако, сохранились и важные указы о крестьянах и о некоторых подробностях процесса. 5) Указная книга Помѣстнаго приказа восстановлена отчасти после пожара 1626 г. из спасенных дел приказа, в которых отысканы указы за 1587—1624 гг.; из других приказов присланы списки указов за 1611—1625 гг. Затем в нее вошли указы, состоявшиеся с 1626 г. Она является важнейшим источником для изучения указного права о поместьях и вотчинах до Уложения[1].

---

[1]) Первые четыре указных книги приказом изданы в А. И., т. I, №№ 154 и 221; т. II, №№ 44, 63 и 85; т. III, №№ 92 и 167; т. IV, № 6. Книга Поместного приказа изд. сначала в Русском Вестн., 1842, №№ 11 и 12; лучшее ее издание приготовлено В. Н. Сторожевым и напечатано в Оп. док. и бум. Моск. Арх. Мин. Юст., кн. 6, и отдельно под заглавием: Историко-юридические материалы, изд. Моск. Арх. Мин. Юст., вып. I. Указная книга Поместного приказа, 1889. Все указные книги изд. и Вл.-Будановым. Хрест. по Ист. русск. права, вып. 3, но книги Земского и Поместного приказов не полностью.

После издания Судебника 2-го вплоть до Уложения не было никаких попыток кодифицировать накопившиеся указы и привести их в согласие с Судебником. Таково было до недавнего времени общее мнение. Но в 1900 г. издан был Комиссией печатания государственных грамот при Моск. Архиве Мин. Ин. Дел, по списку поступившего в Архив собрания бумаг Ф. Ф. Мазурина, «Судебник царя Феодора Иоанновича 1589 г.». Немногие литературные заметки и мнения об этом памятнике согласно не признают за ним законодательной силы. Но одни считают его официальным проектом, не получившим законной санкции, другие — частною работою юридически мало приготовленного грамотея, желавшего приспособить Судебник к современным и местным условиям. Но и при взгляде на этот памятник как на частную литературную работу, за ним признается важность ввиду того, что в нем содержатся указания на некоторые обычные нормы северной земледельческой Руси. Имеются даже несомненные указания, что памятник получил практическое значение и применялся в суде излюбленных судей в половине XVII в.

Литература. Текст памятника перепечатан Вл.-Будановым в Хрест., вып. 2, изд. 5. Первоначальному изданию предпослано предисловие нашедшего этот памятник С. К. Богоявленского и мнение проф. В. О. Ключевского; ср. еще: А. В. Лонгинов. Значение Судебника царя Феодора Иоанновича, Вестн. Права, 1900, ноябрь; М. Ф. Владимирский-Буданов. Судебник 1589 г. Его значение и источники, 1902; М. М. Богословский. К вопросу о Судебнике 1589 г., Ж. М. Н. Пр., 1905, № 12; М. М. Богословский. Еще к вопросу о Судебнике 1589 г., Ж. М. Н. Пр., 1915, № 12.

Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г.

Возникновение вопроса о новой кодификации в половине XVII в. объясняется прежде всего целым рядом общих причин. Со времени издания 2-го Судебника протекло целое столетие, в течение которого Московское государство испытало серьезные потрясения и крупные перемены. Смутное время оставило новому московскому правительству тяжелое наследие: расшатанность общественных связей, разорение населения и совершенно расстроенное финансовое положение. С первых же шагов и в течение многих лет пришлось напрягать все скудные государственные и общественные силы для ограждения от внутренних и внешних врагов. При таких условиях восстановление нормального порядка в сфере управления и суда являлось задачей чрезвычайной трудности. Злоупотребления властью со стороны правителей и судей совершались с полной беззастенчивостью; центральная власть была против них бессильна. Это в значительной мере обусловливалось состоянием тогдашнего законодательства. Установленный во 2-м Судебнике порядок почина законодательных вопросов вызвал крайнюю казуистичность указов и боярских приговоров, и это их несовершенство усугублялось еще тем, что законодательная власть легко могла впадать в

противоречия с своими ранее изданными решениями. На такой казуистической почве законодательство развивалось в течение целого столетия.

Несовершенства законодательства и связанные с ними злоупотребления судей всею тяжестью падали на беднейшие классы служилого и тяглого населения. Естественно поэтому, что из их среды идут ходатайства об упорядочении правосудия. Об этом просят дворяне и дети боярские разных городов в 1637 г.: «Вели, государь, давать намъ судъ въ городѣхъ, въ кою пору намъ мочно бить челомъ, какъ намъ твоей государевой службы нѣтъ, и вели, государь, выбрать въ городѣхъ изъ дворянъ и изъ земскихъ людей, и вели насъ судить въ городехъ по своему государеву указу и по своей государеве улаженной судебной книге для нашей бѣдности и разоренья и для дальново пути и для московские волокиты и проести, чтобы тебѣ, государю, отъ насъ докуки не было, а мы бъ съ московские волокиты въ конецъ не погибли и отъ московскихъ всякихъ чиновъ силныхъ людей и отъ монастырей и отъ всякихъ властѣй въ продаже не были, и чтобы намъ отъ ихъ продажи и насилства въ конецъ не погинуть и твоей бы царьской службы впредь не отбыть». Точно так же в челобитье 1641 г. дворян и детей боярских «розныхъ городовъ всею землею» выражена просьба, чтобы «государь их пожаловалъ, въ тѣхъ обидахъ и въ насильствахъ крестьянскихъ велѣлъ свой государевъ указъ учинить, а велѣлъ ихъ во всякихъ дѣлехъ судить по судебнику блаженны памяті царя і великого князя Івана Васильівіча всеа Русіи, и за ихъ за судными и за всякими спорными дѣлы велѣлъ бы государь сидѣть в полате бояромъ, а не въ судныхъ приказехъ... А которые судьи учнутъ судіть не по правде, и съ тѣми бъ судьями в-ыхъ неправедныхъ судехъ велѣлъ бы государь передъ бояры давати очные ставки. И со всякими людмі велѣлъ бы ихъ государь судіть на Москвѣ і въ городѣхъ безсрочно, а на нихъ бы велѣлъ государь искаті, гдѣ хто судимъ. И посулы бъ государь велѣлъ вывесть. А которые их братья не по правде обинены и помѣстьями ихъ і вотчинами сильные люди у нихъ завладѣли не по праведному суду и сыску, і въ томъ бы государь пожаловалъ велѣлъ судъ и сыскъ даті». (Павел Смирнов. «Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII в.» Чт. Общ. ист. и др., 1915, кн. 3, стр. 39 и 43). Сколь ни разнородны изложенные в двух челобитьях дворянские пожелания, сколь ни странны на первый взгляд некоторые из них (напр., судиться по Судебнику 1550 г.), но оба проникнуты одним стоном о вопиющей неправде, царящей в судах. Царский указ 23 июля 1641 г. ввел лишь изменения в правила о сыске беглых и вывозных крестьян, но совершенно не затронул общего вопроса о восстановлении правого суда.

Иначе пришлось отнестись к делу в 1648 г. Этот год был для молодого царя и его ближайших советников первым из самых тяжелых. Со 2 июня возникли в Москве и по другим городам

серьезные народные волнения. В Москве они сопровождались открытым бунтом с убийствами и поджогами. Поводом к открытому мятежу послужил резкий отказ принять челобитные из среды многочисленной толпы, окружавшей путь богомольного шествия царственной четы. Раздраженная толпа ворвалась в Кремль, проникла до самого дворца и даже причинила насилия высланным для успокоения ее царедворцам. Современные рассказы передают о том, что «невѣжливымъ обычаемъ пришли и ко государеву двору и на дворцѣ шумѣли», «приходили к государеву двору съ невѣжливымъ челобитьемъ», «съ великимъ невѣжествомъ», «съ жестокимъ челобитьемъ на Левонтья Плещеева». Ни одна из подлинных челобитных не сохранилась. Содержание их современники передают различно; вероятно они и не были тождественны. Недавно опубликован шведский перевод одной из них, приложенный к донесениям шведского резидента Поммеренинга, с обратным русским переводом. Содержание челобитной свидетельствует, что она была обдумана и подготовлена весьма обстоятельно и заблаговременно. Первой жертвой народной ненависти пал дьяк Назарий Чистой, которому припомнили тяжкий соляной налог, введенный 7 февр. 1646 г. и отмененный 17 февр. 1648 г. На следующий день волнения не утихли, и царь, «видя въ міру такое великое смятеніе», приказал выдать толпе судью Земского приказа Л. Плещеева, который и был убит. Но толпа требовала выдачи «заступниковъ ево единомыслениковъ» боярина Бориса Морозова и окольничего П. Траханиотова. «Чтобъ міромъ утолилися», выслано было на Лобное место духовенство во главе с патриархом, пользовавшиеся народною любовью бояре Н. И. Романов, кн. Д. М. Черкасский, кн. М. П. Пронский и многие дворяне. Толпе дано было обещание выслать из Москвы Морозова и Траханиотова с тем, что ни у каких дел им впредь не бывать. «И на томъ государь царь къ Спасову образу прикладывался, и міромъ и всею землею положили на ево государьскую волю». Однако ночью на 4 июня возникли поджоги, приписанные молвою людям Морозова и Траханиотова; Москва серьезно пострадала от пожара. Требования выдачи ненавистных временщиков возобновились; испуганный царь пошел на уступку: приказал вернуть выехавшего из Москвы Траханиотова и его выдать толпе, «а Бориса Морозова государь царь у міру упросилъ, что ево сослать въ Кириловъ монастырь на Бѣлоозеро, а за то ево не казнить, что онъ государя царя дятка, вскормилъ ево государя», под условием полного устранения от власти. «На томъ міромъ и всею землею государю царю челомъ ударили и въ томъ во всемъ договорилися».

До недавнего времени ничего не было известно о ходе дальнейших событий до половины июля 1648 г. В 1913 г. П. П. Смирнов опубликовал найденные им документы по истории Уложения и земского собора 1648—1649 г. (Чт. Общ. ист. и др., 1913, кн. 4, смесь, Ж. М. Н. Пр., 1913, № 9.) Самым важным из них является память 16 июля 1648 г. из вновь учрежденного «приказа бояръ»

в Новгородскую Четверть. Чтобы оценить значение этого документа, необходимо принять во внимание указанное в предисловии к Уложению известие, что 16 июля 1648 г. царь, когда ему шел 20-й год, по совещании с освященным собором и думою, поручил собрать и подготовить материал для нового сборника законов особому приказу в составе двух бояр—кн. Н. И. Одоевского и кн. С. В Прозоровского, окольничего кн. Ф. Ф. Волконского и двух дьяков—Г. Леонтьева и Ф. Грибоедова, «чтобы Московского государьства всякихъ чиновъ людемъ, отъ болшаго и до меншаго чину, суд и расправа была во всякихъ дѣлѣхъ всѣмъ равна». На том же совещании, как сообщает далее предисловие, решено было созвать земский собор, «чтобы его государево царьственное и земское дѣло съ тѣми со всѣми выборными людьми утвердити и на мѣрѣ поставить, чтобы тѣ всѣ великіе дѣла по нынѣшнему его государеву указу и соборному уложенью въпредь были ничѣмъ нерушимы». Эти сведения не были заподозрены в тенденциозной передаче событий, хотя многое из дальнейших указаний предисловия оставалось не вполне ясным. Теперь из названной памяти вскрывается, что еще 10 июня государю били челом дворяне московские, жильцы, дворяне и дети боярские городовые, иноземцы, гости и гостиные и суконные разных сотен и слобод торговые люди, «чтобъ государь ихъ пожаловалъ, велѣлъ учинить соборъ и быти бъ на соборе патриарху і властемъ, и бояромъ и думнымъ людемъ, и указалъ бы государь быти на соборе изъ стольниковъ, и изъ дворянъ московскихъ, и изъ жильцовъ, и из городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ выборнымъ лутчимъ людемъ. И они на соборе учнутъ бить челомъ о всякихъ своихъ дѣлехъ». Отсутствие указания на призыв выборных от гостей и всяких торговых людей, конечно, простая приказная недописка, так как они принимали участие в челобитьи 10 июня и присутствовали на соборе, как видно из дальнейшего. «И по государеву указу былъ у него государя соборъ въ Столовой избѣ». На нем по обычаю присуствовали освященный собор и боярская дума, «да на соборе жъ были стольники и дворяне московские и жильцы, да дворяне и дети боярские первыхъ половинъ Замосковныхъ городовъ, которые ныне на Москвѣ, и нынешняго лѣта быти имъ на государеве службе на Украине, по два человѣка изъ города; да на соборе жъ были гости и гостиные и суконные і всякихъ розныхъ сотенъ и слободъ лутчие люди». Такое случайное выборное представительство как городовых служилых людей, так в особенности торгово-промышленного населения, так как городовые посадские люди повидимому на собор совсем не попали, не помешало признать все собрание земским собором.

Когда же он состоялся и как долго длился? Точного ответа на этот вопрос не дает и новый документ. Хронологические грани его намечаются челобитьем 10 июня и памятью 16 июля. Но никак нельзя принять указание, что собор имел место 16 июля.

В этот день состоялся лишь указ в исполнение принятого на соборе решения; собор же открылся несомненно раньше и мог длиться не один день. Из памяти явствует, что на соборе били челом государю перечисленные выборные чины (здесь упомянуты и иноземцы, принимавшие участие и в челобитье 10 июня) «о всякихъ своихъ дѣлехъ и о томъ, чтобъ указалъ государь написать на всякие розправные дела Судебникъ и Уложенную книгу, чтобъ впередъ по той Уложенной книге всякие дѣла дѣлать и вершить». Повидимому заседания собора были длительными, быть может даже с перерывами. О каких «всякихъ своихъ дѣлахъ» просили служилые и торговые люди, можно только догадываться. Но самым важным и бесспорным решением собора было постановление об издании Уложения.

Челобитьем 10 июня и совещанием земского собора до издания указа 16 июля завершился острый кризис мятежа в Москве. Самое челобитье 10 июня вызвано было вероятно тем, что данное 4 июня обещание о высылке Морозова не приводилось в исполнение; он был выслан только 12 июня. Вновь опубликованные документы указывают, что правительство пошло на значительные уступки и смягчило некоторые суровые меры, принятые ранее: был отменен правеж недоимок; стрельцам и служилым людям выдано задержанное или сокращенное жалованье; от имени Морозова рассылались по многочисленным его вотчинам спешные распоряжения о разрешении соседним крестьянам рубить в морозовских вотчинах лес без всяких за то поборов, о немедленной выдаче всех беглых крестьян, и одновременно «крестьяномъ моiмъ всемъ приказать накрепко, чтобъ онѣ жилi в сосѣдствѣ смирно и в совѣте, а не задорно». Но это были запоздалые меры; Морозову пришлось выехать из Москвы в Кириллов монастырь и передать власть в руки бояр Н. И. Романова и кн. Д. М. Черкасского с их приверженцами. При новом правительстве и исполнено было настойчивое пожелание челобитной 10 июня о созыве земского собора.

Но если миновал самый тяжелый момент волнений, то до успокоения страны было еще очень далеко. Беспорядки перекинулись в другие города, докатились даже до Сибири. В богомольных грамотах, рассылавшихся по городам в августе месяце, сообщалось, что «учинилась на Москвѣ и по городомъ межуусобная брань, и до нынѣ по городомъ мятежь и хлѣбной недородъ и скотинной падежъ» (А. Э., IV, № 30). Еще в январе 1649 г. говорили о возможности новой кровавой вспышки в Москве. Естественно, что и созванный до 16 июля земский собор протекал не в спокойной обстановке. С этой точки зрения патриарх Никон совершенно правильно, хотя и с свойственной ему резкостью, отметил связь между указанными событиями: «И то всѣмъ вѣдомо, что зборъ был не по воли, боязни ради и междоусобія отъ всѣхъ черныхъ людей, а не истинныя ради правды»; он считал «изложенную книгу по страсти написанною

многого народнаго ради смущенія». Это свое мнение он высказал, однако, много времени спустя; в момент же завершения Уложения скрепил его на-ряду со многими другими собственноручною подписью.

Результатом этого ранее неизвестного земского собора и был указ 16 июля, которым открывается предисловие к Уложению. Самый же земский собор намеренно обойден там полным умолчанием. Однако самый указ 16 июля о назначении особого Приказа бояр для подготовления материалов к будущему Уложению очень близко к предисловию Уложения изложен и в упомянутой приказной памяти: государь по совещании с освященным собором и боярскою думою, указал «то дѣло вѣдать—Уложенную книгу писать» перечисленным и в предисловии Уложения лицам. Программа же деятельности или наказ боярину кн. Н. И. Одоевскому с товарищами изложена в предисловии значительно шире; а именно им поручено: 1) выписать подходящие для государственных и земских дел статьи из правил св. апостолов и св. отцов и из градских законов греческих царей; 2) подобрать прежние указы государей и боярские приговоры и сравнить их с старыми Судебниками и 3) по всем вопросам, на которые не нашлось бы ответа в Судебниках и старых указах и боярских приговорах, написать «общимъ совѣтомъ» новые статьи. В приказной же памяти сказано кратко, что велено «то дѣло дѣлать—Уложенную книгу писать, примѣряся прежних государей къ Судебникомъ и Уложеньемъ и блаженные памяти отца его государева, великого государя царя і вел. кн. Михаила Федоровича всеа Русіі, указу и уложенью». Не может подлежать сомнению, что в памяти намечен лишь один источник из трех для краткости, а отнюдь не потому, что других источников в наказе кн. Одоевскому и не было указано.

Затем в приказной памяти почти дословно тождественно с предисловием Уложения изложен указ о присылке выборных на земский собор. Но в памяти имеются сверх того три добавки: указан срок приезда в Москву выборных—«Семеньидень 157 году», т.-е. 1 сент. 1648 г.; дворянам и детям боярским Замосковных городов, которые находились в Москве по случаю предстоящей службы на Украине и чрез своих выборных уже принимали участие в земском соборе до 16 июля, указано произвести выборы в Москве. Наконец предписано прибывших в Москву из городов «выборныхъ людей и на нихъ выборы за руками прислати въ приказъ къ бояромъ» кн. Одоевскому с товарищами. Это последнее указание особенно ценно.

Дальнейший ход дела изложен в предисловии к Уложению, но, к сожалению, слишком кратко. Там сказано, что кн. Одоевский с товарищами, выписав из указанных источников соответственные статьи и написав вновь такие, каких в источниках не оказалось, «къ государю приносили», конечно, для доклада. С 3 окт. государь с освященным собором и думою в отдельном от выборных помещении «того собранья слушал», а заседавшим

в Ответной палате под председательством боярина кн. Ю. А. Долгорукова «выборнымъ людемъ чтено». После этого государь указал «то все Уложенье написати на списокъ и закрѣпити тотъ списокъ» всем участникам собора. «А закрѣпя то уложенье руками, указалъ государь списать въ книгу, а съ тое книги напечатать многіе книги, и всякіе дѣла дѣлать по тому уложенію». Вот и все, что сообщает предисловие. Теперь известно, что составление Уложения завершено 29 января 1649 г. С 7 апреля по 20 мая оно было напечатано, но скоро разошлось, и с 7 ноября по 21 декабря напечатано второе издание, каждое по 1.200 экземпляров.

Подробности в ходе работ по подготовке Уложения предстоит выяснить. Некоторый свет на этот вопрос прежде всего проливает подлинный столбец Уложения, разысканный по приказанию Екатерины II в 1767 г. В нем против некоторых статей находятся пометы с указанием источника, откуда данная статья взята. Таких помет на 967 статьях всего только 176, которые распределяются следующим образом: 62 статьи взяты из разных уложений, 12—из старых Судебников, 24—«из градских», 1—из Моисеева закона, 1—из Второзакония, 2—из Стоглава, 56—из Литовского Статута и против 17 статей помечено «вновь». Из этих данных явствует, что указанные в предисловии к Уложению группы источников для руководства учрежденного Приказа бояр действительно использованы, а не придуманы позднее. Неясно лишь почему таких помет оказалось так мало. Что они носят случайный характер видно из того, что из 62 статей, взятых из старых учреждений, на XVII главу приходится 12 статей; но в той же главе из старых указов заимствовано еще, по меньшей мере, 22 статьи, против которых соответственных помет нет.

Заслуживают особого внимания пометы «вновь» и «изъ Литовского». Помета «вновь» обозначает, что данная статья—новая. Относительно же новых статей в указе 16 июля сказано, что они должны быть составлены «общимъ совѣтомъ». Как бы в пояснение к этому в предисловии к Уложению имеется указание, что выборные люди «къ тому общему совѣту выбраны на Москвѣ и изъ городовъ». Из этого сопоставления естественно возникает догадка, что выборные должны были принять участие в трудах Приказа бояр кн. Одоевского с товарищами. Это подтверждается переданным в памяти этого Приказа распоряжением—приехавших в Москву «выборныхъ людей и на нихъ выборы за руками прислати въ приказъ къ бояромъ». В нескольких случаях по делам о придачах к жалованью выборных дворян прямо указано, что придачи выданы им за то, «что они были на Москвѣ для государевыхъ и земскихъ дѣлъ въ приказѣ съ бояры со кн. Н. И. Одоевским да со кн. С. В. Прозоровским да с околничимъ со кн. Ф. Ф. Волконскимъ и съ дьяками». Какую же роль могли играть выборные «въ приказѣ съ бояры»? Хотя и предписывалось выбрать и прислать на собор «добрыхъ и смышленныхъ людей, которымъ бы такие государевы и земские всякие дѣла были за обычай», но

очень сомнительно, чтобы они оказались по уровню образования деятельными сотрудниками опытных бояр и дьяков в подборе законодательных норм для Уложения. Но они могли иметь большое значение возбуждением законодательных вопросов подачею челобитных о своих нуждах. Можно отметить ряд случаев, когда выборные такую роль действительно сыграли. Так, напр., в 1648 г. били челом «сѣверскихъ и польскихъ украйныхъ городовъ всякихъ чиновъ люди, что въ тѣхъ городѣхъ отъ стрѣлецкихъ и отъ казачьихъ и отъ осадныхъ головъ отъ московскихъ и отъ иногородцевъ чинится ссора и смута и всякое воровство и городскимъ людемъ продажа великая, и о томъ тебѣ, государю, по заручной по земской челобитной у уложенной книги вѣдомо» (А. М. Г., II, № 315). Также в 1648 г. «въ розныхъ мѣсяцѣхъ и числѣхъ били челомъ государю въ Столовой избѣ выборные изъ городовъ посадскіе люди и во всѣхъ посадскихъ людей мѣсто и подали челобитныя за руками о розныхъ своихъ дѣлахъ». В частности жители Устюжны Железнопольской в своей челобитной указывают, что «въ нынѣшнемъ, государь, во 157 году по твоему государеву указу были со всѣхъ городовъ выборные для ради твоихъ государскихъ и земскихъ дѣлъ, и была твоя царская милость—велѣно было намъ подавать челобитныя и росписи о своихъ нужахъ, что которому городу нужа и обида». Из таких челобитных выписывалось в доклад государю, и такие доклады представлялись кн. Одоевским с товарищами. Конечно далеко не все решения по таким докладам попадали в Уложение; но некоторые из них, быть может немногие, нашли там место.

В подлинном столбце Уложения указано всего 17 новых статей; но это указание, как и во многих других случаях, оказывается неполным, так как в Уложении имеются, несомненно, новые статьи, против которых помет «вновь» или «вновь пополнено» нет (XVI, 16; XVII, 2). Вопреки старому взгляду на совершенно пассивную роль земского собора, мало-по-малу выяснилось, что ряд статей Уложения возник по челобитьям выборных, о чем или прямо сказано в тексте статей (XIII, 1; XVII, 42), или можно заключить из сопоставлений сохранившихся челобитий выборных с соответственными статьями Уложения (VIII, 1—7; XI, 1 и 2; XIX, 1 и сл.). Таковы постановления Уложения о выкупе пленных, об отмене урочных лет для сыска беглых крестьян, об учреждении Монастырского приказа, о запрещении духовенству и монастырям приобретать недвижимые имущества, о конфискации на государя всех частновладельческих слобод, смежных с посадами, и пр. Всего таких статей, содержащих ответы на челобитья и дальнейшие выводы из таких ответов, насчитывают в настоящее время до 60. Как видно из недавно опубликованного документа, многие выборные привезли с собой челобитья своих избирателей о разных их нуждах; но не все эти челобитья приняты во внимание при составлении Уложения. Поэтому выборные, в частности замосковных и северских украинных городов, ходатайствовали о выдаче им, для

охраны от гнева избирателей, береженных грамот, так как «у твоего государева соборнаго Уложенья по челобитью земскихъ людей о ихъ нуждахъ, не противъ всѣхъ статей твой государевъ указъ учиненъ». Правительство выдавало такие грамоты на имя местных воевод, с предписанием оберегать выборных против горожан, которые «шумятъ, что выборные на Москвѣ разныхъ ихъ прихотей въ Уложеньи не исполнили». К сожалению об этих неудовлетворенных желаниях населения пока почти ничего неизвестно.

Любопытны также пометы подлинного столбца Уложения о позаимствовании некоторых статей «из Литовского». Хотя Литовский Статут указом 16 июля не упомянут в числе источников для выработки проекта Уложения, заимствования из него сделаны явно и в значительно большем объеме, чем можно было бы думать на основании помет. В подлинном столбце отмечено всего 56 статей, взятых из Статута; но при ближайшем изучении вопроса, по исследованию проф. Вл.-Буданова, оказалось, что таких статей гораздо больше, и что Статут является одним из важнейших источников Уложения. Главы II, III, IV, V., VII и IX являются почти буквальным пересказом соответственных артикулов из I и II разделов Статута; в одной главе X по меньшей мере 55 статей, взятых из разных частей Статута. В последующих главах заимствование менее заметно; но гл. XXII почти целиком взята из раздела XI. В общем заимствования из Статута сделаны с строгой оценкой всего заимствуемого и во многих случаях с коренной переработкой норм Статута. В одних случаях норма Статута берется целиком: таковы, напр., понятия о необходимой обороне (X, 200), о ненаказуемой неосторожности (XXII, 20). В других случаях заимствуется только вопрос, решение же его дается иное, иногда прямо противоположное. Это обусловливалось, прежде всего, различиями в государственном строе. Конституция Литовского государства, в силу которой верховная власть короля была ограничена сословными привилегиями шляхетства, не нашла никакого отражения в Уложении. Так, заимствуя из разд. II «о обороне земской» гл. VII «о службе всяких ратных людей», Уложение берет ряд правил об обязанностях служилых людей, но совершенно иначе решает вопрос о порядке объявления войны: Статут говорит о праве объявления войны на сейме; Уложение—о том, «въ которое время изволитъ государь кому своему государеву недругу мстити недружбу». В отделе судоустройства Статут выставляет положение «о вольномъ обиранью вряду земского судий»; а в Уложении этот отдел начинается правилом: «Судъ государя царя и великого князя судити бояромъ...» Весь разд. III «о волностяхъ шляхетъскихъ» оставлен совершенно в стороне; из него взята лишь одна статья о порядке выезда в иностранные государства, но в Статуте речь идет «о вольности выеханья с панствъ нашихъ до инъшихъ паньствъ», а в Уложении—о том, что если «кому ѣхати изъ Московского государьства въ иное государьство», то им «безъ проѣзжей грамоты не ѣздити». Даже

в отдельных заимствованных статьях рецептор тщательно сглаживает все сословные следы; правило Статута «о головщинахъ, о хроменью члонковъ и о навезкахъ шляхетскихъ» (XI, 27) передано, например, в такой форме: «а будетъ кто надъ кѣмъ нибудь учинитъ наругательство» (XXII, 10); следующий арт.: «хто бы шляхтича взялъ до везенья» передается так: «а будетъ такой поругатель кого нибудь зазвавъ...» В целом ряде случаев рецептор, придерживаясь своего источника, впадает в излишнюю казуистичность, иногда в противоречие с другими статьями Уложения, а кое-что переносит, не поняв истинного смысла источника. Для правильного понимания таких статей необходимо сравнение их с источником. Заимствуются иногда и формы; слова, какими начинается почти каждая статья Уложения: «а будетъ кто», являются простой передачей обычной формулы Статута «кгды бы хто». Заметна и попытка заимствования самой системы Статута, преимущественно в первой части Уложения. Столь многочисленные заимствования, строго продуманные и во многих случаях коренным образом переработанные, предполагают продолжительную работу рецепторов над Статутом. Очень трудно допустить, чтобы она могла быть произведена в то короткое время, каким располагала комиссия, назначенная указом 16 июля. Скорее можно предположить, что комиссия воспользовалась уже готовым материалом, ранее, в течение десятилетий, подобранным приказною практикой путем полуофициального заимствования из Статута отдельных норм, которые и заносились в указные книги приказов. Документальным подтверждением этой догадки является эрмитажный список уставной книги Разбойного приказа, представляющий первую стадию переработки заимствованных норм. Те же указные книги приказов значительно облегчили труд комиссии по подбору старых уложений, указов и боярских приговоров.

В 1914 г. проф. И. И. Лаппо сообщил о найденном им списке Литовского Статута «в Московском переводе—редакции XVII в.»; в 1916 г. он опубликовал и самый текст памятника. По поводу этой интересной находки им в особой статье и предисловии к памятнику изложены были общие выводы и наблюдения касательно времени и места перевода Статута и в частности отношения перевода к Уложению 1649 г. Приурочивая рукопись по филиграням (водяным знакам бумаги) к 20—30-м годам XVII в., изготовление самого перевода издатель отодвигает к началу века и даже к рубежу XVI и XVII вв. «Ставить это изготовление в непосредственную связь с работами комиссии кн. Н. И. Одоевского с товарищами по подготовке Соборного Уложения, по его мнению, не представляется возможным, так как сличение текста рукописи с текстом Соборного Уложения заставляет решительно отказаться от мысли, что первая заменила для последнего официальный текст Литовского Статута». К этому он прибавляет, что «появление в Москве печатных экземпляров Мамонического издания Статута должно было в значительной степени лишить изучаемую рукопись ее цен-

ности для работы московских кодификаторов». К иным выводам пришел, изучая найденный проф. И. И. Лаппо памятник, А. Соловьев; он их формулировал в следующих положениях: 1) московский перевод сделан с печатного экземпляра Литовского Статута; 2) перевод сделан вероятнее всего в 1645—1648 гг.; 3) место перевода—Посольский приказ; 4) перевод этот мог быть сделан по заказу кн. Н. И. Одоевского для Уложенного приказа; 5) перевод несомненно сильно отразился в тексте Соборного Уложения и 6) он был главным, но не единственным путем к Статуту для составителей Уложения. Самым сомнительным является п. 4-й, так как в короткое время с 16 июля и по 3 октября Приказ бояр кн. Н. И. Одоевского с товарищами едва ли был в состоянии изготовить перевод и столь существенно его использовать при подготовке Уложения. Что он был использован—весьма вероятно на основании целого ряда тождественных выражений в текстах перевода и Уложения. Надо думать, перевод уже был готов, когда открыл свои действия Приказ бояр. Вопрос во всяком случае требует дальнейших исследований. (И. И. Лаппо. «Литовский Статут в московском переводе—редакции XVII в.», Ж. М. Н. Пр., 1914, № 2; памятник приготовлен к изданию им же и издан Археогр. Ком. в Летн. зан., вып. XXVIII, 1916; А. Соловьев. «Вновь открытый московский перевод Литовского Статута», Ист. Изв., 1917, № 1.)

В сравнении с прежними законодательными сборниками Уложение представляет, с точки зрения системы, шаг вперед: оно разделено на главы, каждая глава на статьи. Всех глав 25, а статей 967. Самою обширною является гл. X «О судѣ», заключающая 287 статей и соответствующая, по своему значению, прежним Судебникам. В подлинном столбце только первые 10 глав перенумерованы церковно-славянскими буквами и имеют заглавия; дальше счет глав прекращается, не все главы имеют заглавия, другие названы указами (XVI—XIX, XXI и XXIII). Текст в большинстве случаев разделен на статьи пробелами, но статьи не перенумерованы. Все эти технические пробелы устранены и исправлены в первом же печатном издании. Несмотря на относительно большую систематичность, все же надо признать систему Уложения весьма примитивною. Если даже допустить, что составители Уложения стремились расположить главы в известном порядке, по образцу Статута: сначала главы, относящиеся к государственному праву (I—IX), потом—к судоустройству и судопроизводству (X—XV), к вещному праву (XVI—XX, исключая XVIII) и, наконец, к уголовному (XXI—XXII), и считать последние три главы дополнительными, то все же нельзя не заметить, что образец оказался много выше снимка, и что для пользования Уложением такая система не только не окажет помощи, но даже может ввести в заблуждение. Со стороны содержания Уложение несомненно значительно опередило Судебники, но и оно отнюдь не объемлет всего действовавшего права и содержит целый ряд важнейших пробе-

лов. В нем нет ответов на целый ряд важнейших вопросов из области государственного устройства и управления, например, о власти государя, о боярской думе, о приказах, о податях и повинностях. В сфере гражданского права более подробно рассматриваются лишь правоотношения, вытекающие из обладания поместьями и вотчинами; отношения семейные и обязательственные затронуты слегка, в немногих статьях, разбросанных по разным главам. Наиболее подробно уголовное законодательство, но и в нем приходится встречаться с непонятными пробелами: Уложение, например, знает оскорбление словом или непригожим словом частных и должностных лиц, но не ограждает от такого посягательства личности государя. Принимая во внимание эту неполноту, затем многочисленные заимствования из Статута и, наконец, значительно большее число новых статей, чем допускали прежние исследователи памятника, необходимо существенно ограничить мнение об Уложении, как о строго национальном сборнике московского права, объемлющем собою исторически выработанные «в сочувствии с народными убеждениями всех областей и всех классов государства» нормы права. Не впервые на Уложении, но на нем с особенною ясностью можно доказать справедливость положения, что и московский закон (указ) расходился с московским правом.

Редакция Уложения окончена 29 января 1649 г.; печатанием оно окончено 20 мая, но вступило в действие не с какого-либо определенного срока в целом, а по частям, по мере того как утверждались отдельные его части. Отдельные главы рассматривались не в том порядке, в каком они расположены в Уложении, а по мере выяснения и важности возбужденных вопросов. Так, XIX гл. возникла по челобитью 30 октября 1648 г., но не сразу; некоторые ее части докладывались еще 18 декабря и даже 15 янв. Между тем по утверждении главных основ нового положения о посадах, государь указал 25 ноября на Москве и в городах собирать закладчиков. Гл. XI о крестьянах рассматривалась еще в январе, а закон об отмене урочных лет для сыска беглых крестьян должен был вступить в действие со 2 января. Последними, повидимому, рассматривались некоторые статьи гл. XVII, что видно из запрещения возобновлять старые дела о вотчинах, решенные по 28 января.

Изданий Уложения очень много; первые три последовали одно за другим вскоре по составлении Уложения. Очень много изданий XVIII века, но почти все с большими погрешностями. Тщательно издано Уложение в Полн. Сборн. Зак., т. I, и в перепечатке этого тома Карновичем. С учебною целью Уложение издано Историко-филологическим факультетом Московского университета на основании старопечатного издания (второго), имеющегося в библиотеке Университета, М., 1907; по случаю трехсотлетнего юбилея дома Романовых в 1913 г. Государственною Канцеляриею роскошно переиздано с П. С. З.

Литература. Об июньском мятеже в Москве в 1648 г.: Дворц. Разр., III 93—94, Псков. летоп. в П. С. Л., IV, 339—340; Изборник, 247—248; Книга о чудесах преп. Сергия, творение Симона Азарьина в Пам. древн. письм., LXX, 1888 г., 123—125; Запись о событиях в Толстовском сборн., изд. С. Ф. Платоновым в статьях по русск. ист., изд. 2, 1912 г., 69—73. Иностранные известия: Адам Олеарий. Описание путешествия в Московию, перев. А. М. Ловягина, Спб. 1906, 265—273; сообщение Лейденской брошюры в Ист. Вестн., 1880, янв., 69—73, и в Вестн. Евр., 1880, февр., 895—898; Шведское краткое и правдивое описание мятежа 2 июня 1648 г. с русск. переводом и предисловием С. Ф. Платонова, Чт. Общ. ист. и древн., 1893, кн. 1; Донесения шведского резидента Карла Поммерининга королеве Христине в изд. К. Якубова, Россия и Швеция в первой половине XVII в., М., 1897, и Чт. Общ. ист. и древн. за тот же год, 417—443; недостающее у К. Якубова приложенное к донесению Поммерининга челобитье издано П. П. Смирновым, Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII в., М., 1915, и Чт. Общ. ист. и древн., 1915, кн. 3, 50—65.

К истории Уложения: Г. Г. Об источниках, из коих взято Уложение царя Ал. Мих., Московск. Телеграф, изд. Полевого, 1831, № 7, апр., часть тридцать восьмая; В. Строев. Историко-юридическое исследование Уложения, изд. царем Ал. Мих., Спб., 1833; Ф. Морошкин. Об Уложении и последующем его развитии, М., 1839; В. Линовский. Исследование начал уголовного права, изложенных в Уложении царя Ал. Мих., Од., 1847; И. Забелин. Сведения о подлинном уложении ц. Ал. Мих., Арх. ист.-юридич. свед., кн. I, 1850, изд. 2, 1876; Я. Есипович. Литературная обработка и общая характеристика Уложения ц. Ал. Мих., Журн. Мин. Юст., 1859, июнь; К. Д. Кавелин. Отзыв о статье Забелина, Собр. соч., т. I, 1897, 889—893; Вл. Буданов. Отношение между Литовским Статутом и Уложением, Сб. гос. зн., IV, 1887; Новые открытия в истории Уложения, Киев. Унив. Изв., 1880, № 2; Н. Загоскин. Уложение ц. Ал. Мих. и земский собор 1648—49 г., Казань, 1879; Ваденюк и Д. Мейчик. Поездка слушателей Арх. Инст. в Москву, Сб. Арх. Инст., кн. 2, 1879; Д. Мейчик. Дополнительные данные к истории Уложения, Сб. Арх. Инст., кн. 3, 1880; А. Н. Зерцалов. Новые данные о земском соборе 1648—49 г., Чт. Общ. ист. и древн., 1887, кн. 3; К. Верховский. Источники Уложения, Юрид. Вестн., 1889, № 11; Тиктин. Византийское право как источник Уложения и новоуказанных статей, Зап. Новоросс. Унив., т. 73, 1898 и отд.; Г. Н. Шмелев. Источники Уложения 1649 г., Ж. М. Н. Пр., 1900, № 10; В. Алексеев. Новый документ к истории земского собора 1648—49 г., Древности. Труды Арх. Ком. Моск. Археолог. Общ., т. II, 79—86; А. А. Покровский. Розыски «ковычного» Уложения 1649 г., Чтен. Общ. ист. и древн., 1910, кн. 4, смесь; С. Веселовский. Посадская соха, Ж. М. Н. Пр., 1910, № 7, 25—26, и Сошное письмо, т. II, 315 и сл.; П. П. Смирнов. О начале Уложения и земского собора 1648—49 г., Ж. М. Н. Пр., 1913, сент.; П. П. Смирнов. Несколько документов из истории Соборного Уложения и земского собора 1648—49 г., Чт. Общ. ист. и др., 1913, кн. 4; Ф. В. Тарановский. Новые данные по истории Уложения ц. Ал. Мих., Ж. М. Ю., 1914, № 7; С. Веселовский. Источники XVIII главы Уложения царя Алексея, М., 1913; К вопросу о составе и источниках XXV главы Уложения ц. Ал. Мих., Русск. Ист. Журн., 1917, кн. 1—2; С. В. Бахрушин. Московский мятеж 1648 г., Сб. статей в честь М. К. Любавского, Птгр., 1917.

Новоуказные статьи.

Указная деятельность государей не прервалась ни на один миг с изданием Уложения. Наоборот она еще усилилась и по многим причинам. Прежде всего Уложение не затронуло очень многих сторон правительственной и судебной деятельности. Затем применение на практике правил Уложения вызвало целый ряд недоумений и вопросов, которые разрешались прежним порядком казуи-

стических докладов. Наконец вопреки исконному стремлению законодательной власти, ярко сказавшемуся еще в Уложении,— «чтобы то все Уложеніе было прочно и неподвижно»,—ее деятельность все решительнее выступает на новый путь творческой роли в законодательстве, подготовляя почву для преобразовательной деятельности Петра В. Старое борется с новым, но мало-по-малу уступает дорогу новому. Целый ряд указов издается по почину приказов, которые в практике постоянно встречались с казусами, решение которых их затрудняло, так как «того въ Уложеньи не написано». Но рядом с этим издаются целые частные уложения, как бы в замену отдельных глав Уложения. Таковы, напр., статьи «о татебныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ» 1669 г., числом 128, в исправление и дополнение XXI и XXII гл. Уложения (П. С. З., № 441). Таковы же «Новоуказныя статьи о помѣстьяхъ» 1676 г. и «Новоуказныя статьи о помѣстьяхъ и вотчинахъ» 1677 г. (там же, №№ 633 и 700) или «Новоуказанные статьи о чернослободскихъ и бѣломѣстцовыхъ дворахъ» 1686 г. (№ 1157). Но что особенно важно, законодатель начинает открыто выражать желание «на лучшее преуспѣвати», обращает внимание на то, «како многое злодѣйство привниде во обычаи человѣческіе» (№ 122), ставит себе целью искоренение таких злодейств, а в преуспеяниях к лучшему ставит себе в образец окрестные государства. В Новоторговом уставе 1667 г. правительство задается целью, «чтобъ Московскаго государства и порубежныхъ городовъ великія Россіи торговые люди имѣли свободные торги, какъ годится быти, чего и во всѣхъ государствахъ окрестныхъ, въ первыхъ государственныхъ дѣлѣхъ свободные и прибыльные торги, для сбора пошлинъ и для всенародныхъ пожитковъ мірскихъ, со всякимъ береженьемъ остерегаютъ и въ вольности держатъ» (№ 408). А при Федоре Алексеевиче устав о призрении бедных задуман «по новымъ европскимъ обычаямъ».

II.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО.

Территория. Московское государство выросло на почве древней Ростовско-Суздальской земли, центром которой с Андрея Боголюбского становится мало-по-малу г. Владимир, особенно возвысившийся при Всеволоде Юрьевиче, отчего и вся земля стала называться Владимирским великим княжением. Но Московское государство выросло на почве Владимирского княжения очень длинным и косвенным путем первоначального дробления этой территории, а затем постепенного ее собирания под главенством Москвы.

Сейчас же после смерти Всеволода обособились три княжения: Владимирское, Ростовское и Переяславское. После татарского нашествия Переяславское княжение, однако, снова соединилось с Владимирским. Великий князь Ярослав Всеволодович, признанный в Орде старейшим, с одной стороны объединил Владимирское и Переяславское княжения, с другой же—выделил брату Святославу Суздальское княжение, которое окончательно обособилось с 1256 г. при Андрее Всеволодовиче, родоначальнике суздальских князей. После смерти Ярослава выделилось Тверское княжение при кн. Ярославе Ярославиче, во время великокняжения которого снова обособляется Переяславское княжество при кн. Дмитрии Александровиче. Еще раньше упомянут князем в Москве Михаил Хороборит (1248 г.), но окончательно Московское княжение выделилось при кн. Данииле Александровиче.

Итак, в потомстве Всеволода Владимирское княжение раздробилось на отдельные княжения, но не уничтожилось вполне: около стольного города остается территория с приписанными к нему городами и волостями. Между князьями идет борьба из-за обладания великим княжением. Но счастливый соперник продолжает соединять в своих руках великокняжеский стол с своим уделом. Своих удельных территорий князья не покидают, и это составляет заметное отличие северо-восточных порядков от южно-киевских.

Обособившиеся из великого княжения удельные территории в свою очередь продолжают дробиться, и лишь некоторые из них, благодаря примыслам, округляются и заметно выделяются среди других, отчего и называются великими княжениями. Таковы Московское, Тверское, Рязанское княжества.

Как далеко шло раздробление отдельных княжений, можно видеть на примере Ростовского княжения, составлявшего зерно древней Ростовско-Суздальской земли. Из него уже в половине XIII века выделились княжества Углицкое и Ярославское, а остальная территория в свою очередь распалась на две части: собственно Ростовское и Белозерское княжества. Каждое из этих четырех княжений дробится и далее, благодаря счастливой плодливости некоторых линий удельных князей. «В продолжение XIV и XV вв. белозерская половина распадается на такие уделы: Кемский, Сугорский, Ухтомский, Судской, Шелешпанский, Андожский, Вадбольский и др. Ярославское княжество в продолжение XIV и XV вв. так же подразделилось на уделы Моложский, Шехонский, Сицкой, Заозерский, Кубенский рядом с предыдущим, Курбский, Новленский, Юхотский, Бохтюжский и др. По названиям этих уделов можно видеть, что большая часть их состояла из небольших округов заволжских речек Сити, Суды, Мологи, Кемы, Ухтомы, Андоги, Бохтюги и т. д.». Такое дробление естественно привело к крайнему измельчанию территорий. На долю многих из Всеволодовичей не досталось не только города, а иной раз и села. Но каждому сыну чадолюбивый отец всегда завещал какую-нибудь вотчину. «На р. Андоге, напр., среди тянувшихся по ней и по ее притокам сел, селец и деревень, не было ни одного городка, а между тем здесь находились стольные места, резиденции трех удельных княжеских династий—Андожской, Шелешпанской и Вадбольской». Что это были за резиденции, видно из того, как жил заозерский кн. Дмитрий Васильевич: «на р. Кубене стоял его княжеский двор; подле храм св. Димитрия Солунского, вероятно, им же и построенный в честь своего ангела; в стороне от княжеского двора «весь» Чиркова, которая вместе с ним служила приходом этого храма: «весь же зовома Чиркова къ нему прихожаше» (Ключевский, Курс, 437—438; «Боярская дума», 86—87).

Измельчание княжений значительно облегчило обратный путь собирания их в руках более сильных князей, так как присоединение таких ничтожных вотчин не могло вызвать какого либо серьезного сопротивления. Такое присоединение называлось **примыслом**. Примышлять к своему княжению новые владения можно было разными способами, а прежде всего войной, захватом. Так, Даниил московский захватил у рязанского князя г. Коломну, а Юрий Данилович—Можайск у смоленского. Об Иване Калите сказано: «Наста насилованіе много, сирѣчь княженіе великое Московское досталося кн. вел. Ивану Даниловичю, купно же достася и княженіе Ростовское къ Москвѣ. Увы! увы! тогда граду Ростову, паче же и княземъ ихъ, яко отъяся отъ нихъ власть и княженіе, и имѣніе, и честь, и слава и потягну къ Москвѣ» (П. С. Л., т. XI, 128). Дмитрий Донской в 1363 г. «съгна съ Галичьскаго княженіа кн. Дмитреа галичьскаго» и «съгна съ Стародубьскаго княженіа кн. Ивана Феодоровича стародубскаго. Тогда вси князи

ѣхаша въ Новъгородъ Нижній къ кн. Дмитрею Констянтиновичю, скорбяще о княженіахъ своихъ». Он же в 1367 г. «всѣхъ князей русскихъ привожаше подъ свою волю, а которыа не повиновахуся волѣ его, и на тѣхъ нача посегати» (П. С. Л., т. XI, 2 и 8). Такие захваты и целый ряд подобных им основывались единственно на праве сильного. В некоторых случаях сильные князья желали придать подобным захватам внешнюю правомерность, выпрашивая, напр., в Орде ярлыки на данное княжение и предъявляя свои права в силу ханской воли. Так, Василий Дмитриевич в 1391 г. отправился в Орду и выпросил ярлык на нижегородское княжение, хотя такой ярлык только что дан был кн. Борису Константиновичу. Но Василий умздил хана и его князей, и хан «придасть ему къ великому княженію и Новъгородъ Нижній и Городецъ съ всѣми что ни есть въ власти ихъ, такоже Мещеру и Торусу» (П. С. Л., т. VIII, 62). Поход, предпринятый в силу этого против Нижнего, заранее был подготовлен, и при приближении московской рати кн. Борису изменила его дружина. Нижегородское княжение без боя было присоединено к Москве. В последней своей духовной Василий Дмитриевич благословил своего сына «своими примыслы, Новымъ городомъ Нижнимъ со всѣмъ; да своимъ же примысломъ Муромомъ со всѣмъ же» (С. Г. Гр., I, № 42). Такими захватами и росла преимущественно территория Московского государства.

Но помимо этих способов, разные владения присоединяются к другим нередко частно-правовым порядком: завещанием, покупкою и даже получением в приданое. Так, переяславский кн. Иван Дмитриевич умер бездетным, «благослови же въ себе мѣсто вотчиною своею Переяславлемъ вел. кн. Данила Александровича московскаго дядю своего, того бо любляше паче инѣхъ» (П. С. Л., т. X, 174). Это завещание шло в прямой ущерб вел. кн. Андрею, которого и пришлось выгонять из Переяславля. В договоре Ивана Васильевича с можайским князем Михаилом Андреевичем 1465 г. упомянуто, что последний был пожалован вел. кн. Василием «Вышегородомъ съ волостьми и съ пути и зъ селы», но затем подарил эту отчину Ивану Васильевичу: «и ты мнѣ вел. князю моей отчины отступился самъ». В 1482 г. по новому договору между теми же князьями вел. кн. Иван обязался блюсти подъ кн. Михаилом и его сыном Верею и Ярославец; Белоозеро же обязался блюсти только до живота кн. Михаила, «а после своего живота ту свою отчину Бѣлоозеро далъ еси мнѣ вел. князю... и грамоту свою на то мнѣ далъ». По новому договору следующего года кн. Михаил Андреевич после своего живота отдавал вел. князю свою вотчину на Москве и отчину свою Ярославец; Вереею же, которую вел. князь взял в своей вине у сына кн. Михаила, последний был пожалован до живота. По духовной 1486 г. кн. Михаил все свои вотчины без изъятия завещал в пользу вел. князя (С. Г. Г., т. I, №№ 93, 413, 118 и 121), хотя у него был сын, вынужденный бежать в Литву от гнева московского государя.

Эти подарки и завещания были, конечно, вынужденными, а не добровольными.

Что князья покупают себе села в пределах своих территорий и даже за их пределами, это вполне понятно. Междукняжеские договоры ограничивают покупку сел князьями в чужих уделах. Но князья покупают города и волости. Дмитрий Донской в своей духовной назвал города Галич, Белоозеро и Углич «куплями дѣда своего», т.-е. Ивана Калиты. Хотя эта ссылка и возбуждает сомнения, так как Калита этими городами не распорядился в своей духовной, и их снова силою захватил Донской, но самый факт покупки каких-то прав на эти города этими сомнениями еще не устраняется. В договоре 1381 г. Дмитрия Донского с Олегом рязанским сказано: «А что купля кн. великаго Мещера, какъ было при Александрѣ Уковичѣ, то кн. великому Дмитрію» (там же, № 32). Но через 10 лет Василию Дмитриевичу пришлось выхлопатывать в Орде разрешение на присоединение Мещеры к великому княжению. В 1475 г. вел. князю Ивану Васильевичу ростовские князья продали «свою отчину, половину Ростова со всѣмъ», а Иван III «дасть матери своей ту половину» (П. С. Л., XII, 157).

Князья получали столы даже в приданое за женами. В 1277 г. один из смоленских князей, Федор Ростиславич, получивший в удел г. Можайск, узнал, что в Ярославле умер кн. Василий Всеволодович, «и сѣдяше по смерти его на Ярославли княгини его съ дщерью его». Федор Ростиславич снесся с князьями ростовским и белозерским и с княгинею-вдовою, «хотяще поняти дщерь ея; и сему бывшу поятъ ю за себя, и того ради достася ему великое княженіе Ярославское, и тако возпріатъ градъ Ярославль, и начя княжити въ немъ и з тещею своею» (П. С. Л., т. X, 154).

Итак, расширение границ сильных княжений совершалось преимущественно захватом, с оружием в руках или с помощью хитрости, владений слабых соседей целиком или по частям, а также добровольными или вынужденными уступками со стороны последних. Для Москвы трудность заключалась, однако, в том, что у московских князей, в их стремлении усилиться на счет слабых соседей, явились серьезные соперники в лице великих князей тверских, суздальских, рязанских, литовских и др. Благоприятный исход этой борьбы в пользу Москвы зависел от многих причин. Сюда принадлежат: более выгодное экономическое и торговое положение Москвы; преимущества московской политики, сумевшей расположить в свою пользу татарских ханов и привлечь на свою сторону представителя духовной власти в лице митрополита всея Руси. Благодаря всему этому Москва быстрее и последовательнее могла проводить политику собирания земель. Что именно в достигнутых успехах выпадает на долю самих князей московских, что на долю их ближайших сотрудников, бояр и духовенства, чрезвычайно трудно рассчитать.

Необходимо, однако, иметь в виду, что первые же успехи собирания земель в Москве были в корне подорваны первым из князей, получившим от современников прозвание «собирателя», т.-е. Иваном Калитою. Как и все князья той эпохи, выросший в убеждении, что наследственная территория составляет его вотчину, которою он может распорядиться, как своим частным имуществом, он перед смертью разделил все свое княжение между тремя сыновьями на три части, не выключая и стольного города Москвы. Так поступали все князья-современники, так же и все преемники Калиты на московском столе. Каждому из них чуть не сызнова приходилось начинать работу собирания земель. Выход из этого заколдованного круга стал возможен, с одной стороны, вследствие сравнительной малоплодливости московских князей, с другой—благодаря обычаю наделять старейших сыновей большим уделом «на старейший путь». С этим преимуществом в положении соединялись мало - по - малу и некоторые политические прерогативы, напр., право одного великого князя «знать Орду» т.-е. сноситься с ханом (главным образом по делам об уплате дани), чеканить монету и пр. Но особенно важную услугу делу объединения оказал Дмитрий Донской: он первый счел себя вправе распорядиться перед смертью и судьбою великого княжения Владимирского, территорию которого он без раздела присоединил к уделу старшего своего сына и тем стазу поставил его в особо выгодное положение по сравнению с братьями. По примеру Донского поступали и его преемники.

Если первые из московских князей могли и не сознавать всех невыгод раздробления княжения между наследниками, то последующие, по собственным и близким примерам повседневной практики, могли воочию убедиться в чрезвычайной опасности такой политики для могущества государства. Иван III прекрасно знал о нестроениях в земле, «коли было государей много». Узнав о намерении вел. князя литовского Александра выделить Киев в удел кн. Сигизмунду, он в 1496 г. велел сказать своей дочери: «Ино, дочи, слыхалъ язъ, каково было нестроенье в Литовской землѣ, коли было государей много; а и въ нашей землѣ слыхала еси, каково было нестроенье при моемъ отцѣ, а опослѣ отца моего каковы были дѣла и мнѣ съ братіею, а иное и сама помнишь. И только Жыдимонтъ будетъ въ Литовской землѣ, ино вашему которому добру быти?» Тот же Иван III писал в 1489 г. крымскому хану Менгли-Гирею: «Ино тебѣ вѣдомо изъ старины, отъ дѣдъ и отъ отцовъ вашихъ: на одномъ юртѣ два осподаря бывали ли? А гдѣ и бывали будутъ два оспадаря на одномъ юртѣ, ино которое добро межъ ихъ было?» (Сб. Русск. Ист. Об., т. XXXV, 224—225, и т. XLI, 76). И несмотря на эти ясные доводы, Иван Васильевич назначил уделы всем своим сыновьям. Последним московским государем, разделившим государственную территорию, был Иван Грозный. По сохранившемуся духовному завещанию он благословил старшего своего сына Ивана «своимъ царствомъ Ру-

скимъ», но выделил удел и второму сыну Федору. Но об этом уделе в духовной сделана серьезная оговорка: «а удѣлъ сына моего Ѳедоровъ ему же (Ивану) къ великому государству». Удельная система перестала существовать в Московском государстве лишь с пресечением династии Рюриковичей.

Все мелкие и крупные примыслы московских князей включались в состав московской территории без сохранения каких-либо особенностей их строя или порядков управления. В подавляющем числе случаев таких особенностей и не существовало в присоединяемых владениях, и московскому правительству не предстояло никаких хлопот с организацией управления в присоединенных областях. Оно нередко оставляло за прежними владетельными князьями, перешедшими на службу в Москву, некоторую долю автономии, сохранив за ними их прежние вотчины в полном объеме или в некоторой части, с предоставлением не только прав суда и управления, но даже права иметь свое войско («Боярская дума», 208, 232—235 и 298). Эти остатки удельного быта продолжались, правда, не долго. При Иване III начинается уже ряд мер против княженецкого родового землевладения, а с учреждением опричнины при Грозном произведен полный переворот в составе наличных титулованных и нетитулованных землевладельцев (Платонов. «Очерки по истории смуты», 139—160). При том же Грозном упорядочен и военный строй. Но эти перемены произошли уже в Московском государстве, а не в отдельных областях в момент их присоединения.

Только Новгород и Псков сохранили до присоединения к Москве особый политический быт, а потому необходимо было выработать условия их подчинения. В 1478 г. новгородцы вели продолжительные переговоры с Иваном Васильевичем, желая добиться возможно больших уступок в свою пользу. Они начали с просьбы, чтобы «государь князь велики свою отчину Великiй Новгородъ, волныхъ мужей, пожаловалъ, нелюбья отдалъ». Но уничтожение новгородской воли было предрешено, и государь объявил новгородцам: «мы великiе князи хотимъ государьства своего, какъ есмя на Москвѣ, такъ хотимъ быти на отчинѣ своей Великомъ Новѣгородѣ». Новгородцы и после этого просили о сохранении суда посадника, о взимании лишь точно установленной дани, о порядке отбывания военной повинности и пр. Но Иван Васильевич усмотрел в этом попытку ограничить его власть и ответил: «вы нынѣча сами указываете мнѣ, а чините урокъ нашему государьству быти, ино то которое мое государьство?» Когда же новгородцы сослались на то, что «Низовскiе пошлины не знаютъ», то им было от имени великого князя объявлено: «ино наше государьство великихъ князей таково: вѣчю колоколу во отчинѣ нашей въ Новѣгородѣ не быти, посаднику не быти, а государьство все намъ держати». Иван III потребовал себе волостей и сел, «понеже намъ великимъ княземъ государьство свое держати на отчинѣ В. Новѣгородѣ безъ того нелзѣ», и обещалъ их кое-чем пожаловать:

не чинить вывода, не вступаться в их вотчины, не наряжать службы в Низовскую землю. Новгородцы желали, чтобы в исполнение хотя этих обещаний «государь далъ крѣпость своей отчинѣ, крестъ бы цѣловалъ», но великий князь отказал в этом: «не быти моему цѣлованію»; отказал и в присяге бояр своих и своего наместника. От новгородцев потребовали безусловного подчинения и не желали сохранить за ними никаких особенностей политического строя, и новгородцы должны были этому подчиниться (П. С. Л., т. VI, 210—216; т. XII, 175—183). С Псковом Василий Иванович управился гораздо проще. В 1510 г. он послал в Псков с требованием: «колоколъ бы вѣчной свѣсили», затем явился туда сам, привел псковичей к целованию, лучшим людям велел ехать в Москву, «колоколъ ихъ вѣчной къ Москвѣ же отослалъ», а в Пскове оставил двух наместников, «и учини все как лѣпо быти государству его» (там же, т. VI, 251; т. XIII, 12—13). Псковичи беспрекословно исполнили все эти требования.

Но независимо от того, приходилось ли ломать строй земли в момент ее присоединения в Москве, или в такой ломке не предстояло и надобности, все присоединенные области и земли включались в состав территории по началу инкорпорации, т.-е. на положении провинций или частей их. Следы территориального роста Московского государства продолжали лишь сохраняться в официальном языке, в частности в титуле великих князей и государей. Они включали в свой титул почти все новые территориальные приобретения, иногда даже и сомнительные, так что территориальная часть титула продолжала расти в течение всего московского периода и даже позднее. Поэтому и после прекращения удельного дробления, когда политическое единство земли не подлежало, казалось бы, сомнению, новые государи, за пресечением династии Рюриковичей, избирались «на Владимерское и на Московское, и на Ноугоротцкое государства, и на царства Казанское, и на Астороханское, и на Сибирское, и на всѣ великие и преславные государства всего великого Россійского царствия» (С. Г. Г., I, стр. 603 и 614).

В Москве, однако, имел место случай территориального присоединения, совершенно отличный от рассмотренных выше. Таково было присоединение Малороссии по условиям 1654 г. После неоднократных прошений представителей малороссийского духовенства и казацкой старшины о том, чтобы московские государи Михаил Федорович и Алексей Михайлович взяли Малороссию под их высокую руку, отправлено было в конце 1653 г. к Богдану Хмельницкому посольство с бояр. Бутурлиным во главе для окончательных переговоров. На раде 8 янв. 1654 г. гетман сказал: «Вот уже шесть лет живем мы без государя, в беспрерывных бранях и кровопролитиях с гонителями и врагами нашими... и видим, что нельзя нам жить больше без царя. Для этого собрали мы раду, явную всему народу, чтоб вы с нами

выбрали себе государя из четырех». Гетман назвал турецкого султана, крымского хана, короля польского и московского государя. Но первые двое бусурманы; «об утеснениях польских панов и говорить нечего: сами знаете, что лучше жида и пса, нежели христианина брата нашего почитали. А православный христианский вел. государь царь восточный единого с нами благочестия... кроме его царской высокой руки благотишайшего пристанища не обрящем, если же кто с нами не согласен, то куда хочет—вольная дорога». На этот призыв, не допускавший никакого обсуждения, последовал ответ: «Волим под царя восточного православного! Лучше в своей благочестивой вере умереть, нежели ненавистнику Христову, поганину достаться!». Столь быстрое решение вопроса оказалось, однако, довольно непрочным. Недоразумения возникли тотчас же по поводу принесения присяги. Гетман и старшина желали, чтобы Бутурлин присягнул за государя или дал письмо за своей рукой в соблюдении вольностей и обеспечения маетностей казацкой старшины и войска. Но Бутурлин ответил: «того, что за великого государя присягать, никогда не бывало и вперед не будет. А если польские короли подданным своим присягают, то этого в образец ставить не пристойно, потому что это короли неверные и не самодержцы, на чем и присягают, на том никогда в правде не стоят». Хотя присяга и состоялась, но не с прежним энтузиазмом, в отдельных слоях населения против убеждения, а в некоторых местах и совсем отказались от принесения присяги. В марте того же года приехали в Москву посланцы Хмельницкого бить челом о подкреплении их вольностей и привилегий и получили жалованную грамоту, в силу которой войску запорожскому и казакам предоставлено право выбирать по городам и местам своих урядников для суда и управления по их правам и уставам; право выбирать гетмана; число реестровых казаков определено в 60 тыс.; дано обещание в ненарушимости всех прав и привилегий, пожалованных прежними великими князьями и королями духовенству и мирским людям и пр. По жалованной грамоте Малороссии дарована была широкая автономия. Но помимо всего этого посланцы просили еще о следующем: «Послы, которые издавна к войску запорожскому приходят из чужих краев, чтоб гетману и войску запорожскому, которые в добру б были, вольно приняти; а только б что имело быть противно царского величества, то должны они царскому величеству извещати». По этому пункту последовало такое решение: «пословъ о добрыхъ дѣлѣхъ принимать и отпускать, а о какихъ дѣлѣхъ приходили и съ чѣмъ отпущены будутъ, о томъ писать царскому величеству подлинно и вскорѣ; а которые послы присланы отъ кого будутъ царскому величеству съ противнымъ дѣломъ, и тѣхъ пословъ задерживать въ войскѣ и писать объ нихъ о указѣ вскорѣ жъ; а безъ указа царского величества назадъ ихъ не отпускать; а съ турскимъ салтаномъ и съ польскимъ королемъ безъ указа царского величества не ссылаться» (П. С. З., №№ 115 и 119).

Малороссия, значит, сохранила за собой и право международных сношений.

На каких же началах Малороссия присоединилась к Москве? В литературе высказаны две точки зрения по этому вопросу. Из слов жалованной грамоты «Малороссія принимается подъ нашу высокую руку и обѣщается служить намъ, сыну нашему и наслѣдникамъ» проф. Сергеевич делает вывод, «что присоединение имело характер личный, а не реальный. Малороссия не соединилась с Московским государством, а только признала своим государем царствующего в Москве государя с его потомством. Это случай личного соединения в силу избрания. Но так как избран был московский государь с его потомством, то соединение должно продолжаться до тех пор, пока продолжалось потомство Алексея Михайловича» («Лекции и Исслед.», изд. 4-е, 115—116). Н. М. Коркунов с этим мнением не согласился: «Уния предполагает прежде всего и безусловно единство личности правителя. Особенность же Малороссии в том, главным образом, и выражалась, что она имела особого правителя в лице гетмана, пользовавшегося даже правом вести самостоятельно международные сношения. Малороссия не стояла к России в равноправных отношениях, она была ей подчинена. Русский царь не соединял в своем лице две раздельные государственные власти, но малороссийский гетман подчинялся ему, как высшему властителю. Это, очевидно, вассальная зависимость, а не личная уния» («Русск. гос. право», т. I, 181). Однако обе эти точки зрения вызывают серьезные сомнения. Личная уния, это—случайное и лишь временное соединение государств. Присоединение же Малороссии к Москве, по тексту жалованной грамоты, понималось как вечное соединение. Там сказано, что государь запорожское войско пожаловал, «а они его царскому величеству во всякихъ его государскихъ повелѣніяхъ служити будутъ во вѣки»; что войско запорожское учинилось «подъ нашею царскою рукою и вѣру намъ великому государю и нашимъ государскимъ дѣтемъ и наслѣдникомъ на вѣчное подданство учинили». Эти выражения показывают, что речь идет не только о династии Романовых, а о вечной службе и о вечном подданстве, т.-е. всем государям, кто бы они ни были. Вассальная же зависимость предполагает, что между государем-сюзереном и населением вассального государства нет непосредственной связи; между ними стоит личность правителя—вассала. Население приносит присягу верности своему правителю, который присягает в верности своему сюзерену. Население же Малороссии учинило присягу (веру) на вечное подданство московскому государю, а гетману никакой присяги не приносило. И если нужно присоединение Малороссии подвести под какой-либо тип соединений государств, признаваемых современной теорией, то следует скорее признать присоединение Малороссии к Москве по «статьям Богдана Хмельницкого» реальною унией.

Но на первых же шагах совместной жизни обнаружилось,

что соединение было не очень прочно. Направление внешней политики Московского государства и казацкой старшины разошлось: Москва заключила мир с Польшей и начала войну с Швецией, а Малороссия продолжала войну с Польшей. После смерти Богдана Хмельницкого гетманом был избран Выговский, который более склонялся по своим симпатиям к Польше, чем к Москве. За ним шли значительные партии среди населения особенно правобережной Украйны; население левого берега Днепра тянуло сильнее к Москве. Этим объясняется и появление двух гетманов в Малороссии.

В 1665 г. гетман левобережной Украйны Брюховецкий ударил челом московскому государю всеми малороссийскими городами и местами, и местечками, и с слободами, и с уездами, и со всякими доходами, так как «належащее и отъ Бога врученное дѣло городами и землями владѣти и оные заступати монархомъ, а не гетманомъ». За казацким войском были сохранены лишь привилегии и маетности, право избрания гетмана и казацкой старшины; но от права внешних сношений гетман отказался. Брюховецкий учинил веру государю, его детям и наследникам, что ему с войском и всем населением «быти въ вѣчномъ и во вѣки неотступномъ и непоколебимомъ подданствѣ на вѣки непремѣнно». За все это Брюховецкий был похвален, награжден подарками и возведен в звание боярина (П. С. З., №№ 375—376). Но этот акт вызвал страшное неудовольствие против Брюховецкого, который должен был уступить гетманство Дорошенку. По Андрусовскому договору Москвы с Польшей признано формальное разделение Украйны на две половины с присоединением Киева к левобережной Украйне на два года. В 1674 г. к левому берегу присоединились еще 10 полков правобережной Украйны, гетман Самойлович признан единым гетманом, и с ним заключены были новые статьи на основах соглашения с Хмельницким, но с серьезными отступлениями. Самым существенным отличием новых статей явилось то, что Малороссия была лишена права внешних сношений, и гетман и старшина обязались без указа государя ни в которые государства ни к кому ни о чем не писать, и ссылки ни с какими государями не чинить, так как от того происходят многие ссоры в малороссийском народе. Если же случится надобность писать о каком-либо деле в иное государство, то об этом надлежит писать московскому государю, который и будет за старшину сноситься и ответные листы им пришлет. Точно так же постановлено, что на посольских съездах малороссийские посланцы не могут принимать участия, так как «межъ великими государи въ ихъ государскихъ великихъ дѣлѣхъ мотчанье и несходство бываетъ». Кроме того были сужены и некоторые преимущества казацкого войска. На этих статьях учинена была присяга: быти им—гетману, старшине и народу—у государя, его детей и наследников в вечном подданстве, а ни у которых окрестных государей в подданстве не быть (П. С. З., № 573). Особенно-

сти местного строя и управления продолжали еще довольно долго сохраняться, но и они постепенно искоренялись. В 1781 г. на Малороссию распространено Учреждение о губерниях.

Литература. В. Сергеевич. Как и из чего возникла территория Московского государства, Новь, 1886, янв., кн. 2, и февр., кн. 1; Др. русск. пр., I, 51—87; Вл.-Буданов. Обзор, изд. 4-е, 108—116; Ключевский. Боярская дума, глава IV; Курс русской истории, лекции XX и XXI. С резкой критикой господствующего воззрения об удельном дроблении и собирании земли выступил А. Е. Пресняков. Образование великорусского государства, 1918; С. В. Рождественский. Служилое землевладение в Московском государстве, 1897, 148—215. По вопросу о присоединении Малороссии, кроме общих пособий Соловьева и Костомарова, см. еще: Г. Карпов. Переговоры об условиях соединения Малороссии с Великой Россией, Ж. М. Н. Пр., 1871; Критический обзор разработки русских источников, до истории Малороссии относящихся, за время 1654—1672 гг., М., 1870; А. Я. Ефименко. Южная Русь, т. I: Очерки истории правобережной Украйны, 1905; М. Грушевский. Очерки истории украинского народа, 1904; бар. Б. Э. Нольде. Очерки русского государственного права, 1911, стр. 287—331; Д. Сиромаха. Соединение Украйны с Москвою, Украин. Жизнь, 1912 г., № 2.

Население.

За три с половиною века в составе населения удельной Руси и Московского государства произошли крупные перемены. В течение этого периода среди свободного населения обособилось несколько групп, различающихся одна от другой все более и более резко обозначающимися юридическими признаками. Этим была подготовлена почва для зарождения сословий. Среди этих групп важнейшими являются: служилые люди, посадские люди, обнимающие главную массу населения городов и посадов, и крестьяне, составляющие массу сельского населения. Несвободное население также не осталось однородным: к прежнему типу полного холопства присоединяется новый тип неволи ограниченной. Наконец между несвободным населением и низшими разрядами свободного начинается постепенное сближение путем улучшений в положении первых и ухудшений в положении вторых вследствие возникающего и развивающегося крепостного права.

Служилые люди.

Как период объединения, так и пора дальнейшего территориального роста требовали напряжения военных сил страны. Московское государство ведет постоянные то оборонительные, то наступательные войны на западной, южной и восточной границах. Эти потребности страны и вызвали к жизни образование значительного контингента лиц, профессионально посвятивших себя государственной военной службе. Но в состав служилых людей вошли весьма разнородные общественные элементы, а потому общая для них служебная организация возникла сравнительно поздно. Тип ее начинает выясняться при Иване III и лишь при Иване Грозном получает определенное очертание.

Северо-восточная Русь унаследовала от южной Руси как форму свободных отношений членов дружины к князю, так и тип службы невольной, при чем личное услужение попрежнему остается слитым с понятием государственной службы. Вольные дружинники и теперь разбиваются на два основных слоя—старший и младший, но они не сохраняют прежнего названия старшей и младшей дружины, а называются «бояре и дети боярские» или «бояре и слуги вольные». С большею оседлостью князей прочнее оседают по княжениям и бояре, постепенно меняющие свою воинственную физиономию на скромный облик хозяина, помогающего своему князю управлять его вотчиною и заботиться о промыслах в ней. Вместе с тем растет у бояр и вкус к землевладению, так что боярин и его наследники, дети боярские, становятся типичными землевладельцами вслед за князьями и на-ряду с церковными учреждениями, в частности монастырями. Правительства отдельных земель принимают решительные меры к тому, чтобы ограничить стремления князей и их вольных слуг к расширению их недвижимых имений в пределах чужих территорий. Первые новгородцы по договорам обязывают своих князей: «тобе, княже, ни твоей княгыни, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ слугамъ селъ не дьржати, ни купити, ни даромъ принимати, и по всей волости Новгородьской» (С. Г. Г., т. I, №№ 1 и 3). Несколько позднее и князья обязывают друг друга: «(тобѣ селъ въ) нашихъ удѣлѣхъ не купити, ни твоимъ бояромъ, ни слугамъ безъ... ни нашимъ бояромъ, ни слугамъ селъ въ твоемъ удѣлѣ...»; или: «А селъ ти не купити въ моемъ удѣлѣ ни въ великомъ княженьи, ни твоимъ дѣтемъ, ни твоимъ бояромъ» (там же, №№ 23 и 33). Памятники XIV—XVII вв. говорят о «боярских селах, боярских людях», называют боярские села «боярщинами» или «боярщинками», как монастырские села «монастырщинами», отличают «боярскую пашню», т.-е. хозяйскую запашку, от пашни крестьянской, т.-е. сданной крестьянам в аренду, обозначают также термином «боярщина» боярское дело или изделье, т.-е. работу на боярина. Во всех этих обозначениях «боярин» является землевладельцем и рабовладельцем, господином, в пользу которого работают, и который живет трудами чужих рук. Пережитком этой терминологии являются и современные термины—«барин», «барщина» и пр.

По своей экономической обеспеченности бояре—люди независимого положения, «вольные люди». Таковыми их признают и князья. Почти во всех междукняжеских договорах повторяется стереотипное условие: «а бояромъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля»; или: «а бояромъ и дѣтемъ боярьскимъ и слугамъ межы насъ волнымъ воля» (там же, №№ 33, 52 и др.). Это значит, что боярин, как вольный слуга, может служить или не служить своему (местному) князю, но может служить и другому князю. Для вольного человека служба не могла быть обязательной, а если боярин желал служить, то он сам выбирал себе князя.

Обыкновенно бояре служат. К военной профессии они издавна более всего приспособлены. Как у старых дружинников были свои собственные дружины, так у бояр имелись собственные дворы, т.-е. дворовые люди из свободных послуживцев и холопов. Содержание такой дворни вызывалось как хозяйственными потребностями, так и интересами самообороны. Утилизировать эти домашние силы на службе князю было делом прямого расчета, так как это было сопряжено с различными выгодами. Тот же расчет руководил и при решении вопроса, какому князю выгоднее служить. И теперь бояре при поступлении на службу заключают с князьями договоры, но попрежнему не записанные и не сохранившиеся. После Куликовской битвы Дмитрий Донской хотел наказать Олега Рязанского за помощь Мамаю и двинуться походом в Рязанскую землю; но «бояре же рязанстіи оставиша Олга и пріѣхаша къ великому князю и повѣдаша, что кн. Олегъ повергъ отчину свою, землю Рязанскую, а самъ побѣжалъ и со княгинею и з дѣтми и з бояры; и молиша его много о семъ, дабы на нихъ рати не посылалъ, а сами биша ему челомъ въ рядъ и урядишася у него. Великій же князь послуша ихъ челобитья и рати на нихъ не посла» (П. С. Л., т. XI, 67). Вместо терминов «бить челом в ряд» и «урядиться», поступление на службу обозначается еще термином «приказаться». После взятия Смоленска в 1514 г. «князи и бояря смоленскіе градъ отвориша, а сами поидоша къ шатромъ великому государю челомъ ударити и очи его видѣти, да туто и приказалися вел. государю и крестъ цѣловали» (П. С. Л., т. XIII, 19).

Крестное целование представляло лишь гарантию в точном выполнении принятых на себя обязательств. Но какие обязательства принимал на себя вольный слуга при поступлении на службу? На это в памятниках содержатся лишь немногие случайные и неопределенные указания. В приписанных Донскому предсмертных словах содержится такое обращение к боярам: «нынѣ же помяните словеса моя и своя, еже рекли есте ко мнѣ во время свое: должни есмы тебѣ служа и дѣтемъ твоимъ главы положити своя» (П. С. Л., т. VI, 107). В Никоновской летописи рассказано о нижегородском князе Борисе Константиновиче, что он ввиду приближения к Нижнему в 1392 г. московских бояр обратился к своим боярам с увещанием: «господіе мои, и братіа, и боаре, и друзи! попомните, господіе, крестное цѣлованіе, какъ естя цѣловали ко мнѣ и любовь нашу и усвоеніе къ вамъ». На это старший боярин Василий Румянец ответил: «вси есмя единомыслени къ тебѣ и готови за тя главы своа сложити и кровь изліати» (т. XI, 147). Но клятвенное обязательство проливать кровь и не щадить жизни на службе князю указывает лишь на то, что тут разумеется военная служба и ничего больше. Ни о сроке вольной службы, ни о ее размерах не сохранилось никаких указаний. Всякий вольный слуга, недовольный условиями службы, мог «отказаться» от службы и отъехать от данного князя к другому. В этом не было ни-

какого нарушения верности и клятвопреступления. Право отказа и отъезда—основная гарантия вольной службы, и этим правом не редко пользуются бояре. По возвращении из Орды в Тверь на великокняжение Александра Михайловича, от него «отъѣхаша бояре мнози на Москву къ вел. князю Ивану Даниловичю». В 1356 г. в Москве был убит тысяцкий Алексей Петрович «и бысть мятежь велій на Москвѣ того ради убійства. И тако тоѣ же зимы по послѣднему пути болшіе бояре московстіи отъѣхаша на Рязань з женами и з дѣтми» (П. С. Л., т. X, 208 и 229). В 1433 г., когда князь Юрий Дмитриевич захватил Москву под вел. князем Василием Васильевичем и назначил последнему в удел Коломну, «многіе люди начаша отказыватися отъ кн. Юрія за вел. князя и поидоша къ Коломнѣ безъ престани». В 1485 г. «бояре вси пріѣхаша тверьскіи служити къ вел. князю на Москву, не терпяще обиды отъ вел. князя» (там же, т. VIII, 97—98; VI, 237). Во всех приведенных случаях речь идет о массовых отъездах бояр, что имело место лишь в экстренных случаях. Но отдельные случаи отказов и отъездов могли происходит очень часто.

Отъезд к другому князю существенно затрагивал хозяйственные интересы отъездчика. Если даже и допустить, что в более древнее время возможны были отъезды с вотчинами, т.-е. выведение из подчинения князю не только самого отъездчика, но и его вотчины, то уже с половины XIV в. такие явления по общему правилу не наблюдаются: вотчины оставались под властью того князя, в пределах территории которого находились. Вот в этих случаях бояре-отъездчики и могли испытывать неудовольствия со стороны князей, которых они покинули, если не на себе лично, то на принадлежащих им имуществах. Однако и против таких последствий отъезда практика выработала некоторые гарантии. В древнейших из сохранившихся междукняжеских договоров стоит взаимное обязательство сторон на отъехавших вольных слуг «нелюбья не держати» (С. Г. Г., т. I, №№ 23 и 27). Но уже в договоре Донского с тверским князем 1375 г. это обязательство выражено определеннее: «А кто бояръ и слугъ отъѣхалъ отъ насъ къ тобѣ, или отъ тобе къ намъ, а села ихъ въ нашей вотчинѣ въ вел. княженьи, или въ твоей вотчинѣ во Тфѣри, въ ты села намъ и тобѣ не въступатися» (там же, № 28). Этим гарантировалась неотъемлемость недвижимых имуществ отъездчиков. Но и при сохранении сел за отъездчиками можно было разорить эти села разными произвольными мерами, в особенности произвольным обложением данями. Поэтому указанная формула обязательства была заменена новою: князья взаимно обязывались: «хто иметъ жити моихъ бояръ въ твоемъ удѣлѣ и твоихъ бояръ въ моемъ удѣлѣ и въ вел. княженьи, и тѣхъ намъ блюсти какъ и своихъ, и дань взяти, какъ и на своихъ» (там же, №№ 33, 37 и др.).

Из приведенных слов явствует, что боярин мог служить одному князю и жить в уделе другого. Значит служба князю не на-

лагала на боярина обязанности жить при княжеском дворе; он проживал в своем имении и являлся на службу только на время военных походов. Тут применялось правило, нередко повторяемое в договорах вел. князя с удельными, в силу которого «хто которому князю служитъ, гдѣ бы ни былъ (жилъ), полѣсти ему съ тѣмъ княземъ (тому съ тѣмъ княземъ и ходити), которому служитъ» (там же, №№ 37, 43—45 и др.). Из этого правила существовало одно исключение, касающееся городской обороны: «а городная осада, гдѣ кто живетъ, тому туто сѣсти», т.-е. осадную службу боярин отбывает по местонахождению своего имения, хотя бы под начальством не своего князя или его воеводы, а князя местного.

Таковы гарантии вольной службы. Ими не только обеспечивалась свобода отъезда вольного слуги, но и его землевладельческие интересы. Тип вольной службы сложился всецело в интересах вольного слуги, что было возможно лишь в пору слабости княжеской власти. Княжеским правительствам пришлось по необходимости санкционировать этот тип службы и с помощью вольных слуг приступить к трудному делу объединения или округления удельных территорий. Но, как правильно замечено, вольная служба являлась большим анахронизмом среди явлений удельного порядка северо-восточной Руси и противоречила стремлению князей «соединить личную службу вольных слуг с землевладением в уделе, закрепить первую последним». Право свободного отъезда не согласовалось и с другим условием тех же междукняжеских договоров, на основании которого «для князей и их бояр затруднялось приобретение земли в чужих уделах и запрещалось им держать там закладней и оброчников, т.-е. запрещалось обывателям уезда входить в личную или имущественную зависимость от чужого князя или боярина» («Боярская дума», 94—95).

И московские князья должны были признать нормы свободных отношений между князем и его слугами. С одной стороны, эти нормы были выгодны и для князей, поскольку содействовали притоку служилых людей из других княжеств в Москву. Но с другой стороны, потеря каждого отъехавшего была не только не выгодна, но и опасна, так как каждый отъездчик, пользуясь выгодами землевладения в Московском княжестве, мог оказаться во враждебных к князю отношениях. Московские князья хорошо поняли это двойственное значение вольной службы и сумели, воспользовавшись ее выгодами, устранять по возможности ее невыгодные стороны. Они сравнительно рано начали борьбу с свободой отъезда. Но эта борьба ведется не путем отмены норм, гарантирующих вольную службу. Наоборот во всех заключенных московским правительством с другими князьями договорах эти нормы категорично подтверждаются и в последний раз в последнем междукняжеском договоре, заключенном вел. кн. Василием Ивановичем с родным братом Юрием Ивановичем в

1531 г. (С. Г. Г., т. I, №№ 160 и 161). Но на-ряду с этим и вопреки клятвенному обязательству, московские князья настойчиво преследуют отъехавших, применяя к ним во всех возможных случаях различные карательные меры. В этой своей политике они могли бы опереться отнюдь не на право, которое нарушали, а на новые поучения и правила церкви, проповедывавшей начала неизменной верности своему князю. В списках «Закона Судного людям» князья могли прочесть статью «О бѣганьи», в которой изложено: «Аще людинъ отъ князя своего бѣгаеть къ иному князю, да ся тепеть добрѣ (да бьютъ его добрѣ) и пакы выведуть». Русский автор «Поучения ко всем крестьянам» в списках XIV—XV вв. следующим образом наставляет княжеских слуг: «князю же земли вашея покаряйтеся, не рцѣте ему зла въ сердци своемь, и пріяйте ему головою своею и мечемь своимь, и всею мыслью своею и не възмогуть противитися инии князю вашему». Но к этому общему правилу автор прибавляет важную оговорку: «аще кто отъ своего князя ко иному князю отъѣдеть, а достойну честь приемля отъ него, то подобенъ есть Июдѣ, иже любимъ Господомь ти умысли продати е ко княземъ жидовьскымъ... Да и вы, сынове мои милии, не мозите прияти чюжему князю, да не в тоже зло впадете» («Русск. Дост.», ч. 2, 178; Буслаев. «Истор. хрест.», 477—479). Не эти, конечно, правила и поучения заставили московских князей преследовать отъездчиков, а насущный интерес. Но ссылки на эти авторитетные писания могли пригодиться в оправдание суровой политики эгоизма и насилия.

Для характеристики этой политики достаточно отметить несколько фактов. В 1373 г. умер последний московский тысяцкий Вельяминов. В следующем году побежал с Москвы в Тверь сын его с каким-то Некоматом Суражанином. Тверской князь послал их в Орду, откуда Некомат и вынес ему ярлык на великое княжение. Вследствие этого между Москвой и Тверью началась война, неудачная для Твери. В новой договорной грамоте стороны санкционируют обычную норму вольной службы, как это указано выше. Но московский князь выставил и изъятие из этого правила: «а что Ивановы села Васильевича и Нѣкоматовы, а въ ты села тобѣ ся не въступати, а имъ не надобѣ, тѣ села мнѣ». Отсюда ясно, что недвижимости обоих отъездчиков были конфискованы, и эта произвольная мера получила санкцию в изъятие из общего правила. Этим, однако, дело не кончилось. В 1379 г. захвачен был в Серпухове возвращавшийся из Орды в Тверь Вельяминов, приведен в Москву и «мечемъ потять бысть на Кучковѣ полѣ у града у Москвы повелѣніемъ вел. князя». А в 1383 г. казнен был и «нѣкій брехъ, именемь Некоматъ, за нѣкую крамолу» (П. С. Л., т. XI, 45; т. VIII, 49). Очевидно в Москве считали этих отъездчиков особенно опасными, а потому и расправились с ними так круто.

Подобный же случай имел место при Василии Васильевиче Темном, в 1433 г., когда из Москвы отъехал ближний боярин

Иван Дмитриевич Всеволожский. Это был выдающийся слуга, оказавший своему князю великие услуги в Орде «и великое княженіе ему у Махмета царя взя». Но вел. князь не сдержал обещания жениться на дочери Всеволожского, из-за чего и возникли неудовольствия. Отъехавший боярин приказался к галицкому кн. Юрию Дмитриевичу и подбил его предпринять поход на Москву. Счастье улыбнулось галицкому князю, который захватил Москву, но не мог в ней удержаться и добровольно уступил племяннику. В заключенном договоре опять повторены обычные правила о вольной службе, но вставлена и оговорка касательно сел «Ивановыхъ Дмитриевича», которые вел. князь «у него взялъ въ своей винѣ». Отнятием сел не удовлетворил вел. князь своего гнева: во время возникшей вскоре затем распри с галичским князем он захватил Всеволожского в плен и приказал его ослепить (П. С. Л., т. XII, 17—19; т. XV, 290; С. Г. Г., т. I, №№ 49 и 50). При Василии Васильевиче Темном отъезды из Москвы особенно участились. В смутные годы его княжения, в 1433 и 1446 гг., на короткое время отъезжали от него почти все вольные слуги. Естественно, что этот князь относился к отъездчикам очень недружелюбно и не скрывал к ним своего презрения. «Сии смущают нас», говорил он о них и не стеснялся поступать с ними самым вероломным образом. В житии Мартиньяна Белозерского записан такой эпизод об этом князе. От него к тверскому князю отъехал некий боярин «отъ ближнихъ его совѣтникъ». Этим отъездом московский князь был глубоко огорчен и желал возвратить отъездчика назад. Он обратился за содействием к преп. Мартиньяну, обещая того боярина «много паче перваго честна и богата сотворити». Преподобный убедил отъездчика вернуться, поручившись за верность княжеского слова. Но как только боярин возвратился, вел. князь «не удержа ярости гнѣва на болярина того» и велел его заковать. Только энергическое вмешательство Мартиньяна и угроза отлучением от церкви заставили князя сложить опалу с вернувшегося отъездчика (Лет. зан. Археогр. Ком., вып. 1, матер. 6—7).

Политика московских князей не осталась без подражания: другие князья так же наказывали отъездчиков. Из послания духовенства князю Дмитрию Шемяке 1447 г. видно, что этот князь, вопреки докончальной грамоте, обеспечивающей вольную службу, наказывал отъездчиков конфискацией имущества. «И опослѣ того вашего докончянія и крестного цѣлованья, который бояре и дѣти боярьскіе отъ тобе били челомъ брату твоему старѣйшему вел. князю служити, а села и домы ихъ въ твоей отчинѣ; и ты черезъ то докончянье и черезъ крестное цѣлованіе тѣхъ еси бояръ и дѣтей боярьскихъ пограбилъ, села ихъ и домы ихъ еси у нихъ поотъималъ, и животы и състатки всѣ, и животину еси у нихъ поималъ» (А. И., стр. 81). Брат Шемяки, Василий Косой, после смерти отца в 1434 г. удалился в Новгород, взяв с собой кн. Романа Переяславского. Последний не-

долго пожил у Косого и побежал от него обратно в Москву. Но Косой поймал своего слугу и за отъезд «повѣлѣ отсѣщи руку и ногу, и умре». И Новгород усвоил ту же политику и наказывал за отъезд. Поэтому Иван III в 1478 г. выговорил в пользу новгородских бояр и детей боярских, которые приказались служить великому князю, «чтобы имъ не мстили никоторою хитростью» (П. С. Л., т. V, 28; VI, 218; VII, 198).

Так упорным нарушением норм о вольной службе московские князья расчищали почву для создания новых отношений к служилым людям.

Но в разгар борьбы с свободой отъезда и с одновременными успехами объединения контингент вольных слуг московских князей стал заметно пополняться притоком новых элементов в лице служебных князей. Это были: то лишившиеся политической независимости владетельные князья Рюриковичи, чаще их потомки, то литовские выходцы из потомков Гедемина, то, наконец, татарские царевичи и мурзы. Одни из них, с присоединением их владений к московской территории сделавшись слугами московского князя, сохранили за собой свои вотчины с правами суда и управления и даже с правом выступать в походы с своим собственным войском под их личным предводительством. Другие били челом о принятии на службу с их вотчинами, которые включались в состав московской территории и возвращались прежним собственникам под условием службы. Третьи же приказывались в службу без всяких вотчин и обыкновенно получали за выезд вотчины или кормления. Но все они были вольные слуги и могли претендовать на применение к ним тех правил вольной службы, какие установлены были и для старинных бояр и вольных слуг. Однако по междукняжеским договорам эти нормы применялись к ним не в полном объеме. Впервые в договоре вел. князя Василия Васильевича с дядею Юрием Дмитриевичем 1428 г. о служебных князьях установлено такое правило: «А князей ти моихъ служебныхъ съ вотчиною собѣ въ службу не приимати; а которыи имутъ тобѣ служити, и имъ въ вотчину въ свою не въступатися». В следующих договорах к этому правилу прибавлено разъяснение: «а вотчины лишены» (С. Г. Г., т. I, №№ 43, 49 и др. То же правило и в договорах Твери с Литвой 1427, 1449 и 1483 гг., Ак. Зап. Росс., т. I, №№ 33, 51 и 79). Смысл этого ограничения заключается не в том, чтобы наложить на служебных князей более строгое обязательство о верной службе, а единственно лишь в том, чтоб закрепить в составе московской территории богатые вотчины этих слуг. Косвенно это ограничение указывает на то, что и в ту пору считались возможными отъезды с вотчинами. Сам Иван III в широких размерах практиковал прием на службу литовских выезжих князей с их вотчинами: князей Воротынских, Тарусских, Одоевских, Мезецких, Бельских и пр., хотя в отношении к своим служебным князьям такого отъезда не допускал. К отъезду слу-

жебных князей он применил прежде всего ту политику, какая установилась до него к вольным слугам вообще, т.-е. наказывал за отъезд. В 1479 г. вел. князь судил кн. И. В. Оболенского-Лыко, бывшего наместником в Великих Луках, по челобитью лучан о продаже и об обидах. По некоторым делам наместник был обвинен по суду, а по другим вел. князь «бессудно» велел ему заплатить, потакая лучанам. Обиженный такою несправедливостью, Оболенский отъехал от вел. князя к его брату Борису Васильевичу волоцкому. Вел. князь послал за отъездчиком своего боярина и «велѣлъ его поимати середь двора у кн. Бориса на Волоцѣ». Но удельный князь не допустил такого самоуправства у себя на дворе и «отнял сильно» отъехавшего князя у великокняжеского посла. Тогда Иван III отправил к брату второго посла, требуя, чтобы Оболенский был выдан головою. Но Борис Васильевич его не выдал и объявил послу: «кому до него дѣло, ино на него судъ да исправа». Таково было правило междукняжеских соглашений. Но договорное право уже отжило свое время. Вел. князь поручил боровскому наместнику поймать отъездчика тайно, когда и где его наедет. У Оболенского было на Боровце село, и как только он туда приехал, то был схвачен и в оковах привезен в Москву. Борис Васильевич обратился к брату Андрею, жалуясь на вел. князя, «что какову силу чинитъ надъ ними, что неволно кому отъѣхати къ нимъ». Перечень разных неправд вел. князя Борис Васильевич заключает жалобой: «а нынѣча и здѣ силу чинитъ, кто отъѣдетъ отъ него къ намъ и тѣхъ безсудно емлетъ, уже ни за бояре почелъ братью свою; а духовные отца своего забылъ, какъ написалъ почему имъ жити, ни докончанія, что на чемъ кончали послѣ отца своего». У Бориса Васильевича был действительно заключен с вел. князем в 1473 г. договор, повторяющий дословно как правило о вольной службе бояр, так и ограничение о непринятии на службу служебных князей с их вотчинами (П. С. Л., т. VI, 222; С. Г. Г., т. I, № 97).

При Иване III стала применяться и одна прямая мера против свободы отъезда всяких вольных слуг: с лиц, заподозренных в намерении отъехать, брались крестоцеловальные записи в том, что они будут служить до живота и ни к кому не отъедут. Древнейшая из сохранившихся записей этого рода взята в 1474 г. с князя Данилы Дмитриевича Холмского, который дал обязательство: «А мнѣ кн. Данилу своему осподарю вел. князю Ивану Васильевичю и его дѣтемъ служити до своего живота, а не отъѣхати ми отъ своего осподаря отъ вел. князя Ивана Васильевича, ни отъ его дѣтей къ иному ни хъ кому». Санкция этого обязательства была весьма категорична: «осподарь мой кн. велики и его дѣти надо мною по моей винѣ въ казни воленъ». Чтобы еще более закрепить силу обязательства, давший его должен был представить за себя нескольких поручителей в значительной денежной сумме, а поручители — представить за себя

подпоручителей (С. Г. Г., т. I, №№ 103, 104, 146, 149 и др.). Так создавалось понятие верности службы до живота, а наказание за отъезд приобретало правомерный характер. Однако наряду с этим в междукняжеских договорах продолжали повторяться старые нормы о вольной службе бояр и детей боярских с указанным ограничением для служебных князей. В последний раз они повторены в последнем договоре между князьями-братьями 1531 года. Значит одновременно существовало двоякое право: одно умирающее, другое нарождающееся.

Впервые в 1534 г. митр. Даниил взял одностороннюю крестоцеловальную запись с удельных князей Юрия и Андрея Ивановичей на имя малолетнего вел. князя, в которой они, между прочим, обязались: «ни людей имъ отъ вел. князя Ивана къ собѣ не отзывати». А в 1537 г. кн. Андрей дал новую запись, где то же обязательство формулировано так: «А кто захочетъ отъ тобя ко мнѣ ѣхати, князь ли, или бояринъ, или дiакъ, или сынъ боярской, или кто ни буди на ваше лихо: и мнѣ того никакъ не приняти». Наконец кн. Владимир Андреевич по такой же односторонней записи в 1553 г. обязался: «А князей ми служебныхъ съ вотчинами и бояръ вашихъ не прiимати; также ми и всякихъ вашихъ служебныхъ людей, безъ вашего велѣнья, не прiимати къ себѣ никого» (П. С. Л., т. VI, 275; С. Г. Г., т. I, №№ 163 и 167).

С конца XV в. безопасным остался отъезд только в Литву. Из мелких уделов сильная рука московских князей могла достать любого отъездчика; а после смерти Василия Ивановича удельные князья вынуждены были и формально отказаться от права принимать к себе в службу московских слуг. Отъезд же в Литву признан нарушением верности своему господарю, т.-е. изменой. Но такова правительственная точка зрения. А слуги-перебежчики, такой широкой волной менявшие одно отечество на другое, повидимому, не находили ничего предосудительного в своем поведении. Еще Курбский упрекал Грозного в том, что он своими крестоцеловальными записями о неотъезде «затворилъ царство русское, сирѣчь свободное естество человѣческое, словно въ адовой твердынѣ», и оправдывался от обвинения в измене: «А еже пишеши, имянующе насъ измѣнники для того, иже есмя принуждены были отъ тебя по неволѣ крестъ цѣловати, яко тамо есть у васъ обычай, аще бы кто не присягнулъ, горчайшею смертiю да умретъ; на сiе тебѣ отвѣтъ мой: всѣ премудрые о семъ згажаются, аще кто по неволѣ присягаетъ, или клянется, не тому бываетъ грѣхъ, кто цѣлуетъ, но паче тому, кто принуждаетъ... аще ли же кто прелютаго ради гоненiя не бѣгаетъ, аки бы самъ себѣ убойца». Те же мысли повторяют и другие отъездчики—Тетерин и М. Сарыгозин («Сказания Курбского», изд. 2-е, 231 и 374).

Но и в среду вольных слуг начинает проникать новая точка зрения, что отъезд к чужому государю роняет честь и достоин-

ство вольного слуги. В 1514 г., после взятия Смоленска, кн. Михайло Мстиславский перешел на службу с отчиною к московскому князю и целовал крест. Но как только он узнал о приближении литовского войска, то опять перешел на службу к литовскому князю, объявляя свою верность. Чувствуя, однако, свою неправоту, он бьет челом своему исконному государю о выдаче ему охранной грамоты, чтобы «на него никоторое мерзячки за то не мѣли, ажъ бы напотомъ чьти его и дѣтей его въ томъ не тыкало» (А. З. Р., т. II, № 92). Но понятия о чести в ту пору были совершенно своеобразны. Московское правительство придумало весьма остроумное наказание, поражающее честь отъездчика: оно не давало счета о местах отъезжавшим из Москвы или понижало их честь на несколько мест. Для служилого человека это была страшная кара, так как он лишался права местничаться и тем губил свою служебную карьеру.

Вольная служба прекратила свое существование без формального ее уничтожения: указа об отмене ее издано не было. Отказываться от службы в XVI в. было уже нельзя. Приказываться же в службу могли только выезжие служилые люди; свои должны были служить и без приказа.

Новая организация службы слагалась отчасти по готовым образцам. В придворном штате каждого владетельного князя, в числе его дворных людей или дворян, на-ряду с вольными слугами, были и слуги невольные, княжеские холопы. В духовном завещании Семена Ивановича перечислены следующие разряды невольных дворовых слуг: «А что моихъ людий дѣловыхъ, или кого буди прикупилъ, или хто ми ся будеть въ винѣ досталъ, такоже мои тивуни, и посельскиѣ, и ключники, и старосты, или хто ся будеть у тыхъ людий женилъ, всѣмъ тѣмъ людемъ далъ есмь волю». (В позднейших духовных вел. князей сюда включены еще казначеи. С. Г. Г., т. I, №№ 24—26, 34, 39). Об отказе от службы этих слуг, конечно, не могло быть и речи. Они—вечные слуги до своего живота или до отпуска по милости господина. Но и вольные дворные слуги, состоящие в ведении дворского или дворецкого, были в известной мере ограничены в праве выбора господаря-князя. В договоре Дмитрия Донского с кн. Владимиром Андреевичем 1362 г., на-ряду с обычным правилом «а бояромъ и слугамъ вольнымъ воля», стоит и ограничение: «А которыи слуги потягли къ дворьскому, а черныи люди къ сотникомъ, тыхъ ны въ службу не приимати». В духовной Владимира Андреевича 1410 г. указаны следующие правила относительно бояр и слуг: «А бояромъ и слугамъ, кто будетъ не подъ дворьскимъ, волнымъ воля... А хто будетъ подъ дворьскимъ слугъ, тѣхъ дѣти мои промежы себе не приимаютъ» (там же, №№ 27 и 40). Слуги под дворским противополагаются вольным слугам, но не потому, что они не могут отъехать: иначе бы князьям нечего было условливаться о неприеме их в службу. Противоположение это имеет совсем иной

смысл. Занимаясь различными хозяйственно-государственными профессиями при княжеском дворе, слуги под дворским содержались или на хозяйском иждивении, как и многие младшие дружинники, или получали в пользование участки земли под условием службы. Первое указание на этот порядок содержания дворных слуг встречается в духовной Калиты: «А что есмь купилъ село въ Ростовѣ Богородичское, а далъ есмь Бориску Воръкову, аже иметь сыну моему которому служити, село будеть за нимь; не имѣть ли служити дѣтемъ моимъ, село отоимуть» (там же, № 22). Отказ от службы таких лиц сопровождался отобранием у них земель. Владимир Андреевич благословил старшего сына Ивана в Москве и станах конюшим путем и другими хозяйственными статьями и относительно лиц, проживавших при этих хозяйствах, распорядился так: «а (кто) тѣхъ борътниковъ, или садовниковъ, или псарей, или бобровниковъ, или барашовъ, дѣлюевъ не въсхочетъ жити на тѣхъ земляхъ, инъ земли лишенъ, пойди прочь, а сами сыну кн. Ивану не набодѣ, на которого грамоты полные не будетъ, а земли ихъ сыну кн. Ивану». Отсюда ясно, что все эти лица, кроме полных холопов, могли уйти, но лишались земельных участков. Связанные с этим хозяйственные перетасовки и вызвали у союзных князей соглашение не принимать в службу слуг под дворским друг у друга.

Выгоды придворной службы привлекали в состав дворовых слуг также и лиц боярского происхождения. В XIII в. уже упоминаются дети боярские в разряде дворных слуг. По мере усиления Московского государства и расширения его границ, прилив знати в состав придворного штата московских государей все более усиливался. Дети боярские служат даже в дворовом штате княгинь. В духовной Василия Темного упомянуто: «А которые дѣти боярьские служатъ моей княгинѣ, и слуги ее, и вси ее люди, холопи еѣ, и кому буду язъ князь велики тѣмъ давалъ свои села, или моя княгини имъ давала свои села, или за кѣмъ будетъ ихъ отчина или купля: и въ тѣхъ своихъ людехъ во всихъ волна моя княгини и въ тѣхъ селехъ» (С. Г. Г., т. I, № 87). Здесь дети боярские перечислены в одной группе с слугами и холопами, при чем все лица этой группы владели или княжескими селами или собственными. Таким образом дети боярские из группы вольных слуг переходили в разряд слуг под дворским и получали в этом случае в пользование княжеские земли. В XV в. летопись проводит строгое различие между детьми боярскими из уездов и детьми боярскими, составляющими двор князя. Например весною 1470 г. «послалъ рать свою князь великій судовую на Казанскіе мѣста... а воевода Костянтинъ Беззубцевъ Александровичь, а съ нимъ многіе дѣти боярскые, дворъ свой, такоже и отъ всея земли своея дѣти боярскые, изо всѣхъ городовъ своихъ и изо всѣхъ вотчинъ своихъ потомуже» (П. С. Л., т. VI, 188; ср. разряды 7017 г. в Древн. Разр. кн., 42: «дѣти боярскіе из двора и из горо-

довъ»). Дети боярские из всех городов и уездов, это—вольные слуги, которые служат со своих вотчин и в них проживают; дети боярские дворовые служат при дворе и с княжеских земель. По мере присоединения к Москве других княжений и расширения придворного штата московских князей, число желающих поступить в дворовую службу постепенно увеличивалось. За детьми боярскими потянулись и их отцы — господа бояре, и даже служебные князья не брезговали служить вблизи вел. князя. Разместить всех желающих при московском дворе не представлялось никакой возможности. И московские князья начали их размещать па службу по разным городам, наделяя их участками земли из собственных сел и деревень. Так мало-по-малу создавалась поместная система. Для ее развития необходим был обширный земельный фонд, а потому московские князья усиленно создавали его покупками и особенно конфискациями у заподозренных в измене и при покорении новых областей. О Василии Темном сохранилось известие что он «поималъ у кого у измѣнниковъ многое множество» сел и волостей. Иван III потребовал от новгородцев половины сел владычних, монастырских и боярских, так как без этого держать государство свое в Новгороде ему было невозможно (П. С. Л., т. VIII, 150; т. XII, 115 и 183; т. VI, 216). Позднее конфискации сел у новгородских бояр и монастырей повторялись. Так, в 1484 г. «поималъ князь великый болшихъ бояръ ноугородцкыхъ и бояринь, а казны ихъ и села всѣ велѣлъ отписати на себя, а имъ подавалъ помѣстья на Москвѣ по городомъ». Та же мера повторена в 1489 г. В 1500 г. вел. князь с благословения митрополита «поималъ въ Новѣгородѣ церковные земли за себя, владычни и монастырскіе, и роздалъ дѣтемъ боярскимъ въ помѣстіе» (там же, т. VI, 36 и 37; т. XII, 215 и сл., 220 и 249). Отсюда ясно, почему Иван Васильевич не считал возможным держать государство в Новгороде без сел: они нужны были прежде всего для наделения поместьями княжеских слуг мелкого ранга, у которых не было собственных вотчин. Новым новгородским помещикам Иван III выдавал жалованные грамоты на поместья, предоставляя новым владельцам сбор доходов денежных и хлебных по старине, как собирали их прежние вотчинники. «А что прибавитъ на крестьянъ своего доходу, и онъ в томъ воленъ, только бы было не пусто, чтобы вел. князей дань и посошная служба не залегла» (Самоквасов. «Архивн. матер.», т. I, отд. II, 6—9). Поместное землевладение мелких слуг разрасталось в ущерб вотчинному землевладению бояр и детей боярских, а отчасти монастырей (в Новгороде). Но поместье было в такой же мере эмблемой зависимой службы, как вотчина службы вольной.

Из официальных документов впервые Судебник 1-й упоминает «о помѣстникѣ (помѣсчикѣ), за которымъ земли великого князя» (ст. 63). При Иване III, как видно на примере новгородских бояр, и бояре могли быть помещиками. Но это еще не общий порядок. Бояре в смысле бытового термина обыкно-

венно владельцы собственных вотчин. Судебник сопоставляет боярина и помещика, ставя боярина на первом месте, но не отождествляет их. Помещики, это—по преимуществу мелкие слуги, главным образом дворяне, а потом уже дети боярские. Термины вольной службы — «бояре и дети боярские» — в течение всей первой половины XVI века, во всех официальных актах, стоят выше термина дворовой службы — «дворян». Но во второй половине века дворяне оказались уже выше детей боярских. В подписях под соборной грамотой 1566 года дворяне названы впереди детей боярских. То же сказалось и в названии третьего думного чина: в первой половине века это были «дети боярские, которые в думе живут», а во второй половине — «дворяне в думе» или «думные дворяне». Во всех официальных актах XVII в. дворяне занимают место впереди детей боярских. «В этом торжестве термина, возникшего в придворной службе, над термином, возникшим в вольной службе, выразилась полная и неоспоримая победа новых московских порядков над отживавшей стариной» («Древн. русск. пр.», I, 514). Однако для завершения этой победы понадобилось не менее ста лет.

Как сказано выше, в XVI в. уже нет отказа от службы. Признана обязанность служить до «живота». Челобитье о принятии в службу сохранило свое значение только для выезжих слуг; свои же слуги должны были служить и без челобитья, по обязанности. Но долгое время оставались невыясненными многие существенные вопросы в организации этой обязательной военной службы. На ком лежала обязанность отбывать службу и с какого возраста? Каковы размеры этой службы? Все это выяснялось мало-по-малу продолжительным путем разнообразных практических опытов.

Состав служилого населения слагался из двух различных элементов: прежних вольных слуг и дворян. При всем их различии, слитие между ними происходило на почве все усиливающегося притока вольных слуг в состав дворянства, включавшего даже элементы полного холопства. Приток вольных слуг облагораживал состав дворянства, но одновременно с тем вольные слуги теряли в своем прежнем общественном значении в силу того, что раньше они служили по собственной воле и с своих вотчин, а теперь начинали служить с поместий и по обязанности. Но самые крупные из них довольно долго сохранили за собой возможность иметь собственные дворовые штаты, свой двор, своих дворян. Эти многочисленные боярские дворы, под именем послужильцев, уходили от непосредственной службы великому князю и служили ему лишь в той мере, в какой их государь-боярин обязан был выходить в походы с своими собственными слугами по приказу великого князя. При оппозиционном настроении боярства, боярские дворы представляли бесспорную опасность, и с ними начал борьбу уже Иван III. В одной разрядной книге о нем сохранилось следующее известие: «какъ Богъ

поручилъ вел. князю Ивану Васильевичу подъ его державу В. Новгородъ, и по его государеву изволенію распущены изъ княжескихъ дворовъ и изъ боярскихъ служилые люди, и тутъ имъ имена, кто чей бывалъ, какъ ихъ помѣстилъ государевъ писецъ Дмитрій Китаевъ». Эти послужильцы из боярских дворов Тучковых, кн. Ряполовского, Шереметева, Кузмина, Есипова, Травина и др. были испомещены по государеву указу в Вотцкой пятине (Кар., VI, пр. 201), т.-е. превратились из боярских слуг в государевых помещиков. Но на-ряду с этим можно отметить господство старых порядков. По разряду 7001 г. князьям Воротынским, Одоевским, Белевским и Мезецкому «велѣл кн. великій быти подлѣ передовой полкъ вел. князя, на правой сторонѣ или на лѣвой, гдѣ похотятъ. А не похочетъ кн. Дмитрей быти вмѣстѣ з братом своим со кн. Семеном, и кн. Дмитрею быти своимъ полкомъ подлѣ болшой полкъ, гдѣ пригоже» и пр. Из этой записи явствует, что у названных служебных князей были свои полки, которыми они командовали сами, особо от княжеских полков (Древн. Разр. книга, 1902, 17). Значит их дворовый штат был весьма многочисленный. Правда, указано на то, что эти князья в последние годы княжения Ивана III уже становились во главе того или другого московского полка и обособленных полков не имели («Боярская дума», 208). Но это свидетельствует лишь об исчезновении некоторых признаков удельной особности, но не об уничтожении дворового штата служебных князей. Послужильцы при дворах служебных князей и бояр существовали не только при Иване III и его сыне, но даже и при Грозном, около половины XVI в. В писцовой книге тверских волостей около 1548 г. имеются любопытные указания на то, кому служат перечисленные в книге помещики и вотчинники. Помещики служили тому, от кого получили земли в поместья, большею частью царю и вел. князю, но иногда тверскому владыке. Вотчинники же хотя также служили большею частью царю, иногда владыке, но были и такие, которые служили частным лицам, с поименованием кому именно, а про иных отмечено, что они не служили никому (Писц. книги XVI в., Отд. II, 141—290; Указатель к ним, XVII—XIX; И. И. Лаппо. «Тверской уезд в XVI в.», 74 и статистические таблицы, 130—203; В. Сергеевич. «Древн. русск. права», т. III, 17—18). Отсюда видно, что и к половине XVI в. обязательная военная служба московскому государю не успела захватить всех землевладельцев, не малая часть которых служила не государю московскому, а каким-либо князьям, боярам, окольничим и даже не чиновным частным лицам; иные же вотчинники предпочитали никому не служить.

С другой стороны, и норма службы определилась далеко не сразу, а была сначала весьма колеблющейся. Иван III, напр., зачислял в службу и новгородских своеземцев, по преимуществу мелких вотчинников. Способность их к службе, конечно, ока-

залась различною. Нашлись и такие, которые оказались не в состоянии служить: за это на них положен особый оброк (Новгород. писц. книги, II, 143, 242). Еще в 40—60-х годах XVI в. многие своеземцы не были в состоянии каждый единолично отбывать службу, а потому отбывали ее группами: один служит, а другой или другие ему подмогают, или служащий «емлетъ» с других подмогу, получает за подмогу лишние деревни, или двое служат с своих участков, «по годомъ перемѣняясь» (там же, IV, 539, 547—549, 552; Самоквасов. «Архивный материал», I, Отд. II, 2).

При таких условиях указ 1556 г., сохранившийся в летописном пересказе, имел весьма важное значение для организации служилых людей. Этот указ прежде всего содержит указания на ненормальное положение дел относительно условий отбывания служилой повинности. Государь обратил внимание на то, что «которые вельможы и всякіе воини многыми землями завладали, службою оскудѣша,—не противъ государева жалованія и своихъ вотчинъ служба ихъ». Поэтому он приказал произвести уравнение: «въ помѣстьяхъ землемѣріе имъ учиниша, комуждо что достойно, такъ устроиша, преизлишки же раздѣлиша неимущимъ». Итак, служба с поместий и вотчин отбывалась крайне неравномерно, так что понадобилась значительная перетасовка в наделении поместьями. Вместе с тем государь «съ вотчинъ и съ помѣстья уложеную службу учини же: со ста четвертей добрые угожей земли человѣкъ на конѣ и въ доспѣсѣ въ полномъ, а въ далной походъ о дву конь». Такова была норма службы в зависимости от размеров землевладения. За службу «по земли» обещано пожалование кормлениями, «и на уложеные люди денежное жалованіе». А кто «землю держитъ, а службы съ неѣ не платитъ, на тѣхъ на самѣхъ имати денги за люди; а хто даетъ въ службу люди лишніе передъ землею, черезъ уложенные люди, и тѣмъ отъ государя болшее жалованіе самимъ, а людемъ ихъ передъ уложеными въ полътретіа давати денгами». В летописи это известие заключено указанием, что «подлинные тому розряды у царьскихъ чиноначалниковъ, у приказныхъ людей» (П. С. Л., т. XIII, 268—269). Согласно этому указу, требовалось составить подробные списки всех служилых людей с обозначением о каждом размеров его службы. Такая мера, конечно, и не могла быть проведена сразу. Но она и не являлась совершенным новшеством. Несомненно, что правительство и раньше располагало некоторыми данными о составе и числе служилых людей. Герберштейн сообщает о вел. князе Василии Ивановиче, что он «через год или через два делает набор по областям и переписывает боярских детей, чтобы знать их число, и сколько каждый имеет лошадей и служителей. Потом каждому определяет жалованье» («Записки о Московии», пер. Анонимова, 76). Известно, что в 30-х годах XVI в. производились «пересмотры» новгородских помещиков (Новг. писц. кн., IV, 291, 311, 348, 424);

упоминается и «помѣстное верстаніе» 1539 г. в Новгороде (Доп. к А. И., т. I, № 52, XVII). В одной грамоте в Новгород 1552 г. встречается уже и название «десятница», позднее «десятня», для обозначения списка служилых людей. Наконец необходимо иметь в виду, что списки высших придворных чинов начали составляться гораздо раньше и в позднейших списках сохранились до нас от половины XV в. Указ, записанный под 1556 г., являлся, таким образом, обобщением и исправлением уже давно установившейся практики. В грамоте 1556 г. сохранилось указание и на то, что служилый человек должен был начинать службу с 15 лет и нести ее до смерти или до неспособности по старости и болезням (Доп. к А. И., т. I, № 47).

В силу обязательности службы в списки служилых людей должны были заноситься все служилые люди и прежде всего дворяне и дети боярские. Это правило выражено применительно к детям боярским в Судебнике Ц. в такой форме: «А дѣтей боярскихъ служивыхъ и ихъ дѣтей, которые не служивали, въ холопи не пріимати никому, опричь тѣхъ, которыхъ государь отъ службы отставитъ» (ст. 81). Это значит, что дети боярские не могли располагать своей свободой вследствие их служебных обязанностей. За отпадением последних по причине отставки от службы, детям боярским не было преград продаться и в холопы.

Списки дворян и детей боярских для приведения в известность военных сил страны составлялись по каждому городу с уездом. Для составления таких списков командировались из Москвы специально назначенные лица, которые при помощи окладчиков, выбранных из среды местных служилых людей, производили периодические смотры или разборы детей боярских и дворян. По указаниям окладчиков определялась имущественная состоятельность и служебная годность каждого служилого человека. В списки сначала заносились старинные служилые люди, которые служили государеву службу целый ряд лет, затем такие, которые по возрасту только что «поспѣли» в службу и едва успели ее начать или должны были начать. Это были так называемые «новики» служилые или неслужилые, в отличие от «недорослей», которые в службу еще «спѣли», но не доросли до нее. Каждая из этих групп в свою очередь разделялась на статьи, различающиеся между собою по размерам поместных и денежных окладов. По статьям сортировали, опять расспрашивая окладчиков, «кто кому отечеством и службою и прожитками в версту», т.-е. кто с кем мог быть в одной статье по равенству служебных сил. Таких статей в каждой группе могло быть в разных городах различное число. Например новичные поместные оклады переяславцев детей боярских в 1590 г. делились на 3 статьи от 250 до 150 четей земли; новгородцев детей боярских в 1601 г. разделялись на 5 статей от 300 до 100 четей; оклады детей боярских рязанского архиепископа в 1604 г. де-

лились на 6 статей в тех же пределах поместного оклада; дворяне же и дети боярские торопчане и холмичи в 1606 году были верстаны поместными окладами «по последнему указу» по 11 статьям от 600 до 100 четей. Размеры денежного жалованья по статьям колебались в пределах от 14 руб. до 4 руб. (Акты Моск. госуд., I, №№ 33, 40, 41, 43). В разборных списках или десятнях о каждом служилом человеке обозначалось, «каковъ онъ будетъ на государевѣ службѣ коненъ и оруженъ и люденъ», или «что съ кѣмъ на государевѣ службѣ будетъ людей, и коней, и доспѣховъ, и всякого служебнаго наряду». По этим спискам о каждом можно было заключить, «кто каковъ отечествомъ и службою, и кому кто въ версту, и въ которую статью кто съ кѣмъ помѣстнымъ окладомъ и денежнымъ жалованьемъ пригодится, и кому мочно впередъ государева служба служити, и на государевы службы прiѣзжаютъ на срокъ ли и съ государевы службы до отпуску не съѣзжаютъ ли, и которые къ службамъ лѣнивы за бѣдностью и которые лѣнивы не за бѣдностью» (там же, № 44). В частности верстание (т.-е. соответственное наделение) поместными окладами новиков происходило двояко: дети прожиточных детей боярских верстались «въ припускъ», т.-е. должны были отбывать службу с отцовского поместья, а дети неимущих родителей верстались «въ отводъ», т.-е. им назначался самостоятельный поместный оклад.

В зависимости от служебной годности, родословности и имущественной состоятельности дети боярские и дворяне разделялись на выборных, дворовых и городовых. Первые назначались начальниками отдельных военных отрядов, а последние должны были нести во всяком случае службу с городом, если оказывались не всегда в состоянии отбывать полковую службу.

Когда выяснился принцип обязательности службы для служилых людей и их детей, то в течение второй половины XVI в. все настоятельнее назревал и другой вопрос: можно ли верстать в дети боярские и дворяне разных лиц не из их среды. Неопределенный состав слуг под дворским прежнего времени, включавший разнородные элементы от детей боярских до полных холопов, не давал на этот вопрос готового ответа. А возрастающие военные потребности страны и в особенности настоятельная нужда обороны южной окраины побуждали московское правительство верстать в состав детей боярских и людей не боярского происхождения. Так, до нас сохранилась по г. Епифани десятня 1585 г. «детей боярскихъ епифанцовъ, которые верстаны исъ казаковъ» с поместными окладами по 40 и 30 четей. Известно далее, что по приказу Бориса Годунова «верстаны въ дѣти боярскiе изъ холопей за доводы» (В. Сторожев. «Материалы для истории дворянства. Десятни и тысячная книга XVI в.», стр. 89 и 92). Такие случаи могли встречаться в практике и довольно часто. Но интересы служилых людей могли заставить их бороться с такою практикою уже по тому одному, что поместный

фонд, состоящий в распоряжении правительства для поместного верстания, оказывался весьма недостаточным и для потребностей служилых людей. Поэтому «помѣстныя дачи», т.-е. действительное наделение поместьями, в большинстве случаев оказывались ниже поместных окладов, назначенных новикам при их поверстании. Только постепенными прибавками к первоначальным дачам поместья достигали размеров окладных статей. При этом заботы о приискании свободных участков земли для пополнения недостающей до размеров оклада поместной дачи выпадали целиком на заинтересованных помещиков: «а гдѣ достали окладу приберетъ и окладъ додѣлити (доняти)» (Арх. мат., т. II, 181, 188, 191, 219). К этому надо присоединить еще и общий кризис, постигший землевладельцев во 2-й половине XVI в. Уже Курбский жаловался на то, что вследствие развития монастырского землевладения «земли христіанскія и такъ уже знищали, иже воинскій чинъ каликъ хужши учинили». Почти в тех же выражениях рисует бедственное положение служилых людей и духовный собор 1584 г. Он указал, что запрещение приобретать вотчины властям и в монастыри установлено «для воинского оскудѣнья, что воинство веліе пріиде во оскудѣніе», и уложил отменить тарханы в монастырских и властелинских вотчинах, так как «отъ того великая тощета воинскимъ людемъ пріиде» (С. Г. Г., I, № 202). При таких условиях было совершенно естественно домогаться того, чтобы посторонних лиц в дети боярские и дворяне не верстали. В наказах о разборе служилых людей еще в XVI в. было предписание верстать «по отечеству». Только в наказах о верстаньи самого начала XVII в. встречается предписание верстать новиков детей боярских, «выпрашивая про нихъ про отечество и про службу... чтобы въ нихъ не было худыхъ, которыхъ впередъ въ службу не будетъ, и поповыхъ и мужичьихъ дѣтей, и холопей боярскихъ и слугъ монастырскихъ»; или же окладчикам в более общих чертах предписывалось «по родству и племени своему и другомъ своимъ по дружбамъ не дружити, а недругомъ по недружбамъ ни по какимъ не мстити и посуловъ и поминковъ ни у кого ничего не имати никоторыми дѣлы, и всякихъ неслужилыхъ отцовъ дѣтей и братью и племянниковъ и посадскихъ людей и пашенныхъ крестьянъ и холопей боярскихъ служилыхъ отцовъ дѣтми и братьями и племянники никого не называти». Это предписание «неслуживыхъ отцовъ дѣтей помѣстьем и деньгами не верстати»— в течение XVII в. многократно повторялось (Ак. Моск. гос., I, №№ 40 и 44; Разр. кн., I, 126; ср. Р. И. Б., т. X, 240—241; П. С. З., № 86, 744 и др.). Таким правилом, если оно и не выполнялось в точности, положено было начало дворянской сословности.

Если в среде провинциальных или уездных служилых людей наблюдаются качественные различия, то еще большая разница существовала между ними и дворянами, записанными по московскому списку. Московские дворяне стояли значительно выше дворян городовых. Попасть в московский список всегда было

заманчивой, но трудно достижимой целью для каждого сына боярского или уездного дворянина. Преимущества московских дворян сводились к тому, что служба их протекала на глазах государя, и из их среды комплектовались все высшие придворные должности. Служба при московском дворе издавна манила к себе влиятельных и знатных слуг. Туда же потянулись и новые титулованные слуги московских государей. Уже при Иване III пышность придворной обстановки значительно возросла. Грозный еще более усилил придворный штат. При нем, ранее принятия общих мер по организации обязательной службы, в 1550 г. состоялся приговор об испомещении в прилежащих к Москве уездах, не далее 60—70 верст, детей боярских, лутчих слуг, 1.000 человек. Они были разделены на три статьи с окладами в 200—100 четей. Но поместьями наделялись лишь те, за которыми не было вотчин: «А за которыми бояры и за дѣтми боярскими вотчины въ Московскомъ уѣздѣ или въ иномъ городѣ, которые близко Москвы и тѣмъ помѣстья не дати». Отсюда видно, что поместье должно было служить лишь восполнением недостатка вотчин. Всего было набрано по этому приговору 1.078 чел., которые и составили кадр служилых людей по московскому списку. Всякую убыль в личном составе предписано было пополнять: «а которой по грѣхомъ изъ тое тысячи вымретъ, а сынъ его къ той службѣ не пригодится, ино въ того мѣсто прибрать иного» (А. Э., т. I, № 225; см. алфавит тысячников в указ. изд. В. Сторожева. «Материалы для истории дворянства»; ср. «Тетрадь дворовая», изд. П. Милюковым в Зап. Русск. Арх. Общ., т. XII, вып. 1 и 2). Эти отборные лутчие слуги московского списка и составили главный контингент, из которого вербовались все важнейшие чиновные люди придворного штата.

Чиновных людей при дворе московских государей оказалось великое множество. Они не впервые появляются в Москве; и при княжеских дворах древнего периода уже существовали придворные должностные лица; но число их в Москве умножилось, и появился новый термин—«чин», «чиновный». Собственно слово «чин» (от «чинить»—делать; «учинить»—сделать) обозначал какую-либо деятельность, профессию. В этом смысле «чином» называлась группа лиц определенной профессии. Служилые люди, напр., составляли особый чин в отличие от крестьян или от посадских людей, которые в свою очередь являлись особыми чинами. Вся совокупность населения или представители всех или многих его групп назывались людьми «всяких чинов Московского государства». Но в более узком или техническом смысле «чином» назывались те или иные разряды или должности военно-придворной службы. Вел. князья и государи своим слугам «чины жалуют»; по их приказу «чины сказывают» таким-то лицам, т.-е. возводят их в то или иное звание или поручают им какие-либо должностные функции. Московские придворные чины тем существенно отличаются от чинов по табели о рангах, что не представляют точной градации, не образуют

чиновной лестницы с обязательно проходимыми ступенями, начиная с низшей. Сходство между ними то, что московские чины, как и Петровские ранги, возникли из определенных должностей, а потом превратились в почетные титулы или звания.

Среди различных чинов при московском дворе можно отметить прежде всего две группы: «чины думные» и прочие придворные чины. В общем первые выше последних. К думным чинам относились: бояре, окольничие, думные дети боярские или думные дворяне и думные дьяки. К ним следует еще присоединить конюшего, крайчего, дворецкого, оружничего, казначеев, постельничего и некоторые другие чины. Все эти чины были сначала определенными должностными поручениями при дворе вел. князей, но лишь немногие сохранили этот признак за все рассматриваемое время; большинство их превратилось в почетные отличия.

Бояре введенные, как чиновные люди, упоминаются впервые памятниками XIV—XV вв. в качестве судей, заменявших личный суд князя по делам лиц, пользующихся привилегированною подсудностью. В льготных грамотах, освобождающих от подсудности местным властям, обычно указывалось, что пожалованного (землевладельца, игумена и пр.), в случае предъявления на него исков, «сужу язъ князь вел. или мой бояринъ введенный». Проф. Сергеевич полагает, что должность бояр введенных и создалась в помощь князю или для замены его по всем делам лично ему подсудным. Естественно, что помощниками князя являлись лучшие люди земли, бояре, которые вводились во двор князя и в особое к нему доверие, почему и назывались введенными («Древн. русск. пр.», I, 432—435.) Проф. Ключевский иначе понимает эту должность. По его мнению, бояре введенные были управителями отдельных ведомств дворцовой администрации или дворцового хозяйства, и судебная их компетенция была лишь одною из функций их придворной службы. Этими постоянными обязанностями по делам дворцового управления и надо объяснить изъятие, какое установлено междукняжескими договорами в пользу бояр введенных относительно «городной осады»: они были освобождены от обязательства отбывать городную осаду по местонахождению их вотчин, так как их нельзя было отрывать от текущих дел управления («Бояр. дума», 121—125).

От половины XV в. до конца XVII в. сохранились списки всех бояр введенных, сказанных в этот чин. Но в этих списках (боярских книгах) и в других официальных документах их называли просто боярами, так как термин «введенные» выходит из употребления. Этих чиновных бояр необходимо строго отличать от бояр в бытовом значении, каковыми являлись все землевладельцы и рабовладельцы, к какому бы чину они ни принадлежали. В XVI и XVII вв. чин боярина вовсе не связан с какою-либо определенною должностью, кроме лишь того, что давал право на участие в думе; это первый думный чин и вместе с тем высший чин в государстве. Помимо этого бояре выполняли самые различ-

ные поручения в области военной, придворной и гражданской службы, выступая в роли полковых воевод, послов, начальников центральных учреждений и, наконец, областных правителей (наместников и воевод). Число их постепенно возрастает, а потому не все они пользовались одинаковым доверием государя. Некоторые из них пользовались доступом в «комнату», т.-е. имели разрешение входить в государев кабинет, почему и назывались «комнатными боярами». Но это фактическое отличие более доверенных бояр со временем обратилось в особый чин или титул, которым жаловали вне зависимости от степени доверия государя к пожалованному. Возведение в чин боярина было делом пожалования или милости со стороны государя. Но в этом акте милости усмотрение государя было ограничено сложившимися среди служилых фамилий понятиями о родовой чести. Некоторые фамилии считали своим правом получить чин боярина, минуя низшие думные чины; другие же дослуживались до боярства не иначе, как пробыв ряд лет в чине окольничего.

Окольничие, упоминаемые уже с XIII в., несли сначала специальные обязанности во время княжеских выходов и путешествий: наблюдали за исправностью дорог и мостов, устраивали станы, нанимали дворы для остановок и пр. В XVII веке эти обязанности окольничих исполняли и другие лица: «передъ государемъ шли въ окольничихъ мѣсто дворяне». На официальном языке должность квартирмейстеров в войсках иноземного строя объяснена так: «по-русски большие полковые окольничие» (Ак. Моск. гос., I, № 374; Разр. кн., II, 387). В XVI и XVII вв. эта должность продолжала сохранять свое значение, но окольничие сделались прежде всего чиновными людьми, исполняющими самые разнообразные обязанности, как и бояре, но всегда ниже бояр. Прежде всего они—второй думный чин. Затем они являлись в роли военачальников, дипломатов, приказных и областных судей и правителей. По Судебникам на окольничих лежала и специальная обязанность наблюдения за «полем», т.-е. судебным поединком. Пожалование этим чином для иных фамилий было крайнею ступенью служебной лестницы, а для других являлось унижением их родословной чести. В 1651 г. пожалованный в окольничие Петр Петрович Головин отказался от этой чести ввиду того, «что въ окольничихъ въ его пору нѣтъ, а отецъ де его былъ въ боярѣхъ». За такое пренебрежение царскою милостью Головин был наказан тем, что его записали по московскому списку, а сверх того пригрозили, что ни в какой чести ему у государя не бывать. Но большинство московских дворян до окольничества никогда не дослуживалось.

Третьим думным чином были думные дворяне. Вопреки мнению, по которому этот чин создан Иваном Грозным для проведения в думу неродословных людей с целью противодействия боярам, теперь документально установлено, что уже Василий III приглашал в думу лиц, которые не имели звания боярина и

окольничего. При нем известны «дѣти боярскіе, которые въ думѣ живутъ». Таков упомянутый в 1517 г. «сынъ боярской Иванъ Юрьевъ сынъ Поджогинъ, который у государя въ думѣ живетъ». И позднее, в 1536 и 1542 гг., упоминаются «дѣти боярскіе, которые живутъ въ думѣ», в отличие от других детей боярских, «которые въ думѣ не живутъ» (Сб. Р. И. О., LIII, 40; LIX, 43, 65, 147, 301). Но вследствие той перемены, какая произошла в соотношении между терминами «дети боярские» и «дворяне», во второй половине XVI в., напр., в 1564 и 1570 гг., уже упоминаются «дворяне, которые живутъ у государя зъ бояры», или «дворяне, которые въ думе у государя з бояры». Но в том же 1570 г. встречается много описательного выражения более простой термин «думные дворяне» (Н. Лихачев. «Думное дворянство», 10, 12, 8—9). К тому же следует иметь в виду, что среди фамилий, носивших звание думного дворянина в XVI в., известны именитые фамилии князей Телятевских и Буйносовых, а также Воронцовых и Зюзиных. Но большинство думных дворян не могло похвалиться своим родословием. В числе их упоминаются и печальной памяти царские любимцы Василий Грязной и Малюта Скуратов. Роль государственных советников не единственная и не первая обязанность думных дворян. Они несут и другие обязанности по военной, придворной и приказной службе.

Должности дворецкого, конюшего, казначеев ведут свое начало из глубокой древности. Но в древности эти должности поручались холопам, а в Москве это виднейшие придворные лица. Дворецкий ведет свое начало от «дворьскаго тіуна», позднее просто «дворьскаго». Он заведывал княжескими дворами и принадлежащими к ним имениями. Но слово «двор» у нас, как и на западе в начале средних веков palatium, aula palatina, domus regia (Fustel de Coulanges. «La monarchie franque», 136—137), имело значение и всей совокупности придворного штата, который также состоял в ведении дворского. Отсюда и «слуги подъ дворьскимъ». У каждого владетельного князя был, конечно, свой дворьский, как и у каждого землевладельца. С постепенным присоединением к Москве отдельных княжеских территорий присоединялись и княжеские дворы или дворцы с дворьскими или дворецкими. Среди этих многих дворцов и дворецких московский дворец и московский дворецкий получил наименование «большого». Значение московского дворецкого сильно выросло, а потому должность эта поручалась нередко окольничим и даже боярам. Дворецкий обыкновенно думный человек. Он же начальник Приказа Большого Дворца с обширной компетенцией. Но в XVII в. и значение дворецкого обратилось в простой придворный титул: при Алексее Михайловиче оказалось уже несколько бояр-дворецких.

Конюший в Москве ведет свое начало от конюшего тиуна. Но в Москве это первейший придворный чин: с Ивана III и до смерти Бориса Годунова должность конюшего поручалась боярам, при чем боярин-конюший был «честію первый». Столь важное

значение должности конюшего и конюшего ведомства надо объяснить тесною связью его с организацией конных дворовых войск. Конюший не только первый думный человек, но и начальник Конюшего Приказа: в его ведомстве были обширные табуны лошадей, огромный штат различных придворных конюхов, с ясельничим во главе, и обширные имения, отведенные на содержание конских табунов. В лице Бориса Годунова бояринконюший занял царский престол по прекращении династии Рюриковичей. Этим надо объяснить, что после падения Годунова должность конюшего более не замещалась, и во главе конюшего ведомства оказался ясельничий, один из невидных чинов придворного штата.

Казначеи также произошли от тиунов или ключников, которым вверялось хранение княжеской казны. Еще по духовным вел. князей Семена и Ивана Ивановичей, Дмитрия Донского и сына его Василия и даже Ивана III казначеи отпускались на свободу, значит, были холопами. Но в XVI в. один или двое казначеев—важные придворные чины. Помимо своей прямой обязанности—хранения государевой «казны», они важные приказные люди, так как им подведомственны судом города; в их же ведении находились и холопьи дела. В XVII в. Казенным Двором ведал только один казначей. Котошихин говорит, что «казначей думной же человѣкъ, и сидитъ въ думѣ выше думныхъ дворянъ». Но в это время значение казначея повидимому упало: компетенция его значительно сузилась.

Кроме этих должностей, существовал и ряд других, возведение в которые продвигало означенных лиц, одних обычно, других сравнительно редко, в состав думных чинов. Таков, напр., оружничий, на обязанности которого лежало хранение и заготовление оружия. Эта должность поручалась обыкновенно боярам или окольничим. Таков же крайчий—должность, возникшая при Иване III. Крайчий стоял за стулом государя во время торжественных обедов и прислуживал государю. В крайчие возводились молодые люди знатных фамилий и иногда уже в качестве крайчих сидели в думе и затем продвигались до боярства. Из 26 крайчих 17 достигли чина боярина. А при Федоре Алексеевиче пожалован в крайчие кн. Иван Куракин, которому государь указал «сидѣти въ полатѣ съ бояры въ думѣ и имя его поставить выше околничихъ». Наоборот постельничий, ведущий начало от древнего подкладника, хотя и занимал очень близкое при дворе и к государю положение, так как заведывал его бельем и платьем, гораздо реже являлся думным человеком. В его ведомстве состояла Мастерская Палата, на обязанности которой лежало изготовление и хранение государева гардероба и заведывание судом и повинностями целых слобод, изготовлявших на государев обиход холсты и полотна. Кроме того под начальством постельничего состоял значительный штат спальников, которые помогали государю одеваться и раздеваться, разували и

обували его. Они вербовались из подростков более или менее близких ко двору родословных фамилий.

Из придворных чинов не думных, кроме спальников, следует отметить стольников и стряпчих. Стольники упоминаются уже с XIII в. Как показывает самое название, это были застольные слуги за княжеским столом. Отсюда и другое наименование их—чашники. Один из чашников рязанского князя в XIV в. был думным человеком. Но в Москве стольники не думные люди. Их исконная обязанность—прислуживать за столом государя, особенно во время торжественных обедов. Они «въ столы сказываютъ», т.-е. передают указанным лицам приглашения к обеду; «въ столы смотрятъ», т.-е. наблюдают за порядком; «ѣсть и пить отпускаютъ», «передъ государя и гостей пить носятъ и ѣсть ставятъ». Кушанья для государя от стольников принимал крайчий и ставил перед государем, а стольники разносили блюда для приглашенных. Из других придворных обязанностей стольников памятники упоминают о пожаловании стольников «приносом», в силу чего на пожалованных возлагалась обязанность доставлять государю в покои какие-либо вещи, напр., блюдо с яйцами во время христосованья. Стольники же выполняли обязанности «возниц», т.-е. кучеров, во время государевых путешествий; «стояли у крюка», т.-е. дежурили у государевой комнаты и не впускали туда никого без доклада. Такие доверенные стольники назывались ближними или комнатными. Но придворная служба стольников отнюдь не главная их деятельность. Они несли по преимуществу военную, а также приказную службу, хотя не в первых ролях, а по большей части товарищами более старших. Чин стольника жаловался обыкновенно молодым людям родовитых фамилий.

Название стряпчие происходит от слова «стряпать», «стряпня». Термин «стряпать» значил что-либо производить в качестве ремесла или мастерства или прислуживать кому или при чем; продукты же такого производства назывались «стряпней». Придворные стряпчие прислуживали государю, носили за ним или держали разную стряпню: шапку, кушак, платок и пр., «стояли на ухабѣ», т.-е. на запятках, во время государевых путешествий, чтобы всегда быть наготове поддержать экипаж от опрокидывания и т. д. Но и для стряпчих придворная служба не главная их обязанность. И они исполняли различные военные и приказные поручения, но всегда стояли ниже стольников, и за заслуги возвышались в стольники или московские дворяне.

Все эти придворные должности, как думные, так и не думные, имеют много общего по своему происхождению и значению с придворными должностями франкской монархии. Важнейшие должности и там поручались первоначально рабам (ministeriales), а позднее наиболее выдающимся лицам из среды свободных. Так, видная должность сенешала получила и свое название от того, что поручалась старейшему рабу (siniscalh произошло от sinis, т.-е. senex,, и scalh s. scalc, что значит famulus—раб; эти-

мологическое значение франц. слова sénéchal таково: это—le plus ancien esclave). Точно так же mariscalcus (maréchal) был рабом, которому вверялось заведывание конюшнями. По латинской терминологии эти должности назывались major domus или comes palatii и comes stabuli. Естественно, что старейший из рабов был первым в доме. Но при Меровингах майордом получил особое значение: он был один на все королевство и ему были подчинены все сенешалы, из которых каждый ведал отдельным королевским двором; а таких дворов было несколько. С Пипина Геристальского должность майордома сделалась наследственной в фамилии Пипинидов, которые постепенно узурпировали королевскую власть. Сын Карла Мартелла, Пипин Короткий, провозгласил себя королем. При Каролингах эта должность осталась незамещенной, как и у нас должность боярина-конюшего после смерти Бориса Годунова. Значение сенешала и comte du palais возвысилось. Как mariscalcus вырос в maréchal, так comes stabuli превратился в connétable. Нашим казначеям соответствуют thesaurarii или camerarii. При Меровингах над ними возвышался cubicularius, как при Каролингах camerarius (chambrier)—главный казначей. Нашим стольникам или чашникам параллельны звания dapifer, buticularius, которому были подчинены pincernae (échansons); он был их начальником—princeps pincernarum, и т. д. Сходство этих придворных должностей заключалось и в том, что все они, будучи сначала чисто домашне-хозяйственными, все более и более получали общегосударственный характер (Fustel de Coulanges. «La monarchie franque», chap. VIII et IX; «Les transformations de la royauté», ch. VI; Paul Viollet. «Histoire des institutions politiques et administratives de la France», t. I-er, 228—239; H. Brunner. «Deutsche Rechtsgeschichte», II, 101—109; Jacques Flach. «Les origines de l'ancienne France», III, 454—469).

В общем дворяне провинциальные и московские представляли в XVI и XVII вв. очень пеструю картину различных общественных положений. В составе их оказались потомки владетельных княжеских фамилий, старых бояр, детей боярских и, наконец, простых дворян, предки которых нередко всю свою жизнь провели в холопском звании. Среди столь разнородных элементов едва ли могло существовать много общего. Служилые люди Московского государства и не были ничем объединены, кроме обязательной военной службы и владения поместьями и вотчинами. Но и служебные и землевладельческие интересы их не менее часто разъединяли, чем объединяли. Знатные (родословные) богатые фамилии, сохранившие за собой место в высшем правящем классе, с таким же нескрываемым презрением смотрели на служилых людей неродовитых и захудавших, как и на прочие разряды низшего населения, и в институте местничества выработали даже особый порядок защиты своего служебного положения от сопоставления и сближения с худородными и захудавшими дворянами.

М е с т н и ч е с т в о явилось институтом, регулирующим взаим-

ные отношения между членами служилых фамилий по службе военной и приказной и в обстановке придворного этикета, напр., во время торжественных приемов и обедов в государевом дворе, при государевых выходах и выездах и т. п. Самое название института возникло от того, что взаимоотношение между данными служилыми людьми определялось числом мест, которое разделяло их между собой, т.-е. ставило одного выше или ниже другого на одно, два, три, четыре и т. д. мест. Значит, должна была выработаться точная градация мест или рангов на службе и вне ее, напр., за государевым обеденным столом или при размещении во время заседаний боярской думы. С другой же стороны, необходимы были правила, на основании которых каждому служилому человеку отводилось бы определенное место среди других окружающих его лиц, а именно, выше одних и ниже других.

Правила местничества начали слагаться в ту пору, когда стал особенно заметен усиленный прилив на службу в Москву служилых князей, т.-е. примерно с начала XV века. Новые титулованные слуги (князья) энергично стремились оттеснить с первых наиболее влиятельных мест при особе московского вел. князя и государя его старинных бояр и удержать эти места за собой. В общем эти стремления увенчались успехом: из старых боярских родов удержались на первых местах среди титулованных слуг только Захарьины-Кошкины и Воронцовы-Вельяминовы. Но и титулованным слугам предстояло размежеваться между собой и определить относительное положение каждого. К сожалению в этом процессе размещения слуг далеко не все разъяснено. Повидимому потомки бывших великих князей становились выше потомков князей удельных; принималось во внимание также и то, начал ли службу данный князь прямо в Москве, или он пробовал служить раньше какому-нибудь другому князю и после этого пристроился в Москве. Каждый, заняв то или иное положение среди других на службе и при дворе, передавал свое служебное и общественное положение и детям, для которых это являлось их «отечеством» или отеческою честью, что и послужило главным основанием для местнических счетов.

«Отеческая честь» оказалась понятием весьма своеобразным и довольно сложным. Она слагалась из элементов генеалогических (родословия), с одной стороны, и служебных—с другой. Сама по себе должность или высокий чин отца не сообщали ему самому или его детям каких-либо преимуществ по началам выслуги. В 1616 г. кн. Федор Волконский, назначенный на второе место при торжественной встрече, бил челом на б—на П. П. Головина, «что ему по своей службѣ б—на П. П. менши быть не мочно». Это челобитье своего родича поддержал и околн. кн. Гр. Волконский. Назначенные для разбора этого спора бояре спросили кн. Волконских, почему им «не вмѣстно быть» ниже б—на Головина? Волконские сказали, «что имъ по случаемъ (служебнымъ) менши быть Головина нельзѣ», и обязались представить случаи на суде.

Но бояре не допустили и до суда, признав, что Волконские на Головина «въ отечествѣ били челомъ не дѣломъ; люди они не родословные; а по государеву указу неродословнымъ людемъ съ родословными людми суда и счету въ отечествѣ не бывало... а за службу жалуетъ государь помѣстьемъ и денгами, а не отечествомъ» (Разр. кн., т. I, 205—206). Отечеством, конечно, никого пожаловать нельзя; это выше власти государя. Отеческая честь приобретается единственно актом рождения; это прирожденное право каждого служилого человека.

С другой стороны, и одна генеалогия сама по себе не обеспечивала раз и навсегда за служилым человеком уже однажды намеченное служебное положение в ряду других служилых фамилий. Унаследованную отеческую честь необходимо было поддерживать соответственной службой в постоянных заботах не потерпеть «поруху чести» или «утерку» принятием несоответственного назначения. Равным образом и продолжительное уклонение от службы или неполучение приемлемых назначений оставляло лицо и его родичей в тени, приводило к захуданию рода и принижало его родословную честь. Так, кн. Богдан Касаткин-Ростовский сам указал, «что отецъ его и дѣдъ въ разрядѣхъ не бывали, п. ч. были в закосненьѣ» (Разр. кн., I, 935). Из только что приведенного столкновения кн. Волконских с Головиным явствует, что высокие по генеалогическому происхождению Рюриковичи-Волконские, не достигшие высокого положения при дворе московских государей, в начале XVII в. считались неродословными по сравнению с Головиными, фамилией, которая только в XVII в. особенно вызвысилась, и сын упомянутого Головина отказался принять чин окольничего, как низкий для него, в 1651 г.

Положение каждого лица в ряду других определялось двояко: по отношению к родичам и к чужеродцам. Положение среди родичей определялось по родословцу, т.-е. по началам родового старшинства. Старший брат был выше на одно место следующего за ним, на два места выше третьего брата и т. д. Дядя был выше по крайней мере на одно место своего племянника. Так, третий брат, если он был самым младшим, был на одно место выше старшего сына от старшего брата. Но так как число братьев в семье бывало различно, то счет по родословцу для членов многочисленной семьи оказывался менее выгодным, чем для членов малолюдной семьи. Для упорядочения этих счетов при Грозном было издано уложение, в силу которого «перваго брата сынъ четвертому дядѣ въ версту», т.-е. обычно предполагалась семья из трех братьев, и старший сын от первого брата занимает от отца четвертое место. Если бы в семье оказалось четыре брата, то младший занял бы четвертое место под старшим, как и первый сын последнего. Таким образом четвертому брату в семье и первому сыну от старшего брата отводилось равное (четвертое) место; они были между собою «ровнями» или «въ версту», т.-е. каждый из них не мог занять место ни выше ни ниже другого. Такой распорядок мест по родо-

словцу с точностью определял место каждого члена семьи в среде его родичей.

Отношение к чужеродцам определялось счетом мест по разрядам, т.-е. по тем служебным и придворным назначениям, которые записывались в особые разрядные книги или «разряды». Между должностями существовала некоторая градация. Напр., войска разделялись на полки, в каждом из которых было по одному, по два и даже более воевод. Старшим воеводою считался воевода большого полка, на втором месте стоял воевода правой руки, на третьем—воеводы передового и сторожевого полков и на четвертом—воевода левой руки. Вторые воеводы каждого из полков были ниже первых воевод. Впрочем следует иметь в виду, что строгая градация должностей полковых воевод едва ли успела сложиться и была видоизменяема указами государей, которые желали сузить местнические счеты полковых воевод. Так, в июле 1550 г. состоялся следующий приговор: «гдѣ быти на црве і великого князя службе бояром и воеводам по полкомъ: в болшомъ полку быти болшому воеводе, а передового полку, и правые руки, и лѣвые руки воеводам и сторожевого полку первым воеводам быти менше болшого полку первого воеводы; а хто будет другой в болшом полку воевода, и до того болшого полку другово воеводы правые руки болшему воеводе дѣла и счету нѣт: быти имъ без мѣстъ. А которые воеводы будут в правой рукѣ, и передовому полку да сторожевому полку воеводам первым быти правые руки не менши. А лѣвые руки воеводам быти не менши передового полку и сторожевого полку первых воевод. А быти лѣвые руки воеводам менши правые руки первого воеводы. А другому воеводе в лѣвой рукѣ быт менши другово ж воеводы правые» (Древн. разр. кн., 142). Эта сложная и не вполне вразумительная (как понять, что воеводы левой руки меньше воеводы правой, когда они не меньше воевод сторожевого и передового полков, а те в свою очередь не меньше воеводы правой руки?) арифметика имела в виду главным образом сокращение поводов к местническим столкновениям. Но эти цели далеко не всегда достигались, и местнические споры возбуждались и вопреки указам. Во всяком случае, каждый раз при назначении воевод по полкам, правительству предстояла нелегкая задача подобрать таких лиц, отеческая честь которых позволяла бы одним стоять ниже других. Возбуждение местнических споров подтверждает, что правительству не всегда удавалось произвести этот подбор без нарушения отеческой чести кого-либо из назначенных.

Каждый назначенный должен был строго следить за тем, чтобы не оказаться по данному разряду ниже или хотя бы только ровнею такого лица или таких лиц, служить с которыми в указанных условиях ему по отечеству своему было невозможно или, как выражались тогда, «не вмѣстно». Каждый должен был хорошо «знать себѣ мѣру», т.-е. уметь хорошо высчитать, ниже кого ему служить «вмѣстно», кто ему «въ версту», и кому в отечестве с ним не доставало многих мест, т.-е. кому надлежало

служить ниже его. Этот расчет своей меры или соизмерение своего отечества с отечеством других чужеродцев возможны были только по прецедентам, т.-е. по прежним записанным в разрядных книгах назначениям или «случаям». Если *а* получал назначение ниже *б*, то ему предстояло подыскать случай совместной службы своего восходящего родственника с восходящим родственником лица *б*. Если такой случай найден, при чем *А* служил ниже *Б* на несколько мест, то оставалось только высчитать генеалогическое расстояние *А* до *а* и *Б* до *б* на основании счета по родословцу. При равенстве этих расстояний *а* мог служить ниже *б* в такой же мере, как *А* служил ниже *Б*. Если же расстояние между *А* и *а* было меньше расстояния между *Б* и *б* как раз на столько мест, на сколько *А* служил ниже *Б*, то *а* и *б* должны были служить ровнями. При еще большей разнице счетов по родословцам в пользу *а*, последний должен был стоять по службе выше *б*. Этот простой схематический пример показывает лишь общий порядок счета мест между чужеродцами. В действительности отношения были гораздо сложнее. Для выяснения служебных отношений местничающихся обыкновенно приходилось выбирать такие случаи, когда родичи соперничавших служили не непосредственно друг с другом, а с членами третьей, четвертой и более фамилий, и при посредстве этих вводных членов выяснять отношения спорящих.

Всякий, усмотревший «поруху» своему отечеству в назначении служить ниже такого-то, обыкновенно обращался с челобитьем к государю, что ему ниже такого-то служить «не вмѣстно», или просто не являлся к выполнению служебных функций, отказывался брать списки служилых людей своего полка и пр. В последних случаях главный воевода доносил государю о причинах уклонения от службы заинтересованного. В свою очередь и то лицо, ниже которого отказывался служить первый, обращалось к государю с челобитьем об «оборони». Для разбора местнических споров назначались особые комиссии из бояр, которые должны были проверить представленные сторонами случаи и постановить решение. Обыкновенно приговоры бывали неблагоприятны для возбудивших местнический спор. Им объявлялось, что они могут служить ниже своих соперников «многими мѣсты», а за обиды, нанесенные соперникам, виновные «выдавались им головою». Эта выдача головою заключалась в том, что приговоренного отводили на двор его соперника и объявляли последнему, что приведенный выдан ему головою за то, что неправильным отказом служить ниже его задел его отеческую честь. Но нередко, повидимому, местнические споры не доходили до суда, а решались распоряжениями государя, что просителю можно служить ниже такого-то; или что проситель пускай служит с таким-то, а после службы им дадут счет; или же просьба отклонялась на том основании, что служба просителя с соперником объявлялась без мест, в подтверждение чего просителю выдавалась «не-

вмѣстная грамота»; или же, наконец, соперников просто разводили, т.-е. одному из них или обоим давали другие назначения. Но как судебные решения, так и распоряжения далеко не всегда удовлетворяли просителей. Они продолжали упорствовать в своем отказе служить ниже соперников и готовы были перенести какую угодно государеву опалу, лишь бы только уберечь от «утерки» свою отеческую честь.

Местничество было институтом чисто аристократическим. Оно допускалось только между членами родословных фамилий, и не родословным людям с родословными «суда и счета въ отечествѣ не давалось». Оно ограждало членов родословных фамилий от принижения их по службе случайными людьми темного происхождения и вынуждало правительство подбирать себе слуг на важнейшия места по военной и гражданской службе из среды титулованной знати. Этим самым местничество существенно ограничивало власть московских государей. Они должны были признать этот институт и считаться с его правилами во всех областях текущего управления. Даже Грозный, при всей его решительной нелюбви к княжатам и боярам, хотя и сознавал вредные стороны местничества для интересов государства, не решился предпринять радикальных мер против местничества. Он только стремился регулировать его и ограничить, но учреждением опричины и разделением служилых людей на опричных и земских еще более запутал местнические счеты.

Возбуждение местнических споров и отказ от выполнения служебных обязанностей особенно в горячие моменты военных походов прежде всего раскрыли невыгодные стороны местничества для интересов государства. В отвращение столь очевидного вреда и принимались такие меры, как предложение местничающимся возбуждать споры о местах лишь после окончания службы в данном походе. Наиболее же обычной правительственной мерой было объявление того или иного похода без мест. Это означало, что из данного разряда нельзя было впредь приводить случаи в местнических спорах. Так, перед казанским походом 1549 г. царь и митрополит убеждали бояр, воевод, князей и детей боярских, чтоб они «служили, сколко имъ Богъ поможет, и розни бы и мѣстъ меж ихъ одинолично никоторые не было. А лучитца каково дѣло, кого с ким црь і вел. князь на свое дѣло пошлет, а хотя будет кому с кѣм и не пригож быти своего для отечества, и бояре бъ і воеводы и князи и дѣти боярскіе для земского дѣла всѣ ходили без мѣстъ. А кому будет каково дѣло о счете, и как, оже дастъ Богъ, с своего дѣла и с земского придет, и гдрь имъ счетъ тогды дастъ» (Древн. разр. кн., 137). Но как эти распоряжения исполнялись, видно из заготовленного обращения Грозного к членам Стоглавого собора: «Отець мой, Макарей митрополитъ, и архіепископы, и епископы, и князи, и бояре. Нарежался есми х Казани со всѣмъ христолюбивымъ воинствомъ и положилъ есми совѣтъ своими боляры в пречистой и соборной передъ тобою,

отцемъ своимъ, о мѣстѣхъ в воеводахъ и въ всякихъ посылкахъ въ всякомъ разрядѣ не мѣстничатися, кого с кѣмъ куды ни пошлютъ, чтобы воиньскому дѣлу в томъ порухи не было; и всѣмъ бояромъ тотъ былъ приговоръ любъ... И какъ приѣхали х Казани, и с кѣмъ кого ни пошлютъ на которое дѣло, ино всякой розмѣстничается на всякой посылкѣ и на всякомъ дѣлѣ, и въ томъ у насъ вездѣ бываетъ дѣло не крѣпко; и отселѣ куды кого с кѣмъ посылаю безъ мѣстъ по тому приговору, никако безъ кручины и безъ вражды промежь себя никоторое дѣло не минетъ, и въ тѣхъ мѣстѣхъ всякому дѣлу помѣшька бываетъ» (Жданов. «Материалы для истории Стоглавого собора». Сочинения, т. I, 176).

Невыгодные стороны местничества все сильнее ощущались по мере усложнения взаимных отношений между служилыми людьми. А эти отношения запутывались, с одной стороны, вследствие размножения членов одного рода, при чем одни линии родичей падали в своем значении, другие же возвышались. Отсюда естественное стремление последних отказаться от счета по родословцу с первыми, чтобы оградиться от «утягиванья» в отечестве захудалыми линиями. С другой стороны, меры Грозного против бояр и княжат, в частности введение опричины, значительно содействовали угасанию и искоренению некоторых фамилий. Не мало повлияли в том же направлении и события смутного времени. Котошихин и отметил, что многие боярские роды «безъ остатку миновалися». Но те же общественные события выдвинули в верхние слои служилых людей новые фамилии. Благодаря этому понятие родословности было значительно поколеблено. При таких условиях относительная оценка отечества оказалась более затруднительной как для самих заинтересованных, так и для судей. В XVII в. «знать свою меру» и разбирать местнические споры стало много труднее, чем раньше. К тому же местничество постепенно утрачивало свое значение, как охраны аристократических притязаний родословных фамилий: в XVII в. состав верхних слоев служилых людей оказался гораздо менее аристократичным. Затруднения же, испытываемые от местничества в военной службе, значительно возросли вследствие учащения споров из-за мест. Все это в совокупности и привело к отмене местничества, хотя эта отмена произошла довольно неожиданно.

В конце 1681 г. созвано было совещание из выборных от всех чинов служилых людей под председательством князя В. В. Голицына «для лучшаго ратей устроенія и управленія», так как неприятели «показали новые въ ратныхъ дѣлѣхъ вымыслы». Совещание проектировало новое разделение полков на роты под начальством ротмистров и подпоручиков и составило примерный список новых начальников из разных разрядов служилых людей. Но при этом оказалось, что в этот список из фамилий Трубецких, Одоевских, Куракиных, Репниных, Шеиных, Троекуровых, Лобановых-Ростовских, Ромодановских и иных никого поместить

не пришлось, «за малыми лѣты». Поэтому служилые люди просили писать в новые чины из вышеуказанных фамилий с достижением возраста, «чтобы имъ впредь отъ тѣхъ родовъ въ попрекѣ и въ укоризнѣ не быть». Вместе с тем выборные возбудили и общий вопрос, «для совершенной въ его государскихъ ратныхъ и въ посольскихъ и во всякихъ дѣлѣхъ прибыли и лучшаго устроенія, указалъ бы вел. государь всѣмъ бояромъ и околничимъ и думнымъ людямъ и всѣмъ чинамъ быти на Москвѣ въ приказѣхъ и въ полкѣхъ у ратныхъ и у посольскихъ и у всякихъ дѣлъ и въ городѣхъ межъ себя безъ мѣстъ, гдѣ кому вел. государь укажетъ, и никому ни съ кѣмъ впредь розрядомъ и мѣсты не считаться, и розрядные случаи и мѣста отставить и искоренить, чтобы впредь отъ тѣхъ случаевъ въ его государевыхъ ратныхъ и во всякихъ дѣлѣхъ помѣшки не было». Это челобитье было рассмотрено государем совместно с освященным собором и думой и постановлено все разрядные книги, «въ которыхъ писаны бывшіе случаи съ мѣсты», сжечь, «да погибнетъ, какъ сказалъ патріархъ, во огни оное, Богомъ ненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество и впредь да не вспомянется во вѣки». Но как бы вместо местничества учреждены были при Разрядном приказе родословные книги, куда должны быть занесены различные служилые фамилии «имъ и впредь-будущимъ ихъ родомъ на память». Для составления и пополнения их заинтересованные должны были представить родословные росписи. В основу же родословной книги положен был составленный при Грозном «Государевъ родословецъ». Этот приговор состоялся 12 янв. 1682 г. Формально местничество было уничтожено. Но переживание этого института в нравах наблюдается и очень долгое время спустя (С. Г. Г., IV, № 130).

Литература. В. Сергеевич. Др. русск. пр., I, 373 — 559 и 619 — 688; Вл.-Буданов. Обзор, 119 — 130; В. Ключевский. Боярская дума, гл. V и след; История сословий в России, М., 1913; Н. Павлов-Сильванский. Государевы служилые люди, 16 — 251; Н. Загоскин. Очерки организации и происхождения служилого сословия, очерки 2-й и 3-й; А. Градовский. История местного управления в России, 1868, и Собр. соч., т. II, гл. I: класс землевладельцев; М. Дьяконов. Власть московских государей, гл. VI; Н. П. Лихачев. Думное дворянство в боярской думе XVI ст. Сб. Арх. Инст., т. VI, 1896; С. В. Рождественский. Служилое землевладение в Московском государстве, 1897; С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты, 126 — 186; Симбирский сборник, М., 1845, предисл. Д. В. (алуева) к изданной разр. книге, 13—184; А. Маркевич. О местничестве, 1879; История местничества в Московском государстве в XV — XVII вв., 1888; П. Н. Милюков. Официальные и частные редакции древн. разр. кн., Чтен. Общ. ист. и др., 1887, кн. 2; К вопросу о составлении разр. книг, Ж. М. Н. Пр., ч. 263, отд. II, 165 — 194; В. Сторожев. Десятни как источник для изучения истории русского провинциального дворянства, Юр. Вестн., 1890, № 3; Н. Оглоблин. Что такое десятня, Ж. М. Н. Пр., 1891, № 10; В. Н. Сторожев. Материалы для истории дворянства, в. 1 и 2, 1891 и 1909; Н. П. Лихачев и Н. В. Мятлев. Тысячная книга 7059 — 1550 г. Орел, 1911; Н. Мятлев. Тысячники и московское дворянство XVI ст., Орел, 1912; В. И. Новицкий. Выборное и большое дворянство XVI — XVII вв., Киев, 1915.

Посадские люди.

Посадские люди (посажа(е)не) обнимают собою все торгово-промышленное население посадов (от посадити — поставить, устроить), возникавших обыкновенно около городских укреплений. Естественно, что торговля и промыслы ищут более безопасных пунктов поселений. Но в этом отношении не все города представляли одинаково надежную охрану для мирного населения. Московское правительство выдвигало целый ряд укреплений, напр., по южной границе для защиты страны от татарских набегов. Этим городам и городкам угрожала ежедневная опасность вражеских нападений, а потому в них еще в 70-х гг. XVII в. не было посадских жильцов (Д. А. И., IX, № 106; VIII, № 40). С другой стороны, по мере возрастания безопасности в центре, на севере и северо-востоке страны, торговля и промыслы начинают разливаться по селам и деревням. Однако этому нормальному развитию ставятся серьезные преграды со стороны правительства в интересах чисто фискальных. Различные акты торгового оборота обложены были различными сборами в пользу казны. Каков бы ни был порядок взимания этих сборов, происходил ли он при помощи собственных правительственных органов или сдавался в откуп, уследить за всеми торговыми сделками оказалось не под силу московскому правительству. Поэтому оно вынуждено было принимать меры к ограничению торговли в определенных пунктах, преимущественно в городах. Мотивировка такой политики изложена с полной очевидностью в предписании новгородским воеводам по поводу торговых сношений с Швецией в 20-х гг. XVII в.: «велѣно торговымъ людемъ, которые съ нашей стороны ѣздятъ въ Свѣйскіе городы и ѣздя торгуютъ въ ихъ сторонѣ по селамъ и по деревнямъ, учинити заказъ крѣпкой, чтобъ они впередъ ѣздили въ Свѣйскую сторону и торговали по городомъ, а по селамъ и по деревнямъ не торговали; а въ нашей бы сторонѣ Свѣйского короля подданнымъ, рускимъ и нѣмецкимъ торговымъ людемъ, потому жъ пріѣзжая велѣти торговать по городомъ, въ Новѣгородѣ, въ Ладогѣ, а не по селамъ и не по деревнямъ, чтобъ въ томъ нашей пошлинѣ истери не было» (А. Э., III., № 180). Опасение утерять торговые сборы руководит уже правительством Ивана III. Поэтому оно в уставной Белозерской грамоте 1488 г. предписало всем приезжим из иных земель и всех монастырей «торговати имъ всѣмъ на Бѣлѣозерѣ въ городѣ житомъ и всякимъ товаромъ; а за озеро имъ всѣмъ торговати не ѣздити. А по волостемъ и по монастыремъ не торговати житомъ и всякимъ товаромъ, опрочь одное волости Углы; а на Углѣ быти торгу по старинѣ». Исключение из этого правила допущено только для белозерцов посадских людей, которым разрешено «за озеро ѣздити и торговати по старинѣ» (А. Э., I, № 123). В 1539 г. новоторжские таможники донесли, что кроме села Медны Троицкого монастыря «тутошніе люди да и

пріѣзжіе люди многіе торгують всякимъ товаромъ безпошлинно во Владычнѣ слободкѣ Тверского владыки, да у Николы въ Берновѣ, да въ Загорье у Пятницы св., да въ селѣ въ Ивашковѣ, да въ селѣ въ Ильинскомъ, и въ томъ де вел. князя тамгѣ чинится убытокъ великъ». Вследствие этого было предписано: «однолично бы во всемъ Новоторжскомъ уѣздѣ не торговалъ никто ничѣмъ, опричь Торжку посаду и села Мѣдны»; в других же местах велено всякий товар отписывать на государя (там же, № 188; ср. еще №№ 262 и 263).

По тем же соображениям правительственными распоряжениями совершался перевод торговых пунктов из одних мест в другие. Например в царской грамоте 1586 г. датскому королю сообщалось: «А что писалъ еси къ намъ о торговлѣ въ нашей отчинѣ въ Лопской землѣ, что былъ учиненъ торгъ въ Малміюсѣ, то есть въ Колѣ, и намъ бы то торговое мѣсто опять въ Малміюсѣ велѣти устроити,—и мы нынѣ торгъ изо всего поморья, ис своей вотчины Двинскіе земли, и ис Колы и изъ иныхъ мѣстъ перевели и учинили въ одномъ мѣстѣ на усть Двины рѣки, у нового города у Двинского. И торговымъ людемъ изо всѣхъ изъ вашихъ поморскихъ государствъ со всякими товары къ тому мѣсту, къ Двинскому городу, поволили есмя ходити безъ вывѣта. А въ Колѣ волости торгу есмя быти не велѣли, занеже въ томъ мѣстѣ торгу быти непригоже: то мѣсто убогое» (Р. И. Б., XVI, стр. 235—236; ср. А. Э., I, № 338).

Открытие новых торговых пунктов в селах надо было каждый раз выхлопатывать особо при условии, что данное село от ближайших торгов отстоит далеко, и что от учреждения нового торга не произойдет недобору в тамге ближайшего торгового пункта. Например в 1588 г. разрешено отдать на откуп сбор тамги в с. Еремейцове Спасского монастыря в Ярославле, так как «то село отъ городовъ и отъ торговъ далече, верстъ по 20, и по 30, и по 40, и крестьяномъ того села торговати ѣздити далече; а напередъ того въ томъ селѣ тамга въ откупу не бывала ни за кѣмъ, и на вѣру ее не сбирывалъ никто; и къ Ярославской тамгѣ и къ намѣстничю доходу то село тамгою не приписано, и впередъ Ярославской тамгѣ и намѣстничю доходу отъ того торгу недобору не будет никоторого». Точно так же в 1592 г. разрешено в селах Чаранде и Коротком «уставити торгъ и торговати по вся дни, какъ и въ иныхъ городѣхъ» (А. Э., I, №№ 342 и 356; ср. еще №№ 362 и 366).

Эти меры сосредоточения торговли в определенных пунктах не имели таким образом в виду сконцентрировать торговлю только в городах и не обособляли посадского населения от сельского. Посадские люди и лавки упоминаются не только в городах. Напр. Тихвинскому монастырю принадлежал посад Тихвинский, и за монастырь поряжались жильцы с обязательством «жити на Тифинѣ посадѣ съ посадцкими людми, и тягло посадцкое и монастырьское сдѣлье всякое дѣлати» (А. Ю., № 195 I и II). В селе Веси

Егоньской Симонова монастыря, в селе Клементьевском Троицкого монастыря, в дворцовом селе Дунилове и в дворцовых слободах Гавриловской и Александровской упоминаются ряды лавок и посадские и непашенные люди (А. Э., I, № 263; Лаппо-Данилевский. «Организация прямого обложения в Московском государстве», стр. 165, пр. 2). По описным книгам села Павлова Острогу 151 (1643 г.), составленным после смерти вотчинника боярина кн. Ив. Бор. Черкасского, там описаны различные торговые ряды и посадские дворы (рукоп. частного собрания). С другой стороны, на посадах упоминаются пашенные дворы, и к посадам приписывались пашенные земли и сенокосы. Так, в Устюжне, по сотной 1597 г., описаны 13 пашенных дворов, 245 четей пашни и 4.892 копны сена; в XVI в. в псковских пригородах земледелие являлось преобладающим занятием жителей, а в издавна славившемся торговлею Пскове при церквах и монастырях описаны нивы и пожни, о которых сказано: «а пашутъ тѣ нивы и пожни псковичи посадскіе люди и волостные крестьяне и даютъ въ монастыри и къ церквамъ изъ хлѣба четвертый снопъ». В Серпухове показано «земли у города у всѣхъ городскихъ людей съ оброчники и съ слободскими 1033 чети, сѣна 3115 копенъ». В Муроме «пашни у всего посаду, и перелогу, и животиннаго выпуску... 608 чети». И в XVII в. наблюдаются те же картины. Например в Н. Новгороде «за посадскими за всякими людми» описаны «ихъ старинные пожни, сенные покосы», всего 745 десятин. А в Шуе «всѣ шуяня посацкіе люди» разделяли пахотную землю по тяглам «впредь на десять лѣтъ до мірского жъ раздѣлу» (Н. Чечулин. «Города Московского государства», стр. 73—74, 114, 143, 182 прим.; Р. И. Б., т. XVII, 289—290; В. Борисов. «Описание г. Шуи», 63 и сл.).

Торгово-промышленное население посадов не представляло однородной группы и делилось на разряды. Судебник Ц., определяя размеры бесчестья для разных категорий лиц, оценивает честь посадских людей весьма различно: «А гостемъ болшимъ бесчестія 50 рублевъ... А торговымъ людемъ и посадскимъ людемъ всѣмъ середнимъ бесчестія пять рублевъ... А боярскому человѣку молодчему или черному городскому (посадцкому) безчестія рубль» (ст. 26). Бесчестье женам назначается вдвое против их мужей. Такая оценка чести к тому же по времени и месту колеблется. Так, по грамоте замосковной Вохонской волости 1561 г. определено бесчестье «посадскимъ людемъ и волостнымъ добрымъ» в пять руб. Так же по уставной грамоте Устюжны-Железопольской 1614 г. такое же бесчестье назначено «посадскимъ торговымъ людемъ» без разделения на группы (А. Э., т. I, № 257; т. III, № 36). По Уложению плата за бесчестье торговым посадским людям колеблется от 50 до 5 р. (X, 94).

Старинное значение гостей, как иноземных и иногородних торговцев, продолжает некоторое время сохраняться. Памятники XIV—XV вв. упоминают о гостях сурожанах и суконниках.

«Сурожане», это—купцы, которые вели торговлю с г. Сурожем (иначе Судаком) по р. Дону, как старинные «гречники» с Грецией. Азовское море называлось раньше Сурожским, а товары, вывозимые сурожанами, наз. сурожскими (ныне испорченный термин «суровские»). Сукно тоже было товаром заграничного вывоза и доставлялось к нам преимущественно из немецких городов (т. наз. ип(р)ское и фламандское сукно). По своему экономическому достатку богатые купцы занимали видное общественное положение. Князья взаимно обязуются «гости и суконьниковъ... блюсти ны съ одиного, а въ службу ихъ не приимати»; у гостей и суконниковъ князья делают крупные займы; например перебежавший из Москвы в Тверь Некомат, прозванный «сурожанином», помог тверскому князю добыть ярлык на великое княжение, что сопряжено было с большими расходами в Орде (С. Г. Г., т. I, стр. 57 и 102; А. Э., т. I, стр. 21). Сурожане и суконники принимали участие и в военных походах. Предпринимая в 1470 г. поход под Казань, Иван III «съ Москвы послалъ сурожанъ, и суконниковъ, и купчихъ людей и прочихъ всѣхъ москвичь, коихъ пригоже, по ихъ силѣ». А Дмитрий Донской, выступая в поход против Мамая, «поятъ же тогда съ собою десять мужей сурожанъ гостей, видѣнія ради: аще что Богъ случитъ, имутъ повѣдати въ далныхъ земляхъ, яко сходници суть з земли на землю и знаеми всѣми и въ Ордахъ и въ Фрязехъ; и другаа вещь: аще что прилучится, да сіи сътворяютъ по обычаю ихъ» (П. С. Л., т. VI, 188; т. XI, 54). Из этих указаний явствует, что суконники и сурожане стояли в близких отношениях к княжеским правительствам: князья в частности принимали их на службу. Но это была, конечно, не военная служба. Профессиональный опыт и специальные сведения торговых людей нашли гораздо более полезное приложение в некоторых областях финансового управления в Московском государстве.

Еще в древне-русских княжениях торговля была обложена сборами в пользу княжеской казны. Таковы были мыт (Maut), который взимался при провозе товаров через мосты, перевозы и заставы, вѣсчее и помѣрное, уплачиваемые при взвешивании и измерении товаров. Со времени татарского владычества введен и чисто торговый сбор с объявленной цены товара — тамга. Все эти сборы с дальнейшим их разветвлением продолжают сохраняться и в Москве. Кроме того древне-русские князья принимали участие и в отпускной торговле, сбывая, например, в Грецию продукты натуральных сборов с населения мехами, медом и воском и пр. Позднее московские князья в значительной мере расширили виды и способы казенного торга; они сосредоточили в своих руках монопольную продажу питий и табака, обставляли некоторыми преимуществами продажу княжеской соли, дорогого пушного товара, объявляли монополию на некоторые продукты отпускной торговли и пр. Как сбор торговых пошлин, так и разные казенные торговые операции требовали от приставленных к этим делам органов специальной подготовки, какой не могло быть у служилых

и приказных людей. Поэтому правительство довольно рано начинает привлекать к этой финансово-хозяйственной службе лиц из среды богатого купечества. Уже Дмитрий Донской пожаловал разными привилегиями какого-то торгового человека новоторжца Микулу с детьми по грамоте деда своего. Во второй половине XVI в. один официальный акт свидетельствует, «что была у сурожанъ государева жаловалная грамота въ проѣздѣхъ и о всякихъ государевыхъ пошлинахъ; и государь тое грамоты отставилъ, а велѣлъ у сурожанъ имати всѣ свои пошлины по старинѣ» (Доп. к А. И., т. I, № 9; А. Э., т. I, стр. 325). Подобные привилегии давались торговым людям, конечно, не даром; очевидно они выполняли поручения вел. князей и государей в сфере финансово-хозяйственной службы.

Повидимому организация этой финансовой службы начала выясняться со второй половины XVI в. Сущность этой организации заключалась в том, что лучшие торговые люди в Москве и по городам призывались к постоянному выполнению обязанностей по сбору торговых пошлин и заведыванию казенным торгом. Эта служба была обязательной, но бесплатной и чрезвычайно ответственной. Интересы государственной казны обеспечивались от недоборов и недобросовестных действий прежде всего «верой», т.-е. присягой, отчего самая служба на таможнях и в кабаках, у «соболиной казны» и пр. называлась «верной». А затем важнейшим обеспечением казенного интереса являлась имущественная состоятельность этих финансовых приказчиков московского правительства. Взамен вознаграждения они получали разные привилегии, наделение которыми стояло в связи с возведением облеченных доверием торговых людей в особые чины, в числе которых на первом месте стоял чин гостя, на втором—торгового человека гостиной сотни и на третьем—торгового человека суконной сотни.

Гости в качестве чиновных торговых людей существенно отличались от гостей, как бытового прозвания чужеземных или иногородних купцов. В чин гостя торговые люди возводились пожалованием государя. Вероятно честь таких чиновных гостей оценена Судебником Ц. в десять раз выше чести среднего посадского человека. Во всяком случае при Грозном и при его сыне Федоре, как это видно из челобитья гостей 1648 г., чином гостя уже жаловали и в удостоверение выдавали особые жалованные грамоты, в которых исчислялись дарованные пожалованным льготы. Но старейшая сохранившаяся грамота на звание гостя относится к 1598 г. (Доп. к А. И., т. I, № 147; см. другие подобные грамоты: там же, т. IV, № 56; т. VI, № 53, III; А. Э., т. IV, № 152; А. И., т. V, № 43; П. С. З., № 782; Сб. Хилкова, № 92). Привилегии гостей в 1613 г. были обобщены и всем им выдана общая жалованная грамота, но взята обратно вследствие ошибки в дате. В 1648 г., по челобитью гостей и торговых людей гостиной сотни, выдана новая жалованная грамота, в которой исчислены следующие их льготы: 1) «съ ихъ дворовъ тягла и никакихъ податей

имати не велѣли... а велѣли имъ жить въ нашемъ царскомъ жалованьѣ на лготѣ»; 2) «бояре, воеводы и приказные люди ихъ ни въ чемъ не судятъ, а судитъ ихъ самъ царь или казначей»; 3) «съ черными сотнями никакихъ имъ дѣлъ не дѣлати и не тянути ни въ чемъ, опричь своей гостиной сотни»; 4) «и питье имъ про себя держати безвыимочно, и стоялщиковъ у нихъ во дворехъ и всякихъ иноземцовъ не ставити»; 5) «и во дворѣхъ у нихъ избы и мылни топити волно безпенно и печатати у нихъ не велѣли, и огню у нихъ не выимати»; 6) «и подводъ у нихъ во всѣхъ городѣхъ нашего государства по ямомъ и на дорогѣ не имати»; 7) «куда имъ лучится въ дорогу ѣхать для своего промыслу, и у нихъ на рѣкахъ перевозовъ и на мостѣхъ мостовщины и проѣзжего мыту не имати, а перевозити ихъ на рѣкахъ и пропущати на мостѣхъ безденежно»; 8) «а кто ихъ обезчеститъ, и мы указали безчестья гостемъ по прежнему нашему указу, а лутчимъ людемъ по 20 р., а середнимъ по 15, а молодчимъ по 10 (Доп. к А. И., т. III, № 44). Сверх того гости пользовались правом владеть вотчинами. Правда, на земском соборе 1642 г. они заявили, что поместий и вотчин за ними нет никаких, но Котошихин удостоверяет, что гостям «такъ же волно і вотчину купиті, и держаті, и подъ закладъ иматі» (X, 1). Лишь указом 1666 г. это право ограничено в том направлении, что «впредь гостемъ безъ подписныхъ челобитныхъ вотчинъ не покупать и подъ закладъ не имать» (П. С. З., № 390).

О времени возникновения гостиной сотни также нет указаний раньше 1598 г., когда члены ее упомянуты в составе земского избирательного собора. Первая жалованная грамота человеку гостиной сотни относится к 1606 г. (А. Э., т. II, № 49; ср. Сб. Хилкова, № 53). Но из челобитья гостей и людей гостиной сотни 1648 г. можно заключить, что эта сотня уже успела организоваться при Грозном. Остается неясным, в каком отношении к этой сотне оказались сурожане, упоминаемые еще в 1571 г. Случайный намек на устройство в Москве суконной сотни содержится в грамоте 1556 г. о пожаловании и обелении двора, принадлежавшего человеку «суконного тягла»; новому владельцу (монастырю) предоставлено «съ того двора съ суконничимъ старостою и съ тяглецы... ни въ которые проторы, ни въ розметы не тянути» (А. И., т. I, № 164). Люди суконной сотни также упомянуты в составе собора 1598 г. О служебном положении этих двух сотен по сравнению с гостями Котошихин указывает, что «гостиная, суконая сотни, устроены для того: на Москвѣ і въ городѣхъ бываютъ у зборовъ царские казны, зъ гостми въ товарыщахъ, въ целовалникахъ» (X, 2). Соответственно этому и льготы, какими они пользовались, были несколько уже. Но «за службы и за таможенныя и кабацкія приборы» эти торговые люди получали «государевы жаловальные грамоты съ гостинымъ имянемъ» (Улож., XVIII, 8).

Все эти привилегированные служебные чины торговых людей пополнялись периодическими наборами из среды лучших торго-

вых людей в Москве и по городам. На этой почве и возникла борьба городовых посадских людей с привилегированными сотнями, так как изъятие из посадской тяглой среды самых состоятельных тяглецов отражалось крайне невыгодно на остальных тяглецах, которые должны были оплачивать тягло и за выбывающих. С другой стороны, гостям и членам гостиной и суконной сотен было выгоднее иметь в составе каждой группы возможно большее число лиц, так как тогда каждому приходилось реже отбывать очередную службу. Картина этой борьбы наглядно рисуется по челобитьям 1648—1649 гг. Гости и гостиная сотня указывали, что по их челобитьям давали им из сотен и слобод лучших людей, но что в смутное время 1648 г. московские черные посадские люди и городские земские просили, чтобы взятые из их среды были возвращены назад и служили бы по городам. Гости же и гостиная сотня просить против их челобитья за боязнью в то смутное время не смели, а между тем разорились, промыслов отбыли и одолжали, так что государевой службы служить стало некому. Поэтому они вновь просят: «дати въ ихъ сотню изъ Кадашева и изъ иныхъ слободъ лутчихъ людей... чтобъ намъ холопемъ твоимъ впредь отъ твоихъ государевыхъ частыхъ и безпрестанныхъ службъ межъ дворъ не пойтить». С своей стороны суконная сотня просит о прибавочных людях в их сотню, так как до московского разоренья в их сотне было 357 семей, из которых ежегодно служили 8 человек, а нынче их в сотне всего 42 служилых человека, из которых ежегодно в службах бывают 18 человек; да в их же сотне обнищалых и не могущих служить службы за бедностью 70 чел. Черные же посадские люди в свою очередь били челом о том, чтоб не оскудить их новыми наборами из их среды; «гости, государь, и гостина и суконна сотни полнятся всѣми твоими государевыми городами, изъ розныхъ слободъ лутчими людми, а мы, бѣдные сироты твои, въ конецъ погибли и всѣ стали бѣдные людишка; а что, государь, у насъ было нарочитыхъ людей, и тѣхъ гостиная и суконная сотни выбрали себѣ же въ сотни» (Доп. к А. И., т. III, № 47). Для примирения этих борющихся интересов было постановлено, что московские гости, гостиная и суконная сотни и взятые в эти сотни патриаршие, монастырские и властелинские крестьяне впредь должны служить службы московские, у г. Архангельска и на Холмогорах «и иныя службы, гдѣ государь укажетъ»; а городовым людям, взятым в эти сотни для московских и отъезжих служб в 1647 г., указано «быти службами и тягломъ въ городѣхъ въ посадѣхъ по прежнему и наши таможенныя и кабацкія и всякія службы служить, гдѣ кто въ которомъ городѣ живетъ» (А. Э., т. IV, № 28).

В противоположность привилегированным торгово-промышленным людям, набранным в служебные чины и сотни, главную массу торгово-промышленного населения составляли черные посадские люди, отбывавшие тягло с своих торгов и промыслов. Окладной единицей при исчислении посадского тягла с XVI в. являлся по-

садский двор. Поэтому владеющие дворами на посадах посадские люди и должны были принимать участие в уплате падающих на посад прямых сборов и в отбывании повинностей по мирской раскладке. Но в какой мере было трудно сосредоточить торговлю на посадах, в такой же мере представлялось невозможным обособить посадское тягло от уездного. Стремления к такому обособлению наталкивались на разнородные препятствия.

С одной стороны, то имущество, с которого исчислялось и отбывалось посадское тягло, т.-е. посадский двор, могло перейти в другие руки. Интересы посадского тягла не страдали бы при этом лишь при условии, если новый владелец принимал на себя все обязательства продавца. Такое начало и было прежде всего установлено, сначала по междукняжеским договорным грамотам, правда, относительно земель: «А хто будетъ покупилъ земли данныѣ, служни или черныхъ людий... а тѣ хто взможетъ выкупити инѣ выкупятъ; а не взмогутъ выкупити, инѣ потянутъ къ чернымъ людемъ; а хто не въсхочетъ тянути, инѣ ся земль съступятъ, а земли чернымъ людемъ даромъ» (С. Г. Г., т. I, № 33). Это начало применялось к посадским черным землям и дворам еще в XVII в. Так, по уставной грамоте Устюжны-Железопольской 1614 г. указано, если «кто учнетъ жити на черной землѣ, сынъ боярской или приказной человѣкъ... или монастырьской, или чей кто ни буди:.. и тягло имъ съ тѣхъ дворовъ оброки и всякіе розметы тянути по вытно, что на нихъ цѣловалники положатъ». Это правило подтверждено особой грамотой воеводе 1623 г.: «Будетъ на Устюжнѣ дворяне и дѣти боярскіе и всякіе съѣзжіе уѣздные люди у посадскихъ людей посадскую землю, пашни и пожни, и дворы и лавки, покупали въ осадное время и нынѣ тѣми посадскими землями... владѣютъ... а нашихъ податей и мірскихъ розметовъ съ ними съ посадскими людми съ тѣхъ своихъ дворовъ и съ лавокъ и съ земель не платятъ: и ты бъ тѣмъ людемъ, кто владѣетъ, всякія наши подати велѣлъ платити... по окладу земскихъ цѣловалниковъ, а безданно бъ и безоброчно никто въ избылыхъ не жилъ» (А. Э., т. III, № 37 и 138). Такие же правила применялись в Сольвычегодске, Устюге, Вятке; а в 1677 г. издано и общее постановление об обложении податями всех владевших черными землями на посадах (Лаппо-Данилевский, назв. соч., 154, пр. 2).

Но служилые люди, владевшие в городах осадными дворами, с которых посадское тягло не взималось, стремились и приобретенные ими посадские дворы и земли обелить, т.-е. исключить из посадского тягла, что им нередко и удавалось. По крайней мере за 20—40-е годы XVII в. известен ряд челобитий от тяглецов черных сотен и черных слобод на своих же общественников, что они закладывают и продают беломестцам тяглые места и дворы, а беломестцы хотят их обеливать, отчего черные слободы и сотни пустеют. На эти челобитья последовал ряд указов, которыми ограничивался и запрещался переход тяглых посадских мест в

руки беломестцев. Так, уже в 1620 г. велено приписывать пустые черные места на посадах к посадам, «потому что мимо посадскихъ людей пустыми мѣсты владѣть никому не велѣно» (Выпись из Тверск. писц. кн., Тверь, 1901, стр. 80). В 1621 г. предписано, «тягловыхъ дворовъ и дворовыхъ мѣстъ бѣломѣстцомъ не продать, и не заложить, и по душѣ и въ приданые никому не отдать». Это подтверждено и в 1627 г., хотя для завладевших уже беломестцев сделано были изъятие в том смысле, что им разрешено было жить на своих местах попрежнему, а вместо этих мест отвести тяглым людям новые места. В 1634 г. последовал новый указ, запрещающий закладывать и продавать тяглые дворы и места всяких чинов людям, с тем дополнением, что если посадские люди «для бѣдности или избывая сотенного тягла» будут дворы и места закладывать, продавать и пустошить, то по закладным дворы и места «имати въ сотни безденежно» и не обеливать, «для тягла, чтобъ впредь изъ сотенъ тягла не убывало, а досталнымъ сотеннымъ людемъ въ томъ налога бъ не было», а закладчиков и продавцов «сыскивая бить кнутомъ». В 1642 г. состоялся новый указ, в силу которого имущество стоящих на правеже тяглых посадских людей, а именно их дворы и лавки, «продавать тяглымъ же людемъ тѣхъ же сотенъ, а бѣломѣстцомъ тѣхъ дворовъ и лавокъ въ искъ продавать и отдавать не велѣно» (Вл.-Буданов. «Хрестоматия», вып. 3, изд. 3, стр. 124—126, 144 и 163; А. П. Д., II, вып. 1, № 177, стр. 433 и сл., и I, № 137). Все эти правила перешли и в Уложение, которое хотя и не возбраняло закладывать тяглые посадские имущества крестьянам и боярским людям, но запретило им таковые осваивать и обелять, беломестцам же и закладывать было нельзя (Улож., гл. X, 269; XIX, 15, 16 и 39). Но в 1677 г. состоялось новое предписание сводить с тяглых земель беломестцев. А в 1686 г. издано общее узаконение о чернослободских дворах и местах, разрешившее оставить за беломестцами приобретенные ими дворы и места с обязательством платить с них тягло; в случае же уклонения их от тягла, тяглые места у них отбирать. Впредь же закладывать и продавать беломестцам тяглые места запрещалось; закладчиков и продавцов, поступивших вопреки указу, предписывалось бить кнутом, а отчужденные места отбирать безденежно; в иски же продавать лишь хоромы (П. С. З., № 1157, Отд. I, ст. ст. 1 и 2). Таким образом через весь московский период проходит двойственная политика правительства относительно права владения тяглым посадским имуществом.

В связи с переходом посадского тяглого имущества в руки беломестцев стоит и вопрос о выходе с посадов значительного количества тяглецов. Это явление уже довольно рано обратило на себя внимание правительства, так как от такого выхода страдало посадское тягло. Уже в Судебнике Ц. можно отметить первые нерешительные шаги к закреплению посадских людей к посадам; там сказано: «а торговымъ людемъ городскимъ въ монасты-

рѣхъ не жити, а жити имъ въ городскихъ дворѣхъ; а которые торговые люди учнутъ жити въ монастырѣхъ, и тѣхъ съ монастырей сводити» (ст. 91). Легко понять, почему речь идет только о возвращении вышедших тяглецов из-за монастырей. Около посадов нередко возникали властелинские и монастырские слободы, куда и могли ближайшим образом выходить посадские жильцы. Но что они могли выходить не только за монастыри, и что против таких выходов также принимались меры, свидетельствует грамота 1546 г. на Вятку, из которой видно, что «Слободского городка тягловые люди вышли отъ нихъ жити въ Шестаковской городокъ»; слобожане с приставами приехали требовать обратно ушедших, но шестаковцы приставам «на поруки не даются и отъ нихъ отбиваютца, и тѣхъ имъ тяглыхъ людей слобожанъ изъ городка не выдадутъ, а отымаются слобоцкими и полѣтними грамотами на пусто» (Труды Вятск. Арх. Ком., 1905 г., вып. 3-й, Отд. III, стр. 87). Во второй половине XVI в. можно указать ряд случаев обратного вывода в старые дворы разошедшихся посадских жильцов и слобожан в Серпухове, в Кореле, Кашире и Свияжске за время 1552—1586 гг. (М. Дьяконов. «Очерки из истории сельского населения», 2—6). В уставной Торопецкой грамоте 1590 г. предоставлено разошедшихся с посада жильцов вывозить на старые места безоброчно и безпошлинно в заповедные лета (И. Побойнин. «Торопецкая старина», 1902, прил. I). Все эти данные бесспорно указывают на начинающееся прикрепление посадских людей к посадам.

Но на-ряду с этими данными существует целый ряд указаний на то, что многие города, особенно в центре государства, пустеют. Так, по сотной выписи 1574 г. в Муроме на посаде было тяглых черных дворов жилых 111, дворов пустых 107 и пустых дворовых мест 520, при чем по сотной 1566 г. там числилось живущими 587 дв. и убыло «изъ жива въ пусто» за восемь лет 476 дв. В Коломне в 70-х годах было всего жилых посадских 34 дв., пустых 56 дв. и дворовых мест пустых 606. В Можайске в конце XVI в. описано жилых посадских 203 дв., пустых 127 дв. и пустых дворовых мест 1.446 (А. Ю., № 229; Н. Чечулин. «Города Московского государства», 156—158). После смутного времени, когда все государство от литовских людей разорилось и запустело, наблюдалось общее запустение городов, вследствие чего уплата тягла для оставшихся посадских тяглецов сделалась невозможною. На земском соборе 1619 г. было указано, что «изъ за-Московныхъ и изъ Украинныхъ городовъ посадцкіе многіе люди, лготя себѣ, чтобъ имъ въ городѣхъ податей никакихъ не платить, пріѣхали къ Москвѣ и живутъ на Москвѣ и по городомъ у друзей, а по городомъ, гдѣ кто жилъ напередъ сего, ѣхати не хотятъ; а изъ иныхъ Украинныхъ и разореныхъ городовъ и всякіе люди бьютъ челомъ о лготѣ, что имъ для ихъ разоренья во всякихъ податѣхъ дати лготы. А иныя посадцкіе и уѣздные люди заложились въ закладчики за бояръ и за

всякихъ людей, а податей никакихъ съ своею братьею съ посадцкими и съ уѣздными людми не платятъ, а живутъ себѣ въ покоѣ». Вследствие этого собор приговорил послать писцов и сыщиков для новой описи городов и уездов и для сыска и водворения на старые места разошедшихся и заложившихся посадских тяглецов (Разр. кн., I, 613). Повидимому результаты этого сыска оказались не особенно плодотворными в смысле водворения посадских людей на прежние их места. По крайней мере в 1638 г. поручено было специальному Приказу вновь сыскивать в Москве и по городам за властями, монастырями и помещиками и вотчинниками «закладчиковъ и въ черныхъ сотняхъ и в слободахъ и въ городѣхъ тяглыхъ людей, которые вышли изъ черныхъ сотенъ и изъ слободъ и въ городѣхъ съ посаду съ тягла, съ московского разоренья», т.-е. с воцарения Михаила Федоровича. Производить сыск по всем городам предписано было «по росписямъ, каковы росписи подадутъ сотскіе и старосты за руками» (А. Э., III., № 279). К сожалению обширное делопроизводство по этому сыску до сих пор недостаточно еще изучено (Н. П.-Сильванский. «Акты о посадских людях-закладчиках», 1909).

Все такие меры к возвращению на посады вышедших оттуда тяглецов, хотя бы они далеко не всегда приводили к намеченным целям, показывают, что московское правительство установило и проводило принцип прикрепления к посадам посадских тяглецов. Даже переход с посада на посад не признавался правомерным. Уложение признало этот принцип, хотя в то же время санкционировало все состоявшиеся ранее перечисления в другие посады и сотни. В Уложении сказано: «А которые московскихъ слободъ посадскіе люди нынѣ живутъ въ городѣхъ, а городовые посадскіе люди живутъ на Москвѣ и въ розныхъ городѣхъ, и тѣмъ тяглымъ посадскимъ людемъ и впредь жити въ тѣхъ мѣстѣхъ, гдѣ они ожилися, а съ Москвы въ городы по старинѣ и изъ городовъ къ Москвѣ и изъ города въ городъ ихъ посадскихъ тяглыхъ людей не переводити» (XIX, 19). Вместе с тем там постановлено сыскивать всех посадских тяглецов, покинувших тягло и проживающих в закладчиках, «и свозити на старые ихъ посадскіе мѣста, гдѣ кто живалъ напредь сего, безлѣтно и безповоротно» (ст. 13). Целый ряд статей более детального характера имел в виду обеспечить начало прикрепления к посадам (XIX, 22—32). Но и после Уложения приходилось правительству делать серьезные уступки настоятельным нуждам текущей практики. В 1682 г., напр., было предписано не возвращать на старые посады тех жильцов, которые перешли на другие посады и попали на новых местах жительства в переписные книги, начиная с 1674 г.; но впредь переходы с посада на посад вновь запрещались и перешедших велено возвращать на старые места (П. С. З., № 980).

Прикрепление к посадам имело целью прекратить выход тяглых людей с посадов и тем предотвратить увеличение пла-

тежей для оставшихся, так как за вышедших должны были платить оставшиеся посадские жильцы. Падающее на них бремя платежей возрастало с выбытием из тягла прежних плательщиков. Но затруднения в отбывании посадского тягла зависели не только от перехода посадских дворов и мест в руки беломестцев и ухода тяглецов, но еще и от конкуренции в торговле и промыслах, какую приходилось выдерживать посадским жильцам с лицами, не приписанными к посадам, но занимавшимися торгом и промыслами. Это были главным образом жители слобод, устраиваемых нередко вплотную с посадами по почину духовных властей, монастырей и крупных частных собственников. Влиятельные устроители слобод населяли их своими людьми и крестьянами и выхлопатывали для своих слобожан разные льготы (отсюда и название «слободы»). Не платя вовсе посадского тягла или отбывая его далеко не в полном объеме, слободские жильцы занимались торгом и промыслами при более выгодных условиях в ущерб посадским людям. На ненормальность такого положения дел уже давно было обращено внимание правительства. Грозный на Стоглавом соборе указывал на то, что от слобод «государьская подать и земьская тягль изгибла», и предлагал применять старый «указ слободам», сохранившийся в уставных книгах его деда и отца. Этот указ до нас не сохранился. Стоглавый собор в своих постановлениях подтвердил недавний приговор 1550 г., по которому предписано «слободамъ всѣмъ новымъ тянути з грацкими людми во всякое тягло и з судомъ». И сверх того собор установил, что «новыхъ бы слободъ не ставити и дворовъ многихъ (новых) въ старыхъ слободахъ не прибавливати», кроме случаев выселения в новые дворы отделившихся членов семьи; «а опричнымъ прихожимъ людемъ градскимъ и сельскимъ въ тѣхъ старыхъ слободахъ новыхъ дворовъ не ставити», только в опустевшие старые дворы разрешено называть сельских и городских не тяглых людей (Жданов. «Материалы для истории Стоглавого собора». Сочинения, т. I, 178; Стоглав. Казань, 1862, 412—414).

В какой мере эти постановления собора исполнялись даже относительно властелинских и монастырских слобод сказать очень трудно. Несомненно лишь то, что в XVI и XVII вв. около посадов существовали многие слободы, с которыми посадские люди вели упорную борьбу, добиваясь зачисления их в тягло, хотя далеко не всегда с успехом. Так, в Коломне, где в 1577 г. было всего 34 жилых посадских двора, в двух владычных слободках сосчитано 123 дв., жильцы которых владели и лавками. В конце XVI в. в Можайске на 203 жилых посадских дв. в четырех монастырских слободах оказалось 45 дв., в которых жили «торговые и мастеровые молодчіе люди, а съ посадцкими съ черными людми тягла не тянуть, опричь городового дѣла». Но в то же время на Устюжне упомянута «въ Ильинской улицѣ слободка, что поставилъ Никольскій игуменъ на черныхъ мѣстѣхъ послѣ

пожару... и послѣ того по челобитью посадскихъ людей та слободка приписана къ посадскимъ къ тяглымъ людямъ, а къ Ильѣ пророку даютъ руги по 10 р., а сами тянутъ государево тягло съ посадскими людьми ровно». В Серпухове приписаны в тяглю 127 дв. разных слободок; в Муроме на посаде показаны «дворы бѣлые, а приписаны они въ тяглые къ чернымъ же дворамъ», всего 75 дв. (Чечулин, н. с., 156, 168, 71, 175 и сл.). Те же данные наблюдаются и в XVII в. С одной стороны, можно отметить приписку слобод к посадам на том основании, что жители их «живутъ не на пашнѣ, промышляютъ торжишкомъ» (Лаппо-Данилевский, н. с., 166). С другой стороны, слободы существуют при посадах на совершенно льготных условиях. Так, по нижегородской писцовой книге 1621—1622 г. там описаны две слободы, одна Печерского монастыря, другая Благовещенского патриарша монастыря; в первой насчитано 89 дв. и про жильцов сказано: «а тягла тѣ люди с посадцкими людми и никакихъ государевыхъ податей не платятъ, а платятъ с своихъ дворовъ и зъ дворишковъ оброкъ в монастырь на монастырьское строенье и дѣлаютъ въ монастырѣ і въ монастырьскихъ в подгородныхъ селехъ всякое монастырьское издѣлье»; во второй—53 дв., «а промышляютъ тѣ люди своимъ рукодѣльемъ, а оброкъ платятъ в монастырь на монастырьское строенье, а с нижегородцы с посадцкими людми никакихъ государевыхъ податей не платятъ и в сошное письмо не положены» (Р. И. Б., т. XVII, 345 и 352). У нижегородского посада с Благовещенским монастырем с 1592 по 1636 г. велись нескончаемые тяжбы из-за монастырской слободки и ее жильцов с переменным счастьем то для одной, то для другой стороны; но все же слобода сохранила свою независимость от посада (Дьяконов, н. с., 28—30).

В общей форме вопрос об отношении слобод к посадам возбужден был на соборе 1648 г. по челобитью всяких чинов людей 30 окт. В этом челобитьи указывалось, что около Москвы и по городам заведены дворы, а около посадов на государевой земле построены слободы духовных и служилых людей, и в этих дворах и слободах живут многие торговые и ремесленные люди и крестьяне и торгуют большими торгами и занимаются промыслами, а государевых податей не платят и служб не служат, от чего торговым тяглым людям «въ торгѣхъ и въ промыслѣхъ и въ ихъ многихъ обидахъ чинится смятеніе и межусобіе и ссоры большіе». В пример челобитчики указали на слободу Благовещенского монастыря в Н. Новгороде, в которой за патриархом сверх писцовых книг проживало свыше 600 чел. торговых и ремесленных людей, собравшихся сюда из разных городов «для своего промыслу и легости». Челобитчики просили, чтобы таких слобод в Москве и городах не было бы, и велел бы государь во всех городах, на посадах и около посадов в слободах всяким торговым и промышленным людям быть за собою вел. государем в тягле со всеми ровно, чтобы никто

в избылых не был, и чтобы во всем народе мятежа и ссоры и междоусобия от той розни не было. К этой просьбе несколько позднее земские старосты и посадские люди присоединили новое челобитье, чтобы к посадам были приписаны села и деревни на землях частных землевладельцев, лежащие в ряд с посадами и около посадов (А. Э., т. IV, № 32).

Ответом на эти челобитья и явилась XIX гл. Уложения. В ней прежде всего и решен вопрос относительно слобод и в том смысле, что все слободы на Москве и в городах и около Москвы и городов, принадлежащие духовным учреждениям и частным лицам и построенные на государевой посадской земле, со всеми людьми, кроме кабальных, велено взять на государя. «А впредь опричь государевыхъ слободъ ничьимъ слободамъ на Москвѣ и въ городѣхъ не быти» (ст. ст. 1 и 5). Предписано было отобрать и слободы, построенные на белой купленой и не купленой земле за то: «не строй на государевой землѣ слободъ и не покупай посадской земли» (ст. 7). Далее предписано было взять на государя чьи бы то ни было вотчины и поместья на посадах или около посадов, «а сошлися съ посады дворы съ дворами или близко посадовъ», равно и построенные на этих землях села и деревни, «и устроити ихъ съ посады въ рядъ съ своими государевыми тяглыми людьми всякими податьми и службами» (ст. ст. 8 и 9). Крестьянам и иным людям, кроме стрельцов, казаков и драгун, запрещено было владеть на посадах лавками и промышленными предприятиями, если они не состоят в посадском тягле; имеющиеся у них торговые заведения они должны были продать посадским людям и впредь не приобретать под угрозой конфискации (ст. ст. 9, 11 и 12). Все эти меры резче выделили посад от уезда, так как посадские люди прикреплялись к посадскому тяглу и месту жительства, но за то в их руках сосредоточивалась торговая и промышленная деятельность на посадах. В первые три года по издании Уложения отписано было в посадское тягло из состава слобод и отдельных дворов всего 10.000 дв. с 21.000 населения (Акты Гарелина, № 140).

Литература. В. Сергеевич. Древн. русск. пр., I, 335—358; Вл.-Буданов. Обзор, 130 — 134; Плошинский. Городское или среднее состояние русского народа, 1852; Пригара. Опыт истории состояния городских обывателей в восточной России, 1868; А. Градовский. История местного управления, 1868, стр. 145 — 212 и Собр. соч., т. II, 250 — 314; Н. Д. Чечулин. Города Московского государства в XVI в., 1889; А. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения в Московском государстве, 1890, стр. 112 — 179; А. Г. Ильинский. Городское население Новогородской области в XVI в., Ж. М. Н. Пр., 1876, № 6, и Историч. Обозр., 1897, т. IX; К. Неволин. Общий список русских городов, Собр. соч., т. VI; С. А. Богоявленский. Некоторые статистические данные по истории русского города в XVII в. Древности. Труды археографической комиссии Моск. Археол. Общ., т. I, вып. 3; Н. Павлов-Сильванский. Акты о посадских людях-закладчиках, Лет. зан. Арх. Ком., вып. 22, 1910; Е. Сташевский. Очерки по истории царствования Мих. Фед., passim, Киев, 1913; Н. Шаховская. Сыск посадских тяглецов и закладчиков в первой половине XVII в., Ж. М. Н. Пр., 1914, № 10.

Сельское население.

Сельское население в Московском государстве носит разные названия. Чаще всего оно называлось «крестьяне». Это наименование возникло после татарского завоевания, когда все русское население в отличие от поганых татар именовало себя «христиане». Но очень скоро термин удержался только для обозначения массы сельского населения. Сами крестьяне нередко называли себя, обыкновенно в обращении к вел. князю или государю, «сиротами». Встречается и термин «черные люди». Кроме того отдельные разряды сельского населения назывались «половниками», «серебрениками», «складниками», «бобылями», «соседями», «подсоседниками», «захребетниками», «подворниками» и др. в зависимости от хозяйственного и тяглого их положения.

Выше отмеченный процесс обезземеления мелких собственников смердов привел к тому, что в московское время масса сельского населения не имела собственных участков и проживала на чужой земле в качестве арендаторов. Лишь в северных частях бывших новгородских владений еще и в XVI в. удерживались немногие остатки мелких землевладельцев в лице «земцев» или «своеземцев» (свод мнений о них у М. И. Помяловского. «Очерки из истории Новгорода в первый век московского владычества», Ж. М. Н. Пр., 1904, № 7); но они исчезли, разбившись на два слоя, из которых один слился с мелкими поместными слугами, а другой—с крестьянами. Крестьяне же все оказались съемщиками участков чужой земли, будь то в черных или оброчных волостях, в дворцовых имениях, или в монастырских или частных вотчинах и, наконец, в поместьях. По различию положений и дальнейшей судьбе следует проводить разницу между крестьянами, поселившимися на черной волостной земле с одной стороны, и крестьянами, проживавшими на вотчинных и поместных землях—с другой. Первые назывались государевыми, черными, волостными, тяглыми; вторые—помещиковыми и вотчинниковыми, монастырскими, дворцовыми, короче—владельческими крестьянами. С точки зрения податной или тяглой между этими группами крестьян нельзя провести никакой разницы. Как прежде смерды являлись главными плательщиками дани, так в рассматриваемое время крестьяне составляли главную массу тяглых земледельцев, почему и назывались еще, в зависимости от способов исчисления и раскладки прямых сборов, «численными», «вытными» или «письменными людьми».

По памятникам XIV и XV вв. все эти земледельцы вполне свободные люди, пользующиеся свободой перехода и сначала без всяких ограничений. По междукняжеским договорам обеспечивалась свобода перехода из одного княжения в другое вольных людей или крестьян: «А межъ насъ людемъ и гостемъ путь чистъ безъ рубежа»; или: «А которые люди съ которыхъ мѣстъ вышли добровольно, ино тымъ людемъ вольнымъ воля, гдѣ похо-

тятъ, тутъ живутъ»; или: «А хрестіаномъ межъ насъ волнымъ воля» (А. Э., т. I, № 14; Сб. Муханова, № 7; С. Г. Г., т. I, №№ 95, 127). Только в договорах московских великих князей с удельными стороны обязывались не принимать черных людей: «А которыи слуги потягли къ дворьскому, а черныи люди къ сотникомъ, тыхъ ны въ службу не приимати», но в большинстве грамот этого вида выражения «в службу» опущено (С. Г. Г., т. I, №№ 27, 33, 35, 45, 71, 78, 84). И действительно было бы не понятно, почему черных людей нельзя принимать в службу и возможно было принять в крестьяне. Самая служба в данном случае понимается не в смысле военной службы, а службы под дворским, т.-е. в качестве бортников, садовников, бобровников, псарей и пр., которые за эту службу получали участки земли, как и крестьяне. Обязательство не принимать черных людей объясняется тем, что князья взаимно обязывались «блюсти их с одиного», как и численных людей, т.-е. сообща о них заботиться. Черные люди тянули к сотникам или к становщикам уплатою прямых сборов, в частности татарской дани, а эту дань или татарский выход вел. князь московский уплачивал совместно с удельными князьями по долям. Вот почему эти князья и должны были сообща заботиться о черных и численных людях и не должны были переманивать их один у другого. Таким образом это ограничение нисколько не умаляло свободы перехода черных людей; оно, наоборот, косвенно подтверждает ее существование.

Не только выход крестьян за пределы княжений был невыгоден для княжеских правительств; столь же невыгоден был переход крестьян и в пределах одного княжения с тяглых участков на льготные. Поэтому во многих льготных грамотах на имя духовных и светских землевладельцев встречалось указание, что вотчинники могли призывать поселенцев в свои имения из иных княжений, своих старых жильцов, тех, «кого окупивъ посадятъ», и безвытных людей, и вместе с тем запрещалось принимать «тутошныхъ людей волостныхъ или становыхъ», «моихъ людей вел. князя», «изъ моихъ волостей и изъ моихъ селъ», «изъ нашея вотчины», или еще чаще—«тяглыхъ, писменныхъ и вытныхъ людей» (А. Э., т. I, №№ 4, 17, 18, 20, 21, 31, 34, 36, 39, 41, 43, 44, 46, 53, 102; Р. И. Б., т. II, №№ 12—14, 21—23; А. Ю. Б., I, № 31; Акты Юшкова, №№ 4, 15, 26, 27, 40 и др.). Всегда было много охотников поселиться на льготных условиях; но князья заранее ограждают свои интересы и представляют льготы лишь под условием не принимать их тяглецов. Хотя сохранились льготные грамоты, в которых такого запрещения не содержится, но отсюда нельзя заключать о том, что в таких случаях никаких ограничений в приеме поселенцев и не предъявлялось. Наши древние грамоты писались не всегда с исчерпывающей полнотой, и из умолчания в них делать выводы в ту или другую сторону весьма рискованно; во всяком случае упомянутые льготные гра-

моты не содержат отмены указанного запрещения не принимать тяглых людей. Весьма характерно, однако, то, что запрет относится к землевладельцам, а не к крестьянам. Запретить последним переселения князья не могли и по очень простой причине: от князя, издавшего такой запрет, если не все, то очень многие крестьяне ушли бы в соседние княжения, где переход не встречал никаких стеснений.

От половины XV в. становятся известны и ограничения другого рода, являющиеся, однако, лишь местными и частными. Князья удельные, белозерский и вологодский, и великие московские за время 1450—1471 гг. в грамотах на имя должностных лиц и монастырей отдавали распоряжения о порядке отказа и вывода из монастырей Ферапонтова (вблизи г. Кириллова, Новгородской губернии) и Кириллобелозерского их монастырских половников, серебреников и людей. Из грамот видно, что раньше монастырских крестьян отказывали «межень лѣта и всегды» или «о рождествѣ Христовѣ и о Петровѣ дни». Впредь князья предписывают отказывать только в Юрьев день осенний (26 ноября), а именно «за двѣ недѣли до Юрьева дни и недѣлю по Юрьевѣ дни», или «о Юрьевѣ дни да недѣлю по Юрьевѣ дни»; в остальное же время «отъ Юрьева дни до Юрьева дни», из монастырских деревень серебреников и всех монастырских людей князья пускать не велят. Кроме того в тех же грамотах о серебрениках установлено правило: «который поидетъ о Юрьевѣ дни манастырьскихъ людей, и онъ тогды и денги заплатитъ; или: «а коли серебро заплатитъ, тогды ему и отказъ». В особой грамоте Иван III дал указание местным властям, как им надлежит поступать в спорных случаях при отказе задолжавших крестьян Кириллова монастыря: «которой христіанинъ скажется въ ихъ серебрѣ виноватъ, и вы бы ихъ серебро заплатили манастырьское да ихъ христіанина вывезите вонъ; а кто ся скажетъ манастырю серебромъ не виноватъ, и вы бы по томъ манастырю въ ихъ серебрѣ давали поруку» и затем дело решали судом. В одной из грамот дана и санкция нового правила: «а хто откажетъ до Юрьева дни, или послѣ Юрьева дни, ино тотъ отказъ не въ отказъ» (А. Э., т. I, №№ 48 и 73; Доп. к А. И., т. I, № 198). Итак в шести грамотах, касающихся двух монастырей, установлены два ограничения относительно отказа или перехода монастырских крестьян: 1) переход допускался один раз в году, около Юрьева дня, в течение срока от одной до трех недель; 2) задолжавшие монастырю крестьяне—«серебреники»—должны были при выходе возвратить монастырю серебро, т.-е. уплатить числившийся за ними долг. Не подлежит сомнению, что подобные же грамоты давались и другим монастырям и, быть может, волостям и светским землевладельцам. Вероятно большая часть из них погибла. Не сохранилась такая грамота даже у Троицкого Сергиева монастыря, хотя несомненно была выдана. Только потому монастырь и мог жаловаться в 1466—1478 г. вел. князю на своих крестьян, ко-

торые вышли из их Шухобальских сел «сей зимы о Сборѣ» (т.-е. в начале вел. поста). И вел. князь дал им пристава, который должен был разыскать вышедших крестьян и вывести обратно в Шухобальские села «да посадити ихъ по старымъ мѣстомъ, гдѣ кто жилъ, до Юрьева дни до осеннего» (А. Э., т. I, № 83). Эта же грамота указывает, как надлежит толковать санкцию— «тотъ отказъ не въ отказъ»—т.-е. как поступали с крестьянами, нарушившими правило о сроке перехода.

Но на указанных ограничениях дело не остановилось. От 1455—1462 гг. сохранились две грамоты московского вел. князя Троицкому Сергиеву монастырю, по которым крестьяне некоторых монастырских сел совершенно лишены права выхода. В одной из них, вслед за обычным пожалованием не ездить никому незванным на пиры в село Присеки с деревнями Бежецкого Верха, имеется неожиданно еще другое пожалование: «которого ихъ хрестьянина изъ того села и изъ деревень кто къ собѣ откажотъ, а ихъ старожилца, и язъ князь велики тѣхъ хрестьянъ изъ Присѣкъ и изъ деревень не велѣлъ выпущати ни къ кому». В другой грамоте указано, что из Угличских монастырских сел вышли люди, «не хотя ѣхати на мою службу вел. князя къ берегу»; князь велел «тѣ люди вывести опять назадь; а которые люди живутъ въ ихъ селехъ нынѣча, и тѣхъ людей не велѣлъ пущати прочь» (А. И., т. I, № 59; А. Э., т. I, № 64; А. Ю. Б., I, № 37). В первом случае запрещен выход старожильцам, во втором—вообще монастырским людям. Мотивы этих мер не указаны.

В виде общей меры ограничение крестьянского перехода установлено в Судебниках 1-м и 2-м. Там сказано: «А христіаномъ отказыватися изъ волости (во 2-м добавлено: «в волость»), изъ села въ село, одинъ срокъ въ году: за недѣлю до Юрьева дня осеннего и недѣля послѣ Юрьева дня осеннего» (ст. ст. 57 и 88). Так обобщено правило о сроке перехода. Кроме того в Судебниках установлена с уходящих крестьян плата пожилого за дворы: «Дворы пожилые платятъ въ полѣхъ за дворъ рубль (во 2-м добавлено: «да два алтына»), а въ лѣсѣхъ полтина» (во 2-м добавлено: «да два алтына»). Во 2-м Судебнике пояснено, что лесистою местностью признается та, «гдѣ десять верстъ до хоромного лѣсу». Указанная сумма пожилого за дворы установлена за четыре года пользования двором: «А который христіанинъ поживетъ за кѣмъ годъ да пойдетъ прочь, и онъ платитъ четверть двора; а два года поживетъ да пойдетъ прочь, и онъ полдвора платитъ; а три года поживетъ, а пойдетъ прочь, и онъ платитъ три четверти двора; а четыре годы поживетъ, и онъ весь дворъ платитъ». Пожилое взималось, конечно, в тех случаях, когда крестьянин поселялся в готовом дворе. Но любопытно, что наемная годовая плата за двор определена в четверть стоимости двора, чего нельзя не признать чрезмерно высоким. В Судебнике 2-м прибавлено разъяснение, вызванное вероятно возникавшими на практике спорами о порядке уплаты пожилого: «А пожилое имати съ

воротъ», т.-е. одно пожилое со всех жилых зданий за одною оградою с одними воротами.

Кроме этих общих постановлений обоих Судебников во 2-м имеются еще дополнительные правила касательно крестьянского перехода. Сверх пожилого при отказе крестьянина разрешено с него «за повозъ имати съ двора по два алтына». Повоз, это—натуральная повинность, известная еще Псковской грамоте, по которой «старые изорники возы везутъ на государя». В половине XVI в. из сел и деревень Троицкого Сергиева монастыря «въ монастырь ѣздятъ съ повозомъ съ монастырскимъ хлѣбомъ, и съ солью, и съ рыбою, и съ масломъ, и съ сѣномъ, и съ хоромнымъ лѣсомъ, и съ дровы, и со всякимъ запасомъ». Размеры этого повоза нередко определены: по уставной Соловецкой грамоте крестьяне должны были «повозъ везти къ Вологдѣ съ выти по лошади» (А. Э., т. I, №№ 203 и 258). В случае отказа крестьян в конце ноября, они могли еще и не приняться за выполнение повозной повинности, которая отбывалась главным образом зимой. За эту невыполненную повинность Судебник 2-й и обложил их при отказе платою в 2 алтына. Переложение же натуральной повинности (повоза) на деньги известно по памятникам с конца XV в. Но установив эту новую плату за повоз сверх пожилого, Судебник 2-й прибавляет: «а опричь того на немъ пошлинъ нѣтъ». Эта последняя прибавка вызвана, конечно, злоупотреблениями практики: землевладельцы, не желая выпускать из-за себя крестьян, требовали вероятно с них разные произвольные сборы. Подобные злоупотребления известны, по крайней мере, и после Судебника 2-го: волости и монастыри жаловались на помещиков и вотчинников, что они не позволяли отказывать из-за них крестьян и «пожилое на нихъ емлютъ не по Судебнику, рублевъ по 5 и 10»; или: «емлютъ за дворы пожилого да полувытнаго по 5 рублевъ» (Доп. к А. И., т. I, № 56; А. И., т. I, № 191).

Наконец Судебник 2-й предусматривает и еще одно последствие крестьянского отказа: если у ушедшего крестьянина останется на участке озимый посев («хлеб в земли»), то он с того хлеба должен был уплатить землевладельцу «боранъ два алтына. А по кои мѣста была рожь его въ земли, и онъ подать цареву и вел. князя платитъ со ржи; а боярского ему дѣла, за кѣмъ жилъ, не дѣлати».

Никаких других ограничений при выходе крестьян в Судебниках не указано. В них обойдены молчанием и известные ранее ограничительные меры, напр., обязательство уплатить серебро при выходе крестьян-серебреников, не говоря уже о полном запрещении выхода. Но эти ограничения и не отменены, а потому заключать, что все они с изданием Судебников отпали, было бы неправильно. Старые ограничения могли остаться и к ним могли прибавиться и новые, хотя бы они и имели значение лишь местных и частных мер. Что из умолчаний Судебников опасно делать какие-либо заключения, можно видеть на примере постано-

влений их «о христианском отказе». Эти постановления не имеют никакой санкции, и по ним нельзя судить о тех последствиях, какие наступали при выходе или вывозе крестьян не в срок, без отказа и без уплаты установленных пошлин. Некоторые исследователи сделали отсюда вывод, что крестьян, вышедших не в срок, нельзя было возвращать назад, а к ним можно было предъявлять только иски об убытках. Иски о возвращении крестьян, ушедших с нарушением правил перехода, не могли быть, по их мнению, допущены 1) потому, что тогда пришлось бы крестьян сравнять с холопами или считать их прикрепленными к земле, чего тогда еще не было, и 2) потому, что до постановления приговора по такому иску мог наступить Юрьев день, когда крестьянин по праву мог воспользоваться правом перехода (Костомаров в Арх. ист. и практ. свед., 1859, кн. 3, стр. 70—71; проф. Сергеевич. Юр. др., т. I, изд. 1-е, 240—242). Но это мнение не может быть принято, т. к. известны отдельные случаи возвращения крестьян, вышедших не в срок и без отказа, на прежние места жительства. Так, помещики Вотцкой пятины Шубины били челом государю на помещиков Собакиных детей Скобельцына, что «вывезли изъ за нихъ за себя силно, не по сроку, безъ отказу и безпошлинно, крестьянку ихъ съ дѣтми, и та (крестьянка) дворъ свой и сожгла: и они того на нихъ искали, и тѣмъ было Собакинымъ ту ихъ крестьянку со крестьяниномъ и съ дѣтми привезти за нихъ, и дворъ было имъ той крестьянкѣ поставити, и самимъ было имъ къ нимъ прiѣхавъ за то насилство добивати челомъ и выдаватися головою». Правда Собакины всего этого не исполнили, но челобитчики сослались в подтверждение своих слов на записи, хранящиеся «за третьими» (судьями). В другом случае помещики той же Вотцкой пятины жаловались на других, что они «ихъ крестьянецъ отъ нихъ розвезли не по сроку и безъ отказу и безпошлинно». Государь предписал новгородским дьякам «тѣхъ крестьянъ подавати на поруки и велѣти имъ (за прежними помещиками) жити по нашему уложенью, по судебнику, до сроку, и на помѣщика дѣла дѣлати и доходъ давати». Любопытно, что крестьяне вывезены летом 1555 г., а грамота о возвращении их помечена 17 дек. того же года, т.-е. по прошествии Юрьева дня, и не могла быть исполнена иначе, как водворением крестьян на прежние места жительства до ближайшего Юрьева дня следующего года (Доп. к А. И., т. I, № 51, V и XVIII). В обоих приведенных примерах дела о возвращении вышедших не в срок крестьян возникают по почину заинтересованных. Но такие же меры принимались и по распоряжению правительства. Так, в грамоте 1559 г. белозерским властям сказано: «которые крестьяне въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ выходили изъ нашихъ изъ черныхъ волостей въ Кирилова монастыря села и деревни, и за князей и за дѣтей боярскихъ не въ срокъ безъ отказу, и вы де, по нашему наказу, тѣхъ крестьянъ изъ Кирилова монастыря селъ и деревень, изъ-за князей и изъ-за дѣтей боярскихъ выводите назадъ въ наши въ

черные волости, на тѣ же мѣста, гдѣ которой жилъ напередъ сего» (Р. И. Б., т. II, № 36). Известны даже случаи, когда крестьян, вышедших в срок, но не уплативших пошлин, так как некому их было отдать за отсутствием помещика и его приказчика, вывозили по сыску в старые деревни (Самоквасов. «Арх. матер.», II, 48—59).

Итак отсутствие санкции к статьям «о христианском отказе» вовсе не означает, что нельзя было принудительно возвратить обратно крестьян, покинувших свои участки с нарушением правил о выходе. Но могли быть случаи, когда иные землевладельцы не пользовались этим правом и не предъявляли соответственных исков по соображениям целесообразности. Наши древние суды не отличались доступностью, скоростью и дешевизной, а потому заинтересованные нередко предпочитали кончать дела миром, без судебного разбирательства. Но это было делом практической политики, а не права.

Правила Судебников о крестьянском переходе сохраняли свою силу до самого конца XVI в. В конце 70—80-х гг. и в начале 90-х о них вспоминают правительственные документы, монастырские и частные акты. Так, в грамоте 1577 г. предписано о спорных крестьянах произвести сыск, «сколко давно они вышли, о срокѣ ли о Юрьевѣ дни и съ отказомъ, или не о срокѣ, безъ отказу и безпошлинно». В грамоте 1580 г. дворцовому приказчику стоит предписание: «а вперед бы есте из за монастырьской вотчины (Покровского Суздальского монастыря) крестьянъ не возили не по сроку, и без атказу, и безпошлинна, и не по их хотѣню». В частной повидимому переработке Судебника 1589 г. правило об отказе крестьян за неделю до Егорьева дня и неделю спустя воспроизведено лишь с дефектами относительно платы пожилого (ст. 178). В уставной грамоте 1590 г. Новинского монастыря предусмотрено: «а которой крестьянинъ выйдетъ за волость по сроку съ отказомъ, и та выть пахати того села крестьяномъ, а тягль царя и вел. князя и монастырскіе подати давати всякіе и дѣло дѣлати». Наконец в 1592 г. власти Никольского Корельского монастыря жаловались на двух своих выбежавших не в срок крестьян и про одного сказали, что он выбежал «безъ отказу, безпошлинно», а про другого, что он выбежал, «а пошлинъ монастырскихъ на нынѣшній годъ не платилъ никакихъ». По этому поводу предписано произвести сыск о том, живали ли указанные крестьяне за монастырем «и въ нынѣшнемъ году изъ за Николского монастыря безъ отпуску выбѣжали ли» (Акты тягл. нас., в. 2, № 27; Акты Уварова, № 53; Суд. царя Фед. Иоанн., 1589 г., стр. 46; Временн. Общ. ист. и древн., кн. 2, смесь, стр. 19; Р. И. Б., т. XIV, 136—137). В последнем случае «выйти без отказа» и «выйти без отпуска» оказалось уже синонимами.

За рассматриваемый период времени, с 1550 по 1592 г., не было издано никаких общих указов о крестьянах; по крайней

мере, такие до сих пор неизвестны. Однако частные и местные меры для упорядочения крестьянских переходов несомненно предпринимались. Среди новых актов, изданных Д. Я. Самоквасовым, обращают на себя особое внимание обыски о крестьянах, вышедших или вывезенных в «заповѣдные годы» или «лѣта». Все они относятся к разным погостам Деревской пятины и помечены 1585, 1588 и 1589 гг. (Арх. мат., т. II, №№ 16—20 и 54). Ранее были изданы только три документа, упоминающих о заповедных летах, и при том два из них, обратившие на себя внимание, говорили о запрещении вывоза в заповедные лета или о возвращении назад разошедшихся; третий же документ совсем ускользнул от внимания исследователей; все они точно датированы 1590—1591, 1592 и 1608 гг. (Р. И. Б., XIV, NLXXII, 1894; И. Побойнин. «Торопецкая старина», 1902, стр. 353—359; Г. З. Кунцевич. «Грамоты Казанского Зилантова монастыря», Каз., 1901, 14—19). В новых актах речь идет о том, что из-за разных помещиков вышли или разбежались, или же вывезены сильно крестьяне такие-то в заповедные годы или лета, каковыми названы 7090—7095 годы. Из этого надо заключить, что выход или вывоз крестьян в эти годы запрещен.

Что же значит «заповѣдныя лѣта»? «Заповѣдь» есть правило или запрещение, исходящее от установленной власти; «заповѣдью» называется и наказание за нарушение установленного запрета; «заповѣдати, заповѣсть» значило еще объявить ко всеобщему сведению, напр., «заповѣсть на торгу»; «заповѣдной» значит запрещенный, напр., «заповѣдное хмельное питье», «заповѣдной товар», «заповѣдной лѣс», обозначают питье и товар, запрещенные к продаже, лес, запрещенный к рубке или к въезду в него. И «заповѣдные годы» в одном ответе обыскных людей названы «государевыми заповѣдными годами» в том, конечно, значении, что заповедь о годах исходит от государя. Но что значит «заповѣдать годы», объявить их заповедными? На основании тождественного свидетельства всех указанных документов, кажется, трудно сомневаться в том, что применительно к крестьянам заповедные годы имеют лишь один смысл: в эти годы запрещен выход и вывоз крестьян.

Всех ли крестьян касается эта заповедь или только каких-либо отдельных разрядов среди них? В вопросах, обращенных к обыскным людям, речь идет о крестьянах, вышедших или вывезенных без каких-либо дальнейших определений. Но в ответах обыскных людей имеются указания, что крестьяне вышли в заповедные годы «съ тяглыхъ деревень», или что крестьяне вышли в государевы заповедные годы «съ тяглые пашни, а у тѣхъ дѣтей боярскихъ живутъ на пустыхъ деревняхъ, а не на тяглыхъ земляхъ»; в одном случае заинтересованный челобитчик обращает внимание на то, что вывезенные из-за него крестьяне на новом месте жительства «въ писцовыхъ книгахъ не написаны» и «живутъ не на тяглой землѣ, въ захребетникахъ». Такие указания

наводят на мысль, что правила о заповедных годах касались тяглых крестьян. В других же актах подобные намеки отсутствуют.

Если в заповедные годы запрещен выход всем крестьянам или всем тяглым крестьянам, то правило Судебников об отказе в Юрьев день очевидно прекращало свое действие. В одном и том же месте одновременное действие правил о переходе в Юрьев день и о заповедных летах нельзя допустить; они взаимно друг друга исключают. Последнее не могло появиться раньше, чем переход в Юрьев день стал общим законом. По всем данным оно могло появиться лишь после Судебника 1550 г. Но был ли указ о «заповѣдныхъ лѣтахъ» в свою очередь общим законом? Утвердительно ответил на этот вопрос Самоквасов. По его мнению, после 1582 г. «не упоминается о Юрьевском сроке выхода и вывоза и о платеже отказа, выхода и пошлин за крестьянский выход и вывоз. С 1582 г. все вышедшие и вывезенные крестьяне поместных и вотчинных владений именуются беглыми». При таком толковании перед нами получается законодательная отмена Юрьева дня. Но такой вывод не может быть принят, так как он стоит в прямом противоречии с только что приведенными свидетельствами памятников о продолжающемся действии правил Судебника 2-го о крестьянском переходе в Юрьев день до самого конца XVI века. Последний из приведенных документов заслуживает особого внимания. Власти Никольского Корельского монастыря жаловались, что один их крестьянин выбежал в Филиппов пост, о Николине дни «безъ отказу, безпошлинно»; другой выбежал в великий пост, о зборном воскресенье, а пошлин не платил никаких. Власти приводят и другие основания в подтверждение своих прав на выбежавших крестьян, но ссылаются и на нарушение ими правил о крестьянском переходе: они вышли не в установленный срок, без отказа и не уплатив пошлин. Если власти ссылаются на нарушение крестьянами правил о переходе, значит в их глазах эти правила продолжают сохранять силу и в 1592 г. В грамоте предписано произвести сыск и проверить жалобу монастыря и в заключение указано: «Да и впередъ бы есте из Николскіе вотчины крестьянъ въ заповѣдные лѣта до нашего указу въ наши въ черные деревни не во(ло)зили, тѣмъ их Николскіе вотчины не пустошили». По этому указу распространено действие правила о заповедных летах на вотчину Корельского монастыря, в которой до этого указу сохраняло силу правило Судебника о крестьянском переходе. Здесь перед нами наглядное свидетельство частного или местного применения правила о заповедных летах. Значит, это правило не было общим законом, если для применения его требуется особое распоряжение: общим законом остается правило Судебника о Юрьеве дне и в 1592 г. Правило о заповедных летах отменяет действие этого общего закона для отдельных лиц по особым пожалованиям и для отдельных местностей особыми распоряжениями.

Под влиянием каких условий могли появиться такие изъятия из общего правила о переходе крестьян в Юрьев день? В памятниках нет ответа на этот вопрос. Приходится ограничиваться догадками. Отчасти ответ подсказывается словами только что приведенной грамоты: в ней предписано крестьян из-за монастыря не вывозить, чтобы не пустошить монастырской вотчины. Интересы землевладельцев, стремившихся уберечь свои вотчины и поместья от грозящего запустения, и могли вызвать к жизни, на-ряду с различными льготами, срочную заповедь о невыходе крестьян. Послужили ли ближайшим к тому поводом вражеские вторжения или внутренние бедствия от мора, голода, тяжелого письма или опустошительных походов государевой опричины; не испугала ли землевладельцев грозная волна массовых выселений, или взятые в опричину новые государевы любимцы выхлопотали для себя такую льготу из боязни, что крестьяне из-за них уйдут к старым владельцам? Нельзя ответить определенно на эти вопросы. Можно только указать, что как некогда по челобитьям заинтересованных вотчинников вводился частными мерами Юрьев день, так и теперь в интересах господ землевладельцев по их ходатайствам и теми же частными мерами стали вводиться заповедные лета.

Самое правило о заповедных летах намечается прежде всего из той же царской грамоты 1592 г. В ней имеется предписание — вперед из монастырской вотчины крестьян в заповедные годы не возить до государева указа. Такое чисто формальное указание можно дополнить двумя позднейшими указаниями без риска впасть в хронологическую ошибку. В двух наказах от двух властей, мнящих себя правомерною верховною властью Московского государства, даны почти одновременно и почти тождественные предписания о крестьянском переходе. В 1610 г. «государь царь и вел. кн. Владислав Жидимонтович всеа Русіи», назначив С. А. Левшина приказным на Чухлому, приказал ему на посаде и в черных волостях крестьян ведать и беречь «и крестьян из-за государя никуды не выпускать, а за государя крестьянъ ни из заколь (sic: вместо из-за кого) не вывозить до государева указу». Бояре и воеводы Новгородского государства, Яков Пунтосовичь Делегард и кн. И. Н. Большой Одоевской, от имени государя Густава Адольфа в 1612 г. дали указ Нехорошему Вельяшеву для управления дворцовыми волостями в Обонежской пятине и в наказе специально предписали: «а старыхъ крестьянъ изъ тѣхъ погостовъ никуды не выпущати и возити ихъ из-за государя никому не давати, а за государя въ тѣ погосты крестьянъ до государеву указу ни из-за кого не возити жъ, опроче волныхъ людей» (Вивл., т. XI, 368—369; Доп. к А. И., № 167, стр. 296). Хотя эти распоряжения исходят не от настоящего московского правительства, но московский характер правил запрета не подлежит сомнению; иначе бы они не оказались столь близкими. В обоих правилах нет только ссылки на заповедные годы, но

срочность запрета остается в полной силе, так как запрет сохраняет силу до государева указа. Содержание срочной заповеди здесь, по сравнению с грамотой 1592 г., расширено: не только нельзя из-за кого-либо вывозить крестьян за государя, но нельзя также никуда выпускать крестьян из-за государя. Во втором наказе поставлено и ограничение запрета: он не касается вольных людей. Значит можно было принимать и выпускать от отцов детей, от братьи братью, от дядь племянников, подсуседников и захребетников, т.-е. несамостоятельных членов семьи. Это ограничение запрета стоит в полном соответствии и с показаниями обыскных людей, что такие-то крестьяне вышли в заповедные годы «съ тяглые пашни» или «съ тяглыхъ деревень». Значит только выход тяглых крестьян был запрещен в заповедные лета; вольные люди под действие этого правила не подходили.

Запрещение выхода в заповедные годы до государева указа по логическому смыслу является запретом временным, срочною заповедью. Выяснить более определенно длительность такого срока не представляется возможным за отсутствием каких-либо данных. Весьма вероятно, что предписание о сроке и не определялось точнее и выражалось лишь общей формулой: «до государева указа». Для устранения возможных относительно срочности запрета недоразумений достаточно привести следующее свидетельство памятников. Давно и хорошо известна грамота 4 августа 1574 г. казанскому воеводе по поводу разных ходатайств Зилантова монастыря. Монастырские власти жаловались между прочим на то, что «которыхъ крестьянъ они на пусто назовутъ изъ за князей и изъ за дѣтей боярскихъ, и князи и дѣти боярскіе на крестьянахъ которые изъ за нихъ пойдутъ, емлютъ за дворы пожилого да полувытного по пяти рублевъ». На эту жалобу государь ответил предписанием воеводе: «А коли лучится за монастырь крестьянину поити изъ за кого-нибуди, и вы бъ съ тѣхъ крестьянъ пошлинъ и пожилого велѣли имать съ воротъ со крестьянина по полтинѣ да по два алтына, по Судебнику, какъ и въ лѣсныхъ мѣстѣхъ; а мимо бъ уложенья, какъ по сроку за монастырь крестьянинъ пойдетъ, пошлинъ и пожилого не имали». Жалоба и ответ на нее всецело исходят из правил Судебника о переходе крестьян в Юрьев день. Гораздо менее известен, повидимому, другой документ. Зилантов монастырь хлопотал перед царем Шуйским о подтверждении за ним разных пожалований прежних государей и 28 апр. 1608 г. получил сводную жалованную грамоту, в которой приведена и только что указанная выдержка из грамоты 1574 г., но с чрезвычайно любопытной оговоркой: «Да у них же в грамотѣ, за приписью дьяка Ондрея Щелкалова 82-го году написано: которому крестьянину лучитца поити за монастырь из за кого нибуди в выходъ в незаповѣдные лѣта, и с тѣхъ крестьян пошлин и пожилого имати с ворот с крестьянина по полтинѣ да по два алтына по судебнику, какъ і в волосных (вм. лесных) мѣстах; а мимо уложенья какъ по сроку за монастырь крестьянинъ

пойдетъ, пошлинъ (и) пожилого не імати». Правительство Шуйского не решилось признать действие правил Судебника о крестьянском переходе в установленный срок без всяких ограничений; оно допустило их действие только «въ выходъ», когда лета не заповедны. Значит само правительство признало, что для Зилантова монастыря одни годы могли быть заповедными, другие же незаповедными, когда возможен выход по правилу Судебника. Если же заповедные годы сменяются незаповедными и обратно, то очевидна их срочность. Тот же вывод подтверждает и другой только что изданный документ, из которого видно, что арзамасский воевода получил в ноябре 1596 г. государеву грамоту, в которой сообщено о челобитье сына боярского Миленина по следующему поводу: «въ прошломъ де во 104-мъ году присланъ въ Арзамасъ П. Нефимовъ, а велено ему сыскивати государевыхъ арзамаских дворцовыхъ селъ бѣглыхъ крестьянъ и вывозить въ государевы дворцовые села. И П. Нефимовъ вывезъ из-за отца его крестьянина Петрушку Толстова (съ дву) ма пасынки... де крестьянинъ Петрушка жилъ за отцомъ его (двад) цеть одинъ годъ въ деревне въ Никушахъ жилъ д(есять?) лѣтъ да въ деревне въ Пойской жилъ од(инадцать) лѣтъ, а пришелъ де тотъ крестьянинъ за отца его жить въ выходные лѣ(та)». Воеводе предписано обо всем этом произвести обыск (Арз. А., № 112). Правительство само не знает, были ли в указанное челобитчиком время в Арзамасском уезде выходные или заповедные годы и потому предписало произвести обыск; значит одни годы сменяются другими.

Из только что приведенного документа вскрывается и еще одна подробность правила о заповедных летах. Тот же челобитчик Миленин жалуется еще на то, что свозчик беглых крестьян П. Нефимов «правитъ за того крестьянина на немъ на прошлые годы на де(сять) лѣтъ денежныхъ доходовъ и посоп(наго) хлѣба» По этому поводу воевода распорядился также произвести расследование, «по сыску ли свощикъ за того крестьянина на челобитчикѣ правитъ на 10 лѣтъ денежные доходы и посопной хлѣбъ или безъ сыску самовольствомъ». Отсюда вытекает, что за принятых в заповедные годы крестьян установлено взыскание с принявших их за все время укрывательства беглецов денежных и натуральных сборов в пользу прежних землевладельцев. В 1597 г. 24 ноября издан весьма важный указ о крестьянах, значение которого и до сих пор толкуется различно. В нем читаем: «Которые крестьяне изъ за бояръ, и изъ за дворянъ и изъ за приказныхъ людей, и изъ за дѣтей боярскихъ, и изъ за всякихъ людей, изъ помѣстей и изъ вотчинъ, и изъ патріарховыхъ, и изъ митрополичьихъ, и изъ владычнихъ, и изъ монастырьскихъ вотчинъ, выбѣжали до нынѣшняго 106 году за 5 лѣтъ, и на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ, и на тѣхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, за кѣмъ они выбѣжавъ живутъ, тѣмъ помѣщикомъ, изъ за кого они выбѣжали, и патріаршьимъ и митрополичьимъ

и владычнимъ дѣтемъ боярскимъ и монастырскихъ селъ прикащикомъ и служкомъ давати судъ и сыскивати накрѣпко всякими сыски, и по суду и по сыску тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ съ женами и съ дѣтми и со всѣми животы возити назадъ, гдѣ кто жилъ». Эта первая и главнейшая часть указа прежде всего обратила на себя внимание историков, и старейшие из них (Татищев, Карамзин) истолковали ее в том смысле, что за 5 лет до 1597 г., т.-е. в 1592 г., издан был указ, отменивший правило Судебников о свободе перехода в Юрьев день, и крестьяне были прикреплены к земле. Но вторая часть указа 1597 г. исключает возможность такого толкования. Там сказано: «А которые крестьяне выбѣжали до нынѣшняго 106 году лѣтъ за 6, и за 7, и за 10 и болши, а тѣ помѣщики и вотчинники, изъ за кого они выбѣжали, и патріаршьи, и митрополичьи и владычни дѣти боярскіе и монастырьскихъ вотчинъ приказщики и служки, на тѣхъ своихъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ, и на тѣхъ помѣщиковъ и на вотчинниковъ, за кѣмъ они, изъ за нихъ выбѣжавъ, живутъ, до нынѣшняго 106 году, лѣтъ за 6 и за 7 и за 10 и болши, государю царю и вел. князю Ѳедору Ивановичю всеа Русіи не бивали челомъ: и государь ц. и в. кн. Ѳедоръ Ивановичю всеа Русіи указалъ и по государеву цареву и в. кн. Ѳедора Ивановича всеа Русіи указу бояре приговорили: на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ и на тѣхъ помѣщиковъ и на вотчинниковъ, за кѣмъ они выбѣжавъ живутъ, суда не давати и назадъ ихъ, гдѣ кто жилъ, не вывозити» (Вл.-Буданов. «Хрестоматия», III, изд. 3-е, стр. 94—96). Впервые Погодин обратил внимание на то, что здесь речь идет о беглых крестьянах, которые бежали в 1591—1587 гг. и еще прежде. Однако и после этого указания Костомаров, Беляев и Чичерин продолжали говорить о последовавшем прикреплении крестьян в 1592 или 1590 гг., при чем последний добавил оговорку, что помещики и раньше бивали челом о возвращении вышедших из-за них крестьян, но не ранее 1584 г. В последнее время проф. Сергеевич защищает положение, что указ об общем прикреплении крестьян надо относить к первому или второму году царствования Федора Ивановича (1584—1585). Все упомянутые авторы, за исключением Погодина, не сомневались в том, что издан был указ об отмене Юрьева дня и о прикреплении крестьян, но он до нас не сохранился. По их мнению, только с изданием такого указа могло появиться понятие о беглом крестьянине, когда с отменою Юрьева дня право перехода крестьян уничтожено, и все вышедшие крестьяне считались с этого времени беглыми. Первый Погодин в 1858 г. высказал мнение, что такого указа никогда не было издано. Что указ мог бы до нас не сохраниться, если бы был издан, это еще можно легко объяснить. Но что он мог исчезнуть бесследно, не будучи ни разу упомянут в последующих указах или официальных актах, этого невозможно допустить. Правда в указе 1607 г. содержится прямое упоминание о запрещении

выхода крестьянам при царе Федоре Ивановиче (во введении к указу сказано, что царь с освященным собором и с своим синклитом слушал доклад Поместной избы, «что переходомъ крестьянъ причинилися великія кромолы, ябеды и насилія немощнымъ отъ сильныхъ, чего де при ц. Іоаннѣ Васильевичѣ не было, п. ч. крестьяне выходъ имѣли вольный; а ц. Ѳедоръ Іоанновичъ, по наговору Бориса Годунова, не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ, выходъ крестьяномъ заказалъ, и у кого колико тогда крестьянъ было, книги учинилъ, и послѣ отъ того началися многія вражды, крамолы и тяжи. Царь Борисъ Ѳеодоровичь, видя въ народѣ волненіе веліе, тѣ книги отставилъ и переходъ крестьяномъ далъ, да не совсѣмъ, что судьи не знали, какъ по тому суды вершити» и пр.); но подлинность этого указа заподозрена еще Карамзиным, и Погодин доказывал его подложность, по крайней мере введения к указу. Проще предположение проф. Ключевского, что Татищев, издавший указ 1607 г., не хотел переписывать длинных выдержек доклада и изложил его своими словами и с собственными пояснениями, основанными на неверной догадке, будто за 5 лет до указа 1597 г., по внушению Бориса Годунова, издан был закон, прикрепивший крестьян к земле. Таким образом слова доклада: «ц. Ѳедоръ... выходъ крестьянамъ заказалъ» принадлежат не подлинному документу, а составляют неудачное ученое толкование издателя. При таких условиях мнение Погодина получает с формальной стороны твердую опору.

Но если указа об отмене Юрьева дня не было издано, то как мог появиться указ 1597 г.? О каких беглых крестьянах он говорит? Вопреки мнению, что помимо законодательной отмены Юрьева дня не могло бы и явиться понятие беглого крестьянина, наши памятники упоминают о выбежавших или сбежавших крестьянах за несколько лет ранее самого раннего предположенного срока, когда мог появиться указ об отмене Юрьева дня. Так, в судном деле 1554—1557 гг. Ворбозомской волости с Троицким монастырем монастырский старец сказал о крестьянине Якуне, что он «жилъ въ томъ починкѣ въ монастырьскомъ въ Судцкомъ 11 лѣтъ, да изъ за монастыря ис того починка выбѣжалъ вонъ безъ отказу и безпошлинно въ Петрово говѣйно». Якуня возражал, что он из починка не бегивал, а выметал его игумен; он отрицает факт, но хорошо знает, что значит выбежать. В обыскной книге Корельского присуда 1571 г. перечислено несколько крестьян, которые «збѣжали безвѣстно» или «розбѣжались», оставив впусте свои участки. В Московской десятне 1578 г. отмечено о сыне боярском К. Шипилове, что он отослан «з Дворца сыскивать и вывозити за государя бѣглыхъ крестьянъ въ дворцовые села». В Тверской писцовой книге 1580 г. дворцовых земель Симеона Бекбулатовича указано 305 случаев крестьянского ухода; из них в 53 крестьяне «вышли», надо думать, с соблюдением правил перехода, так как иногда по-

яснено, что «вышли по сроку, пошлины платили», или «вышелъ по отказу, пошлины платилъ»; в 188 случаях крестьяне «вывезены» без обозначения в большинстве случаев подробностей вывоза, иногда с указанием «без отказу и беспошлинно» или «без отказу», «из пошлин», но сроком вывоза обозначены чаще всего великий пост и великий мясоед; в 11 случаях показано, что крестьяне «сошли безвѣстно»; в 32—«выбѣжали», в 16—«сбѣжали безвѣстно» (Акты Фед.-Чех., т. I, 126—127; Д. Я. Самоквасов. «Архивный материал», т. II, № 28; Е. Сташевский. «Десятни Московского уезда», Чтения, 1911, кн. 1, стр. 13; И. И. Лаппо. «Тверской уезд в XVI в.», 44—48). Несомненно, что те, которые «сбѣжали», «выбѣжали» или «розбѣжались», и считались «беглыми». Это были те крестьяне, которые ушли не в срок, без отказа и беспошлинно, т.-е. с нарушением правил Судебников. В таком смысле понимал термин «беглый» еще Сперанский и соответственно толковал указ 1597 г. «Истинный смысл сего указа,—утверждал Сперанский,—состоял в том, чтоб возвратить беглых, т.-е. тех, кои оставили прежнее их жительство или не в положенный срок или не разделавшись с владельцами земли установленным в Судебнике порядком. Сие явствует из следующего соображения. По Судебнику крестьянин мог оставить помещика, заплатив ему пожилые деньги, возвратив скот, хлеб и другие вещи, у него занятые, и удовлетворив его деньгами, взятыми на расплату с прежним помещиком и для нового хозяйственного обзаведения. Кто не исполнив сих обязанностей уходил с поместья, тот считался беглым и подлежал возврату на прежнее жилище. Иски о сем возврате были бессрочные или сорокалетние. Легко себе представить, сколь они были многочисленны и сколь разбор их был многосложен и затруднителен. Дабы положить предел сим беспорядкам и уменьшить количество дел сего рода, указ 1597 г. отсек и прекратил все иски, возникшие за пять лет перед тем, и дал ход тем только из них, кои были не старее сего срока. К постановлению сего срока принято было то основанием, что в 1593 г. учреждены были переписные книги (Арх. истор. и практ. свед., 1859, кн. 2, стр. 35). Эта статья Сперанского, написанная гораздо раньше, появилась в печати после статьи Погодина; последний винил в развитии крепостного права «обстоятельства», не определяя их ближе, а Сперанский уже отметил в качестве главной причины крестьянскую задолженность (там же, стр. 50—51). Не подлежит сомнению, что беглыми считались и те крестьяне и посадские жильцы, которые ушли самовольно из данного имения или местности после распространения на них заповеди о невыходе: ушедшие или вывезенные в «заповѣдныя лѣта» тяглые люди также считались беглыми и подлежали возврату на прежние места жительства или за прежних владельцев с уплатою в их пользу денежных и натуральных доходов, взысканных с тех, кто вывез или приютил беглецов.

Для выяснения той почвы, которая подготовила появление указа 1597 г., необходимо ближе познакомиться с условиями крестьянской аренды. Поселяясь на участках земли, крестьяне заключали с землевладельцами договоры, «ряды» или «поряды», сначала устные, потом письменные: в последнем случае они обычно назывались «порядными записями или грамотами». Самая ранняя из сохранившихся порядных относится к 1544 г. Порядные иногда заменялись «поручными записями», особенно в тех случаях, когда дело шло о поселении на участках черной волостной земли. Сущность крестьянского поряда состояла в том, что порядчик нанимал хозяйственный (преимущественно пашенный) участок и за то принимал на себя ряд обязательств в отношении хозяина или волости. В порядных прежде всего определялось, в чьем имении или в какой волости и на каком именно участке поселялся порядчик. Обычно это выражалось в такой форме, что такой-то или такие-то порядились жить «за монастырем», «за церковью», или «к такому-то», в такую-то деревню, при чем размеры участка определялись в обжах («на обжю», «полобжи», «штину обжи», «полосмину обжи»), вытях («полвыти», «четверть выти» и пр.) или плугах («на плугъ», «полплуга»). Нередко, однако, размеры участков вовсе не обозначались, а указывалось только, что порядчик порядился на всю деревню или полдеревни, или же треть ее и пр., так как известно было, какие пашни и угодья составляли хозяйство данной деревни. В таких случаях на порядчика возлагалась обязанность «межъ не спустити», т.-е. оберегать свой участок в установленных границах. По отношению к пахотному участку и покосам порядчик обязывался «орати и сѣяти, и пары парити, и сѣно косити, и огороды у поль и у пожень ставити, и гной (навоз, назем, натраву) на землю возити, и земли не запустошити (пашни не запереложити)». Далее во всех порядных имелись условия об усадебных постройках. Они могли быть уже налицо в крестьянском дворе и в таком случае иногда подробно перечислялись, напр.: «а хоромовъ на той деревни изба да двѣ клѣти, да хлѣвъ, да мылня». Такие старые хоромы порядчик обязывался «починивати (охитити) и дертьемъ покрывати». Если же хором не имелось вовсе или они имелись не в полном составе, то порядчик должен был поставить новые хоромы полностью или частью, при чем иногда обозначалось, какие именно хоромы и каких размеров надлежало построить.

Обязательства, какие принимали на себя порядчики за предоставление в их пользование хозяйственных участков, были чрезвычайно разнообразны в зависимости от условий поселения и от обстоятельств места и времени. В порядных обязательства съемщиков участков перечислялись нередко далеко не полностью и притом в самых общих чертах, а иногда и совсем не указывались. Иные порядные отличались поразительной краткостью. Вот для примера порядная за Гледенский монастырь: «Се язъ

Торопъ да Артемей порядился есмя у Троицкихъ старцовъ на Вотложмѣ въ Заболоцкую деревню, на ихъ треть, а порука по Торопѣ да по Артемьѣ (такіе то) крестьяня Вотложемскіе волости» (Р. И. Б., XIV, 955). Очевидно, что такая запись могла подтвердить лишь наличность договора о поселении, самые условия которого определялись словесно, согласно местным условиям. Краткость и неопределенность порядных записей к счастью дополняется и разъясняется другими документальными указаниями, например, писцовыми и платежными книгами и выписями, различными хозяйственными документами, духовными грамотами, заемными кабалами и т. п.

Главнейшие виды обязательств поселенцев-арендаторов были следующие:

1) В пользу землевладельца, у которого арендуются участки, крестьяне платят оброк или празгу. Это была натуральная плата разными видами земледельческих продуктов, как-то: рожью, ячменем, пшеницей, овсом и пр., размеры которой обозначались или определенным количеством мер (коробей и четвертей) с участка данной величины, или определенной долею урожая (половиной, третью, четвертью, даже шестою частью; отсюда и название половники) из числа нажатых снопов или умолоченного зерна. Кроме этого главного вида натурального оброка, землевладельцы получали с крестьян еще мелкий доход курами, яйцами, мясом, маслом, рыбой, ягодами, грибами и пр. Натуральный оброк и мелкий доход натурой с половины XVI в. все чаще и чаще заменяются денежными сборами, но окончательно ими не вытесняются. Так, порядчик на церковную Спасскую деревню в Ухтострове (Холмогорск. у.) в 1590 г. обязуется: «а оброку мнѣ давати Спасу въ домъ на церковное строенье въ ту десять лѣтъ на всякой годъ по двадцати алтынъ зъ гривною да по мѣры жита горного доброго, каково жито въ которой годъ Богъ пошлетъ... да мнѣ жъ давати въ тѣ урочные лѣта спаскому прикатчику за боранъ по гривнѣ» (Р. И. Б., XIV, 105).

2) На крестьянах-арендаторах лежат и обязательства по уплате различных государственных сборов и отбыванию повинностей. Государственное тягло взималось в XV—XVI вв. с распаханной пашни и распределялось по сохам. Но в пределах податного округа между наличными членами тяглой общины каждый сбор или повинность распределялись не только по размерам владеемых участков, но и по хозяйственной состоятельности каждого тяглеца. Поэтому в порядных большею частью стоит лишь общее обязательство отбывать всякое тягло вместе с прочими крестьянами данной волости или стана, или даже отдельной вотчины, без указания размеров этого тягла, которые могли меняться из года в год. Крестьянин обязуется «государьскіе подати давати въ волость и посошные службы по волостной ровности» (А. Ю., № 184; ср. С. Веселовский, «Сошное письмо», 349—350 и прил. XVI); или: «и въ тѣ урочные лѣта съ тое деревни госу-

даревы подати, дань и оброкъ, и служба, и всякіе становые розрубы съ хрестьяны Спаского станку платити мнѣ» (Р. И. Б., XIV, 105; XII, 458). Лишь в редких случаях порядчик избавлялся от уплаты государевых податей, которые в таких случаях падали на самого землевладельца, конечно, с соответственным повышением землевладельческого оброка. Так, один из порядчиков Спасской церкви обязуется «Спасу въ домъ и за всѣ государевы подати давати съ тое деревни въ пять лѣтъ по полутора рубля на годъ да спаскому приказщику за боранъ по гривнѣ, а въ другіе пять лѣтъ давати мнѣ на годъ по рублю и по двадцати алтынъ, да старостѣ за боранъ по гривнѣ. А государевы подати съ тое деревни платити спаскому приказщику казенными деньгами» (Р. И. Б., XIV, 102—103).

3) Относительно срока аренды в литературе установилось мнение, что в порядных XVI в. обозначается только срок начала аренды и вовсе не указывается ее продолжительность. Действительно, таких порядных известно около 14. Но во всех северных порядных (Двинск. у.), а таких большинство, точно указан срок аренды, продолжительность которого колеблется от 1 года до 10 лет. Чаще всего встречается срок в 5, 6 и 10 лет. Начало и конец аренды сравнительно редко совпадают с указанным в Судебниках сроком перехода в Юрьев день («рядъ и вырядъ Егорьевъ день осенней»); чаще этот «ряд и выряд» выпадают на конец марта и начало апреля, иногда на Николу осеннего. За «недоживъ» до срока, равно как и за досрочный выряд со стороны хозяина установлена неустойка, так что это условие является обоюдным (там же, 93, 101); тогда как в Судебниках правило об отказе в Юрьев день редактировано односторонне, связывая только крестьян.

4) Помимо оброка в пользу землевладельцев крестьяне обязывались еще отбывать на них разные повинности, которые назывались «издѣльемъ», «боярскимъ дѣломъ» (отсюда барщина), «помѣщицкимъ дѣломъ» или «крестьянскимъ дѣломъ». Размеры этих повинностей в порядных не определяются, а установляется только обязанность «на дѣло крестьянское ходити, какъ и прочіе крестьяне ходятъ», или «издѣлье монастырское дѣлати съ суседи врядъ». Подробное перечисление издельных работ за XV—XVI вв. можно найти, помимо писцовых книг, в монастырских уставных грамотах. В более поздних порядных XVII в. издельная повинность назначается еще более произвольно «здѣлье дѣлати безъ ослушанья»; «да и на монастырское здѣлье ходити, какъ ключники позовутъ, безъ ослушанія». Здесь размеры зделья определялись усмотрением землевладельца. Лишь в сравнительно редких случаях в порядных точно указано, какое число дней в году порядчик обязан выходить на сдельную работу: «а здѣлья имъ съ того починка дѣлати на годъ по осми дней»; «ихъ боярское дѣло дѣлати въ недѣли по дни съ лошадью»; «на него всякое здѣлье дѣлати въ недѣлю день, а

въ другой и два дни съ лошадью»; «а на монастырское здѣлье ходить на день по два человѣка». Но и эти нормы не являлись для землевладельцев неприкосновенными. В одной из упомянутых порядных стоит оговорка: «а когда братья похотятъ на всѣхъ починочниковъ здѣлья прибавити иль оброкъ наложити, и на нихъ тоже прибавкѣ быть по росмотру и по пашнѣ, и по наживѣ» (Ак. тяг. нас., I, № 47; Р. И. Б., XIV, 945, 410, 1138; «Оч. сел. нас.», 238). Подробное исчисление сдельных повинностей часто встречается в половничьих порядных.

5) Одной из важных подробностей крестьянской аренды является условие о подмоге или ссуде и о льготе. Нужда крестьян в хозяйственной поддержке со стороны землевладельцев несомненно исконное явление. Об этом свидетельствуют правила о покруте Псковской грамоты. На то же указывают и княжеские грамоты об отказе монастырских половников-серебреников, т.-е. задолжавших крестьян. По новгородским писцовым книгам конца XV в. нередко упоминаются «великого князя подможные деньги» или семена «за крестьяны». Не вел. князь раздавал эти деньги и семена в подмогу оброчным крестьянам. Подмогу давали новгородские бояре своим крестьянам, а после конфискации земель у новгородских бояр, при перечислении писцами доходов с крестьян, в отдельных боярщинах перечислены по имени прежних бояр деньги и семена, так как на них шел рост. Поэтому доходы эти обозначаются так: «великого князя Олферьевскихъ денегъ за крестьяны» и т. п. (Нов. писц. кн., II, 36, 666; III, 601, 803; IV, 160; V, 37, 47, 50—51, 57, 58; Временник О. И. и Др., XI, 145, 148, 238; XII, 36, 78, 79, 82, 84, 86; Самоквасов. «Архивный материал», I, 221—222). В одной монастырской грамоте 1511 г. упомянуто: «того монастыря серебрецо церьковное въ людѣхъ, и которые де добрые люди христіяне, и они и нынѣча ростъ даютъ, а иные де христіяне ростовъ не платятъ» (Горчаков. «О поземельных владениях», прил. 42—43). О подмоге, ссуде и льготе упоминают и порядные, но далеко не все. Было бы, однако, неправильно из умолчания их делать заключения, что в этих случаях подмога и ссуда не выдавались. Необходимо иметь в виду, что в порядные включались далеко не все условия аренды. Далее выдача подмоги или ссуды могла иметь место после поселения на участке по особому документу— «ростовой кабалѣ» или «подможной записи», а нередко и «безкабально», т.-е. без всякого документа, когда стороны между собой «вѣрились Божіею правдою».

О подмоге и ссуде в литературе высказано двоякое мнение. Одни исследователи (Чичерин, Сергеевич, Лаппо-Данилевский) понимают подмогу как денежное и натуральное пособие крестьянину за приведение в годный для сельскохозяйственной культуры вид участка пашни девственного или запущенного; выполнением этих работ подмога погашается. Ссуда же понимается как заем денежный или натуральный, подлежащий возврату с истечением

срока займа или при выходе крестьянина. Другие исследователи (Ключевский, Вл.-Буданов) отказываются проводить такое различие между подмогой и ссудой. Последнее мнение едва ли не ближе к истине. Хотя и существовала большая разница в условиях поселения в зависимости от того, садился ли крестьянин на готовый участок и в готовый двор, или должен был завести хозяйство вновь, так как селился «на суках», «на сыром корню». В последних случаях крестьяне естественно нуждались в особой поддержке со стороны землевладельцев, что и проявлялось обыкновенно в предоставлении им льготного срока, в течение которого они освобождались от государева тягла и землевладельческого оброка и сделья. Несомненно, что весьма важна была в таких случаях подмога или ссуда. Но утверждать, что приведением участка в порядок подмога погашалась, нельзя уж потому, что это противоречило бы прямому смыслу порядных, в которых выговаривалось возвращение подможных денег при выходе, хотя подмога дана именно под условием «на тѣ намъ подможные денги высѣтчи новины въ первой годъ, а въ другой годъ выжетчи и выпрятати и посѣяти»; за невыполнение этого условия назначается заставка (Р. И. Б., XIV, 944—946, 950—954). Имеются и такие порядные, в которых хотя и нет условия о возврате подможных денег, но возврат которых при выходе засвидетельствован припиской на порядной (там же, 877, 878). С другой стороны, памятники свидетельствуют, как только что указано, что на подможные деньги шел рост. Значит подмога в этом случае являлась процентным займом. Провести же разницу между подмогой и ссудой по памятникам XVII в. еще труднее (Очерки сел. нас., 111—125; иначе Лаппо-Данилевский. «Разыскания по истор. прикр.», 17—30).

Подмога или ссуда в значительной мере осложняла условия крестьянской аренды. Хозяева ссужали своих поселенцев, конечно, не даром. Они получали с них, во-первых, проценты, иногда только с истечения срока займа: на ссуженные деньги — «серебро» — шел «ростъ», на ссуженный хлеб — «наспъ». Обычный размер процента в заемных кабалах XVI в. определялся стереотипной фразой: «какъ идетъ въ людѣхъ на пять шестой», т.-е. равнялся 20%. При таких условиях занятый капитал («истое») через пять лет удваивался. Столь тяжелые условия займа вызывали неоднократно частные и общие распоряжения о рассрочке в уплате долга без процентов или об уменьшении процентов вдвое (А. Э., I, № 48: «платитися въ истое на два года безъ росту»; А. И., I, № 154, VII: «правити долги денежные и хлѣбные въ пять лѣтъ, истину, денги безъ росту, а хлѣбъ безъ наспу»; в новых долгах «правити вся истина сполна да вполы на денги ростъ, а на хлѣбъ вполы насыпъ»). Но, с другой стороны, известны и более тяжелые условия займа: в памятниках упоминается «недѣльный ростъ», конечно, более высокий, чем 20%. В указе 1588 г. предписано по старым кабалам «денги

правити да росту на 15 лѣтъ, а далѣ того росту не присужати». Но уже в переработке Судебника (т. наз. Суд. Фед. Ив.) 1589 г. этот 15-летний срок получил исключительно характер давности для исков по кабалам, начисление же роста ограничено 5-ю годами: «а по кабаламъ судити, а ростъ правити за пять летъ, а дале пети летъ росту не правити» (ст. 23). Это правило подтверждено и указом 1626 г. (А. И., III, № 92, XIV). Трудность уплаты роста, в частности для крестьян, явствует из той же переработки Судебника, куда занесено, конечно, обычное правило о том, что «кабалы писати на крестиянъ вдвое, а ростъ правити на пять шестой, а въ чемъ кабала писана, то и справити» (ст. 23). Это отнюдь не нелепость и не указывает вовсе на фикцию займа, как думают, а на обычную практику: крестьяне не уплачивали своевременно роста, а потому кабалы писались вдвойне, так как за пять лет занятый капитал удваивался.

Во-вторых, землевладельцы давали подмогу или ссуду на условии, вместо уплаты роста, работать или делать дело на «государя» — землевладельца. Половники, например, получали подможные деньги «на прирядъ», т.-е. обязывались выполнить установленные натуральные повинности. От второй половины XV в. и начала XVI сохранился ряд любопытных указаний, что «на серебро» делают какое-либо дело. Так, вышедших из-за монастыря половников-серебреников князь обязал «дѣло додѣлывать на то серебро». Крестьяне Борисоглебского монастыря «на серебро монастырское пожни косили». По духовным завещаниям упоминаются «денежки на людехъ въ дѣлѣ». Еще гораздо чаще в завещаниях князей и княгинь и крупных частных собственников упоминается за крестьянами серебро, при чем иногда это серебро различается: одно называется «ростовым», другое «издельным». Завещатели нередко половину этого серебра, реже все, прощают крестьянам, конечно, потому, что крестьяне в этой милости нуждались. Вел. княгиня Софья Витовтовна половину издельного серебра своим крестьянам простила, но сделала такую оговорку: «кто будетъ отъ тѣхъ издѣлниковъ охудѣлъ, а и половины того издѣлного серебра заплатити не взможетъ, и сынъ мой вел. князь тому велитъ отдати все издѣлное серебро; а который будеть издѣлный серебреникъ изможенъ въ животѣ, а не охудѣлъ, взможетъ заплатити и все серебро, и на томъ сынъ мой вел. князь велитъ все издѣлное серебро взяти» (С. Г. Г., №№ 83, 96, 112, 122; А. Ю., №№ 410, 413, 421; А. Э., I, № 48; А. Фед.-Чех., I, № 94). Крестьянское изделье, значит, возникало или же увеличивалось на почве крестьянской задолженности.

Как широко распространена была эта задолженность, с точностью сказать, конечно, нельзя. Но скорее надо предполагать, что она составляла довольно обычное явление. Это подтверждают подробные правила Псковской грамоты о взыскании покруты. На то же указывают нередкие упоминания московских памятников

о крестьянских долгах и крестьянах-серебрениках. В отдельных княжеских грамотах было даже запрещено допускать переход крестьян до уплаты числящегося за ними долга. Правда такого правила нет ни в Псковской грамоте ни в Судебниках. Но делать из молчания памятников заключение, что задолженность крестьян и не составляла общего явления, было бы совершенно неправильно. Для половины XVI в. можно отметить еще два общих указания для разъяснения вопроса. В постановлениях Стоглавого собора содержится предписание «отнынѣ по священнымъ правиломъ святителемъ и всѣмъ монастыремъ денги давати по своимъ селомъ своимъ хрестьяномъ безъ росту и хлѣбъ безъ наспу того для, чтобы за ними христіяне жили и села бы ихъ были не пусты» (Стоглав, изд. Каз. Ак., 345). Ссылка на священные правила касается взимания роста, который по этим правилам запрещен. Практическая же бытовая важность этого предписания сводится к тому, что, по мнению собора, без подмоги или ссуды крестьянам владычние и монастырские села могут запустеть. Наглядным подтверждением справедливости такого мнения служит хотя бы тот факт, что во второй половине XVI в. в селах и деревнях Кирилло-Белозерского монастыря арендовалось крестьянами полторы тысячи вытей, из которых лишь 464 выти засевались крестьянскими семенами, а 1.075 вытей могли быть засеяны занятым у монастыря хлебом (В. Ключевский. «Опыты и исследования», М., 1912, 264; Николай Никольский. «Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство (1397—1625)», т. I, вып. 2, 1910, 50—51). Однакоже общего указного правила об уплате крестьянами долгов при переходе или при отказе издано не было. Судебники обходят вопрос полным молчанием, а Псковская грамота предусматривает даже случаи «отрока» без уплаты изорниками покруты. Значит формально крестьянин мог перейти или в установленный срок ежегодно, если поряд заключен не на срок, или по окончании срока аренды и без уплаты долга. Но долг все же надлежало уплатить с истечением срока займа или с наступлением резолютивного условия (по порядным XVII в. подмога или ссуда подлежала возвращению лишь в случае ухода или бегства крестьянина). При невыполнении обязательства древнее право поступало с неисправными должниками весьма сурово: они отдавались головою на продажу; это же правило подтверждает и Судебник 1-й (ст. 55). Но уже с самого начала XVI в. это суровое начало смягчается: несостоятельные должники отдаются кредиторам не в полное холопство, а «головою до искупа», т.-е. до отработки долга. Такие случаи известны (А. Ю., № 10; Акты Лихачева, № 14; Суд. 2-й, ст. 90). Монахи-нестяжатели, противники монастырского землевладения, несомненно рисуют картины положения таких несостоятельных должников в монастырских хозяйствах, говоря укоризненно и с негодованием о том, как иноки продают своих братий христиан, истязуют их бичом без милости, расхищают их худые стяжаница, изгоняют из сел или порабощают

вечным порабощением. Такое вечное порабощение допущено было для крестьян еще и Судебником 2-м. В нем постановлено: «А которой крестьянинъ съ пашни продастъся кому въ полную въ холопи, и онъ выйдетъ безсрочно, и пожилого съ него нѣтъ» (ст. 88). Такое отступление от правил о крестьянском переходе установлено, конечно, для тех из них, кого мертвая петля долговой зависимости довела до безвыходной нужды. Указ 1606 г. свидетельствует, что крестьянин «не отъ самые бы нужи въ холопи не пошелъ» (А. Э., II, № 40).

Итак выход без уплаты долга грозил крестьянину вечным или временным порабощением. Невозможность же расплатиться с долгами заставляла таких должников и против воли оставаться за землевладельцами-кредиторами, если те соглашались терпеть у себя неаккуратных должников в положении крестьян. Последние за эту милость принимали на себя новые обязательства в форме новых или увеличенных барщинных повинностей, а это еще более подрывало надежду на облегчение их положения без посторонней помощи. Такая помощь могла притти или от своих же государей-землевладельцев, которые иногда по завещаниям прощали долги своим крестьянам полностью или в некоторой части, или же от сторонних землевладельцев, которые оплачивали долги крестьян и вывозили их за себя. Повидимому на такую практику указывает нередко встречающееся в грамотах выражение: «кого окупивъ посадятъ». Но в последнем случае крестьянин-должник менял только своего кредитора-землевладельца, а не свое положение должника.

Указанные условия в положении крестьян-должников привели к следующим чрезвычайно важным следствиям. Во-первых, не имея собственных средств для расчета с собственником земли за ссуду, пожилое, повоз и пр., крестьяне не имели возможности воспользоваться правом перехода, так как от них собственники земли не приняли бы отказа без уплаты всего, что они должны выплатить при выходе. Невыполнение этих требований превращало самый выход в неправомерный акт побега, безвестного выхода и грозило вышедшему иском о возврате к прежнему землевладельцу или же иском об уплате долга и выдаче головой до искупа. Если же нужные для расчета средства платил за крестьянина при выходе другой землевладелец, то этим «выход» превращался в «своз», а «переход» в «перевоз» крестьян, так как новые кредиторы платили за крестьян прежним землевладельцам под условием поселить крестьян за собой. Так постепенно крестьянский выход вытеснялся крестьянским вывозом. О таком крестьянском отказе, когда крестьяне играют только страдательную роль, говорят уже памятники половины XV века (А. Э., I, № 48). Хотя в обоих Судебниках правило о переходе редактировано в том смысле, как и когда крестьянам «отказыватися», но из памятников, близких к Судебнику 2-му, видно, что не крестьяне отказываются, а их за себя отказывают другие

землевладельцы. От 1555—1556 гг. сохранился ряд челобитий помещиков друг на друга и волостных крестьян на помещиков и обратно по поводу незаконного задержания крестьян. Так, одни жалуются на других помещиков, что они «вывезли изъ-за нихъ за себя силно» или «отъ нихъ развезли крестьянецъ ихъ не по сроку, безъ отказу и безпошлинно». Здесь незаконный вывоз. А вот примеры незаконного задержания крестьян. Помещик Картмазов жалуется на помещика Лизунова: «что деи дѣлалось сеѣ осени за недѣлю до Юрьева дни, посылалъ онъ своихъ людей отказывати изъ за него дву крестьяниновъ изъ одного двора на свою деревню, и тотъ деи Лизуновъ отказъ принялъ и пошлины пожилые взялъ; и онъ посылалъ по тѣхъ крестьянъ возити за собя, и тотъ деи Лизуновъ тѣхъ крестьянъ изъ-за собя не выпуститъ, а держитъ ихъ за собой силно». Крестьянские выборные головы Ржевского уезда жалуются на ржевских, псковских и луцких помещиков, что они вывозят крестьян из черных Ржевских деревень «по вся дни, безпошлинно»; «а какъ изо ржевскихъ деревень пріѣдутъ къ нимъ отказщики съ отказомъ въ срокъ хрестьянъ изъ-за нихъ отказывати, которые крестьяне похотятъ итти жити въ тѣ черные деревни, и дѣти боярскіе тѣхъ отказщиковъ бьютъ и въ желѣза куютъ, а хрестьянъ изъ-за себя не выпущаютъ, да поимавъ ихъ мучатъ и грабятъ и въ желѣза куютъ, а пожилое на нихъ емлютъ не по судебнику, рублевъ по 5 и по 10; и отказати имъ крестьянина изъ-за тѣхъ дѣтей боярскихъ не мочно». На незаконные притеснения при отказе крестьян жалуются и монастырские власти (Доп. к А. И., № 51, V, XVIII, XXII, XXIV; № 56; А. И., I, № 191). Любопытно, что во всех приведенных случаях не крестьяне отказываются и выходят, а их отказывают и вывозят; за крестьянами организована как бы охота, и на этой почве между землевладельцами происходят постоянные столкновения. Как сказано уже выше, в тверской вотчине Симеона Бекбулатовича на 305 случаев крестьянского ухода приходится 188 случаев вывоза и 59 случаев незаконного выхода и побега. Так, без всякой законодательной отмены, постепенно замирал крестьянский выход, вытесняемый крестьянским вывозом.

Не менее важно и второе следствие из указанных условий крестьянской задолженности. Отсутствие средств у обедневших и задолжавших крестьян расплатиться с землевладельцем при выходе лишало их возможности воспользоваться правом перехода. А более или менее продолжительное непользование этим правом в связи с возникновением или нарастанием издельных повинностей, повторенное в ряде случаев повседневной жизни, могло дать начало обычаю, в силу которого крестьяне, лишенные возможности воспользоваться правом перехода, стали считаться утратившими это право в силу давности или старины. Так простой факт, многократно повторенный, мог дать начало обычаю, т.-е. превратиться в право. Именно таким путем крестьяне с т а р и н-

ные или старожильцы образовали первую группу владельческих крестьян, утративших право перехода в силу давности или старины. Это—первые наши крепостные крестьяне.

Сторожильство, т.-е. известная давность поселения или жительства, само по себе не было основанием крестьянского прикрепления. Применительно к владельческим крестьянам старина жительства явилась лишь формальным обобщением фактической невозможности выхода для задолжавших крестьян. Обычай возник в ограждение интересов землевладельцев-кредиторов. Но раз он возник, то в силу старины жительства считались утратившими право выхода все те крестьяне, которые прожили за владельцем установленный срок давности, уже вне всякого отношения к тому, должны они владельцу или нет. С другой стороны, крепость по старине связывала единственно крестьян и нисколько не ограничивала прав землевладельцев. Они могли и сами отказывать своим крестьянам-сторожильцам, т.-е. отпускать их на все четыре стороны, или принимать отказы на них от других землевладельцев на известных условиях. Судебники говорят о праве крестьян «отказываться» от аренды в указанный срок и на известных условиях; другие памятники говорят об «отказе» крестьян из-за одних землевладельцев другими с соблюдением тех же правил. А один официальный памятник конца XVI в. предписывает, вследствие жалобы монастырских властей на двух крестьян, выбежавших из-за монастыря, «сыскати накрѣпко, тѣ крестьяне напередъ того за Корельскимъ монастыремъ живали ли и въ нынѣшнемъ 100 году безъ отпуску выбѣжали ли». Так «отказ», т.-е. выход или вывоз с соблюдением известных правил, выродился в «отпуск» крестьян, зависящий единственно от усмотрения владельца земли.

Указания памятников о прикреплении старожильцев восходят уже к самому началу второй половины XV века. В жалованной грамоте 1455—1462 гг. Троицкому монастырю стоит предписание: «которого ихъ хрестьянина изъ того села и изъ деревень кто къ собѣ откажотъ, а ихъ старожилца, и язъ князь велики тѣхъ хрестьянъ изъ Присѣкъ и изъ деревень не велѣлъ выпущати ни къ кому». Это был частный указ, изданный, конечно, по челобитью монастырских властей, в виде указной санкции слагающемуся обычаю. Но общей указной нормы о прикреплении старожильцев вовсе издано не было. Это, однако, не служит доказательством, что обычная норма перестала действовать. Из грамоты 1577 г. приказчику дворцового села в Ярославском уезде узнаем, что архимандрит Спасского монастыря в Ярославле обжаловал действия дворцового приказчика, который хотел вывести из монастырской вотчины в дворцовое село Давыдково 17 человек крестьян, потому что «тѣ крестьяне села Давыдкова старожилцы». Архимандрит же утверждал, что «тѣ крестьяне въ монастырскихъ селехъ и деревняхъ старожилцы, и за монастырь достались тѣ села и деревни съ тѣми крестьяны». Возник спор о том, старожильцами какого места следует считать перечислен-

ных крестьян. Но такой спор предполагает согласное мнение спорящих, что старожильцев выводить нельзя, а вышедших надлежит вернуть на старые места. Точно так же по жалобе Троицких властей на Переяславского ключника, который «у нихъ взялъ ихъ троетцкого неводчика Левку невѣдомо почему», в 1587 г. было предписано произвести сыск, «да будетъ въ обыску скажютъ, что тотъ неводчикъ Левка истари троетцкой, а Олексѣй будетъ Коробовъ взялъ его насилствомъ, и ты бы его отдалъ назадъ къ Троице». В 1592 г. власти Корельского монастыря жаловались на двух выбежавших крестьян, утверждая, что эти крестьяне «ихъ Никольскіе вотчины искони вѣчные» (А. И., I, № 59; ср. А. Ю. Б., I, № 37; Акты о тягл. нас., II, №№ 27 и 29; Р. И. Б., XIV, № LXXII).

Старина, как основание прикрепления, нашла применение не только среди владельческих крестьян, но и среди крестьян черных волостей и посадских тяглецов. В уставной Важской грамоте 1552 г. посадским и волостным людям предоставлено «старыхъ своихъ тяглецовъ хрестьянъ изъ-за монастырей выводить назадъ безсрочно и безпошлинно, и сажати ихъ по старымъ деревнямъ, гдѣ кто въ которой деревни жилъ преже того». Почти дословно это предписание повторено в уставной Торопецкой грамоте 1590—1591 г. с тем лишь добавлением, что речь здесь идет о разошедшихся в заповедные лета; посадским людям предоставлено «на пустые мѣста старинныхъ своихъ тяглецовъ изъ-за князей і изъ-за дѣтей боярскихъ, изъ-за монастырей и ізъ волостей, которые у нихъ съ посаду разошлись въ заповедные лѣта вывозить назадъ на старинные ихъ мѣста, гдѣ хто жилъ напередъ того, безоброчно и безпошлинно» (А. Э., I, стр. 238; И. И. Побойнин. «Торопецкая старина», 359). Согласно этому правилу, старинных тяглых крестьян и посадских людей можно было возвращать назад без соблюдения правил Судебника об отказе, конечно, потому, что эти старые тяглецы не имели права покидать своих тяглых участков и дворов в силу давности жительства. Но эта старина для крестьян черных волостей и посадских жильцов имела совершенно другое значение, чем для владельческих крестьян; она крепила первых к их тяглым участкам или к тяглой общине, т.-е. имела чисто фискальное значение, тогда как владельческие крестьяне закреплялись за владельцами, попадая к ним в личную зависимость. И основания для возникновения прикрепления старожильцев были в том и другом случае совершенно разные. Для владельческих крестьян, как только что указано, таким основанием послужила невозможность пользоваться правом выхода вследствие их несостоятельности и задолженности владельцам; главным же основанием закрепления крестьян черных волостей и посадских тяглецов явилась необходимость обеспечить правильное отбывание государственного тягла, исправное выполнение которого обеспечивалось круговой порукой членов тяглой общины. Одна старина явилась защитой частных интересов землевладельца,

другая защищала фискальные интересы государства. Однако обе эти старины могли между собой переплетаться и сталкиваться. В течение XVI в. значительное количество черных земель с проживающим населением было роздано в поместья служилым людям и в вотчины монастырям. И помещики и монастырские власти, конечно, были склонны «старых волостных тяглецов» считать крепкими и за собою, хотя в ввозных и послушных грамотах населению рекомендовалось только помещика или вотчинника слушать и оброк им платить, чем их изоброчат. На-ряду с этим из-за старожильцев могли возникать споры между землевладельцами, с одной стороны, и тяглыми общинами—с другой. В основе притязаний каждой стороны лежали различные интересы, но они были оформлены одним общим началом давности. Споры о старожильцах вообще представлялись к тому же очень запутанными, так как нам не известен тот давностный срок, с истечением которого установлялось старожильство и права на старожильца. Но несомненно, что такой срок существовал. В одной сравнительно поздней государевой грамоте (1630 г.) о вывезенных из-за Владимирского Успенского девича монастыря крестьянах указана неправильность действий свозчика, так как те крестьяне «живутъ за дѣвичьимъ монастыремъ старо, съ сверхъ нашихъ указныхъ лѣтъ, за колько велѣно свозить» (Арх. Стр., II, № 386). Значит продолжительность урочных лет для сыска беглых крестьян со времени ноябрьского указа 1597 г. была признана тем наименьшим сроком, по истечении которого возникало старожильство.

Кроме того споры из-за крестьян должны были умножиться и осложниться под влиянием двух крупных событий во внутренней жизни Московского государства. С завоеванием Казанского и Астраханского царств открылась широкая возможность колонизационного движения в местности по среднему и нижнему течению Волги, бассейна Камы и верхнего Дона. Население хлынуло в эти области и по собственному почину, уходя от тяжелых условий хозяйственной жизни и тяжелого тягла, и по призыву испомещенных в новых областях помещиков, которые могли поселять у себя нетяглых людей, т.-е. от отцов детей, от братьев братью, от дядей племянников и пр., не имевших никакого самостоятельного хозяйства. В силу этого с 60-х годов XVI в. во многих центральных уездах заметно начало обнаруживаться возрастающее запустение посадов, сел и деревень, а вместе с тем должна была возрасти и ценность крестьянского труда. Поэтому борьба и споры из-за крестьян между землевладельцами, с одной стороны, и между ними и тяглыми общинами—с другой, неизбежно обострились, а стремления удержать за собой крестьян и вернуть обратно беглых вызывались потребностью спасти расстроенные хозяйства от полного разорения.

Этот чисто хозяйственный кризис еще более обострился для землевладельцев под влиянием чисто политической меры, какою явилось учреждение опричины. В настоящее время установлено,

что опричина была не только институтом политической полиции но и сопровождалась крупным хозяйственным потрясением для всех заподозренных в верности землевладельцев. В опричину были взяты многие уезды для испомещения в них служилых людей, взятых в опричину, а «вотчинниковъ и помѣщиковъ, которымъ не быти въ опричинѣ, велѣлъ государь изъ тѣхъ городовъ вывести и подавати велѣлъ земли въ то мѣсто въ иныхъ городѣхъ». Оказывается, что «в опричное управление были введены, за немногими и незначительными исключениями, все те места, в которых ранее существовали старые удельные княжества», так что «опричина подвергла систематической ломке вотчинное землевладение служилых княжат вообще на всем его пространстве» (Платонов. «Очерки смутного времени», 144—146). В результате произошло массовое перемещение вотчинников и помещиков из одних владений на другие, так что во многих уездах многие земли переменили своих владельцев. Такие меры, направленные против служилых людей, существенным образом затронули и крестьянское население. Они не могли не запутать еще более споров из-за крестьян беглых и старожильцев и еще более обострили критическое положение служилого землевладения.

Наконец обострению этого хозяйственного кризиса значительно содействовал и чрезмерный рост монастырского землевладения как уменьшением государственного поместного фонда, так и усилением податного бремени ввиду тех широких льгот, какими обычно пользовались монастырские власти в ущерб населению непривилегированных землевладельцев, что констатировано не только оппонентами московского правительства, но и самою властью.

Этот хозяйственный кризис вызвал со стороны московского правительства ряд частных мер как в ограждение фискальных интересов государства (запрещения принимать тяглых людей и распоряжения о возвращении разошедшихся тяглецов), так и в интересах служилого землевладения (мероприятия против дальнейшего роста монастырского землевладения и в отмену податных привилегий святительских и монастырских имений). Но эти меры проводились далеко не всегда с необходимою строгостью и последовательностью, а потому и не могли привести к намеченным целям. Интересы же отдельных землевладельцев в их взаимных спорах и с тяглыми общинами из-за крестьян нашли отражение только в указе 24 ноября 1597 г., упорядочившем предъявление исков о беглых крестьянах, и опиравшемся на составленные в 1590—1593 гг. по многим уездам писцовые книги, которые и были положены в основу решения споров о беглых крестьянах. (Любопытно отметить, что при описях против имен поименованных крестьян нередко встречались указания, что такой-то крестьянин «приходец».) Такое значение упомянутых писцовых книг подтверждается указом 1607 г., в котором сказано: «которые крестьяне отъ сего числа предъ симъ за 15 лѣтъ въ книгахъ 101 году положены, и тѣмъ быть за тѣми, за кѣмъ писаны». Вследствие этого

по указу 1597 г. назначен пятилетний срок для предъявления исков о беглых крестьянах, а в 1607 г.—пятнадцатилетний.

В недавнее время высказано утверждение, «что никакой прямой связи между этими описаниями (при царе Федоре Ивановиче) и указами о 5 и 15-летней давности не было и не могло быть... Ни в ходе описаний ни в других обстоятельствах и источниках того времени нет указаний, которые бы подтверждали слова Татищева, что царь Федор предпринял описания с целью прикрепить к тяглу государевых тяглецов и частновладельческих крестьян». (С. Веселовский. «Сошное письмо», II, 184—185; ср. 175—180) Необходимо выждать появления новых данных для более обоснованного решения указанных сомнений.

Во всяком случае постановления Судебника об отказе в Юрьев день в виде общей меры отменены не были. Но одновременно и на-ряду с ними по разным местам действовали государевы заповеди о невыходе. Такие разнородные порядки не могли не породить большой путаницы в отношениях между землевладельцами и обострили крестьянский вопрос и в частности иски о беглых крестьянах. Эти обстоятельства и вызвали повидимому к жизни указы Бориса Годунова 1601 и 1602 гг. о крестьянском выходе.

Эти указы были общими, а не местными, и по этому своему признаку занимают особое положение. Годунов хотел облегчить положение крестьян и велел дать им «выходъ отъ налога и отъ продажъ». Но эта мера, распространенная на все государство, касалась далеко не всех крестьян. Точно перечисленным категорям помещиков и вотчинников предоставлено «отказывати и возити крестьянъ» по правилам Судебника: «А срокъ крестьяномъ отказывати и возити Юрьевъ день осеннего, да послѣ Юрьева дни двѣ недѣли». Правом отказа и вывоза могли воспользоваться только мелкие провинциальные дворяне и дети боярские. «А въ дворцовые села и въ черныя волости, и за патріарха, и за митрополиты, и за архіепископы, и за владыки, и за монастыри, и за бояръ, и за околничихъ, и за дворянъ болшихъ, и за приказныхъ людей, и за дьяковъ, и за столниковъ, и за стряпчихъ, и за головъ стрѣлецкихъ, и изъ за нихъ крестьянъ возити не велено». А в «Московскомъ уѣздѣ всѣмъ людемъ промежъ себя, да изъ иныхъ городовъ въ Московскій уѣздъ потому жъ крестьянъ не отказывати и не возити» А. А. Э., т. II, №№ 20, 23 и 24). Едва ли не добрая половина крестьян оказалась изъятой от пожалования и правом выхода воспользоваться не могла. Мало того. Разрешено было крестьян вывозить с серьезным ограничением: «А которымъ людемъ промежъ себя въ нынѣшнемъ во 110 году крестьянъ возити, и тѣмъ возити межъ себя одному человѣку изъ за одного же человѣка крестьянина одного или двух, а трехъ или четырехъ одному изъ за одного никому не возити». Отсюда ясно, что годы 1601 и 1602 оказались выходными для одной категории крестьян и заповедными для другой.

В исторической литературе обращено внимание на то, что эти

указы хотя и упоминают о крестьянском выходе, но понимают его в смысле отказа и вывоза крестьян землевладельцами; выход по этим указам превращен в вывоз. Такова была сила бытовых условий. Действительно прямой смысл выражений обоих указов и предписание указа 1602 г., чтобы «во крестьянской возкѣ промежъ всѣхъ людей боевъ и грабежей не было, и силно бы дѣти боярскіе крестьянъ за собою не держали и продажъ имъ никоторыхъ не дѣлали», как бы не оставляют никакого сомнения в том, что указы имеют в виду не выход, а вывоз крестьян. Но такое настроение правящих кругов, при проведении в жизнь этих указов, могло претворяться и отливаться на местах в иные формы. Мне посчастливилось в отдельных книгах на поместья 7112—7114 гг. Бежецкой, Вотской и Обонежской пятин Московского Архива Министерства Юстиции натолкнуться на нередкие указания при описании дворов в деревнях, что крестьяне «въ прошломъ 111 году вышли о срокѣ о Егорьеве дни», или что крестьянин «вышелъ», «сшолъ» «въ 110 году въ отказной срокъ» туда-то или за такого-то помещика. И на-ряду с этим ни одного указания на крестьянский вывоз.

Указы 1601 и 1602 гг. более не возобновлялись. Возможно, что результаты этих мер не оправдали возлагавшихся на них надежд. Но вышеуказанные грамоты 1608, 1610 и 1612 гг. наглядно подтверждают, что крестьянский выход и временная отмена его продолжают существовать и регулируются правительством, хотя и не в виде общих мер, а частными или местными распоряжениями. Известно, что крестьянский выход как раз в то время сильно волновал землевладельческие круги, и высшие и средние служилые классы добивались официальной его отмены и выговорили при избрании Владислава, чтобы «торговымъ и пашеннымъ крестьяномъ въ Литву изъ Руси и изъ Литвы на Русь выходу не быти, такожe и на Руси промежъ себя крестьяномъ выхода не быть» (А. А. Э., т. II, № 165, стр. 284; С. Г. Г. и Д., т. II, № 200; ср. Записки гетмана Жолкевского, прил. № 20, п. 16). Если этому условию, как и всему договору, не суждено было осуществиться, то оно все же служит показателем землевладельческих пожеланий. Не будь налицо этого тревожного явления, не о чем было бы и хлопотать.

Крестьянский выход и правила о нем Судебника так и умерли без законодательной их отмены. После смуты нет никаких намеков на их существование в действительной жизни. О них сохранились только одни воспоминания, иной раз чрезвычайно живые, одухотворенные верой в их возрождение. Среди записанных в Псковской приказной избе многочисленных крестьянских порядных половины XVII в. встречаются некоторые с своеобразным условием жить за землевладельцами «до государевыхъ выходныхъ лѣтъ» и «изъ деревни до государевыхъ выходныхъ лѣтъ не сбѣжать». Воеводская изба никаких возражений и замечаний на это условие не заявляла и беспрекословно вносила такие порядные в книги. Выходные лета, конечно, стоят в тесной связи с заповедными ле-

тами, взаимно сменяясь одни другими. Отсутствие выхода в XVII в. претворилось в народном сознании в период заповедных лет, на смену которых должны будут наступить выходные лета. Эта смена должна совершиться по государеву указу, а потому выходные лета называются государевыми, как некогда государевыми назывались заповедные годы. От воли государя зависит выбрать для этой смены подходящий момент. И его ждут. Одни, как псковские порядчики, спокойно, в наивной надежде соглашаясь жить до выходных лет; другие—радостно, предугадывая подходящий для того момент, как случилось в Арзамасе в 1633 г., когда туда дошла весть о рождении царевича: «Далъ намъ Богъ, родился царевичъ, будетъ намъ выходъ»; третьи—нервно с нетерпением и досадой обманутых надежд, как это было в 1646 г. в Шацком, когда на замечание одного идеалиста — «Далъ де намъ Богъ государя молодова; любо де онъ, государь, пожалуетъ, дастъ имъ крестьяномъ выходъ» — другой скептически заметил: «До смерти де вамъ, крестьяномъ, выходу не будетъ»; или, как это было в Одоеве в 1647 г., когда пошла молва, что «прежнiе государи выходъ давали и тюрьмамъ роспускъ бывалъ, а нынѣшнiй государь къ намъ немилостивъ»; или в Ряжском в 1650 г., когда стали говорить, что «при прежнихъ государяхъ бывали выходы, а при нынѣшнемъ государѣ выходовъ нѣтъ» (Н. Новомбергский. «Слово и дело государевы»,т. I, стр. 71, 198 и 249; Павел Смирнов. «Челобитные дворян и детей боярских», Чт. О. ист. и др. 1915, кн. 3, стр. 70). Если псковским порядчикам не возбранялось заносить в условия свои чаяния, то скептиков и критиков не поощряли, и им приходилось иматься за кожу и испытывать встряски. Но выхода по государеву указу в Московском государстве в XVII в. так и не дождались.

После смуты установлена была пятилетняя давность для исков о беглых крестьянах. Правда, еще в указе 1606 г. подтверждено, что «на бѣглыхъ крестьянъ по старому приговору далѣ пяти лѣтъ суда не давати», где, очевидно, разумелся старый указ 1597 г. Но эта давность указом 1607 г. изменена в 15-летнюю. При царе Михаиле, однако, состоялся указ и боярский приговор, по которому «на бѣглыхъ крестьянъ во крестьянствѣ велѣно судъ давати до челобитья за пять лѣтъ, а далѣ пяти лѣтъ на бѣглыхъ крестьянъ во крестьянствѣ суда давати не велѣно», о чем неоднократно уведомлялись областные приказные люди. По челобитьям заинтересованных эти «урочныя или указныя лѣта» для исков о беглых крестьянах были постепенно увеличиваемы. Первым такою привилегиею воспользовался Троицкий Сергиев монастырь, которому разрешено вывозить беглых крестьян за 9 лет. Затем для дворцовых сел, посадов и черных волостей, по особым пожалованиям, разрешено свозить беглых крестьян и посадских людей за 10 лет. По челобитьям дворян и детей боярских, а потом иноземцев, им «указаны урочныя лѣта противъ Троице-Сергiева монастыря». Наконец в 1640—1641 г. последовал указ об установлении

одной общей исковой давности в 10 лет для всяких беглых крестьян и 15-летний для сыска вывозных крестьян (Оч. истор. сел. нас., 49—51).

Урочные лета были, конечно, невыгодны для землевладельцев. Если беглые или вывезенные крестьяне за кем-либо «урочныя лѣта зажили», то прежние землевладельцы, не предъявившие исков в установленный срок против тех, за кем их крестьяне жили, теряли на них право, так как крестьяне их «изъ урочныхъ лѣтъ вышли» и «застарѣли»» за другими землевладельцами. Они, в особенности мелкие среди них дворяне и дети боярские, неоднократно обращались к правительству с просьбами об отмене урочных лет. Такие челобитья сохранились от 1637, 1639, 1641, 1645 и 1648 гг. (А. И., III, № 92, XXXIII; Павел Смирнов. «Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII в.», приложение II, Чтен. Общ. ист. и др., 1915, кн. 3; А. Э., IV, стр. 24—25; А. И., IV, № 30). Правительство впервые в 1646 г., в наказе о переписи дворов, дало обещание, «какъ крестьянъ и бобылей и дворы ихъ перепишутъ, и по тѣмъ переписнымъ книгамъ крестьяне и бобыли, и ихъ дѣти, и братья, и племянники будутъ крѣпки и безъ урочныхъ лѣтъ». Выполнение обещания последовало с изданием Уложения 1648 г., хотя с отступлением от первоначальных предположений.

Глава XI Уложения, под заглавием «Судъ о крестьянѣхъ», заново нормирует вопрос о сыске и возвращении беглых крестьян и считается некоторыми историками первым законом об окончательном прикреплении крестьян. В какой мере правильно это мнение, видно из дальнейшего изложения. В основание сыска беглых крестьян положены были, однако, не переписные книги, как предполагалось, а писцовые книги, «которые книги писцы подали въ Помѣстной и въ иные приказы послѣ московскаго пожару прошлаго 134 г.». Права на беглых крестьян должны были доказываться тем, если «бѣглые крестьяне или тѣхъ ихъ бѣглыхъ крестьянъ отцы въ тѣхъ писцовыхъ книгахъ за ними (владельцами) написаны, или послѣ тѣхъ писцовыхъ книгъ тѣ же крестьяне или ихъ дѣти по новымъ дачамъ написаны за кѣмъ во отдѣльныхъ или во отказныхъ книгахъ» (ст. 2). После издания Уложения беглых крестьян можно было искать «безъ урочныхъ лѣтъ», а вместе с тем виновные в приеме и укрывательстве беглых крестьян на будущее время должны не только возвратить этих крестьян со всем их имуществом прежним их владельцам, но сверх того должны были уплатить 10 р. в год за владенье каждым крестьянином. Действие этого закона распространялось не только на крестьян-дворохозяев, но и на подчиненных членов семьи, которых раньше разрешалось называть на пустые тяглые места и в тяглые дворы.

Эти постановления Уложения возбуждают ряд сомнений как с формальной стороны, так и по существу. Прежде всего новое правило об отмене урочных лет должно было иметь силу только

на будущее время. До Уложения сохраняла силу исковая давность (5—10 лет) на беглых крестьян. Как же надлежало согласовать старое правило с новым законом? В указе о переписи 1646 г. имеется об этом совершенно определенная оговорка: «а гдѣ наѣдутъ пустые дворы и учнутъ имъ помѣщики и вотчинники сказывать, что отъ нихъ изъ тѣхъ дворовъ крестьяне и бобыли побѣжали, и имъ о томъ роспрашивать подлинно и писать тѣхъ крестьянъ и бобылей... кто въ которомъ году выбежалъ, въ указные десять лѣтъ, а далѣ десяти лѣтъ не писать» (А. Э., IV, стр. 26). Значит выбежавших до 1637 г. крестьян по пустым дворам за старыми помещиками писать было запрещено. В писцовых же книгах, представленных после 1626 г., пустые дворы и беглые крестьяне писались по простым заявлениям землевладельцев без всяких ограничений, и этим созданы были большие затруднения при применении нового закона. Хотя в Уложении предусмотрены некоторые из возможных коллизий старого правила с новым законом (XI, 5 и 8), но далеко не все. Поэтому, надо думать, для смягчения резких столкновений между землевладельцами из-за беглых крестьян в Уложении предписано «владѣнья за бѣглыхъ крестьянъ на прошлые годы до сего нынѣшняго Уложенья не указывати и по бѣглымъ дѣвкамъ мужей ихъ прежнимъ владѣльцамъ не отдавать, потому что по нынѣшней государевъ указъ государевы заповѣди не было, что никому за себя крестьянъ не пріимати, а указаны были бѣглымъ крестьяномъ урочные годы» (XI, 3).

Это правило и в частности его мотивировка в исторической литературе толкуются, как несомнительное свидетельство об окончательном, в силу закона, прикреплении крестьян. Но такой вывод едва ли можно признать правильным, так как и указанные постановления Уложения возбуждают ряд сомнений. Правительственной практике первой половины XVII в. хорошо были известны не только взыскание владенья за беглых крестьян, но и пени за прием их. Так, уже по указу 1607 г., помимо возвращения беглых крестьян, предписано было с принявшего «на царя государя за то, что принялъ противо уложения, доправити 10 рублевъ, не принимай чужого, да съ него же за пожилое тому, чей крестьянинъ, за дворъ на всякой годъ по 3 рубли». В отдельных распоряжениях по поводу сыска и вывозки на прежние места беглых крестьян предписывалось взыскивать за них государевы подати и доходы, а также пеню с тех, кто принимал и держал беглых крестьян, «чтобы имъ впередъ не повадно было воровать, сошлыхъ и бѣглыхъ крестьянъ за себя пріимать и за собою держать». В этих же распоряжениях не раз повторялся «заказ крѣпкой», т.-е. та же государева заповедь, запрещавший принимать беглых крестьян. В указе 1641 г., когда установлена была исковая десятилетняя давность на беглых крестьян, предписывалось «крестьянства и крестьянскихъ животовъ и владѣнья крестьянского искати вмѣстѣ со крестьяны» («Оч. сел. нас.», 57—62). Одним словом, ссылка Уложения, будто до его издания не было уста-

новлено государевой заповеди о неприеме беглых крестьян, совершенно неправильна, и предписание его—не указывать владенья за беглых крестьян на прошлые годы—было новостью.

Сомнительно, что правило ст. 3 оказалось более удачным в практическом его приложении и содействовало смягчению столкновений между землевладельцами. Превосходной иллюстрацией тому, какие затруднения вызывало на практике применение правил Уложения о сыске и возвращении беглых крестьян, является челобитье дворян и детей боярских «розныхъ городовъ» около 1660 года, где между прочим сказано: «А изъ за которыхъ, государь, крестьяня и бобыли вышли до переписныхъ книгъ, а въ писцовыхъ книгахъ за помѣщики и за вотчинники написаны, и тѣ люди тѣхъ нашихъ крестьянъ и бобылей и готово не отдаютъ потому, что въ твоемъ государевѣ указѣ и въ соборномъ Уложенье за тѣхъ крестьянъ и бобылей за владѣнье ничево не указано, и имъ тѣми нашими крестьяны и бобыли и впредь мочно владѣть безстрашно и безо всякія боязни, потому что отъ тебя, государя, ни едина заповѣдь, ни вина не лежитъ; и тѣхъ, государь, намъ крестьянъ ни которыми дѣлы безъ суда и безъ московскіе большіе волокиты сыскивать нельзя, и до днесь мы, холопи твои, отъ тѣхъ своихъ крестьянъ разоряемся» (Библиогр. зап. 1892, № 1). Эта жалоба показывает, какие серьезные неудовольствия вызвали на практике статьи 3 и 5 гл. XI Уложения.

Несомненно важнейшею новостью гл. XI Уложения была отмена урочных лет, т.-е. уничтожение исковой давности на беглых крестьян. Однако и это правило оказалось далеко не столь простым. Выше отмечено, что дворяне и дети боярские неоднократно обращались к правительству с просьбами об отмене урочных лет. В одной из них (1641 г.) челобитчики сослались на то, что «въ прежнихъ годѣхъ и при прежнихъ государѣхъ въ тѣхъ бѣглыхъ крестьянѣхъ урочныхъ лѣтъ не (вы) бывало; и государь бы ихъ пожаловалъ, бѣглымъ изъ за нихъ крестьяномъ урочные лѣта велѣлъ отставить». Какие порядки имелись в виду в этой ссылке? Урочных лет не существовало у нас до указа 1597 г. Не возрождения ли этой отдаленной старины добивались просители? Может быть, хотя им не были знакомы обстоятельства, вызвавшие указ 1597 г. Но они могли иметь в виду и более близкие к ним по времени факты возврата беглых крестьян без урочных лет. Действительно во многих правительственных распоряжениях первой половины XVII в. о сыске и вывозе беглых крестьян вовсе не упоминается об указных годах, и крестьян возвращают за 8 и 12 лет во время действия пяти и десятилетней исковой давности. В наказах писцам, отправленным в Тотемский и Усольский уезды в 1645 г., предписано сыскивать и возвращать назад разошедшихся крестьян с 1609 и 1613 гг. («Оч. сел. нас.», 67—71). Но во всех перечисленных случаях идет речь о старинных крестьянах, записанных в писцовых книгах или породившихся в данной вотчине или деревне. Поэтому надо признать догадку проф. Клю-

чевского, что «на старинных беглых крестьян, повидимому, не простиралась давность побега», заслуживающей полного внимания. А если это так, то, вопреки категоричному указанию Уложения (XI, 3), не всем категориям крестьян «указаны были урочные годы».

Но и отмена урочных лет по Уложению не была столь полной, как можно заключить из категоричного правила Уложения. Они вновь возродились после Уложения в силу специально изданных указов, но в форме гораздо более невыгодной для интересов землевладельцев. Вместо точно определенного и всем заранее известного срока для исков о беглых крестьянах, отдельные указы установляли совершенно произвольные сроки давности, устраняя совсем неожиданно для владельцев приобретенных прав их исковые притязания о возвращении крестьян по принадлежности. Вот примеры такой указной политики. При отписании к посадам прилегающих слобод, поместий и вотчин было разрешено вывозить из них пашенных крестьян, «будетъ которые объявятся по роспросу ихъ помѣстей и вотчинъ старинные крестьяне» (XIX, 5). Уже в 1649 г. возникло много таких дел. В числе отписанных с слободами и взятых в посады старинных крестьян оказались и беглые. Один помещик бил челом о возвращении беглого своего крестьянина, который сбежал в 1645 г. и жил в с. Спасском за боярином Н. И. Романовым, но вместе с другими жильцами этого села взят в Калугу в начале 1649 г. В июле того же года «по той челобитной и объ иныхъ такихъ же» докладывал государю боярин кн. Ю. А. Долгоруков, которому поручено было заведывание сыском посадских жильцов, и государь по всем таким делам указал отказать челобитчикам, «потому что о тѣхъ крестьянѣхъ на б-на Ивана Никитича и на сына ево б-на Никиту Ивановича государю не бивали челомъ». Со времени бегства крестьянина прошло всего четыре года, и по правилам до Уложения его можно было искать еще в течение шести лет; но с уничтожением урочных лет, сейчас же после издания Уложения, все такие иски признаны не подлежащими удовлетворению только потому, что заинтересованные не били челом о своих крестьянах раньше. Мало того. Уложение, предоставив возвращать из отписанных к посадам слобод старинных крестьян, не установило никакого срока для этих дел. Многие возбудили такие дела уже после приписки разных людей к посадам, объясняя это тем, что иные об этом ранее не знали, а иные и знать не могли, находясь на государевой службе. Но на эти доводы предъявлен был только один формальный отвод: по указу государя все отписанные к посадам люди переписаны в переписные книги, и розыск им был с 19 ноября 1648 г., «а тѣхъ всякихъ чиновъ челобитья съ того году и числа на тѣхъ новопринятыхъ людей не бывало». На этом основании состоялся доклад государю 12 марта 1652 г., «и той выписки бояре слушали и приговорили: челобитчикомъ всѣмъ сказывать съ сего числа, которые прежъ сего (не) били челомъ о

крестьянѣхъ своихъ и о бобыляхъ, и въ Приказѣ Сыскныхъ Дѣлъ челобитья ихъ, какъ сѣлъ б-нъ кн. Ю. А. Долгоруковъ, не было и по се время, и тѣмъ всѣмъ отказывать и челобитья ихъ съ сего числа не принимать». Итак челобитья отклонены единственно в силу того, что не возбуждены были раньше, вскоре после издания указа, хотя с тех пор едва протекло три года. В 1684 г. декабря 17 издан новый важный указ, в силу которого всем крестьянам и бобылям, если они пришли в города после Уложения 1649 г. и записаны в переписных книгах 1678—1679 гг. или хотя и не записаны и пришли после составления переписных книг вплоть до указа 1684 г., велено жить на посадах бесповоротно, «а помѣщикомъ и вотчинникомъ и всякихъ чиновъ людемъ ихъ во крестьянство и въ холопство отдавать не велѣно, а велѣно тѣмъ помѣщикомъ и вотчинникомъ отказать, для того что они великимъ государемъ не били челомъ многіе годы, и на тѣхъ всѣхъ пришлыхъ людей во крестьянствѣ и въ холопствѣ и въ побѣгѣ и въ сносныхъ животахъ суда давать не указано» («Оч. сел. нас.», 37, 63—67). Из этих примеров видно, как неожиданно воскресали урочные годы и притом без всякой возможности для заинтересованных воспользоваться их применением.

Запретив взыскание владенья за держание беглых крестьян на прошлые годы, Уложение на будущее время установило заповедь, в силу которой не только подлежали возвращению по суду и по сыску беглые крестьяне и бобыли «съ ихъ животы и съ хлѣбомъ стоячимъ и съ молоченымъ и съ землянымъ» без урочных лет, но сверх того предписывалось на тех, за кем беглые крестьяне «съ сего государева Уложенья учнутъ жити, за государевы подати и за помѣщиковы доходы взяти за всякого крестьяннна по десяти рублевъ на годъ и отдавати истцомъ, чьи тѣ крестьяне и бобыли» (XI, 10). Эта заповедь, совсем не являющаяся новостью Уложения, не только не прекратила, но и не уменьшила крестьянского бегства. Крестьяне не только продолжали бегать, но, как свидетельствует указ 1658 г., сверх того дворян и детей боярских «разоряютъ, животы ихъ грабятъ и дома ихъ пожигаютъ, а иныхъ и самихъ и женъ ихъ и дѣтей до смерти побиваютъ». Указ предписал назначить сыщиков для сыска беглых, а последним за разорение помещиков чинить наказанье—бить кнутом нещадно, за убийство же казнить смертною казнью. В 1661 г. назначено наказание кнутом приказчикам имений за прием беглых; а если такой прием допускали сами землевладельцы, то должны были не только доставить беглых на своих подводах, но еще отдать потерпевшим за каждого принятого беглого крестьянина своего крестьянина с семьей и с имуществом. По указу 1664 г. число таких «наддаточных» крестьян за каждого принятого беглого было увеличено до четырех. Дальнейшие указы 1681, 1682, 1683 и 1698 гг., в борьбе с крестьянским бегством, то возвращаются к правилам Уложения, то повторяют правила указов 1661 и 1664 гг., то видоизменяют их увеличением платы за крестьянское владенье до 20 р. в год (П. С. З.,

№№ 220, 307, 364, 891, 972, 985, 1623 и 1625). Но частое повторение таких указов и усиление строгости наказаний за прием беглых самым наглядным образом доказывают безрезультатность правительственной борьбы с неизбежными последствиями разрастающегося крепостного права.

Правила гл. XI Уложения об отмене урочных лет для сыска беглых крестьян и о взыскании владения за прием беглых еще и потому не могут считаться общим действительным законом о прикреплении крестьян, что ими вовсе не завершается развитие крепостного права. Следить за этим развитием и его характерными особенностями позволяют отчасти данные указной практики, но преимущественно практики бытовой, начиная с конца XVI в. Изменения в условиях крестьянского порядка и рост землевладельческих прав над населением вотчин и поместий заслуживают преимущественного внимания.

Отразилось ли и в какой форме прекращение крестьянского перехода на условиях крестьянского поряда? Этот вопрос в исторической литературе решается весьма различно. Одни думают, что «порядные, писанные при свободном крестьянском переходе, и порядные по прикреплении крестьян и после Уложения 1649 г. совершенно одинаковы, и вся разница состоит только в том, что по прикреплении стали писать: «а съ той земли мнѣ не сойти и ни за кого не порядиться и не задаться»; но и это условие, требуемое Уложением (?), не было постоянным» (Беляев). Другие, наоборот, полагают, что в положении крестьян произошла существенная перемена: «Указ 1597 г. установил неразрывность договоров между крестьянами и землевладельцами. Таким образом прикрепленными оказывались только те крестьяне, у которых были заключены договоры с владельцами, и судебные иски о беглых крестьянах должны были опираться на эти договоры, наличность которых предстояло доказывать истцам; попрежнему дело шло о частно-правовой сделке. Напротив в писцовом наказе (1646 г.) договор оставлен совершенно в стороне, решающее значение получил факт внесения в переписные книги... Крестьянин и его наследники считались крепкими земле не потому, что они заключили договор об аренде участка земли, а потому, что крестьянин был приписан в книгах к такому-то имению; все его потомки должны были остаться в том же имении, и владелец имел право посадить их на землю, не заключая с ними нового договора» (Энгельман). Как дальнейшее следствие нового порядка отмечают далее, что «порядные XVII в.—остаток старины, факт переживания, не более. Они не соответствуют новому строю жизни, а потому Уложение и вводит новый способ поступления в крестьянство: записку в крестьяне в Поместном приказе... Порядные с этого времени более не нужны. Записка в крестьяне (в приказе) делает вечным крестьянином и без особого на то условия порядной» (Сергеевич).

Нельзя не признать эти мнения одинаково крайними. Уложение, действительно, вводит новый порядок поступления в кре-

стьяне. По новому правилу помещики и вотчинники о всех желающих поступить к ним в крестьяне должны подлинно проведывать, не беглые ли они чьи люди или крестьяне, и после такой проверки приводить поступающих к записке в книге Поместного приказа или воеводских приказных изб (в Казани, Новгороде и Пскове), где показания поступающих снова проверялись, их расспросные речи записывались в книги, и при отсутствии сомнений приведенные отдавались под расписку тем людям, кто их к записке приведет. Если бы отданные по записи в приказе или приказных избах оказались чьими-либо чужими крестьянами, то принявшим за плохое проведывание угрожалось взысканием в том же размере, как за заведомый прием беглого крестьянина (Ул., XI, 20 и 21). Но как плохо прививался этот порядок, видно, например, из того факта, что в псковских записных книгах таких «отдачъ» в крестьяне по расспросу отмечено менее 30 на тысячу, по крайней мере, крестьянских порядных, записанных в те же книги. Отсюда видно, что порядные записи в течение XVII в., как до Уложения, так и после него, заключались между крестьянами и землевладельцами.

Поряжающимися в крестьяне прежде всего являлись «вольные люди», именующие себя нередко «гулящими людьми». Таковыми являлись отпущенные на волю холопы или крестьяне и бобыли; выходцы из-за рубежа, особенно по польско-литовской границе; дети и родственники тяглых людей, не занесенные еще ни в какие официальные описи, хотя лица последней группы и могли возбудить сомнения и споры касательно их вольности. Гораздо чаще, однако, поряжающиеся в крестьяне, именуя себя вольными людьми, не давали подробных указаний о своем происхождении. Но кроме вольных людей выдавали на себя порядные записи и старинные крестьяне своим прежним господам землевладельцам по каким-либо специальным поводам, например, после возвращения из бегов или из полона, в случае утраты прежних порядных записей, при перемене их хозяйственного положения в случае перехода или перевода на другой участок, при переходе имения из одних рук в другие и т. п. Но порядные на старинных крестьян только подтверждали или разъясняли землевладельческие права на крестьян по старине.

Самые ранние порядные XVII в. по содержанию почти тождественны с порядными XVI в., и по ним невозможно отметить какие-либо изменения в условиях крестьянской аренды, кроме лишь одного условия, ранее не встречающегося: о невыходе из-за землевладельца. Сначала это условие формулируется довольно мягко. Порядчики обязуются «изъ за монастыря не сбѣжати», «за волость имъ не выйдти», «на сторону инуды никуды не рядитца». Затем уже определеннее: «никуда вонъ не выити и впредь жити неподвижно», «вонъ не соити и впредь безъ выходу жити», «а впредь во крестьянствѣ крѣпокъ» или «прочен», иногда с прибавлением «безвыходно» или «вечно». Такие условия нередко сопровождались санкцией, в силу которой, если порядившийся сойдет или сбе-

жит, то его «волно взять и вывесть въ вотчину и въ деревню на участокъ посадить», где землевладелец прикажет; или: «и гдѣ насъ (помѣщикъ) сыщетъ, и мы крѣпки ему во крестьянствѣ въ его помѣстьѣ, на тое деревню, гдѣ онъ насъ посадитъ». Это условие составляет первое существенное отличие порядных записей после прекращения свободы переходов. Правда Беляев совершенно правильно отметил наличность порядных, в которых крестьяне выговаривают себе право перехода. Но если выделить такие среди них, в которых переход предоставлен лишь в пределах владений того землевладельца, на чье имя выдана порядная, то останется совершенно ничтожное число других, которые предоставляют крестьянам право выхода после смерти данного землевладельца куда им угодно. Вольный человек мог, конечно, ограничить свою аренду любым сроком, и Уложение, вопреки Беляеву, этого вовсе не запрещает. Как редкое исключение такие срочные порядные нисколько не подрывали обычного правила, что в XVII в. крестьяне поряжались жить «безвыходно» или «вечно».

Вторая существенная перемена в условиях крестьянского поселения возникла на старой почве крестьянской задолженности. Выдача подмоги или ссуды, между которыми едва ли возможно провести какую-либо разницу в XVII в., была явлением широко развитым: как при заведении хозяйства вновь, так и при расширении или поддержании старого призванием новых поселенцев выдача ссуды является необходимым условием и во всех таких случаях всегда предполагается; без средств на выдачу ссуды нельзя и крестьян призвать. Но подмога или ссуда теперь вовсе не являлись уплачиваемым вперед вознаграждением за особые труды и затраты по приведению крестьянских участков в положение, необходимое для сельскохозяйственной культуры: за расчистку пашни, возведение новых построек и т. п. Поряжавшиеся на девственные или запустевшие участки, конечно, и теперь нуждались в особой поддержке со стороны землевладельцев. Но эта поддержка выражалась большею частью не в выдаче подмоги или ссуды, а преимущественно в предоставлении порядчикам льгот от государственных податей и повинностей и от землевладельческих сборов и сделья. Сверх такой льготы подмога или ссуда были необходимым пособием земледельцу исключительно для того, чтобы поставить его самого в возможность приняться за крестьянское хозяйство. Нередко искатели «крестьянской пристани» являлись с очень малыми достатками, даже без всяких достатков, с одним желанием приняться за крестьянское хозяйство. Если порядчик приносил «своего живота полтора рубли денегъ да кафтанъ сѣрой», то это можно признать сравнительно благоприятным условием для заведения крестьянского хозяйства. Другой приносил с собой только «шапку да кафтан», третий «своего живота не принесъ ничего». А были и такие, которые характеризовали свое имущественное положение простодушными, но выразительными словами: пришли де они «душою да тѣломъ». Как можно

было при таких условиях приняться за крестьянское хозяйство без помощи со стороны землевладельца? Таким поселенцам нужен рабочий и иной хозяйственный скот, хлеб на посев, да сверх того хлеб же «на ѣмена», «на ѣству», «на прокормъ» до первого урожая. Все это и выдавалось землевладельцами натурой или деньгами. Денежная ссуда во всех записях второй половины XVII в. определенно выдавалась «на лошади, и на коровы, и на дворовое строенье, и на всякую мелкую животину, и на всякую дворовую спосуду»; или: «на лошади, и на коровы, и на всякую животину, и на хлѣбъ, и на сѣмена, и на всякой крестьянской заводъ». Размеры этой ссуды колебались от 5 до 10 руб., иногда поднимаясь выше этой нормы, пока указом 1680 г. не было предписано писать крестьянские ссудные записи в 10 р.

Но если без землевладельческой ссуды крестьянин не мог обзавестить необходимым в крестьянском хозяйстве инвентарем, то, значит, все крестьянское хозяйство создавалось землевладельческим капиталом и крестьянским трудом. В тех случаях, когда выговаривалось возвращение ссуды, и она была крестьянином выплачена, еще можно было наглядно выделить собственное крестьянское имущество, созданное его трудом. Но когда ссуда выдавалась бессрочно и возврат ее выговаривался лишь на случай ухода или бегства крестьянина,—а такая практика с половины века становится господствующей,—провести грань между крестьянскими «животами» и господским имуществом не представлялось возможности. На этой почве уже довольно рано и возникла естественная склонность землевладельцев налагать свою руку па крестьянские животы в целом ряде случаев для ограждения собственных интересов. Такая точка зрения нашла свое отражение и в указанной практике. Указы и Уложения, правда, говорят о крестьянских животах, как бы признавая за крестьянином право собственности на его имущество. Но рядом с этим то же имущество часто не отличается от землевладельческого. Напр., в 1628 г. возник вопрос, как взыскивать долги с дворян и детей боярских, которые долгов не платят и на правеже отстаиваются, но у которых имелись поместья и вотчины. По этому докладу состоялся указ, предписывавший посылать для взыскания долгов в вотчины и поместья «и велѣти править на людехъ ихъ и на крѣстьянѣхъ». Этот порядок ответственности крестьян за долги землевладельцев всецело сохранен Уложением и новоуказными статьями (А. И., III, стр. 101; Ул., X, 262; П. С. З., № 667). По указам и Уложению предписывалось беглых крестьян возвращать прежним владельцам «со всѣми ихъ крестьянскими животы». Об этих животах беглых крестьян мог возникнуть спор, но не между выданным из бегов крестьянином и помещиком, от которого крестьянин возвращен, а между помещиками—укрывшим и тем, которому отдан беглый крестьянин. Собственник имущества остается в стороне, об его имуществе спорят владельцы крестьянина. Мудрено ли, что в практике притязания землевла-

дельцев на крестьянские животы выходили далеко за пределы указных рамок.

Общераспространенностью обыкновения давать крестьянам при поселении ссуду надо объяснить и тот факт, что крестьянские порядные записи все чаще и чаще стали называться ссудными крестьянскими записями. Последнее название встречается в памятниках 20-х годов XVII в. и мало-по-малу становится во второй половине века господствующим. Многочисленные новоуказные статьи говорят только о ссудных записях на крестьян. Но изменилась ли крестьянская запись по форме и содержанию, переименовавшись из порядной в ссудную? Сравнение этих двух форм записей дает совершенно ясный ответ на поставленный вопрос. Предметом порядной записи является поселение за кем-либо в крестьянство или бобыльство на определенный участок земли с пашней или без пашни. В XVII в., когда такие записи заключались с условием жить вечно или безвыходно, едва ли можно приравнивать крестьянский поряд договору об аренде земли. Уже в самых древних из известных порядных к условию об аренде участка земли присоединяются обязательства, кроме уплаты государственных сборов и доходов в пользу землевладельца, делать на последнего всякое дело, т.-е. нести в его пользу барщинные повинности, которые иногда заменялись оброком. В крестьянской порядной как бы соединены два договора: аренды участка земли (locatio conductio rei) и найма личных услуг (locatio conductio operarum). К этим двум основным сделкам присоединялись нередко и другие побочные условия о льготе, о подмоге и т. д. Ссудная же запись носит совершенно другой характер. Порядчик по ссудной записи прежде всего заемщик. «Се язъ NN взялъ на ссуду у государя своего (игумена) столько то рублей на дворовое строенье и на всякую животину и на всякую дворовую спосуду». Таково основное условие ссудной записи. Второе необходимое условие крестьянской ссудной записи выдвигается как естественное следствие займа: «а за тое ссуду (или: «и съ тою ссудою») жити мнѣ за тѣмъ-то во крестьянѣхъ или въ бобылѣхъ на такой-то деревни или въ помѣстьи или въ вотчинѣ, гдѣ онъ государь посадитъ или укажетъ». Поселение в крестьянство здесь отнюдь не главный предмет сделки, а лишь следствие сделки о займе. Возвращение ссуды, пока крестьянин живет за землевладельцем, вовсе не выговаривается, равно как и уплата по ней процентов. Взамен того и другого заемщик должен жить у своего кредитора в крестьянах или бобылях. Это обязательство обыкновенно дополнялось условием—жить безвыходно, не сбежать и ссуды не снести. Все это скреплялось обычной санкцией, в силу которой, если крестьянин сойдет или сбежит, «гдѣ ни сыщутъ, взять ссуду, а крестьянство и впредь крестьянствомъ». В словесных расспросах, при записке ссудных в книги, заемщики и кредиторы еще нагляднее вскрывали характер возникающей из займа зависимости. Один заемщик, напр., объяснял, что взял на ссуду 15 р. «и въ той

де ссудѣ далъ на себя запись, что ему за тое ссуду жить во крестьянехъ вѣчно»; другой заявил, что взял у землевладельца 15 р. денег «и за тѣ взятые денги билъ челомъ ему во крестьянство». А одна землевладелица, предъявляя к записке запись на выходца, пояснила, что этот выходец «далъ мнѣ робѣ вашей на себѣ запись жилецкую за денги за 30 рублевъ».

Указанный тип ссудной крестьянской записи настолько своеобразен, так резко отличается от порядной крестьянской записи, что в исторической литературе ссудную запись приравняли по существу купчей на вольного человека во крестьяне. Название «купчая запись», однако, не могло быть допущено будто бы потому, что по Уложению вольные люди не продаются в крестьяне, а только записываются в это состояние; вследствие этого явилась практическая необходимость площадным подъячим выдумать в обход существа дела подходящую формулу в виде ссудной записи («Др. русск. пр.», I, 285—286). Едва ли, однако, надо итти так далеко. Ссудные записи вовсе не вызваны к жизни Уложением, а, как показано выше, существовали до него и были ему хорошо известны (XVIII, 40). Ссудные записи возникли совершенно естественно из необходимости снабжать поселенцев необходимым в крестьянском хозяйстве инвентарем. Тут не оставалось никакого места для игры площадных подъячих в юридическое остроумие; подъячие же, кстати сказать, писали, когда в том оказалась нужда, и купчие на крестьян без всякого смущения и боязни перед Уложением. Ссудная крестьянская запись, конечно, не арендный договор, но и не купчая на вольного человека в крестьянство. Крестьянство по ссудной записи возникает из займа и является вечной и потомственной крестьянской страдой за самый долг или за долг с процентами. В этом отношении ссудная запись самым тесным образом примыкает к служилой кабале до видоизменения характера последней по указам 1586 и 1597 гг. (об этом ниже).

Второй из намеченных выше вопросов о росте землевладельческих прав над населением вотчин и поместий стоит в самой тесной связи с более общим вопросом о характере крестьянского прикрепления. Когда в литературе заходит речь о прикреплении крестьян, то в большинстве случаев под этим выражением подразумевают прикрепление их к земле. Это давнее в литературе мнение покоилось на столь же давнем убеждении об указном прикреплении крестьян при царе Федоре Ивановиче. Дело представляли себе так, что правительство, в его заботах о бездоимочном поступлении тяглых сборов и правильном отбывании тяглых повинностей, а также в видах хозяйственного обеспечения служилых людей для правильного выполнения ими обязательной военной службы, отменило Юрьев день и прикрепило крестьян к земле. Возникшее таким образом в государственных интересах прикрепление крестьян и в законодательных актах XVII в. не теряло этого публично-правового значения.

И если тем не менее прикрепление стало принимать уродливые формы крепостного права над личностью крестьянина, то это произошло вследствие злоупотреблений со стороны землевладельцев и вопреки прямым намерениям правительства.

Стать на эту точку зрения тем, кто не верит в указное прикрепление крестьян или убежден в противном, довольно трудно. Если бы даже и допустить мысль об утрате указа о прикреплении, то все же важно было бы узнать, в каком указе более или менее определенно выражена мысль о прикреплении крестьян к земле? В указе 1597 г. о возвращении по суду и по сыску за пять лет бежавших из поместий и вотчин крестьян, правда, предписано, таких беглых крестьян «возити назадъ, гдѣ кто жилъ». Но и это далеко не решающее указание парализуется целым рядом других гораздо более определенных официальных указаний. Так, в указе 1607 г. сказано: «которые крестьяне отъ сего числа предъ симъ за 15 летъ въ книгахъ 101 году положены, и тѣмъ быть за тѣми, за кѣмъ писаны»; беглых крестьян велено «отдавати по тѣмъ книгамъ со всѣми ихъ животы тѣмъ, за кѣмъ они писаны»; если же на беглых крестьян челобитья до 1 сентября не будет, «и тѣхъ послѣ того срока по тѣмъ книгамъ не отдавати, а написати ихъ въ книги, за кѣмъ они нынѣ живутъ». В 1642 г. дворяне и дети боярские просили «ихъ бѣглыхъ крестьянъ и бобылей отдавати по помѣстныхъ ихъ и по вотчиннымъ дачамъ и по писцовымъ книгамъ и по выписямъ, кто кому чѣмъ крѣпокъ, а людей также отдавати по крѣпостямъ», и государь указал из-за властей, из-за монастырей, от вотчинников и помещиков, «чей кто нибудь, бѣглыхъ крестьянъ и бобылей имати и отдавати за 10 лѣтъ». По Уложению точно так же беглых крестьян велено отдавать по писцовых книгам, по челобитьям помещиков и вотчинников, «будетъ тѣ ихъ бѣглые крестьяне въ писцовыхъ книгахъ за ними написаны, или послѣ тѣхъ писцовыхъ книгъ тѣ же крестьяне по новымъ дачамъ написаны за кѣмъ во отдѣльныхъ или во отказныхъ книгахъ. А отдавати бѣглыхъ крестьянъ и бобылей изъ бѣговъ по писцовымъ книгамъ всякихъ чиновъ людемъ безъ урочныхъ лѣтъ». В отличие от владельческих крестьян, возвращаемых из бегов владельцам, беглые крестьяне дворцовых сел и черных волостей, по Уложению, подлежали возвращению «на старые ихъ жеребьи» (XI, 1 и 2). Но и относительно крестьян черных и дворцовых трудно говорить о прикреплении их к земле; скорее можно объяснить их прикрепление, как и посадских людей, к тяглым общинам в обеспечение исправного отбывания тягла.

Отсутствие идеи о поземельном прикреплении в указной политике XVII в. вскрывается из отдельных указных предписаний, когда законодатель не стеснялся отрывать от земли крестьянина даже без всякой с его стороны вины. Так, по указу 1625 г. за неумышленное убийство землевладельцем или членом его семьи или его приказчиком чужого владельческого крестья-

нина предписано взять из поместья виновного лучшего крестьянина с женою, детьми и имуществом и отдать в крестьянство тому землевладельцу, у которого крестьянина убили. Тем же порядком выдавался и крестьянин, неумышленно убивший другого владельческого крестьянина, или взамен убийцы—лучший крестьянин того же помещика. Этот указ целиком вошел и в Уложение (Вл.-Буданов. «Хрестоматия», III, изд. 3, 67—68 и 176; Улож., XXI, 71 и 73). В Уложении можно отметить сверх того ряд статей, допускавших перевод крестьян из одних вотчин в другие в удовлетворение совершенно частных интересов. Напр., там предусмотрены случаи, когда будут куплены вотчины с крестьянами, а эти крестьяне по суду и по сыску будут отданы каким-либо истцам, то в возмещение ущерба предписывалось, «тѣмъ вотчинникомъ (из чьих купленных вотчин крестьяне будут отданы) вмѣсто тѣхъ отдаточныхъ крестьянъ взяти на продавцахъ такихъ же крестьянъ изъ иныхъ ихъ вотчинъ» (XI, 7). При мене жилых поместий или вотчин на пустые разрешалось владельцам крестьян своих сводить на иные свои поместные или вотчинные земли (XVI, 7). Правда в Уложении стоит и категорическое требование: «помѣщикомъ и вотчинникомъ крестьянъ своихъ съ помѣстныхъ своихъ земель на вотчинные свои земли не сводити»; но это требование вызвано исключительно желанием в интересах фиска предупредить разорение поместий («тѣмъ своихъ помѣстей не пустошити») (XI, 30). Но помимо этого случая Уложение не только не препятствует переводу крестьян из одних имений в другие, но в некоторых случаях даже разрешает совершенно отрывать крестьян от земли. Владельцам загородных дворов и огородов, не имевших собственных людей, можно было держать в дворниках крестьян и бобылей по одному на дворе или огороде. Но на-ряду с этим запрещалось держать постоянно при таких дворах многих крестьян под угрозой перечисления их за государя; только «на время, для ремесленного дѣла на вотчинниковъ и помѣщиковъ» разрешалось крестьянам приходить из вотчин и поместий в загородные дворы своих господ (XIX, 14). Наконец Уложение предусматривает отпуск крестьян на волю с выдачей им отпускных. Вполне санкционируя такой отпуск крестьянских дочерей-девок или вдов при выдаче их замуж за чьих-либо людей или крестьян и разрешая взимать в этих случаях плату за вывод (XI, 19), относительно отпуска крестьян Уложение не ставит вопроса в такой общей форме и подходит к его решению по совершенно частному поводу и в другом месте. Если помещик или вотчинник отпустит из поместья или вотчины крестьянина на волю и отпускную ему даст, а потом то поместье или та вотчина даны будут кому другому, и новый помещик или вотчинник будет бить челом, что тот крестьянин отпущен «не делом», и чтобы того крестьянина вернуть ему, в таком случае, постановляет Уложение, «который крестьянинъ отпущенъ изъ вотчины съ отпускною, и того крестьянина новому вотчиннику не от-

давати; а будетъ который крестьянинъ отпущенъ будетъ изъ помѣстья, и того крестьянина отдати по писцовымъ книгамъ новому помѣщику, потому что изъ помѣстей помѣщикомъ крестьянъ на волю отпускати не указано» (XV, 3). Отсюда ясно, что Уложение ничего не имеет против отпуска крестьян на волю из вотчин, но не допускает такого отпуска из поместий опять по чисто фискальным соображениям, чтобы отпуском крестьян временные владельцы поместий «не пустошили» их.

Все приведенные указные правила не знают никакого прикрепления крестьян к земле; в основе их гораздо отчетливее можно подметить предположение о личной крепостной зависимости крестьян от их владельцев. Эта точка зрения в указной практике сказалась не без достаточных оснований. Ее корни надо искать в практике бытовой, а последняя в свою очередь вырабатывалась под влиянием тех отношений, какие складывались между землевладельцами и крестьянами в течение XVI в. Выше было указано, что выход (или вывоз) крестьян обусловлен был по Судебникам отказом в определенный срок. Недостаточно было заявить об отказе; нужно было, чтобы он был принят землевладельцем. Только при соблюдении этого последнего условия уход (вывоз) крестьянина считался вполне правильным и не мог возбудить никаких споров о том, не нарушены ли правила перехода, и не являлся ли вышедший (вывезенный) крестьянин беглым. При возрастающей хозяйственной зависимости крестьян от землевладельцев, последние приобретали все большую возможность отклонить отказ под тем или иным предлогом. Прием отказа все более и более зависел от усмотрения землевладельца и естественно превратился к концу века в «отпуск» крестьянина даже в представлении самого правительства. Одна такая санкция владельческого усмотрения при «христіанскомъ отказѣ» создала весьма благоприятную почву для различных соглашений между землевладельцами по поводу проживающих за ними крестьян. Запутанные споры о беглых крестьянах давали весьма обильную пищу для подобных соглашений. Так подготовлена была удобная почва для возникновения разнообразных сделок на крестьян без земли. Такие сделки успели уже оформиться и получить официальную санкцию еще в конце XVI в. От 1598 г. сохранилась мировая запись старца Гурия, строителя Голутвина монастыря, с подъячим Пятым Григорьевым по предъявленному иску о возвращении подъячим монастырю монастырских крестьян. Старец Гурий «въ тѣхъ крестьянѣхъ, не дожидаясь сказки по судному дѣлу, съ подъячимъ помирился полюбовно»: взял в монастырскую вотчину четырех крестьян, «Данила Михайлова роздѣля съ его затемъ съ Ѳедкою Степановымъ животы ихъ по половинамъ», а подъячему «по сыску поступился» двумя крестьянами и обязался на подъячего «въ тѣхъ крестьянѣхъ не бити челомъ и впередъ тѣхъ крестьянъ не искати». Из мировой записи не видно тех оснований, в силу которых стороны решили прекратить процесс. Но значение сделки об уступке крестьян от того не умаляется. Го-

раздо больше подобного рода сделок сохранилось от первой половины XVII в. В некоторых из них сохранились чрезвычайно интересные указания и на главные условия таких поступных или сделочных записей на беглых крестьян. Напр., в 1620 г. помещик Писарев бил челом на властей Троицкого Сергиева монастыря о двух своих крестьянах, бежавших из поместной его деревни в монастырскую вотчину. Но, не ходя в суд, Писарев помирился с монастырским стряпчим, уступив своих крестьян «въ домъ Живоначальные Троицы зъ женами и съ дѣтьми и со всѣми ихъ крестьянскими животы во вѣки», и при этом обязался за себя, свою жену, детей и свой род впредь «въ тѣхъ крестьянѣхъ не бити челомъ, потому что я Дорофей (Писарев) за тѣхъ крестьянъ у троецкихъ властей взялъ 50 рублевъ денегъ». Значит Писарев не даром уступил своих крестьян монастырю: за каждую крестьянскую семью он получил по 25 р., т. е. продал своих беглых крестьян. Любопытно, что крестьяне были не вотчинные, а поместные, а запись не названа купчею, да и самое упоминание в ней о полученных за крестьян деньгах проскользнуло в запись для подкрепления обязательства не искать впредь крестьян. В поступной записи 1632 г. есаула Бельского оказано, что он поступился Троицкому Сергиеву монастырю вотчинным своим крестьянином с женою и детьми, потому что «тово моево крестьянина Гришку взяла бѣдность, и была жена ево въ закладѣ у стародубца у Родивона Гринева, и онъ строитель старецъ Симонъ Азарьинъ жену ево изъ закладу выкупилъ монастырскими казенными деньгами». На каких условиях состоялась такая уступка, в записи опять не сказано. А в 1647 г. братья Протопоповы, поступившись своим вотчинным крестьянином помещику Веригину, откровенно признали, что отдали крестьянина «за долгъ безповоротно» и предоставили его перевести с семьей, «опроче животовъ, что мы ему Титку (крестьянину) давали въ подмогу». В других случаях уступка беглых крестьян мотивировалась тем, «что тотъ крестьянинъ въ троецкой вотчинѣ застарѣлъ, изъ государевыхъ указныхъ лѣтъ вышелъ»; или что крестьяне «изъ урочныхъ лѣтъ вышли, и мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ, что они въ троецкой вотчинѣ давно». Но едва ли не в большинстве таких поступных записей вопрос об условиях уступки крестьян обходится полным молчанием (Акты о тягл. насел., II, №№ 33, 42, 60; ср. еще №№ 44, 45, 50, 63, 71, 74; Беляев. «Крестьяне», изд. 4, 168). Широкое распространение такого рода сделок на крестьян засвидетельствовано Уложением, которое все их санкционировало: «у которыхъ помѣщиковъ и у вотчинниковъ о бѣглыхъ крестьянѣхъ и бобыляхъ въ прошлыхъ годѣхъ, до сего государева указу, была полюбовная здѣлка, и по полюбовной здѣлкѣ кто кому своихъ крестьянъ поступился и записми укрѣпилися или челобитные мировые подали, и тѣмъ всѣмъ дѣламъ быти по тому, какъ тѣ дѣла вершены, а вновь тѣхъ дѣлъ не всчинати и не переговаривати» (XI, 8). Значит эти сделочные записи могли быть признаны

и документальным подтверждением прав на крестьян, о чем мельком упоминает и Уложение, говоря о крестьянах, написанных за кем-либо в писцовых или отдельных книгах и в выписях «или въ иныхъ въ какихъ крѣпостяхъ» (XI, 15). А писцовые наказы 1664 и 1683 гг. уже определенно указывают, когда «сдѣлочные крѣпости» на крестьян должны иметь даже преимущественное значение перед писцовыми и переписными книгами, именно, когда владельцы, за которыми проживают люди или крестьяне, «положать изъ приказовъ какую отдачу или по полюбовному съ кѣмъ договору вмѣсто бѣглаго или убитаго человѣка или крестьянина взятую крѣпость или поступную запись», то тех людей или крестьян новым помещикам и вотчинникам по писцовым и переписным книгам не отдавать, «а быть тѣмъ людемъ и крестьяномъ за тѣми помѣщики и вотчинники по сдѣлочнымъ крѣпостямъ» (П. С. З., №№ 364 и 998, пп. 29 и 46).

Так признанная Уложением практика расспоряжения личностью крестьянина была окончательно узаконена. Тем, конечно, открытее и безобразнее она становится. Владельцы меняют крестьян на крестьян и даже на людей, закладывают, дарят, продают. В хозяйстве своем владельцы бесконтрольно распоряжаются трудом своих крестьян, облагают их по усмотрению сборами, а за ослушание своим распоряжениям подвергают их наказаниям включительно до битья нещадно кнутом. Судебная власть владельцев над населением их вотчин имеет весьма отдаленные корни в жалованных несудимых грамотах. От жалованных льготных грамот ведет свое начало и податная ответственность землевладельцев за исправное отбывание тягла проживающими за ними крестьянами. Так мало-по-малу землевладелец становится между государственною властью и крестьянином. Чем более землевладелец заслонял собою крестьянина, тем шире разрастался его произвол над последним. Правда Котошихин свидетельствует, что землевладельцам предписывалось «крестьянъ своихъ отъ стороннихъ людей, отъ всякихъ обидъ и налогъ остерегаті и стояті, а податі съ нихъ иматі по силе, съ кого что мочно взяті, а не черезъ силу, чтобъ тѣмъ мужиковъ своихъ исъ помѣстей и изъ вотчинъ не разогнать і въ нищие не прівесть, и насилствомъ у нихъ скота и животины никакой и хлѣба всякого и животовъ не имати». Далее он указывает, что если «помѣщикъ і вотчинникъ, не хотя за собой крестьянъ своихъ держати... учнетъ съ нихъ іматі поборы великие, не противъ силы, чѣмъ бы привести къ нуже и къ бѣдності», то у таких отбирались поместья и вотчины безденежно, а взятое с крестьян «черезъ силу и грабежемъ» возвращалось потерпевшим, именья же раздавались «не такимъ разорителямъ» («О России», изд. 4, 141—142). Но борьба с такими злоупотреблениями была не под силу московскому правительству, хотя бы оно желало с ними бороться. Такое стремление законодателя станет вполне естественным и понятным, если его сопоставить

с целым рядом мер, какими законодатель добивался более мягкого обращения и с холопами.

Постепенное принижение крестьянской личности в области хозяйства и права неудержимо влекло крестьянина к сближению и к слитию с холопом. Смешение крестьян и холопов сначала в практике, в области хозяйства, мало-по-малу находило отражение и в указах. Во второй половине XVII в. наступил момент, когда это направление практики бытовой и указной завершилось почти полным юридическим слиянием двух некогда столь различных групп населения: свободного крестьянства и холопства. Это произошло одновременно с введением дворового обложения, когда значительная часть холопства включена была в состав тяглого населения (об этом ниже).

Литература. В. Сергеевич. Др. русск. пр., I, 230—298; III, 448—468 и 486 — 594. Вл.-Буданов. Обзор, 134—151; Сперанский. Историческое обозрение изменений в праве поземельной собственности и в состоянии крестьян, Арх. истор. и практ. свед., 1859, кн. 2; Погодин. Должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права? Истор.-крит. отрывки, II, 199 — 274; Костомаров. Должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права? Арх. истор. и практ. свед., 1859, кн. 2 и 3, и в Собр. соч., куда статья вторая почему-то не вошла; Вельтман. Исторический взгляд на крепостное состояние в России, Журн. Землевл., 1858, № I; Н. Калачов. Договор вольных людей конца XVII и начала XVIII в. о поступлении в крестьяне и дворовые на срочное время, Арх. ист. и практ. свед., 1859, кн. 1; В. Чичерин. Холопы и крестьяне в России до XVI в. Опыты по ист. русск. права, 1858; И. Беляев. Законы и акты, укрепляющие в древней Руси крепостное состояние, Арх. ист. и практ. свед., 1859, кн. 2; Крестьяне на Руси, 1860; следующие изд. этого труда весьма небрежны; К. Победоносцев. Исторические очерки крепостного права в России, Ист. иссл. и статьи, Спб., 1876; К. Аксаков. О крестьянстве в древней России, Собр. соч., т. I; кн. В. А. Черкасский. Очерк истории крестьянского сословия до отмены Юрьева дня и Юрьев день, Русский Архив, 1880, № 3; 1882, № 1; И. Энгельман (I. Engelmann). Die Leibeigenschaft in Russland, 1884; русск. пер. под ред. А. Кизеветтера. История крепостного права в России, 1900; В. Ключевский. Происхождение крепостного права в России, Опыты и Исслед., М. 1912; В. Сергеевич. Вольные и невольные слуги московских государей, Наблюдатель, 1887, № 1, стр. 63 — 76; А. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения, 1890, 76 — 112 и 132 — 179; П. Милюков. Крестьяне в Энцикл. слов., 1895; М. Дьяконов. К истории крестьянского прикрепления, Ж. М. Н. Пр., 1893, № 6; Очерки из истории сельского населения в Московском государстве, 1898; «Заповедные лета» и «старина», Сб. статей по истории права, посвященный Вл.-Буданову, 1904; К вопросу о крестьянской порядной записи и служилой кабале, Сборн. В. О. Ключевскому, М. 1909; Заповедные и выходные лета, Изв. Петр. Пол. Инст., 1915, т. XXIV; Поместье и крестьянская крепость, Сб., посвященный А. С. Постникову, Петр., 1917; А. Лаппо-Данилевский. Разыскания по истории прикрепления владельческих крестьян в Московском государстве, 1900, в Отчете о XLI присуждении наград гр. Уварова; Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России, Крестьян. строй, 1905; Н. Н. Дебольский. К вопросу о прикреплении владельческих крестьян, Ж. М. Н. Пр., 1895, № 11; Гражданская дееспособность по русскому праву до конца XVII в., 1903; М. Помяловский. Очерки из истории Новгорода (о своеземцах), Ж. М. Н. Пр., 1904, № 7; С. Рождественский. Из истории отмены «урочныхъ лѣтъ» для сыска беглых крестьян в Московском государстве XVII в., Сб., посвящ. В. О. Ключевскому, 1909; А. Лебедев. С какого года в России началось крепостное право? Материалы Саратовск. губ. по крепостному праву, изд. Сарат. Учен.

Арх. Ком., 1911; В. Греков. Новгородские бобыли в XVI и XVII вв., Ж. М. Н. Пр., 1912, № 7; Новгородский дом св. Софии, глава VIII, Спб., 1914; Е. Сташевский. Очерки по истории царствования Мих. Фед., passim, Киев, 1913; Е. З. Вулих. К вопросу о своеземцах в составе новгородского общества, Ж. М. Н. Пр., 1914, № 7; М. Островская. Земельный быт сельского населения русского севера в XVI — XVIII вв., Спб., 1913; Павел Смирнов. Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII в., Чт. Общ. ист. и др., 1915, кн. 3; А. М. Гневушев. Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве, Киев, 1915; П. И. Беляев. Древне-русская сеньерия и крестьянское закрепощение, Ж. М. Ю., 1916, окт. и нояб.; Материалы по Нижегородскому краю XVII века под ред. А. К. Кабанова, вып. 1. Ссудные записи крестьян кн. В. Ф. Одоевского., Н.-Новгород., 1912 г.

Несвободное население.

В течение московского периода институт холопства претерпел ряд существенных перемен. Прежде всего, на-ряду со старым типом холопства полного, появляется новая форма холопства кабального, постепенно вытеснявшая первую. Затем общая масса несвободного населения разных типов, сначала фактически, а потом юридически, начинает сближаться с крестьянами, постепенно утрачивавшими свою гражданскую свободу, и, наконец, почти вполне сливается с ними. Ко всему этому следует еще присоединить все более и более строгую регистрацию прав на холопов.

Источники обельного холопства в этом периоде мало-по-малу суживаются. Так: 1) плен уже не играет прежней роли, как ввиду постепенного объединения Московского государства, так и потому, что пленников обыкновенно выкупали и даже взаимно выдавали без выкупа. Остались только пленники от международных войн по западной, южной и восточной границам. Но и относительно их состоялся указ 1556 г., по которому полонянник оставался холопом до смерти господина, «а дѣтемъ его не холопъ» (Вл.-Буданов, «Хрестоматия», III, изд. 3, 11). Таким образом плен становился источником лишь временного холопства. Хотя Уложение не удержало этого правила, но относительно холопства пленников (литовского полону) ввело некоторые ограничения (XX, 61 и 69); 2) холопство из преступления совсем не существует по московскому праву, так как все важные преступления обложены уголовными наказаниями; 3) правило о последствиях торговой несостоятельности из Р. Правды целиком заимствовано в Судебник 1-й: задолжавшие по своей вине торговцы отдавались кредиторам «въ гибели головою на продажу» (ст. 55), т.-е. в полное рабство (ср. А. Юшк., № 30: судья в 1483—1500 гг. обвинил и выдал ответчика «въ польницу обѣль»). Но уже с начала XVI в. в этой практике наблюдается смягчение, закрепленное Судебником 2-м: несостоятельный должник выдавался кредитору не на продажу, а «исцу головою до искупа» (ст. 90), т.-е. до отработки долга. В Уложении (X, 266) опреде-

лена и норма заработной платы, какая зачиталась в уплату долга отданных головою до искупа должников: работа взрослого мужчины ценилась в 5 руб. за год, женщины—вполовину; 4) в полной силе в течение всего периода сохранило значение источника полного холопства рождение от холопов. Такие холопы назывались старинными.

Что касается возникновения холопства по доброй воле поступающих, то 1) продажа самого себя и родителями детей признается всецело Судебником 2-м; в нем сказано, что холоп не может продать своего свободного сына, «которой ся родилъ у него до холопства; а продастъся онъ самъ, кому хочетъ, тому жъ ли государю, у кого отець его служитъ, или иному кому хочетъ». Подобное же правило установлено и относительно чернцов (ст. 76). Далее Судебник 2-й предоставляет крестьянину с пашни продаваться в полные холопы даже без соблюдения правил о крестьянском выходе: «который крестьянинъ съ пашни продастъся кому въ полную въ холопи, и онъ выйдетъ безсрочно, и пожилого съ него нѣтъ» (ст. 88). Однако эта самопродажа в холопство свободных людей запрещена служилым людям и их детям: «дѣтей боярскихъ служилыхъ и ихъ дѣтей, которые не служивали, въ холопи не пріймати никому, опричь тѣхъ, которыхъ государь отъ службы отставитъ» (ст. 81). Такое ограничение установлено исключительно в интересах государственной службы, а отнюдь не в ограждение свободы. После Судебника появились и новые ограничения. Так, по указу 1560 г. несостоятельных «заимщиковъ» велел государь «исцомъ выдавати въ искѣхъ головою до искупа; а въ полные и въ докладные тѣмъ отвѣтчикомъ исцомъ своимъ не продаватись». Здесь несостоятельные должники ограждались от обращения их в полное холопство. Судебник 2-й уже установил отдачу их кредиторам головой до искупа. Но повидимому практика успела выработать обход этого правила под видом добровольной продажи себя «въ полницу» несостоятельными должниками. Указ 1560 г. запретил такой обход (Вл.-Буданов, «Хрестоматия», III, изд. 3, 26—27). Указом 1597 г. предписано кабальных людей, которые «учнутъ на себя полные и докладные давати», отсылать «съ памятми и съ кабалами» к постельничему и к наместнику трети Московские (там же, 92). Здесь под особый контроль поставлен переход из кабального холопства в полное. В Уложении, во всех случаях поступления в холопство, подразумевается холопство кабальное, а не полное; по одному частному поводу приведена даже ссылка на государев указ, в силу которого «крещеныхъ людей никому продавати не велѣно» (XX, 97). Едва ли, однако, этот указ имел широкое применение, так как Уложение в другом случае разрешает в приданое давать, в духовных, в данных и в рядных писать «полныхъ и докладныхъ и к у п л е н ы х ъ и полонениковъ иныхъ земель» (XX, 61). Можно, однако, думать, что под купленными здесь разумелись перепроданные полные холопы; 2) поступление на службу тиуном или ключником

удержано в числе источников полного холопства по обоим Судебникам, но с некоторыми отступлениями от Р. Правды. В Судебниках вовсе не упомянуто, что особым договором можно было оградить свободу при поступлении в тиуны, а по Судебнику 2-му тиунство без полной или докладной грамоты и вообще не влекло за собой холопства. Холопство по городскому ключу совершенно уничтожено; осталось только холопство по сельскому ключу, при чем это последнее возникало по Судебнику 1-му «съ докладомъ и безъ докладу» (ст. 66), а по Судебнику 2-му только по докладу: «по ключу по селскому съ докладною холопъ» (ст. 76). Наконец прибавлена оговорка о детях, из которых следовали в холопство за родителями только те, которые были записаны с ними в одной грамоте или породились в холопстве. Однако кабальная служба постепенно вытесняла и эти формы поступления на службу полных и докладных холопов; 3) наконец правило Р. Правды о холопстве вследствие женитьбы «на робѣ безъ ряду» формулировано Судебниками и Уложением в категорической форме: «по робѣ холопъ, по холопѣ роба» (Ул., XX, 31, 60, 97). От этого строгого правила в Уложении сделано было и существенное отступление: беглые посадские и крестьянские девки или вдовы, вышедшие в бегах за чьих-либо холопов, отдавались с мужьями и с детьми в посад или владельцам; но беглые холопы, женившиеся в бегах на посадских девках или вдовах, не зачислялись в посад, а отдавались прежним господам с женами и детьми (XIX, 37 и 38; XI, 17 и 18). Согласно этим правилам, состояние супругов определялось состоянием беглого. Помимо этого указного ограничения правила «по робѣ холопъ, по холопѣ роба», и практика допускала отступления от него по особым условиям.

Вместе с указанными видоизменениями в источниках холопства московское право выработало и более точные формы укрепления прав на холопов. С развитием грамотности стали составлять на поступающих в холопство записи. Еще до Судебника 1-го на продающихся в холопство писали полные грамоты (от выражения: «купилъ въ полницу»), при участии наместников и дьяков, перед которыми «ставили» продающихся. Это предъявление властям продающихся в холопство для удостоверения в правильности сделки стало называться «докладом», а грамоты на холопство «докладными». По имени записей и холопов называли полными и докладными. Хотя ни по способу возникновения ни по существу нельзя провести разницы между этими видами холопства, однако в Судебнике и в Уложении эти наименования сохранились. По названию сделок (рядных, духовных завещаний, купчих), которыми передавались другим лицам права над холопами, холопов называли так же: придаными, духовными, куплеными. В Судебниках определена и компетенция областных правителей по делам о холопстве. По Судебнику 1-му только наместники с боярским судом могли выдавать правые и беглые на холопов; но отпускная, подписанная собственноручно рабо-

владельцем, имела силу и без доклада наместнику. По Судебнику 2-му наместники с боярским судом имели право выдавать лишь полные и докладные; правые же и беглые выдавались ими только с доклада в Москву; отпускные же грамоты выдавались лишь в Москве, Новгороде и Пскове, и без доклада, хотя бы собственноручно подписанные господами, значения не имели. С половины XVI в. упоминаются и записные книги, в которые должны были вноситься крепости на холопов; но обязательное значение такая практика получила лишь в конце века.

Самым важным явлением в истории холопства в московском периоде надо признать возникновение нового типа несвободы под именем кабального холопства. Впервые о кабальных людях упоминают духовные завещания удельных князей Андрея Васильевича Меньшого 1481 г. и Димитрия Ивановича Жилки 1509 г. По этим завещаниям кабальные люди на-ряду с полными людьми отпускаются «на слободу» (С. Г. Г., I, стр. 272 и 410). Духовные более поздние все чаще и чаще упоминают о кабальных людях и вскрывают характер их зависимости от завещателей. Так, в духовной 1526 г. Даниила Мордвинова сказано, что у него был «Григорьевской человѣкъ Митка Папинъ въ полутретье рублѣ по кабалѣ, и тотъ Митка з женою и з дѣтми на слободу... а кабалу ему выдати, а денегъ не правити». В 1534 г. кн. Ногтев распорядился в духовной: «А что мое люди по кабаламъ серебряники и по полнымъ и по докладнымъ грамотамъ холопи, и тѣ всѣ люди по моей душѣ на слободу; а приказщики мое тѣмъ моимъ людемъ полнымъ и докладнымъ отпускные грамоты подаютъ, а кабалнымъ людемъ кабалы выдадутъ» (Сб. Тр.-Серг. мон., № 532, л. 725; Сборн. Хилкова, стр. 153; ср. Сб. актов Лихачева, стр. 20, 27 и др.). Отсюда ясно, что кабальные люди — должники своих господ, живут во дворах этих господ и отпускаются «на слободу» в том смысле, что им прощались долги и выдавались безденежно «кабалы». Последний термин, слово «кабала», в смысле заемной расписки или долгового обязательства упоминается в наших письменных памятниках со второй половины XIV и начала XV вв. Этот арабский термин заимствован в наш язык у татар, у которых тоже обозначал заемную расписку. Обыкновенно должники на занятые деньги платили резы или рост, т.-е. проценты. Но на-ряду с этим установился обычай вместо уплаты роста кредитору работать на него в его дворе. Такое отношение должника к кредитору устанавливалось особым документом, т. наз. «служилой кабалой». Сохранившиеся образцы служилых кабал XVI века (самое раннее указание относится к 1534 г., Зап. кн. крепостн. актам, № 558, в Р. И. Б., т. XVII) содержат обязательство заемщиков «за ростъ служити во дворѣ у государя по вся дни». Напр., в 1596 г. некто Осип Юрьев со своими детьми, «заняли есмя у человѣка Вас. Вас. Ржевскаго государя его серебра 8 рублевъ денегъ московскихъ ходячихъ на годъ; а за ростъ

намъ у государя его служити во дворѣ, по вся дни; а полягутъ денги по сроцѣ, и намъ у государя его служити потому жъ по вся дни во дворѣ; а кой насъ заимщикъ въ лицѣхъ, на томъ денги и служба» (Ак. Юр., № 252). Такое обязательство заемщика создавало для него совершенно безвыходное состояние зависимости от кредитора. Если весь его труд (служба по вся дни) шел на уплату только процентов, то уплатить долг представлялось совершенно невозможным; новый же заем для уплаты старого долга вел лишь к перемене кредитора, но не менял положения должника. Отсюда ясно значение выражений—«попасть в кабалу», «выбиться из кабалы», указывающих на трудность положения закабаленного. Надо думать, оно было пожизненным. Только милость господина, как видно из вышеприведенных духовных, возвращала свободу кабальным людям. Без этой милости они после смерти господина передавались по наследству. Кн. Никита Ростовский по духовной 1548 г. пожаловал свою княгиню «своими людми кабалными... и тѣмъ людемъ жити у княгини послѣ княжого живота 5 лѣтъ, а отживутъ 5 лѣтъ, и княгиня ихъ отпуститъ на слободу, по княжей души безденежно» (А. Ю., № 420). Юридически же кабальная зависимость могла быть прекращена в любой момент уплатой долга. Это право выкупа составляет одну из характерных черт кабальной зависимости в отличие от холопства.

При каких же условиях возникла и развилась кабальная зависимость? В исторической литературе намечено несколько ответов на этот вопрос, хотя за отсутствием надлежащих данных эти ответы являются до настоящего времени пока еще не достаточно подкрепленными догадками. Некоторые исследователи усматривали преемственную связь между кабальными людьми, с одной стороны, и закупами и закладнями—с другой (Чичерин, отчасти Ключевский). Но юридическая природа закупничества является спорной, и только проф. Вл.-Буданов не сомневается в полной близости закупа и кабального холопа («заем в древнее время обеспечивался личным закладом. Таким образом и устанавливалось временное холопство, именуемое в древний период закупничеством, а в Московском государстве—служилою кабалою»; и еще: «статьи о закупничестве Р. Правды как раз соответствуют понятию кабалы». Обзор, 406 и 666). Новейшая литература о закладнях, закладниках и закладчиках проводит существенную разницу между ними и кабальными людьми (Н. Павлов-Сильванский. «Закладничество-патронат», 1897; В. Сергеевич. «Закладничество в древней Руси», Ж. М. Н. Пр., 1901, № 9, и «Древн. русск. пр.», I, 306—335; Н. Павлов-Сильванский. «Новое объяснение закладничества», Ж. М. Н. Пр., 1901, № 10). Другие исследователи отмечали некоторое сходство в положении кабальных людей, иногда называемых «серебрениками», с задолжавшими крестьянами-серебрениками. (Беляев. «Крестьяне», изд. 4, 36—37; ранее Вл.-Буданов. Обзор, изд. 2, 137). Но эта аналогия скорее

могла бы объяснить некоторые черты в истории крестьянского крепостного права, а не самое происхождение кабальной зависимости. Наконец высказано неопределенное мнение, что кабальная зависимость возникла «в силу житейской практики», без всякой попытки ближе определить эту практику, и что «появление в нашей практике заемных расписок кабал никак не может быть старее конца XIII в.» (Сергеевич).

Древнее наше право, и помимо закупничества, знало и допускало смягченные виды неволи. Поступление в тиуны и ключники влекло полное холопство для поступающих, если не сопровождалось рядом; по ряду же можно было и ограничить размер несвободы, хотя такие случаи по памятникам и неизвестны. Затем «вдач» должен был работать за полученную милость только год. Наконец церковь содействовала разными способами освобождению холопов, между прочим и обеспечением им возможности «искупиться от работы» или «выкупиться на свободу». Такое право выкупа из неволи, как замечено проф. Ключевским, превращало продажу в холопство в долговое обязательство, прекращаемое уплатой долга. А это одна из черт кабальной неволи. Другая ее черта—служба за рост—отмечена летописью уже в самом начале второй половины XIII в. Рассказывая о восстании против татар во многих городах в 1262 г., летописец объясняет это тем, что «оканьнии бесурмене» откупали у татар дань и причиняли людям великую пагубу, «роботяще рѣзы, и многы души крестьяньскыя раздно ведоша» (Лавр., 452; П. С. Л., V, 190: «работающе люди христіяньскыя въ рѣзѣхъ, и мнози души разведени быша»; VII, 163: «работяще люди христіаньскіа въ рѣзѣхъ»; в Никоновской лет. это событие передано так, что дани у татар откупали «богатыя и корыстоваахуся сами, и мнози люди убозіи въ ростѣхъ работаху». Там же, X, 143). Значит неисправные плательщики даней, за отсрочку в платеже дани, порабощались в процентах, т.-е. должны были работать за проценты бесерменам при их хозяйствах, чем и объясняется указание летописи, что многие были разведены. Было бы, однако, рискованно утверждать, что одновременно с этим или вскоре после этого создался и известный московский тип служилой кабалы. По крайней мере еще в начале XVI в. был известен рязанский тип кабалы, не тождественный с московским, хотя и близкий ему. Все сохранившиеся рязанские кабалы представлены были к докладу, почему и назывались еще докладными. Форма их одинакова: «Доложа в. кн. Ивана Ивановича боярина Кабякова, се язъ такой то занелъ есми, господине, у такого то столько то (от 2 до 10) рублевъ денегъ на годъ. А за ростъ мнѣ у него работать; а не похочю у него работать до сроку, и мнѣ ему дати денги его всѣ и съ ростомъ по росчету, какъ даютъ, на пять шестой. А полягутъ денги по сроцѣ, и мнѣ у него за ростъ работать по тому жъ; а не отниматися мнѣ у него отъ сея кабалы ни полѣтною, ни изустною». В некоторых содержится и любопытное указание на

то, для какой цели занимались деньги: «и тѣ есми денги платилъ старому своему государю» (Акты Юшкова, №№ 78, 93, 94, 98, 102, 106—108 за 1510—1519 гг.). В этих докладных кабалах стоит обязательство за рост работать у кредитора вместо обязательства служить за рост по вся дни во дворе, а кроме того помещено указание, не встречающееся в служилых кабалах, об обязательстве вернуть деньги с ростом, если кабальный не захотел бы работать на кредитора. Так как рязанские докладные кабалы хронологически старше известных московских, то можно думать, что первые послужили образцом для вторых.

Указы довольно долго молчат о кабальной зависимости. Впервые Судебник 2-й упоминает о служилых кабалах: «А которые люди волные учнутъ бити челомъ княземъ и бояромъ, и дѣтемъ боярскимъ, и всякимъ людемъ, а станутъ на собя давати кабалы за ростъ служити: и болѣ пятинадцати рублевъ на серебряника кабалы не имати» (ст. 78). Старые кабалы, писанные на большие суммы, Судебник оставляет в силе. Но что же значит это ограничение в сумме займа по кабале? Проф. Вл.-Буданов видит в этом несомненное доказательство фикции займа по служилой кабале: «если это долг, то как мог закон предписать, чтобы заем не простирался выше 15 рублей?» Поэтому он утверждает «что в действительности дающий на себя кабалу мог не получить ни полушки; он бьет челом на службу к боярину, но не в вечное холопство». Но Судебник говорит, что вольные люди бьют челом не просто «служити», а «за рост служити»; рост же предполагает заем. Однако проф. Вл.-Буданов указывает, что Судебник запретил службу за рост в ст. 82, где сказано: «А кто займетъ сколко денегъ въ ростъ, и тѣмъ людемъ у нихъ не служити ни у кого, жити имъ о себѣ; а на денги имъ ростъ давати». По мнению Вл.-Буданова, «здесь очевидное противоречие понятию о служилой кабале, как службе за рост кредитору». Он думает выйти из этого противоречия, относя ст. 82 к договору займа, а ст. 78 к договору личного найма, и принимая фикцию займа по служилой кабале. Едва ли, однако, нужны такие натяжки для объяснения приведенных статей Судебника 2-го. В рассматриваемый период займы заключались на разных условиях: были займы без роста (против резоимания особенно вооружалась церковь; Стоглавый собор постановил давать крестьянам деньги без роста, а хлеб без наспу) и с ростом. Рост уплачивался или деньгами, или натурой (наспом), или, наконец, делом, работой, службой. Сохранившиеся заемные кабалы всегда предусматривают обычный размер роста; по служилым кабалам рост уплачивался службой. Ст. 82 Суд. относится к заемной кабале, ст. 78—к служилой; обе статьи относятся к договору займа, но заключенному на разных условиях. О договоре личного найма Судебник говорит в ст. 83 и называет поступающих по этому договору наймитами, а не кабальными людьми. Если в начале ст. 78 о займе прямо не упомянуто, а только косвенно («служити за рост»), то

это надо объяснить случайностью принятой редакции. Далее в тексте той же статьи прямо указано, что поступающим в кабальную службу давались деньги: «кто возметъ на полнаго холопа кабалу, не опытавъ, и у того денги пропали». В других случаях официальные памятники совершенно ясно говорят о займе при поступлении в кабальную зависимость. Так, указ 1558 г., предписавший уничтожить служилые кабалы, выданные на себя детьми боярскими, не достигшими 15-летнего возраста, начинается указанием: «которые люди учнутъ у кого займовати денги и кабалы учнутъ на себя давати за ростъ служити» («Хрестом.», вып. 3, 20—21). Формуляр служилой кабалы вполне подтверждает происхождение кабальной зависимости из займа.

Но что же значит предписание Судебника, чтобы заем по служилой кабале не превышал 15 руб.? У кабального человека было право выкупиться из кабалы, уплатив числящийся за ним долг. Осуществить это право без посторонней помощи кабальный не имел возможности. А заем для уплаты долга по кабале, как это подтверждается рязанскими докладными кабалами, вёл только к перемене «государя». Право выкупа кабального сводилось таким образом к перемене господина. Но и эта возможность умалялась с повышением суммы долга. Надо думать, находились кредиторы, которые эту сумму намеренно повышали против действительного займа, чтобы затруднить кабальному возможность даже переменить господина. При таких условиях право выкупа совершенно устранялось, и временная зависимость склонялась к полной неволе. Для устранения таких злоупотреблений Судебник в ст. 78 и ограничил размер займа по кабале.

Ст. 82 имеет тесную связь с ст. 78. В первой из них постановлено по заемной кабале платить рост деньгами, а не службой во дворе, почему и предписано «жити о себѣ», а не у кредитора. Очевидно, что кредиторы принуждали должников, неисправно уплачивавших проценты, отрабатывать проценты службой во дворе. Если по рязанской докладной кабале допускалось превращать обязательство работать за рост, если должник не захочет работать, в обязательство уплатить деньги и с ростом, т. е. в простую заемную кабалу, то почему нельзя было, наоборот, превратить заемную кабалу в служилую при известных условиях? Практик-обыватель, комментируя и дополняя Судебник 2-й, передал ст. 82 в красках окружавшей его действительности: «А кто казаку дастъ денег взаимы в ростъ, да того члка станетъ держати у собя силно, а будет до него не добръ, и казак тотъ, не мога терпити, отъ него покрадъчи збежит», то кредитор лишался денег по кабале (Суд. Фед. Ив., ст. 147). Судебник 2-й запретил такое превращение заемной кабалы в служилую под угрозою лишения данных по заемной кабале денег. Это было необходимо сделать, так как иначе правило ст. 78 превратилось бы в мертвую букву. Действительно какое практическое значение могло иметь установление *maximum*'а займа по служилой кабале,

если бы оставалась возможность заемную кабалу, размер займа по которой не ограничен, превратить в служилую? (В рецензии на «Обзор» проф. Вл.-Буданова изложенная мысль формулирована кратко: «предел займа по служилой кабале установлен для обеспечения возможности выкупа кабальному по сумме, обозначенной в кабале, и для устранения возможности превращать службу за рост в полное холопство. Но чтобы обеспечить применение этих правил в интересах кабальных, законодатель установил правило, изложенное в ст. 82. Таково соотношение этих двух статей (78 и 82)». Автор «Обзора» на это замечает: «т.-е. для облегчения выкупа из службы запрещено совсем поступать на службу? Мы искренно желали и старались найти другой смысл в объяснении проф. Дьяконова, но не нашли». Надо надеяться, что вышеприведенное объяснение не подаст более повода к каким-либо дальнейшим недоразумениям).

Проф. Сергеевич подчеркивает, что «Судебник дозволяет давать на себя служилые кабалы только вольным людям; вольным людям противополагаются здесь не рабы, а тяглые люди. Занявший деньги по служилой кабале должен жить в доме кредитора и служить ему, а это не совместимо с тяглом». Едва ли это так. Если по Судебнику крестьянин с пашни мог продаться в полные холопы, то почему он не мог выдать на себя служилую кабалу? Интересы тягла страдали одинаково в том и другом случаѣ. Правда проф. Сергеевич указывает, что запрещение крестьянам обязываться служилыми кабалами стоит в связи с особенностями древнего закладничества, но к сожалению не разъясняет своей мысли. Не думает ли он, что при продаже в полное холопство нельзя подозревать симуляции, а по служилой кабале такая симуляция возможна? Но почему казне легче было помириться с утратой тяглеца, навсегда потерявшего свободу, чем с выходом из тягла человека, попадающего во временную неволю? Самая мысль, что в ст. 78 вольные противополагаются тяглым людям, а не рабам, едва ли правильна. «Исключать рабов, по мнению проф. Сергеевича, не было никакой надобности: что раб не мог поступить на службу другого господина, это было всем хорошо известно». А составители Судебника были иного мнения и в ст. 78 записали: «А имати имъ кабалы на вольныхъ людей, а на полныхъ людей, и на докладныхъ, и на старинныхъ холопей кабалъ не имати. А кто возметъ на полного, и на докладного, или на стариннаго холопа кабалу, не опытавъ... и у того денги пропали». Были, значит, опасения, что запиской в кабальную службу мог быть причинен подрыв старинному институту холопства, а потому и было предписано выдавать кабалы только на вольных людей, а отнюдь не на холопов. На тяглых же людей в ст. 78 нет ни малейшего намека.

Из указов, затронувших вопрос о служилой кабале после

Судебника 2-го, следует отметить указ 1558 г., который, как уже упомянуто, предписал уничтожить служилые кабалы, выданные детьми боярскими, не достигшими 15-летнего возраста (это правило обобщено Уложением (XX, 20), запретившим писать кабалы на лиц моложе 15 лет) и запретил давать суд по кабалам «болши пятинадцати рублевъ» («Хрестоматия», в. 3, 20—22). Но существенные изменения в характер кабальной зависимости внес, повидимому, указ 1 июня 1586 г., который до нас не дошел, но о котором упоминает сохранившийся указ 1 февр. 1597 г. Последний ввел обязательную запись всяких крепостей на холопов, в том числе и кабал, в «холопьи крѣпостные людскіе книги», заведенные в Москве и по городам. При перечислении служилых кабал, указ 1597 г. расчленяет их на следующие три группы: 1) «которые люди до государева царева и в. кн. Ѳедора Ивановича уложенья, въ прошлыхъ годѣхъ, до лѣта 7094 году іюня до 1 числа, били челомъ въ службу бояромъ... и всякимъ служилымъ людемъ, и гостемъ и всякимъ торговымъ людемъ, и кабалы служилые на себя давали, а въ книги тогда, въ Приказѣ Холопья Суда, тѣ служилые кабалы не писаны» (это все старые служилые кабалы, выданные до 1586 г.); 2) «и которые люди съ государева царева и в. кн. Ѳедора Ивановича уложенья, лѣта 7094 году іюня съ 1 числа, били челомъ въ службу бояромъ и княземъ... (и пр.) и кабалы служилые на себя давали, на Москвѣ съ д о к л а д у Холопья Суда, и во всѣхъ городѣхъ съ в ѣ д о м а приказныхъ людей, и въ записныхъ въ московскихъ въ кабалныхъ книгахъ и въ городѣхъ тѣ служилые кабалы записываны до нынѣшняго государева новаго уложенія 105 году февраля по 1 число» (это служилые кабалы, выданные по правилам указа 1586 г.); 3) «и которые люди впредь, съ лѣта 7105 году февраля съ 1 числа, били челомъ въ службу и впредь учнутъ бити челомъ въ службу (таким то лицам)... съ д о к л а д у Холопья Суда, и во всѣхъ городѣхъ съ в ѣ д о м а приказныхъ людей, и въ московскихъ въ записныхъ въ кабалныхъ книгахъ, и въ городѣхъ у приказныхъ людей, тѣ служилые кабалы будутъ записаны» (это новые служилые кабалы, выданные после указа 1597 г.). Относительно всех трех категорий служилых кабал указ 1597 г. постановляет: «и тѣмъ всѣмъ людемъ, и женамъ и дѣтемъ, которые жены и дѣти въ тѣхъ служилыхъ кабалахъ писаны въ службу государемъ своимъ, по тѣмъ служилымъ кабаламъ, по старымъ (1-я категория) и по новымъ (3-я категория), быти въ холопствѣ, какъ и п о д о к л а д н ы м ъ (2-я категория), а отъ государей своихъ имъ не отходити и денегъ по тѣмъ служилымъ кабаламъ у тѣхъ холопей не имати, и челобитья ихъ въ томъ не слушати по старымъ кабаламъ; а выдавать ихъ тѣмъ государемъ, по тѣмъ кабаламъ, въ службу до смерти».

Из этого указа видно, что положение кабальных людей существенно изменилось. Прежде всего они названы холопами, тогда

как раньше назывались кабальными людьми, хотя нередко рассматривались, как несвободные; далее они лишены права выкупа на волю уплатою долга по кабале («денегъ по служилымъ кабаламъ у холопей не имати»); затем они должны служить своим господам до их смерти, т.-е. установлена пожизненность кабального холопства, и, наконец, после смерти своих господ они подлежали отпуску на волю безденежно. Это последнее правило выражено в указе 1597 г. так: «а женамъ послѣ мужей своихъ, и дѣтемъ послѣ отцовъ своихъ, до тѣхъ кабалныхъ записныхъ людей и до ихъ дѣтей, которые дѣти въ кабалахъ будутъ писаны, и которые дѣти въ томъ кабалномъ холопствѣ родятся, дѣла нѣтъ, и денегъ по тѣмъ отцовскимъ кабаламъ на тѣхъ кабалныхъ холопѣхъ женамъ и дѣтемъ (умерших господ) не указывати». Но когда именно и под какими влияниями произошли эти перемены,—об этом высказаны различные мнения. Согласно одному, кабальное холопство сложилось по типу холопства докладного (на основании выражения указа: «быти въ холопствѣ, какъ и по докладнымъ»; Ключевский). Но особый тип докладного холопства, отличный по существу, а не по форме происхождения, от холопства полного, установить нельзя. Надо признать более правильной догадку проф. Сергеевича, что под докладным холопством в указанном выражении надо понимать докладное кабальное холопство, установленное указом 1586 г., когда введен был доклад и для служилых кабал, а вместе с тем «тогда же произведено было и важное изменение в юридическом положении докладных кабальных людей»; по указу же 1597 г. новые правила о докладных кабальных распространены на кабальных людей по старым кабалам, писанным до 1586 г., и на холопов по новым кабалам, писанным с 1 февр. 1597 г. В эту догадку необходимо, однако, внести одну поправку, а именно принять, что и указ 1597 г. внес какие то дополнения или водоизменения в правила о докладных кабальных 1586 г., так как иначе не было бы никакой разницы между кабалами по указу 1586 г. и по указу 1597 г., между тем как последние выделены указом в особую категорию. Но выделить в тексте указа 1597 г. какие правила о докладных кабальных созданы в 1586 г. и какие установлены вновь в 1597 г., пока представляется невозможным. Проф. Вл.-Буданов, наоборот, утверждает, что указ 1586 г. «установил только доклад кабал у установленных для того властей» и не внес никаких юридических перемен в положение кабальных людей; последнее изменено исключительно по указу 1597 г. Но при таком толковании нельзя понять, зачем установлены три группы служилых кабал, а главное,—что значит выражение указа 1597 г.: «по тѣмъ служилымъ кабаламъ, по старымъ и по новымъ, быти въ холопствѣ, какъ и по докладнымъ»?

Не трудно понять, под какими влияниями установлена пожизненность кабального холопства. Житейская практика и для

некоторых разрядов полного холопства склонялась к их пожизненности. Отпуск же «на слободу» кабальных людей был повидимому широко распространен. Указом только узаконен был установившийся обычай. Отмена же права выкупа кабального состоялась в интересах рабовладельцев, не желавших допускать переманивания кабальных.

Указ 1597 г. ввел и еще одну новость в институт кабального холопства. На-ряду с полным холопством и кабальной зависимостью прежняя практика знала еще добровольную службу без крепостей. Московское правительство отнеслось сначала к этой практике отрицательно и указом 1555 г. отказалось ограждать интересы господ от возможных посягательств добровольных слуг. Указом предписано: «которые люди учнутъ у кого служити доброволно, без крѣпостей, а пойдутъ отъ нихъ прочь съ отказомъ, или безъ отказу, и тѣ люди, у которыхъ они служили, учнутъ на нихъ искати сносовъ... и имъ суда не давати, потому что у него служилъ доброволно, и онъ его не хотя отъ себя отпустити, да на немъ ищетъ сносу; а что у него пропало, то у себя самъ потерялъ, того для, что доброволному человѣку вѣритъ и у себя его держитъ безъ крѣпости» («Хрестом.», вып. 3, 4—5). Но такое отрицательное отношение законодательства не уничтожило добровольной службы без крепостей. Указ 1597 г. опять говорит о вольных людях, которые служат у кого добровольно, и предписывает таких подвергать допросу; если окажется, что вольные люди послужили недель 5—6 и не пожелают дать на себя кабалы, таких отпускать на волю; а если кто скажет, что «послужилъ у кого доброволно съ полгода и болши», но кабалы дать на себя не захочет, то произвести сыск, и если подтвердится, что «тотъ доброволной холопъ у того человѣка служилъ съ полгода», то «на тѣхъ волныхъ холопей служилые кабалы давати, и челобитья ихъ въ томъ не слушати, п. ч. тотъ человѣкъ того доброволного холопа кормилъ и одѣвалъ и обувалъ». Значит можно было выдать служилую кабалу без всякого займа и даже против воли лица. Это правило перешло, после некоторых колебаний в указах Шуйского, и в Уложение, но с тем лишь отличием, что принудительная выдача кабалы должна иметь место после службы более 3 месяцев. Но рядом с этим правилом Уложение воспроизвело и постановление указа 1555 г., которое могло применяться к добровольной службе лишь в течение первых трех месяцев (XX, 16 и 17).

По указам 1586 и 1597 гг. кабальное холопство получило характер личной крепости закабаленных по смерть их господина. Это далеко не всегда соответствовало интересам рабовладельцев, а потому они пытались создать обход нового закона, заставляя выдавать кабалы одновременно на свое имя и на имя своих наследников. При таких условиях у кабального холопа по смерти господина оставался еще другой господин, и кабальный мог и совсем не получить отпуска на волю. Указ 1606 г. за-

претил такую практику и предписал писать кабалы порознь: «отцу опроченная кабала, а сыну опроченная кабала, и сыну съ отцомъ, и брату съ братомъ, и дядѣ съ племянникомъ, на людей кабалъ писати и въ книги записывати не велѣти». Впредь по таким кабалам не только не велено давать суд, но предписано таких закабаленных «освободити отъ нихъ на волю («Хрестом.», вып. 3, 100). Уложение не только воспроизвело это правило, но и запретило господам брать на имя своих детей новые кабалы от холопов, без представления на них отпускных. Кабальный холоп, таким образом, мог выдать на себя новую кабалу, только сделавшись вольным человеком (XX, 47 и 9; ср. еще там же, ст.ст. 52, 64 и 81).

Когда, с одной стороны, кабальное холопство из службы за рост превратилось как бы в службу за самый долг, без права его уплатить, а с другой — в кабальное холопство можно было попасть без всякого займа, старая форма служилых кабал потеряла свой реальный смысл. В практике скоро появились «записи на волныхъ людей, что тѣмъ волнымъ всякимъ людемъ у тѣхъ людей служити по тѣмъ записямъ до своего живота». Такие записи близко подходили к природе кабального холопства, но царь Шуйский запретил указом 1608 г. принимать их к записке в крепостные книги, ссылаясь на старое Уложение. Старая форма служилых кабал таким образом сохранилась и надолго пережила ту сущность кабальной зависимости, которой вполне соответствовала. Только указом 1680 г. одновременно установлены: норма ссуды для крестьянских ссудных записей и новая форма служилой кабалы (этот указ, уже давно напечатанный в одном провинциальном издании, ускользнул от внимания исследователей, пока на него не напал А. А. Шилов, о чем и сообщил в заседании Ист. Общ. при Петер. унив. в ноябре 1906 г.). Вот новая форма служилой кабалы с 1680 г.: «Се азъ волной гулящей человѣкъ Пахомъ Титовъ сынъ въ нынѣшнемъ въ 189 году декабря въ 20 день билъ челомъ я Пахомко псковскому помѣщику Сергѣю Игнатьеву сыну Роздеришину въ холопство, что мнѣ Пахомкѣ жить и служить у него Сергѣя по его животъ. А на то послуси»...

В связи с образованием разных групп в среде холопства и господские права над полными и кабальными холопами оказались неодинаковыми. Срочность кабального холопства до смерти господина исключила de jure право распоряжения кабальными, тогда как по отношению к полным холопам это право не было ничем ограничено. На практике до указов 1586 и 1597 гг. господа не только отпускали на волю кабальных людей, считая их несвободными, хотя таковыми юридически они тогда еще не были, но и распоряжались ими, хотя бы под фикцией перевода кабального долга в другие руки. Та же практика наблюдается и в XVII в., наперекор указным нормам. Но в общем в московском праве нельзя не отметить тенденции ограничить господский

произвол и наложить на рабовладельцев ряд обязательств по отношению к холопам. Так, право на жизнь собственных холопов, робко признанное Двинскою грамотою, позднее было совершенно отвергнуто. Уложение предписывает при отдаче господину беглого его человека «приказати накрѣпко, чтобъ онъ того своего бѣглого человѣка до смерти не убилъ, и не изувѣчилъ, и голодомъ не уморилъ» (XX, 92). При выдаче должников головою до искупа, с тех, кому они выдавались, бралась порука с записью, «что ихъ не убити, ни изувѣчити» (X, 266).

В этом нельзя не признать торжества церковной проповеди против жестоких рабовладельцев. И в московское время эта проповедь не прекращалась. Например, Иосиф Волоцкий поучал, что божественные писания повелевают о холопах: «не яко раби имѣти, но яко братію миловати, и питати и одѣвати доволно, и душами ихъ пещися». Он указывал, что необходимо отрока женить по достижении 15 лет, а отроковицу выдать замуж в 12 лет, если они не пожелают постричься. Некоторые шли еще дальше. Рационалист Башкин признал самый институт холопства несогласным с основами христианства, а потому всех своих холопов отпустил и держал у себя людей по доброй воле. Так же поступил и Сильвестр, автор Домостроя. Такие поучения оказывали серьезное влияние на умы. Не оставалось глухо к церковной проповеди и законодательство.

Впервые при Борисе Годунове указом 1603 г. на господ возложена обязанность кормить свою челядь. Это был тяжелый голодный год, когда многие господа высылали с дворов холопов, заставляя их собственными силами снискивать себе пропитание; но холопы не имели возможности куда-нибудь пристроиться, так как без отпускных и без крепостей их никто не принимал. Поэтому указом предписано таким холопам выдавать отпускные из приказа помимо господ («Хрестом.», вып. 3, 98; А. И., II, № 44). Это правило сохранено и Уложением, но не только для голодных лет, а и для «иного какого времени». Уложение предписывает по челобитью холопов допрашивать господ, действительно ли они отпустили от себя с дворов своих людей без отпускных, и если челобитье холопов подтвердится, то дать им волю, а если не подтвердится, то холопов отдать обратно господам и одновременно приказать им, «чтобы они ихъ въ голодное время кормили, а голодомъ не морили; и за то, что они на нихъ били челомъ, дурна надъ ними никакова не учинили» (XX, 41 и 42). В 1607 г. издан указ, регулировавший половые и семейные отношения среди холопов, в силу которого на господ возложено обязательство не держать рабынь девками свыше 18 лет, вдов более двух лет после смерти мужей незамужними, а парней свыше 20 лет холостыми. При нарушении этого требования холопы могли приходить к казначеям и получать отпускные. На таких отпущенных не принималось от господ челобитий о сносе по следующему мотиву: «не держи неженатыхъ

надъ законъ Божій, да не умножится блудъ и скверное дѣяніе въ людѣхъ» (Татищев. Судебник, изд. 2-е, 244—245). В Уложение это правило не перешло, но и там обращено внимание на прекращение блуда господ с собственными рабынями; челобитье рабыни на господина о прижитии с ним в блуде детей подлежало ведомству святительского суда и обсуждалось на основании церковных правил (XX, 80). Кроме только что указанных случаев освобождения из холопства, еще подлежали в силу закона отпущению на волю: 1) холопы, взятые в плен, но спасшиеся из него бегством (Суд. 2-й, ст. 80; Улож., XX, 34); 2) все холопы господина, изменившего государю и отъехавшего в другое государство (Улож., XX, 33); 3) крещеные холопы, если их господа продолжали оставаться некрещеными (XX, 71). Все эти заботы правительства об улучшении положения несвободных далеко не всегда достигали цели, и в практике нередко оживала до-московская старина. Весьма характерны, например, простодушные признания некоего Соловцова, откровенно изложенные им в духовной грамоте 1627 г., об обращении с собственными холопами: «такоже и сиротъ моихъ, которые мнѣ служили, мужей ихъ и женъ и вдовъ и дѣтей, чѣмъ будетъ оскорбилъ во своей кручинѣ, боемъ, по винѣ и не по винѣ, и къ женамъ ихъ и ко вдовамъ насилствомъ, дѣвственнымъ растленьемъ, а иныхъ есми грѣхомъ своимъ и смерти предалъ, согрѣшилъ во всемъ и передъ ними виноватъ: простите меня грѣшного и благословите и разрѣшите мою грѣшную душу въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ» (А. Ю. Б., I, № 86). Это показывает, что и в XVII в. растления рабынь и убийства холопов господами далеко не всегда доходили до судебного рассмотрения.

Гораздо важнее правительственных мер, направленных к тому, чтобы обеспечить несвободному населению сколько-нибудь сносное существование и оградить его от произвола рабовладельцев, были те законодательные перемены, которые были вызваны исключительно государственными интересами и привели к совершенному уничтожению самого института холопства. Этот перелом возник под влиянием той роли, какую сыграло холопство в хозяйственной истории Московского государства. Вся масса несвободного населения, не исключая и кабальных холопов, позднее по преимуществу наполнявших эту среду, в господском хозяйстве занимала неодинаковое положение и разбивалась на разряды. Незначительная его часть, пользуясь особым доверием господ, несла обязанности тиунов, ключников и приказчиков, т.-е. управляла отдельными отраслями господских хозяйств. Другая небольшая часть, со времени возникновения обязательной службы, сопровождала своих господ в походах. Эти так называемые «большие» холопы стояли совершенно обособленно от других «меньших». Если и в до-московское время первые занимали весьма самостоятельное положение, то в московский период оно еще более упрочилось. К ним по преимуществу относятся указания

памятников о том, что у холопов было недвижимое имущество, подаренное им господами и даже приобретенное на собственные средства; что они имели собственных холопов, занимались торговлею, ссужали капиталы под залог дворов и лавок. Уложение внесло некоторые ограничения в эту практику: холопам было предписано вотчин не покупать и в закладе за собою не держать (XVII, 41); в городах дворов, лавок, амбаров и погребов не покупать, а имеющиеся у них продать; под залог принимать эти имущества не запрещено, но запрещено осваивать (XIX, 15 и 16); по служилым кабалам людей не держать, а лишь по записям на урочные годы (XX, 105). За холопами признана законом личная честь, которая у служилых боярских людей оценена в 5 руб., а у деловых людей в 1 руб., как у крестьян (X, 94). Но преимущества такого положения холопов ничем не были обеспечены и вполне зависели от милости господ. Уложение даже запретило давать суд по жалобам вольноотпущенных на жен и детей их умерших господ об имуществе, «для того, что отпущены безъ животовъ» (XX, 65).

Остальная самая значительная группа холопов составляла в хозяйстве чернорабочую силу, с помощью которой в значительной мере удовлетворялись несложные, но иногда очень обширные потребности натурального хозяйства в крупных и средних боярских дворах. Это были конюхи, псари, повара, хлебники и всякая домашняя прислуга; далее кузнецы, плотники, хамовники, скатерницы, тонкопрядицы и иные ремесленные люди. Приставленные к разнообразным текущим делам, они обыкновенно назывались «дѣловыми людьми». В числе их и на-ряду с ними упоминаются бортники, пастухи, коровники и рядовые земледельцы под именем «страдных людей» или «страдников». Организация труда холопов в сельском хозяйстве была довольно разнообразна: они могли обрабатывать боярскую пашню в качестве рабочей челяди, под надзором ключника или приказчика, на полном господском иждивении, проживая в особых челядинных дворах; или же могли проживать в господских или специально им отведенных дворах, получая месячину или даже жалованье, или же, наконец, содержались не на господский счет, а собственными силами, на отведенных в их пользование участках земли, работая на боярской пашне и отбывая иные виды барщины, нередко совместно с крестьянами. Частные акты и поземельные описи конца XV и особенно XVI вв. упоминают о всех этих формах поселения и хозяйства сельской челяди: в них перечисляются челядинные дворы; господские, в которых проживала челядь, и особые людские дворы; говорится о людской пашне, о людской животине, данной холопам в пользование, или собинной, пожалованной господином или купленной холопами на собственные средства; содержатся указания на холопов-оброчников и на оброчный скот, находившийся в пользовании холопов. Какая из перечисленных форм холопьего хозяйства была более распростра-

ненной или преобладающей в XVI в. — определить нельзя; можно лишь указать, что количество людских дворов в разных уездах по описям значительно колебалось, не превышая в одних 3—5%, поднимаясь в других до 7—17% и достигая в Каширском и Тульском уездах 25—30% в составе крестьянского и бобыльского населения.

Количество сельских холопов стояло в тесной связи с общими условиями земледельческого хозяйства и зависело как от размеров боярской запашки, так и от наличного количества крестьянских рабочих рук. При господствовавшей системе сошного обложения, когда боярская запашка включалась в оклад наравне с крестьянской пахотой, увеличение размеров первой не могло доставлять особых выгод землевладельцам. Поэтому у них не было прямых побуждений к ее расширению и вместе с тем к увеличению сельской челяди. Численность ее могла, однако, возрастать во второй половине XVI в., как это и наблюдается для некоторых местностей, вследствие отлива тяглого населения из центра и северо-западных окраин в области, сделавшиеся доступными для колонизации. В таких случаях прямая выгода заставляла поселять холопов в пустые крестьянские дворы, на заброшенных участках, чтоб не платить тягла с пустоты на то, по крайней мере, время, пока удавалось выхлопотать льготу на пустоту или выключить пустые участки из живущей пашни. Однако со времени царя Федора Ивановича наблюдается тенденция правительства облегчить положение служилых людей и монастырей обелением, т.-е. выключением из тягла собственной их запашки целиком или в некоторой части, или же понижением сошного оклада. По указу этого государя, относящемуся до служилых людей, обелению подлежала боярская пашня, обрабатываемая холопами на землевладельца; людская же пашня, которую холопы пахали на себя, а не на помещика, включалась в оклад наравне с крестьянскою пахотой. Эта мера несомненно способствовала увеличению сельской челяди на боярской запашке, но в довольно тесных рамках, так как обелению подлежала не вся боярская запашка, а лишь в известных пределах.

Гораздо более важное значение имела реформа в системе обложения при замене сошного оклада живущею четвертью. На основании этой реформы величина оклада определялась не размерами распаханной пашни, а единственно количеством крестьянских и бобыльских дворов. Благодаря этому уничтожены были весьма серьезные преграды к расширению какой бы то ни было запашки — боярской, людской или крестьянской. Всего выгоднее и проще было увеличить людскую пашню, так как увеличение крестьянской запашки, без соответственного увеличения крестьянских дворов, было возможно только в незначительной мере; заведение же в широких размерах собственной запашки для подавляющего большинства землевладельцев по многим причинам было невозможно. В связи с этой переменой в порядке обложения

наблюдается все более заметное возрастание в составе сельского населения поместных и вотчинных хозяйств задворных и деловых людей.

Первый из упомянутых терминов — «задворные люди» — встречается уже в памятниках последней трети XVI в., на-ряду с терминами «люцкая пашня на задворьи», «задворные дворишки». При каких условиях возникла эта задворная запашка, отличались ли, и чем именно, задворные люди от страдных людей в XVI в. — эти вопросы остаются открытыми. Впервые указом 1624 г. проведено юридическое различие между задворными и дворовыми людьми: первые самостоятельно несли имущественную ответственность за совершонные ими проступки, тогда как за вторых ответствовали их господа (А. И., III, стр. 303; Улож., XXI, 67 и 68). По переписным книгам половины XVII в. можно уже изучать состав задворного населения: туда входили полные и кабальные холопы, порубежные выходцы и всякие разночинцы, проживавшие в задворных людях добровольно или бескабально, в том числе и выбившиеся из своего положения элементы тяглой среды — обедневшие крестьяне и бобыли или их дети и сироты. По итогам этой переписи задворное население могло обратить на себя внимание правительства с фискальной точки зрения, так как по переписным книгам и с дворового числа Уложение предписало взимать новый оклад полоняничных денег. Перепись 1677—1678 гг. предпринята была с очевидным намерением ввести новую окладную единицу обложения — двор, так как вслед за ее окончанием указами 1679 г. предписано было взимать все прямые сборы с дворового числа.

В результате этой реформы в составе плательщиков податей, т.-е. тяглых людей, на-ряду с крестьянами и бобылями оказались и задворные люди, а также и те из деловых, которые проживали в особых дворах. Таким образом все полные и кабальные холопы, поскольку они входили в состав задворного населения или жили в деловых людях, поселенных особыми дворами, сделались тяглыми людьми. С этого времени между ними, с одной стороны, и крестьянами и бобылями, с другой, нельзя провести никакой разницы, так как и кабальные холопы сделались вечно крепкими своим господам по переписным книгам в качестве их задворных людей или деловых, если проживали в особых дворах. Разница осталась, но не между холопами и крестьянами, как было раньше, а между крестьянами, бобылями, задворными и деловыми людьми, с одной стороны, и дворовыми людьми — с другой, при чем в составе последних значились не только полные и кабальные холопы, но также и взятые в господские дворы крестьянские и бобыльские дети. Дворовые люди сохранили типические черты кабального холопства и в силу этого подлежали отпуску на волю после смерти господина. А полное слияние отбившихся элементов тяглой среды в лице крестьянских детей с массою дворового населения подтверждается указом

1690 г., на основании которого предписано «послѣ умершихъ всякихъ чиновъ людей дворовымъ ихъ и кабальнымъ и полоннымъ и крестьянскимъ дѣтемъ, которые были изъ крестьянъ взяты во дворъ, давать отпускныя изъ Приказа Холопья Суда» (П. С. З., № 1383). Дворовые люди остаются не тяглыми и после реформы 1679 г., вплоть до Петровских указов о ревизии. По указу 26 ноября 1718 г. предписано было «взять сказки у всѣхъ, чтобъ правдивыя принесли, сколько у кого въ которой деревнѣ душъ мужеска пола» (там же, № 3245). Указом 22 янв. 1719 г. было разъяснено, что в переписях необходимо было показать, «сколько, гдѣ, въ которой волости, селѣ или деревнѣ, крестьянъ, бобылей, задворныхъ и дѣловыхъ людей (которые имеют свою пашню) по именомъ есть мужеска пола, всѣхъ, не обходя отъ стараго до самаго послѣдняго младенца»; деловых же людей, которые своей пашни не имеют, а пашут на помещиков своих, предписано для ведома писать особою статьей (там же, № 3287). Из этого указа видно, что Петр имел сначала в виду положить в подушный оклад лишь те группы сельского населения, какие положены были в тягло по переписным книгам 1677—1678 гг. Лишь вследствие злоупотреблений, когда государю стало известно, что в сказках пишут только крестьян, а людей дворовых и прочих не пишут, он приказал сенату подтвердить указом, «чтобъ всѣхъ писали помѣщики своихъ подданныхъ, какого званія они ни есть». Сенат, при объявлении этого указа, предписал: «буде кто въ подданныхъ сказкахъ дворовыхъ людей и прочихъ подданныхъ своихъ не писали, дабы о тѣхъ всѣхъ своихъ подданныхъ, которые живутъ въ деревняхъ, а именно: о прикащикахъ и о прочихъ мужеска пола дворовыхъ людяхъ, какого они званія ни есть, подавали сказки» (там же, №№ 3481 и 3492). На основании этого городские дворовые люди исключались из оклада, что подтверждено и в разъяснительном указе сената 1 июня 1722 г., где сказано, что «всякого званія слугъ и служебныхъ и прочихъ людей, которые живутъ у помѣщиковъ въ Петербургѣ, Москвѣ и прочихъ городахъ во дворахъ, а на себя и на вотчинниковъ пашни не пашутъ, и имѣютъ пропитаніе только денежною и хлѣбною дачею, тѣхъ въ расположеніе не класть, а только переписать ихъ для вѣдома; а которые всякого жъ званія люди хотя на себя пашни и не пашутъ, а на вотчинниковъ пашутъ; а которые хотя и не пашутъ, а живутъ въ деревняхъ, такихъ въ расположеніе класть, не выключая никого, какого бъ званія ни были» (там же, № 4026))

Таким образом по указам 1720—1722 гг. из дворовых людей должны были попасть в подушный оклад все проживавшие в деревнях без исключения, а из городских дворовых лишь те, которые обрабатывали пашню на себя или на господ. Но и относительно городских дворовых, которые не пахали никаких пашен и имели пропитание только денежною или хлебною дачею, в высочайшей резолюции на докладные пункты генерала Чер-

нышева 19 янв. 1723 г. определено: «писать всѣхъ и служащихъ, какъ крестьянъ, и положить въ поборъ» (там же, № 4145). С этого времени все дворовые без всяких изъятий включены были в состав податного населения. Холопство, как особый юридический институт, прекратило свое существование, а холопы разных категорий вместе с крестьянами и бобылями образовали общую массу крепостных людей.

Литература. В. Сергеевич. Древн. русск пр., I, изд. 3, 131—179; Вл.-Буданов. Обзор, изд. 4, 403—419 и 665—673; А. Панов. Кабальные люди, Моск. Вед., 1856, лит. отд., №№ 24 и 26; Чичерин и Щапов (см. их сочинения, указанные на стр. 91); В. Ключевский. Подушная подать и отмена холопства в России, Опыты и Исследования, М., 1912; История сословий в России, М., 1913; В. Сергеевич. Вольные и невольные слуги московских государей, Наблюд., 1887, № 1; Н. Павлов-Сильванский. Люди кабальные и докладные, Ж. М. Н. Пр., 1895, № 1; М. Дьяконов. Очерки из истории сельского населения, 134—142 и 241—294; К вопросу о крестьянской порядной записи и служилой кабале, Сборн. В. О. Ключевскому, М., 1909, 317—331; Н. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в., гл. 2-я и 266—269; А. Лаппо-Данилевский. Предисловие к Записной книге крепостным актам и Разыскания по истории прикрепления владельческих крестьян, 76—103; Служилые кабалы позднейшего типа, Сборн. В. О. Ключевскому, 719—764; Вяч. Егоров. Кабальные деньги в конце XVI в., Ж. М. Н. Пр., 1910 г., № 7; Записные холопьи книги дьяка Алябьева, Сборник С. Ф. Платонову, 1911, 462—470; Т. Н. Оберучева-Анциферова. Жилые записи, Ж. М. Нар. Пр., 1917, февр.; Акты, записанные в крепостной книге XVI в. в Арх. историко-юрид. свед., кн. 2, половина 1-я; Акты юрид. быта, II, №№ 127 и 131; Новгородские кабальные книги 1597—1600 гг. в Русск. Ист. Библ., т. XV; Записная книга крепостным актам XV—XVI вв. в Русск. Ист. Библ., т. XVII.

Власть московских государей.

Власть московских великих князей, позднее государей и царей, постепенно все более и более усиливается. Рост этой власти стоит в тесной связи с ростом могущества Московского княжения, внешним выражением которого являлось постепенное расширение пределов московской территории. Но возрастающее могущество само по себе вовсе не предрешало вопроса о форме политического быта в Московском государстве. Эта последняя целиком зависела от соотношения сил, игравших главную роль в создании могущества Москвы. Из составных элементов, образующих правящую власть в древне-русских княжениях, раньше других утратил значение элемент демократический, в значительной мере под влиянием татарского порабощения, сопровождавшегося опустошением страны и разорением населения. Потрясенный хозяйственный быт массы свободного населения ставил грозный вопрос о насущном хлебе, а не об участии в управлении страной. С расширением территорий поголовные народные собрания становились невозможны и сами по себе. Татарское иго, помимо чисто отрицательных влияний, каковы разорения страны и огрубение нравов, оказало Москве положительные услуги лишь

постольку, поскольку московское правительство сумело воспользоваться помощью ханов в борьбе за преобладание с другими княжениями. В этом смысле, и только в этом, справедливы слова Карамзина, что «Москва обязана своим величием ханам».

Из других политических сил продолжают сохранять свое значение и после татарского завоевания, помимо князя, аристократический элемент, в лице бояр и вольных слуг, и духовенство, приобретшее влияние не только как провозвестник христианского учения, но и как гражданская власть и бытовая сила с того момента, как духовные власти и монастыри становились все более и более крупными землевладельцами.

Заслуги бояр и вольных слуг на пользу Москвы засвидетельствованы самими московскими князьями. Симеон Иванович в своей духовной (1353 г.) советует братьям слушать митрополита, «такоже старыхъ бояръ, хто хотѣлъ отцю нашему добра и намъ». Умирающему Димитрию Донскому летопись приписывает следующие слова, обращенные к детям: «бояры своя любите, честь имъ достойную въздавайте противу служеній ихъ, безъ воля (думы) ихъ ничтоже не творите». Самим же боярам он сказал: «съ вами на многи страны мужествовахъ, вами въ бранѣхъ страшенъ быхъ, и Божіею помощію низложихъ враги своя и покорихъ подъ себе, съ вами великое княженіе велми укрѣпихъ, и миръ и тишину княженію своему сътворихъ, и дръжаву отчины своея съблюдохъ; велику же честь и любовь свою къ вамъ имѣхъ, и подъ вами городы дръжахъ и великіа власти, чяда же вашя въ любви имѣхъ, и никому же васъ зла сътворихъ, ни силою что отъяхъ, ни досадихъ, ни укорихъ, ни разграбихъ, ни обезчестихъ, но всѣхъ чествовахъ и любихъ и въ чести велицей дръжахъ, радовахся и скорбѣхъ съ вами; вы же не нарекостеся у мене бояре, но князи земли моей» (П. С. Л., IV, 352; VIII, 56; XI, 114). Даже сквозь явные преувеличения последних слов наглядно рисуется как деятельное участие бояр в политике Москвы, так и почет, каким они пользовались в качестве сотрудников князей. При слабом Иване Ивановиче, в малолетство Димитрия Ивановича и Василия Васильевича, поддержка бояр в значительной мере обеспечила первенствующее положение этих князей. Эти и другие подобные исторические заслуги бояр сохранили за ними и при иных условиях, даже после замены свободной службы службою обязательною, значение крупной правящей силы в течение всего московского периода. Политическое значение боярства усилилось с притоком в его среду потерявших независимость владетельных князей и их потомков. С потерею своих княжений, присоединенных к территории Московского государства, они вынуждены были вступать на службу в Москве и при этом сумели занять высшие ступени служебной лестницы и правилами местнических счетов оградить за собой преимущества своего положения. Из среды этой титулованной и старой

служилой знати вышло несколько оппозиционных течений в отпор усиливающейся власти московских государей.

Московские же государи нашли деятельную поддержку своим новым стремлениям в другой силе, эти стремления в них воспитавшей. Эту роль в развитии власти московских государей сыграло духовенство. Еще Соловьев сказал, что «немедленно после принятия новой веры мы видим уже епископов советниками князя, истолкователями воли божией; но христианство принято из Византии; русская земля составляет одну из епархий, подведомственных константинопольскому патриарху; для русского духовенства единственным образцом всякого строя служит устройство византийское: отсюда понятно и гражданское влияние империи на юное русское общество» («История», I, изд. 6, 248). В числе новых взглядов, перенесенных из Византии на русскую почву, одно из важных мест занимает новое учение о власти. Прежде всего духовенство пропагандирует общехристианское учение о богоустановленности власти и об обязанности повиновения ей. Под властью подразумевался исключительно единоличный представитель власти: властитель, князь, цесарь. Кроме этой общей темы, в нашу письменность проникли довольно рано и византийские ее обработки с дополнениями библейских мотивов и извлечениями из отеческой литературы. Так, уже в Святославовом Изборнике помещен следующий вопрос Анастасия Синаита: «да еда убо всякъ царь и князь отъ Бога поставляется?» На вопрос дан следующий ответ: «ови князи и царіе, достойни таковыя чти, отъ Бога поставляются; ови же паки недостойни суще противу достоиньствомъ людемъ, тѣхъ недостоиньства по Божію попущенію или хотѣнію поставляются». Отсюда Синаит и заключает: «егда узришь недостойна кого и зла царя или князя, не чудися, ни Божія промысла потязай, но разумѣй и вѣруй, яко противу беззаконіемъ нашимъ тацѣмъ мучителемъ предаемся». В старейших летописных сводах, по поводу убиения Андрея Боголюбского, помещено поучение на чисто теократическую тему о высоте сана представителя власти: «естьствомъ бо земнымъ подобенъ есть всякому человѣку цесарь, властью же сана яко Богъ» (Лавр., 351; Ипат., 402). В связи с такою высотою сана представителя власти на него возложена не только ответственная обязанность — «безъ блазна Богомъ данные люди управити»,— но еще и забота об охране чистоты правоверия. Так, митр. Никифор поучал Владимира Мономаха: «въ стадо Христово не даси влъку внити, и аще въ виноградъ, иже насади Богъ, не даси насадити трънія, но съхранити преданія старое отецъ твоихъ».

Все эти политические темы древне-русской проповеди хотя и могли влиять на умы современников, но почва для их восприятия в окружающей действительности была крайне неблагоприятна, не только по условиям политического быта, но и ввиду особых отношений древней Руси к Византии. С момента своего возникновения русская митрополия была подчинена константинополь-

скому патриархату, а следовательно и императору, который, в качестве верховного покровителя вселенской церкви, был главой и в сфере церковного управления. Поэтому он принимает участие в делах о поставлении митрополитов всея Руси, в решении вопросов о пределах митрополии и о ее единстве, о поддержании в ней порядка и уничтожении соблазнов. Сами патриархи всеми мерами стараются поставить в глазах русских авторитет императора на недосягаемую высоту. По поводу столкновения с патриархатом из-за неправильностей при замещении митрополичьей кафедры, вел. кн. Василий Дмитриевич запретил поминать во время богослужений имя царя, мотивируя это тем, что «мы имеем церковь, а царя не имеем и знать не хотим». Патриарх Антоний на это ответил увещательным посланием, где развивал идею всемирной монархии и вселенской церкви. Византийский император характеризуется тут как «великий царь, господин и начальник вселенной», который «поставляется царем и самодержцем ромеев», т.-е. всех христиан. На всяком месте, где только именуются христиане, имя царя поминается всеми патриархами, митрополитами и епископами, и этого преимущества не имеет никто из прочих князей или местных властителей. Власть его, в сравнении со всеми прочими, такова, что и самые латиняне, не имеющие никакого общения с нашею церковью, и те оказывают ему такую же покорность, какую оказывали в прежние времена, когда находились в единении с нами. Тем более обязаны к этому православные христиане (Р. И. Б., VI, прил. № 40). Таково воззрение греков. Но несомненно под его давлением некоторые из наших князей, в отличие от мнения Василия Димитриевича, очень высоко ценили авторитет императоров. Например вел. князь Василий Васильевич хотя и называл себя братом и сватом императора, но титуловал его «святымъ царствомъ», «благочестивымъ и святымъ самодержцемъ всея вселенныя» и признавал, что он «въспріялъ свой царьскый скипетръ въ утверженіе всему православному христїяньству вашихъ державъ и нашимъ владѣтельствамъ рускія земли въ великую помощь» (Р. И. Б., VI, №№ 62 и 71; А. И., I, №№ 39, 41 и 262). При таких условиях учение о высоте сана представителей власти в русских княжениях получало весьма условное значение; но оно подготовляло умы к восприятию новых взглядов после существенной перемены в отношениях к Византии.

Еще раньше высшие представители духовенства успели оказать серьезные услуги некоторым князьям, в особенности московским. Пользуясь огромным авторитетом и влиянием, митрополит всея Руси мог содействовать усилению авторитета того князя, в резиденции которого он проживал. Так как кафедра митрополита находилась сначала в Киеве, то все прочие княжения оказались в церковном подчинении Киеву. Политические невыгоды такой зависимости хорошо сознавались, а потому более сильные князья стремились ослабить эту зависимость, присваивая себе

право избирать кандидатов на епископские кафедры; некоторые из них старались даже обособить свои княжения в отдельные митрополии, с непосредственным подчинением их константинопольскому патриарху. Таковы две первые неудавшиеся попытки: Андрея Боголюбского, задумавшего г. Владимир «обновити митропольею, да будетъ градъ сей великое княженiе и глава всѣмъ» (П. С. Л., IX, 222), и галицкого князя Даниила. Когда после татарских опустошений митрополит вынужден был покинуть Киев, между князьями возникла сильная борьба из-за местожительства митрополита. Сначала она возгорелась между тверскими и московскими князьями, а затем с особенным упорством продолжалась между Москвою и Литвою—и на этот раз окончилась разделением митрополии. Борьба эта сама по себе указывает какое значение придавали митрополиту, как политической силе, враждующие за преобладание князья. Достаточно привести один пример в подтверждение того, как спешили воспользоваться выгодами своего положения более счастливые из соперников.

Тверской князь Михаил Ярославич, успев заручиться симпатиями митр. Максима, первый показал, как можно использовать достигнутую удачу: впервые он, подражая титулу митрополита, стал величать себя великим князем всея Руси. Нельзя думать, чтобы этой прибавкой намечалась широкая политическая программа объединения Руси; но весьма вероятно, что имелось в виду предуказать место для будущих митрополитов, так как самое естественное местопребывание для митрополита всея Руси было при дворе вел. князя всея Руси. Что на это направлены были помыслы тверского князя, указывает его попытка иметь на митрополии собственного кандидата, в лице игумена Геронтия. Счастливый соперник Твери, Иван Калита, привлекший на свою сторону митрополита Петра, систематически подражает политике своего врага: и он принимает титул великого князя всея Руси и так же выставляет собственного кандидата в митрополиты; по его настоянию, надо думать, митрополит Петр «воименовалъ на митрополiю» какого-то архимандрита Феодора, конечно, сторонника Москвы. Услуги, оказанные Москве митрополитами Петром и особенно Алексеем, были столь очевидны и общеизвестны, что это успели оценить и враждующие с Москвой князья: «инымъ же княземъ многимъ немного сладостно бѣ, еже градъ Москва митрополита имяше въ себѣ живуща» (П. С. Л., X, 195).

Указанные события и течения, содействуя усилению Москвы и возвышению власти московского князя, не создали, однако, твердой опоры для пропаганды мирских политических идеалов. Обстоятельства круто изменились в благоприятную сторону со времени Флорентийской унии и завоевания Константинополя турками. После бегства митрополита Исидора из Москвы там стали говорить, что цареградская церковь поколебалась, от православия отступила, что царь и патриарх иномудрствуют, приближаются к латынам. А когда до Москвы дошла весть о завоевании Ви-

зантии турками, то этот удар православию объяснили тем, что «царствующій прежде благочестіемъ великій градъ Констянтинополь ради латиньскыя прелести погибе, и отъ благочестія истребися, и донынѣ погаными туркы одержимъ бысть», а на святом месте, в соборной апостольской церкви (св. Софии), воцарились «мерзость и запустение».

Одновременно на Руси церковь была сохранена безнаветной и безмятежной, благодаря заботам вел. кн. Василия Васильевича, который прослыл «благочестія ревнителемъ, мудрымъ изыскателемъ святыхъ правилъ богоуставнаго закона св. апостолъ», и в титуле его появились соответственные предикаты: благоверный, благочестивый, христолюбивый, в благочестии цветущий вел. князь и вел. государь. Некоторые из представителей духовенства называли вел. князя «великим государем земским», «царем русским» или «истинныя вѣры православія боговѣнчаннымъ царемъ всея Руси». Так начала создаваться почва для новой политической догмы, что вел. князь московский и всея Руси должен занять во вселенной положение византийского императора. Сильную опору эти притязания получили со времени женитьбы Ивана III на «царевне царегородской» Зое (Софии) Палеолог в 1472 г. Прибытие ее в Москву не только содействовало быстрым переменам в придворном ритуале, но даже подало повод европейской дипломатии поднять вопрос о правах московского великого князя на константинопольское наследие.

Но на первых порах столь пышная роль представителя власти в Москве совершенно не гармонировала с данническими отношениями к татарскому хану. Потому-то представители духовенства (епископ ростовский Вассиан), всемерно побуждая Ивана III возможно скорее свергнуть татарское иго, называли его «во благочестіи всея вселенныя въ концы возсіявшимъ», «наипаче же во царѣхъ пресвѣтлѣйшимъ преславнымъ государемъ». Когда же позорное иго было свергнуто, и миновало всеобщее опасение о кончине мира с истечением седьмого тысячелетия, впервые в новой пасхалии 1492 г. митр. Зосима назвал Ивана Васильевича «государемъ и самодержцемъ всея Руси, новымъ царемъ Констянтиномъ новому граду Констянтину—Москвѣ». Новая политическая теория о русском царстве, заступившем место Византийской империи, окончательно формулирована в посланиях старца Филофея. Он пропагандировал мысль, что престол вселенской и апостольской церкви имеет теперь представительницей церковь Успения пресв. богородицы в богоспасаемом граде Москве, просиявшую вместо римской и константинопольской, «иже едина во вселенной паче солнца свѣтится», так как церкви старого Рима пали «невѣріемъ аполлинаріевы ереси»; церкви же второго Рима (Константинополя) «агаряне внуцы сѣкирами и оскордами разсѣкоша двери» за то, что греки «предаша православную греческую вѣру въ латынство». Соответственно этому и московский государь явился «браздодержателемъ св. божіихъ престолъ» вселен-

ской церкви, единственным во всей поднебесной царем христиан, во едино царство которого по пророческим книгам сошлись все пришедшие в конец царства, и что «два Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быть». Так Москва прослыла третьим Римом, а титулы царя и самодержца прочно усвояются московскими государями.

Никто не отрицает, что титул «самодержец» заимствован у византийских императоров, представляя собою дословный перевод с греческого—autocrator. Но почему-то некоторые историки не допускают мысли, что идея самодержавной власти заимствована из того же источника. Если политические легенды, придуманные московскими публицистами в подтверждение этого позаимствования (сказания о князех владимирских, о мономаховых регалиях, о белом клобуке и т. п.), почему-то считаются недостаточно убедительными, то едва ли можно возражать против прямых указаний похвального слова Михаилу кн. черниговскому, составленного Филологом черноризцем, позаимствованных и степенною книгой, где о Мономахе сказано, что он удостоился получить царские регалии «не отъ человѣкъ, но по божіимъ судьбамъ неизреченнымъ, претворяще и преводяще славу греческаго царства на российскаго царя». Такова была точка зрения и официальных сфер. Этим еще не решается вопрос о том, как понимался в Москве византийский самодержавный идеал, в какой мере это понимание соответствовало действительности, и что из него проникло в московскую политическую практику. Разрешать этот вопрос отрицательно на основании сравнения некоторых сторон византийского и московского политического быта, обнаруживших те или иные несходства, было бы неправильно, так как полного тождества, по различию условий быта, невозможно и предполагать.

Что же такое самодержавная власть по понятиям московских официозных и правительственных сфер? Уже давно указано (проф. Ключевским), что с понятием о самодержавии общество того времени прежде всего соединяло мысль о внешней независимости страны. Потому и назван самодержцем Иван III по свержении татарского ига; потому же назывались самодержцами и формально ограниченные государи—Шуйский и Михаил Федорович. Но значение этого термина этим не исчерпывалось. Вскоре он был применен и для характеристики власти государя в сфере внутренней политики.

Одновременно с тем, как создавалась новая догма о вселенском значении московского государя, вырабатывалась и новая политическая теория власти государя. Эта теория формулирована главным образом трудами Иосифа Волоцкого, но не в виде стройного политического учения, а по частям, в пылу полемики по самым животрепещущим вопросам современности: о преследовании новгородских еретиков и о праве монастырей владеть недвижимыми имуществами. Добиваясь преследования и казни еретиков, Иосиф и теорию власти построил с этой точки зрения. Уже ранее затро-

нутые в древне-русской письменности темы о божественном происхождении власти, о приравнении царской власти к божественной и о главной обязанности государей—заботиться об охране правоверия—вошли готовыми элементами в эту теорию. Иосиф учил, что московские государи поставляются от бога самодержцами и государями всея Руси, что бог избрал их на земле вместо себя и посадил на свой престол, даровал им милость и живот, вручив и меч вышней божией десницы. Поэтому государи должны прежде всего спасать врученное им стадо от волков, погубляющих душу и тело, т.-е. еретиков, и вообще не давать воли «злотворящим человеком». Не исполняющие своей главной обязанности государи становятся слугами сатаны и несут ответственность перед богом в земной и будущей жизни, так как за грехи царя бог казнит не только его самого, но и всю его землю. Ввиду того, что царь только естеством подобен людям, «властію же сана яко Богъ», высота этой власти не имеет границ и объемлет все иные земные власти, не исключая и власти духовной. Поэтому в делах церковного управления высшая власть также принадлежит государю, ибо он «первый отмститель Христу на еретики». Бог передал ему все— «милость и судъ, и церковное, и монастырское, и всего православного христіанства власть и попеченіе». Отсюда получался и частный вывод, что «царскій судъ святительскимъ судомъ не посужается ни отъ кого». С этой же точки зрения определялись и отношения московского государя к удельным князьям. Московскій государь, это—«всея русскія земли государемъ государь», а удельные князья обязаны оказывать богодарованному царю «должная покоренія и послушанія» и «работать ему по всей воли его и повелѣнію его, яко Господеви работающе, а не человѣкомъ».

Эта теория теократического абсолютизма была усвоена всеми многочисленными последователями Иосифа Волоцкого и получила официальный характер, так как неоднократно повторялась высшими представителями духовной власти, которые вербовались почти исключительно из среды иосифлянского духовенства. Она была целиком воспринята и Иваном Грозным. Преимущественно в полемике с Курбским он повторил все основные положения теории, сделав из нее и некоторые своеобразные выводы. Так, из положения о богоустановленности власти Грозный вывел заключение, что противящийся власти противится богу, а потому именуется отступником и разделяет его судьбу. В какой мере он усвоил главную обязанность государя по охране правоверия, видно из следующих его слов: «тщуся со усердіемъ люди на истину и на свѣтъ наставити, да познаютъ Бога истиннаго и отъ Бога даннаго имъ государя». Врученный государям меч вышней божией десницы налагает на них серьезные обязанности по управлению страной: «царемъ подобаетъ обозрительнымъ быти, овогда кротчайшимъ, овогда же ярымъ; ко благимъ убо милость и кротость, къ злымъ же ярость и мученіе. Аще сего не имѣя, нѣсть царь». Эта тема о полномочиях государя в сфере внутрен-

него управления, на-ряду с династическими притязаниями, составляет самое больное место в полемике Грозного с Курбским, а потому и сосредоточивает на себе внимание государя. Исходя из установленной догмы, что земля правится божиим милосердием и своими государями, Грозный истолковал понятие самодержавия в смысле полноты единоличной власти государя, ее самостоятельности и независимости и в сфере внутреннего управления: «Россійское самодержавство изначала сами владѣютъ своими царствы, а не бояре и вельможи», и государь не может называться самодержцем, «аще не самъ строитъ». Это самодержавство сводилось у Грозного к праву государя «хотѣніе свое творити отъ Бога повиннымъ рабомъ», т.-е. подданным, которые по божию повелению не должны отметаться своего работного ига и владычества своего государя. Исполнение хотений государя есть первая обязанность подданных и является признаком их «доброхотства»; наличностью же этого доброхотства определяются отношения государя к подданным: «доброхотныхъ своихъ жалуемъ великимъ всякимъ жалованьемъ, а иже обрящутся въ супротивныхъ, то по своей винѣ и казнь пріемлютъ». Государю принадлежитъ неограниченное право карать и миловать своих слуг, и в этом он не отдает отчета никому, кроме бога. Эта мысль Грозного еще отчетливее выражена в продиктованных им боярских ответах на подметные письма польского короля Сигизмунда-Августа: «нашихъ великихъ государей волное царское самодержство не какъ ваше убогое королевство: а нашимъ великимъ государемъ не указываетъ никто, а тебѣ твои панове какъ хотятъ, такъ укажутъ... а наши всѣ государи самодержьцы, и *нихто же имъ ни чѣмъ не можетъ указу учинити*, и волны добрыхъ жаловати, а лихихъ казнити» (Сб. Русск. Ист. Общ., т. 71, 508—509).

Все эти новые политические доктрины и теории задавали московскому правительству новые трудные задачи, которые оно по мере сил стремилось осуществить, хотя и не без серьезных колебаний и отступлений. Уже Иван III стремится бережно охранять независимость и полноту своей власти. Ему первому пришлось выяснить значение нового титула «государь» на-ряду с титулом «вел. князя всея Руси».

Термин «государь» давно известен нашему языку. По древнерусской терминологии это слово обозначало, прежде всего, человека властного, но лишь в сфере отношений частных, а не публичных. Это был господин, хозяин (dominus), права которого распространялись на вещи и людей. Термины—господин, господарь и государь—в древнейших письменных памятниках употребляются безразлично, означая в частности рабовладельца и землевладельца. В Р. Правде господином называется собственник украденной вещи, хозяин хором, рабовладелец и хозяин закупа. В памятниках церковной письменности XI—XIV вв. хозяин нивы и собственник челяди назывались господарями или государями. С XIV в. и официальные памятники светского права усваивают эту терминологию.

По новгородскому праву не дозволялось судить холопа и робу без господаря; по псковскому праву государем называется хозяин и землевладелец, которому служат наймиты, и у которого арендуют землю изорники, огородники и кочетники. Такое значение эти термины сохраняют очень долго и в течение московского периода. Холоп, убивший своего господина, назван в судебниках «государьскимъ убойцею» (Суд. 1-й, 9; Суд. 2-й, 61); рабовладелец всегда именуется в них государем (Суд. 1-й, 18, 20, 38, 40—42, 56, 66; Суд. 2-й, 62, 65—67, 76—80, 83, 89), и даже хозяин пожни назван «поженнымъ государемъ» (Суд. 1-й, 61; Суд. 2-й, 86). Официальные памятники XVII в. избегают этого термина, заменяя его термином «боярин»; так, в Уложении хозяева старинных и кабальных холопов называются их боярами. Но в языке неофициальном термин «государь» долго еще сохранял прежнее значение и, утеряв свой смысл, дожил до наших дней в обычной формуле: «милостивый государь».

С половины XIV в. термин «государь» начинает проникать и в сферу политических отношений для обозначения представителя верховной власти. Такое применение произошло совершенно незаметно и естественно, так как вел. князья были крупными хозяевами, землевладельцами и рабовладельцами, и в этом качестве были государями. Служба им на праве частном, хозяйственном, не могла быть отграничена от службы государственной: такого различия еще не существовало. Поэтому слуги вольные и даже служилые князья начинают титуловать господарями и государями тех владетельных князей, которым служили. «Господаремъ Русскія земли» и «многихъ земель государемъ» называли иногда во второй половине XIV в. польских королей. Ягайло титулуется «многихъ земель государемъ», а Витовта титуловали «многихъ русскихъ земель государемъ» даже великие князья тверской и рязанский. Только что указано при каких условиях Василий Темный получил титулы «великого государя» и «государя земского». Иван III приказал отчеканить титул «государя всея Руси» на печати и на монетах и употреблял этот титул даже в сношениях с Литвой. Но и при нем этот титул еще не пользуется общим признанием

До покорения Новгорода новгородцы называли московского великого князя «господином». В 1477 г. их послы ошибочно назвали Ивана Васильевича «государем». С точки зрения старины—это было безразлично. Но московский государь уже иначе понял ошибочно обращенный к нему титул и спросил новгородцев, какого государства они хотят. Этим случаем он и воспользовался, чтобы наложить руку на новгородскую вольность. Из переговоров в 1478 г. явствует, как понимал Иван III значение терминов «государь» и «государство». Он объявил новгородцам: «мы великіе князи хотимъ государства своего, какъ есмя на Москвѣ, такъ хотимъ быти на отчинѣ своей Великомъ Новѣгородѣ». Не поняв истинного значения этих слов, новгородцы хотели выгово-

рить в свою пользу некоторые условия. В ответ на это они услышали слова, приведенные выше. Иван Васильевич не допускал и мысли, чтобы государству его положен был урок. В его глазах государь это неограниченный правитель. Поэтому у московского государя и «вина без урока»; это значит, что его карающая власть не знает ограничений. В противоположность этому новгородцы, вспоминая свою былую вольность, считали, что они еще от князя Ярослава «почтени быша самовластіемъ... и данемъ и послушанію положиша урокъ, еже не преходити пределъ прежде уставленныхъ», а потому «ни единому изъ прежде бывшихъ князей (до Ивана III) обладати собою попущающе, но уставленная и умѣренная дающе имъ». Вот что значит урок государству, и чего не хотел допустить Иван III. Однозначущий с словом урок термин ур я д обозначает все определенное, договоренное, обусловленное. Отсюда «урядник» означает правителя с ограниченными полномочиями в отличие от государя неограниченного. Эту разницу отлично знает Василий Иванович. Когда в 1533 г. в Москву явился гость от «Бабуръ падши, Индѣйскіе земли государя», с предложением быть с ним в дружбе и братстве и обсылаться людьми, то вел. князь ответил, «что того хочетъ, чтобы люди промежь ихъ ѣздили; а о братствѣ къ нему не приказалъ», так как было неизвестно, каков он на Индейском государстве: «государь ли, или урядникъ, и великому бы государю въ томъ низости не было, будетъ онъ тоя земли урядникъ, и вел. государь того ради о братствѣ ему не писалъ». Для истинного, великого государя нельзя даже назвать братом ограниченного правителя. Тот же Василий Иванович ответил крымскому хану: «урокомъ поминковъ мы ни къ кому не посылали». Отец Василия в 1488 г. отклонил предложение выхлопотать ему у цесаря королевский титул: «мы божіею милостію государи на своей землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей, а поставленіе имѣемъ отъ Бога, какъ наши прародители, такъ и мы, а просимъ Бога, чтобы намъ далъ Богъ и нашимъ дѣтемъ и до вѣка въ томъ быти, какъ есмя нынѣ государи на своей землѣ, а постановленія, какъ есмя напередъ сего не хотѣли ни отъ кого, такъ и нынѣ не хотимъ». Так бережно охраняли независимость своей власти уже первые два государя независимого Московского государства, Иван III и его сын.

Особенно много хлопот московской дипломатии доставили стремления создать московскому государю подобающее международное положение в ряду других государей. По идее нового вселенского значения московский государь должен бы занять первое место среди всех прочих государей, как «наипаче во царѣхъ, пресвѣтлѣйшій», «великостольнѣйшій государь», «иже во всей поднебесной христіаномъ царь». Но в действительности вчерашнему даннику татарского хана пришлось с удивительным упорством вести продолжительную, подчас непосильную борьбу, чтобы добиться от соседей признания тех или иных почетных притяза-

ний. В качестве представителя независимого государства, московский самодержец должен был признать равными себе многих соседних государей и по старинному обыкновению, возникшему в практике междукняжеских отношений, «писаться съ ними братствомъ». Но, по весьма своеобразной московской дипломатической мерке, не все представители государств оказались истинными великими государями, а потому не все могли и удостоиться чести называться братьями московского государя. Московской дипломатии приходилось производить подробнейшие изыскания о рангах всяких королей, князей, кому они равны, «не послушны-ли чѣмъ кому», т.-е. не подчинены ли, и «послушны-ли имъ люди» и т. п.

Так мало-по-малу создавалось определенное мерило сравнительной оценки международного значения государей и государств. В основу этого мерила положено было многое, позаимствованное из чисто национального местничества московских служилых людей. Как те местничались по родословцу и по разрядам, так и государи считались честью по родословиям и по государствам. Царский родословец выводил род московских государей не от Владимира св. и Владимира Мономаха, а через Прусса от римского кесаря Августа. Кто мог при таких условиях тягаться родословием с Иваном Грозным? Но родословная точка зрения хотя играет первенствующую роль, но не единственную. Известное значение имеет и ранг государства. Седмиградское воеводство Грозный считал «не великим местом» по сравнению с другими королевствами и попрекал Стефана Батория тем, что он учинился королем польским с этого воеводства, а потому и не хотел называть его братом. Точно так же «Свейская земля» оказалась многих государств честию ниже, а потому Грозный не допускал непосредственных сношений с шведским королем ввиду того, что это «отстоитъ отъ мѣры, какъ небо отъ земли», и настаивал на том, чтобы шведское правительство сносилось с новгородскими наместниками. Далее важное значение в оценке чести государей играет степень власти государей. В Москве истинным государем считали только государя с неограниченною самодержавною властью. При этом только государь наследственный, получающий свои полномочия от бога и по праву рождения, мог быть государем истинно самодержавным. Государи же избранные, в силу своего «поставленья или посаженья», считались не полноправными, а потому менее «честными». В 1562 г. бояре указывали литовскому послу, что московские государи «самодержцы никѣмъ не посажены на своихъ государьствахъ; а ваши государи посаженые государи; ино которое крѣпче: вотчинной ли государь, или посаженой? сами разсудите». Посаженный государь не может обладать достаточными полномочиями для устроения земли. Польский король потому и послушен своим панам, что «не коренной государь»; самодержавный московский государь волен жаловать и казнить, «а ты (польский король) по дѣлу не воленъ еси, что еси посаженой государь, а не вотчинной, какъ тебя захо-

тѣли паны твои, такъ тебѣ въ жалованье государство и дали... Не токма что во ввѣренныхъ тебѣ людѣхъ не воленъ еси, но и въ себѣ не воленъ еси... какъ же тебѣ вольну быти въ своемъ государствѣ?». Потому-то в Москве и считали Польское королевство «убогимъ». Те же несовершенства были присущи и Шведскому королевству. Грозный писал королю Иоанну: «коли бы то ваше совершенное королевство было, ино бы отцу твоему совѣтники и вся земля въ товарищахъ не были, и землю къ государемъ великимъ не приписываютъ... А совѣтники королевства свейского почему отцу твоему товарищи?.. а отецъ твой у нихъ въ головахъ, кабы староста въ волости... и тебѣ потому нельзя равнятись съ великими государи, въ великихъ государствахъ тѣхъ обычаевъ не ведется» (Сб. Р. И. О., т. 129, 234—240). Ту же мысль развивал Грозный в письме 1570 г. к английской королеве Елизавете: «мы чаяли того, что ты на своемъ государствѣ государыня и сама владѣешь и своей государской чести смотришь и своему государству прибытка. Ажно у тебя мимо тебя люди владѣютъ, и не токмо люди, а мужики торговые, и о наших государскихъ головахъ и о честехъ и о земляхъ прибытка не смотрятъ, а ищутъ своихъ торговыхъ прибытковъ. А ты пребываешь въ своемъ дѣвическомъ чину, какъ есть пошлая дѣвица». Чтобы ярче оттенить свое положение по сравнению с положением Батория, побежденный царь Грозный в письме к королю титулует себя «дѣдичемъ, отчичемъ и наслѣдникомъ прародительскихъ земель Божіимъ изволеніемъ а не многомятежного человѣчества хотѣніемъ».

При Грозном сначала писали братством: цесарю, турецкому султану, королю польскому и крымскому хану. Но цесарь и король польский, как государи избранные, скоро оказались братьями не равными. С высокомерием говорит Грозный польским послам в 1576—1578 гг. об их короле Стефане: «называетъ мене собе братомъ, ино не вѣдаю коимъ чиномъ», и, целым рядом ссылок доказывая свои преимущества, делает вывод: «и по тѣмъ по всѣмъ случаямъ государю вашему Степану съ нами въ равномъ братствѣ быти не пригоже». Несколько раньше, по случаю переговоров в 1572 г. об избрании на польский престол его сына, Грозный поставил себя выше цесаря и французского короля и приравнял к себе только турецкого султана. А через десять лет, испытывая унижения побежденного, он уже утверждал, что «Божіимъ милосердіемъ никоторое государство намъ высоко не бывало». Так он оказался первым среди всех государей вселенной, хотя бы только в области субъективных ничем не сдерживаемых притязаний. Суровая действительность нередко обрывала этот беспредельный полет царской фантазии и заставляла делать серьезные уступки требованиям реальной действительности, в особенности к концу царствования Грозного царя, когда правительство во внешней и внутренней политике должно было перенести жестокие испытания, а царское честолюбие—мучительные уни-

жения. Кровного своего врага и обидчика, Стефана Батория, Грозный не только вынужден был называть братом, но и писать ему, «предъ Богомъ и передъ нимъ смиряяся». Первенство в международном положении оказалось ничуть не менее фиктивным, чем и царственные корни государства родословца.

В области внутренней политики московские государи одинаково стремятся осуществить теорию теократического абсолютизма. Иван III и его сын и внук прилагают все старания к охране правоверия, созывая соборы для обличения и казни еретиков и возвеличения московских и русских святынь. Они творят свои хотения, возвышая доброхотных им и преследуя супротивных казнями и иными жестокими карами. Но при всем том нельзя утверждать, что московским государям удалось осуществить идеал неограниченной самодержавной власти. Их власть была бесспорно весьма обширна, так обширна, что казалась наблюдательным иностранцам (напр., Герберштейну) выше власти всех монархов Европы. Однако, как правильно замечено (проф. Ключевским), могущество этой власти сказывалось в отношении к лицам, а не к существующему порядку. Порядок, учреждения стояли под защитой старины, старых обычаев и считались неприкосновенными ни для чьей воли. Московским государям предстояло перестроить весь старый порядок. Они и делают это, но делают не открыто, не путем общих предписаний, а медленным путем частных мер, облекая все новшества покровом фиктивной старины. Под фикцией старины проводится и совершенно новый идеал самодержавного царства. Связанная заветами старины, могущественная воля государей оказывалась нередко бессильной в борьбе даже и с опасными для государственных интересов формами быта. Местничество, напр., было во многих отношениях вредно для интересов государственной службы и ставило пределы власти государей даже и над лицами. Тем не менее московские государи в течение двух веков подчиняются правилам местнических счетов. Уже Иван III отлично понимал весь вред и опасности, проистекающие от разделения государственной территории между детьми, но ни он ни его преемники этого обычая не отменили; он выродился лишь с пресечением династии Рюриковичей.

Вследствие этих условий, препятствовавших практическому осуществлению нового идеала власти, создавалась и благоприятная почва для оппозиции, которая и выступила против новых тенденций московских государей и притом с двух сторон: из среды духовенства и из среды светской.

Оппозиция духовенства возникла в тесной связи с новой теорией теократического абсолютизма. Согласно этой теории, главной обязанностью царей являлась охрана правоверия. Истолкование же основ правой веры духовенство оставило за собой и, конечно, могло по этому вопросу разойтись в воззрениях с представителями мирской власти. Сам Иосиф Волоцкий на первых же

порах разошелся с Иваном III во взгляде на новгородских еретиков: государь не только не начинал против них никаких преследований, но даже держал некоторых еретиков в приближении и, может быть, разделял их воззрения. С точки зрения Иосифа, государь не выполнял главнейшей своей обязанности—не охранял, как пастырь, своего стада от волков. А потому Иосиф поспешил к своему учению ввести прибавку относительно царя, который над собой «иматъ царствующи скверныя страсти и грѣхи, лукавство и неправду, гордость и ярость, злѣйши же всѣхъ невѣріе и хулу». Такой царь отнюдь «не божій слуга, но дьяволь, и не царь, но мучитель». Иосиф преподает такое правило поведения по отношению к такому представителю власти: «и ты убо таковаго царя или князя да не послушаеши, на нечестіе и лукавство приводяща тя, аще мучитъ, аще смертію прегитъ». Эта по существу чисто революционная прибавка не получила, однако, ни дальнейшего развития ни практического применения, так как Иван III в конце своего княжения выполнил требования Иосифа и его сторонников и созвал собор, которым и приняты были решительные меры против новгородских еретиков.

У Иосифа с Иваном III возникло и еще одно разногласие по вопросу о монастырских недвижимых имуществах, так как Иосиф оказался одним из главных противников секуляризации этих имений. На соборе 1503 г. вопрос был решен вопреки предположениям государя, и он подчинился этому решению. Хотя попытка секуляризации не удалась, а самый вопрос не имел никакого отношения к правоверию и его охране, однако на этой почве возникла серьезная оппозиция правительству, резко выдвинувшая вопрос об отношении властей церковной и государственной. В 1505 г. появилось «слово кратко» в защиту монастырских имуществ, в котором развивается теория двух мечей, духовного и вещественного, находящихся в распоряжении пастырей церкви. Последние должны действовать сначала духовным мечом, т.-е. убеждением и наказанием (поучением), до предания анафеме включительно. Если же и после третьего наказания «непослушны не створятъ повиновенія и спротивни пребудутъ, не хотяще наказатися, ни вый своихъ гордыхъ пастыремъ подклонити», тогда пастыри помощью «плечій мірьскыхъ (brachium seculare) дѣйствовати могутъ мечемъ вещественнымъ, на отвращеніе силы спротивныхъ, в защищение церкви своея даже и до своего кровопролитія». В подкрепление этого правила анонимный автор приводит теорию отношений между авторитетами духовным и светским. Обе власти происходят от бога, но «толико мирьская власть подъ духовною есть, елико отъ Бога духовное достоинство предположено есть» (Чтен. Общ. ист. и древн., 1902, кн. 2). Последняя мысль неоднократно повторялась как в литературных памятниках (повесть о белом клобуке, Константиново вено), так и видными представителями духовенства, как-то: Максимом Греком, митр. Макарием. Так, Максим Грек учил,

что «святительство и царя мажетъ и вѣнчаетъ и утверждаетъ, а не царство святителехъ... Убо больши есть священство царства земскаго, кромѣ бо всякаго прекословія меньша отъ большаго благословляется».

Однако в XVI в. никакого принципиального столкновения между властями не произошло, так как государственная власть по всем вопросам, касающимся интересов церкви, действовала в согласии с представителями церкви. Опасность обострения отношений усугубилась со времени учреждения патриаршества. Представитель церкви, в качестве заместителя превысочайшего престола патриаршеского, еще более импонировал своим авторитетом государю и всему обществу. С возведением в патриарший сан отца Михаила Федоровича, Филарета Никитича, последний присоединил к своему титулу, «святѣйшаго патріарха московскаго и всея Руси» еще титул «великого государя». В Москве таким образом оказалось два государя, светский и духовный. Фактически патр. Филарет явился главным руководителем правительственной политики. Современники называли его столь властолюбивым, «яко и самому царю боятися его», и указывали, что он не только «слово божие исправляше, но и земская вся правляше» (Изборн., 316; П. С. Л., XIV, 149; Р. И. Б., XIII, 468). Но духовный государь все же был новостью, и в придворном ритуале еще не успели приспособиться к такому двоевластию. В 1621 г. назначенный потчивать Кизильбашского посла от имени патриарха кн. Петр Репнин усмотрел, что ехать от патриарха менее почетно, чем от государя, и возбудил местнический спор. Этот спор судил сам светский государь и определил, что никакого повода к счету о местах вовсе нет: «каковъ онъ государь, таковъ и отецъ его государевъ... ихъ государское величество нероздѣлно» (Дв. разр., I, 491). Но такое единение властей было возможно лишь при условии, что государь-сын во всем подчинялся государю-отцу.

Такое двоевластие повторилось еще раз во время патриаршества Никона, которого в 1653 г. сам тишайший царь Алексей Михайлович назвал «великим государем», а Никон усвоил себе этот титул. В предисловии к изданному в 1655 г. по его повелению служебнику сказано, что «Богъ даровалъ Руси два великихъ дара: благочестиваго и христолюбиваго великаго государя царя Алексѣя Михайловича и великаго государя святѣйшаго Никона патріарха», и далее оба великие государи именуются «богоизбранною, богомудрою и благочестивою двоицею». На этот раз, однако, два государя не ужились мирно, и дело кончилось столкновением. Недовольный действиями государя, Никон в июле 1658 г. оставил патриаршество и уехал в Воскресенский монастырь. В начале 1660 г. созван был собор для решения трудного вопроса о том, как быть с Никоном и с замещением патриаршеского престола. Хотя собор постановил, что надлежит избрать преемника Никону, а самого Никона лишить сана, но государь

не решился привести этот приговор в исполнение. Между тем Никон выступил с резкими возражениями, обличая государя в неправильных действиях и даже в уклонении от правоверия, и при этом высказал свою точку зрения на отношения между духовным и светским авторитетами. По его мнению, уже много раз было доказано, что священство выше царства. Он с своей стороны приводит два довода: 1) «не от царей начальство священства приемлется, но от священства на царство помазуются», и 2) «господь бог всесильный когда сотворил небо и землю, то повелел двум светилам, солнцу и месяцу, светить, и чрез них показал власть архиерейскую и царскую, солнцем—власть архиерейскую, месяцем—царскую; архиерейская власть сияет днем, власть эта над душами; как месяц заимствует свет от солнца, так и царь приемлет помазание и венчание от архиерея и властвует в вещах мира сего. В частности, по требованию архиерейства царский меч должен быть готов на врагов веры православной» (Соловьев, XI, 272—273; Макарий, XII, 235, 410, 417—418; проф. Н. Ф. Каптерев. «Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович», II, 127—129, 181—184, 187—189, 195).

Возникшее столкновение, однако, надо было устранить. Собственною властью, даже опираясь на постановление местного собора иерархов, царь не решился на этот шаг из справедливого опасения, что Никон не подчинится этому распоряжению и учинит еще больший соблазн в церкви. Алексей Михайлович обратился за содействием к вселенским патриархам. Лишь в 1667 г. состоялся собор с участием восточных патриархов для суда над Никоном. Его признали виновным в самовольном без всякого понуждения оставлении патриаршества, в помехах к замещению кафедры и в несправедливых обвинениях «христианнейшего самодержца». На основании этого собор осудил Никона, лишил его сана и простым монахом отправил в заточение. Но вместе с тем собор признал, что «царь имеет преимущество в политических делах, а патриарх—в церковных». Если на этот раз царская власть и вышла победительницей, то вовсе не в силу признания ее превосходства. Двойственность власти оставлена неприкосновенной и даже подчеркнута постановлением собора. Повторение подобных конфликтов в будущем ничем не было предотвращено и являлось неизбежным каждый раз, когда налицо оказалось бы два неуступчивых представителя двух независимых одна от другой властей. Только преобразования Петра в области церковного устройства сделали невозможным «подобные замахи».

Другое оппозиционное течение шло из светской среды и возникло на почве неудовольствий теми или иными переменами, какие проводились московским правительством. Недовольство шло из разных общественных слоев, иной раз резко обострялось под влиянием взаимной борьбы за насущные интересы, но до активных действий против правительства дело не доходило и ограничивалось выражением недовольства в частных беседах, аноним-

ных памфлетах, повестях, сказаниях и т. п. Правительство не стеснялось в мероприятиях по отношению к своим заподозренным оппонентам, а последние лишь в редких случаях спасались от грозящих им кар за пределами отечества.

Слабые отражения оппозиционного настроения можно отметить, напр., в новгородско-псковской письменности. То были или радужные воспоминания о былой вольности этих земель или горькая критика вновь заведенных московских порядков. Автор позднейшей переделки сказания о празднике иконы Знамения по поводу нашествия на Новгород Андрея Боголюбского в 1169 г. вспоминает, что новгородцы еще со времени Ярослава «почтени быша самовластіемъ... и данемъ и послушанію положиша урокъ, еже не преходити предѣлъ прежде уставленныхъ». Такой порядок «въ зависть многіе грады сподвиже». Андрей Боголюбский, названный лютым фараоном, собрал на разорение Новгорода почти всю Русскую землю, и «вси завистью взимающеся на разореніе богатѣйшаго града». Это процветание и богатство города автор объясняет тем, что «самовластіемъ управляющеся и ни единому изъ прежде бывшихъ князей обладати собою попущающе, но уставленная и умѣренная дающе имъ» («Летоп. русск. лит.» Тихонравова, т. IV, стр. 19). Нельзя не заметить, что автор сказания всего сильнее почувствовал тяжесть нового московского тягла, противополагая ему прежние умеренные дани.

Автор повести «О Псковскомъ взятіи» так же рисует сначала прежние псковские порядки. Псковичи жили по своей воле и не имели «князя державнаго, владущаго ими», но избирали князей «ово отъ Москвы, ово отъ Литовскія земли» и держали такого князя, «яко наемника, а не яко князя, по закону своему». А если увидят от князя «что прискорбно», то отсылали его «въ отечество свое ему, откуда взятъ бысть». Но вот взят был в Псков по давнему обычаю с Москвы кн. Ив. Оболенский Репня, который жил у них «грозно и свирѣпо по наказу государя своего, по московскому обычаю, а не по обычаю ихъ и закону». Жалоба на него московскому государю лишь вызвала у государя мысль «превратити Псковъ на своя пошлины». Рассказав обстоятельства псковского взятия, автор замечает: «кто сего не восплачетъ и не возрыдаетъ?» и затем приводит аллегорическую жалобу славнейшего града Пскова, как на него налетел многокрылый орел с львиными ногтями и взял у него «три кедра Ливанова», и красоту его, и богатство, и чада его восхити. Новые московские пошлины вызвали у автора едкую их характеристику: «у московскихъ намѣстниковъ, ихъ тіуновъ и дьяковъ правда ихъ, крестное цѣлованіе, взлетѣла на небо», а начала в них ходить кривда, и от них было много зла, так как они были немилостивы к псковичам. А бедные псковичи так и не узнали правды московской! От таких порядков все иноземцы разошлись из Пскова по своим землям, так как было «не мочно во Псковѣ жити». Остались одни псковичи и то потому только, с горькой

иронией замечает автор, что «земля не разступится, а вверхъ не взлетѣть» (П. С. Л., IV, 287—288).

Но и эти немногие оппозиционные голоса скоро совершенно замолкли в сфере чисто политической и продолжали еще некоторое время раздаваться в сказаниях и повестях о местных святынях, не без успеха конкурировавших с московскими.

Большее значение имела оппозиция, идущая из среды высших служилых классов. Недовольство этой среды стало выясняться и обостряться уже с прибытием греческой царевны Зои Палеолог. В настоящее время не удается выяснить многих подробностей в тех преследованиях и казнях, какими сопровождалась опала, постигшая назначенного наследником внука Ивана III Димитрия. Несомненно, что при этом разыгралась борьба разных придворных партий. Известно что, недолго спустя, служилая молодежь жаловалась на новые порядки, заведенные при московском дворе. Собираясь у Максима Грека, как у человека бывалого, много видевшего и знающего, некоторые из недовольных новыми порядками расспрашивали его, как следует государю устроить свою землю, как людей жаловать и как жить митрополиту. Один из собеседников жаловался, что государь старые обычаи переменил, и, ссылаясь на авторитет разумных людей, утверждал: «которая земля переставливаетъ обычьи свои, и та земля недолго стоитъ. Иню на насъ котораго добра чаяти?» Перемена обычаев приписывалась главным образом царице Софье: до ее прибытия «земля наша русская жила въ тишинѣ и въ миру; а какъ пришли сюда грекове, ино и земля наша замѣшалася, и пришли нестроенія великіе»; одним словом, Софья, «какова ни была, а къ нашему нестроенью пришла». И позднее кн. А. М. Курбский перемену нравов предобрых русских князей объяснял влиянием «злыхъ женъ, паче же которыхъ поимовали отъ иноплеменниковъ». Софью же он прямо называл «греческою чародѣйницею».

Но в чем же перемена нравов или старых обычаев? Собеседники Максима Грека, Берсень-Беклемишев и Федор Жареный, говорили про Василия III, что «государь пришелъ жестокъ, людей мало жалуетъ, къ людямъ немилостивъ», и что «государь упрямъ, встрѣчи противъ собя (возражений) не любитъ, и кто противъ него говоритъ, и онъ на того опаляется». Берсень вздумал ему возразить по поводу смоленского похода, но государь на него крикнул: «пойди, смердъ, прочь, не надобенъ ми еси». Самого Максима Грека правительство обвиняло в том, что он называл Василия III «гонителем и мучителем нечестивым». А Курбский этого князя называл «великимъ паче же въ прегордости и лютости княземъ». Недовольные Василием III совсем иначе отзывались об его отце: Иван III Васильевич «былъ добръ и до людей ласковъ, и противъ себя стрѣчю любилъ, и тѣхъ жаловалъ, которые противъ его говаривали». От этого и результаты были благие: «пошлетъ людей на которое дѣло, ино и Богъ

съ ними». Курбский утверждал, что политические успехи Ивана III произошли «воистину многого его совѣта ради съ мудрыми и мужественными сигклиты его: бо зѣло глаголютъ его любосовѣтна быти и ничтоже починати безъ глубочайшаго и многаго совѣта». Берсень жаловался еще, что Василий III отстраняет от своего совета многих слуг и, «запершися самъ третей у постели, всякіе дѣла дѣлаетъ». И Курбский упрекает Грозного за то, что он особенно верит дьякам, которых избирает не из шляхетских и благородных родов, а из поповичей и простого всенародства, и делает это, «ненавидяще вельможъ своихъ, хотяще единъ веселитися на землѣ».

Особенно обострились отношения у царя Грозного с боярством. Отчасти болезненная мнительность царя, уязвленная династическими опасениями, отчасти разыгравшиеся партийные страсти,— все это преувеличенно рисовало нервозному правительству грозящие отовсюду измены и тайные заговоры. Борьбу с ними и искоренение их и поставило правительство Грозного одною из главных задач своей политики. Недаром в похвальном слове Василию III, по поводу рождения у него сына Ивана, радостный автор утешает читателя, что теперь нечего сетовать и смущаться мыслью о судьбе царства, о провославии; нечего восклицать с горечью: «кто да посрамитъ еретическое гнилословіе, кто да управитъ исконное въ отечествѣ его любопренное и гордынное о благородствѣ мятежное шатаніе». Значит Грозный как бы от рождения предназначался искоренить гордынное и мятежное шатание среди благородных. Отсюда опалы, казни, наконец, опричина. Князь А. М. Курбский с своей стороны взялся объяснить причины «пожара лютости въ землѣ Святорусской». Гонения начались удалением Сильвестра и Адашева и членов избранной рады. По объяснению Курбского, это произошло вследствие советов царю Вассиана Топоркова—не держать советников мудрее себя, а также доносов злых ласкателей, царских шурьев и других нечестивых, которые про избранную раду говорили: «худые люди, чаровницы, тебя государя, столь великаго и мудраго, боговѣнчанного царя, держали аки въ оковахъ, не дающе тебѣ ни въ чесомъ же своей воли,... хотяще сами царствовати и нами всѣми владѣти». Курбский же утверждает, что злые ласкатели все это дѣлали для того, «да невозбранно будетъ имъ всѣми нами владѣти». Отсюда вскрывается, что речь идет о борьбе двух партий, борющихся за влияние и власть при дворе. Что же это за партии? Курбский указывает, кто были эти ласкатели, губители царства Святорусского. Вассиан Топорков был «мнихъ отъ іосифлянскія лукавыя четы». Затем упоминаются «прелукавые мнихи» Мисаил Сукин и Левка Чудовской. Все это постриженники и последователи Иосифа Волоцкого. Курбский очень много и с горячей ненавистью говорит об этих вселукавых иосифлянских мнихах, в том числе и о прегордом и лютом митр. Данииле. У каждой партии свое знамя. Политические взгляды

иосифлян изложены выше, и Курбский довольно точно их передает. Вассиан Топорков советует царю, если он желает быть самодержцем, не держать при себе мудрейших советников: «тако будеши тверд на царстве и все имети будеши в руках своих». Злые ласкатели утверждали, что царь, когда отогнал от себя мудрейших советников, то воистину образумился «зряще свободно на все свое царство, яко помазанецъ божій, и никто же инъ, точію самъ одинъ, тое управляюще и имъ владѣюще». Приводя слова Вассиана царю: «ты лучше всѣхъ и не достоитъ ти никого имѣти мудраго», Курбский их сопровождает таким толкованием: «аки бы реклъ: понеже еси Богу равенъ». Эта ссылка на иосифлянскую теорию обожествления власти приводит Курбского к сравнению этой теории с гласом падшего ангела, задумавшего сравняться с превышним. Так ядовито иронизирует Курбский над доктриной теократического абсолютизма. Ей он противоставит другую: «самому царю быти яко главѣ и любити мудрыхъ совѣтниковъ яко свои уды». Порядок, существовавший во время господства избранной рады, когда царь не мог «безъ ихъ совѣта ничесоже устроити или мыслити», кажется Курбскому единственно правильным. Он подтверждает его и ссылкой на княжение Ивана III, ничего не починавшего без глубочайшего и многого совета с мудрыми и мужественными своими сигклиты, и другими примерами и указывает, что принесло царю Давиду «непослушаніе сигклитскому совѣту», какую беду навел на него бог, когда он, вопреки мнению советников, предпринял счисление израильского народа. Таким образом Курбский считал обязательным для царя наличность совета из мудрых сигклитов, указаниям которого царь и должен следовать.

Две борющиеся партии в корне разошлись не только по вопросу о политическом строе Московского царства, но еще и в вопросе насущной социальной важности: в вопросе о праве монастырей владеть недвижимыми имуществами Курбский и его сторонники всецело присоединились к мнению нестяжателей, хотя и по мотивам более эгоистичным, так как расширение монастырского землевладения оказалось в грозном противоречии с интересами служилого землевладения. Поэтому не менее резко и страстно напал Курбский на иосифлян за их землевладельческие стремления. По его утверждению, иосифляне «того ради люты и безчеловѣчны зѣло, и властей и имѣней желатели, иже не надѣются за всѣ прегрѣшенія отвѣта дати на судѣ». Он ярко рисует иосифлянскую политику в делах об увеличении монастырских вотчин: «Лицемѣрные и любостяжательные иноки учатъ отцовъ и ужиковъ не радѣти о ближнихъ въ родѣ, но совѣтуютъ и глаголютъ—не давати имѣнія аще и убогимъ сродникомъ, а давай къ монастырю, и за то тебѣ умолятъ святые у Бога царствіе небесное». Такой политике Курбский противополагает картину грозной действительности: «и такъ земли христіанскія уже знищали, иже воинскій чинъ каликъ хужши учинили». Выше было

указано, что справедливость этих слов признало и московское правительство на соборе 1584 г.

С этой именно точки зрения ненормальных отношений по землевладению выступил критиком современных порядков и анонимный автор «Беседы Валаамских чудотворцев». По его мнению, все зло окружающей действительности проистекает от монастырского землевладения. Это есть «отъ бѣса противо новыя благодати новая ересь, что инокомъ волости со христіаны владѣти». В этом всецело автор винит царей. Раздавая волости инокам, цари оказывают им не милосердие, но душевредство и бесконечную погибель, ибо инокам не надлежит давать «княжее и болярское мірское жалованье, аки воиномъ, волости со христіаны». Если цари это делают, то тем показывают, что не могут сами собой воздержати своего царства, тогда как должны сами управлять, отчего и пишутся самодержцами. И царям (современным московским) не следует писаться самодержцами, так как они правят царством с пособниками, а «не собою, ниже съ своими пріятели, съ князи и зъ боляры, но не съ погребенными владѣетъ, съ мертвецы (т.-е. иноками) бесѣдуетъ таковой царь». По мнению автора, «лучше степень и жезлъ и царьскій вѣнецъ съ себя отдати и не имѣти царскаго имени на себѣ, и престола царства своего подъ собою, нежели иноковъ мірскими суеты отвращати отъ душевнаго спасенія». Обвиняя в этом царей, автор жалуется на их «простоту и небрежение», называет их «малосмысленными», «противными Христу». «Таковые цари простотою своею да судятся съ ними предъ небеснымъ царемъ за множество міра и неразсудныя власти своея». Но как же исправить зло? Прежде всего, конечно, необходимо уничтожить новую ересь, т.-е. отобрать у монастырей «волости со христіаны» (населенные имения); а затем царям надлежит совещаться не с иноками, а с князьями и боярами и с ними держать царство и разделять власть. Не замечая противоречия с разъясненным выше значением слова самодержец, автор объявляет указываемый им порядок божественным законом. К этой мысли он возвращается несколько раз: «Господь повелѣлъ царемъ царство держати и власть имѣти съ князи и съ боляры»; «таковыя власти (т.-е. управление городами и волостями) даны міра сего свыше отъ Бога царемъ и великимъ княземъ и мірскимъ властелемъ». Но как должны править цари с князьями и боярами, на этом вопросе автор совсем не останавливается, раз мимоходом лишь заметив, что царям «достоитъ изъ міру всякіе доходы своя съ пощадою сбирати и всякія дѣла дѣлати милосердно»; но сейчас же снова сбивается на излюбленную тему, что дела делати милосердно надлежит «съ своими князи и съ боляры и съ протчими міряны, а не съ иноки». Автор, несомненно, кровный враг современного духовенства, а потому требует совершенного устранения его от управления государством: «святительскому, священническому и иноческому чину» заповедано ничем не владеть, «окромѣ ихъ святитель-

скихъ властей въ правду о законѣ и о благовѣріи и о спасеніи міра».

С иными преобразовательными планами выступил другой неизвестный автор, по всем вероятиям новгородец по происхождению, приписавший свой проект к «Бесѣдѣ» под особым названием: «Ино сказаніе тоежъ Бесѣды». Автор задается целью укрепить и привести в порядок Московское царство, объединить его «во благоденство», распространить «сѣмо и овамо» и «задержать вся области» не только с помощью военной силы, но путем улучшения управления. Главнейшим средством для достижения этой цели автор считает «единомысленный вселенскій совѣтъ», состоящий из представителей «ото всякихъ мѣръ всякихъ людей, отъ всѣхъ градовъ и отъ уѣздовъ». Царю рекомендуется держать при себе такой совет «погодно» и каждый день «смиренно распрашивать про всякое дѣло міра». На-ряду с таким вселенским советом рекомендуется сохранить при царе особый совет «изъ разумныхъ мужей, мудрыхъ и надежныхъ воеводъ», с которым царю не следует «разлучатися ни на единъ день». При таком устройстве «царю будетъ вѣдомо про все всегда», и царь будет иметь возможность «скрѣпить отъ грѣха» своих властей и воевод. Если справедлива догадка, что эта приписка к «Бесѣдѣ» возникла в 70-е годы XVI в., то нельзя не признать особого интереса за проектом автора, так как земские соборы в предположенной форме в XVI в. еще не были известны.

Но боярская дума, о которой, как необходимом элементе в составе государственного строя, говорят все оппозиционные писатели, начиная с Курбского, являлась исконным учреждением и не была упразднена с заведением новых порядков при московском дворе. Если о сохранении ее и поддержании ее значения заговорили оппоненты московского правительства, то отсюда лишь явствует, что они по собственной судьбе или судьбе отдельных лиц чувствовали непрочность участия в этом совете при усиливающейся власти московских государей. Но никто из этих оппонентов не только не додумался до каких-либо мер, помощью которых надлежало бы оградить право высших представителей служилого класса участвовать в государевом совете, и не определил, кто же из служилой среды должны быть членами такой избранной рады, но даже и не поставил о том вопроса. Наиболее, повидимому, лично заинтересованный Курбский хотя и упрекал Грозного за ненависть к вельможам и желание одному «веселитися на землѣ», но и он не только не пытался установить, кто же из шляхетских и благородных родов имеет право на участие в избранной раде, но даже указывал, что царь должен «искати полезнаго и добраго совѣта не только у совѣтниковъ», но и у «всенародныхъ человѣкъ».

Светская оппозиция отнюдь не замыкалась в узкие рамки политической мысли и, наоборот, еще шире выступала в вопро-

сах социальных. Не касаясь здесь уже отмеченного горячего спора о правах духовенства на землевладение, можно отметить и немало волновавшие вопросы об установлении более справедливой разверстки между различными общественными классами государственного тягла. Таков, напр., проект анонимного автора о введении, вместо сошного оклада, измерения земли «поприщами». Но едва ли не чаще почвой для оппозиционных настроений являлись различные религиозные мудрствования. Вольнодумец Семен Башкин, уличаемый в ереси, объясняя евангельские учения, пришел к выводу о необходимости упразднить рабство. А другой «еретик», Феодосий Косой, под влиянием проникших к нам рационалистических религиозных течений, пришел даже к выводу, что «не требѣ быти начальству въ христіанствѣ». Это был вероятно первый наш политический нигилист или анархист.

Отсюда видно какие глубокие вопросы политического и общественного быта волновали московскую общественную среду XVI в. Если, однако, оппозиционные течения не нашли видимого практического выражения, то это надо объяснить не только тем, что политические и социальные оппоненты не сумели точно выразить своих пожеланий, не могли формулировать, как и чем оградить их притязания от погромов со стороны власти, а главным образом тем, что им пришлось столкнуться с другими общественными течениями, выражавшими интересы классов, оказавшихся более сильными экономически и политически. Духовенство, в частности монашество, успело отстоять свое право на владение селами и деревнями и на распоряжение народным трудом или, по выражению автора «Бесѣды», на питание христианскими слезами и кровью. На-ряду с этим крупное княженецкое и боярское землевладение испытывало ряд тяжелых хозяйственных и политических потрясений и было в значительной мере подорвано в эпоху опричины. Но эта борьба между двумя сильнейшими правящими классами за преобладание не могла не затронуть интересов средних и низших слоев служилых людей.

Эта средняя и низшая служилая масса была совершенно чужда интересам привилегированных слоев титулованной знати и старого боярства и не могла сочувственно откликнуться на их стремления обеспечить за собой привилегированное положение. Эту массу влекли серьезные заботы о своем собственном, далеко необеспеченном, существовании. А поместная система толкала их сильнее в сторону искательства государевых милостей и жалованья. Улучшить свое трудное положение городового поместного дворянина возможно было чаще всего при посредстве таких милостей. Подобные условия и подготовили почву для возникновения миросозерцания Васютки Грязнова и подобных ему мелких слуг, которые, воспользовавшись государевыми милостями, энергично пропагандировали, что «государь, аки Богъ, и малаго великимъ чинитъ». Эта простая политическая доктрина, гораздо более близкая к теории теократического абсолютизма, чем к учению,

не вполне ясно формулированному, об аристократической монархии Курбского, нашла повидимому широкое распространение среди менее культурных и мало обеспеченных слоев служилого люда. На это между прочим намекают и воспоминания дьяка Ивана Тимофеева, который в эпоху смуты записал, что в прежние времена подданные были безответны пред своими владыками, повиновались им с подобающим почтением, «честь страха ради творяще вмалѣ яко не равну съ Богомъ». Выразителем этих политических и общественных мировоззрений является весьма характерный публицистический труд, известный то под именем «челобитной» или «эпистолии» Ивашка или Иванца Пересветова, то под именем «сказанія Ивана Пересвѣтова о царѣ Турскомъ Магметѣ и о Петрѣ волосскомъ воеводѣ», сохранившийся в разных переработках в многочисленных списках. Автор (скорее авторы)—защитник интересов средних и низших служилых классов и горячий противник родовитого вельможества. В противоположность Курбскому и автору «Бесѣды», поступивший на службу к московскому государю выходец Иванец Пересветов без колебаний утверждает, что царь должен быть «грозенъ и самоуправливъ и мудръ безъ воспрашиванья». «Какъ конь подъ царемъ—безъ узды, такъ царство безъ грозы». «Хотя мало царь оплошится и окротѣетъ, ино царство его оскудѣетъ». Такими и подобными народными афоризмами автор защищает и доказывает необходимость неограниченной власти государя. От лица волосского воеводы Петра он критикует современные московские порядки. Великое и сильное и славное царство московское, говорит Петр воевода, если бы в том царстве была правда, «а правды нѣсть». В чем же корень зла? Главная причина в той политической и общественной роли, какую захватили вельможи. «Вельможи русскаго царства сами богатѣютъ, имѣніе емлютъ, царство государя оскужаютъ, и тѣмъ они слуги ему называются, что цвѣтно и конно и людно выѣзжаютъ на службу его, а крѣпко за вѣру христіанскую не стоятъ и люто противъ недруга смертною игрою не играютъ». Петр воевода того не похваливает, что (вельможи) крест целуют, а изменяют. Не хвалит и того, что (царь) «особною войною на царство свое попущаетъ, даетъ городы и волости держати вельможамъ, и вельможи отъ крови и отъ слезъ рода христіанскаго богатѣютъ нечистымъ собраніемъ. Пошлютъ гдѣ сбирати царьскіе казны, ино царю, гдѣ взяти въ казну царьскую 100 рублевъ, и они на царя возмутъ 10 рублевъ, а на себя 100 рублевъ». А вельможи друг о друге печалуются царю о кормлениях и о городах и о наместничестве, «яко гладные псы хистяся на слезы и на кровь христіанскую». Демократизм автора, однако, далеко не объективный и не беспристрастный. Его больше всего интересует обеспеченное материальное положение воина, и государь должен создать такое положение: «такому сильному государю годится со всего государства своего доходы въ казну себѣ имати и изъ казны своей воиномъ сердце веселити; ино

казнѣ его конца не будетъ, и царство его не оскудѣетъ». Ясно, что веселить сердца воинов, значит им «жалованья государева своего изъ казны прибавливати», быти до них щедру и милостиву: «щедрая рука николи не оскудѣваетъ и славу царю собираетъ; что царю щедрость къ воиномъ, то ему и мудрость». Между прочим особенно выхваляет Петр воевода такую меру яко бы турского султана Магмета: «невѣрный царь добрѣ угодно учинилъ, великую мудрость и правду во царство свое ввелъ, по всему царству своему разослалъ вѣрныя своя слуги, пооброчивши ихъ изъ казны своимъ жалованьемъ, чѣмъ имъ мочи прожить зъ году на годъ» и т. п.

Тяжелые социальные невзгоды и политические неудачи, постигшие московскую Русь в течение первых трех десятилетий второй половины XVI в., ставили правительству ряд неотложных задач к упорядочению внутреннего быта. В последние несчастные годы царствования Грозного и во время краткого царствования царя Федора правительство выступило с рядом весьма важных мер к урегулированию вопиющих общественных неурядиц. Таковы соборные постановления 1580 и 1584 гг., направленные к отмене церковных и монастырских привилегий, ряд частных указов, регламентирующих порядок отбывания тягла; наконец, известные указы 1597 г. о кабальном холопстве и о беглых крестьянах. Вышло ли бы и каким образом из всех этих серьезных затруднений исконное московское правительство династии Рюриковичей — угадать невозможно. Серьезность положения усугубилась вследствие пресечения этой династии. Распад общественных связей, резко проявившаяся борьба общественных классов при новом правительстве пошли гораздо более быстрым ходом. Такое новшество, как избрание нового государя на престол Московского царства, замена искони прирожденного государя выборным, должно было произвести в умах современников не малое смущение.

Повидимому этим обстоятельством намерены были воспользоваться бояре, терроризованные эпохой опричины Грозного, для предотвращения на будущее время подобных разгромов сверху. Сохранилось историческое предание, сообщенное Татищевым, что при избрании Бориса Годунова «боляре хотѣли, чтобъ онъ государству по предписанной грамотѣ крестъ цѣловалъ, чего онъ учинить и явно отказать не хотѣлъ, надѣясь, что простой народъ выбрать его безъ договора бояръ принудитъ». При содействии патриарха и духовенства выборы состоялись без всяких ограничений. Но в трудное и тяжелое время общественной розни, еще более обостренной посетившими страну неурожайными годами, Годунову не удалось создать твердого правительства. А при таких условиях бороться с надвигающейся смутой оказалось невозможным. Появившаяся фигура Самозванца сулила всем недовольным быстрый выход к страстно желаемому лучшему будущему. В решительный момент войско, во главе которого стояли видные

бояре, изменило сыну Годунова, и бояре именем всего войска Самозванцу «добровольно, яко властному дѣдичному господарю, челомъ ударили, послушенство отдали и крестъ цѣловали, просячи, чтобъ на вѣнчанье господарскимъ вѣнцомъ до Москвы поспѣшился». Как прирожденный государь, Самозванец венчался без ограничений. Но бояре же и погубили его. Во главе заговора стоял кн. В. И. Шуйский. Сговариваясь извести Димитрия, бояре условились между собой: «Розстригу того беззаконнаго убити, а по немъ на царство изъ нихъ кому царемъ быти, и никому за прежніе досады не мстити, но общимъ совѣтомъ россійское царство управляти». Выкрикнутый небольшой группой бояр и приверженцев и прозванный за то «самоизбранным», Шуйский поспешил венчанием упрочить свое положение. По словам современника, «скоропомазанием» Шуйского «всѣ людіе о немъ предкнушася». Еще большее впечатление произвело то, что произошло в соборной церкви: избранный царь «нача говорити, чего искони вѣкъ въ Московскомъ государствѣ не повелось, что цѣлую де всей землѣ крестъ на томъ, что мнѣ ни надъ кѣмъ ничего не сдѣлати безъ собору никакого дурна» (др. ред.: «безъ общаго совѣта ни надъ кѣмъ ничего творити не хощу») (П. С. Л., т. XIV, 69). В окружной грамоте принятые на себя Шуйским обязательства формулированы определеннее: «мнѣ великому государю всякаго человѣка, не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими, смерти не предати, и вотчинъ и дворовъ и животовъ у братьи ихъ и у женъ и у дѣтей не отымати, будетъ которые съ ними въ мысли не были; также у гостей и у торговыхъ и у черныхъ людей, хотя которой по суду и по сыску доидет и до смертныя вины, и послѣ ихъ у женъ и у дѣтей дворовъ и лавокъ и животовъ не отымати, будетъ они съ ними въ той винѣ невинны; да и доводовъ ложныхъ не слушати, а сыскивати всякими сыски... чтобы въ томъ православное христіанство безъ вины не гибли; а кто накого лжетъ и сыскавъ того казнити, смотря по винѣ его: что было возвелъ неподѣлно, тѣмъ самъ и осудится» (А. А. Э., т. II, № 44, стр. 102; С. Г. Г., т. II, № 141; Р. И. Б., т. XIII, 72). Это был бесспорно первый опыт ограничения власти московского государя, ибо его хотениям положен был урок, скрепленный крестным целованием. Но по содержанию своему эти ограничительные пункты представляются крайне бедными, так как сводились только к трем ограничениям: 1) никого нельзя было предавать казни иначе, как по судебному приговору царя с боярами; 2) у невиновных родственников нельзя было конфисковать имений и 3) не полагаться на доносы и проверять их сыском. Несомненно здесь отразилось самое главное стремление боярства оградить себя от таких произвольных преследований заподозренных лиц, какие испытало на себе боярство в царствование Грозного и при Годунове. Но в той же окружной грамоте Шуйский указал и на свое родословие от римского кесаря Августа, так как по происхождению был Рюри-

кович и принадлежал даже к старшей линии по сравнению с московскими князьями.

Положение правительства Шуйского оказалось еще более критическим. Поколебленный политический уклад представлялся современникам то с одной, то с другой его стороны; одни находили, что царь Шуйский вскоре по воцарении своем, «не помня своего обѣщанія, начатъ мстить людемъ, которые ему грубиша, бояръ и думныхъ дьяковъ розосла по городомъ по службамъ, а у иныхъ у многихъ помѣстья и вотчины поотнимаша»; другие же утверждали, что бояре тогда имели больше власти, нежели сам царь. Нельзя не отметить и из указной практики случая отмены боярскою думою царского указа о добровольном холопстве в подтверждение олигархических настроений нового правительства. Политические условия особенно осложнились с появлением второго Самозванца, так наз. Тушинского вора, и открытием военных действий со стороны Польши и Швеции. В пределах Московского государства оказалось одновременно несколько враждующих правительств, и каждый недовольный своим положением мог искать счастья и милостей во враждебном стане. Особенно часты были переезды из Москвы в Тушино и обратно: такие переездчики получили даже характерное прозвание «перелетов». Одновременно с этим разгоралась и социальная смута со всеми ужасами ничем несдерживаемой междоусобной борьбы. Из среды казацких отрядов шли открытые призывы («воровские листы») к крестьянам и холопам, подбивающие их «на убиение и грабеж», с приглашением «побивати своихъ бояръ и жены ихъ, и вотчины и помѣстья имъ сулятъ».

Правительство Шуйского не сразу заметило готовящуюся грозную социальную опасность. А когда заметило, то пыталось было сначала ослабить узы неволи (указ 1607 г. о добровольном холопстве и того же года об упорядочении семейного быта холопов), но затем быстро повернуло в сторону более суровой регламентации (указ о крестьянах 1607 г. и восстановление в силе указа 1597 г. о холопстве). Но какое значение могли иметь указы правительства, у которого из-под ног уходила всякая твердая опора? Со смертью Скопина-Шуйского исчезла последняя надежда объединить наиболее здоровые общественные слои в защиту правительства Шуйского. В начале 1610 г. на Лобном месте партия служилых людей стала возбуждать толпу против государя: «царь нашъ сѣлъ на московское государство силно, а нынѣ его ради кровь проливается многая, потому что онъ человѣкъ нечестивъ и царьствованія недостоинъ». Эта партия и от бояр требовала, «чтобъ царя Василія перемѣнити, нарицающе его несчастливымъ царемъ». Патр. Гермоген старался успокоить мятежников, но они ворвались к самому царю, который их встретил мужественными и знаменательными словами: «аще убити мя хощете, готовъ есмь умрети; аще ли отъ престола и царства мя изгоняете, то не имате сего учинити, дондеже снидутся всѣ большіе боляре и всѣхъ чиновъ люди, и какъ вся земля совѣтъ положитъ, такъ и язъ го-

товъ по тому совѣту творити» (Изборн., 198 и след.; Р. И. Б., т. XIII, 120; П. С. Л., т. XIV, 99 и сл.). Государь изъявил готовность преклонить свою волю пред волей всей земли. Но узнать волю земли в ту пору было невозможно. Через полгода после описанных событий вместо совета всей земли состоялся совет из наличных бояр и иных чинов, «и бояря и всякіе люди приговорили бити челомъ царю государю, чтобъ онъ царство оставилъ для того, что кровь многая лиется, а въ народѣ говорятъ, что онъ государь несчастливъ, и городы украиные ево государя на царство не хотятъ-же» (Изборн., 346). И царь принял этот приговор за челобитье бояр и всей земли и по совету патр. Гермогена государство оставил. Шуйский как бы предсказал себе собственную судьбу, когда наказывал своим послам в Польшу оправдать и объяснить убийство Самозванца; послы должны были сказать, что «за его злые богомерские дѣла, осудя істинным судомъ, всенародное множество московского государства убили», и сверх того добавить: «хотя бъ и прямой прироженой государь царевичъ Дмитрей; а толко б его на государство не похотѣли, и ему силно нельзя быть на государстве» (Сб. Р. И. О., т. 137, стр. 255, 302, 509). Так за опытами избрания государей пробивал себе дорогу и опыт свержения с престола неугодных представителей власти.

Политические опыты смутной эпохи быстро следовали один за другим. Недовольство первыми избранными государями натолкнуло русских людей на мысль пригласить кого-либо государем со стороны. Всяких чинов люди говорили патриарху, что «не хощемъ своего брата слушати, и ратніи людіе не боятся царя изъ русскихъ и не слушаютъ его и не служатъ ему» (П. С. Л., V, 60). Иноземный кандидат был намечен служилыми людьми в Тушине после исчезновения оттуда Тушинского вора, но еще раньше описанных событий в Москве. 4 февраля 1610 г. представители служилых людей заключили с королем Сигизмундом договор об избрании на московский престол польского королевича Владислава на следующих условиях: власть государя ограничивается двумя учреждениями: земским собором и боярской думой. I. Изменение судебников и судебных порядков может быть допущено лишь с согласия бояр и всей земли; точно так же все вопросы, предусмотренные договором, перерешает государь совместно с освященным собором, боярами и со всей землей. II. Правящее значение боярской думы намечено было в более широких размерах: без согласия думы государь не имел права решать вопросов: а) о новых налогах, б) о жаловании служилых людей и в частности об их поместьях и вотчинах, в) о повышении в чинах и г) без следствия и суда с своими боярами никого не карать, лишать чести, ссылать, понижать в чинах. Так как королевич Владислав был католиком, то особо оговаривались незыблемость и неприкосновенность православной веры и полное невмешательство государя в духовные дела. Владеющие классы, кроме того, озаботились обеспечением за собой имущественных прав на недвижимые имущества и на

крепостное и невольное население (о последнем в записи сказано: «холоповъ невольниковъ боярскихъ заховати рачитъ его королевская милость при давныхъ звычаяхъ, абы бояромъ альбо паномъ служили по первшему; а вольности имъ господарь его милость давати не будетъ»). По низвержении Шуйского этот договор был подтвержден с незначительными изменениями между гетманом Жолкевским и московскими боярами (Записки Жолкевского, приб. № 20; С. Г. Г., II, № 199; А. Э., II, № 165). Договору этому не суждено было осуществиться, и он остается лишь свидетельством того, в какой мере успели за короткое время развиться политические взгляды московских правящих сфер.

Наступившее междуцарствие выдвинуло вопрос о самом существовании Московского государства. Сама Москва оказалась в руках поляков. К Москве потянулись народные ополчения, и вместе с тем все настоятельнее ощущалась невозможность оставаться бесгосударным столь великому государству. Под влиянием национального чувства кандидатура польского королевича все более отодвигалась на задний план, и неоднократно выражалось желание выбрать государя на Московское государство, «сослався со всѣми городы». После неудач первого ополчения 1611 г., второе (нижегородское) ополчение весною 1612 г. рассылало по городам грамоты о присылке в Ярославль «изо всякихъ чиновъ людей человѣка по 2 и съ ними совѣтъ свой отписати... какъ бы въ нынѣшнее конечное разореніе быти не безгосударнымъ». Но в Ярославле выборы государя не состоялись. Ополчение продвинулось к Москве, и отсюда, после очищения Москвы от поляков, вновь созывались выборные из городов «изо всяких чинов» для избрания государя «всякими людьми от мала до велика». Собор 1613 г. избрал государем молодого Михаила Романова, отец которого Филарет, по московскому чину ростовский митрополит и бывший тушинский патриарх, находился в то время в Польше во главе посольства для переговоров об избрании королевича Владислава и был задержан пленником. О деятельности избирательного собора сохранился лишь один официальный документ — «утвержденная грамота об избрании М. Ф. Романова»,—который не содержит никаких подробностей, предшествовавших избранию, и сам по себе вызывает ряд сомнений. Между тем сохранилось несколько частных известий об ограничении избранного государя. Но эти известия, несходные между собой в подробностях и даже в существе, вызывали и продолжают вызывать ряд сомнений, так что историки права оставляют вопрос без разбора или ограничиваются замечанием, что «остается совершенно неизвестным в какой мере был ограничен Михаил Федорович и кем».

Недавно С. Ф. Платонов подверг этот вопрос новому обстоятельному и интересному пересмотру и пришел к выводу, что ни сообщения позднейших иностранцев (Страленберга, Факеродта, гр. Миниха), передававших лишь рассказы и воспоминания рус-

ских людей 1725—1730 гг., ни рассказы псковского сказания о смуте (П. С. Л., V, 63 и сл.: «Бѣ же царь младъ... и не бѣ ему толика разума, еже управляти землею», а владущие «царя ни во что же вмѣниша и не боящеся его, понеже дѣтескъ сый»; они «царя лестію уловиша: первіе егда его на царьство посадиша и къ ротѣ приведоша, еже отъ ихъ вельможска роду и болярска, аще и вина будетъ преступленію ихъ, не казнити ихъ, но разсылати въ затоки» и пр.), ни Гр. Котошихина (он записал: «какъ прежние царі, после царя Івана Васильевича, обираны на царство: и на нихъ были иманы писма, что имъ быть не жестокимъ и непалчивымъ, безъ суда и безъ вины никого не казниті ни за что, и мыслиті о всякихъ дѣлахъ зъ бояры и зъ думнымі людмі сопча, а безъ вѣдомості ихъ тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣлаті... А отецъ его (царя Алексея) блаженныя памяті царь Михайло Федоровичь, хотя самодержцемъ писался, однако, безъ боярскаго совѣту не могъ дѣлаті ничего». VIII, 4) не заслуживают доверия и не могут быть признаны достоверными. «В таком положении дела, — заключает профессор Платонов, — нет возможности безусловно верить показаниям об ограничениях, сколько бы ни нашлось таких показаний». Но если даже и принять такую оценку приведенных свидетельств, то она все же не уполномачивает безусловно их отвергнуть. Поэтому гораздо более важным и плодотворным является опыт того же автора взвесить те общественные силы, которые могли играть роль на избирательном соборе 1613 г. Чрезвычайно интересные мелкие подробности, какие удалось ему подобрать из показаний современников, прежде всего убедили его в том, что никаких попыток к ограничению власти государя не могло исходить из среды боярства, которое было совершенно скомпрометировано и разбито во время смуты и не могло играть никакой роли на соборе. После освобождения Москвы от поляков, больших бояр, с кн. Мстиславским во главе, которые служили королю, не только «в думу не припускали», но даже выслали из Москвы куда-то «в городы» и произвели государево избрание без них. По показаниям захваченного в плен польским отрядом в конце 1612 г. сына боярского Ивана Философа, настроение умов в Москве в то время было очень различное: «у бояръ, которые вамъ, великимъ господаремъ (польским), служили, и у лучшихъ людей хотѣніе есть, чтобы просити на господарство васъ, вел. господаря королевича Владислава Жигимонтовича, а имянно де о томъ говорити не смѣютъ, боясь казаковъ, а говорятъ, чтобы обрать на господарство чужеземца; а казаки де, господари, говорятъ, чтобы обрать кого изъ русскихъ бояръ, а примѣриваютъ Филаретова сына и Воровского Калужскаго» (сына Марины Мнишек). К этому Философов добавлял, что «во всемъ деи казаки бояромъ и дворяномъ сильны, делаютъ, что хотятъ... А бояръ деи, кн. Ѳ. И. Мстиславскаго съ товарищи, которые на Москвѣ сидѣли, въ думу не припускаютъ, а писали

объ нихъ въ городы ко всякимъ людемъ: пускать ихъ въ думу или нѣтъ. А дѣлаетъ всякія дѣла кн. Дмитрей Трубецкой да кн. Пожарской да Куземка Минин. А кому впередъ быти на господарствѣ, того еще не постановили на мѣрѣ». На земском соборе, который мог открыться с конца 1612 или, вернее, с самого начала 1613 г., сразу же возникли крупные разногласия: «не возмогоша вси на единаго согласитися; овіи глаголаху того, иніи же иного, и всѣ разно вѣщаху, и всякій хотяше по своей мысли учинити, и тако препроводиша не малые дни». Теми же чертами рисуется первая стадия совещаний в другом известии: «И тако по многіе дни бысть собранія людямъ, дѣла же толикія вѣщають утвердити не могутъ и всуе мятутся сѣмо и овамо» (Временн., XVII, 161; Дворц. разр., I, 65 прим.). И утвержденная грамота свидетельствует, что «по многіе дни о томъ говорили всякіе люди съ великимъ шумомъ и плачемъ». Прежде всего успели, повидимому, согласиться на том, что «литовскаго и свійскаго короля и ихъ дѣтей, за ихъ многія неправды, и иныхъ никоторыхъ земель людей на Московское государство не обирать, и Маринки съ сыномъ не хотѣть». Так устранены были кандидаты бояр и лучших людей и один из казачьих кандидатов — Воровской Калужской. Потом «говорили на соборѣхъ о царевичахъ, которые служатъ въ Московскомъ государствѣ, и о великихъ родѣхъ, кому изъ нихъ Богъ дастъ на Московскомъ государствѣ быти государемъ». Современники передавали слух, что предполагалось бросить жребий между тремя лицами—кн. Дмитрием Трубецким, кн. Иваном Голицыным и Михаилом Романовым, чтобы выяснить, кого из них бог пожелает дать в государи. По тем же слухам, только угрозы казаков и страх перед насилиями дали победу кандидатуре Романова. Среди заседаний сделали перерыв, чтобы выборные люди могли лучше осведомиться с мнениями избирателей касательно намеченных кандидатов. Отсюда видно, что у второго казацкого кандидата были серьезные конкуренты из великих родов. Московское боярство, значит, не совсем утратило свой авторитет в глазах всей земли. Это еще резче подтверждается тем, что земский собор, уже наметивши кандидатуру Михаила Романова, признал необходимым вернуть обратно в Москву выехавших или высланных «в городы» бояр, кн. Мстиславского с товарищами, для участия в заседании собора 21 февраля, когда состоялось торжественное провозглашение вновь избранного государя (Aleksander Hirschberg. «Polska a Moskwa w pierwszej polowie wieku XVII», 1901, стр. 361—364; Сборн. новгор. общ. любителей древности, вып. 5; Арсеньевские шведские бумаги, №№ III, V—X, Новгор., 1911). К этому важному акту собор не решился приступить без участия великих правящих бояр, которые, по приговору всей земли, получили свободу и полную амнистию, так что временное правительство Трубецкого, Пожарского и Минина должно было вновь уступить власть кн. Мстиславскому

с товарищами. Поколебленный авторитет правящего боярства был восстановлен самым торжественным образом пред лицом всей земли. При таких условиях догадка о том, что из среды бояр могла быть сделана попытка к ограничению власти «не ими избранного царя», не представляется совершенно недопустимою.

Необходимо, однако, обратить внимание еще на одну сторону вопроса. Боярство вовсе не являлось резко отграниченной группою лиц среди правящих классов в Московском государстве; незаметными ступенями оно примыкало к средним слоям служилых людей. Недаром и Философов противополагает казакам не одних бояр, но бояр и лучших людей. В составе правительственных лиц, окружавших нового царя со времени его избрания, оказались люди весьма различной родовитости и чиновности. Рядом с влиятельными боярами, Ф. И. Шереметевым и кн. Б. М. Лыковым-Оболенским и князьями Лобановым-Ростовским и Черкасским, стояли только что выдвинувшиеся по родству и близости Салтыковы, Троекуровы, Морозовы и др., и даже совсем «обышные» люди, как Михалков и Траханиотов. Первые двое из упомянутых получили боярство еще при Самозванце и состояли членами «семибоярщины», т.-е. были в числе товарищей кн. Мстиславского в междуцарствие и сидели в осаде. Если верно известие, что после освобождения Москвы бояр, сидевших в осаде, не припускали в думу и даже выслали по городам, то, значит, той же участи подверглись Шереметев и Лыков, хотя первому из них приписывают видную роль в деле избрания царя Михаила. Другие менее чиновные и совсем неродовитые оказались теперь влиятельными соправителями первых двух на разных ступенях правительственной лестницы. Что же связывало этот разношерстный правительственный кружок? Проф. Платонов дает на этот вопрос чрезвычайно интересные, заслуживающие полного внимания ответы. Он думает, что этих лиц сплачивали как родственные и свойственные, так и партийные связи. Последние возникли между ними еще в ту пору, когда многие из этих людей сгруппировались в Тушинском стане около тушинского «патриарха» Филарета и образовали ядро тушинского правительства. А если так, то нельзя забывать, что из среды этого кружка, после бегства вора из Тушина, вышел и проект об избрании королевича Владислава на указанных ограничениях. Отсюда вскрываются политические вкусы правительственного кружка, державшего в своих руках власть в первые годы царствования Михаила до прибытия его отца и игравшего, надо думать, определенную роль при избрании нового государя. Из его среды так же могла быть сделана попытка к ограничению власти избираемого государя.

Все эти данные могут склонить наблюдателя рассматриваемых событий к мысли, что в общественной среде, игравшей роль при избрании государя, были налицо элементы, воспитанные в духе новых политических взглядов, вызванных к жизни событиями смутного времени. От них и могла исходить попытка

ограничить власть избираемого государя. Была ли действительно сделана такая попытка при избрании Михаила, когда и при каких условиях, и имела ли она какой-либо практический успех и результат, этого, к сожалению, нельзя указать при настоящем состоянии источников. Но если запись действительно была взята, то едва ли она могла иметь в ту пору серьезное практическое значение. Важно лишь то, что свидетельства Псковской летописи и Котошихина получают, при указанных сопоставлениях, значительно большую долю вероятности.

В дальнейшей истории XVII в. не встречается более никаких упоминаний об ограничениях власти государей. О царе Алексее Михайловиче Котошихин говорит, что «нынешняго царя обрали на царство, а писма онъ на себя не далъ никакого, что прежние царі давывалі, и не спрашивалі, п. ч. разумѣлі его гораздо тихимъ, и потому наівышшее пишетца самодержцемъ и государство свое правитъ по своей волі». Но и со стороны государей не заметно каких-либо стремлений, подобных стараниям Грозного, оправдать и формально оградить свою власть от каких-либо посягательств на ее полноту. Впервые Петр Великий дал в законе определение «самовластія» государя, скопировав эту формулу с шведского образца.

Литература. В. Сергеевич. Др. русск. пр. II, 518—658; Лекции и Иссл., изд. 4, 156—172; Вл.-Буданов. Обзор, 152—162; Николаевский. Русская проповедь в XV и XVI вв., Ж. М. Н. Пр., 1868, №№ 2 и 4; Пыпин. Московская старина, Вестн. Евр., 1885, № 1; Дьяконов. Власть московских государей, гл. II—V; К истории древне-русских церковно-государственных отношений, Истор. Обозр., т. III, 1891; И. Жданов. Повести о Вавилоне и сказание о князех Владимирских, 1891; В. Савва. Московские цари и византийские василевсы, 1901; П. Милюков. Очерки по истории русской культуры, ч. III, в. 1, 1901; А. Я. Шпаков. Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве, ч. I, 1904; А. Маркевич. Избрание на царство М. Ф. Романова, Ж. М. Н. Пр., 1891, №№ 9 и 10; С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты, 1900; Московское правительство при первых Романовых, Ж. М. Н., Пр. 1906, № 12; История Правительств. Сената за 200 лет. Введение, 24—28; В. П. Алексеев. Вопрос об условиях избрания на царство М. Ф. Романова, Русск. М., 1909, № 11; Н. Ф. Каптерев. Патр. Никон и царь Алексей Мих., тт. I–II, 1909 и 1912; С. И. Чернышев. Избрание на царство М. Ф. Романова, Тр. Киев. Дух. Акад., 1912, № 1; С. И. Чернышев. Царь Мих. Ф. и патр. Филарет Никитич Романовы в их взаимных отношениях, там же, 1913, № 7—8; Г. А. Замятнин. К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611—1616), Юрьев, 1913; Ф. В. Тарановский. Соборное избрание и власть вел. государя в XVII в., Ж. М. Ю., 1913, № 5; Л. М. Сухотин. Народные движения 1611 и 1612 гг., Чтен. Общ. ист. и др., 1913, кн. 4; Первые месяцы царствования Мих. Фед., там же, 1915, кн. 4; Ю. Готье. Избрание М. Ф. Романова, там же, 1913, кн. 4; Д. В. Цветаев. Избрание М. Ф. Романова на царство, М., 1913; А. Лаппо-Данилевский. Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России со времени смут до эпохи преобразований, Голос Минувш., 1914, № 12; М. Дьяконов. Избрание Мих. Фед. на царство, Речи на торжественном собрании Академии Наук по случаю трехсотлетия царствования дома Романовых, 1915; Влад. Вальденберг. Древне-русские учения о пределах царской власти. Очерки русской политической литературы от Владимира св. до конца XVII в., Птр., 1916; П. Г. Любомиров. Очерк истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг., Птр, 1917; см. еще литературу выше.

«Беседа Валаамских чудотворцев», изд. в Лет. зан. Арх. Ком. вып., 13; Челобитная и сказание Ивашки Пересветова в П. С. Л., т. XII, 100—108; Учен. Зап. Каз. Унив., 1865, I, 31 — 46; Изборник, 165 — 167; Чтен. Общ. ист. и древн. 1902, кн. 4; В. Ф. Ржига. И. С. Пересветов, публицист XVI века. Чтения Общ. ист. и древн., 1908, кн. 1; Ю. А. Яворский. К вопросу об Ивашке Пересветове, публицисте XVI века, Киев. 1908; С. Г. Вилинский. Новые труды по изучению деятельности И. Пересветова, Ж. М. Н. Пр., 1908, сент.; В. Ф. Ржига. И. С. Пересветов и западная культурно-историческая среда, Изв. Отд. Русск. яз. и слов., т. XVI, кн. 3, 1911; рец. на труды Ю. А. Яворского и В. Ф. Ржиги С. Щеглова. Ж. М. Н. Пр., 1911, март; Избирательная грамота Годунова, А. Э., II. № 7; Утвержденная грамота об избрании М. Ф. Романова, Чтен. Общ. ист. и древн., 1906, кн. 3.

Боярская дума.

Боярская дума при московских великих князьях и государях является непосредственною преемницей той политической роли, какую играла в древней Руси княжеская дума. Сами князья современники засвидетельствовали огромные политические заслуги своих ближайших советников-бояр и оценили их политическую роль. Исторические заслуги советников упрочили значение и самого совета, которое сохраняется за ним в течение всего периода.

Но в положении думы произошли и немаловажные перемены, коснувшиеся как ее организации, так и состава. Главнейшие из этих перемен сводятся к следующим:

I. В Москве возникают думные чины: сначала в лице бояр введенных, потом окольничих и, наконец, детей боярских, «живущих в думе», переименованных позднее думными дворянами. В думу проникают и дьяки, одновременно, надо думать, с детьми боярскими, под именем дьяков «введенных» или думных. Возникновение думных чинов должно было отразиться на более точном определении состава княжеского совета. Хотя в думные чины возводили по словесным приказам великих князей и государей и, значит, от их усмотрения зависел подбор своих советников, но те, кому «думу сказывали», в силу своего думного чина являлись постоянными советниками государей. «Думный человек приглашается не случайно на то или другое заседание государевой думы, а в силу того, что он объявлен думцем царя». Даже и в подборе своих советников воля государей была в известной мере связана местническими правилами, по которым в высшие думные чины возводились лишь члены известных титулованных и боярских фамилий. Правда, думные чины вовсе не были наследственными по общему правилу, и государи обладали достаточною степенью власти, чтобы не допустить в думу неугодных им сыновей чиновных бояр из родовитых фамилий. Но практика знает целый ряд и таких случаев, когда места отцов занимали в думе их сыновья. Опираясь на такую практику, известный деятель смутного времени, боярин кн. В. В. Голицын, совершенно категорично выразил свои аристократические притязания на звание думного советника, заметив, что «отца моего и дѣда изъ думы не высылали,

и думу они всякую вѣдали, и не купленое у нихъ было боярство». Но против такого чистого аристократизма в составе думы в руках московских государей было другое серьезное средство: на второстепенные и третьестепенные чины в думе они проводили угодных им представителей из среды неродовитых фамилий.

Но отсюда никак нельзя сделать тот вывод, какой сделан проф. Сергеевичем, что «думный чин свидетельствует не о праве думных людей давать советы царю, а о праве царя призывать в свою думу не только бояр, но дворян и даже дьяков». Даже и с его точки зрения о «праве князя делать все единолично», что «не может подлежать ни малейшему сомнению и не нуждается ни в каких дальнейших доказательствах», нельзя понять институт думных чинов, как лишь право государей призывать в думу дворян и дьяков. Казалось бы, что в силу права делать все единолично, государям легко было совсем устранить бояр из думы и совещаться только с дворянами и даже одними дьяками. К чему тут думные чины, в частности бояр и окольничих? Гораздо ближе к истине другое мнение того же маститого ученого о возникновении различных думных чинов. Для создания Московского государства нужны были московским князьям помощники. «Надо было уметь привлекать их к себе. И московские государи умели это делать. Они щедро раздавали служилым людям земли и льготы и образовали преданный себе класс помещиков и вотчинников. Но не все можно было купить одной щедростью. Приходилось еще иметь дело с мнениями и привычками служилого класса. Их нельзя было игнорировать, к ним надо было относиться с некоторой долей уважения. Эти обычные мнения требовали, чтобы князья совещались с «старейшими». Но это уже опека, а опека стесняет. Надо почтить «старейших» и дать дорогу «молодшим». Учреждение думных чинов счастливо разрешило эту трудную задачу». Итак московские государи уступали требованиям обычая и совещались не только с дворянами и дьяками, но и со «старейшими», т.-е. боярами. Последние в силу своего положения думных людей принимали постоянное участие в решении государственных дел, а московские государи, если и далеко не всегда по доброй воле, но уступая лишь требованиям старины, признавали необходимым выслушивать мнения своих советников, как естественную и неизбежную обязанность «доброго» правителя.

II. Вторая перемена, отразившаяся на составе думы, была обусловлена значительным наплывом в Москву родичей владетельных великих и удельных князей, которые оттеснили старые боярские фамилии с верхних ступеней служилой лестницы. Высказана даже догадка, что сначала все служилые князья входили в состав думы (Вл.-Буданов). Бесспорно, однако, лишь то, что из среды этой титулованной знати в XVI в. преимущественно шли назначения в чины бояр и частью окольничих, так что в некоторые моменты в составе думных чинов на долю титу-

лованных представителей приходилось не менее ⅔ общего состава. Это изменение в составе советников государей потому особенно заслуживает внимания, что традиции владетельных фамилий бесспорно значительно усилили политические притязания московского боярства, чем и вызваны были суровые меры московских государей как против отдельных лиц, так и против княжеских фамилий вообще, особенно против княженецкого землевладения. Из этой же среды вышли и виднейшие публицисты XVI в., как боярин кн. Василий Патрикеев, насильственно постриженный под именем Вассиана, кровный враг Иосифа Волоцкого, и боярин кн. А. М. Курбский. Такие знатные оппоненты московских государей особенно подчеркивали двойственность их положения, так как при явно выраженном стремлении к самодержавию они были поставлены в необходимость иметь в составе советников столь явных недоброхотов.

III. Третья, наконец, перемена обусловливалась коренными изменениями в организации службы, которая из добровольной становится постепенно обязательной. Право отъезда вольных слуг, этот основной камень боярских вольностей, постепенно превращается в понятие государственной измены, ибо отъезжать было возможно только к государевым недругам. При отсутствии такой гарантии вольности и самая оппозиция в думе становилась все более и более невозможной, кроме исключительных случаев. А вместе с тем и политические притязания боярства не могли получить естественного и нормального выражения. Такая перемена, в связи с расшатанным экономическим положением княжеских и крупных боярских фамилий, и подготовила мало-помалу почву для торжества самодержавной монархии. Но такой исход становится все более и более заметным лишь со второй половины XVII в., хотя и тогда значительно скрывается еще за неисчезнувшими пережитками старины.

Число думных людей в Москве весьма не постоянно и имеет явную наклонность к возрастанию к концу периода. По сохранившимся спискам в год смерти Василия Темного осталось 5 бояр и 1 окольничий (из шести — 2 титулованных); в год смерти Ивана III—13 бояр и 6 окольничих (из них 11 титулованных); в год смерти Василия Ивановича — 20 бояр и 1 окольничий (в том числе 15 титулованных). У Грозного в 1553 г. числилось 32 боярина, но в год его смерти осталось 10 бояр, 1 окольничий и 8 думных дворян (списки думных дворян сохранились лишь с 1572 г.). В XVII в. общее число думных чинов увеличивается: при Борисе Годунове их числилось до 30, в смуту — до 47, при Алексее Михайловиче — 59 и при Федоре — 167.

Участие в заседаниях думы принимают не все думные люди. Помимо отсутствующих из Москвы и находящихся в посольствах, на кормлениях, по воеводствам и пр., даже не все наличные члены могли заседать в думе по недосугу ли, или даже

в силу государевой опалы. Нет ничего удивительного в том, что при таких условиях число думных людей, присутствовавших на отдельных заседаниях, чрезвычайно непостоянно. Проф. Сергеевич подобрал ряд таких случаев, присоединил к ним отдельные свидетельства о приглашении в думу и не думных людей и из всего этого сделал вывод, что в думе присутствуют каждый раз лишь те из думных людей, каких призывал в данное заседание государь. Но если принять этот вывод, то становится опять непонятным и совершенно ненужным институт думных чинов. Очевидно дело обстояло не так. Обычно в заседаниях думы принимают участие все наличные и не отвлеченные другими спешными делами думные люди. (О числе присутствовавших на заседаниях думы в XVI в. у Н. П. Лихачева. «Думное дворянство в боярской думе XVI ст.», стр. 10 и сл., В. И. Саввы. «О посольском приказе в XVI в.», стр. 200 и сл.) От XVII века сохранились даже официальные указания по каким дням и в котором часу должны были бояре съезжаться «на сиденье» о делах.

Но на-ряду с обычными и текущими заседаниями боярской думы московские государи, конечно, могли советоваться и советовались интимно с своими приближенными из думных и иных людей, в частности и с духовными лицами. Берсень жаловался, что Василий III «запершись самъ третей у постели всякія дѣла дѣлаетъ». Такое, может быть, преувеличенное обобщение обиженного советника указывает на существование особого интимного круга советников у этого государя, что подтверждается и подробным рассказом летописи о составлении завещания этим князем. Серьезно заболев в Волоколамске, Василий III с боярином и дворецким Шигоною и со своим великим дьяком Путятиным «нача мыслити, кого пустити въ ту думу (о духовном завещании) и приказать свой государственный приказъ». В этом совете самтретей решен был только один вопрос, каких бояр пустить в думу о завещании. По возвращении в Москву приглашены были на совещание, кроме двух поименованных выше, еще трое бояр, казначей и дьяк, но затем были прибавлены еще два боярина и кн. Глинский, которого, как не думного человека, вел. князь прибавил в думу, «поговоря с бояры», так как Глинский был родственником великой княгине Елене. На этом совещании решены были вопросы о малолетнем наследнике, о великом княжении, как ему строиться, и о духовной грамоте, которую и приказано было писать двум присутствующим дьякам (эта грамота не сохранилась). Эти девять советников были избраны из общего числа думных людей, которых в данный момент числилось по счету одних исследователей более 20, по счету других — не менее 35. Остается неизвестным, сколько из них было налицо в Москве, но несомненно, что далеко не все. Та же летопись рассказывает, что многие из бояр, узнав о болезни государя, приехали из своих вотчин в Москву, и, через несколько дней после описанного заседания интимного совета, у постели боль-

ного государя собрались митрополит, братья государя и все бояре. На этом собрании опять шла речь о наследнике и об устроении государства. Но что это за собрание? Заседание ли это боярской думы, как думают одни, или простое прощание государя со своими слугами, как утверждают другие? Летопись приводит любопытные слова больного Василия к боярам: «мы вамъ государи прироженные, а вы наша извѣчная бояре; и вы, братіе, постойте крѣпко, чтобы мой сынъ учинился на государствѣ государемъ, была бы въ землѣ правда и въ васъ бы розни нѣкоторые не было» (П. С. Л., VI, 271). Это не прощальное свидание, на которое могли бы быть приглашены не только думные люди, а просьба государя к членам думы об осуществлении тех мер, какие были намечены и приняты в интимном совете. Надо думать, бояре изъявили готовность исполнить волю своего государя и своим обязательством содействовать ее осуществлению подкрепили решения интимного совета. Такое собрание всех бояр у государя невозможно отличить от заседания боярской думы, помимо лишь необычной внешней обстановки. И в других случаях государи являлись на заседания думы с готовыми решениями и, конечно, не один раз успевали проводить в думе свою точку зрения. Но это не дает права отрицать самые акты совещаний. Итак в этом случае решения интимного совета были подкреплены согласием всех собравшихся думных людей.

В ином несколько свете рисуют значение ближней или тайной думы современники XVII в., как иностранцы (Маржерет, Мейерберг, Рейтенфельс), так и Котошихин. Последний указывает: «А какъ царю лучится о чемъ мыслиті тайно, і въ той думе бываютъ тѣ бояре и околничие, ближние, которые пожалованы изъ спалниковъ, или которымъ приказано бываетъ приходиті; а иные бояре, и околничіе, и думные люді, въ тоѣ полату, въ думу, и ни для какихъ нибуді дѣлъ не ходятъ, развее царь укажетъ» (II, 5). При увеличившемся числе думных людей в XVII в. такие интимные совещания сделались естественно более частыми, а такая тайная дума не могла не подрывать значения боярской думы, хотя все официальные памятники говорят только о последней и совершенно не знают тайной думы. Дипломатические документы упоминают, правда, и в XVI в. о ближней думе, но лишь по интимным делам и для большей внушительности иностранных представителей (ср. В. И. Савва, назв. соч., 213—215).

Какая же роль выпала на долю боярской думы в Москве? В исторической литературе на этот вопрос даны весьма различные ответы. Все исследователи, кроме проф. Сергеевича, признают боярскую (царскую) думу постоянным учреждением, хотя и приписывают ей разное значение: одни (Неволин, Загоскин)— только совещательное и подчиненное, другие (Ключевский, В.-Буданов)—гораздо более высокое и важное, равное по силе с авторитетом государевой власти.

Проф. Сергеевич свое совершенно особняком стоящее мне-

ние основывает на общей посылке, что «мысль о постоянном учреждении с определенным составом и компетенцией совершенно чужда московскому времени»; что московские государи «не чувствовали ни малейшей потребности» в постоянном совете. А потому памятники говорят о «сиденьи с боярами», «о боярских приговорах», т.-е. о советниках, и не знают «государевой или боярской думы, как учреждения в виде постоянного совета». Но указание на отсутствие официального названия для учреждения прежде всего не точно. Хотя официальные памятники говорят обыкновенно о думе описательно, но им известны термины — «царский синклит» (соборные приговоры 1580 и 1584 гг. в С. Г. Г., I, №№ 200 и 202) и «царского величества дума» (в грамоте 1614 г. «отъ бояръ и отъ окольничихъ и ото всее царскаго величества думы братьи нашей... панамъ радѣ». С. Г. Г., III, № 24), «ближняя государская дума» (Сб. Р. И. О., LIX, 468—469). Официозные и частные памятники обозначают думу «сигклитом», «синклитией», «сенатом», «царским советом», «радой» «господой» (Р. И. Б., XIII, 178, 296; Сб. Р. И. О., XXXV, 554 и сл.). Флетчер называет заседание «лордов совета» или думных бояр термином «boarstwa dumna», т.-е. повидимому боярской думой. Но дело, конечно, не в названии. Что же касается определенности состава и компетенции, то эта мерка, пожалуй, окажется неприложимой и к целому ряду современных административных органов после конституционного периода. В Москве порядки могли оказаться еще менее определенными. Нельзя же на этом основании отрицать наличность учреждений при московских царях. И их не отрицает проф. Сергеевич; он только не признает думу за учреждение.

Что же говорят о думе с боярами памятники? Такие указания весьма многочисленны и чрезвычайно важны для характеристики той роли, какая выпала на долю думы. Вот несколько наиболее характерных примеров. В заголовке Судебника 1-го сказано, что «уложилъ князь вел. съ дѣтми своими и съ бояры о судѣ» и пр. То же сказано и в заголовке Судебника 2-го: «Царь и вел. князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи съ своею братіею и зъ бояры сесь Судебникъ уложилъ». В нем указан и дальнейший путь дополнений, которые должны происходить «съ государева докладу и со всѣхъ бояръ приговору». Образованной для составления Уложения комиссии в числе важнейших источников названы указы прежних государей и «боярскіе приговоры на всякія государственныя и земскія дѣла». Точно так же и в 1681 г. царь Федор указал: «въ приказѣхъ выписать изъ вершеныхъ дѣлъ... которые дѣла въ приказѣхъ по указу отца его и по его государеву указу вершены, по ихъ государскимъ указамъ и боярскимъ приговорамъ сверхъ Уложенія 157 году и новыхъ статей и учинены ихъ государскіе указы и боярскіе приговоры вновь» (П. С. З., № 900; ср. № 1513). Во всех указанных случаях бояре действуют совместно с государем, их приговор стоит рядом с государевым указом. Все эти факты и целый

ряд других подобных давно известны и отмечены в литературе. Но им противополагают другие, свидетельствующие, что московские государи могли издавать и издали целый ряд указов без участия бояр, по собственному их усмотрению, и что боярские приговоры составлялись не иначе, как только по указам или приказам государей, когда это было благоугодно последним. К такому выводу пришел проф. Сергеевич из рассмотрения отношений между московскими государями и их советниками. Но едва ли этот вывод может иметь решающее значение. В пример единоличной формы указов проф. Сергеевич приводит жалованные льготные грамоты. Но в той же форме изданы и уставные грамоты, губные и земские. Между тем первые губные грамоты изданы, когда Грозному только что минуло 9 лет, т.-е. боярским правительством. Земские грамоты, отменявшие наместнические кормления, изданы после того, как Грозный «бояромъ приказалъ о Казанскомъ дѣлѣ промышляти да и о кормленіяхъ сидѣти». Современник даже упрекнул бояр за то, что они «начаша о кормленіяхъ сидѣти, а Казанское строеніе поотложиша» (П. С. Л., XIII, 523). Надо думать, что и во многих других случаях за голой формулой государева указа нередко скрывалось предварительное обсуждение и решение вопроса в думе. Но несомненно, что московские государи издавали указы и единолично; такие указы назывались позднее именными. Проф. Сергеевич отметил, в каких случаях, по вопросам, повидимому, совершенно однородным, государи то обращаются к содействию боярской думы, то решают дела единолично. Первое «бывало в тех случаях, когда дело отличалось большой сложностью и не могло быть разрешено немедленно»; наоборот, когда доклад был сравнительно прост, царь его разрешал сам, не обращаясь к боярам. И это мнение надо принять.

Но что же такое боярский приговор? Каково его значение? Памятники различают два вида боярских приговоров. В одном ряде случаев стоит официальное выражение: «государь указал и бояре приговорили»; в другом — «по государеву указу бояре приговорили». Первое выражение обыкновенно толкуется исследователями в смысле боярского приговора, состоявшегося в присутствии государя, второе обозначает боярский приговор, постановленный в отсутствии государя. По мнению проф. Сергеевича, боярский приговор в присутствии государя являлся только исполнением государева указа. «Царь, выслушав доклад и все необходимые справки для разъяснения дела, высказывает свою волю, как делу быть; если при докладе были бояре, они *формулируют царскую волю*, это и есть боярский приговор. Это и значит: царь указал, бояре приговорили». Почтенный исследователь приводит затем известную картину заседания думы из описания Котошихина: «А лучитца царю мысль свою о чемъ объявиті, и онъ имъ объявя, приказываетъ, чтобъ они, бояре и думные люді, помысля, къ тому дѣлу дали способъ... и они

мысль свою къ способу объявливаютъ» (II, 5), и комментирует эти слова следующим образом: «Итак, царь высказывает «мысль», т.-е. намерение свое, свою волю, а боярам приказывает приискать способ осуществить эту мысль; этим исполнением царской мысли и исчерпывается вся деятельность государевой думы, заседающей в присутствии царя». Едва ли этот комментарий вполне точно передает мысль наблюдательного современника. Скорее надо понимать его слова в том смысле, что царь ставит вопрос, указывает, может быть, свое мнение о его решении и предлагает высказаться боярам, которые и объявляют свои мысли «к способу» решения вопроса, т.-е. подвергают вопрос обсуждению. Но если даже и принять предложенное толкование, то из него явствует, что приискание способов к осуществлению царской воли вовсе не является простой формулировкой этой воли. К тому же точная формулировка (письменная) царской мысли была выше средств думы, при которой не было никакой канцелярии, и происходила в приказах на основании кратких помет на докладах.

Для выяснения роли боярского совета в присутствии государя можно воспользоваться несколькими официальными записями о порядке обсуждения вопросов в думе. В параллель картине Котошихина любопытно отметить свидетельство царской грамоты 1673 г. о совместном заседании освященного собора и боярской думы по поводу грозящего нашествия турецкого султана. По вестям об этой опасности царь «советовал» с патриархом и архиереями и говорил с боярами, окольничими и думными людьми. «И святѣйшій патріархъ и архіереи, и бояре наши и околничіе и думные люди, помысля о томъ крѣпко и единодушно согласясь, намъ великому государю объявили, на какихъ мѣрахъ тому дѣлу быть и какъ впредь отъ такого находящаго непріятеля осторожность имѣти и какими мѣры» (П. С. З., № 547). Вопрос возбужден государем, но единодушное решение его предложено освященным собором и боярской думой. При Грозном в 1549 г. шли переговоры с литовскими послами о перемирьи. Возбужден был в думе вопрос, настаивать ли на включении в перемирные грамоты нового царского титула? Решено было настаивать. Но рядом предусматривался и такой исход, что послы «заупрямятся, не захотят писать». «И царь и вел. князь о томъ говорилъ много съ бояры, пригоже ли имя его не сполна писати. И бояре говорили, что для недруговъ пригоже и не сполна написати». Возникли прения. Бояре ссылались на то, что если «разорвать» перемирье, то против трех недругов «истомно стояти, и которые крови христіанскіе прольются за одно имя, а не за землю, ино отъ Бога о грѣсѣ сумнетелно». И приговорил государь со всеми бояры, что не сполна писать. Но как трудно было царю согласиться с таким исходом видно из того, что и после этого решения, когда действительно послы заупрямились и отказались вписать новый титул, «бояре царю и вел. князю приговаривали и били челомъ, чтобъ писати по старинѣ», без нового титула.

И это повторилось два раза (Сб. Русск. Ист. Общ., LIX, 291, 297, 300; ср. Пам. дипл. снош., I, 200). Из этих двух примеров, число которых можно значительно увеличить, наглядно видно, в какой мере справедливо мнение проф. Сергеевича, что «думные люди не решали государственных вопросов, а только отвечали на вопросы государей и исполняли их указы». Из последнего примера явствует, что между государем и его советниками могли возникнуть и разногласия, и боярам с трудом удалось убедить пылкого царя принять их совет. Возражения государям в думе возникали вовсе не редко. Такие «встречи» или «стрѣчи» терпел и даже жаловал таких оппонентов Иван III и не долюбливал его сын Василий. Грозный свидетельствует, что возражения в думе его деду и отцу доходили до «поносныхъ и укорительныхъ словесъ». Проф. Сергеевич, по поводу известия, что Иван III любил выслушивать возражения и даже жаловать тех, кто ему возражал, замечает: «об этом не пришлось бы говорить, если бы членам думы принадлежал решающий голос. В этом случае у них было бы право не только возражать, но и решать против воли царя». Но при таком положении дел в Москве образовалась бы не монархия, а аристократическая республика. Такой мысли в литературе никто не защищал, ни даже проф. Ключевский, вопреки утверждению проф. Вл.-Буданова. И между таким воображаемым положением думы и тем, какое считает возможным уделить проф. Сергеевич боярским приговорам (простая формулировка воли царя),—целая бездна. Решение вопроса между этими двумя крайностями гораздо более соответствует исторической действительности.

Но боярская дума могла иметь заседания и в отсутствии государя и постановлять приговоры. Памятники знают целый ряд таких случаев. Иногда государь прямо уполномачивал думу рассмотреть возбужденные вопросы и потом доложить себе. Так, в 1636 г. из Поместного приказа представлен был государю доклад о поместных и вотчинных «статьях», которым возбуждалось 15 законодательных вопросов. Государь указал: «тѣхъ статей слушать бояромъ; а что о тѣхъ статьяхъ бояре приговорятъ, и о томъ велѣлъ государь доложить себя государя». По 14 вопросам бояре постановили приговоры, и по каждому из этих приговоров «государь указал быть той статье так, как бояре приговорили». В указной книге Приказа помечено: «а что о которой статьѣ государевъ указъ и боярской приговоръ, и то писано по статьямъ». Но один вопрос бояре отказались решить и приговорили «о той статьѣ доложить государя, какъ о той статьѣ государь укажетъ; а имъ бояромъ о томъ приговаривать не можно, потому что за ними за самими такіе вотчины» («Хрест.», III, 229—236). Котошихин сообщает, что как изготовят грамоты в окрестные государства, «и тѣхъ грамотъ слушаютъ напередъ бояре, и потомъ они жъ, бояре, слушаютъ въ-другорядъ съ царемъ всѣ вмѣстѣ; такъ же и иные дѣла, написавъ взнесутъ

слушать всѣмъ же бояромъ; и слушавъ, бояре учнутъ слушать въ-другорядъ съ царемъ же» (II, 5). Отсюда как бы следует, что приговор думы в отсутствии государя вновь пересматривается думою вместе с государем. Надо думать, что не было одного установленного порядка, так как из приведенного случая явствует, что приговоры думы рассматривал и одобрял государь единолично. Но еще любопытнее те случаи, когда приговоры думы в отсутствии государя составлялись не по его уполномочию и записывались в указные книги приказов без представления их на одобрение государя. Целый ряд таких случаев от конца XVI и первой половины XVII вв. записан в уставной книге Разбойного приказа. Напр., «А при государѣ царѣ и вел. князѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ всеа Русіи данъ въ Розбойной Приказъ боярской приговоръ»; или: «И 133 году февр. въ 17 день бояринъ кн. Дмитрей Михайловичь Пожарской, да дьякъ Семенъ Головинъ, о той статьѣ въ Верху у Благовѣщенья докладывалъ бояръ и бояре приговорили» («Хрест.», III, 50, 52, 55, 59, 67). И такая практика наблюдается не только по вопросам уголовного законодательства, но и по другим. Было бы, однако, неправильно заключать из этого, что боярская дума могла действовать совершенно обособленно и независимо от государя. Бояре, конечно, составляли свои приговоры в уверенности, что не разойдутся в мнениях с государем, как и государи давали свои единоличные указы в твердом убеждении, что могут в этих случаях без ущерба для дела разрешить вопросы самостоятельно, не прибегая к содействию боярской думы. Но могло быть и так, что бояре сообщали о своих приговорах и получали словесные одобрения, но только эти одобрения не отмечены в приказной записи, как не попадали нередко в эти записи и указания на участие боярского совета в государевых указах.

Но наиболее обычным был порядок совместной деятельности государя и боярской думы, который и формулирован в Судебнике 2-м (ст. 98): все новые дела, не предусмотренные Судебником, должны были решаться «съ государева докладу и со всѣхъ бояръ приговору». Это правило установлено для приказных судей и возлагало на них обязанность по всем новым делам представлять доклады государю и боярской думе. То же самое правило, лишь в иной формулировке, повторено и в Уложении. Там сказано: «А спорныя дѣла, которыхъ въ приказѣхъ зачѣмъ вершити будетъ не мощно, взносити изъ приказовъ въ докладъ къ государю царю и вел. князю Алексѣю Михайловичу всея Русіи и къ его государевымъ бояромъ и окольничимъ и думнымъ людемъ. А бояромъ и окольничимъ и думнымъ людемъ сидѣти въ палатѣ и по государеву указу государевы всякіе дѣла дѣлати всѣмъ вмѣстѣ» (X, 2). Судебник, конечно, не вновь установил порядок совместных совещаний государя с думными людьми; он только формулировал текущую практику, которую санкционировало и Уложение. Эти ясные, казалось бы, указания источников вызвали, однако, в литературе попытку совершенно иного их истолкования.

Проф. Сергеевич так комментирует указанное правило Судебника: «Избранная рада (о которой писал Курбский) не ограничилась одной практикой, ей удалось оформить свои притязания и провести в Судебник ограничения царской власти... Для пополнения Судебника новыми законодательными определениями требуется приговор «всех бояр». Это несомненное ограничение царской власти и новость: царь только председатель боярской коллегии и без ее согласия не может издавать новых законов. Жалобы Грозного были совершенно основательны». Правило же Уложения проф. Сергеевич относит не к боярской думе, а к особому учреждению, боярской коллегии. Повидимому новая догадка об ограничении царской власти построена всецело на выражении: «и со всех бояр приговору», так как во всем остальном формула Судебника вполне соответствует, казалось бы, обычному выражению: «государь указал и бояре приговорили». Ограничение царской власти, бесспорно, крупный исторический факт, который должен быть подготовлен предшествующими историческими условиями. Но каковы же эти условия? Проф. Сергеевич не приводит никаких новых указаний и ограничивается лишь общеизвестными выдержками из переписки Курбского с Грозным в довольно обычном ее освещении. Немногие его замечания могут показаться и не вполне последовательными. Он говорит, что избранной раде удалось оформить свои притязания и провести в Судебник; но последний говорит о приговоре «всех» бояр, а не избранных, что, конечно, не одно и то же. Далее, по его мнению, «требование Судебника о приговоре «всех бояр» относится к будущему и, конечно, никогда не было приведено в исполнение; в настоящее же время царя ограничивал не совет всех бояр, а только некоторых». В другом же месте указано, что «после низвержения Сильвестра и Адашева о соблюдении 98 ст. Судебника, конечно, не могло быть и речи». Оказывается, что в эпоху их влияния эта статья могла и приводиться в исполнение, хотя они были заинтересованы в поддержании господства не всех бояр, а только избранных. Разрыв царя с избранной радой произошел вскоре после смерти царицы Анастасии, которая скончалась весной 1560 г. За целое десятилетие со времени издания Судебника проф. Сергеевич заметил один лишь случай применения ст. 98. Утверждая, что «государь может призвать и не призвать бояр в думу», он делает в примечании такую оговорку: «единственное отступление от высказанного в тексте положения можно наблюдать только в кратковременный период господства «избранной рады» Сильвестра и Адашева. Она имела целью сделать царя только председателем своего совета. И можно допустить, что иногда и достигала этого. В выражениях указа 1556 г. можно видеть пример осуществления желательного для избранной рады порядка: «Лѣта 7064 авг. 21 приговорилъ государь царь и великiй князь Иванъ Васильевичь со всѣми бояры». Эта форма совершенно соответствует порядку, устано-

вленному 98 ст. Суд. Ц.» (422 прим.). Значит ли это, что требование Судебника, противоречащее как интересам царя, так и избранной рады, было все же приведено в исполнение? По сохранившимся за пятидесятые годы XVI в. указам проф. Вл.-Буданов подсчитал, что «в эпоху власти избранной рады закон об ограничении законодательной власти царя применен был лишь один раз; царь совещался с некоторыми боярами по собственному выбору два раза, а законодательствовал один без бояр шесть раз» (171 прим.). К этому можно присоединить указание проф. Сергеевича, что самый Судебник издан только «съ бояры», а не со всеми боярами. Получается, действительно, странный результат: новый закон об ограничении царской власти остался всецело на бумаге—явление совсем непонятное при господстве и авторитете старины. Но еще более странно, что правило Судебника о совещании со всеми боярами практиковалось и до Судебника и после низвержения избранной рады. В упомянутых заседаниях боярской думы 1549 г., когда обсуждался вопрос о включении в перемирную грамоту с Литвой царского титула, «приговорилъ государь со всѣми бояры, что не сполна писати». Еще раньше, в 1541 г., когда обсуждался в думе вопрос, оставаться ли государю в Москве ввиду грозящего нашествия крымского хана или нет, то после прений бояре «сошли всѣ на одну рѣчь» (П. С. Л., т. XIII, 435). Та же практика наблюдалась и после 1560 г. Проф. Сергеевич сам приводит один такой случай: «В 81 году окт. въ 9 день, по государеву цареву и великаго князя приказу, преосвященный Антоній митрополитъ и епископы и весь освященный соборъ, и бояре, князь И. Ѳ. Мстиславской, и всѣ бояре приговорили» (о княженецких вотчинах) (А. И., I, № 154 XIX). А вот и еще ряд примеров: «Лѣта 7087 декабря въ 5 день государь царь и великій князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи съ сыномъ своимъ съ царевичемъ со княземъ Иваномъ и со всѣми бояры приговорилъ, какъ ему, прося у Бога милости, итти на свое государево дѣло и на земское, на Нѣмецкую и на Литовскую землю» (Вивл., XIѴ, 349). «Лѣта 7090 марта во 12 день государь царь и великій князь Иванъ Васильевичь всея Русіи приговорилъ со всѣми бояры» («О ябедникахъ, крамольникахъ и составщикахъ («Хрест.», III, 35). И при царе Федоре соблюдается тот же порядок: «Лѣта 7094 государь царь и великій князь Ѳедоръ Ивановичь приговорилъ со всѣми бояры, какъ ему государю, на своего непослушника Свейскаго короля, наступивъ, своимъ и земскимъ дѣломъ промышляти» (Вивл., XIѴ, 490). Известный февральский указ 1597 г. о кабальном холопстве царь «приговорилъ со всѣми бояры», тогда как не менее известный ноябрьский указ того же года о беглых крестьянах начинается формулой—«царь указал и бояре приговорили». Небезынтересно заметить, что в частной переработке Судебника 1589 г. в заголовке отмечено, что царь «приговорил и уложил» его, между прочим, «и со всѣми князми

и бояры». Еще интереснее, что при учреждении опричины в 1565 г. царь Грозный «государьство свое Московское, воинство, и судъ и управу, и всякіе дѣла земскіе приказалъ вѣдати и дѣлати бояромъ своимъ, которымъ велѣлъ быти въ земскихъ: кн. Ив. Дм. Бѣльскому, кн. Ив. Ѳед. Мстиславскому и всѣмъ бояромъ» (П. С. Л., XIII, 395). Этот порядок удерживается в XVII в.: Уложение предписывает «бояромъ и окольничимъ и думнымъ людемъ... государевы всякіе дѣла дѣлати всѣмъ вмѣстѣ». Проф. Сергеевич относит, однако, два последних указания не к боярской думе, а к особой боярской коллегии.

Получается совершенно странный вывод: правило Судебника, почти совсем не применявшееся в эпоху господства избранной рады, соблюдалось до Судебника и после устранения избранной рады гораздо чаще и регулярнее. Отсюда явствует, что самое правило Судебника неправильно истолковано проф. Сергеевичем; иначе неизбежно надо притти к заключению, что власть царя была еще более ограничена до Судебника, в эпоху опричины, и позднее при Федоре Ивановиче. Такого вывода, конечно, не примет и проф. Сергеевич. Что же означает формула Судебника— «съ государева докладу и со всѣхъ бояръ приговору»? Она означает то же самое, что и другая формула—«государь указал и бояре приговорили», т.-е. совместное решение вопроса государем и всеми наличными членами боярской думы, и ничего более. Нередко встречающаяся отметка об участии в приговоре всех бояр указывает лишь на обычный состав заседаний боярской думы: в них принимали участие «все бояре», т.-е. все наличные думные люди. Это наблюдение идет в совершенный разрез с выводом проф. Сергеевича, который утверждает, что московские государи «всегда имели под рукой массу советников, но совещались только с теми из них, с кем находили нужным».

Другой вывод проф. Сергеевича, «что дума не имеет никакой» своей «компетенции», надо признать совершенно верным, но только не потому, что дума единственно исполняет приказы государей и вне этой чисто исполнительной функции совершенно бездействует, а лишь в том смысле, что она ведает дела совместно с государем или рядом с ним и никакой своей самостоятельной или особой компетенцией не обладает. Отсутствие самостоятельной компетенции у думы стоит в связи и с другой отрицательной чертой в ее организации, подмеченной проф. Ключевским,—в отсутствии ее ответственности перед государем («Б. дума», 468).

Но нельзя не согласиться в известной мере и с указанием проф. Сергеевича на некоторую инертность в деятельности думы: она постоянно и много работает, но в этой повседневной работе не заметно собственного ее почина в возбуждении вопросов, подлежащих ее разработке. Сами бояре в 1608 г. прекрасно формулировали это свое свойство, отвечая гетману Рожинскому, что в Московском государстве бояре «во всяких делах без царского

повеления и начинания ссылаться и делать не привыкли» (Соловьев, VIII, изд. 4, 185). Все вопросы возбуждались в думе исключительно двумя путями: 1) по почину царя и 2) приказными докладами. Указываемый еще в литературе третий путь возбуждения вопросов в думе—челобитьями частных лиц и групп населения—обычно сливался со вторым, так как челобитья, если не удовлетворялись непосредственно усмотрением государя, проходили предварительно стадию приказных справок и затем только поступали на обсуждение думы.

Почин самого государя являлся, конечно, самым естественным и обычным началом в деятельности его совета. Это «начинание» государя выражалось в приказе или повелении боярам «сидети» или «поговорить», «помыслить» о таком-то деле и объявить государю «способ к тому делу». Памятники сохранили множество указаний на подобные царские приказы думе. Например Грозный в 1552 г., отъезжая в Троицкий монастырь, приказал боярам «без себя сидети» об устройстве Казанского царства и о кормлениях (П. С. Л., XIII, 523). В 1573 г., во время Ливонского похода, в Новгороде государь «велѣлъ боярамъ о свейскомъ дѣлѣ поговорити, какъ съ свейскимъ королемъ впереди быти». И бояре кн. М. И. Воротынский с товарищи приговорили вступить в переговоры о перемирии (Карамз., IX, прим. 416). Вышеприведенное указание Котошихина, как царь объявляет боярам и думным людям свою мысль, вполне подтверждает эту практику. От царя Алексея сохранилось «писмо о какихъ дѣлѣхъ говорить бояромъ». Из этого чернового наброска видно, как царь намечал не только вопросы, но и решения их, хотя лишь предварительные, предоставляя боярам и изменять эти решения. Например по поводу незаконных действий астраханского воеводы царь записал: «за то довелася ему казнь смертная, а то самое лехкое, что отсѣчь рука и сослать въ Сибирь», но тут же заметил: «учинить ему казнь, какую приговорите по сему наказу» (Записки Отд. русск. и славян. археол., II, 733—35). Что в этих случаях роль думных людей не была только пассивной, чисто исполнительной, формулирующей лишь царскую волю, указано выше. Можно присоединить к приведенным там случаям еще один. В 1553 г. шли переговоры с Литвой о вечном мире или о перемирьи. На заседании думы дьяк Иван Михайлов (Висковатый) доложил, что прежде обычно о перемирьи начинали речь послы, а нынче заговорили об этом бояре. «И язъ, государь, чаю, что имъ хотѣти то слово и въ перемирные грамоты писати. Государь говорилъ со всѣми бояры, пригоже ли то слово переставити?.. И бояре говорили, чтобы о томъ стояти крѣпко; а не мочно будетъ ихъ уговорити, ино писати, что о томъ говорили бояре». Но дьяк Иван Михайлов предложил другой исход: «такъ и есть, нынѣча то почалось отъ бояръ, били челомъ государю бояре, и государь нашъ то перемирье здѣлалъ для бояръ своихъ прошенья, ино такъ и написати, какъ ся дѣяло» (Сб. Р. И. О., LIX, 404).

Этот проект был принят, и принятое только что боярами решение было видоизменено по предложению посольского дьяка.

В повседневной практике вопросы, подлежащие решению думы, возбуждались докладами из приказов. Поводы к представлению таких докладов не были точно определены в московском праве. По Судебнику 2-му установлен обязательный доклад по делам новым, не предусмотренным в Судебнике (ст. 98). Выше высказано сомнение в точном выполнении этого правила, так как нельзя допустить, чтобы с изданием Судебника перестали применять в практике обычные нормы. Но с другой стороны, едва ли можно толковать это правило в том смысле, что доклады допускались только в случае недостатка указных норм. Из приказов представляли доклады нередко и в тех случаях, когда почему-либо «судьи» затруднялись или не решались самостоятельно постановить приговор. В Уложении правило о докладах формулировано в более общей форме: «А спорныя дѣла, которыхъ въ приказѣхъ за чѣмъ вершити будетъ не мощно, взносити изъ приказовъ въ докладъ къ государю царю и великому князю и къ его государевымъ бояромъ и окольничимъ и думнымъ людемъ» (X, 2). Почти теми же словами описывает порядок доклада и Котошихин: «будетъ которого дѣла вершiтi имъ (приказным судьям) за чѣмъ не мочно, и то дѣло взнесутъ предъ царя и предъ бояръ, и что по тому дѣлу будетъ царской указъ, и по тому такъ и бытi» (VII, 42). Решения государя и думы по таким приказным докладам и составляли текущее законодательство Московского государства, нашедшее свое выражение в дополнительных указах к Судебнику и в новоуказных статьях.

В этом всего отчетливее вскрывается та роль, какая выпала на долю боярской думы в качестве постоянного совета при государе по законодательным вопросам и в вопросах внешней политики. Поэтому можно говорить о думе, как об одном из элементов в составе государственной власти и именно элементе аристократическом. По мере того как подрывался аристократизм в составе думских советников, пропадало и политическое значение думы. Дума XVI в. гораздо авторитетнее думы XVII в., потому что первая много аристократичнее второй и гораздо тверже держится за старый уклад, за право совета, хотя и не умеет точно формулировать своих притязаний. Но как только формула была выработана и начала развиваться и крепнуть в сознании современников, то оказалось, что для проведения ее в жизнь не нашлось налицо достаточных социальных сил. Выше были отмечены главные причины, подорвавшие силы родословной знати к исходу XVI и в начале XVII в. Смута выдвинула значительно средние служилые и тяглые классы, и важная роль земских соборов отодвинула на второй план политический авторитет думы, которая держится гораздо больше старыми традициями, чем новыми живыми силами. Она становится все более только чиновной, бюрократической, и все менее аристократичной. Для

думы XVI в. нельзя не признать весьма удачною характеристики ее политического положения, предложенной проф. Ключевским. Он находит, что разграничить власть государя и его боярского совета чрезвычайно трудно именно потому, что «государь и его совет не были двумя различными властями, а составляли одно властное верховное целое». Хотя государь «ежедневно делал много правительственных дел без участия боярского совета, как и боярский совет решал много дел без участия государя, но это вызывалось соображениями правительственного удобства, а не вопросом о политических правах и прерогативах, было простым разделением труда, а не разграничением власти» («Б. дума», 468). Справедливо замечено, что «нельзя придумать никакой формы совместности, при которой не пришлось бы, в случае разногласия, кому-нибудь уступить». Но и в любой из современных писаных конституций с самым подробным разграничением прав отдельных элементов, образующих государственную власть, можно отметить целый ряд норм, не имеющих санкций и соблюдаемых только при данном соответствии социальных сил. Для думы XVII века гораздо больше подходит то, что говорит упомянутый автор в другом месте своего исследования. «В присутствии государя дума могла иметь только совещательное значение. Приговор, произнесенный боярами без государя, становился окончательным решением в силу постоянного на то полномочия, и тогда дума действовала как законодательная власть. Когда такие приговоры восходили на утверждение государя, то в этих случаях дума также получала совещательное значение. Но такие случаи являются исключительными, как отступление от нормального порядка» (там же, 503). Следует лишь заметить, что право постановлять окончательные решения лишь по уполномочию низводило думу с места ей ранее принадлежащего в составе законодательной власти, и единым источником последней становился тот, от кого дума получила свои полномочия, т.-е. государь. Для преобразования такой думы в сенат Петру Великому оставалось сделать немногое.

В заключение необходимо остановиться на мнении проф. Сергеевича о «судной боярской коллегии». Отрицая думу, как учреждение, В. И. Сергеевич полагает, что все историки, касавшиеся вопроса о думе, ошибочно отнесли к ней те места источников, которые характеризуют не думу, а отобранную из ее среды судную коллегию. Корни этого учреждения он видит в назначаемых каждый раз особо комиссиях из 2—3 лиц для разбора данного дела. Первый же опыт превратить такие временные комиссии в постоянную коллегию был сделан Грозным при учреждении опричины. В начале декабря 1564 г. государь с семьей и с значительной свитой, захватив с собой всю казну, уехал из Москвы. А 3 января 1565 г. прислал из Александровской слободы на имя митрополита уведомление, что он намерен оставить государство вследствие измены бояр и приказных

людей. Взволнованное население отправило к государю многочисленное посольство с челобитьем, чтобы он «государьства не отставлялъ и своими государьствы владѣлъ и правилъ, яко же годно ему», чтобы людей «на разхищеніе волкомъ не давалъ, наипаче же отъ рукъ силныхъ избавлялъ»; «а хто будетъ государьскіе лиходѣи которые измѣнные дѣла дѣлали, и въ тѣхъ вѣдаетъ Богъ да онъ, государь, и въ животѣ и въ казни его государьская воля». Государь челобитье принял под условием класть опалы и казнить непослушных изменников «и животы и статки имати», и сверх того «учинити ему на своемъ государьствѣ себѣ опришнину, дворъ ему себѣ и на весь свой обиходъ учинити особной». В опричину были выделены значительные части территории Московского государства, в которых и были испомещены те 1.000 голов князей, дворян и детей боярских дворовых и городовых, которые были отобраны в опричину. То, что не взято было в опричину, осталось в «земских», и об этом не выделенном в опричину состоялось следующее распоряжение государя: «Государьство же свое Московское, воинство и судъ и управу и всякіе дѣла земскіе, приказалъ вѣдати и дѣлати бояромъ своимъ, которымъ велѣлъ быти въ земскихъ: кн. Ивану Дмитриевичю Бѣлскому, кн. Ивану Ѳедоровичю Мстиславскому и всѣмъ бояромъ; а конюшему и дворетцскому и казначѣемъ и дьякомъ и всѣмъ приказнымъ людемъ велѣлъ быти по своимъ приказомъ и управу чинити по старинѣ, а о болшихъ дѣлехъ прихо[illegible]яромъ; а ратные каковы будутъ вѣсти или земскіе ве[illegible]ѣла, и бояромъ о тѣхъ дѣлехъ приходити ко государю, и государь (приговоря) з бояры тѣмъ дѣломъ управу велитъ чинити» (П. С. Л., XIII, 391—395). Этих бояр, которым велено быть в земских, проф. Сергеевич и считает судной боярской коллегией, действующей, в качестве постоянного учреждения, самостоятельно в пределах предоставленной ей компетенции. Хотя он и думает, что эта коллегия имела определенный состав, к сожалению, нам неизвестный, и свою определенную компетенцию («ей предоставлено было ведать все внутреннее управление, военное и гражданское, и суд»), но на деле из этого вышло не многое: «высшее управление, как и следовало ожидать, осталось в руках самого царя». При существующем у царя недоверии к боярам, им «трудно было действовать самостоятельно даже и в мелких вопросах текущего суда и управления. Можно думать, что любимой формой их деятельности были доклады государю». «Во всяком случае трудно думать, чтобы земским боярам предоставлена была компетенция, выходящая за пределы прямого применения царских указов» (стр. 404—408). Но из летописной передачи не сохранившегося указа явствует, что текущее управление и суд остались «по старине» в руках приказных людей, а земским боярам поручены «большие дела», т.-е. такие, которых в приказах «вершити было не мочно» по недостатку ли закона, по неуменью ли его понять и применить, или за разногласием

судей. Здесь открывается уже знакомая сфера деятельности боярской думы. И состав земских бояр точно указан в летописном рассказе. Это не только князья Бельский и Мстиславский, но и «все бояре», за исключением взятых в опричину; все прочие и остались «в земских». Во всяком случае ни состав ни компетенция земских бояр не представляются более определенными, чем состав и компетенция боярской думы. Земские бояре должны были приходить к государю о ратных вестях и о **великих** земских делах. Но что значили великие дела? Определение этого предоставлялось разумению самих земских бояр, как разумению приказных судей решение вопроса о том, какие дела надо отнести к **большим**. Весьма сомнительно, что в подлинном указе определение компетенции земских бояр дано в более точных выражениях, как думает В. И. Сергеевич. Летописец изложил дело, вероятно, терминами самого указа. «Определенная и собственная» компетенция боярской судной коллегии даже в изложении проф. Сергеевича свелась к «зависимой и несамостоятельной». Где же **существенные** отличия этой коллегии от думы государей по составу и компетенции? Их совсем нельзя указать. В довершение всего проф. Сергеевичу не удалось проследить существование предполагаемой новой боярской коллегии даже в течение 10 лет: по указанию его, она бесследно исчезла. Надо думать, что она совсем и не возникала, а все отнесенное к ней должно по прежнему относить к боярской думе. Но во второй половине XVII в. возникает новая судная коллегия, известная под именем Расправной палаты. Об этой палате известно было исторической литературе и до исследования проф. Сергеевича. Проф. Н. П. Загоскин и почти одновременно с ним проф. Ключевский отметили, что с 1681 г. упоминается боярская коллегия «у расправных дел», позднее получившая название Расправной палаты. Оба они согласно указали, что это постоянное учреждение возникло из прежних временных комиссий для заведывания Москвой в отсутствие государя. Во время нередких отлучек государей из столицы временные комиссии принимали доклады из приказов и о важных делах посылали царю в «походъ», а по прочим «чинили указъ, по которымъ мочно» (Котош., II, 17). При частых отлучках царя Алексея в подмосковные дворцы и монастыри такие временные комиссии сделались почти обычным текущим явлением и естественно перешли в постоянное учреждение. С другой стороны, оказалось весьма целесообразным уменьшить значительный приток докладов из приказов государю и боярам и тем предотвратить накопление дел в думе. Таким отвлекающим учреждением и явилась Расправная палата, куда и стали направлять приказные доклады по спорным судным делам. Проф. Сергеевич хочет изменить эти наблюдения лишь в том, что отодвигает возникновение постоянной боярской коллегии к концу первой половины XVII в. и находит, что такая постоянная коллегия известна уже Уложению, и в этом смысле толкует выше указанную ст. 2 гл. X Уложения. Но такое

толкование едва ли может быть принято. Упомянутая статья говорит о представлении докладов из приказов «государю царю и великому князю и его государевымъ бояромъ, околничимъ и думнымъ людемъ» и далее предписывает боярам и думным людем «сидѣти въ палатѣ и по государеву указу государевы всякія дѣла дѣлати всѣмъ вмѣстѣ». Хотя здесь упомянут термин «палата», но он обозначает место заседаний думных людей, а не учреждение, выделенное из состава думы, так как статья говорит о всех думных людях. Кроме того в Расправной палате государь не заседал, а в статье идет речь о докладе государю. Такое несоответствие не могло ухорониться от внимания проф. Сергеевича, но он объясняет это «недостатком редакции» (441). Он заметил и другую непоследовательность Уложения: если в Расправную палату восходят все спорные дела из приказов, то туда же следовало бы направить и челобитья на отказ в правосудии; а между тем по Уложению предписано «о томъ бити челомъ и челобитныя подавати государю» (X, 20), а не в палату. Такие резкие недостатки редакции проф. Сергеевич склонен объяснить неуменьем согласовать вновь возникающее учреждение с остатками старины (441 и 444). Но в то же время признает, что ст. 2 нельзя рассматривать как «чистую новость; она только формулирует прежнюю практику» (446). Нельзя не признать последнюю догадку гораздо более вероятной. Прежняя практика знала только доклады государю и боярам, а совсем не постоянной судной коллегии.

Литература. В. Сергеевич. Древн. русск. пр., II, 384—517; Вл.-Буданов. Обзор, 162—178; Н. П. Загоскин. История права Московского государства, т. II, 1879; В. Ключевский. Боярская дума, с гл. VII и до конца; Н. П. Лихачев. Думное дворянство в боярской думе XVI ст., Сб. Арх. Инст., т. VI, 1896; С. Богоявленский. Расправная Палата при боярской думе, Сборн. В. О. Ключевскому, 409—426; С. Веселовский. Две заметки о боярской думе, Сборник С. Ф. Платонову, 1911, 299—310; В. Савва. Заметки о боярской думе в XVI в., сборн. статей в честь М. К. Любавского, 1917; В. И. Савва. О посольском приказе в XVI в., вып. 1, Харьк. 1917.

Земские соборы.

Земские соборы в Московском государстве являются формою соучастия населения в обсуждении и решении некоторых важнейших вопросов законодательства и управления. Но что это за форма соучастия, как она возникла и развивалась—эти вопросы не находят согласного решения в исторической литературе.

Со времени Карамзина до недавнего времени стоял вне сомнений сообщенный Карамзиным факт, что царь Иван Васильевич, «егда бысть в возрасте 20 году, виде государство свое в велицѣи тузѣ і печали отъ насилия силныхъ і отъ неправдъ, умысли смирити всѣхъ в любовь; і совѣтовавъ со отцомъ своимъ Макариемъ митрополитомъ, како бы уставити крамолы і неправды разорити і вражду утолити, повелѣ собрати свое государство изъ городовъ

всякого чину» (С. Г. Г., II, № 37; Карамзин, VIII, прим. 182). Далее сообщались те знаменитые речи, какие молодой царь произнес на Лобном месте к собравшемуся из всех городов народу. Это известие, заимствованное из Хрущевской степенной книги, считалось первым хронологическим указанием на созвание первого земского собора. Не малые усилия исследователей направлены были на то, чтобы выяснить причины, вызвавшие к жизни эту новую форму общения власти с населением страны в указанное время. К. Аксаков и Беляев, с одной стороны, Соловьев и Чичерин— с другой, Павлов, Щапов, Сергеевич, Вл.-Буданов, Загоскин, Жданов, Дитятин, Латкин и др. исходили из упомянутого факта и строили на нем свои догадки.

Но в 1900 г. С. Ф. Платонов, обратившийся непосредственно к Хрущевской степенной книге, убедился, что самая книга едва ли старее половины XVII в., а упомянутое известие представляет в ней позднейшую интерполяцию, совершонную не раньше, «как во второй половине или даже в последних десятилетиях XVII в.». Бытоописатель, живший столетием позднее описываемых событий, многое изображал в чертах и красках своей современности. Этим и можно объяснить самое главное его указание, что молодой царь «повелѣ собрати свое государство изъ городовъ всякого чину». Такие представители от городов и чинов были обычным явлением на соборах XVII в. Но были ли они в XVI в.? Открытие проф. Платонова из под возведенного трудами вышеназванных исследователей построения о первых земских соборах вырвало фундамент, взамен которого необходимо подвести другой. Следует, однако, заметить, что еще раньше некоторыми исследователями ощущалось, что в известии о первом земском соборе не все представляется совершенно ясным. Так, Жданов уже приходит к выводу, что земский собор появляется как будто незаметно в Московском государстве, вырастает на одном стволу с собором церковным; но и он останавливается перед вопросом о «ближайшей причине появления земских соборов с народными представителями в начале царствования Ивана IV». Гораздо решительнее отнесся к известию о созыве из городов всякого чина людей В. О. Ключевский. Он признал, что «этот собор надобно пока считать потерянным фактом в истории устройства соборного представительства XVI в.», и что «о составе соборного представительства в 1550 г. можно судить только по составу дальнейших земских соборов XVI в.». Изучение же вопроса о представительстве на соборах 1566 и 1598 гг. привело исследователя к совершенному отрицанию в их составе выборных людей (см. ниже).

Если известие Хрущевской книги о собрании из «городов всякого чину» должно быть совершенно устранено, то можно ли говорить о каком-либо собрании в тот год, когда царю шел 20-й год? Верен ли самый факт там указанный, хотя и не верно освещенный? И откуда мог почерпнуть свои сведения о

событии интерполятор конца XVII в.? Уже давно указана связь описанного известия с писанием и обращением Грозного к членам созванного в феврале 1551 г. Стоглавого собора и одним местом письма Грозного к Курбскому. В писании к Стоглавому собору царь Иван вспоминал о соборе по поводу канонизации «великихъ святильниковъ новыхъ чудотворцевъ», который созван был «въ седьмоенадесять лѣто возраста» государя; вспоминал и о другом соборе «въ 19-е лѣто своего возраста», когда рассматривались каноны, жития и чудеса новых чудотворцев. Созыв Стоглавого собора царь отнес «въ 21-е лѣто отъ родства и въ 18-е лѣто царства своего». Обращение к членам Стоглавого собора царь начал опять с воспоминаний: «въ предъидущее лѣто билъ есми вамъ челомъ и съ бояры своими о своемъ согрѣшенiи, а бояре такожe. И вы насъ въ нашихъ винахъ благословили и простили. А язъ по вашему прощенiю бояръ своихъ въ прежнихъ во всѣхъ винахъ пожаловалъ и простилъ да имъ же заповѣдалъ со всѣми хрестьяны царствия своего въ прежнихъ во всякихъ дѣлехъ помиритися на срокъ. И бояре мои всѣ, приказные люди и кормленщики со всѣми землями помирилися во всякихъ дѣлехъ. Да благословился есми у васъ тогдыже Судебникъ исправити по старинѣ и утвердити, чтобы судъ былъ праведенъ». Этими указаниями установляются два церковных собора 1547 и 1549 гг. о новых чудотворцах и еще, как говорят, особый «собор примирения», созванный в «предыдущем» году относительно Стоглавого собора. Если в момент созыва последнего царю шел 21-й год, то «предыдущее» лето ему шел 20-й год. Отсюда очевидно и взял свою дату интерполятор XVII века, говоря о созыве «из городов всякого чина», когда царю шел 20-й год. Грозный родился 25 августа 1530 года (лета 7038), за шесть дней до нового года (1 сент. 7039). Семнадцатый год ему шел с 26 августа 1546 (7054) по 25 августа 1547 (7055) г. Первый церковный собор о чудотворцах созван был в феврале 1547 г.; второй такой же собор относят к 1549 г., но без точного указания даты. Грозному шел тогда 19-й год; значит собор мог состояться с 25 авг. 1548 (7056) по 25 авг. 1549 (7057) г. Стоглавый собор созван в феврале 7059 г., а предыдущее лето объемлет 7058-й с 1 сент. по 1 сент. 7059 г., т.-е. с 1 сент. 1549 по 1 сент. 1550 г. С 24 ноября 1549 г. по 23 марта 1550 г. царь был в походе под Казань (П. С. Л., XIII, 158—160), а на соборе о чудотворцах и на примирении он присутствовал лично. В июне же 1550 г. Судебник был уже готов. Поэтому весьма вероятной представляется догадка, что царь благословился исправить Судебник в промежуток от 1 сент. по 23 ноября 1549 г., когда и был созван, как говорили, первый земский собор. Но от этого срока всего шесть дней отделяют и ту дату, когда царю исполнилось 19 лет. Возможно поэтому допустить догадку, что собор примирения и второй церковный собор о чудотворцах были не двумя разными, а одним собранием. Состав церковного собора

1549 г. указывает царь в писании Стоглавому собору: «архіепископы и епископы и честныя архимариты и игумены» с митрополитом Макарием во главе. Собор должен был свидетельствовать и составить решения о всех исследованиях («обысках») по поводу житий и чудес новых чудотворцев. А в этих «обысках» принимали участие не только чины духовенства, но и миряне; «пытати и обыскивати» предписано было также «и князми и боляры и богобоязнивыми людми» (Стоглав, изд. Каз., 44—45; ср. Ключевский. «Житія святых», 461—462). Весьма вероятно, что многие из этих лиц представляли свои свидетельства лично на соборе. Известно, что на Стоглавом соборе присутствовали и мирские чины. В одном из обращений царя, помимо чинов освященного собора, поименованы «такоже и братія моя, вси любимии мои князи и боляре і воини і все православное хрестьянство» (Стоглав, 30—31). Но в приведенном воспоминании обращение царя направлено лишь к членам освященного собора, у которых он с боярами испрашивал в предыдущее лето прощение и благословился исправить Судебник. На этом предыдущем собрании несомненно присутствовали «бояре всѣ, приказные люди и кормленщики», ибо они играли активную роль в церемонии примирения. Итак, на соборах 1551 и 1549 гг., было ли их два или только один в этом последнем году, главное зерно составлял собор духовенства, но к нему были присоединены и мирские люди в весьма неопределенном составе и числе. Но можно ли это собрание «предыдущего лета» считать первым таким собранием? На этот вопрос приходится ответить отрицательно, так как в литературе уже давно указан подобный же факт от второй половины XV в. В 1471 г., в момент разрыва с Новгородом, великий князь Иван Васильевич советовался сначала с митрополитом, с своею матерью и с «сущими у него боярами его» о походе на Новгород, и когда те поддержали его план, то тотчас же он «розосла по всю братію свою, и по всѣ епископы земли своеа, и по князи, и по боаре свои, и по воеводы и по вся воа своа; и якоже вси снидошася къ нему, тогда всѣмъ възвѣщаетъ мысль свою, что итти на Новгородъ ратію... И мысливше о томъ не мало... князь великій начатъ въоружатися ити на нихъ, тако же и братіа его и вси князи его, и боаре, и воеводы и вся воа его» (П. С. Л., VIII, 161; XII, 129—130). В составе этого совещания намечаются три элемента: освященный собор (митрополит и все епископы), боярская дума (бояре) и, наконец, третий довольно неопределенный—в лице воевод и всех воев. Это несомненно служилые люди — дети боярские, но нельзя допустить, что они были созваны все. Как они были подобраны, этого нельзя сказать ни о совещании 1471 г., ни о Стоглавом соборе относительно присутствовавших на нем воинов, ни о собрании 1549 г. относительно приказных людей и кормленщиков. Однако на всех этих собраниях бесспорными элементами являются освященный собор и боярская дума. От совместных заседаний освя-

щенного собора и боярской думы собрания 1471, 1549 и 1551 гг. отличаются лишь тем, что включают в свой состав весьма неопределенный третий элемент в лице то «воеводъ и всѣхъ воевъ», то «приказныхъ людей и кормленщиковъ», то «воиновъ» и даже «всего православнаго хрестьянства». За невозможностью ближе определить этот элемент приходится ограничиться лишь указанием, что совместные совещания освященного собора и думы начинают со второй половины XV в. расширяться присоединением к ним нового составного элемента из среды служилых людей. На этих новых участников совещаний из служилого общества мало-по-малу начинают смотреть как на людей земли или земель, а потому их привлекают лишь для обсуждения наиболее важных и ответственных вопросов в серьезные моменты государственной жизни. Только подобной точкой зрения на значение таких расширенных совещаний и можно объяснить, почему Грозный усмотрел в участниках Стоглавого собора «все православное хрестьянство». Поэтому такие совещания имеют значение не только предшественников земских соборов, являются не только ячейкой, из которой вырастает новое учреждение; они уже включают в себе все элементы нового учреждения, т.-е. освященный собор, боярскую думу и представительство земли или земель. Дальнейшая история нового учреждения сводится к истории представительства, а именно к его расширению и упрочению. Зародыш учреждения представляют уже совместные совещания духовного собора и боярской думы, при чем особенно духовный собор должен был послужить образцом мирского совета, в состав которого он сам вошел и на который перенес свое название. Нельзя поэтому не признать вполне правильной мысль Жданова, что земский собор «вырастает на одном стволу с собором церковным», которым на первых шагах своей жизни значительно и закрывается. Потому Жданов и назвал Стоглавый собор «церковно-земским». Но с таким же правом могут быть названы этим именем как совещание 1549 г., так даже и собрание 1471 г.

С. Ф. Платонов, благодаря открытию которого значительно расчищена почва исследованию вопроса, едва ли не идет слишком далеко, полагая, что «в 1550 г. (или в 1549 г.) не было никакого особого собора по делу примирения бояр с землей». Он считает первым «достоверным земским собором—собор 1566 г.». Оставляя совершенно в стороне показания степенной книги Хрущева, по речам Грозного на Стоглавом соборе надо признать, что «в предыдущее лето» имело место весьма важное совещание, на котором происходили взаимные прощения и примирения, состоялось решение о прекращении миром процессов против кормленщиков, возбужден вопрос об исправлении Судебника, обсуждались вопросы о местничестве (Жданов) и другие «внутренние дела государства» (Вл.-Буданов). По мнению Жданова, после этого собора примирения, как он его называл, «до 1566 г. мы

не встречаем указаний на созвание земского собора»; но он не считал последний собор первым земским собором.

Не подлежит сомнению, что о соборе 1566 г. мы имеем более точные сведения, так как сохранился соборный акт его деятельности с подписями присутствовавших на нем членов. Он был созван царем для обсуждения вопроса, продолжать ли войну с Литвой за Ливонию или мириться на предложенных условиях. Никакого решения по вопросу собор не постановил; не с этою целью он был и созван: члены собора опрашивались «порознь, по чинамъ». Все представленные членами собора мнения и дошли до нас с их подписями (С. Г. Г., I, № 192).

Имеются указания русские и иностранные, что по смерти Грозного, при наличности борьбы среди придворных партий, состоялось в 1584 г. собрание различных чинов для избрания на престол царевича Федора. Иностранцы говорят об единодушном избрании высшими и низшими сословиями; русские известия сообщают об участии «всех людей» или «именитых людей», пришедших к Москве «изо всѣхъ градовъ и всего государства Московскаго» (Устрялов. «Сказания современников о самозванце», I, 357; П. С. Л., IV, 320; Никон. Лет., VIII, 5). Но из этих указаний нельзя вывести каких-либо данных о составе этого собрания.

Наконец в 1598 г. состоялся собор для избрания государя на царский престол за прекращением династии Рюриковичей со смертью царя Федора. По поводу избрания боярина конюшего Бориса Годунова составлена избирательная грамота, к которой члены собора приложили свои руки (А. Э., II, № 7).

Подписи членов на соборных актах 1566 года и 1598 года и послужили главным материалом проф. Ключевскому для изучения состава представительства на соборах XVI в. Результаты его наблюдений совершенно перевернули ходячие мнения об организации представительства в первый период существования земских соборов. Из 374 членов собора в 1566 г. было 32 духовных лица; это—члены освященного собора. Далее—29 думных людей и 33 приказных, т.-е. члены государевой думы и судьи центральных приказов, присутствовавшие на соборе поголовно. Третью группу составляли служилые люди, а именно 97 дворян первой статьи, 99 дворян и детей боярских второй статьи, 3 торопецких и 6 луцких помещиков. Последняя группа состояла из 12 гостей, 41 человека «торговых людей москвичей» и 22 смольнян; это все торговопромышленные люди. В летописной заметке об этом соборе сказано, что царь говорил «со всѣмъ еже освященнымъ соборомъ и со всѣми бояры и съ приказными людми, да и со князми и з дѣтми боярскими и з служилыми людми, да и з гостми и съ купцы и со всѣми торговыми людми», которые «приговорили, что царю и великому князю Ливонскіе земли городовъ полскому королю никакъ не поступитися и за то крѣпко стояти» (П. С. Л., XIII, 402; ср. А. Э., I, № 289, ящ. 225). «А въ немъ приговоръ архіепископовъ и епископовъ и всего собора,

да и бояръ и дворянъ и дѣтей б. изъ городовъ, и приказныхъ людей и гостей о Ливонской землѣ что грю за ни стояти, а литовскому королю не поступашись». Первые две группы в составе собора не возбуждают сомнений; это не выборные лица, а члены высших правительственных учреждений и высшие должностные лица, присутствовавшие поголовно и на соборах XVII в. Третья группа, самая многочисленная, наиболее интересна: оказывается, что $^4/_5$ всех присутствовавших в соборе дворян и детей боярских записаны были по московскому списку, были столичными служилыми людьми. Об остальных не удалось подобрать сведений. Но и полученный результат доказывает громадное преобладание столичных служилых людей в составе членов военно-служилого класса. Каким же образом и в каком качестве они попали на собор? За отсутствием прямых указаний приходится довольствоваться догадками. Вот догадка проф. Ключевского. По данным Тысячной книги мы знаем, из каких уездов набирались дворяне в отборную тысячу. Получив поместья в Московском уезде, они не перестали быть помещиками на прежних местах своего жительства и сохранили с ними не только хозяйственные, но и служебные отношения: как лучшие местные люди, они и в новом качестве столичных дворян продолжали нести службу голов-начальников над местными уездами сотнями. Если восстановить по Тысячной книге места жительства тех членов собора, относительно которых это возможно, то окажется, что все они распределяются по 38 уездам, лежащим по западной границе и близко к центру, откуда прежде всего и были мобилизованы дворянские сотни. Можно думать, что начальники мобилизованных сотен и попали на собор прямо с театра военных действий. Другие из членов служилого класса на соборе, неизвестные по Тысячной книге, были городовыми воеводами в городах, пограничных с театром военных действий.

Итак членами на соборе от служилых людей явились почти все столичные служилые люди, бывшие предводителями дворянских сотен и военными начальниками в пограничных городах и в силу этого близко знакомые с положением дел, о котором они должны были подавать свое мнение правительству. Они являлись представителями на земском соборе не по избранию и уполномочию своих избирателей, а по доверию к ним правительства, которое видело в них хорошо осведомленных с положением дел начальников, на которых удобно было возложить применение на местах мер, принятых правительством после совещания с этими сведущими людьми.

Другой исследователь (М. В. Клочков), изучивший состав служилого представительства на соборе 1566 г., пришел к выводу, что московские дворяне могли попасть на собор не только в силу тех связей, какие у них не порывались с служилыми людьми тех уездов, откуда они были взяты в отборную тысячу, а главным образом в силу своего начальственного положения над

местными дворянскими полками и сотнями или в качестве военно-административных агентов правительства, в какой бы местности им ни пришлось выполнять возложенные на них правительством начальственные функции. «Это были ответственные сведущие люди Московского государства, созванные на собор по месту их службы, а не по месту их земледладения».

Собор 1566 г. тем существенно отличается по составу от прежде упоминаемых совещаний правительства с людьми из среды населения, что на нем впервые отмечены в составе членов лица торговопромышленных классов. Проф. Ключевский и относительно этой группы членов собора 1566 г. пришел к выводу, весьма близкому с только что указанным относительно служилых людей. Все члены этой группы, не исключая и смольнян, были московскими торговыми людьми. Это лучшие, отборные в среде торговопромышленного класса, набранные в Москву из торговых людей всех городов Московского государства с тем, чтобы возложить на них трудную и ответственную службу по финансовому управлению. Сделавшись московскими жителями, они сохраняли связь с прежними областями своей торговопромышленной деятельности не только хозяйственную, но нередко и административную, когда являлись в этих местах финансовыми приказчиками московского правительства. Призваны они были на собор как лучшие местные люди и как доверенные органы правительства, которые были хорошо ознакомлены с положением дел в кругу своей профессии.

Таким образом представительство на соборе 1566 года столичного дворянства и столичного купечества было представительством по государственному и общественному положению, а отнюдь не по доверию и выбору избирателей. Самый же собор явился совещанием правительства со своими собственными агентами и представлял всю землю, поскольку последняя могла быть представлена столицей.

Изучение состава представительства на соборе 1598 года привело проф. Ключевского к тем же основным выводам, какие он сделал относительно состава собора 1566 года. «И теперь сошлись на соборе разностепенные носители власти, органы управления служебному положению, а не по общественному доверию. Но по а не уполномоченные общества; это было представительство по понятиям того времени это было представительное собрание. На это указывает эпитет вселенский, прилагая который к земскому собору, хотели тем выразить представление о собрании руководителей всех частей государственного управления. Значит в земском соборе видели представительство государственной организации... Управляемое же общество подразумевалось не как политическая сила, которая могла говорить на соборе устами своих уполномоченных, а как паства, о благе которой должны были сообща подумать ее приставники. Собор был органом ее интересов, но не ее воли; члены собора представляли общество, насколько управляли им» («Опыты и исследования», М., 1912, 498).

Правда, в числе участников этого собора проф. Ключевский отмечает группу дворян под именем «из городов выбор», среди которых были, по его мнению, выборные из городовых дворян. «Присутствие представителей местных дворянских обществ из их же среды есть новая черта в соборе 1598 г., не заметная в составе собора 1566 г., на котором провинциальное дворянство было представлено только столичными дворянами» (там же, 493). К сожалению почтенный исследователь не приводит никаких указаний на те условия, которыми мог бы быть вызван к жизни этот новый тип представительства.

Но если начало выборного представительства совершенно чуждо организации земских соборов XVI в., то могла ли в ту пору вообще зародиться мысль о возможности выборной организации представительства? Выше приведено мнение анонимного автора «Иного сказания» «Бесѣды Валаамскихъ чудотворцевъ» о создании «единомысленнаго вселеннаго совѣта», состоящего из представителей «ото всякихъ мѣръ всякихъ людей» и образованного «погодно» «ото всѣхъ градовъ и отъ уѣздовъ градовъ тѣхъ». Едва ли можно сомневаться в том, что здесь идет речь о выборном представительстве. Но тогда возможно ли отнести и самый памятник ко второй половине XVI в., и не надежнее ли догадка тех, которые относят эту приписку к «Бесѣдѣ» ко времени после смуты? Имеются, однако, указания, что мысли анонимного автора, по крайней мере в некоторой части, не были чужды даже правительственным сферам второй половины XVI в. Когда посол Батория Гарабурда заговорил в 1585 г. о вечном мире, то бояре ему ответили: «это дело великое для всего христианства; государю нашему надобно советоваться об нем со всею землею; сперва с митрополитом и со всем освященным собором, а потом с боярами и со всеми думными людьми, со всеми воеводами и со всею землею; на такой совет съезжаться надобно будет из дальних мест, из Новагорода, Казани, Астрахани, Сибири» (Соловьев, VII, изд. 4, 252 и 254; Карамзин, X, 28). Съезд на совет всей земли из таких дальних мест опять идет в совершенный разрез с практикой. Очень возможно, что бояре представили только простую отговорку, как и поняли это паны, указав кн. Троекурову: «у васъ въ обычаѣ ведется — что сдумаетъ государь да бояре, на томъ и станетъ, а землѣ до того и дѣла нѣтъ». Но важно, что эта отговорка представляет совет земли в виде представительства даже от самых отдаленных областей государства. От Сибири, например, упоминаются представители один раз на избирательном соборе 1612—1613 гг.

Итак на-ряду с практикой XVI в., не знающей выборного представительства на советах всей земли, зародилась уже в то время идея и выборного представительства от всех областей государства, не исключая и самых отдаленных, как нормальная организация таких советов. Условия московской современной действительности благоприятствовали укоренению мысли о выборном

представительстве, так как в организации отдельных частей местного управления выборное начало нашло довольно широкое применение. По выбору или излюбу местного населения намечались губные головы и целовальники, излюбленные головы и земские судейки, старосты и целовальники для присутствия на суде сначала наместников и волостелей, а потом и выборных судей. Среди крестьян черных волостей и на посадах выборные лица уже издавна несут важные функции по раскладке и сбору податей. Позднее других общественных классов получает обособленную организацию служилое население. Но и оно разбивается по уездам на областные миры, и в каждом уезде провинциальное дворянство избирает из своей среды городовых приказчиков и окладчиков — последних для определения служебной годности каждого служилого человека при разборах и верстаньях. Перенесение этого выборного начала из узкой области местного управления в организацию «вселенского совета» вовсе не представлялось столь трудным для того времени, как в наши дни, так как московские государи не усматривали в этом совете никакой опасности для своего авторитета. Но как раз случилось, что применение выборного начала к организации земских соборов совпало с подъемом авторитета земского собора и упадком власти государя. Но это было лишь случайным совпадением, а не следствием новой организации соборного представительства.

Не может подлежать сомнению, что перемена в организации представительства подготовлена событиями смутного времени. При крайне слабом правительстве (царя Шуйского) и даже при полном его отсутствии местные общества должны были взять в свои руки заботы о собственном самосохранении и спасении отечества от внутренних и внешних врагов — «воров» и поляков. Такое серьезное и многотрудное дело вызывает к жизни не только возникновение местных советов для обсуждения положения дел, но и сношения местных советов между собой. Для обсуждения общих предприятий северо-восточные и другие города сносятся между собой грамотами и приглашают присылать «для подлиннаго договора, добраго совѣта и поспѣшенья добрыхъ людей изо всѣхъ чиновъ». Так, нижегородцы пишут на Вологду: «писали мы къ вамъ напередъ сего многижды... чтобы вамъ прислати къ намъ о договорѣ и о добромъ совѣтѣ людей добрыхъ изо всѣхъ чиновъ, сколько человѣкъ пригоже». На Вологду же сообщают ярославцы, что «для подлиннаго договора и поспѣшенія посланы къ вамъ дворянинъ, да посадскій человѣкъ». Костромичи шлют на Вагу призыв: «и вы, господіе, къ намъ на Кострому для добраго совѣта не присылывали; а изъ Галича къ намъ на Кострому для добраго совѣта прислали дворяне и дѣти боярскіе дворянина, а отъ посадскихъ людей посадскаго человѣка». Такие местные советы и их сношения охватили целый ряд городов, из которых и двинулись первые ополчения для освобождения Москвы от поляков в 1611 г. Собравшись под Москвой, эти

ополчения и их предводители пробуют организовать правительство «по совѣту всей земли», хотя участниками этого совета упоминаются только «всякіе служилые люди и дворовые и казаки». После неудачи этого ополчения местные советы продолжают играть важную роль, особенно в северо-восточных городах, силами которых главным образом и была подготовлена почва для поддержки нижегородского ополчения. Когда последнее достигло Ярославля, то оттуда рассылались грамоты по городам с призывом «совѣтовать со всякими людьми общимъ совѣтомъ и по всемірному своему совѣту... прислать къ намъ въ Ярославль изо всякихъ чиновъ людей человѣка по два (и по три) и съ ними совѣтъ свой отписати за своими руками». Эти выборные приглашались для того, чтобы «по совѣту всего государства выбрати общимъ совѣтомъ государя». Ярославское ополчение вступило в переговоры и с Новгородом и шведами по поводу избрания государем шведского королевича и об этих сношениях также сообщало во все города. Такие грамоты достигли и сибирских городов, например, Верхотурья, жители которого приглашались прислать в Ярославль «совѣтъ всего города, написавъ за своими руками, какъ съ новгородскими послы о королевичѣ говорити и на чемъ постановить». Из Верхотурья же сносятся о том же с Тюменью, «чтобы о такомъ великомъ дѣлѣ послати совѣтъ свой въ Ярославль, свѣстяся Сибирскими всѣми городы, а не врознь» (С. Г. Г., II, №№ 236, 239, 278, 281; А. Э., II, №№ 175, 176, 178, 182, 203, 208; Чт. Общ. ист., 1905, кн. 4, смесь, 65; ср. Памятники истории Нижегородского движения в эпоху смуты и земского ополчения 1611—1612 гг., 1911).

Повидимому в Ярославль успели съехаться многие выборные из городов, и там составился «совет всей земли» в гораздо более правильной и полной форме, чем совет ополчения 1611 г., так как отсутствующие в полном составе освященный собор и боярская дума были заменены немногими соборными и думными чинами. Но за то здесь оказались впервые в небывалом числе «изо всех городов всяких чинов выборные люди». Этот собор в безгосударственное время явился действительным олицетворением единства государства и имел по уполномочию всей земли несомненный авторитет, хотя ему и не суждено было осуществить главной цели, для которой он был созван — выбрать государя. Ополчение двинулось к Москве и очистило ее от поляков. Но и после этого подвига ему или выборным в его составе не пришлось приступить к избранию государя, так как для этой цели с половины ноября и в декабре 1612 года рассылались грамоты по городам «о обираньи государьскомъ и о совѣтѣ» с просьбою прислать в Москву «изо всѣхъ городовъ Московскаго государства, изо всякихъ чиновъ людей, по десяти человѣкъ изъ городовъ, для государственныхъ и земскихъ дѣлъ» (Д. к А. И., I, № 166; ср. Утверженная грамота в Чтениях Общ. ист. и древн., 1906, кн. 3, стр. 42; Дворц. разр., I, 9; С. Б. Весе-

ловский. «Новые акты смутного времени», 1911, №№ 82 и 89). Хотя о деятельности этого избирательного собора сохранился подлинный документ—избирательная или утверженная грамота об избрании на престол царя Михаила, но значение этого документа справедливо подвергнуто сомнению как со стороны содержания, так и относительно полноты подписей. Весьма вероятно, что документ этот составлен и подписи к нему собирались спустя несколько месяцев после состоявшегося избрания. На грамоте подписалось 277 членов, тогда как на соборе было представлено до 50 городов.

По избрании государя земский собор не был распущен, а остался постоянным советом всея земли при вновь избранном государе для поддержания его в тяжелом деле восстановления порядка в совершенно расшатанном и разоренном государстве. Для молодого царя было крайне важно и прямо необходимо иметь постоянную опору в народных представителях для придания надлежащего авторитета всем распоряжениям слабой правительственной власти. В эти годы земский собор спас от гибели не только отечество, но и ореол царской власти. В конце 1615 г. члены избирательного собора были распущены, но одновременно приглашены были новые выборные из городов, не успевшие, однако, отовсюду съехаться к началу 1616 г. В 1616, 1618 и 1619 гг. в Москве опять присутствует земский собор, и представляется весьма вероятным, что в течение этого времени он состоял из тех же выборных, которые вызваны были на смену распущенным в 1615 г.; по крайней мере, за это время не имеется никаких указаний о приглашении на собор новых выборных. Но по прибытии в Москву митрополита Филарета из польского плена и возведении в сан патриарха, на соборе 1619 г. проектирован ряд важных мер относительно приведения в известность и упорядочения платежных сил населения и одновременно постановлено «изъ городовъ изо всѣхъ для вѣдомости и для устроенья взять къ Москвѣ» новых выборных людей изо всех чинов. Эти новые выборные остались в Москве, повидимому, без смены в течение 1620—1622 гг.

Судя по этим данным, земский собор за время 1613—1622 гг. был постоянным учреждением, в помощи и советах которого весьма часто нуждался молодой царь. В эти годы как бы осуществился план анонимного публициста XVI в., предлагавшего «воздвигнути царю вселенскій совѣтъ», держать его «беспрестанно, всегда погодно» при себе и ежедневно расспрашивать царю самому «про всякое дѣло міра сего». После 1622 года наступает значительный перерыв в деятельности соборов: ближайшее известие о созыве собора относится к 1632 г., когда оказалась необходимость в экстренных сборах для продолжения войны с Польшею. Этот собор не распускался из Москвы в продолжение двух следующих лет. За остальные годы царствования Михаила Федоровича известны еще два собора: 1636—1637 гг. и

1642 г., оба созванные по поводу осложнений в отношениях к Турции из-за Крыма и Азова.

При Алексее Михайловиче соборы созываются значительно реже: за первую половину его царствования известны — собор 1645 г., подтвердивший своим избранием вступление царя на престол; 1648—1649 гг., созванный для участия в выработке и утверждении Уложения; 1650 г., созванный по поводу волнений в Пскове, и 1651—1653 гг., по делам о присоединении Малороссии. После этого соборы более не созываются, по крайней мере, в обычном их составе. Правительство царей Алексея и Федора, нуждаясь нередко в советах представителей земли, предпочитало обращаться лишь к представителям того чина, класса или сословия, которых ближе всего касалось данное дело. Таковы были совещания 1661 г. о дороговизне хлеба с торговыми людьми; таковы же совещания с выборными служилыми людьми 1682 г. об изменении ратного устава и совещания с представителями торговых людей — гостей, гостиной и суконной сотен и посадских черных людей и даже уездных (но только от дворцовых сел и волостей) того же года по вопросу об уравнении тяглой службы и податей всех указанных групп торговопромышленного населения. Догадываются, что выборные последнего совещания, «двойники» (по числу выборных от каждого чина населения), принимали участие в деяниях «всех чинов» 27 апреля и 26 мая 1682 г. при избрании на престол сначала царевича Петра, а потом и царевича Ивана. После двух соборов 1682 г. не сохранилось никаких указаний на деятельность земских соборов даже и в такой неполной форме.

Таким образом земские соборы с выборным представительством появляются только с начала XVII в. и, просуществовав полстолетия, начинают замирать. Что же такое земский собор в этой новой форме? Формально составные его элементы те же самые, что и раньше, т.-е. освященный собор, боярская дума с некоторыми придворными и приказными чинами, присутствовавшими на соборах по личному началу, и, наконец, выборные представители. Только при наличности этих трех элементов можно говорить о земском соборе, как бы слабо ни был представлен третий из указанных элементов, хотя бы в лице выборных какого-либо одного только чина. Между тем и люди той эпохи, как русские, так иностранцы, а вслед за ними и современные исследователи, расширяют рамки наблюдаемого явления и видят совет всей земли даже в случайных проявлениях настроения и действиях народной московской толпы. Так, говорят о земском соборе, который при Лжедимитрии судил Василия Шуйского. Но что это за собор? Или еще: сам Шуйский, ставший во главе мятежной толпы и руководивший убиением Самозванца, сделавшись царем, утверждал, что Лжедимитрия «за его богомерзкія злыя дѣла, осудя истиннымъ судомъ, весь народъ Московскаго государства его убилъ». Об избрании на престол Шуйского некоторые современ-

ники положительно утверждают, что он «малыми нѣкими отъ царскихъ палатъ излюбленъ бысть»; другие прямо называют его «самоизбранным». Но в записи своей он указывает, что учинился на отчине прародителей своих царем «за моленіемъ всего освященнаго собора и по челобитію и прошенію всего православнаго христіанства» (С. Г. Г., II, № 141). По низвержении Шуйского бояре, кн. Федор Иванович Мстиславский с товарищами, разослали окружную грамоту по городам, в которой сказано: «а вамъ велѣно всѣхъ чиновъ людямъ ѣхать къ Москвѣ, чтобъ выбрать государя на Московское государство... и изъ городовъ по ся мѣста никакіе люди не бывали». Итак из последних слов очевидно, что в Москве никакого собора не могло и быть. А между тем вслед за этими словами грамота продолжает: «и мы всѣмъ Московскимъ государствомъ, совѣтовавъ съ святѣйшимъ патріархомъ, съ митрополиты, и съ архіепископы, и съ епископы и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, съ бояры, и съ околничими, и съ дворяны и съ дьяки думными, и стольники, и съ стряпчими, и съ дворяны, и съ дѣтьми боярскими, и съ гостьми, и съ торговыми людьми и стрѣльцы, и казаки, и со всякими служилыми и съ жилецкими людьми всего Московскаго государства, цѣловали крестъ королевичу Владиславу Жидимонтовичу» (там же, № 202). Не подлежит сомнению, что терминами «вся земля», «весь народ», «все государство» явно злоупотребляли. Но, с другой стороны, возможно допустить, что самое понятие представительства всей земли было еще столь неопределенным, что иные из современников могли и совершенно добросовестно заблуждаться, представляя себе советом всей земли совершенно случайное собрание из каких-либо наличных в Москве чинов. В переходный момент от старого типа представительства к новому это было вполне возможно. Как свидетельствовала сама дума, в 1610 г. выборные из городов в Москву не приехали. Однако избрание королевича Владислава состоялось, отправлено было посольство под Смоленск для ведения переговоров, и стоящий во главе этого посольства боярин кн. В. В. Голицын был убежден, что он едет от всей земли, и позднее говорил, что «от одних бы бояр я, кн. Василий, и не поехал». Можно бы предположить, что в 1610 г. по поводу избрания Владислава собор состоялся по старому типу совещаний XVI в. Но из окружной грамоты видно, что такой собор теперь уже не удовлетворял общественного мнения, и в Москву ждали приезда из городов людей всех чинов для избрания государя.

Не всегда легко и исследователю с полной определенностью провести разграничительную черту между советом всей земли и каким-либо случайно составившимся собранием, особенно в переходный момент от старого представительства к новому — выборному. Но там, где это можно сделать, не следует принимать никаких фикций и говорить о «фиктивных» соборах, когда ясно, что это не соборы.

Точно так же едва ли возможно разграничивать соборы по полноте их состава, даже в эпоху выборного представительства. Совершенно правильно указано, что по идее земский собор представляет всю землю, все государство, весь народ или все православное христианство. Но как эта идея осуществлялась в действительности? Проф. Загоскин думал, что этой идее соответствовало «олицетворение воли и мнения всех классов населения и всех областных единиц государства». Но действительность не знает ни одного такого собора. Едва ли не правильнее подошел к вопросу проф. Сергеевич. Он указывает, что наши государи ясно преследовали одну цель, «чтобы каждый чин имел своего представителя, чтобы не осталось в государстве разряда свободных лиц не представленного. Все официальные протоколы указывают на приглашение всяких чинов людей. Но едва ли можно утверждать, что правительство считало безусловно необходимым иметь представителей от каждого чина из каждого отдельного пункта населения». Последнее указание о стремлении правительства дать представительство каждому разряду свободных лиц вызывает некоторое сомнение, так как вовсе не все разряды свободных лиц были представлены на соборах. Проф. Сергеевич ссылается на официальные документы о приглашении на соборы всех чинов; но он сам указывает, что те же источники говорят «о выборных от всех чинов и городов», и не считает возможным придавать значение последнему указанию. Едва ли можно принять во всем объеме и ссылку на представительство всех чинов. На всех почти соборах нельзя отметить представительства от крестьян черных волостей, от белого духовенства. Вероятно правительство и не находило особенно настоятельным их присутствие. Наконец известны и такие соборы, на которые не вызывались представители и от таких чинов, которые обыкновенно были представлены на соборах. В литературе такие соборы называются неполными (например, соборы 1682 года). Но если неполные соборы тоже соборы, то, значит, для понятия о земском соборе достаточно представительства хотя бы одного какого-либо чина.

От каких же чинов и каким образом происходили выборы представителей? Первые указания о выборных представителях, касающиеся отдельных городов, упоминают или неопределенно о людях изо всяких чинов или прямо отмечают выборных от дворян и детей боярских и особо от посадских людей. Эти два чина — служилые и посадские люди — и являются основными в составе выборного представительства от областей Московского государства. Об этих чинах упоминают все официальные документы о деятельности земских соборов XVII в. Значительно реже упоминаются представители от других чинов из областей. Так, на избирательный собор 1613 г. призывались выборные «уездные» люди сверх дворян и посадских людей. И среди подписавшихся на утверженной грамоте упоминаются «уездные люди».

Из призывной грамоты на избирательный собор 1613 г. узнаем, что на Белоозере велено выбрать «из-ыгуменовъ, и ис протопоповъ, и ис посадцкихъ, и изъ уѣздныхъ людей, и изъ дворцовыхъ селъ (и) ис черныхъ волостей десяти человѣкъ» (С. Б. Веселовский. «Новые акты смутн. времени», № 82). Надо думать, что такие же уездные представители были вызваны из всех Поморских уездов и иных, где сохранились дворцовые села и черные волости. Выборные от крестьян дворцовых сел принимали участие и в обсуждении вопроса об уравнении податей и служб на соборе 1682 г. На избирательный собор 1612—1613 гг. приглашались выборные «из-ыгуменовъ и ис протопоповъ» или «изъ собору»; а по постановлению собора 1619 г. на следующий собор приглашались также выборные и от «духовного чина» (может быть, по почину нового патриарха Филарета); но помимо этих двух указаний на особое представительство духовенства на земских соборах, других известий не имеется, и надо думать, что при наличии освященного собора в составе земского собора особое представительство от местного духовенства признано было излишним.

Гораздо пестрее выборное представительство от столичного населения вследствие того, что в его состав входило значительно большее число чинов. Так, от служилого населения призывались отдельные представители от стольников, стряпчих, дворян московских и жильцов, что явно проявилось уже на соборе 1618 г. От торговопромышленного населения особо были представлены гости, гостиная и суконная сотни и все черные сотни и слободы.

Избирательным округом была основная административная единица Московского государства — город с уездом. Исключение составлял Новгород, где избирательным округом являлись пятины, так что Новгород с уездом разделен был на пять округов.

В распоряжениях о производстве выборов обыкновенно определялось и число выборных от каждого чина одного округа, хотя это число далеко не всегда оказывалось одинаковым не только для разных чинов, но даже и для одного чина. Например в грамотах по городам из Ярославля в 1612 г. предлагалось прислать то по 2 человека от чина, то 2 или по три. По одним известиям на избирательный собор 1613 г. приглашались выборные изо всяких чинов по 10 человек, а по другим—самим избирателям предоставлялось определить это число, так как указано было прислать выборных «сколько пригоже». По определению собора 1619 г. новые выборные вызывались от «духовнаго чину человѣка или дву», а от дворян и посадских по 2 человека. В октябре 1636 г. рассылались грамоты по городам о дворянах и детях боярских: «велѣно выбрати изъ городовъ изъ выборныхъ по 2 человѣка, изъ дворовыхъ по 2 человѣка, и изъ городовыхъ по 2 человѣка, всего изъ городовъ по 6 человѣкъ». О посадских людях не упоминается; повидимому, они и не приглашались (Р. И. Б., X, 39; А. З. С., № X). На собор 1642 г. указано

было «выбрати изо всякихъ чиновъ» «изъ большихъ статей человѣкъ по 20, и по 15, и по 10 и по 7, а не изо многихъ людей человѣкъ по 5, и по 6, и по 4, и по 3, и по 2 человѣка». Значит число выборных поставлено в зависимость от численности каждого чина. Но едва ли можно думать, что от каждого чина число это определено правительством; а, вероятно, каждому чину самому предоставлено было определить число своих выборных. Но выборные от посадских людей из городов на этот собор не вызывались, так что торговопромышленное население было представлено только от г. Москвы. На собор 1648—1649 г. предписано было выбрать от дворян и детей боярских больших городов по 2 человека, «а изъ меньшихъ по человѣку»; посадских же людей городовых прислать от всех городов без различия по человеку. Но какие города надлежало считать большими, какие меньшими, не объяснено.

Несмотря на указанное разнообразие практики, можно отметить две общих тенденции за время существования выборного представительства: 1) представительство служилого населения всегда по численности преобладает над представительством торговопромышленных классов и 2) значение столичного населения в составе земских соборов постепенно падает, хотя по численному составу всегда остается первым по сравнению с каждым из других городов; но в XVI в. земские соборы исключительно состоят из столичных чинов и представляют всю землю постольку, поскольку Москва отражает в себе все государство. Со времени же междуцарствия, когда Москва и все государство были спасены силами средних служилых и торговых классов из областей, эти классы в общем составе выборного представительства заняли по численности господствующее положение.

Самые выборы происходили в каждом округе особо для каждого чина. В призывных грамотах местным воеводам предписывалось произвести выборы из указанных чинов особо: «изъ духовново чину человѣка или дву, а изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ по два человѣка, а изъ гостей и изъ посадскихъ людей по два человѣка». Что здесь подразумевались отдельные выборы от каждого чина, это подтверждается и отписками воевод о произведенных выборах. Такие отписки по своей краткости и по способу выражений могут подать повод к неправильным их толкованиям. Например из Боровска воевода сообщает в 1651 г., что по грамоте из Разряду «велѣно мнѣ выбрать изъ дворянъ одного человѣка, изъ посадскихъ людей одного же человѣка... И я изъ дворянъ одного человѣка, да изъ посадскихъ одного жъ человѣка выбралъ». По буквальному смыслу можно понять, что воевода сам произвел выборы. Но это только способ выражения, как это явствует из таких же других отписок. Новосильский воевода доводит до сведения, что также по грамоте из Разряда «велѣно мнѣ въ Новосилѣ выбрать лучшихъ дѣтей боярскихъ два человѣка... и я выбралъ въ Новосилѣ лучшихъ

дѣтей боярскихъ двухъ человѣкъ (таких-то). И выбравъ я тѣхъ новосильцевъ дѣтей боярскихъ... и по нихъ я взялъ выборъ за новосильцевъ дѣтей боярскихъ за ихъ руками и послалъ къ тебѣ государю». «Выбор за руками» или иначе «выборный список за руками»—это не что иное, как избирательный протокол, скрепленный подписями избирателей, который представлялся в Москву для подтверждения правильности выборов и удостоверения личности выборных. В грамотах о присылке выборных на собор не один раз упоминается о составлении таких выборов или выборных списков за руками (Разр. кн., I, 6'9; А. Э., III, № 105; IV, № 27; Р. И. Б., X, 39). Но до сих пор известны только два таких выбора, в том числе один как раз о тех новосильцах, о которых сообщал воевода. Этот «выбор за руками» содержит поименное перечисление избирателей и затем гласит: «и всѣ новосильцы (галичане) дворяне и дѣти боярскія выбрали мы новосильцевъ (таких-то). И тѣ новосильцы къ тому къ государеву царственному великому и земскому и къ литовскому дѣлу годны и смышлены, и столько ихъ будетъ, то намъ и выборъ». Далее идут подписи: «къ сему выбору такой-то руку приложилъ». Отсюда и самое название—«выбор за руками». Такие избирательные протоколы составлялись по каждому избирательному собранию. Поэтому верейский воевода доносит, что «изъ дворянъ выбрали дворяне двухъ человѣкъ (таких-то) и выборы мнѣ дали, а изъ посадскихъ людей выбрали посадскіе люди веретина посадскаго человѣка (такого-то) и выборъ на него дали мнѣ» (В. Латкин. «Материалы для истории земских соборов», 89; А. З. С., № XI). Это лучше всего подтверждает раздельность выборов по каждому чину. В этом не могла не отразиться складывающаяся сословность в составе населения Московского государства.

В практике, конечно, возможны были и отступления от предписанного порядка и прямые злоупотребления. Из тех же воеводских отписок видно, что некоторые из воевод иногда по непониманию, или по злой воле, а иногда в силу затруднительных условий сами посылали отдельных лиц на собор, помимо выборов. Так, крапивенский воевода в 1651 г. отписал, что «посадскихъ людей на Кропивнѣ только три человѣка, и тѣ худы, бродятъ межъ дворъ, и въ такое государево дѣло ихъ не будетъ. И я вмѣсто лучшихъ посадскихъ людей дву человѣкъ выбралъ съ Кропивны лучшихъ людей дву человѣкъ, соловлянина сына боярскаго Өедора Богданова, для того, что онъ живетъ на Кропивнѣ на посадѣ и почасту бываетъ у твоихъ государевыхъ многихъ дѣлъ съ полковыми бояры и съ воеводы въ подъячихъ, да кропивенскаго пушкаря». На этой отписке сохранилась помета: «Послать грамоту съ осудомъ къ Василію Астафьеву (воеводе): послана къ нему грамота, а велѣно дворяномъ промежь себя выбрать, а не ему выбирать, и за то его осудить гораздо. Да онъ же сглупилъ, мимо посадскихъ людей прислалъ въ ихъ мѣсто сына боярскаго да пушкаря, мимо государева указу»

(А. М. Г., II, № 459). Елецкий воевода в 1648 г. сообщил в Москву, что он согласно предписанию организовал выборы, и «ельчане дѣти боярскіе для государева и земскаго дѣла выбрали къ Москвѣ ельчан... (2-х); а посадскіе люди выбрали... (одного) и выборъ на нихъ за руками дали». А между тем ельчане подали жалобу на воеводу, что он помимо их выбрал двух «ушников» и «отводных» людей и силою заставил подписать выбор (А. З. С., №№ XIV и XV). Затруднения воевод большею частью заключались в том, что в данном городе не оказывалось налицо чаще всего посадских людей вообще или в достаточном числе. Так, ливенский воевода сообщает, что «посадскихъ людей на Ливнахъ нѣтъ, акромѣ бобылей и дворниковъ», и он, «изъ тѣхъ бобылей выбравъ кузнеца Кондрашку Лобова», послал к Москве. Рыльский воевода пишет, что «изъ посадскихъ людей выбрать не изъ кого, потому что посадскихъ людей въ Рыльскѣ мало, а которые посадскіе людишки есть и они въ государевѣ дѣлѣ на кабакѣ и въ таможенномъ сборѣ въ цѣловальникахъ». Но несколько дней спустя воевода все же послал в Москву одного посадского человека, а другого «выбрать было не из кого».

В грамотах и распоряжениях о высылке в Москву выборных людей иногда намечались и условия ценза, которым должны были удовлетворять выборные. Это должны быть лучшие люди (иногда и средние и даже молодшие), что в то время обычно понималось в смысле лучшей экономической обеспеченности. Наряду с этим указывались иногда умственные и нравственные качества избираемых: таковыми должны быть люди «добрые и разумные», «добрые и смышленные», которым «государевы и земские дела за обычай», или «лучшие и в уме нескудные» и даже «грамоте умели». Собор 1619 г. постановил прислать новых выборных «добрыхъ и разумныхъ, которые бы умѣли разсказать обиды, и насильства, и разоренья, и чѣмъ Московскому государству полнитца и ратныхъ людей пожаловать и устроить бы Московское государство, чтобъ пришло все въ достоинство». Более высокий ценз едва ли можно придумать даже и для современных народных представителей. Конечно никакой проверки соответствия выборных условиям указанного ценза не могло быть. Лишь в «выборном списке» избиратели удостоверяли, что выборные к такому делу годны и «столько их будет».

Выборные получали от избирателей наказы. К сожалению об этом имеются только указания; самые же наказы не известны. В рассылаемых из Ярославля грамотах 1612 г. о посылке туда выборных вместе с тем предлагалось «противъ сея грамоты совѣтъ свой къ намъ отписати, какъ намъ противъ общихъ враговъ польскихъ и литовскихъ людей стоять, и какъ намъ въ нынѣшнее злое настоящее время безгосударнымъ быть, и выбрати бъ намъ государя всею землею» (С. Г. Г., II, стр. 596). Выборные на избирательный собор 1613 г. должны были приехать, «договоряся въ городѣхъ накрѣпко и взявъ у всякихъ людей

о государскомъ избраніи полные договоры»; избиратели должны были выборным «дати отъ себя полный и крѣпкой достаточной приказъ, чтобы имъ во всѣхъ васъ мѣсто всякихъ людей о государственномъ дѣлѣ говорити было вольно и безстрашно» (Дворц. Разр., I, 9; С. Б. Веселовский. «Новые акты смутного времени», № 82). Не так давно стало известно случайное указание, что и выборные на собор 1648—1649 гг. привезли с собой «челобитья земских людей о их нуждах». Не все эти челобитья были приняты во внимание и удовлетворены. Правительство с неудовольствием вспоминало об этих неудовлетворенных челобитьях и называло их «прихотями»; а выборным людям из опасения гнева избирателей приходилось запасаться «бережеными грамотами».

Имеются указания и на то, что выборные должны были привозить с собой «запасы». Но единственное указание об этом, относящееся к собору 1648—1649 г., дополняется данными того же года, что выборные служилые люди по челобитьям получали жалованье за участие в «государевом и земском деле», а посадские люди некоторые льготы от служб и привилегии; именно, по челобитью романовца, посадского человека В. Пронова, «противъ его братьи выборныхъ», предписано «ту нынѣшнюю службу, что онъ былъ въ выборныхъ, зачесть въ службу». Общая же привилегия посадских выборных людей заключалась в том, что государь их пожаловал, «стояльцевъ никакихъ на дворишки ихъ ставить не велѣлъ, и питье, вино и пиво, держать имъ выборнымъ людямъ про себя велѣлъ безъявочно и безпошлинно» (А. З. С., №№ 16 и 18). Значит весьма тяжелое бремя содержания выборных отчасти падало на их собственный счет, отчасти покрывалось на счет государства в виде жалованья или некоторых льгот.

В исторической литературе ставится вопрос о том, как относилось население к участию в деятельности земских соборов? Некоторые из авторов усматривают отрицательное отношение населения к такому важному с нашей точки зрения праву в том, что, как видно из ряда случаев, избиратели не являлись на выборы, что из иных городов выборные вовсе не приезжали на соборы, и правительству приходилось подтверждать приказания о непременной и немедленной высылке их в Москву, что выборные тяготились обязанностью приезжать на соборы и за свои труды просили и получали от государя разные милости и пожалования. Такие случаи действительно наблюдаются в практике выборного представительства. Но можно ли на основании их делать заключения о том, что население вообще отрицательно относилось к земским соборам? Если бы нечто подобное существовало, то как же могли бы созываться соборы? А они созываются не редко, и не известен ни один случай, что собор не мог бы состояться за неприбытием выборных. Что выборные не смотрели на свое участие, как на важное право для ограждения своих индивидуальных интересов и для контроля за законностью управления—

это, конечно, верно; но грех за такой отрицательный ответ должен пасть не на московского выборного XVII в. Участие на соборах было, несомненно, тяжелой обязанностью. И трудности переездов до Москвы и расходы на переезды и на собственное содержание в течение сессии—все это надо было перенести, так как правительственные диеты вовсе не были чем-то установившимся. Кроме того нельзя не принять во внимание, что и отмеченные случаи неаккуратности избирателей и выборщиков были результатом нередко не инертности населения, а неисправности московского правительственного механизма. Правительство, предписывая присылку выборных из таких-то чинов, нередко и само не знало, что в тех или иных городах совсем не было людей какого-либо чина, например, посадских. Такие предписания ставили местных администраторов в немалое затруднение, и не все из них умели найтись и сообщить о невозможности производства выборов за отсутствием посадских людей. На-ряду с этим бывало и так, что предписание о высылке выборных в Москву к указанному сроку получались на местах уже по истечении этого срока. Мудрено ли, что при таких условиях и местной власти и избирателям могло представляться, что не стоит и производить выборы, так как выборные могли бы совершенно напрасно проездить в Москву, не застав уже там соборной сессии. Значит нельзя ставить в вину исключительно избирателям все случаи, когда выборы не производились и выборные не приезжали в Москву. Но, конечно, и тогда, как и в наши дни, были и уклоняющиеся. Но для русских людей XVII в. это во всяком случае гораздо извинительнее, чем для их потомков XX в., так как выполнение этой обязанности тогда было много труднее, чем осуществление современного права.

Нельзя при этом не отметить одной характерной черты той старинной эпохи. Иногда из того или иного чина какого-либо города приезжало в Москву большее количество выборных, чем это назначено было по предписанию из Москвы. Так, на собор 1648—1649 г. требовалось прислать дворян из больших городов по 2 человека, из меньших по 1 человеку, а из Новгорода по 1 человеку от пятины. Между тем из Новгорода прибыло 8 дворян, из Минска 5, а из Бежецка, Казани, Калуги, Торопца по 2 человека посадских, хотя посадские люди призывались по одному от города. В этом надо уж усмотреть не инертность, а излишнее усердие со стороны населения. И все прибывшие сверх нормы допускаются беспрепятственно на заседания собора. Такая практика указывает на то, что число представителей от каждого чина из каждого избирательного округа вовсе не имело значения, как это видно из дальнейшего.

Как происходили самые совещания на соборах, к сожалению, очень мало известно. Подробных протоколов не сохранилось, да вряд ли они и составлялись. Сохранившиеся официальные записи о деятельности некоторых соборов указывают, что при открытии

сессии государь или, по его поручению, кто - либо произносил речь, в которой объяснялись поводы к созванию собора и формулировался вопрос, подлежащий обсуждению. Но как шли самые обсуждения, этого обыкновенно и не передают упомянутые записи, сообщая лишь окончательный результат соборной сессии. Этот результат сообщается обыкновенно в такой форме: такие - то чины (идет их перечисление) «государю говорили на соборе», «били челом на соборе государю», «и на соборе государю челом ударили» (Разр. кн., I, 563, 779; II, 484, 621). Мнение членов собора, таким образом, изображается в виде общего согласного их мнения. Но как оно составилось?

При выяснении этого вопроса необходимо обратить внимание на то, что заседания земских соборов существенно различались в зависимости от того, с какою целью созван тот или иной собор. Одни соборы должны были выработать какое либо постановление или решение; другие созывались не для постановки решения, а лишь для ознакомления правительства с мнениями и настроениями разных чинов населения. Проф. Сергеевич совершенно правильно отметил, что необходимо отличать «порядки тех соборов, чинам которых прямо предписывалось отвечать на вопросы государя «порознь». Такие предписания мы имеем для соборов 1566, 1642 и 1653 гг., на которых обсуждались сложнейшие вопросы внешней политики... Ввиду особой трудности этих вопросов, правительство обращалось к чинам не с целью притти к соборному их решению, а только для того, чтобы узнать их мнения, оставляя за собой самостоятельное решение вопроса» (Сб. Гос. Зн., II, 30). Проф. Н. П. Загоскин не согласился с этим мнением. О членах собора 1653 г. сохранилось указание, что они «допрашиваемы порознь, по чинам». Эти и подобные выражения и остановили на себе внимание проф. Загоскина, который справедливо заметил, что такие выражения «легко могут привести к слишком поспешному и вследствие того неосновательному предположению, будто на этих соборах подача мнений производилась путем допроса отдельных лиц каждой сословной группы; ясно, что при этом предположении исключается возможность свободных совещаний и дебатов в среде соборных людей». К этому мнению присоединился и проф. Латкин. Совершенно верно, что «допрос» надо понимать не буквально, и что мнения могли подаваться совершенно свободно. Но дело вовсе не в том, производился ли допрос или мнения подавались после предварительных свободных дебатов, а в том, что мнения подавались порознь, и не было соборного приговора. А в этом и заключается мнение проф. Сергеевича. Приняв это мнение, легко объяснить отдельные мнения печатника Висковатого на соборе 1566 г. и дворян Беклемишева и Желябужского на соборе 1642 г.: так как на этих соборах не требовалось соборного решения, каждый мог подать отдельное мнение.

Когда же земскому собору предстояло выработать решение или приговор, то, согласно исконному правилу старого права, решение

должно было быть единогласным. Только в таком случае имелся налицо приговор всей земли. Так, на соборе 1598 г. патриарх Иов предложил, чтобы «всѣхъ чиновъ всякіе люди царьствующаго града Москвы и всея Російскія земля намъ и всему освященному собору мысль свою объявили и совѣтъ дали: кому на великомъ преславномъ государьствѣ государемъ быти?» К этому он прибавил, что у него «и у всего освященнаго вселенскаго собора, и у бояръ, и у дворянъ, и у приказныхъ и у служилыхъ у всякихъ людей, и у гостей, и у всѣхъ православныхъ крестьянъ, которые были на Москвѣ, мысль и совѣтъ всѣхъ единодушно, что намъ мимо государя Бориса Ѳедоровича иного государя никого не искати». На это все, «которые пріѣхали изъ далнихъ городовъ, велегласно аки единѣми усты глаголаху: нашъ совѣтъ и желаніе то жъ единомысленно съ тобою» и пр. (А. Э., II, 24—25). В утверженной грамоте об избрании Михаила Федоровича Романова рассказано, что «всѣ православные хрестьяне всего Московского государства, от мала і до велика і до сущих младенецъ (sic), яко едиными усты вопияху і взываху, что быти... государемъ царемъ і великимъ князем... Михаилу Федоровичю». И далее: «И по даннеі благодаті отъ св. Духа, вси во единомыслие совокупившеся... обрали на Владимерское, и на Московское и на Ноугородцкое, и на царство Казанское, и Астороханское и Сибирское, и на всѣ великие преславные государства Росийскаго царствія государемъ царемъ» и пр. (Чтен. Общ. ист., 1906, кн. 3, 44—45). Точно так же на соборе 1618 г., когда обсуждался вопрос о походе на Москву королевича Владислава, «государю царю и великому князю говорили на соборѣ митрополиты, и архіепископы, и епископы, и весь освященный соборъ, и бояре, и околничіе, и думные люди, и столники, и стряпчіе, и дворяне Московскіе, и дьяки, и жильцы, и дворяне и дѣти боярскіе изъ городовъ и всякихъ чиновъ люди Московского государства: что они всѣ единодушно дали обѣтъ Богу за православную крестьянскую вѣру и за него государя стоять» (Разр. кн., I, 563). Это же подтверждается и вышеприведенным указанием, что мнение всех чинов собора приводится как их согласное общее мнение.

Высказана догадка, что и в таких случаях вопрос сначала обсуждался отдельными сословными группами. «По всей вероятности, чины собора занимали места по сословиям, и сперва члены каждого сословия переговаривались между собой, а потом уже одно сословие, как целое, сносилось с другими» (проф. Сергеевич). Это весьма возможно, хотя необходимо допустить и совместное обсуждение таких вопросов, которые не представляли каких-либо трудностей, и ответ на которые подсказывался формулой вопроса. Нечего было и обсуждать того, что члены собора будут единодушно стоять за православную веру и государя. Но как стоять и как помогать правительству, это могло уже вызвать и специальные ответы по особым группам членов собора. Нельзя поэтому принять мнение

проф. Загоскина (и присоединившегося к нему проф. Латкина), будто «каждая сословная группа постановляла при каждом земском соборе отдельное решение, но эти решения для подачи их государю редактировались в одно общее, целостное решение земского собора». Но кем редактировались (проф. Латкин отвечает: дьяками), и можно ли было их соединить воедино? Дело, конечно, прежде всего не в редакции, а в существе ответа. Дать общий ответ чины собора могли только столковавшись между собой, а не при посредстве дьяков. Отдельные же решения сословных групп и средактировать было невозможно, и они заносились особо в соборный акт. Например на соборе 1632 г. в речи государя предложено было чинам собора, чтоб они «в споможение ратным людям на жалованье дали денег». Чины собора изъявили готовность помочь и государю челом ударили, но дали разно: духовные власти дали из домовых и келейных денег; бояре и прочие служилые и приказные люди обещали дать, «а что кто даст, и тому они принесут росписи». О решении гостей и торговых людей в записи не сказано; но с них предписано было собрать пятую деньгу с животов и промыслов. Итак форма помощи от каждой сословной группы различная, и соединить их воедино невозможно. Такое разъединение членов собора по группам было неизбежным следствием разобщенности интересов слагающихся сословий. По целому ряду вопросов та или иная сословная группа затруднялась представить свое мнение по совершенной неосведомленности с данным вопросом или, как говорили тогда, п. ч. «такое-то дело им не за обычай». Правительство посвоему извлекло отсюда указания для собственной политики относительно призвания или непризвания на соборы различных сословных групп. На соборы 1637 и 1642 гг. не вызывались городовые посадские люди, так как на этих соборах обсуждались технические военные вопросы по поводу осложнения отношений к Турции. Для обсуждения вопросов о размере тяглых служб и сборов в 1682 г. призвали только выборных посадских и уездных людей.

Та же разобщенность между группами населения привела и у нас, как и на Западе, к расчленению единого собрания на особые совещания. В 1648—1649 гг. государь, освященный собор и боярская дума заседали особо от выборных людей, которые совещались в ответной палате под председательством боярина кн. Ю. А. Долгорукова. Так же отдельно шли совещания выборных служилых людей под руководством боярина кн. В. В. Голицына с товарищами в 1682 г. по вопросу о преобразовании служилого строя. Государь с освященным собором и думой, позднее приняв участие в деле об уничтожении местничества, заседали в особом помещении. Таким образом у нас намечались две палаты против трех Англии и Франции.

Итак решение земского собора, как бы оно ни подготовлялось, должно быть единогласным. Частности же, вытекающие из единогласного решения, могли быть разрешены отдельными сословными группами и не тождественным образом. Но от таких решений необ-

ходимо отличать мнения, которые могли быть представлены не только «порознь» от каждого чина, но и каждым членом отдельно.

Решение земского собора получало, однако, силу приговора всей земли только при согласии государя с составленным решением. Иначе говоря, государю принадлежала санкция решения. В такой же мере это относится и к избирательным соборам, так как без согласия избранного в государи не могло бы состояться и избрание, а, стало быть, не появилась бы и утверженная грамота.

Соборы созываются государями. Исключение составляют избирательные соборы, созываемые в отсутствие государя для его избрания. В этом случае почин исходит или от высшего представителя духовной власти, патриарха и освященного собора, или от боярской думы, или от заменяющего ее временного правительства. Поводами к их созванию всегда являлись те или иные важные события внешней и внутренней жизни государства, когда правительство находило необходимым опереться в своих действиях на явно выраженное одобрение или сочувствие земского совета. Иван III в 1471 г., Грозный в 1566 г., Михаил Федорович в 1618, 1621, 1637, 1642 гг. и Алексей Михайлович в 1651—1653 гг. не считают возможным предпринять чрезвычайно ответственные действия в международных отношениях Московского государства, не осведомившись с настроением более широких общественных классов. Точно так же и наиболее важные события внутренней жизни государства, не говоря уже об избрании государей, вызывают к деятельности советы земли в 1548—1549, 1551, 1619, 1648—1649 гг., когда обсуждались крупные меры к обновлению и упрочению тех или иных сторон государственно-общественной жизни. Первые девять лет царствования Михаила Федоровича земский собор беспрерывно находился при государе, соправительствуя ему в трудном и ответственном деле возрождения расшатанной и разоренной страны. Наконец поводом к созванию земских соборов являлась и острая нужда правительства в экстренных средствах для обороны страны (1632—1634 гг.).

И этот краткий перечень может послужить достаточным материалом для оценки того спора, какой одно время разгорелся в нашей исторической литературе между славянофилами и западниками по поводу значения наших земских соборов. Если славянофилы, с К. Аксаковым во главе, несомненно переоценили роль московских соборов, увидев в них не простую первую ступень в истории представительных учреждений, а чуть ли не панацею от всех бед государственной жизни, как своеобразный продукт славянского гения, то западники перегнули дугу в другую сторону, и, например, Чичерин подвел такой итог всей истории земских соборов: «земские соборы исчезли не вследствие сословной розни или опасений монархов, а просто вследствие внутреннего ничтожества. Кратковременная роль их была кончена; они не могли более дать правительству ни помощи ни совета». В настоящее время едва ли кто-нибудь присоединится к этому мнению. Когда

история земских соборов была лучше изучена, представились в более ясном свете и их заслуги в истории страны. Нельзя не присоединиться к той оценке, какую дал земским соборам начала XVII в. проф. Сергеевич: «выборные люди стояли в уровень с их высоким призванием и хорошо понимали потребности своего времени; они без всякой розни соединились у престола избранного ими государя и не жалели ни жизни ни имущества для спасения отечества. Одной патриотической деятельности земских соборов начала XVII в. уже довольно, чтобы Россия всегда вспоминала о них с благодарностью». Лучшим опровержением мысли, что соборы не могли дать ни помощи ни совета правительству, служит то обстоятельство, что это правительство в течение столь долгого времени обращается за советом и помощью к земскому собору. В параллель нелестной характеристике, какую дал Чичерин представленным на соборе 1642 г. мнениям его чинов, проф. Сергеевич подробно рассмотрел все эти мнения и отметил ту чрезвычайно трезвую сдержанность, с какой отнеслись эти чины к поставленному на их обсуждение трудному вопросу; он подвел такой итог своему разбору: «такое голосование может сделать честь патриотизму любого собрания представителей». Но если бы даже и можно было отыскать какие-либо крупные промахи в деятельности земских соборов, нельзя не признать за ними того огромного значения, какого они несомненно не могли не иметь в качестве той связи, какая создавалась благодаря им между представителем власти и населением. Такое значение «вселенского совета» метко оценил еще анонимный публицист XVI в., указав, что «таковою царскою мудростью и воиновымъ валитовымъ разумомъ вѣдомо да будетъ царю самому про все всегда самодержства его, и можетъ скрѣпити отъ грѣха власти и воеводы своя и приказные люди вся и приближенныхъ своихъ воеводъ и воиновъ отъ поминка и отъ посула и отъ всякія неправды, и сохранитъ ихъ отъ многихъ безчисленныхъ властелинныхъ грѣховъ и отъ всякихъ льстивыхъ льстецовъ и отъ обавниковъ ихъ, и объявлено будетъ тѣми людьми таковое дѣло предъ царемъ».

Но если столь значительны были заслуги земских соборов перед страной и перед властью, то как же случилось, что их перестали созывать? Историческая литература предлагает несколько разных ответов на этот вопрос. Оставляя в стороне такие крайние мнения, как Чичерина, который исчезновение соборов видит в их внутренней ничтожности, или К. Аксакова, по мнению которого виновником падения соборов является, конечно, Петр Великий, из прочих мнений можно отметить прежде всего точку зрения тех, которые упадок соборов относят уже к царствованию царя Алексея и видят то в соборе 1653 г., то даже и в соборе 1648—1649 г. только одну формальность без какого-либо значения (Соловьев, Беляев). Теперь, когда деятельность этих соборов лучше освещена, едва ли кто-нибудь будет настаивать на этом мнении; к тому же в нем нет объяснения самых причин,

вызвавших упадок учреждения. Впервые проф. Сергеевич предложил прямой ответ на вопрос, почему с 1653 г. царь Алексей перестал созывать соборы. Выборные люди очень часто указывали на злоупотребления в области суда и администрации, путем челобитных добивались устранения как этих, так и других злоупотреблений со стороны бояр и духовных властей и успевали иногда в этом, нанося не раз прямой ущерб их имущественным интересам (отнятие слобод по Уложению). «Могла ли такая деятельность мелких городовых дворян нравиться сильным ближним людям и сильному духовенству... Высшие чины и духовные власти имели слишком много причин, чтобы удерживать Алексея Михайловича от созвания выборных людей, а как постоянные советники государя, они имели и много средств под руками, чтобы выставить соборы как учреждение, ни на что не нужное. Этим влиянием и следует объяснить тот факт, что соборы исчезли из нашей государственной практики».

Проф. Загоскин полагал, что ответ на поставленный вопрос крайне прост, и нет никакой надобности доискиваться «до сокровенных причин и до замысловатых комбинаций». По его мнению, «земские соборы окончили свое существование вследствие уничтожения причин, вызвавших их к жизни... Государственная власть окончательно выработалась в форму неограниченного самодержавия; государство окрепло, стало на твердо выбранную дорогу и сознало духовные и материальные свои силы; находившиеся в состоянии брожения государственные элементы были подчинены интересам государства, а областные земщины сплотились и внешним и внутренним образом в понятие целостного организма, проникнутого единством духа и интересов». Но так как указанные явления не вдруг получили свою законченность, то земские соборы исчезли не разом, а вымирают постепенно. К этому мнению очень близко примыкает и мнение проф. Латкина. Для него вполне ясно, что соборы прекратились потому, что прекратилось действие причин, вызвавших их существование: «государство упорядочилось, внешние враги изгнаны из его пределов, внутренние уничтожены, государственная казна перестала пустеть, издано было новое Уложение, одним словом, правительству не приходилось более находиться в затруднительных обстоятельствах и искать выхода из них с помощью народа». Однако это объяснение повидимому не вполне удовлетворило и самого автора, который хочет его дополнить и точкой зрения проф. Сергеевича, соединяя в одну группу мнения профессоров Сергеевича и Загоскина, как дополняющие одно другое. Но как соединить эти мнения? По существу своему они взаимно уничтожаются одно другим. В самом деле, если соборы прекратили свое существование вследствие того, что не было более нужды созывать их, то против чего же боролись бояре и духовенство? Если же они боролись, старались выставить соборы учреждением ненужным, значит надобность в созыве соборов не перестала существовать и чувствовалась ца-

рем. И не в излишне ли розовом колорите нарисована картина проф. Загоскина, скопированная проф. Латкиным?

Проф. Влад.-Буданов видит «причину прекращения созыва соборов в реформаторском направлении деятельности правительства, в которой оно не надеялось найти сочувствия и поддержки населения». А проф. Платонов снова возвращается к мысли проф. Сергеевича, указав, что на соборе 1648—1649 г. средние общественные классы успели провести если не все, то многие из своих «прихотей», чем и вызвали против себя прямое неудовольствие «верхней палаты» собора, т.-е. освященного собора и боярской думы. Он не сомневается в том, что не кто иной, как «смиренный» Никон, близко знакомый с деятельностью собора 1648—1649 г.г., наложил первый свою тяжелую руку на земский собор. «При его-то власти пришел конец земским соборам», и после 1653 г. соборы перестали созываться: их заменяют или совещания с экспертами или совещания с освященным собором и думой, как это нередко встречалось и раньше.

Не подлежит сомнению, что власть правительства значительно окрепла в царствование «тишайшего» царя. Присоединение Малороссии и удачные войны с Польшей значительно усилили территориальную мощь Московского государства. Царь сделался не только государем «всея Руси», но «всея великiя и малыя и бѣлыя Россiи самодержцемъ». Сохранилось даже сообщенное Татищевым предание, что «царь Алексей Михайлович, получа случай самому в Польше войском управлять, и через то силою паки часть самовластия возвратил» (Утро, сборн., изд. Погодиным, 272—273). Это повидимому басня, отражающая лишь сознание современников об усилении власти государя. Но все это не спасало Московского государства от тяжелых, чуть не критических моментов в его внутренней жизни. Достаточно вспомнить медный бунт, Разиновщину. Эти события надвигались не неожиданно. Еще в 1660 г. правительство допрашивало московских торговых людей о причинах хлебной дороговизны и о тех мерах, какими можно было бы такую «дороговь унять». В 1662 г. государь вновь приказал допросить торговых людей Москвы, «чтобы нынѣшнюю настоящую дороговь за помощью Божiею умалить и общество бъ христiанское видѣть безъ оскорбленiя». Очевидно правительству было известно, что оскорбления обществу христианскому от дороговизны достигли крайних пределов: «бѣдные люди отъ нынѣшнея всякiя дороговли хлѣбныя и харчевныя помираютъ голодною смертью». Торговые люди и на этот раз в своих сказках указали ряд мер для восстановления правильной торговли жизненными припасами и в числе других мер отметили необходимость изъятия из обращения медных денег. Но любопытно, что во всех поданных сказках отмечается необходимость обсудить положение дел при участии земского собора. Так, торговые люди суконной сотни откровенно заявили, что «о мѣдныхъ деньгахъ сказать и ихъ на мѣрѣ поставить, что имъ быть или перемѣнить,

о томъ не домыслимся, что то дѣло великое всего государства, всей земли». Тяглые люди черных сотен и слобод точно так же отметили в своей сказке: «нынѣ мы о поможенiи всякихъ товаровъ дешевой цѣны и о мѣдныхъ деньгахъ сказать и на мѣрѣ ихъ поставить не вѣдаемъ и о томъ великаго государя милости просимъ, чтобъ великiй государь указалъ взять изо всякихъ чиновъ и изъ городовъ лутчихъ людей, а безъ городовыхъ людей о мѣдныхъ деньгахъ сказать не умѣть, потому что то дѣло всего государства и всѣхъ городовъ и всякихъ чиновъ людей». Наконец та же мысль повторена и в сказке гостей и гостиной и суконной сотен торговых людей: «а чѣмъ тому помочь, и о томъ мы нынѣ одни сказать подлинно недоумѣемся для того, что то дѣло всего государства, всѣхъ городовъ и всѣхъ чиновъ, и о томъ у великаго государя милости просимъ, чтобъ пожаловалъ великiй государь, указалъ для того дѣла взять изо всѣхъ чиновъ на Москвѣ и изъ городовъ лутчихъ людей по 5 человѣкъ, а безъ нихъ намъ однимъ того великаго дѣла на мѣрѣ поставить невозможно» (А. Зерцалов. «О мятежах в Москве и с. Коломенском», Чтен. Общ. ист., 1890, кн. 3, стр. 260, 264—265). Несмотря на такие настойчивые указания сведущих лиц, земский собор не был созван. Не опасение же, что выборные люди не поддержат реформаторских стремлений правительства, помешали его созвать. Не мог помешать в данный момент и Никон, уже покинувший патриарший стол. Надо думать, что в составе правительства оказалось не мало других лиц, быть может и сам государь под их влиянием, которые не хотели и даже боялись земского собора. Упомянутые сказки были составлены в феврале или апреле 1662 г., а 25 июля того же года поднялся в Москве «гиль», и повторились сцены подобные тем, какие пришлось переживать царю в 1648 г. По челобитью думных и начальных людей, всяких чинов служилых и всяких же торговых и жилецких людей, государь указал «тѣхъ воровъ и мятежниковъ переимать, чтобъ тѣ воры большаго дурна не учинили», после чего с ними жестоко расправились. Правительство справилось и с этим бунтом и с Разинским без содействия совета всей земли. Но какой ценой! Мог ли земский собор в составе, намеченном торговыми людьми, предупредить такие «гили» и даже «качание мира», этого, конечно, сказать нельзя. Московское правительство решило обойтись собственными приказными и военными силами и обошлось. Надо полагать, что это сознание роста и крепости административно-приказных сил в центре и областях и было главной причиной падения земских соборов, из среды которых правительство не без основания могло ожидать новых неудобных «прихотей». Стоящие у власти московские думные и приказные люди второй половины XVII в., образовавшие сильные корни могущественной бюрократии, иначе оценили значение и пригодность земского совета, чем родовитый титулованный публицист половины XVI в., рекомендовавший царю искать совета и у «всенародныхъ человѣкъ».

Последний вопрос, на котором необходимо остановиться, сводится к оценке политического авторитета земского собора. В литературе и по этому вопросу высказаны весьма различные мнения. Известна мистическая формула К. Аксакова: «правительству—сила власти, земле—сила мнения». Он полагал, что эти две силы всегда действовали в одном направлении, а потому и идеализировал земский собор. Большинство других исследователей приписывает земским соборам лишь совещательное значение. Так, проф. Загоскин пришел к выводу, что «московские земские соборы не имели верховной государственной власти, не имели значения ограничительного, но имели значение исключительно совещательное, вспомогательное. Проф. Латкин хотя и считает неверным мнение славянофилов о чисто совещательном значении земских соборов, но в то же время примыкает к мнению проф. Загоскина в том, что в основе «того явления лежал факт, а не право». Но как далеко он идет за проф. Загоскиным, этого нельзя сказать, так как указание на то, что «наши государи нуждались в содействии русской земли и пользовались им в форме соборов; этим все и исчерпывалось», не разъясняет дела. Точнее и вернее освещает вопрос проф. Сергеевич. Он не считает возможным принять мнение о совещательном значении соборов и не сомневается в том, что значение их «идет далее, хотя никакой указ формально и не признавал за ними того положения, которым в действительности они пользовались. Не может подлежать никакому сомнению, что московские государи признают за собою право действовать и помимо соборов; этим правом они пользуются и в эпоху соборов. Но рядом с этим они признают что-то и за народом, в силу чего и обращаются иногда к его согласию. С исторической точки зрения это «что-то» есть несомненно слабый остаток порядков княжеской эпохи, когда князь и народ находились в непосредственных друг к другу отношениях». Было бы лишь необходимо добавить к этим словам, что политический авторитет земских соборов за время их существования не оставался на одной высоте, а рос и падал. Это и указано в мнении проф. Платонова, который хотя и полагает, что собор «играл роль по преимуществу совещательную», но отмечает, что «в исключительные минуты государственной жизни ему усваивалась верховная власть. В эпохи междуцарствия она принадлежала ему нераздельно; при новой династии, в важнейшие моменты ее деятельности (мероприятия 1619 г., Соборное Уложение, присоединение Малороссии и т. п.) сами государи сливали свой авторитет с авторитетом «всея земли». Но проходил исключительный момент, наступало затишье, и соборы опять входили в свою обычную роль советника».

Прежде всего с точки зрения политического авторитета необходимо различать виды соборов. Избирательным соборам принадлежала несомненно учредительная власть: они или избирали новую династию (1598 и 1613 гг.) или подтверждали право

наследника на занятие престола (1584 и 1645 гг.). Далее совершенно разный авторитет надо признать за соборами, созванными лишь для представления мнений правительству, и за соборами, которые должны были выработать решение и постановить приговор. В последнем случае соборы являлись элементами верховной власти, что подтверждается весьма рельефно тем, что в актах распорядительных по поводу приведения в исполнение соборных решений обыкновенно содержится указание, что мера принята «по нашему указу и всей земли приговору», «по всемирному приговору», или же прямо указывается, что государь «приговорилъ со властьми и съ бояры и всякихъ чиновъ съ людьми Московского государства», или, что «по государеву указу, а по приговору властей и бояръ и думныхъ и всякихъ людей съ соборнаго Уложенія сбирано» и пр. Потому-то вслед за постановлением соборного решения государь приказывал «послати съ собору въ городы свои грамоты» (А. Э., III, №№ 68, 79—81, 105, 275; Разр. кн, I, 564, 617, 781; II, 480—487, 618). Очевидно, считалось важным и необходимым для придания силы распоряжению сослаться на приговор собора. Это сознание, что государь одннолично или с думой не мог решать некоторых вопросов без совета всей земли, проникает в правительственные круги еще в XVI в.; так, например, заключить вечный мир с Польшей без совета всей земли правительство Федора Ивановича не решилось.

Авторитет совета всей земли начал быстро расти с упадком власти государя после прекращения династии, особенно в смутное время. Выше было указано, как царь Шуйский официально провозгласил, что даже законному прирожденному государю нельзя оставаться на государстве, если его не похотят всяких чинов люди Московского государства. Этим признано за «землей» право смещения государей. Так же высоко стоит авторитет земского совета и в первые годы царствования Михаила Федоровича. Соправительство царя и собора не вызвало, однако, между ними никаких конфликтов в силу «единства стремлений центрального правительства и создавшего его представительного собрания» спасти и упрочить русскую землю. Но по мере того как креп авторитет царя, усиливалась правительственная власть,—политический авторитет земского собора, никнет, и, наконец, соборы совсем исчезают, уступив место абсолютной бюрократической монархии.

Литература. К. Аксаков. По поводу VI тома Истории России Соловьева; Замечания на ст. Соловьева «Шлецер и анти-историческое направление»; Краткий исторический очерк земских соборов. Все эти статьи в т. I Полн. собр. соч. 1861 и 1889; Соловьев. Шлецер и анти-историческое направление, Русск. Вести., 1857, т. VIII, 442—450; П. В. Павлов. О некоторых земских соборах XVI и XVII вв.; Отеч. Зап., 1861, т. CXX и CXXIII; Щапов. Великорусские области и смутное время, Отеч. Зап., 1861, т. CXXXIX; Земский собор 1642 г., Век, 1862, № 11; Земский собор 1648—1649 г. и собрание депутатов 1767 г., Отеч. Зап., 1862, № 11; Чичерин. О народном представительстве, 1866, стр. 360—382; Беляев. Земские соборы на Руси, Речь и отчет

Моск. Унив. за 1867 г. и отдельно 1902; В. Сергеевич. Земские соборы в Московском государстве, Сб. гос. зн., II, 1875, и Лекции и Исслед., изд. 4, 172 — 240; Вл.-Буданов. Критика на ст. Сергеевича, Киев. Унив. Изв., 1875, окт.; Обзор, 178 — 190; Н. П. Загоскин. История права Московского государства, т. I, 1877, 207 — 344; И. Жданов. Церковно-земский собор 1551 г., Ист. Вестн., 1880, № I, и Сочинения, т. I, 1904; И. Дитятин. Роль челобитий и земских соборов в управлении Московского государства, Русская Мысль, 1880, № 5, и Статьи по ист. русск. права, 1895; К вопросу о земских соборах, Русская Мысль, 1883, № 12; С. Ф. Платонов. Заметки по истории земских соборов, Ж. М. Н. Пр., 1883, № 3, и Статьи по русск. ист., 1903; Речи Грозного на земском соборе 1550 г., Ж. М. Н. Пр., 1900, № 3; К истории Московских земских соборов, Журнал для всех, 1905, №№ 2 и 3 и отдельно, перепечатано в изд. «Москва в ее прошлом и настоящем», вып. 2, 101 — 137; В. Латкин. Земские соборы древней Руси, 1885; Материалы для истории земских соборов, 1884; В. Ключевский. Состав представительства на земских соборах, Русская Мысль, 1890, № 1; 1891, № 1; 1892, № 1, и Опыты и Исследования, М., 1912, 417 — 551; Курс русск. ист., лекции XL и L; П. Г. Васенко. Хрущевский список Степенной книги и известие о земском соборе 1550 г., Ж. М. Н. Пр., 1903, № 4; М. Клочков. Дворянское представительство на земском соборе 1566 г., Вестн. Права, 1904, ноябрь; С. Б. Веселовский. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича, М., 1909; С. В. Рождественский. О земском соборе 1642 г., Сб. статей, посвященных В. И. Ламанскому, ч. I, 1907; А. И. Заозерский. К вопросу о составе и значении земских соборов, Ж. М. Н. Пр., 1909, № 6; Г. Шмелев. Отношение населения и областной администрации к выборам на земские соборы в XVII веке, Сборн. В. О. Ключевскому, 492 — 502; С. Авалиани. Земские соборы, Од., 1910, изд. 2, 1916; А. Кабанов. Организация выборов на земские соборы в XVII в., Ж. М. Н. Пр., 1910, № 9; Выборы представителей от Переяславля Ряз. на земский соб. 1648 — 1649 гг., Тр. Ряз. Арх. К., 1911, XXIII/I; Акты, относящиеся к истории земских соборов, под ред. Ю. В. Готье., М., 1909; Новые акты смутного времени. Акты подмосковнных ополчений и земского собора 1611—1613 гг. Собрал и редактировал С. Б. Веселовский. М., 1911; И. А. Стратонов. Заметки по истории земских соборов Московской Руси., Каз., 1912.

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ ССЫЛОК НА ИСТОЧНИКИ.

А. И. или Ак. Ист.	Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. Томы I—V, 1841—42.
А. З. Р. или Ак. Зап. Росс.	Акты, относящиеся к истории Западной России. Томы I—V, 1846—53.
А. З. С.	Акты, относящиеся к истории земских соборов. Под редакцией Ю. В. Готье, М. 1909.
А. Э. или Акты Эксп.	Акты, собранные в библиотеках и архивах Археографической Экспедицией. Томы I—IV, 1836.
А. Ю. или Ак. Юр.	Акты Юридические или собрание форм старинного делопроизводства, 1838.
А. Ю. Б.	Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Изд. Археографической Комиссией под ред. Калачова. Томы I—III, 1857—88.
Ак.	Русская правда по Академическому списку.
Акты Лихачева.	Н. П. Лихачев. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках, 1895.
Акт. Моск. гос. или А. М. Г.	Акты Московского государства, изд. Академией Наук. Томы I—III, 1890, 1894 и 1901.
А. П. Д.	Акты писцового дела. Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. Собрал и редактировал С. Веселовский. Изд. Общ. ист. и древн., т. I, М. 1913; т. II, вып. 1, М. 1917.
Акт. тягл. нас.	М. Дьяконов. Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве. Вып. I—II, 1895, 1897.
Акты Уварова.	Описание актов собрания графа А. С. Уварова. Акты исторические, описанные И. М. Катаевым и А. К. Кабановым, под ред. проф. М. В. Довнар-Запольского, М. 1905.
Ак. Юшк. (Юшкова).	Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ после отмены местничества. Изд. А. Юшков. Чтения Общ. ист. и древн., 1898, книги II—IV.
Ак. Фед-Чех.	Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Собрал и издал А. Федотов-Чеховский. Тт. I—II, 1860—63.
Арз. А.	Арзамасские поместные акты 1570—1618 годов. Собрал и редактировал С. Б. Веселовский.
Арх. ист.-юр. свед.	Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, изд. Н. Калачовым. Книжки I—III, 1855—61.
Арх. ист. и практ. свед.	Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, изд. Н. Калачовым, 1859, кн. I—VI, и 1860—61, кн. I—VI.
Арх. матер.	Архивный материал. Документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. Управляющий архивом Д. Я. Самоквасов. Томы I—II, М. 1904—1909.

Арх. Стр.	Архив П. М. Строева, тт. I и II, 1915 и 1917 гг. в Р. И. Б., тт. XXXII и XXXV.
Вивл. или Вивлиоф.	Древняя российская Вивлиофика. Изд. Н. Новиковым. Изд. 2, части I—XX, 1788—1791.
Врем. или Врем. Общ. ист.	Временник Общества истории и древностей Российских, с 1849 по 1858 г. Книги I—XXV.
Д. к А. И.	Дополнения к Актам историческим. Изд. Археогр. Ком, Тт. I—XII, 1846—72.
Дворц. Разр.	Дворцовые Разряды, изд. II Отделением собств. его имп. вел. канцелярии. Тт. I—IV, 1850—55.
Древн. разр. кн.	П. Н. Милюков. Древнейшая разрядная книга официальной редакции Чтения Общ. ист. и древн., 1902, кн. I—II.
Ж. М. Н. Пр. или Журн. Мин. Нар. Пр.	Журнал министерства народного просвещения.
Ж. М. Юст. или Журн. Мин. Юст.	Журнал министерства юстиции.
Зап. Жолкевского	Записки гетмана Жолкевского о Московской войне, 1871.
Зап. Отд. русск. и славян. арх.	Записки отделения русской и славянской Археологии императорского археологического общества. Тт. I—II, 1851—61.
Зап. Нов. Ун.	Записки императорского новороссийского университета.
Изборн.	Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. Собрал и издал Андрей Попов, 1869.
Ипат. или Ип.	Летопись по ипатскому списку. Изд. Археогр. Ком., 1871.
Ист. Изв.	Исторические Известия, изд. Историческим Обществом при Московском университете с 1916 г.
Ист. Обозр.	Историческое Обозрение. Сборник Исторического Общества при Петербургском Университете.
Кар.	Русская Правда по Карамзинскому списку.
Кн. разр. или Разр. кн.	Разрядные книги, по официальным оных спискам, изд. 2 Отделением собств. его имп. вел. канцелярии. Тт. I—II, 1853—55.
Лавр.	Летопись по Лаврентьевскому списку изд. Археогр. Ком., 1872.
Лет. зан. Арх. Ком.	Летопись занятий Археографической Комиссии. С 1861 г.
Лет. вел. кн. Литов.	Летопись великих князей литовских. Ученые записки II Отд. имп. Акад. Наук. Книга I, 1854.
Ник. или Никон. Лет.	Русская летопись по Никоновскому списку. Т. VIII, 1792.
Нов. Лет.	Новый Летописец. Изд. кн. Оболенским во Времен., кн. XVIII.
Новг. или Новг. Син.	Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. Изд. Археогр. Ком., 1888.
Новг. Писц. кн.	Новгородские писцовые книги, изд. Археогр. Ком. Тт. I—VI, 1859—1900 и указатель к ним, 1915.
Оп. док. и бум. моск. Арх. Мин. Юст.	Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. С 1869.
П. С. З. или Полн. Собр. Зак.	Полное собрание законов Российской империи. Изд. II Отд.
П. С. Л.	Полное собрание русских летописей. Изд. Археогр. Ком. С 1841 г.
Пам. дипл. снош.	Памятники дипломатических сношений древней России, изд. II Отд. собств. е. в. канц., тт. I—X, 1851—1871.
Памятн. древн. письм.	Памятники древней письменности. Изд. Общества любителей древней письменности.

Памятн. стар. русск. лит.	Памятники старинной русской литературы. Изд. Кушелевым-Безбородко. Тт. I—IV, 1860.
Переясл.-Сузд.	Летописец Переяславля-Суздальского, изд. кн. Оболенским, 1851.
Псков. лет.	Псковская первая и вторая летописи в тт. IV—V Полн. Собр. Лет.
Р. И. Б. или Русск. Ист. Библ.	Русская историческая библиотека, изд. Археогр. Ком. С 1872 г., тт. I—XXXV.
Русск. достоп.	Русские достопамятности, изд. Общ. ист. и древн. Части I и II, 1816 и 1843.
Русск.-ливон. акт.	Русско-ливонские акты, собранные Напьерским. Изд. Археогр. Ком. 1868.
С. Г. Г. или Собр. Гос. Гр. и Дог.	Собрание государственных грамот и договоров. Изд. графа Н. Румянцева. Тт. I—IV, 1813—1828.
Сб. Арх. Инст.	Сборник Археологического Института. Книги I—VI.
Сб. акт. Лихачева.	Н. П. Лихачев. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках, 1895.
Сб. гос. зн.	Сборник государственных знаний. Под ред. В. П. Безобразова. Тт. I—VIII, 1874—1880.
Сб. Муханова.	Сборник Муханова. Изд. 2, 1866.
Сб. Р. И. О. или Сб. русск. ист. Общ.	Сборник императорского русского исторического общества.
Сб. Хилкова.	Сборник кн. Хилкова, 1879.
Синод.	Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. Изд. Арх. Ком., 1888.
Сузд.	Суздальская летопись, изд. вместе с Летописью по Лаврентьевскому списку (со стр. 466).
Тр. или Троиц.	Русская Правда по Троицкому списку.
Ул.	Уложение 1649 г.
Успенский сборн.	Сборник XII в. Московского Успенского собора. Вып. I, изд. под наблюдением А. А. Шахматова и П. А. Лаврова. М. 1899.
Хрест. или Вл.-Буданов. Хрестом.	Хрестоматия по истории русского права. Составил М. Владимирский-Буданов. Вып. I, изд. 6, 1908; в. II, изд. 5, 1914 и в. III, изд. 4, 1908.
Чт. Общ. ист.	Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском Университете.

СОДЕРЖАНИЕ.

II. Государственное устройство.

